

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА POLITICAL LINGUISTICS

4(106)'2024

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2024. – Вып. 4 (106). – 372 с. –
(Цена свободная).
ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Зарубежный опыт». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 81'27
ББК Ш100.621

Political Linguistics / editor-in-chief A.P. Chudinov ; Fed. St. Bud. HEI
П50 “Ural State Pedagogical University”. – Ekaterinburg, 2024. – Issue 4 (106). –
372 p. – (Free price).
ISSN 1999-2629

Information material certification category – 16+.

The journal is called upon to facilitate exchange of new information in the field of political linguistics, as well as in the sphere of interaction between language, culture and society. It has five main sections – “Theory of Political Linguistics”, “Political Communication”, “Language – Policy – Culture”, “Forensic Linguistic Expertise: Language and the Law”, and “Foreign Experience”. The journal is addressed to philologists, politologists, sociologists and all those interested in the problems of political communication.

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

4(106)'2024

Научный журнал

Учредитель: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайтах: journals.uspu.ru (сайт научных журналов Уральского государственного педагогического университета); <http://politlinguist.ru/>
- Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, id = 28049
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ

Екатеринбург 2024

Ministry of Education of the Russian Federation
Federal State Budgetary Higher Education Institution
“Ural State Pedagogical University”

POLITICAL LINGUISTICS

4(106)'2024

Scientific journal

Founder: FSB HEI “Ural State Pedagogical University”

- Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration certificate ПИ № ФС 77-76161 of 8.07.2019.
- The materials published in the journal are regularly uploaded at the platform of the Russian Science Citation Index (РИНЦ), http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049
- Registered by the ISSN Center and provided the International Standard Serial Number ISSN 1999-2629 of 14.05.2008
- Included in the catalog of periodicals Ulrich's Periodicals Directory
- The materials of the journal are published on the sites: journals.uspu.ru (the site of scientific journals of the Ural State Pedagogical University); <http://politlinguist.ru/>
- Since 2010 by the decision of the Presidium of VAK of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the journal has been included in the list of the leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main results of research in candidate and doctoral dissertations should be published
- Included in the United Catalog «Russian Press», Index 81955

Ekaterinburg 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *А. П. Чудинов*, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Заместители главного редактора

Э. В. Будаев Российский государственный профессионально-педагогический университет, Нижний Тагил, Россия
М. Б. Ворошилова Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Члены редакционной коллегии:

Ю. В. Богоявленская Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
Р. Гусман Тирадо Университет Гранады, Гранада, Испания
Е. В. Дзюба Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
С. В. Иванова Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
И. Иньиго-Мора Севильский университет, Испания
В. И. Карасик Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия
Н. Н. Кошкарлова Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия
С. Л. Кушнерук Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
Лю Хун Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай
В. А. Маслова Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь
Е. А. Нахимова Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
Н. Б. Руженцева Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
П. Серю Лозаннский университет, Швейцария
О. А. Солопова Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
З. К. Темиргазина Павлодарский государственный педагогический университет, Павлодар, Казахстан
Л. Цонева Велико-Тырновский государственный университет Св. Кирилла и Мефодия, Болгария
Ян Кэ Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай

Технический редактор: Д. О. Морозов

Заведующий отделом перевода: С. М. Поляков

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *A. P. Chudinov*, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Deputy Editors-in-Chief

E. V. Budaev Russian State Vocational Pedagogical University, Nizhniy Tagil, Russia

M. B. Voroshilova Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Editorial Board:

Y. V. Bogoyavlenskaya Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

R. Guzman Tirado University of Granada, Spain

E. V. Dzyuba Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

S. V. Ivanova Saint Petersburg University, St. Petersburg, Russia

I. Iñigo-Mora University of Seville, Spain

V. I. Karasik Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

N. N. Koshkarova South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia

S. L. Kushneruk Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

Liu Hong Dalian University of Foreign Studies, Dalian, China

V. A. Maslova Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus

E. A. Nakhimova Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

N. B. Ruzhentseva Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

P. Seriot University of Lausanne, Switzerland

O. A. Solopova South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Z. K. Temirgazina Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan

L. Tsoneva St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo, Bulgaria

Yang Ke Guangdong University of Foreign Studies, China

Technical editor: D. O. Morozov

Head of Translations Department: S. M. Polyakov

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	12
--	----

РАЗДЕЛ 1. СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Материалы Международной научной конференции

Международная научная конференция

«Современная политическая коммуникация»

(17–18 мая 2024 г., УргПУ).....	14
---------------------------------	----

Гридина Т. А. Коновалова Н. И. Ху Цзыяо	«Один пояс — один путь»: расширение пояса, уточнение пути (языковая игра в китайских мемах)	16
Дзюба Е. В.	<i>Англосаксонский дуэт</i> в реализации стратегии дезинтеграции коллективного Запада (по материалам выступлений М. В. Захаровой на брифингах МИД РФ).....	24
Долгов А. А.	Концептуальное отражение России в публикациях американских «мозговых центров» (опыт когнитивно-матричного анализа)	34
Еремина С. А.	Когнитивный стиль языковой личности ученого-историка в учебном дискурсе	46
Завьялова Н. А.	Политические нарративы детской литературы в контексте современного глобального лингвистического пространства.....	62
Кошкарлова Н. Н.	Когнитивно-дискурсивная характеристика образа будущего России: уровни и компоненты	68
Ник Ж.	Язык как средство управления сознанием	74
Сибиряков И. В.	Международная сеть TV BRICS: первый опыт медиакоммуникации	83
Солопова О. А. Кашяп Г. Нагаев Н. С.	Метафорический образ России в медиадискурсе Индии	89
Сунь Тяньцы	Ассоциативный контекст глагола «терпеть» и его производных в русской и китайской лингвокультурах	98

РАЗДЕЛ 2. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Альбеков Н. Н.	Эмерджентный потенциал понятия «вирус разума»	106
	<i>(на англ. яз.)</i>	

РАЗДЕЛ 3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Бабилова М. Р. Кружкова О. В.	Прецедентные феномены графических повреждений городского пространства как элемент политического дискурса	115
Вдовиченко Е. А. Медовикова Е. А.	Восприятие политического дискурса детской таргет-группой.....	122
Велентеенко М. В. Нахимова Е. А.	Образ медицинского работника через призму метафоры на примере российского и британского неинституционального медиадискурса.....	131

Горбань П. В.	Функциональные аспекты иронии и сарказма в авторских Telegram-каналах военных корреспондентов 144
Гулагаев И. Н. Курбанов И. А.	Сопоставительный анализ образа Турции в медийном и художественном дискурсах на русском и английском языках 156
Девятяров Д. В.	Построение сетевой фреймовой модели «Кризис легитимности власти» на материале русско- и англоязычного непрофессионального политического дискурса 167
Зарипов Р. И.	Когнитивное и метафорическое моделирование в медиадискурсе..... 175
Космодемьянская В. И. Лисенко М. В. Малыхина М. В.	Способы противостояния речевой агрессии в политическом диалогическом дискурсе 184
Коцюбинская Л. В. Марутина Е. А.	Феномен «культура отмены» в лингвофилософском осмыслении..... 190
Кошкарова Н. Н. Полякова Ю. В.	Метафорическая репрезентация палестино-израильского конфликта в официальном политическом дискурсе..... 197
Кузьмин К. Н.	Сравнение коммуникационных инструментов в сети Интернет в рамках предвыборной кампании на примере кандидата в президенты РФ, председателя Либерально-демократической партии России (ЛДПР) Леонида Эдуардовича Слуцкого 205
Мамонова Н. В.	Когнитивно-лингвосинергетические особенности медиадискурсивных практик (на материале газеты «Аргументы и факты» 1985–1987 гг. и 2015–2017 гг.) 218
Соколова М. А.	Использование корпусных инструментов в исследовании терминологии (на материале английского политического языка)..... 229
Спиридовский О. В.	Современный политический дискурс: общедоступность или специализированность? 235
Усенко Н. М.	Синтактика лексем «патриот», «патриотизм» и социальный контекст (на материале современного медиадискурса)..... 241
Чуриков М. П.	Прагмалингвистические аспекты использования атрибутивных словосочетаний для характеристики специальной военной операции на Украине в речах немецких политиков 249

РАЗДЕЛ 4. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Алексеева М. Л. Сало В. Э.	Сопоставительно-переводческий анализ зооморфных метафор (на примере переводов произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» на английский и немецкий языки) 260
Канель И. В.	Эволюция медиаобраза денег от советской эпохи до наших дней: лингвоаксиологический ракурс 268
Проскурнин Б. М.	Политическая составляющая — константа в историческом романе Британии? К вопросу о традициях и новациях..... 274

Халиуллина Д. А.	Оружейный дискурс как отдельный вид дискурса 284 (на англ. яз.)
------------------	--

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Ван Цюнь Рудаков М. А.	Поздравление с Днем Победы в официальной сфере (с позиции носителя китайской лингвокультуры) 289
Гуань Шаоян	Влияние прецедентных феноменов и метафор на процесс формирования образа страны в политических карикатурах 297
Ли Цзявэй	Исследование диахронических изменений русских переводов цифровых аббревиатур в «Докладах о работе Правительства Китая» 304
Ли Ян	Использование политической метафоры в третьем томе труда «Си Цзиньпин о государственном управлении» 316
Ма Лимин	Сопоставительный анализ отглагольных существительных в русских и китайских дипломатических документах 324
Пан Хайтун Чэнь Хуэй	Обзор исследований водных конфликтов и сотрудничества в бассейне Амударьи китайскими учеными 332
Сунь Фуцин Янь Дунмэй	Исследование методов и стратегий перевода образов крылатых слов в политическом дискурсе с точки зрения концепции воплощенного познания 339
Чжан Хунин Мухамеджанова Ш. Т. У Цзюань	Процесс латинизации государственного языка Казахстана в аспекте языкового ландшафта 349
Ян Ии	Ритуальный дискурс в политической коммуникации: механизм порождения, содержание и ценность (на материале праздничных поздравлений В. В. Путина) 356

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Евсеева И. В. Копнина Г. А.	Роль средств массовой коммуникации в информационно-психологической войне 363
--------------------------------	---

Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика» 369
--

CONTENTS

Editorial Principles of the Journal “Political Linguistics”	12
---	----

PART 1. MODERN POLITICAL COMMUNICATION

International Scientific Conference «Modern Political Communication» (May 17–18 2024, USPU)	14
Gridina T. A. Konovalova N. I. Hu Ziyao	One Belt One Road: Expanding the Belt and Specifying the Road (Language Game in Chinese Memes)
	16
Dziuba E. V.	<i>Anglo-Saxon Duo</i> in Realizing the Collective West Disintegration Strategy (Based on the Speeches by M.V. Zakharova at the Russian Foreign Ministry Briefings)
	24
Dolgov A. A.	Conceptual Reflection of Russia in the Publications of American “Think Tanks” (An Experience of Cognitive Frame Analysis)
	34
Eremina S. A.	The Cognitive Style of the Linguistic Personality of a Historian in Educational Discourse.....
	46
Zavyalova N. A.	Political Narratives of Children’s Literature in the Context of the Modern Global Linguistic Space.....
	62
Koshkarova N. N.	Cognitive-Discursive Characterization of the Image of Russia’s Future: Levels and Components
	68
Nick J.	Language as a Means of Consciousness Control
	74
Sibiryakov I. V.	The International TV BRICS Network: The First Experience of Media Communication.....
	83
Solopova O. A. Kashyap G. Nagaev N. S.	The Metaphorical Image of Russia in Indian Media Discourse.....
	89
Sun Tianci	The Associative Context of the Verb “terpet” and Its Derivatives in Russian and Chinese Linguocultures.....
	98

PART 2. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Albekov N. N.	The Emergent Potential of the Concept of “Mental Virus”
	(in English)
	106

PART 3. POLITICAL COMMUNICATION

Babikova M. R. Kruzhkova O. V.	Precedent Phenomena of Graphic Damage to Urban Spaces as an Element of Political Discourse
	115
Vdovichenko E. A. Medovikova E. A.	Perception of Political Discourse by Children of a Target Group.....
	122
Velenteenko M. V. Nakhimova E. A.	The Image of a Medical Worker Through the Prism of Metaphor on the Example of Russian and British Non-institutional Media Discourse
	131

Gorban' P. V.	Functional Aspects of Irony and Sarcasm on Authorial Telegram Channels of War Correspondents	144
Gulagaev I. N. Kurbanov I. A.	The Comparative Analysis of the Image of Turkey in the Russian and English Media and Literary Discourse	156
Devyatiyarov D. V.	Construction of a Network Frame Model "Power Legitimacy Crisis" Based on Russian- and English-Language Non-Professional Political Discourse.....	167
Zaripov R. I.	Cognitive and Metaphorical Modeling in Media Discourse.....	175
Kosmodem'yanskaya V. I. Lisenko M. V. Malykhina M. V.	Ways of Countering Verbal Aggression in Political Dialogue.....	184
Kotsyubinskaya L. V. Marutina E. A.	The Phenomenon of "Cancel Culture" in Linguo-Philosophical Interpretation	190
Koshkarova N. N. Polyakova Y. V.	Metaphorical Representation of Palestine-Israel Conflict i n Official Political Discourse	197
Kuz'min K. N.	Comparison of Communication Tools on the Internet During Election Campaign by the Example of the Russian Presidential Candidate, Chairman of the Liberal Democratic Party of Russia (LDPR) Leonid Slutsky.....	205
Mamonova N. V.	Cognitive and Linguo-Synergetic Features of Media Discourse Practices (On the Materials of the Newspaper "Argumenty I Fakty", 1985-1987 and 2015-2017).....	218
Sokolova M. A.	Corpus Tools of Terminological Research (On the Material of Political English Language)	229
Spiridovskiy O. V.	Common and Special Linguistic Features of Contemporary Political Discourse	235
Usenko N. M.	Syntactics of the Lexemes "Patriot" and "Patriotism" and Their Social Context (Based on the Material of Modern Media Discourse)	241
Churikov M. P.	Pragmalinguistic Aspects of Using Attributive Collocations to Characterize the Special Military Operation in Ukraine in the Speeches of German Politicians	249

PART 4. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Alekseeva M. L. Salo V. E.	A Comparative Analysis of Zoomorphic Metaphor Translations (Based on the English and German Translations of Solzhenitsyn's "The Gulag Archipelago")	260
Kanel' I. V.	Development of the Media Image of Money From the Soviet Times to Today: A Linguo-Axiological Perspective	268
Proskurnin B. M.	Is the Political Component a Constant Feature of the British Historical Novel? To the Issue of Traditions and Innovations	274

Khaliullina D. A.	Armaments Discourse as a Separate Type of Discourse 284 (in English)
--------------------------	---

PART 5. FOREIGN EXPERIENCE

Wang Qun Rudakov M. A.	Official Congratulations on Victory Day (From the Position of a Member of Chinese Linguoculture) 289
Guan Shaoyang	The Influence of Precedent Phenomena and Metaphors on the Process of Formation of the Image of the Country in Political Cartoons 297
Li Jiawei	A Study of Diachronic Change in Russian Translations of Numerical Abbreviations in Reports on the Chinese Government Activity 304
Li Yang	The Use of Political Metaphor in the Third Volume of Xi Jinping's "The Governance of China" 316
Ma Liming	A Comparative Analysis of Verbal Nouns in Russian and Chinese Diplomatic Documents 324
Pang Haitong Chen Hui	A Review of the Studies Devoted to Water Conflicts and Co-operation in the Amu Darya Basin by Chinese Scholars 332
Sun Fuqing Yan Dongmei	An Embodied Cognitive Study of Methods and Strategies of Russian Translations of Catch Phrases in Political Discourse 339
Zhang Hongying Mukhamedzhanova Sh. Wu Juan	The Process of Latinization of the Official Language of Kazakhstan in the Aspects of Language Landscape 349
Yang Yiyi	Ritual Discourse in Political Communication: Generation Mechanism, Content and Value (On the Material of Greetings by V.V. Putin) 356

PART 6. REVIEWS. CHRONICLE

Evseeva I. V. Kopnina G. A.	The Role of Mass Media in Information and Psychological Warfare 363
Manuscripts Requirements 369	

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, поможет наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Зарубежный опыт», предназначенный для публикации как современных исследований зару-

бежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Зарубежный опыт»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны. Осуществляется двойное «слепое» рецензирование присланных материалов, при котором рецензенты не знают автора статьи.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

**Принципы автора журнала
«Политическая лингвистика»**

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований. Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию жур-

нала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного (каб. 285).

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.,
shinkari@mail.ru.

Интернет-сайт: <http://politlinguist.ru/>

***С уважением
и надеждой на сотрудничество:***

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Материалы Международной научной конференции

17–18 мая 2024 г. в УрГПУ прошла Международная научная конференция «Современная политическая коммуникация»

В день открытия конференции, 17 мая 2024 г., на пленарном заседании были затронуты магистральные темы и направления в современном коммуникативном пространстве. Открыл конференцию Анатолий Прокопьевич Чудинов, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, докладом на актуальную тему: «Информационная война: образ России в украинских СМИ». Доклад доктора филологических наук Татьяны Александровны Гридиной и доктора филологических наук Надежды Ильиничны Коноваловой «Один пояс — один путь: расширение пояса — уточнение пути (языковая игра в китайских мемах)» был посвящен взгляду китайских социальных сетей на современную политическую ситуацию в мире. Доктор культурологии Наталья Алексеевна Завьялова рассказала об особенностях детской литературы Пакистана, которая отражает и формирует современное социокультурное пространство страны. Наталья Борисовна Руженцева, доктор филологических наук, представила портреты политиков, которые формируются в дискурсе печатных СМИ.

В ходе конференции участники затронули ряд важных аспектов современной социополитической ситуации.

Вопросам медиакоммуникации были посвящены доклады ученых из Челябинска. Так, Ольга Александровна Солопова, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета, аспирант Кашяп Гаутам и магистрант Никита Сергеевич Нагаев поделились исследованиями того, как представлен метафорический образ России в медиадискурсе Индии. Доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории ЮУрГУ Игорь Вячеславович Сибиряков рассказал о Международной сети TV BRICS как первом опыте медиакоммуникации. В ракурсе дипломатического дискурса выступила Елена Вячеславовна Дзюба, доктор филологических наук, профессор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. Ее исследование «„Англосаксонский дуэт“ как

языковой маркер стратегии дезинтеграции коллективного Запада в дипломатическом дискурсе» затронуло болевые точки современного лингвосоциокультурного пространства. Политический дискурс был представлен в исследовании Данилы Юрьевича Ланских, аспиранта кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстологии Департамента «Филологический факультет» УГИ УрФУ. Освещая проблемы связи языка, политики и культуры, выступили Наталья Николаевна Кошкарова, доктор филологических наук, профессор кафедры международных отношений, политологии и регионоведения ЮУрГУ; Полина Семеновна Налбандова, магистрант кафедры русского, славянского и общего языкознания, лаборант кафедры медиакоммуникаций и журналистики Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; Ху И-юнь, старший преподаватель Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли КНР; Марина Рашитовна Бабилова, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики, русского языка как иностранного, и Ольга Владимировна Кружкова, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и конфликтологии УрГПУ; Софья Сергеевна Ставицкая, ассистент кафедры издательского дела УрФУ; Ник Жером, инженер-исследователь УрФУ; Елена Борисовна Каган, кандидат филологических наук, доцент УрГЮУ; Екатерина Николаевна Герасименко, студентка СурГУ; Кун Вэйкань, аспирант кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ; Магомед Мурадович Магомедов, магистрант кафедры лингвистики и переводоведения СурГУ; Василина Вадимовна Савиновских, старший преподаватель кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного ИФМК УрГПУ; Чэнь Шулин, старший преподаватель, помощник директора Цзилиньского университета иностранных языков КНР.

Преподаватели кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного осветили важность профессиональной методической составляющей в межкультурной коммуникации при изучении русского языка и культуры. Марина Львовна

Гусельникова, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики, русского языка как иностранного УрГПУ осветила явление «политграмматики» как общественно-политического контента в учебниках грамматики РКИ. Олеся Владимировна Феоктистова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного ИФМК УрГПУ коснулась проблемы жанровоориентированного подхода в подготовке будущих учителей РКИ. Светлана Александровна Ерёмина, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного ИФМК УрГПУ, представила доклад на тему «Когнитивный стиль историка-преподавателя». Преподаватели из Кыргызстана рассказали о различных аспектах влияния европейской духовной культуры на формирование подрастающего поколения страны. В частности, Мусабек Маматович Сатыбалдиев, старший преподаватель Ошского государственного педагогического университета, рассказал о том, как классическая педагогика формирует духовно-нравственные ценности учащихся, Салтанат Ахуновна Мадалиева, старший преподаватель Ошского государственного педагогического университета имени А. Ж. Мырсабекова, отметила важность использования инновационных технологий в образовательной деятельности по речевому развитию детей дошкольного возраста, а преподаватель Эльвира Турдубековна Турдубекова указала на особую роль и значение русской литературы в подготовке компетентных педагогических кадров в условиях Кыргызстана.

На дискуссионной площадке «Межкультурная коммуникация и информационно-коммуникативные образовательные технологии в изучении языков и культур» выступили преподаватели и студенты г. Екатеринбурга и Симферополя. Наталия Анатольевна

Юшкова, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского, иностранных языков и культуры речи УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, и Анна Дмитриевна Арзянцева, аспирант Гуманитарного университета, коснулись проблемы политической индифферентности современной молодежи. Виктория Леонидовна Кондратская, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций ИММИД КФУ им. В. И. Вернадского, и Дарья Мироненко, студентка КФУ им. В. И. Вернадского, выступили с докладом «Вконтакте как канал коммуникации для молодёжи». Студенты ИФМК УрГПУ представили доклады, касающиеся частных вопросов преподавания русского языка как иностранного. Тамара Вадимовна Сорокина рассказала о дидактическом потенциале советских мультфильмов в преподавании РКИ; Екатерина Алексеевна Терех осветила понятие творческого портрета персоналии в лингвистической и лингвометодической литературе; Полина Алексеевна Лебедева затронула проблему методики использования сценических этюдов в обучении русскому языку как иностранному (на материале художественных произведений); Алина Фонова поделилась проблемами межкультурного взаимодействия в процессе обучения РКИ, было дано обобщение педагогического опыта взаимодействия кафедры межкультурной коммуникации, риторики и РКИ с членами православной общины г. Саргодха, Исламской Республики Пакистан.

Итогом конференции явилось обсуждение проблем взаимодействия стран развитого мира и стран третьего мира. На круглом столе «Европа — Россия — Азия — языковой и межкультурный диалог» выступили ученые из Исламской Республики Пакистан.

В конференции приняли участие представители научного сообщества Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Исламской Республики Пакистан, Российской Федерации.

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 811.581'42+811.581'38
ББК Ш171.1-51+Ш171.1-55

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Татьяна Александровна Гридина^{1,3}✉, Надежда Ильинична Коновалова^{1,2,4}✉, Ху Цзыяо^{2,5}✉

¹ Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

² Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

³ tatyana_gridina@mail.ru ✉, SPIN-код: 9100-3240, <https://orcid.org/0000-0001-9675-1367>

⁴ sakralist@mail.ru ✉, SPIN-код: 5984-0528, <https://orcid.org/0000-0002-8541-1014>

⁵ lx20000402@gmail.com ✉

«Один пояс — один путь»: расширение пояса, уточнение пути (языковая игра в китайских мемах)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается специфика поликодового текста применительно к жанру мема. В фокусе анализа оказываются ресурсы китайского интернета, обыгрывающие тему «Один пояс — один путь» как одну из центральных инициатив общественно-политической стратегии Китая в глобальном взаимодействии государств — участников данного проекта. Выявляются конструктивные принципы языковой игры, моделирующие ассоциативный контекст восприятия вербального и невербального кодов структурирования мема. Наиболее популярными для данного контента являются принципы «ассоциативного наложения, ассоциативной выводитимости, ассоциативной провокации» (термины Т. А. Гридиной). Определяются основные векторы восприятия ключевого слогана в свете игровых приемов его актуализации: смысловая вариативность сочетания китайских иероглифов, графодеривация, отсылка к прецедентным феноменам и др. Предлагается методика анализа мема с учетом внеязыковых пресуппозиций и выводимых оценочных импликаций. При этом особое внимание уделяется интерпретации содержания мема с привлечением особенностей китайской иероглифики, метафоры, колористической символики невербального ряда мема и смысловых афористических коннотаций, привносимых в содержание поликодового текста в целом. В результате проведенного анализа выявлены основные аспекты тематического развертывания слогана: расширение понятия «пояс» в плане его геополитической ориентации (в частности, это присоединение к проекту не только стран Азиатского региона); уточнение понятия «путь» как стратегии развития и укрепления всесторонних международных связей, так и коммерциализации самого бренда «один пояс — один путь» (ср., например, появление таких игровых трансформ, как «спортивный шелковый путь», «легкий доступ = удобная транспортная развязка», а также метафорические симиляры типа «мировой экономической пироги» и др.). Сделанные наблюдения в полной мере отражают национальную специфичность мема как поликодового текста, в то же время выискивая универсальные механизмы языковой игры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, китайский язык, Интернет, интернет-пространство, интернет-коммуникация, интернет-технологии, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-ресурсы, языковые средства, интернет-мемы, языковая игра, поликодовые тексты, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, политические метафоры, прецедентные феномены.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, офис 281; email: tatyana_gridina@mail.ru.

Коновалова Надежда Ильинична, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, офис 281; профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; email: sakralist@mail.ru.

Цзыяо Ху, магистрант кафедры русского языка для иностранных учащихся, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620083, Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; email: lx20000402@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гридина, Т. А. «Один пояс — один путь»: расширение пояса, уточнение пути (языковая игра в китайских мемах) / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова, Ху Цзыяо. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 16-23.

Tat'yana A. Gridina^{1,3}✉, Nadezhda I. Konovalova^{1,2,4}✉, Hu Ziyao^{2,5}✉

¹ Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

² Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

³ tatyana_gridina@mail.ru ✉, SPIN code: 9100-3240, <https://orcid.org/0000-0001-9675-1367>

⁴ sakralist@mail.ru ✉, SPINcode: 5984-0528, <https://orcid.org/0000-0002-8541-1014>

⁵ lx20000402@gmail.com ✉

One Belt One Road: Expanding the Belt and Specifying the Road (Language Game in Chinese Memes)

ABSTRACT. *The article examines the specificity of the polycode text in relation to the meme genre. The analysis focuses on the resources of the Chinese Internet which bring up the theme of “One Belt, One Road” as one of the central initiatives of China’s socio-political strategy in the global interaction between the states participating in this project. The study reveals the constructive principles of the language game, modeling the associative context of perception of verbal and non-verbal codes of meme structuring. The most popular principles of this content are those of “associative overlay, associative derivability, and associative provocation” (terms suggested by T. A. Gridina). The authors identify the main vectors of perception of the key slogan in the light of the game techniques of its actualization: semantic variability of the combination of Chinese characters, grapho-derivation, reference to precedent phenomena, etc. They suggest a system of methods of analyzing a meme taking into account non-linguistic presuppositions and derived evaluative implicatures. At the same time, special attention is paid to the interpretation of the content of the meme, involving the specific features of Chinese hieroglyphics, metaphors, coloristic symbolism of the non-verbal plane of the meme and semantic aphoristic connotations introduced into the content of the polycode text as a whole. As a result of the undertaken analysis, the main aspects of the thematic unfolding of the slogan are revealed: the expansion of the concept of the “belt” in terms of its geopolitical orientation (in particular, it means participation in the project of not only countries of the Asian region); specification of the concept of “road” as a strategy for developing and strengthening comprehensive international relations, as well as the commercialization of the “one belt, one road” brand itself (cf., for example, the appearance of such language game collocations as “sports Silk Road”, “easy access = convenient transportation”, as well as metaphorical similes such as “world economic pie”, etc.). The observations made fully reflect the national specificity of the meme as a polycode text, at the same time highlighting the universal mechanisms of language game.*

KEYWORDS: *political discourse, Chinese language, Internet, Internet space, Internet communication, Internet technologies, Internet discourse, Internet texts, Internet resources, language means, Internet memes, language game, polycode texts, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, political metaphors, precedent phenomena.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Gridina Tat’yana Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of General Linguistics and Russian Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

Konovalova Nadezhda Ilyinichna, Doctor of Philology, Professor of Department of General Linguistics and Russian Language, Ural State Pedagogical University; Professor of Department of Russian for Foreign Students, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

Hu Ziyao, Master’s Degree Student of Department of Russian for Foreign Students, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: *Gridina T. A., Konovalova N. I., Hu Ziyao. (2024). One Belt One Road: Expanding the Belt and Specifying the Road (Language Game in Chinese Memes). In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 16-23. (In Russ.).*

要想致富，就修路

«Хочешь стать богатым —
построй дорогу» (китайская поговорка)

ВВЕДЕНИЕ

Осенью 2023 г. исполнилось десять лет с момента выдвижения Председателем КНР Си Цзиньпином инициативы «Один пояс — один путь» — интеграционного проекта, в котором предлагается видение Китаем перспектив международного сотрудничества¹. В нем отражаются подходы Пекина к реформе системы глобального взаимодействия разных стран. В настоящее время становится возможным оценить промежуточные результаты этого крупномасштабного начинания, объединившего в себе два вектора развития — инициативу Экономического пояса Шелкового пути (сухопутный трек) и инициативу Морского Шелкового пути XX века (морской трек), ориентированных на

транснациональное взаимодействие. По данным официального портала «Один пояс — один путь», участниками этого проекта стали уже 152 страны и 32 международных организации, которые подписали с Китаем более 200 соглашений о сотрудничестве.

Об успешности инициативы «Один пояс — один путь» также свидетельствуют широко-масштабные планы по созданию и запуску международных экономических коридоров — Нового Евразийского континентального моста (железнодорожное сообщение протяженностью 10 870 км, соединяющее европейский Роттердам с восточно-китайским портовым городом Ляньюньган); экономического коридора Китай — Монголия — Россия; экономического коридора Китай — Центральная Азия — Западная Азия (проходит через Ка-

¹ Этот проект является своего рода «преемником» древнего Великого шелкового пути, который до XV века служил средством связи Восточной Азии и Средиземноморья.

захстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Иран и Турцию); экономического коридора Китай — полуостров Индокитай (проходит через Вьетнам, Лаос, Камбоджу, Таиланд, Мьянму и Малайзию); Китайско-пакистанского экономического коридора; экономического коридора Бангладеш — Китай — Индия — Мьянма.

Обозначенная тема чрезвычайно актуальна как для политологии, так и для лингвистической интерпретации этой проблематики в разных сферах и жанрах политдискурса. См., например, анализ цифровой среды в организации индивидуального ментального опыта говорящих [Бубнова 2020]; выявление языковых средств преобразования идеологических смыслов в политдискурсе [Быков, Купина 2013], исследование психолингвистических аспектов порождения и восприятия поликодовых текстов разных жанров в свете лингвокреативных практик современного социума [Российская психолингвистика... 2021; Гридина, Коновалова 2022; Коновалова, Ян 2021; Попова 2013; Стеклова, Лаппо 2022; Шмелева 2014 и др.].

Особый интерес для анализа в указанных аспектах представляет собой жанр интернет-мемов с использованием кодов языковой игры. Языковая игра понимается нами как «...особая форма лингвокреативного мышления, основанного на механизмах одновременной актуализации и переключения, ломки ассоциативных стереотипов восприятия, употребления и порождения вербальных знаков и проявляющего творческую инициативу говорящих в обновлении языкового канона. Значимым в плане дешифровки «игремы» (продукта языковой игры) является ее соотношение с прототипом, на фоне которого осознается нестандартный характер ассоциативной „обработки“ исходной информации» [Гридина 2020: 75]. В качестве кодов языковой игры рассматриваются разноразличные языковые средства и механизмы, деканонирующие содержание и форму визуальных словесных знаков, что предполагает дешифровку их нового ассоциативного контекста с учетом заданных аспектов восприятия игровой трансформы в сравнении с прототипом (см. подробнее об этом в [Гридина 2020]). Исследование лингвокреативных практик разного рода получает развитие в свете соотношения нормы и аномалии — как непреднамеренной, так и преднамеренной (см., например: [Леденева 2022]), «грамматики говорящего и слушающего» (см.: [Норман 2024]), многофункциональности форм творческой речемыслеиспытательной дея-

тельности (см., например: [Устинова 2022; Чиждова 2022]).

Материал для анализа извлечен методом фокус-выборки мемов соответствующей тематики из китайских интернет-ресурсов (см. список источников). Полученный контент подтверждает востребованность такого рода текстов как отражения актуальной и социально значимой для обсуждения проблематики.

В этом смысле **мем** (в особенности в сфере интернет-коммуникации) выступает как жанр, транслирующий определенную информацию в многовекторном тематическом регистре, развивающем определенную идею, многократно ее репродуцируя («реплицируя» [Докинз 1993]) и трансформируя, в том числе с помощью разных игровых приемов.

Анализ интернет-мемов в заявленном ключе коррелирует с теорией игрового текста как феномена, в котором нестандартный, «...намеренно условный» вербальный и / или невербальный код выступает «... смыслообразующим началом <...> трансляции авторской идеи, требующим дешифровки, иначе текст рассыпается, „самоаннигилируется“. Эвристическая функция языковой игры выходит в таком тексте на первый план» [Гридина 2018: 273].

Игровой текст может иметь поликодовый характер, «соединяя в себе компоненты разных семиотических систем, что, в частности, является приоритетным для моделирования эффекта воздействия на адресата» [Гридина, Коновалова 2022: 168]. К такого рода игровым текстам относится большинство современных интернет-мемов, представляющих актуальную, значимую для социума тематику с помощью креативного, часто парадоксального, соединения визуального и словесного ряда.

Методика анализа мема в соответствии с обозначенными выше параметрами включает в себя ряд последовательных процедур, выявляющих **ассоциативный потенциал игровых трансформ** через соотношение **вербального** и **невербального компонентов** текста, а также **используемых конструктивных принципов и кодов языковой игры**.

Приведем некоторые наиболее показательные примеры из подборки мемов, обыгрывающих тему «Один пояс — один путь» в современной китайской интернет-коммуникации. Продемонстрируем предложенный выше алгоритм более подробно в комментарии к одному из мемов (см. рис.1) [URL: <https://read01.com/kk38KE.html>]

Рис. 1

Данный мем представляет собой поли-модальный текст, в котором соединяются невербальный и вербальный коды, обыгрывающие символику совместного движения разных стран по общему пути к экономическому благополучию.

Невербальный код анализируемого мема включает в себя несколько символических знаков визуализации передаваемого им смысла: 1) караван верблюдов в пути; китайская стена, изображение которой аллегорично отсылает к истории возникновения древнего Великого шелкового пути, караванной дороги, связывавшей Восточную Азию со Средиземноморьем; 2) визуальный ряд пути, спроецированный на карту мира, где красная стрелка показывает направление движения от Китая через Ближний Восток к Африке; 3) цветовая палитра букв ABCD, представленных на рисунке как опора пути, имеет стереотипную символику соотношения с определенным континентом: *синий* (A) — Европа, *желтый* (B) — Азия, *зеленый* (C) — Австралия. *Красный* (D) цвет, который традиционно ассоциируется с американским континентом, в данном случае отождествляется с Китаем — инициатором проекта «Один пояс — один путь» (ср. оценочно коннотированные значения красного цвета в китайской лингвокультуре: «радость, успех, защита, удача, расцвет, счастье, богатство, цвет солнца и огня» и др.); 4) свою символику имеет изображение пары рук, которые как бы «строят» путь, используя в качестве опоры для моста разные языки (= указание на совокупность народов, участвующих в этом проекте). Подчеркнем в этой связи тот факт, что Китай в настоящее время прилагает большие усилия для привлечения и подготовки специалистов, говорящих на иностранных языках, поскольку это основа для успешного завершения проекта «Один пояс — один путь».

Вербальный код мема содержит в себе графические элементы разных языков: над-

пись «一带一路 (один пояс — один путь)» на «полотне» моста соединяется с латинскими буквами, на каждой из которых представлен определенный иероглиф:

- на букве A — 语 — «язык»,
- на букве B — 言 — «слово»,
- на букве C — 战 — «война»,
- на букве D — 略 — «немного».

В совокупности эти иероглифы составляют значение выражения 语言战略 — «языковая стратегия», в буквальном смысле «язык, слово лучше, чем даже небольшая война» (ср. идею «мягкой силы», предполагающей использование языка дипломатии в международных контактах).

Этот элемент мема содержит также аллюзию на символический прецедент: алфавит = азы чего-либо (последовательность букв латиницы как обозначение начала и дальнейшего развития, в данном случае это метафора пути как вектора, объединяющего интересы разных стран, входящих в этот проект).

Код языковой игры — контаминация отмеченных смыслов, создающая эффект «ассоциативной интеграции» и «ассоциативного наложения» [Гридина 2020] при восприятии вербального и невербального компонентов мема. Аллюзивная составляющая мема в обыгрываемом ключевом слогане 一带一路 «Один пояс — один путь» поддерживается самой системой китайской иероглифики, в которой разные сочетания одних и тех же знаков выражают вариативные значения, при объединении которых возникает новый, метафорический, смысл. Ср. графические элементы анализируемого мема: 带一路 «вести до конца» + 带路 «проложить путь» = 一带一路 «один пояс — один путь» + 语言战略 «языковая стратегия» (метафора достижения результата как последовательно реализуемых совместных усилий, объеди-

няющих языки и народы: путь прокладывается с помощью языковой стратегии — языка дипломатии).

Следующий мем (см. рис. 2) из полученной нами фокус-выборки [URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/16181.html>] содержит ярко

выраженную прецедентную игровую доминанту, представляя собой своеобразную визуализацию классической цитаты Архимеда: «Дайте мне точку опоры, и я переверну землю».

Рис. 2

Составляющими этого визуального гештальта выступают а) антропоморфизированный образ китайского дома в виде большой красной стрелы с надписью 一带一路 «Один пояс — один путь». По объяснению китайских респондентов, «это стрела, которая с помощью точки опоры прыгнула и подняла с земли большой торт»;

б) сама визуализированная точка опоры в виде стоящей на земном шаре пирамиды, на которой балансируют качели, может быть интерпретирована как отсылка к выражению *центр земли* и буквальному переводу названия Китай (中国 zhōngguó — срединное государство, срединная империя). Эта аллюзия поддерживается в свою очередь изображением торта, символизирующего увеличение мирового «экономического пирога» с помощью программы Китая «Один пояс — один путь».

Кодом языковой игры является создание двуплановости восприятия известного афо-

ризма путем его визуальной буквализации (каждая страна-участница проекта получит свой кусок торта). Эффект ассоциативного наложения переносного и прямого смысла фразы поддержан, в частности, оценочными коннотациями слова *торт* в китайской лингвокультуре: это элемент праздника или какого-либо важного события (в данном случае импликатура триумфа, своего рода метафорический симиляр успешной реализации инициированного Китаем международного проекта). Ср. китайские метафорические номинации 繁荣蛋糕 «торт процветания», 祝你好运蛋糕 «торт удачи», 快乐蛋糕 «счастливым тортом».

В ряде мемов наблюдается игровая трансформация, связанная с **коммерциализацией самого бренда** «Один пояс — один путь». См., например, рис. 3 [URL: <https://life.mingpao.com/general/article?issue=20160928&nodeid=1508672039510>].

Рис. 3

В поликодовой структуре мема актуализируется ситуация на внутреннем рынке Китая, когда проекты, казалось бы, не имеющие прямого отношения к инициативе «Один пояс — один путь», используют в рекламе своих услуг лексику и ассоциативные отсылки к данной концепции (ср., например, игровую трансформу «*Спортивный Шелковый путь*», которую различные игроки внутри китайской политической системы используют для того, чтобы получить одобрение лидера, финансирование и публичность).

Так, в приведенном меме (см. рис. 3) обыгрывается семантика слова «путь» как привязка к определенным сферам внутреннего экономического роста Китая, педалируется перспектива масштабного развития инфраструктуры, промышленных и жилых массивов и т. п.

Невербальный видеоряд мема представлен картиной крупного торгового молла, в центральной части которого расположен огромный рекламный щит с надписью «一带一路 «Один пояс — один путь»».

Эффект языковой игры в данном случае основан на принципе «ассоциативной выводимости» [Гридина 2020]. На первый взгляд, обрамляющие ключевой слоган подзаголовки противоречат ожиданиям потенциального адресата рекламы (ср. стереотипные предположения восприятия ставшего прецедентом лозунга «*международное сотрудничество азиатских государств с другими странами в области экономики, политики, культуры*»; «*Китай — страна, открывающая путь к всеобщему благоденствию*» и т. п.). Однако анализ соотношения содержания основного слогана с расположенными непосредственно под ним коммерческими рекламными предложениями на этом же щите по продаже земли и недвижимости на

внутреннем рынке Китая позволяет вывести импликатуры, связывающие мем в целом с идеей «пути»:

- 大量棕土任用 («В нашем распоряжении большое количество коричневой земли»);
- 讲价丰俭随意 («Торгуйтесь сколько угодно и как угодно» = цена договорная = торг уместен);
- 首次置业首选 (Для первых покупателей приоритетный выбор).

Слева от основного слогана на **красном** цветовом фоне написано: 必赚!!!! («Деньги должны работать!!!!»). Императивно (четыре восклицательных знака) подчеркивается идея активного **продвижения** (коммерческого использования) денежных средств. Ср. также «выделительную» символику красного цвета, акцентирующего прагматическую значимость предложения.

Слева внизу от основного слогана на **зеленом** фоне размещена информация о банковских услугах: CIBANK 免息 (Банк Китая беспроцентный). Ср. потенциально выводимые импликатуры «зеленая улица», «зеленый свет» как знаки беспрепятственного **движения (пути)** к успеху.

Справа сверху на **жёлтом** фоне написано: 1. 沿途 («По пути» = сопровождение). 2. 地产业 («Недвижимость»). 3. 代理 («Агент»). Здесь непосредственно обыгрывается семантика ключевого слова «путь», отсылающего к слогану «Один пояс — один путь».

Справа внизу на **голубом** фоне представлен рекламный лозунг: 交通便利 («Лёгкий доступ, удобная транспортная развязка»). Ср. символику голубого цвета в китайском языке: «прогресс, открытое пространство неба и моря» и т. п., что актуализирует идею беспрепятственного движения по **данному пути**.

В целом рассмотренный мем связан с тем, что инициатива «Один пояс — один путь» создает неограниченные возможности для бизнеса Китая и других стран, расположенных вдоль маршрута.

ВЫВОДЫ

Полученные результаты интерпретации мемов из тематической выборки «Один пояс — один путь» в полной мере коррелируют с максимой, представленной в качестве эпиграфа к данной статье: *要想致富, 就修路 «Хочешь стать богатым — построй дорогу».* Данная китайская поговорка в прямом и переносном смысле актуализирует идею благополучия и процветания через разворачивание сюжета пути.

В подобных мемах на первый план выходит *символическая визуализация* ситуаций, отсылающих к разного рода аллюзиям, предполагающим дискурсивное выведение заданных имплицатур в русле концепции инициированного Китаем проекта «Один пояс — один путь».

Для китайской лингвокультуры символика — одно из самых «сильнодействующих» средств воплощения смыслов, о чем свидетельствует, в частности, композиционная организация мемов, обыгрывающая ассоциативную «семантику» цвета и пространственного расположения ключевого слогана в сочетании с другими элементами транслируемой информации и т. п.

Одной из наиболее ярких особенностей проанализированных мемов является соединение алфавитных систем разных языков (графодеривация в широком смысле этого слова как контаминационный прием создания игровых трансформ в структуре поликодового текста).

Национальная специфичность китайских мемов, связанная с прецедентной символической передаваемых смыслов и поддержанная визуальным рядом, вместе с тем отражает универсальные принципы языковой игры, в частности, такие как «ассоциативная провокация», «ассоциативное наложение» и «ассоциативная выводимость».

Предложенная методика комплексного анализа мема как поликодового игрового текста продуктивна для считывания интенции его создателей с учетом заданных оценочных имплицатур.

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА

1. 尊子漫畫. 一帶一路[N]. 明報, 08.09.2016 = Комиксы Цзунцзы. Один пояс — один путь // Минг Пао, 08.09.2016. — URL: <https://life.mingpao.com/general/article?issue=20160928&nodeid=1508672039510> (дата обращения: 10.05.2024).
2. 李少民. 一帶一路[N]. 財訊, 08.09.2016 = Ли Шаоминь. Один пояс — один путь // Финансовые новости. — 08.09.

2016. — URL: <https://www.wealth.com.tw/articles/dfc60a6f-4b61-4924-ab79-80937910cсаа> (дата обращения: 12.05.2024).

3. 崔艳宇. 超5成受访青年认为“一带一路”对未来生活选择影响大[N]. 中国青年报, 15.06.2017 = Цуй Яньюй. China Youth Daily. — 15.06.2017. — URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/16181.html> (дата обращения: 10.05.2024).

4. kmba 园长论坛, 兔姐漫画.“一带一路”是个啥? 幼儿园老师这样告诉孩子们![N]. 搜狐, 15.06.2017. = Что такое «Один пояс — один путь»? Воспитательница детского сада рассказывает детям об этом! // Sohu. — 15.06.2017. — URL: https://www.sohu.com/a/143593009_498131 (дата обращения: 12.05.2024).

5. Sunrise Young Warrior. 中国在造血, 美西方在吸血啊! [N]. 观察者网, 30.10.2023. = Guancha. — 30.10.2023. — URL: <https://user.guancha.cn/main/content?id=1114248> (date of access: 12.05.2024).

6. 马来西亚漫画. 风声雨声鸟声! [N]. Facebook, 30.10.2023 = Малазийские комиксы. Шум ветра и шум дождя! [N]. Facebook, 30.10.2023. — URL: <https://www.facebook.com/dudusheng/photos/a.2228374284063632/2397436753824050/?type=3> (дата обращения: 09.05.2024).

7. 王辉.“一带一路”上的国家语言需求[N]. 社会科学报第1523期, 25.08.2016. = Ван Хуэй: Потребности в национальных языках в рамках «Пояса и пути» // Журнал «Общественные науки». — 2016. — No 1523. — 25 авг. — URL: <https://read01.com/kk38KE.html> (дата обращения: 12.05.2024).

8. 韩鹏, Sunrise Young Warrior. 中东十年: “一炸一路” VS “一带一路”[N]. 澎湃新闻, 03.01.2024. = Хань Пэн. «Восход молодого воина». Десятилетие на Ближнем Востоке: «Одна бомба, одна дорога» против «Одного пояса, одного пути» // Новости The Paper. — 03.01.2024. — URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_25791583 (дата обращения: 08.05.2024).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бубнова, И. А. Роль цифровой среды в организации индивидуального ментального опыта / И. А. Бубнова. — Текст : непосредственный // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2020. — № 18. — С. 5–10.
2. Быков, Л. П. Языковая игра как средство преобразования идеологических смыслов / Л. П. Быков, Н. А. Купина. — Текст : непосредственный // Лингвистика креатива. — 2-е изд. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. — 369 с. — С. 269–291.
3. Гридина, Т. А. Речежанровый потенциал языковой игры в художественной литературе для детей / Т. А. Гридина. — Текст : непосредственный // Филологический класс. — 2020. — Т. 25, №1. — С. 73–85. — DOI 10.26170/FK20-01-07.
4. Гридина, Т. А. Смысловая перспектива слова в игровом художественном тексте / Т. А. Гридина. — Текст : непосредственный // Лингвистика креатива — 4 : коллект. моногр. / под ред. Т. А. Гридиной ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2018. — С. 270–281. — ISBN 978-5-7186-0556-3.
5. Гридина, Т. А. «Читаем знаки»: аспекты восприятия игрового поликодового текста в пространстве современного города / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. — Текст : непосредственный // Научный диалог. — 2022. — Т. 11, № 8. — С. 166–184. — DOI 10.24224/2227-1295-2022-11-8-166-184.
6. Докинз, Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. — Москва : Мир, 1993. — 316 с. — Текст : непосредственный.
7. Коновалова, Н. И. Экспериментальное исследование восприятия китайской социальной рекламы / Н. И. Коновалова, Ян Ч. — Текст : непосредственный // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2021. — № 19. — С. 53–59.
8. Леденева, В. В. Норма как мерило лингвокреативности / В. В. Леденева. — Текст : непосредственный // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. — 2022. — № 2. — С. 167–176.
9. Норман, Б. Ю. Грамматика слушающего / Б. Ю. Норман. — Москва : Флинта, 2024. — 320 с. — Текст : непосредственный.
10. Попова, Т. В. Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX–XXI вв. / Т. В. Попова. — Текст : непосредственный // Лингвистика

креатива / Урал. гос. пед. ун-т. — 2-е изд. — Екатеринбург : [б. и.], 2013. — 369 с. — С. 147–176.

11. Российская психоллингвистика: итоги и перспективы (1966–2021) / О. Г. Абакумова, Т. А. Ахутина, В. Н. Базылев [и др.]. — Москва : Институт языкознания РАН, 2021. — 626 с. — DOI 10.30982/978-5-6045633-7-3. — Текст : непосредственный.

12. Стеклова, Т. И. Различия в языковой рефлексии стандартной и творческой языковой личности / Т. И. Стеклова, М. А. Лаппо. — Текст : непосредственный // Психоллингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2022. — № 20. — С. 51–67.

13. Устинова, Т. В. Многофункциональность лингвокреативности в обеспечении речемыслительной деятельности человека / Т. В. Устинова. — Текст : непосредственный // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. — 2022. — № 2. — С. 66–77. — DOI 10.26170/23067462_2021_02_06.

14. Чижова, Л. А. Восприятие и понимание адресата в диалоге с текстом — психоллингвистические аспекты / Л. А. Чижова. — Текст : непосредственный // Вопросы психоллингвистики. — 2022. — № 2 (52). — С. 121–131. — DOI 10.30982/2077-5911-2022-52-2-121.

15. Шмелева, Т. В. Современная медиапрактика с позиций теории речевых жанров / Т. В. Шмелева. — Текст : непосредственный // Медиалингвистика. — 2014. — № 53. — С. 51–55.

MATERIALS

1. Zongzi Comics (2016, Aug. 9). One Belt, One Road. *Ming Pao*. Retrieved Oct. 5, 2024, from <https://life.mingpao.com/general/article?issue=20160928&nodeid=1508672039510> (In Chinese)

2. Li Shaomin (2016, Aug. 8). One Belt, One Road. *Financial News*. Retrieved Dec. 5, 2024, from <https://www.wealth.com.tw/articles/dfc60a6f-4b61-4924-ab79-80937910ccaa> (In Chinese)

3. Cui Yanyu (2017, June 15). *China Youth Daily*. Retrieved May 10, 2024, from <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/16181.html> (In Chinese)

4. Sohu (2017, June 15). What is One Belt, One Road? A Kindergarten Teacher Tells Her Kids About It! *Sohu*. Retrieved May 12, 2024, from https://www.sohu.com/a/143593009_498131 (In Chinese)

5. Guancha (2023, Oct. 30). *Sunrise Young Warrior*. Retrieved May 12, 2024, from <https://user.guancha.cn/main/content?id=1114248> (In Chinese)

6. Malaysian Comics (2023, Oct. 30). *The Sound of the Wind and the Sound of the Rain!* Facebook. Retrieved May 9, 2024, from <https://www.facebook.com/dudusheng/photos/a.2228374284063632/2397436753824050/?type=3>

7. Wang Hui (2016). Wang Hui: Needs for National Languages under the Belt and Road Initiative. *Journal of Social Sciences*, 1523. August 25. Retrieved May 12, 2024, from <https://read01.com/kk38KE.html> (In Chinese)

8. Han Peng (2024, Jan. 3). “Sunrise Young Warrior.” A Decade in the Middle East: “One Bomb, One Road” versus “One Belt, One Road”. *The Paper News*. Retrieved May 8, 2024, from https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_25791583

REFERENCES

1. Bubnova, I.A. (2020). Rol' tsifrovoy sredy v organizatsii individual'nogo mental'nogo opyta [The role of the digital environment in the organization of individual mental experience]. *Psikhologicheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti*, 18, 5–10. (In Russ.)

2. Bykov, L.P., & Kupina, N.A. (2013). Yazykovaya igra kak sredstvo preobrazovaniya ideologicheskikh smyslov [Language game as a means of transforming ideological meanings]. In *Lingvistika kreativa* (2nd ed., pp. 269–291). Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ. (In Russ.)

3. Gridina, T.A. (2020). Rechezhanrovyy potentsial yazykovoy igry v khudozhestvennoy literature dlya detey [Speech-genre potential of language game in children's fiction]. *Filologicheskii klass*, 25(1), 73–85. DOI 10.26170/FK20-01-07.

4. Gridina, T.A. (2018). Smyslovaya perspektiva slova v igrovom khudozhestvennom tekste [Semantic Perspective of a Word in a Game Fiction Text]. In T. A. Gridina (Ed.), *Lingvistika kreativa — 4* (Monograph, pp. 270–281). Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ. ISBN 978-5-7186-0556-3.

5. Gridina, T.A., & Konovalova, N.I. (2022). «Chitaem znaki»: aspekty vospriyatiya igrovogo polikodovogo teksta v prostanstve sovremennogo goroda [“Reading Signs”: Aspects of Perception of a Game Polycode Text in the Space of a Modern City]. *Nauchnyy dialog*, 11(8), 166–184. DOI 10.24224/2227-1295-2022-11-8-166-184 (In Russ.)

6. Dokinz, R. (1993). *Egoistichnyy gen* [The Selfish Gene]. Moscow: Mir, 316 p. (In Russ.)

7. Konovalova, N.I., & Yan Ch. (2021). Eksperimental'noe issledovanie vospriyatiya kitayskoy sotsial'noy reklamy [Experimental Study of the Perception of Chinese Social Advertising]. *Psikhologicheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti*, 19, 53–59. (In Russ.)

8. Ledeneva, V.V. (2022). Norma kak merilo lingvokreativnosti [Norm as a Measure of Linguistic Creativity]. *Ural'skiy filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa*, 2, 167–176. (In Russ.)

9. Norman, B.Yu. (2024). *Grammatika slushayushchego* [Grammar of the listener]. Moscow: Flinta, 320 p. (In Russ.)

10. Popova, T.V. (2013). Kreolizovannyye derivaty kak element russkoy pis'mennoy kommunikatsii rubezha XX–XXI vv. [Creolized derivatives as an element of Russian written communication at the turn of the 20th–21st centuries]. In *Lingvistika kreativa* (2nd ed., pp. 147–176). Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ. (In Russ.)

11. Abakumova, O.G., Akhutina, T.A., Bazylev, V.N., et al. (2021). *Rossiyskaya psikhologicheskaya itogi i perspektivy (1966–2021)* [Russian psycholinguistics: results and prospects (1966–2021)]. Moscow: Institut yazykoznananiya RAN, 626 p. DOI 10.30982/978-5-6045633-7-3 (In Russ.)

12. Steksova, T.I., & Lappo, M.A. (2022). Razlichiya v yazykovoy refleksii standartnoy i tvorcheskoy yazykovoy lichnosti [Differences in the linguistic reflection of a standard and creative linguistic personality]. *Psikhologicheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti*, 20, 51–67. (In Russ.)

13. Ustinova, T.V. (2022). Mnogofunktsional'nost' lingvokreativnosti v obespechenii rechemyslitel'noy deyatel'nosti cheloveka [Multifunctionality of linguocreativity in ensuring human speech-thinking activity]. *Ural'skiy filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa*, 2, 66–77. DOI 10.26170/23067462_2021_02_06 (In Russ.)

14. Chizhova, L.A. (2022). Vospriyatie i ponimanie adresata v dialoge s tekstom — psikhologicheskie aspekty [Perception and understanding of the addressee in a dialogue with the text — psycholinguistic aspects]. *Voprosy psikhologicheskoy lingvistiky*, 2(52), 121–131. DOI 10.30982/2077-5911-2022-52-2-121. (In Russ.)

15. Shmeleva, T.V. (2014). Sovremennaya mediapraktika s pozitsiy teorii rechevykh zhanrov [Modern media practice from the standpoint of the theory of speech genres]. *Medialingvistika*, 53, 51–55. (In Russ.)

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 81'27+811.161.1'42+808.51
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 5.9.8; 5.9.9

Елена Вячеславовна Дзюба

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия,
dzyuba_ev@spbstu.ru, SPIN-код: 6106-5500, <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

Англосаксонский дуэт в реализации стратегии дезинтеграции коллективного Запада (по материалам выступлений М. В. Захаровой на брифингах МИД РФ)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию особенностей дипломатического дискурса на примере выступлений М. В. Захаровой, официального представителя МИД (материалом исследования послужили речи М. В. Захаровой на брифингах МИД РФ с 25.02.2022 г. по 25.04.2024 г.). Акцент делается на использовании дипломатом иронических номинаций англосаксонского мира (в частности — **англосаксонский дуэт**) и их роли в реализации стратегии дезинтеграции коллективного Запада. Цель исследования заключается в выявлении лингвистических средств (средств выражения субъектно-предикативных отношений, специфических лексико-семантических групп глаголов), используемых для создания оценочного образа альянса США и Великобритании. Посредством метода когнитивно-пропозиционального анализа предикативных единиц, вступающих в координационные связи с номинацией **англосаксонский дуэт**, выявлено, что данная номинация выступает в позиции сильного субъекта; отмечено частотное использование метафорических и иных иронических выражений (**англосаксонский дуэт**, **англосаксонские кураторы**, **англосаксонская репрессивная машина**, **англосаксонский мир**, **англосаксонские политтехнологи** и др.); выделены лексико-семантические группы глаголов, используемых в анализируемых контекстах: глаголы доминирования, управления и контроля (**возглавлять**, **контролировать**, **координировать**), противодействия (**препятствовать**, **блокировать**, **мешать**), дестабилизации (**разрушать**, **провоцировать**) и др. Подчеркивается значение этих языковых средств для формирования негативного образа альянса США и Великобритании. Акцент на идее доминирования англосаксонского мира не только над не-европейским, но и самим европейским миром позволяет реализовать М. В. Захаровой интенциональную стратегию дезинтеграции коллективного Запада.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дипломатический дискурс, «англосаксонский дуэт», коллективный Запад, когнитивно-пропозициональный анализ, стратегия интенциональной дезинтеграции, языковые средства, брифинги, ирония, политические речи, публичные выступления, языковая личность, лингвоперсоналогия.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Дзюба Елена Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор Высшей школы международных отношений, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29Б; email: dzyuba_ev@spbstu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дзюба, Е. В. *Англосаксонский дуэт в реализации стратегии дезинтеграции коллективного Запада (по материалам выступлений М. В. Захаровой на брифингах МИД РФ)* / Е. В. Дзюба. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 24-33.

Elena V. Dziuba

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia, dzyuba_ev@spbstu.ru, SPIN code: 6106-5500, <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

Anglo-Saxon Duo in Realizing the Collective West Disintegration Strategy (Based on the Speeches by M.V. Zakharova at the Russian Foreign Ministry Briefings)

ABSTRACT. The article explores the peculiarities of diplomatic discourse on the example of the speeches of M.V. Zakharova, the official representative of the Ministry of Foreign Affairs (the material under study comprises Zakharova's speeches at the briefings of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation from 25.02.2022 to 25.04.2024). The focus is on the diplomat's use of ironic nominations of the Anglo-Saxon world (in particular, "Anglo-Saxon duo") and their role in the implementation of the strategy of disintegration of the collective West. The aim of the study is to identify the linguistic means (means of expressing subject-predicative relations and specific lexico-semantic groups of verbs) used to create a negative image of the US-UK alliance. Through the method of cognitive-propositional analysis of predicative units that display coordinate relationships with the nomination "Anglo-Saxon duo", as well as the analysis of syntactic models, the study has revealed the following: this nomination acts in the position of a strong subject; one can observe a frequent use of metaphors and ironic expressions ("Anglo-Saxon curators", "Anglo-Saxon political technologists", "Anglo-Saxon repressive machine", etc.); the lexico-semantic groups of verbs used in the analyzed contexts include: verbs of management and control ("to lead", "to coordinate"), verbs of counteraction ("to block", "to hinder") and verbs of destabilization ("to destroy", "to provoke"). The study stresses the importance of these language means for the formation of the negative image of the US-UK alliance. The author concludes that emphasis on the idea of the dominance of the Anglo-Saxon world not only

over the non-European world, but also the European world itself allows Zakharova to realize the intentional strategy of disintegration of the collective West.

KEYWORDS: *diplomatic discourse, “Anglo-Saxon duo”, collective West, cognitive-propositional analysis, strategy of intentional disintegration, language means, briefings, irony, political speeches, public speeches, linguistic personality, linguopersonology.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Dziuba Elena V., Doctor of Philology, Professor of Higher School of International Relations, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia.*

FOR CITATION: *Dziuba E. V. (2024). Anglo-Saxon Duo in Realizing the Collective West Disintegration Strategy (Based on the Speeches by M.V. Zakharova at the Russian Foreign Ministry Briefings). In Political Linguistics. No 4 (106), pp. 24-33. (In Russ.).*

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Язык М. В. Захаровой, сочетающий специальную лексику и терминологию сферы политологии и дипломатии — с одной стороны, и разговорно-просторечные и даже жаргонные элементы — с другой стороны, представляется довольно живым и ярким в силу высокой плотности эмоционально и оценочно окрашенных средств выражения мысли¹ [см. об этом современные публикации: Артемьева 2021; Артемьева, Заварзина 2021; Богуславская 2024; Богуславская, Осетрова 2021; Василькова 2018; Филиппова 2021 и мн. др.]. Для речи М. В. Захаровой характерны иронические и саркастические замечания в адрес политических оппонентов, обилие прецедентных феноменов (1), паремий, цитат и перифразированных афоризмов или собственных, авторских, крылатых выражений (2–6), а также приемов языковой игры (7). Ее речи свойственна высокая степень выразительности и эмоциональности, реализуемых за счет метафоричности и оценочности (8–10).

- (1) *Здесь, наверное, Р. Киплинг всем нам в помощь про то, как ведут себя равные.*
- (2) *Это либо перешедшая все рамки и превратившаяся в безумие степень непрофессионализма, либо — циничная политика, которая на нашем языке формулируется так: «хоть плюй в глаза — все Божья роса».*
- (3) *Позвольте мне процитировать Евангелие от Матфея. Иисус Христос говорил: «они, видя, не видят, и слыша, не слышат, и не разумеют».*
- (4) *Всё, что «положено Юпитеру, — не положено больше никому».*
- (5) *«Надежный союзник — это хорошо стреноженный союзник».*
- (6) *То, что не получалось никогда, не получилось в этот раз и не получится в будущем.*

- (7) *В последнее время в СМИ вновь стали появляться сообщения о планах киевского режима организовать накануне саммита НАТО в Вашингтоне (8-9 июля) очередной «контрнаступ». Предыдущий превратился в «контрзаступ» и привел к очевидным последствиям для киевского режима.*
- (8) *Никто из западников даже не осмелился одернуть своих **марионеток**, «танцующих» за деньги и без любви.*
- (9) *Одновременно Вашингтон и Брюссель «раздувают» очаги напряженности в других частях Евразии: в том числе на Ближнем Востоке, в Азиатско-Тихоокеанском регионе.*
- (10) *Обрушили хозяйственные связи, национальные экономики, «убили» национальных производителей.*

Одной из наиболее типичных для речи М. В. Захаровой является метафора, которую следовало бы назвать музыкальной, но в речи дипломата музыкальный контекст не поддерживается, однако актуализируется компонент значения единодушия (что называется: *спелись). Это в первую очередь касается единиц *дуэт*, *трио* и *квартет*, которые номинируют разные объединения (альянсы, коалиции, организации) нескольких (в данном случае двух, трех или четырех) государств (11–13).

- (11) *Мы также помним и все хорошо знаем, что это были именно страны англосаксонского **дуэта**, который буквально запретил В. А. Зеленскому ведение переговоров.*
- (12) *Происходит создание «**трио**». США, Великобритания — англосаксонский мир — зовут Австралию и говорят ей, что у них в планах приобрести у Вашингтона и Лондона до пяти подлодок.*
- (13) *Попытки Соединенных Штатов «монополизировать» палестино-*

¹ Подчеркнем, что стилистая вольность современных политиков принимается не всеми учеными и общественными деятелями как допустимая в институциональном (в том числе дипломатическом) дискурсе.

израильский переговорный процесс в последние десятилетия и блокирование ими деятельности ближневосточного «квартета» международных посредников в составе России, США, ЕС и ООН завели его процесс в нынешнее трагическое состояние.

Прямое значение единиц *дуэт*, *трио*, *квартет* связано с семантикой музыкального исполнения, ср. данные БТСРЯ: «ДУЭТ, -а; м. [итал. duetto]. 1. Музыкальное произведение для двух инструментов или двух голосов с самостоятельными партиями у каждого. 2. Ансамбль из двух исполнителей (певцов, инструменталистов и т. п.)»; «ТРИО, неизм.; ср. [итал. Trio]. 1. Музыкальное произведение для трёх инструментов или трёх голосов с самостоятельными партиями у каждого. 2. Ансамбль из трёх исполнителей (певцов или музыкантов); терцет. 3. Шутл. О трёх лицах, трёх людях (обычно связанных дружбой или всегда бывающих вместе); троица. 4. Муз. Средняя часть музыкального произведения чёткого ритма (танца, марша, скерцо), более спокойная и мелодичная, чем главная тема»; «КВАРТЕТ, -а; м. [итал. quartetto]. Муз. 1. Музыкальное произведение для четырёх инструментов или для четырёх голосов. Играть к. 2. Ансамбль из четырёх исполнителей (певцов или музыкантов)» [БТСРЯ]. Заметим, что в словаре значение, отвлеченное от музыкальной тематики, отмечается только у единицы *трио* (значение 3); при этом фиксируется стилистическая маркированность слова — *шутливое*. У слов *дуэт* и *квартет* «немузыкальная» семантика не отмечается. Подчеркнем, что слова *квинтет*, *септет*, *октет* в собранном нами корпусе не встречаются. В таких ситуациях дипломат обычно использует слова *пятерка*, *семерка* и далее привычные для дипломатического профессионального языка — *восьмерка*, *двадцатка* (14, 15).

(14) Это вчера подтвердил Министр иностранных дел РФ С. В. Лавров в ходе встречи со своим азербайджанским коллегой «на полях» СМВД «пятерки» прикаспийских государств.

(15) Свежая макроэкономическая статистика членов «двадцатки» в очередной раз свидетельствует о беспрецедентном изменении баланса сил в мировой экономике и финансах. Это уже не просто фантазия, это уже реальность. Главный тренд заключается в неуклонном укреплении позиций

стран Глобального Юга и Востока на фоне исторического сокращения веса «семерки».

Отмеченные выше особенности, выделенные на отобранном для данного исследования материале, свидетельствуют как минимум о двух коммуникативных тенденциях, наблюдаемых в настоящее время в российском дипломатическом дискурсе:

1) размытость стилиевых границ (дипломатический подстиль официально-деловой коммуникации испытывает значительное влияние научного стиля — с одной стороны, публицистического и даже разговорного — с другой стороны);

2) наличие сложившихся профессионально значимых речевых стереотипов (ср., например, оформившийся в дипломатической и политической коммуникации числовой код, номинирующий международные политические союзы, альянсы, коалиции и под.).

Указанные тенденции в определенной мере объясняют выбор ключевой для данного исследования единицы — иронической метафорической номинации оппонента России — *англосаксонский дуэт*, называющей один из важнейших концептов современного русскоязычного политического и дипломатического дискурса.

Цель, методы, материал, основные результаты. В данном исследовании внимание сосредоточено на высказываниях М. В. Захаровой, в которых содержится ироническая номинация *англосаксонский дуэт* и некоторые ее синонимические заместители — метафорические («старший брат» по НАТО и под.) и неметафорические (*англосаксы*, *англосаксонский мир*). С привлечением метода когнитивно-пропозиционного анализа рассматривается набор предикативных единиц, вступающих в координационные связи со словосочетанием *англосаксонский дуэт* (и некоторыми ее заместителями), т. е. логическим субъектом высказывания.

Цель исследования — выявить языковые средства реализации стратегии, направленной на актуализацию идеи о дезинтеграции коллективного Запада.

Материалом исследования послужили тексты выступления М. В. Захаровой на брифингах МИД РФ с 25 февраля 2022 г. по 25 апреля 2024 г. [Брифинги...], в которых используется номинация *англосаксонский дуэт* и некоторые синонимичные ей выражения. Всего отобрано 62 контекста, в которых номинации *англосаксонский дуэт* / *англосаксы* / *англосаксонский мир* и под. находятся в позиции сильного субъекта.

В работе устанавливается набор отрицательно заряженных предикативных еди-

ниц, способствующих созданию негативного и иронически осмысленного образа альянса Великобритании и США (англосаксонского дуэта). Подчеркивается значение данного образа как намеренно отделенного от другого — *коллективный Запад*, что способствует реализации стратегии интенциональной дезинтеграции коллективного Запада.

ОБСУЖДЕНИЕ

Для проведения данного исследования необходимо в первую очередь определить, кто является субъектом действия, эмоционального состояния и т. д., иными словами — какие номинации используются для обозначения альянса США и Великобритании. В речах М. В. Захаровой весьма частотны не только прямые, но также метонимические (*Вашингтон и Лондон*) и в большей степени вторичные (эвфемистические, метафорические) номинации альянса Великобритании и США. Наибольший интерес представляют метафорические выражения, которые актуализируют семантику господства и доминирования и нередко содержат ироническую или пренебрежительную коннотацию: *англосаксонские кураторы, управляющая верхушка в виде англосаксонского дуэта, англосаксонские геополитические инженеры, члены англосаксонской «семьи»*, ср. примеры 16–20:

- (16) *Брюссельская бюрократия и ее англосаксонские кураторы цинично бравировать тем, что расплачиваться за русофобские погромы придется всему международному сообществу и, прежде всего, рядовым европейским гражданам;*
- (17) *Не надо весь мир приравнять к коллективному Западу. Это разные понятия. Есть Запад, есть управляющая верхушка в виде англосаксонского дуэта, есть мир во всем его многообразии и большое количество стран, занимающих свою позицию по целому ряду вопросов;*
- (18) *Англосаксонских геополитических инженеров не останавливают провальные итоги предшествующих экспериментов подобного рода. Угар русофобии, видимо, начисто лишил их памяти об 11 сентября 2001 г., о терактах в Лондоне, других европейских столицах, о тысячах их соотечествен-*

ников, погибших в Ираке, и позорном бегстве из Афганистана. Они надеются, что украинский «опыт» окажется успешным, что там им удастся наконец воспитать «по-слушных» террористов, которые в дальнейшем будут им подчиняться;

- (19) *Веллингтон лишь номинально примеряет на себя роль миролюбивого азиатско-тихоокеанского игрока, оставаясь неизменным членом англосаксонской «семьи» и верным сателлитом Лондона и Вашингтона;*
- (20) *Защита затравленного всей мощью англосаксонской репрессивной машины журналиста планирует попытаться переубедить министра, однако сомневаться в том, что заранее утвержденный Вашингтоном сценарий будет отыгран без отступлений, как показывает печальная практика, не приходится.*

Следующий этап исследования — выявление наиболее типичной (частотной) синтаксической позиции данного субъекта высказывания. В русском языке значение субъекта действия в широком смысле выражается многообразными способами [см.: Русская грамматика]. Приведем некоторые наиболее частотные примеры, подтверждая их иллюстрациями из материалов брифингов МИД, а также некоторых русскоязычных СМИ:

1. Формой номинатива в предложении, выражающем отношение между субъектом и его предикативным признаком — действием или процессуальным состоянием: $S_{Nom} + (не) P$ (ср.: *Англосаксонский мир никогда не остановится*).

2. Формой номинатива в предложении, выражающем отношение между субъектом и его действием или эмоциональным состоянием, обращенными на объект, который выражен беспредложной формой существительного: $S_{Nom} + P + O_{Acc}$ (ср.: *Координирующую роль в этом играют, конечно, англосаксы*).

3. Формой генетива без предлога в неподлежаще-сказуемых двукомпонентных предложениях, где субъект используется в предметном значении при отрицании или количественной оценке: $S_{Gen} + нет, не хватает, недостает$ (ср.: *Времени нет*¹. *Времени было мало*).

¹ Здесь и далее: примеры, тематически не связанные с обозначенной проблематикой, свидетельствуют об отсутствии контекстов, в которых выражение *англосаксонский дуэт* выступает в указанной синтаксической функции.

4. Формой аккузатива в однокомпонентных предложениях спрягаемо-глагольного класса при их распространении (высокорегулярном) управлением, где субъект выражается сильноуправляемой падежной формой: $S_{Acc} + P$ (ср.: *Англо-саксонский мир трясет*).

5. Формой генетива с предлогом как распространителя в предложении со значением носителя того состояния, которое обозначено предложением в целом: $Y + S_{Gen} + P + O$ (ср.: *Россия догоняет США по стали, промышленная стагнация у англосаксов и впечатляющий рост в России*).

6. Формой генетива в предложении, где субъект имеет значение восприятия или оценки: $ДЛЯ + S_{Gen} + O + P$ (ср.: *Этот вариант не подходит для англосаксов*).

7. Формой генетива в предложении с субъектом возникающего состояния потенциального признака: $ИЗ + S_{Gen} + P + O$ (ср.: *Из вас выйдет неплохой ученый*).

8. Формой датива как распространителя в предложении со значением носителя того состояния, которое обозначено предложением в целом: $S_{Dat} + P, S_{Dat} + P + O$ (ср.: *Это выгодно англосаксонскому дуэту*).

9. Формой аккузатива с семантикой носителя того состояния, которое обозначено предложением в целом: $S_{Acc} + O + P$ (ср.: *Эпидемия трансгендерного безумия охватила некоторые западные страны, в первую очередь США и Великобританию, уже давно — вопросы смены пола стали модными и, как любая мода, рассчитанными прежде всего на детей; предполагается: *западные страны обезумели*).

10. Формой аблатива с семантикой деятеля в предложении, выражающем отношение между субъектом и его действием или процессуальным состоянием как результатом действия: $O_{Nom} + P + S_{Abl}$ (ср.: *Агрессивный блок ... создан англосаксами под предлогом противостояния СССР, а по сути — с целью удержания гегемонии Запада под американским лидерством*).

11. Формой аблатива с семантикой каузатора действия в безличном предложении: $O_{Acc} + P + S_{Abl}$ (ср.: *Крышу сорвало ветром*).

12. Формой аблатива с предлогом в предложении с субъектом положительной или отрицательной оценки состояния: $C + S_{Abl} + P$ (ср.: *С этим миром что-то не так*).

13. Формой предложного падежа в предложении с семантикой долженствования, имеющих обязательств $НА + S_{Abl} + P + O$ (ср.: *В российско-американских отношениях сложилась нездоровая ситуация, ответственность за это лежит на Вашингтоне, который создает токсичную атмосферу*) и мн. др.

Следует также отметить актуализацию субъектной позиции номинации *англосаксонский дуэт* в словосочетаниях с родительным субъекта (21) и творительным со-вместности действия (22).

(21) *Показательным фактом, наглядно демонстрирующим **сопричастность англосаксов к формированию нацистской идеологии нынешнего киевского режима, является голосование по российской резолюции о противодействии героизации нацизма, неонацизму и связанными с ними практикам.***

(22) *Вы — агентство «Рейтерс», традиционно аффилированное, **ассоциированное с Лондоном, и в целом англосаксонским миром.** Не надо сейчас делать вид, что это не так.*

В результате количественной обработки контекстов было выявлено значительное преимущество выражений, построенных по модели $S_{Nom} + P, S_{Nom} + P + O_{acc}, S_{nom} + не P + O_{gen}$, ср.: ***Англосаксонский дуэт ... стоял во главе всей этой антиукраинской и антироссийской компании; Англосаксы играют роль катализатора украинского кризиса и способствуют его эскалации; Англосаксонский дуэт будет всячески мешать выработке подобного документа (о Заявлении СБ ООН относительно теракта на газопроводе «Северный поток»); Англосаксонский дуэт делает всё для того, чтобы изолировать остальных членов (в частности ЕС) от нормальной, взаимовыгодной формы сотрудничества и общения с очевидными и естественными партнёрами, одним из которых является наша страна; Потомков бандеровских последователей ... приютили, а на самом деле выкормили, откормили и перенаправили англосаксы; Англосаксы попытались использовать нацизм в качестве тарана для нанесения поражения России; Англосаксы оправдывали бомбардировки (Белграда) военной необходимостью; Своих истинных целей англосаксы, ЕС и НАТО не скрывают — нанести России «стратегическое поражение» «на поле боя».*** Доля таких контекстов составляет 51,61 % (32 контекста из 62). Остальные предложения распределяются по следующим моделям:

– $O + P + S_{Abl}$ (ср.: *Это еще одно напоминание, что **агрессивный блок создан англосаксами под предлогом противостояния СССР, а по сути — с целью удержания гегемонии Запада под американским лидерством, продолжает оставаться инструментом обеспечения интересов прежде***

всего США, агрессивных и разрушительных сил; доля таких примеров — 9,69 %);

– O + P + для + S_{Gen} (ср.: Про Африку сегодня говорили в контексте британских экспериментов, да и про Азию тоже. Где есть то, что наделяет Вашингтон правом оперировать в сложном, непростом, развивающемся регионе, в котором до этого уже были попытки западного влияния всё проконтролировать, и **что закончилось для англосаксов неудачей?** Нет такого; доля таких контекстов — 8,06 %);

– O + P + S_{Dat} (ср.: Мы с вами знаем, что страны Прибалтики, их политический истеблишмент напрямую управляется из Лондона и Вашингтона через натовские структуры или целенаправленно в ручном режиме. Видимо, **это выгодно англосаксонскому дуэту**, но в Латвии должны понимать, что они сами будут страдать; доля таких единиц — 6,45 %).

Все остальные примеры в собранном корпусе (24,19 %) представляют собой высказывания, в которых рассматриваемые единицы выступают в форме генетива с семантикой субъекта действия или отношения (23–26), характеристики (27), отделения (28), принадлежности (29–31) и др.

(23) **Значительное количество наших дипломатов было вынуждено вернуться на Родину из-за массовых высылки, организованных по требованию англосаксов.**

(24) **Никакие ухищрения и провокации англосаксонского политического мира не повлияют в глобальном плане на цели и задачи, о которых говорило российское руководство.**

(25) **Помимо всего прочего «семерка» стала неким штабом, «мозговым трестом», где под предводительством англосаксов выдумываются самые одиозные антироссийские и антикитайские решения, которые потом навязываются проамериканской массовке из числа стран НАТО, ЕС и других сателлитов Вашингтона.**

(26) **Один пример варварского отношения англосаксов к чужим культурным ценностям. Вавилон, один из важнейших древних городов на территории Ирака с точки зрения археологического наследия, понёс наибольший задокументированный прямой ущерб от присутствия западных сил;**

(27) **Скандал вокруг теплого приема, который оказали в канадском пар-**

ламенте «ветерану» дивизии СС «Галичина», не затихает. Причем не только благодаря всем тем, кто увидел в произошедшем неонацистскую сущность англосакских элит, но и тем, кто хочет воспользоваться громким поводом, чтобы заявить о верности идеалам недобитых коллаборационистских формирований.

(28) **В отличие от англосаксов, действовать «против» кого-то — не в наших обычаях и не в традициях российской многосторонней дипломатии.**

(29) **Что касается вопроса о ведении переговоров с США и Канадой по тематике «расширенного» шельфа, то сейчас в свете антироссийской заряженности политики англосаксов любые контакты по арктическим делам прерваны и не по нашей инициативе.**

(30) **О годовщине бомбардировки Токио. На одном из недавних брифингов мы рассказали о давней стратегии англосаксов подавления противника с помощью коверовых бомбардировок. Речь шла о годовщине тотального разрушения Дрездена и «побочном» налете на Прагу в 1945 г. Сегодня напомним о самом разрушительном рейде в истории Второй мировой. 78 лет назад — в ночь с 9 на 10 марта 1945 г. — 325 американских тяжёлых бомбардировщиков В-29 вылетели с авиабаз на Марианских островах и взяли курс на Токио.**

(31) **Воровство государственной, частной, общественной собственности стало визитной карточкой англосаксов. Вашингтон, Лондон промышленляют этим десятилетиями. До этого это называлось по-другому — пиратство. Потом оно было легализовано. Теперь это, на мой взгляд, пиратство XXI века.**

Приведенные выше синтаксические модели и количественно обработанные иллюстрации свидетельствуют о высокой частоте таких контекстов, в которых выражение англосаксонский дуэт (и его синонимические замены) выступает в позиции сильного субъекта. Показательно, что в анализируемых высказываниях М. В. Захаровой не встретилось ни одного сочетания, в котором единицы англосаксы, англосаксонский дуэт выступали бы в значении прямого объекта,

выраженного формой аккузатива (ср. в других источниках: *Путин обвинил англосаксов в диверсиях на «Северных потоках»*). Высокая частотность выражений с анализируемыми единицами в роли сильного субъекта отчетливо свидетельствует о тенденции к актуализации в речах М. В. Захаровой идеи нарушения англосаксами паритетности в международных отношениях, стремлении англосаксонского мира к доминированию, давлению на другие страны, включая страны так называемого коллективного Запада.

Это подтверждают языковые единицы (в первую очередь глаголы), замещающие позицию предиката:

– глаголы и глагольные сочетания с семантикой господства, доминирования, управления (*возглавлять / стоять во главе, заправлять, контролировать, координировать*), ср.: *Это — превращение Украины в «антиРоссию», запрет там русского языка, школ, гонения на православие, кровавый госпереворот, приход к власти потомков ОУН-УПА, С. Бандеры и Р. Шухевича, коллаборационистов, активно поддерживаемых «коллективным Западом», возглавляемым англосаксами; Англосаксонский дуэт, который и стоял во главе всей этой антиукраинской и антироссийской компании, провоцировал конфликт; Из-за позиции НАТО (и англосаксонского дуэта, который там «заправляет») — европейцам на своём континенте невозможно договориться о правилах сосуществования, сожительства и кооперации; ... Западные СМИ никогда не рассказывали правду, не показывали объективную картину происходящего в нашей стране. На протяжении столетий формировался ложный, несправедливый образ нашей страны как агрессора. Дескать, это страна, у которой непредсказуемое поведение. И это при том, что они буквально информационно отслеживают каждый наш шаг. Но западные СМИ очевидно подчиняются общей воле натовских институций. Координирующую роль в этом играют, конечно, англосаксы;*

– глаголы и глагольные сочетания с семантикой противодействия (*блокировать, запрещать, препятствовать, мешать*) — ср.: *Россия предлагала проведение расследования под эгидой Генерального секретаря ООН А. Гутерреша, вносила много практических инициатив, задавала вопросы, приглашала экспертов. Помним, с какой ожесточённостью англосаксы всё это блокировали; Это были именно страны англосаксонского дуэта, который буквально запретил В. А. Зеленскому ведение переговоров; Англосаксы и европейцы пре-*

пятствуют тому, чтобы нацелить будущий документ на борьбу с широким спектром преступлений в информационном пространстве; Цель документа — послать четкий сигнал о единстве Совета в вопросах осуждения данного злодеяния. Англосаксонский дуэт будет всячески мешать выработке подобного документа;

– глаголы с семантикой речевого действия / воздействия (*заявлять, диктовать, инспирировать, обвинять, оправдывать, требовать*), ср.: *Соединенные Штаты Америки напрямую заявили о том, что этот конфликт должен быть длительным. ... Это заявило НАТО, это заявили Соединенные Штаты Америки, Великобритания и все остальное присягнувшее англосаксонскому дуэту сообщество. Они сказали, что это их стратегия; Нынешние власти Германии и почти всех прочих членов ЕС безоговорочно подчинились откровенно антироссийскому курсу, который им диктуют англосаксы. Исторический анекдот: Германия всегда мечтала стать колонизатором. Это желание сделало ее колонией; то — англосаксы. Они в этом «кровавом» дуэте и диктуют волю ЕС. Сам Европейский союз давно утратил какую-либо самостоятельность; Кризис на Украине был полностью инспирирован Вашингтоном и его сателлитами; ... Англосаксы кого-то обвиняют на основании, как они выражаются, «прецедентного права»; Учитывая значение Белграда как важного промышленного центра и транспортного узла, англосаксы оправдывали бомбардировки военной необходимостью — мол, тем самым они рассчитывали нанести существенный удар по поставкам румынской нефти в Германию, а также затруднить снабжение группировки вермахта в Греции; Англосаксы продолжают требовать от Украины все более активных наступательных действий;*

– глаголы и глагольные сочетания с семантикой криминальной деятельности (*нарушать международное право, подкупать, прибегать к фальсификациям, прививать коррупционную логику, разрушать страны, убивать / истреблять людей, шантажировать*), ср.: *... Хочется напомнить им, раз уж в их странах действует прецедентное право, что они нарушили международное право, потому что делали так всегда; Вся эта мутная, грязная, дурно пахнущая история сегодня является очередным доказательством фальсификаций, к которым прибегают англосаксы для продавливания своей антироссийской, русофобской повестки; Англосаксонский дуэт ... провоциро-*

вал конфликт, ... **подкупая, шантажируя и прививая коррупционную логику** всему украинскому истеблишменту; За последние пару десятилетий они столько раз **совершали агрессии** в отношении суверенных, независимых государств (**окупировали их, массово убивали людей, приводили страны к разрушению**), что это стало не неожиданностью, а, к сожалению, закономерностью, очередным звеном в страшной **преступной цепочке их действий**; Есть еще более циничные люди — англосаксы. Эти ради достижения своих целей готовы **истребить** всех украинцев, реабилитировать всё что угодно: ООН-УГА и СС «Галичина»;

– глагольные сочетания с семантикой дестабилизации общества и государства (**совершать госперевороты, разлагать общество, осуществлять провокации**), ср.: **англосаксонский дуэт, который и стоял во главе всей этой антиукраинской и антироссийской компании, провоцировал конфликт, совершая госперевороты** на Украине, возводя в культ неонацистских коллаборационистов в качестве новых героев Украины, помогая **свергать** с пьедесталов настоящих героев, **разлагая** украинское общество; Англосаксы на протяжении длительного периода **провоцировали** эту ситуацию, конструировали ее, **формировали** новое **квазигосударство**;

– глаголы и глагольные сочетания с семантикой воображения и предположения (**придумывать, разрабатывать «пакости»**), ср.: **Это абсолютно иллюзорная концепция, придуманная США и англосаксами, чтобы прикрывать попытки своего доминирования на основе собственной исключительности, которую они сами провозгласили; Англосаксы разрабатывают** разные **«пакости»**;

– глаголы и глагольные сочетания с семантикой усиления и распространения разрушительных действий (**помогать уничтожать, служить катализатором, способствовать эскалации, раздувать**), ср.: **Россия навсегда вернулась на эти земли (никаких сомнений в этом нет) и активно восстанавливает то, что было уничтожено украинскими неонацистами. Естественно, уничтожали они не одни. Им в этом активнейшим образом помогали те, кто их создал и привёл к власти незаконным путём. В первую очередь, англосаксонский дуэт (Вашингтон и Лондон); Англосаксы играют роль катализатора украинского кризиса и способствуют его эскалации; Сделано это было в рамках антироссийской кампании, которую **«раздувают»** англосаксы и за-**

ставляют своих, увы, сателлитов и тех, кто им подчиняется, предпринимать подобные действия;

– глаголы и глагольные сочетания с семантикой физического (агрессивного) воздействия, часто с целью уничтожения (**убивать, истреблять, использовать как таран, поражать / наносить поражение**), ср.: **Англосаксы попытались использовать нацизм в качестве тарана для нанесения поражения России; Именно они же потом и захлопнули** для киевского режима, а за ним и для всей Украины эту самую **«мышеловку»**, не давая возможности идти путём переговоров. **Вот это факт. Его невозможно отрицать**;

– глаголы и глагольные сочетания с семантикой физиологического действия / воздействия с целью уничтожения (**поглощать**), ср.: **Этот англосаксонский мир никогда не остановится. Ему нужны ресурсы во всех смыслах этого слова: энергетические, финансовые, людские, идеологические, все виды ресурсов. Это как ненасытный монстр, который поглощает все на своем пути для собственного удовлетворения и просто жизнедеятельности**;

– глаголы и глагольные сочетания с семантикой жертвоприношения (**приносить в жертву украинцев**).

ОБОБЩЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Глаголы и глагольные сочетания с семантикой господства, доминирования, управления, противодействия, речевого действия (воздействия), жертвоприношения кого-либо для достижения своих целей, с семантикой криминальной деятельности и деятельности, направленной на дестабилизацию общества и государства, усиление и распространение разрушительных действий, с семантикой физического и физиологического (агрессивного) воздействия, со значением неточного знания, предположения или воображения создают образ агрессивного, нечестного, неготового к диалогу оппонента, нацеленного на доминирование и господство. Субъектная организация высказываний с элементом **англосаксонский дуэт** и специфика семантики глаголов и глагольных сочетаний, которые используются в предложениях с рассматриваемой единицей, способствуют утверждению идеи о дезинтеграции коллективного Запада.

Актуализированный в последнее время в политическом и дипломатическом дискурсе образ коллективного Запада в речах М. В. Захаровой не является монолитным. Подтверждение этому следующее высказывание российского дипломата: *Не надо весь мир*

приравнивать к коллективному Западу. Это разные понятия. Есть Запад, есть управляющая верхушка в виде англосаксонского дуэта, есть мир во всем его многообразии и большое количество стран, занимающих свою позицию по целому ряду вопросов. Целый ряд контекстов подтверждает идею о дискретности коллективного Запада, о нарушении баланса внутри этого объединения стран, ср.: *Все тенденции последнего времени говорят о том, что «старший брат» по НАТО (англосаксонский дуэт) делает всё для того, чтобы изолировать остальных членов (в частности ЕС) от нормальной, взаимовыгодной формы сотрудничества и общения с очевидными и естественными партнёрами, одним из которых является наша страна; Очевидно, что призывы к размещению на польской территории дополнительных иностранных войск, в которых нет никакой необходимости, если эти страны ориентированы на мир, следует рассматривать лишь как стремление ещё больше повысить уровень напряжённости в Европе, продлить ситуацию глобального краха общеευропейской безопасности, ставшую демонстрацией невозможности — из-за позиции НАТО (и англосаксонского дуэта, который там «заправляет») — европейцам на своём континенте договориться о правилах сосуществования, сожительства и кооперации. Возможно, это делается для того, чтобы ещё больше «подлить масла в огонь и др.*

А. Безруков в работе «Развод с миром и его последствия. Как Трамп открыл новую эпоху в видении Америкой мира» подчеркивает: «Одновременно „идеологический рупор англосаксонского капитализма“ — лондонский *The Economist* — в декабре 2017 г. по сути анонсировал мобилизацию всех англосаксонских стран против нового главного конкурента (What to do about China's "sharp power", *The Economist*, 16.12.2017). Эта мобилизация обнажила уже начавшийся процесс обособления англосаксонского сообщества как отдельного блока, возможно, предвосхищая новую конфигурацию мира. В этом смысле «Брексит» — не случайность. Таким образом, Америка, отказываясь от невозможного контроля над всей глобальной системой, на деле не изолируется, не замыкается в себе. Она занимает «новую линию обороны», продолжая быть лидером более компактного, сплоченного и управляемого, но тем не менее глобального англосаксонского мира, включающего не только США и Великобританию, но и Канаду, Австралию, Новую Зеландию, а в будущем, возможно,

и некоторые другие страны» [Безруков 2018: 137].

Актуализация номинации *англосаксонский дуэт* (*англосаксонский мир*, *англосаксы*), помещение этого выражения в позицию сильного субъекта в многочисленных контекстах, обилие глаголов и глагольных сочетаний со значением доминирования и контроля, физического воздействия и речевого давления, распространения разрушительных действий, дестабилизации общества и государства, криминальных действий по отношению не только к не-западным, но также к не-англосаксонским европейским государствам — все это свидетельствует о реализации стратегии дезинтеграции (разъединения) привычного уже для массового сознания образа коллективного Запада.

ИСТОЧНИКИ

1. Большой толковый словарь русского языка / под общ. ред. С. А. Кузнецова. — URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyyj-slovar> (БТСРЯ). — Текст : электронный.
2. Брифинги Министерства иностранных дел Российской Федерации. — URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/spoke sman/briefings/. — Текст : электронный.
3. Русская грамматика. В 2 т. — Москва : Институт русского языка РАН. — URL: <https://rusgram.narod.ru/>. — Текст : электронный.
4. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. — Москва : АСТ-ПРЕСС, 1999. — 704 с. — Текст : непосредственный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Артемьева, П. Е. Конструкции экспрессивного синтаксиса в речи представителя МИД РФ М. В. Захаровой / П. Е. Артемьева. — Текст : непосредственный // Теория и практика современной науки : сб. ст. VI Международной науч.-практ. конф. В 2 ч. — Пенза : [б. и.], 2021. — С. 131–134.
2. Артемьева, П. Е. Сниженная лексика в речи директора департамента информации и печати МИД России М. В. Захаровой / П. Е. Артемьева, Г. А. Заварзина. — Текст : непосредственный // Проблемы гуманитарных наук и образования в современной России : материалы Всерос. науч.-практ. форума. — Воронеж : [б. и.], 2021. — С. 114–117.
3. Безруков, А. Развод с миром и его последствия. Как Трамп открыл новую эпоху в видении Америкой мира / А. Безруков. — Текст : непосредственный // Россия в глобальной политике. — 2018. — Т. 16. — № 1. — С. 130–142.
4. Беляков, М. В. Характер эмотивности дипломатического дискурса / М. В. Беляков. — Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Сер.: Лингвистика. — 2015. — № 2. — С. 124–133.
5. Богуславская, О. В. Языковой имидж женщины-политика в общественно-политическом дискурсе интернет-СМИ: субъективные семантические составляющие / О. В. Богуславская. — Текст : непосредственный // Диалог: политика, право, экономика. — 2024. — № 2 (16). — С. 7–11.
6. Богуславская, О. В. Субъективные составляющие языкового имиджа женщины-политика: контекст социально-речевой деятельности / О. В. Богуславская, Е. В. Осетрова. — Текст : непосредственный // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева (Вестник КГПУ). — 2021. — № 4 (58). — С. 63–77.
7. Василькова, Н. Н. Реализация агональных стратегий в публичных спорах политического дискурса / Н. Н. Василькова. — Текст : электронный // Медиаскоп. — 2018. — Вып. 1. — URL: <http://www.mediascope.ru/2413>. — DOI: 10.30547/media scope.1.2018.3.

8. Гапонова, Ю. В. Мифологизация как коммуникативная стратегия политического и рекламного дискурса / Ю. В. Гапонова, О. Л. Кочеткова. — Текст : непосредственный // Филология. Серия: Гуманитарные науки. — 2019. — № 6. — С. 108–112.

9. Демьянова, Т. В. Прагматические установки употребления речевых стратегий маневрирования в контексте дипломатического дискурса / Т. В. Демьянова. — Текст : непосредственный // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. — 2022. — С. 27–36.

10. Жирова, И. Г. Семантика агрессии / И. Г. Жирова, А. С. Ларионова. — Москва : ИИУ МГОУ, 2016. — 162 с. — Текст : непосредственный.

11. Захарова, Т. И. Инструменты сакрализации: политический миф / Т. И. Захарова. — Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Сер.: Социология, политология. — 2008. — Т. 8. — Вып. 1. — С. 148–151.

12. Кожетева, А. С. Дипломатический дискурс как особый вид институционального дискурса / А. С. Кожетева. — Текст : непосредственный // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. — 2012. — № 17. — С. 54–63.

13. Николаева, Т. М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания / Т. М. Николаева. — Текст : непосредственный // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. — [Б. м. : б. и.], 1991. — Ч. 2. — С. 73–75.

14. Тищенко, С. В. Деструктивная коммуникация в агональном политическом дискурсе / С. В. Тищенко, И. И. Косинец, Н. М. Джандубаева. — Текст : непосредственный // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования / Пятигорск. гос. ун-т. — 2021. — № 2-1. — С. 144–153.

15. Филиппова, И. Н. Современные лингвокультурные особенности дипломатической коммуникации (на примере брифингов М. В. Захаровой) / И. Н. Филиппова. — Текст : непосредственный // Дискурсивные практики в современном мире : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. — Москва : [б. и.], 2021. — С. 172–179.

MATERIALS

1. Kuznetsov, S.A. (Ed.) (n.d.). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Retrieved from <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar> (In Russ.)

2. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (n.d.). *Brifingi Ministerstva inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii* [Briefings by the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation]. Retrieved from https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/ (In Russ.)

3. Russian Academy of Sciences (n.d.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar] (In 2 vol.). Moscow: Institut russkogo yazyka RAN. Retrieved from <https://rusgram.narod.ru/> (In Russ.)

4. Babenko, L.G. (Ed.) (1999). *Tolkovyy slovar' russkikh glagolov: Ideograficheskoe opisaniye. Angliyskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [Explanatory Dictionary of Russian Verbs: Ideographic Description. English equivalents. Synonyms. Antonyms]. Moscow: AST-PRESS, 704 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Artem'eva, P.E. (2021). Konstruktsii ekspressivnogo sintaksa v rechi predstavatelya MID RF M. V. Zakharovoy [Constructions of Expressive Syntax in the Speech of the Representative of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation M. V. Zakharova]. In *Teoriya i praktika sovremennoy nauki : sb. st. VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (in 2 parts, pp. 131–134). Penza. (In Russ.)

2. Artem'eva, P.E., & Zavarzina G.A. (2021). Snizhennaya leksika v rechi direktora departamenta informatsii i pechati MID Rossii M. V. Zakharovoy [Reduced vocabulary in the speech of the Director of the Information and Press Department of the Min-

istry of Foreign Affairs of Russia M. V. Zakharova]. In *Problemy gumanitarnykh nauk i obrazovaniya v sovremennoy Rossii* (papers of All-Russian scientific and practical forum, pp. 114–117). Voronezh. (In Russ.)

3. Bezrukov, A. (2018). Razvod s mirom i ego posledstviya. Kak tramp otkryl novuyu epokhu v videnii amerikoy mira [Divorce from the world and its consequences. How Trump ushered in a new era in America's vision of the world]. *Rossiya v global'noy politike*, 16(1), 130–142. (In Russ.)

4. Belyakov, M.V. (2015). Kharakter emotivnosti diplomaticheskogo diskursa [The nature of the emotive nature of diplomatic discourse]. *Vestnik RUDN. Ser.: Lingvistika*, 2, 124–133. (In Russ.)

5. Boguslavskaya, O.V. (2024). Yazykovoy imidzh zhenshchiny-politika v obshchestvenno-politicheskom diskurse Internet-SMI: sub"ektivnye semanticheskie sostavlyayushchie [Linguistic Image of a Female Politician in the Socio-Political Discourse of Internet Media: Subjective Semantic Components]. *Dialog: politika, pravo, ekonomika*, 2(16), 7–11. (In Russ.)

6. Boguslavskaya, O.V., & Osetrova E.V. (2021). Sub"ektivnye sostavlyayushchie yazykovogo imidzha zhenshchiny-politika: kontekst sotsial'no-rechevoy deyatel'nosti [Subjective Components of the Linguistic Image of a Female Politician: the Context of Social and Speech Activity]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva*, 4(58), 63–77. (In Russ.)

7. Vasil'kova, N.N. (2018). Realizatsiya agonal'nykh strategiy v publicnykh sporakh politicheskogo diskursa [Implementation of Agonal Strategies in Public Debates of Political Discourse]. *Mediascope*, 1. Retrieved from <http://www.mediascope.ru/2413>. DOI: 10.30547/mediascope.1.2018.3 (In Russ.)

8. Gaponova, Yu.V., & Kochetkova, O.L. (2019). Mifologizatsiya kak kommunikativnaya strategiya politicheskogo i reklamnoy diskursa [Mythologization as a Communicative Strategy of Political and Advertising Discourse]. *Filologiya. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 6, 108–112. (In Russ.)

9. Dem'yanova, T.V. (2022). Pragmaticheskie ustanovki upotrebleniya rechevykh strategiy manevrirovaniya v kontekste diplomaticheskogo diskursa [Pragmatic attitudes to the use of speech strategies of maneuvering in the context of diplomatic discourse]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva*, 27–36. (In Russ.)

10. Zhirona, I.G., & Lariyona, A.S. (2016). *Semantika agressii* [Semantics of aggression]. Moscow: IIU MGOU, 162 p. (In Russ.)

11. Zakharova, T.I. (2008). Instrumenty sakralizatsii: politicheskii mif [Tools of Sacralization: A Political Myth]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Sotsiologiya, Politologiya*, 8(1), 148–151. (In Russ.)

12. Kozheteva, A.S. (2012). Diplomatischeeskii diskurs kak osobyy vid institutsional'nogo diskursa [Diplomatic discourse as a special type of institutional discourse]. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya*, 17, 54–63. (In Russ.)

13. Nikolaeva, T.M. (1991). "Sotsiolingvisticheskiy portret" i metody ego opisaniya [“Sociolinguistic portrait” and methods of its description]. In *Russkiy yazyk i sovremennost'. Problemy i perspektivy razvitiya rusistiki* (part 2, pp. 73–75). (In Russ.)

14. Tishchenko, S.V., Kosinets, I.I., & Dzhandubaeva, N.M. (2021). Destrktivnaya kommunikatsiya v agonal'nom politicheskom diskurse [Destructive communication in agonal political discourse]. *Yazyk i kul'tura v epokhu integratsii nauchnogo znaniya i professionalizatsii obrazovaniya, 2-1*, 144–153. Pyatigorsk: Pyatigorsk State Univ. (In Russ.)

15. Filippova, I.N. (2021). Sovremennye lingvokul'turnye osobennosti diplomatischeeskoy kommunikatsii (na primere brifingov M. V. Zakharovoy) [Modern Linguocultural Features of Diplomatic Communication (on the Example of Briefings by M. V. Zakharova)]. In *Diskursivnye praktiki v sovremennom mire* (Papers of scientific conference, pp. 172–179). (In Russ.)

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 811.111(73)·42+811.111(73)·38+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Антон Александрович Долгов

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, toni-dolgov@mail.ru

Концептуальное отражение России в публикациях американских «мозговых центров» (опыт когнитивно-матричного анализа)

АННОТАЦИЯ. В статье представлены результаты рассмотрения последних публикаций американских центров независимой политической экспертизы с тем, чтобы определить характер репрезентации Российской Федерации в данных текстах. Пул анализируемых текстов был сформирован случайным образом, при этом использовались поисковые инструменты сайтов *think tanks*: поиск публикаций по слову (запрос «Russia»); сортировка по периоду публикации и типу публикации (если такой фильтр был на сайте, спектр публикаций ограничивался типами «articles», «researches»). Всего для анализа было отобрано 20 публикаций, в число которых вошли крупные аналитические отчеты и статьи среднего объема, представляющие экспертное мнение на доступном для широкого круга читателей языке вплоть до заимствования черт публицистического стиля. На начальном этапе дается описание социально-политических факторов, обуславливающих актуальность работы. Также предлагается определение понятия *think tanks*, делается вывод о значении мозговых центров в контексте национальной политики США. На втором этапе описывается порядок когнитивно-матричного анализа. Приводятся результаты применения данной аналитической стратегии для выявления специфики образа России в публикациях *think tanks*. С учетом цели исследования в качестве стержня аналитической стратегии была выбрана частная когнитивная матрица. В результате исследования сделан вывод о систематической репрезентации России в негативном ключе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика, политический дискурс, когнитивная лингвистика, когнитивистика, мозговые центры, образ России, аналитические статьи, Интернет, интернет-пространство, интернет-коммуникация, интернет-технологии, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-ресурсы, языковые средства.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Долгов Антон Александрович, магистр, специалист по работе с молодежью, специалист по УМР института филологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 282; email: toni-dolgov@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Долгов, А. А. Концептуальное отражение России в публикациях американских «мозговых центров» (опыт когнитивно-матричного анализа) / А. А. Долгов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 34-45.

Anton A. Dolgov

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, toni-dolgov@mail.ru

Conceptual Reflection of Russia in the Publications of American “Think Tanks” (An Experience of Cognitive Frame Analysis)

ABSTRACT. The article presents the results of reviewing the latest publications of the American centers of independent political expertise in order to determine the nature of the representation of the Russian Federation in these texts. The pool of texts under analysis was formed randomly, using the search tools of think tank sites: search for publications by word (query “Russia”); sorting by publication period and publication type (if such a filter was on the site, the range of publications was limited to the types “articles”, “researches”). In total, 20 publications were selected for analysis, which included large analytical reports and medium-sized articles presenting expert opinions in a language accessible to a wide range of readers, up to borrowing features of a journalistic style. At the initial stage, a description of the socio-political factors that determine the urgency of the work is given. A definition of the concept of think tank is also suggested, and a conclusion is drawn about the importance of think tanks in the context of US national policy. The second stage describes the order of cognitive matrix analysis. The results of the application of this analytical strategy to identify the specific features of the image of Russia in the publications of think tanks are presented. Taking into account the purpose of the study, a particular cognitive matrix was chosen as the core of the analytical strategy. As a result of the study, a conclusion is made about the systematic representation of Russia in a negative way.

KEYWORDS: political linguistics, political discourse, cognitive linguistics, cognitive studies, think tanks, image of Russia, analytical articles, Internet, Internet space, Internet communication, Internet technologies, Internet discourse, Internet texts, Internet resources, language means.

AUTHOR'S INFORMATION: Dolgov Anton Aleksandrovich, Master's Degree Student, Education Specialist of the Institute of Philology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Dolgov A. A. (2024). Conceptual Reflection of Russia in the Publications of American “Think Tanks” (An Experience of Cognitive Frame Analysis). In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 34-45. (In Russ.).

Данная работа посвящена специфике изображения образа России в публикациях американских *think tanks*¹. *Think tanks* — исследовательские организации особого типа, главным назначением которых является осуществление независимой экспертизы для аналитического сопровождения, в первую очередь, политической деятельности.

Наш интерес к *think tanks* США в контексте представления образа России обусловлен усилившимся вниманием к РФ в медиа и политическом дискурсах с момента эскалации конфликта на Украине в феврале 2022 года. Притом в нарративах западных источников общественного мнения преобладает негативная оценка действий российского государства. Основой для критики является инициированная руководством Российской Федерации специальная военная операция. Ведущими американскими медиа и политическими лидерами СВО определяется как акт преступной агрессии. Одним из первых среди наиболее влиятельных фигур США выступил Д. Байден: «*Российские военные начали жестокое наступление на народ Украины без повода, без обоснования, без необходимости. Это преднамеренное нападение. Владимир Путин планировал это в течение нескольких месяцев — как я, как мы все это время говорили. Он перебросил более 175 000 военнослужащих и военную технику на позиции вдоль украинской границы*»² [Remarks by President Biden... www].

В последующие два года происходило расширение предметного спектра критики РФ. Так, частотны комментарии относительно крайней недемократичности российской власти: имеет место изображение политического режима как авторитарного, практически единовластно контролируемого В. В. Путиным³.

Развитие также получил тренд на негативизацию имиджа России как международного актора. России приписывается агрессивная внешняя политика: стремление подчинить собственному влиянию другие страны, готовность к применению ядерного оружия без учета глобальных рисков и т. д.

По мнению автора исследования, характер негативизации имиджа России может быть обобщен понятием «милитаристское государство», использованным для описа-

ния РФ журналисткой Ю. Латыниной в статье «*Russia Isn't a Military State. It's a Delusional One*» [Latinyna Y. www]. Милитаризм, как фундамент государственного режима, подразумевает недемократическую власть, доминирование военизированных институтов в общественной жизни, экспансионизм в международных отношениях и ряд иных элементов [Bledsoe E. www]. В рамках текущего исследования категория «милитаристское государство» была использовано нами как концептуальный ориентир для анализа репрезентации образа России в американской публичной повестке. *Think tanks*, подобно СМИ, в большом количестве публикуют материалы, посвященные российско-украинскому конфликту. В связи с влиянием американских *think tanks* на национальную повестку, характер репрезентации России в их текстах важен для понимания текущих отношений между двумя государствами.

Термин *think tank*, равно как обозначаемый им особый тип исследовательского сообщества, относится, согласно ряду источников, к первой половине — середине XX века. В энциклопедии *Britannica* указано, что изначально понятие возникло в период Второй мировой войны как жаргонизм американского военного командования [Think Tank // Britannica www]. Такое же предположение выражает исследователь Д. Стоун, поясняя, что данным жаргонизмом назывались укромные помещения для обсуждения тактических вопросов [Stone 2013: 9].

Иное обозначение и широкую популярность выражение приобрело после войны, с ростом значимости центров, представители которых давали экспертную оценку, способствующую принятию тех или иных политических решений. К примеру, словосочетание *think tank* стало определением американской организации «*RAND Corporation*» (1948), чьи результаты аналитической работы были востребованы правительством США в ходе лунной гонки, ядерного противостояния с СССР, вьетнамского конфликта [Medvetz: 26]. Именно с «*RAND*» некоторые исследователи связывают сращение понятия *think tank* с центрами политической аналитики.

Дж. Макганн видит в *think tanks* учреждения, которые проводят исследования, ана-

¹ Далее для номинации *think tanks* могут быть задействованы термины, которыми другие исследователи зачастую также обозначают учреждения данного типа (*фабрики мысли, мозговые центры, аналитические центры*).

² Здесь и далее англоязычные цитаты даны в переводе автора статьи.

³ Примеры изображения российского режима авторитарным можно найти в материалах изданий *The Guardian* [Jenkins S. www] и *Slate* [Judah B. www].

лиз и консультации по внутренним и междуна-родным вопросам, что позволяет политикам и общественности принимать обоснованные решения. Такие заведения, по мнению Макганна, часто выступают в качестве связующего звена между академическим сообществом и политиками, предлагая результаты независимых прикладных и фундаментальных исследований на доступном языке [McGann 2016].

В более поздних исследованиях получает развитие проблема диффузии понятия *think tank*. Т. Медвец считает, что современный *мозговой центр* как область интеллектуальной деятельности находится в центре сопряжения множества других отраслей: экономики, политики, медиа, академической сферы [Medvetz 2008: 1–5]. Влияние организаций, представляющих смежные сферы, не может не отражаться на столь значимой для классического западного варианта интерпретации составляющей — независимости. *Мозговой центр* финансируется определенной стороной, выполняет заказ определенной стороны, реализует исследовательскую и публикационную деятельность в чужой сфере. Как следствие, меняется суть *think tank*: из нейтрального аналитического института он может перейти в разряд механизма частного лоббирования, политической пропаганды и т. д. По мнению Медвеца, говоря о *think tanks*, мы имеем дело с многогранным явлением, гибридность которого парадоксально можно трактовать и как недостаток, и как преимущество.

Вместе с тем, учитывая межинституциональное положение *think tanks*, ряд экспертов говорят о присущем *фабрикам мысли* широком спектре механизмов продвижения собственных интересов и оказания влияния через взаимодействие со смежными структурами. Так, Э. Мендисабаль отмечает, что близость центра к идеологически ориентированной работе может открыть доступ к таким предпочтениям, как стабильное финансирование и полезные связи с правительственными институтами. Контакты с правительством делают *фабрики мысли* привлекательными для партнеров из академической сферы, бизнеса и медиа. При таком раскладе *think tank* занимает позицию центрального связующего элемента в системе ветвей власти и получает широчайший инструментарий для решения собственных задач. На этом

основании некоторые современные специалисты определяют *мозговые центры* как «пятую власть»¹.

Р. С. Выходец и М. С. Тарасова выделяют набор актуальных механизмов политического воздействия *think tanks* [Выходец, Тарасова 2018]. К прямым механизмам относятся: выступления экспертов центров на слушаниях в Сенате и политических комиссиях, направления официальных отчетов чиновниками, неформальные контакты с политиками; участие в разработке доктрин, занятие специалистами центров политических должностей. К косвенным механизмам эксперты относят деятельность, направленную на вовлечение общественности: публикации и выступления в СМИ, просветительская работа, интернет-продвижение.

Речевая деятельность *think tanks* может воплощаться в различных видах коммуникации, что стоит учитывать в ходе рассмотрения текстов *мозговых центров*. А. П. Чудиновым выделяются несколько разновидностей политической коммуникации [Чудинов 2006: 37]:

1. Аппаратная коммуникация, осуществляемая внутри государственных или общественных организаций;

2. Публичная политическая коммуникация, адресатом которой является широкая общественность;

3. Медийная политическая коммуникация, реализуемая в соответствующих формах при помощи средств массовой информации;

4. Непрофессиональная коммуникация, субъектом которой преимущественно выступают рядовые граждане.

Аналитическая записка, подготовленная экспертами по запросу госоргана, соотносится с аппаратной коммуникацией. Выступление специалиста *think tank* в телепередаче в качестве приглашенного аналитика — пример медийной коммуникации. Как следствие, набор средств, благодаря которым в нарративе *фабрик мысли* формируется образ государства, может быть неоднородным.

Образ государства, репрезентируемый в тексте, по сути своей есть совокупность концептов, содержащих авторскую интерпретацию различных характеристик страны. Таким образом, дальнейшая часть нашего исследования осуществлена с опорой на аналитический инструментарий когнитивистики.

Предложенный когнитивистом Н. Н. Болдыревым метод когнитивно-матричного ана-

¹ Термин «пятая власть» (fifth estate) не является общепринятым научным понятием. Тем не менее, он достаточно часто встречается в работах западных исследователей, где употребляется для названия института *think tanks*. «Пятая власть» является своего рода продолжением неформальной градации, в рамках которой, например, журналистика признается «четвертой властью». Можно предположить, что популяризатором сочетания «fifth estate», обозначающего *мозговые центры*, стал исследователь Дж. Макганн [McGann 2016].

лиза позволяет рассмотреть в связке концептуальные единицы, выраженные в различных языковых формах. В основе метода лежит построение концептуальной модели исследуемой части действительности — когнитивной матрицы.

Н. Н. Болдырев отмечает, что имеют место два структурных типа такого рода модели: общая и частная. Общая матрица позволяет реконструировать ту или иную концептуальную область, представив ее компоненты (аспекты связанных с этой областью понятий и их конкретное содержание). Как пример, АРМИЯ, как концептуальное поле, может быть разложено на компоненты: СОЛДАТЫ, ВООРУЖЕНИЕ, КОМАНДОВАНИЕ и т. д.

Особенность частной когнитивной матрицы заключается в построении по принципу: «ядро — периферия». Ядро матрицы — объект мысли. На многокомпонентной периферии располагаются аспекты осмысления ядра в различных когнитивных контекстах. «Когнитивно-матричный анализ в этом случае направлен на выявление концептуальных характеристик ядра, когнитивных контекстов (компонентов матрицы) как областей осмысления этих характеристик и анализ их взаимосвязей» [Болдырев 2014: 64].

Алгоритм когнитивно-матричного анализа, описанный Н. Н. Болдыревым, предполагает следующие этапы:

- 1) Выявление интегративного концепта;
- 2) Построение на основе выявленного концепта когнитивной матрицы;
- 3) Описание компонентов модели, образующих систему когнитивных контекстов или концептуальных областей, а также задействованных для их воплощения языковых средств;
- 4) Определение характеристик объекта, интерпретируемых в конкретных контекстах;
- 5) Исследование взаимосвязей объекта и этих контекстов;
- 6) Описание когнитивных механизмов, которые обуславливают формирование соответствующих языковых значений;
- 7) Изучение языковых механизмов и языковых средств, используемых для выражения этих значений.

Данный алгоритм стал опорой для проведения нами анализа образа России в текстах американских *think tanks*.

Исходя из цели исследования, мы изобразили частную когнитивную матрицу в каче-

стве срежня нашей аналитической стратегии. В ядро матрицы было заложено понятие «милитаристское государство», которое было упомянуто нами ранее. Концептуальные компоненты ядра МИЛИТАРИСТСКОЕ ГОСУДАРСТВО были выделены благодаря толкованию понятия «милитаризм» в словарях и энциклопедических источниках¹. Обобщив рассмотренные толкования, мы определили основные черты милитаристского государства и включили их в нашу матрицу на позицию периферии. Так, концептуальными компонентами ядра стали:

- **АВТОРИТАРНЫЙ РЕЖИМ**

Подразумевается наличие недемократического правительства. Власть сконцентрирована в руках одного лидера либо малой группы лиц. Государственный курс обуславливается исключительно личными мотивами и установками властьдержущих. Народ не имеет политической воли, как и ресурсов для ее реализации. Оппозиция слабо выражена либо отсутствует.

- **ЭКСПАНСИОНИЗМ**

Страна проявляет интенции к захватническим действиям: от агрессивной риторики по отношению к международным партнерам до проведения военных кампаний.

- **ВОЕННАЯ МОЩЬ**

Военный потенциал имеет практически первостепенное значение для государства. Наличие богатого арсенала, уникального оружия либо сильной армии придает государству уверенности для смелой, порой грубой, внешней политики.

- **ЭКОНОМИКА**

Экономика милитаристского государства рассматривается в контексте его конфронтационных интенций. С одной стороны, контексты данного компонента могут быть посвящены ориентации экономических и производственных мощностей на наращивание боевого потенциала. С другой, экономика представляется как пространство противостояния государства-агрессора и других акторов.

- **ИДЕОЛОГИЯ**

Концептуальный компонент охватывает идеи, навязываемые режимом населению для включения последнего в орбиту экспансионистской политики. Общественность убеждается в том, что их государство борется за выживание со смертоносным врагом, реализует свое особое величественное назначение, стремится восстановить историческую справедливость и т. д.

¹ Компоненты концептуальной модели были определены благодаря статьям словарей «Britannica» [Britannica Dictionary definition of MILITARISM www] и «The American Heritage Dictionary of the English Language» [Militarism // The American Heritage Dictionary], а также «Большой российской энциклопедии» [Милитаризм // Большая российская энциклопедия].

Через оптику полученной матрицы были рассмотрены тексты американских *think tanks*, опубликованные в открытом доступе на веб-сайтах организаций в период с февраля 2022 г. по декабрь 2023 г. В выборку попали материалы «RAND Corporation», «The Heritage Foundation», «Carnegie Endowment for International Peace», «Council for Foreign Affairs», «Brookings University». Пул анализируемых текстов был сформирован случайным образом, притом использовались следующие поисковые инструменты сайтов *think tanks*: поиск публикаций по слову (были представлены материалы по запросу «Russia»); сортировка по периоду публикации и типу публикации (если такой фильтр был на сайте, спектр публикаций ограничивался типами «articles», «researches»). Всего для анализа было отобрано 20 публикаций, в число которых вошли крупные аналитические отчеты и статьи среднего объема, представляющие экспертное мнение на доступном для широкого круга читателей языке вплоть до заимствования черт публицистического стиля.

Методом сплошной выборки из отобранных текстов были выделены контексты, содержательно коррелирующие с компонентами нашей матрицы. Контекст — фрагмент, в котором обнаружена необходимая для анализа единица. При этом содержание контекста должно быть достаточным для понимания значения единицы в конкретном случае.

Разнообразие публикационной деятельности *think tanks* определило аналитическую стратегию нашего исследования, в том числе неоднородный характер искомым единиц. В число анализируемых единиц вошли такие механизмы создания образа России, как стилистически окрашенная лексика, тропы, фразеологические единицы, стилистически нейтральные единицы разного объема, которые концептуально соотносятся с компонентами матрицы.

Особое внимание при выявлении и анализе единиц было уделено метафорам. В политической и когнитивной лингвистике метафора рассматривается не просто как троп, но как способ постижения и категоризации действительности. В процессе политической коммуникации метафора расширяет содержательный объем сообщения и является средством преобразования установок адресата [Чудинов 2006: 21].

Далее представлены результаты рассмотрения посвященных России текстов американских *think tanks* за период 2022–2023 гг. На основе используемой когнитивной модели из текстов были выделены фрагменты, содержание которых соответствует

тому или иному компоненту нашей модели. Каждый фрагмент получил комментарий, поясняющий его концептуальную отнесенность к определенному компоненту модели.

КОМПОНЕНТ «АВТОРИТАРНЫЙ РЕЖИМ»

В рассмотренных нами публикациях *мозговых центров* российская власть преподносится преимущественно как авторитарный режим. Верховному лидеру приписывается абсолютная полнота власти и ответственность за международную агрессию России. Притом решения президента зачастую изображаются иррациональными. Государственные цели приравниваются к личным прихотям политика.

Приближенные президента обладают минимальной долей власти, но их субъектность нивелируется под авторитетом лидера. Народ изображается абсолютно безвластным. Утверждается, что некоторая оппозиционность просматривалась на протестных акциях против конфликта на Украине, но такие движения теперь не проявлены. Власть, как отмечается в ряде публикаций, без сочувствия готова принести народ в жертву.

Также нами был зафиксирован подход к изображению авторитаризма в России через сопоставление с демократическим режимом в США.

Vladimir Putin's dreams of Ukraine re-incorporated into Russia, of breaking up NATO, and of Russia leading a global anti-Western alliance are collapsing about him [The U.S. and Its Allies... www].

Ядром фрагмента является яркая антропоморфная метафора «dreams». Основания внешней политики России представляются как мечты ее президента, не рациональное государственное управление.

Unlike the West, the Russian state does not distinguish clearly between the state and today's regime [The U.S. and Its Allies... www].

Через противопоставление подчеркивается инаковость российского режима относительно западных стран. Корневое различие заключается в пропорциональном несоответствии категорий государства и режима: Россия воспринимается исключительно через оптику режима, что позволяет сделать вывод о ее недемократичности.

Putin's dream of Russia as an anti-Western, quasi-Soviet, illiberal state is facing humiliation and defeat. In Putin's mind, this crisis may have become existential—which, under Russian doctrine, would justify the use of any and all weapons [The U.S. and Its Allies... www].

Антропоморфные метафоры «мечты Путина» и «сознание Путина» помогают автору

свести государственный курс к нерациональному мышлению президента. При этом России присваиваются такие характеристики, как враждебность по отношению к Западу, сходство с СССР как с тоталитарным режимом, нелиберальность. С учетом перечисленных атрибутов, автором делается вывод о возможном применении Россией оружия массового уничтожения в случае ее неудач в текущем противостоянии, которое кажется Путину конфликтом за существование его государства.

The tiny Russian security elite may be working itself into a state of near hysteria about the existence of a rival value system—Western democracy and Kyiv’s attempt to adopt it—seeing it as a threat to the future of Russia [The U.S. and Its Allies... www].

Эпитет «tiny», с одной стороны, помогает представить круг принимающих решения лиц как крайне малочисленную группу. С другой, добавляет образу военной элиты элемент незначительности. Эта незначительность, по мнению автора, проявляется в истерии военной элиты, которая может возникнуть в случае угрозы их системе ценностей. О тоталитарном характере этих ценностей говорится через оппозицию: «ценности российского режима — западная демократия».

Putin has, for example given his approval to the Russian political philosopher Ivan Ilyin, an emigré from the Soviet Union whose philosophy has been described as “Russian, Christian fascism” [The U.S. and Its Allies... www].

Воззрения президента на роль государства во внешней политике характеризуются путем упоминания идеологических авторитетов первого лица. Автором подчеркивается интерес президента к философии Ивана Ильина. Следом приводится распространенное мнение об идеях Ильина как о специфичном направлении фашизма.

Either a victorious Putin or a beleaguered Putin is still a dangerous Putin. If he succeeds in Ukraine, his appetite for adventure may grow [The U.S. and Its Allies... www].

Фрагменту свойственен возвышенный тон. Противопоставление эпитетов «victorious» и «beleaguered» подразумевает неопределенность будущего России в рамках конфликта на Украине. При этом взаимоисключающие сценарии сводятся к общему заключению — в любом случае Россия останется международной угрозой.

Образ России передается путем персонализации «государство = Путин». Примечательно также употребление в данном контексте неопределенного артикля «a» с фамилией «Putin». Таким способом сообщает-

ся, что Путин — не личность, а нечто иное (режим).

Экспансионистская сущность государства передается синтаксемой *appetite for adventure*, которая укрепляет единоличность российской власти и ее иррациональную суть.

But we must not forget that Putin does not care about the well-being of his population, or of those who serve in his military. The so-called oligarchs have little sway. The early street protests in Moscow and St. Petersburg, which seemed so inspiring on social media in the first days after the invasion, represented a tiny percentage of a decimal point of the overall Russian population. Given these realities, Putin can still hope to maintain escalation dominance. The conflict ends when he decides to end it, when he has had enough—or is gone [It Should Not Have Been a Surprise... www].

Во фрагменте российский режим (через образ первого лица) изображен как безучастный по отношению к собственному народу и армии. Несущественное влияние имеет небольшая олигархическая прослойка. Малая часть россиян в начале эскалации российско-украинского конфликта безуспешно пыталась выразить свое несогласие с политикой государства, однако протестное движение быстро затухло. Таким образом, решения, связанные с конфликтом, единолично принимает президент России. Автор фрагмента патетически описывает варианты завершения противостояния: лидер либо «насытится», либо его не станет. Этим подчеркивается хищничество и неисправимость российского режима.

Likewise, Western governments would be wise to put off talk of war crimes tribunals for senior Russian officials and stop boasting about helping Ukraine target senior Russian generals and ships [It Should Not Have Been a Surprise... www].

Из фрагмента можно сделать вывод, что деятельность российского военного командования воспринимается западными лидерами как преступление. Автор фрагмента не оспаривает это мнение, а лишь советует ограничить такую риторику для формирования диалога с Россией.

It may well be that constructive relations with Russia do not emerge until well into a post-Putin era [Is Diplomacy Between Russia and the West Still Possible? www].

Неологизм, в структуру которого вошли фамилия «Putin» и префикс со значением «после», служит в данном контексте для описания двух эпох. В текущей действительности парадигма отношений Запада с Рос-

сией определяется фактором президентства Путина, из-за чего конструктивного диалога быть не может. В будущем шанс на улучшение этой ситуации есть, но только после смены действующего лидера.

КОМПОНЕНТ «ЭКСПАНСИОНИЗМ»

Экспансионизм приписывается России как давняя черта, обусловленная режимом. Лидеры режима стремятся воплотить концепцию великой страны: подчинить своему влиянию соседние страны; ослабить позиции крупнейших мировых держав. Отмечается, что нынешняя ситуация на Украине является актом экспансии, причем не первым в истории современной России. Неоднократно подчеркивается угроза, которую представляет Россия для стран Запада.

Evidence from both the Syrian war and the Ukraine conflict also shows that the Russian regime has a much higher tolerance threshold than the West for military and civilian casualties [The U.S. and Its Allies... www].

Автор фрагмента описывает российский режим как готовый пойти на военные и гражданские жертвы для достижения своих целей. Для аргументации автор упоминает действия России в Сирии и Украине. Для усиления аргументации российский образ мышления противопоставляется западному.

Moreover, Putin's concept of "greater Russia," with Ukraine and Belarus in Russia's sphere of influence, is indeed under mortal attack: Ukrainians collectively want to be free of Russian control [The U.S. and Its Allies... www].

В данном контексте верховному лидеру приписывается авторство концепта «Великой России», подразумевающей присутствие Украины и Беларуси в орбите российского влияния. Путинский концепт распадается из-за стремления украинцев дистанцироваться от этой орбиты. Заметна концептуальная связь этого фрагмента с компонентом «Авторитарный режим».

A Russia that emerges from the Ukraine war capable of further territorial aggression could threaten NATO (triggering U.S. Article V commitments), non-NATO countries, and international trade routes [The U.S. and Its Allies... www].

Создается образ России как государства, которое, с большой вероятностью, после выхода из конфликта с Украиной продолжит проявлять агрессию против других международных акторов. Экспансионизм подразумевается в качестве «хронического» свойства России.

Russia, which is still considered a "profoundly dangerous" threat to U.S. national security, is being materially diminished. According to leaked U.S. intelligence reports,

Russia is estimated to have suffered 189,500—223,000 total casualties, including 35,500—43,000 killed [How Think Tanks Became Engines of Royal Propaganda www].

Заметна концептуальная близость с компонентом «Авторитарный режим». По мнению автора фрагмента, несмотря на внушительные потери живой силы, экспансионизм России остается проблемой.

There is a clear strategic advantage for the United States in the defeat of Vladimir Putin's barbaric war on Ukraine, both in terms of preventing future Russian aggression in Europe and deterring Chinese expansionism by demonstrating Western resolve and lethality [How Think Tanks Became Engines of Royal Propaganda www].

Эпитет «barbaric» определяет действия российского режима как несвойственное цивилизованному миру агрессию. Пересечение с компонентом «Авторитарный режим» проходит по линии отождествления режима с верховным лидером.

Despite occasional, and tactical, cooperation with the West, such as immediately after 9/11, Putin has racked up a long list of global aggressions: Invading Georgia. Invading Ukraine—twice [It Should Not Have Been a Surprise www].

Согласно данному фрагменту, кооперация с Путиным (российским режимом, компонент «Авторитарный режим») была возможна лишь в редких, исключительных случаях, наподобие терактов 11 сентября. В остальном режим показывает на международном уровне устойчивую агрессию, пиковыми точками которой в прошлом были вторжения в Грузию и Украину.

Next door to Georgia, in Armenia, in summer 2020, President Nikol Pashinyan—another leader out of favor with Moscow—saw his domestic position and foreign policy autonomy crushed by war with Azerbaijan. Elsewhere, in 2020-2021, Belarussian strongman Aleksandr Lukashenko, who infuriated Moscow with his frequent political overtures to Brussels and Washington at Russia's expense, was forced back into the fold frightened by the wrath of his own disgruntled population [Russia's assault on Ukraine... www].

По мнению эксперта Института Брукинса, экспансионизм России может проявляться не только в форме военного столкновения. Российский режим имеет средства для осуществления более изобретательного воздействия — организация прокси- и гражданских конфликтов. Автор видит связь между ситуациями, когда Россия рисковала потерять влияние над странами СНГ, и последующими кризисами.

КОМПОНЕНТ «ВОЕННАЯ МОЩЬ»

О военном потенциале России говорится как о ресурсе для осуществления международной агрессии. Наибольшее внимание уделяется оружию массового поражения, упоминание которого регулярно имеет место в риторике российских политиков. Экспертам *think tanks* свойственно мнение, что на данный момент российский режим лишь «бряцает оружием», чтобы деморализовать соперников. Тем не менее, эксперты считают, что угрозы могут быть реализованы в случае, если ситуация на Украине в военном плане перестанет быть успешной для РФ.

The U.S. and Its Allies Must Understand and Respond to Russia's Nuclear Threats and Respond to Russia's Nuclear Threats [How the United States Can Support... www].

Заголовок характеризует Россию как страну, проводящую агрессивную риторику с опорой на оружие массового уничтожения.

Disaster for Russia's imploding armed forces may well await, and, eventually, Ukraine's armed forces will likely threaten to break Russia's land corridor linking Crimea to the Donbas. At that point, Putin will make one of the most fateful decisions of the century: to use nuclear or chemical weapons or not [The U.S. and Its Allies... www].

Центром фрагмента является заявление о возможности использования Россией ядерного или химического оружия в конфликте с Украиной. Для обоснования позиции автор описывает вероятный, по его мнению, сценарий, при котором армия РФ оказывается слабее армии противника и прибегает к оружию массового уничтожения. Стилистически окрашенное «one of the most fateful decisions of the century» усиливает образ России как государства, готового распорядиться судьбой мира в случае своего поражения. Также наблюдается пересечение с компонентом «Авторитарный режим». Важнейшее решение принимается единолично президентом.

Russian military doctrine, combined with Russian practice, statements from the nation's political leaders, and informed Western commentary, can shed light on the seriousness of the threat of Russian use of nuclear, biological, or chemical weapons [How the United States Can Support... www].

Автором отмечается, что о серьезности угроз России относительно применения средств массового уничтожения, можно судить по военной доктрине России, риторике политиков, а также ее предыдущим действиям.

For the Kremlin, nuclear weapons arguably provide a kind of comfort blanket [How the United States Can Support... www].

Через артефактную метафору подчеркивается зависимость России от ядерного оружия.

Forecasting in Russian military affairs today assumes that the armed forces are part of a larger state system that consists of interrelated political, economic, historical, cultural, technological, and military elements, and functions in certain geopolitical conditions [Russian Military Forecasting and Analysis... www].

В данном фрагменте исследования «RAND» описывается принцип стратегического прогнозирования, свойственный российскому военному командованию. Суть принципа в восприятии вооруженных сил в связке с культурой, экономикой, политикой, историей, технологическим развитием. Подразумевается, что военный компонент пронизывает все социальные сферы России и они могут действовать в связке в зависимости от обстоятельств.

Nuclear weapons and threats figured among topics discussed during Russian President Vladimir Putin's annual meeting with the Valdai Discussion Club on October 5. Since Russia's all-out assault on Ukraine in 2022, Putin and others have rattled the nuclear saber — sometimes subtly, sometimes loudly — in a bid to dissuade Kyiv from resisting and the West from supporting that resistance [Russian military further polarizes... www].

Фрагмент концептуально близок компонентам «Авторитарный режим», «Экспансионизм». Метафорическое содержание устойчивого сочетания «saber rattling» расширено прилагательным «Nuclear». Деятельность российского экспертного сообщества на одной из самых авторитетных дискуссионных площадок государства заключалась в угрозах Западу и Украине ядерным оружием. Ориентиром для участников площадки в их агрессивной риторике выступал верховный лидер страны.

КОМПОНЕНТ «ЭКОНОМИКА»

В отобранных нами публикациях экономика РФ преимущественно рассматривается в контексте санкций. Экономическая политика РФ признается эффективной в связи с ее устойчивостью под санкционным давлением. Эксперты отмечают необходимость санкций, накладываемых на различные сферы российской экономики, ведь доходы России дают ей ресурс для военной агрессии.

Moscow has effectively moved over the past decade of Putin's rule to shore up the Russian economy against Western sanctions, including through paying off state debts and making strategic direct investments in companies across Europe in critical infrastructure, energy, and metallurgy [Russian military further polarizes... www].

Автор фрагмента, судя по всему, объясняет причины, по которым экономика РФ устояла под санкциями. Внешнеэкономический курс России последнего десятилетия преподносится как подготовка к острому противостоянию. Политика России, заключающаяся, например, в воздержанности от инвестиций в европейские компании и в погашении госдолга, признается эффективной.

Russia's economic interests and maximize Moscow's options and leverage. He has instructed Russian oligarchs in his innermost circle to "de-offshore" or repatriate their key operations and assets, and diversified Russia's trade relations away from Europe and the U.S. But he has also assiduously courted international corporations to give them a direct stake in the Russian economy. Putin continues to try to deepen ties with the private sectors of key European countries even at the height of this crisis to off-set any retaliatory economic actions the West might take [Russian mutiny further polarizes... www].

Детализированное описание защитных экономических мер. Для нивелирования урона западных санкций Президент России в разгар кризиса продолжает предпринимать различные меры: налаживание связей с частным сектором Европы, уход от ориентации на Запад в торговых делах и т. д. Одним из механизмов реализации внешнеэкономической политики называется подчиняющаяся президенту олигархия. Заметна связь с компонентом «Авторитарный режим», что проявляется в моделях *he has instructed, he has also assiduously courted*, создающих впечатление о единоличном влиянии президента на политику.

For Putin, trade and investment are means of securing political leverage, along with offering lucrative positions on Russian corporate boards to former high-ranking Western politicians and grandees [Russian mutiny further polarizes... www].

Экономическая сфера России определяется как сфера интереса Путина: пространство воплощения его политических экспансионистских амбиций.

Russian President Vladimir Putin, for his part, needs to achieve an outcome that justifies his costly invasion lest he appear weak and be challenged at home [Is Diplomacy Between Russia and the West Still Possible? www].

Автор фрагмента определяет СВО как дорогостоящий проект лидера России. В том случае, если данный проект окажется неприбыльным, внутривластный авторитет Владимира Путина ослабнет.

But, until Russia's behavior changes, sanctions should not just remain in place but

be extended to cover energy imports that are funding the Russian war effort [Is Diplomacy Between Russia and the West Still Possible? www].

Санкционное давление на Россию является реакцией на ее международную агрессию. До тех пор, пока Россия не откажется от экспансионистского курса, по мнению автора фрагмента, санкции остаются необходимостью. Главной целью санкций должен стать импорт энергоресурсов как основной источник средств для «российской войны».

КОМПОНЕНТ «ИДЕОЛОГИЯ»

Авторами американских *think tanks* указывается, что российской властью продвигается особая идеология, настраивающая массы на воинственное отношение к Западу. В ядре этой системы — идея об угрозе существованию нации со стороны западных стран. Как следствие, русский народ стоит перед необходимостью солидаризироваться и выступить войной против Запада.

Despite the Russian state's declared belief that it faces a crisis fomented by the West, there is, objectively, no serious existential threat to the Russian Federation. Regardless, the war in Ukraine has been framed in existential terms by the Russian state in its messaging to the Russian public [Russia's assault on Ukraine... www].

Автор фрагмента отмечает, что правительство России навязывает народу образ Запада как экзистенциальной угрозы (что не является действительностью). Как следствие, конфликт на Украине интерпретируется для масс как борьба за существование нации.

Indeed, Russian national ideologists have fetishized ideas linking Russian Orthodox Christianity and nuclear weapons. Russia's nuclear weapons and Russian Orthodoxy are the "sword and shield"—the so-called atomic Orthodoxy—against the chaos, or the Antichrist, which these ideologists identify as the U.S. and NATO. The sword and the shield are also the symbols of Putin's old KGB and now his FSB» [Russia's assault on Ukraine... www].

В приведенном контексте образы Русской православной церкви и ядерного потенциала России представлены как идеологемы, смешивающиеся в целях формирования у масс соответствующего образа мышления. Для изображения сути этой идеологии автор прибегает к метафорам. Через социоморфную метафору «*atomic Orthodoxy*» автор заявляет об особой ценностной системе. В рамках этой системы особо значимы вера и ядерное оружие: они выступают опорой в судьбоносной битве, что показано через артефактную метафору «*sword and shield*».

Характер самого противостояния раскрывается через религиозные образы «chaos» и «Antichrist» — благодаря этим образам автор пытается объяснить, как трактуются США и НАТО российской идеологией.

Также автор подмечает, что щит и меч являются символами российских спецслужб. Таким образом эксперт пытается выстроить взаимосвязь между отношением верховного лидера к силовым структурам и его ролью в формировании военной идеологии.

The Russian President is a student of history. He knows Russian history inside out, but he also has his very own version of history. The Kremlin and Putin have long deployed Russia values and Russian history as weapons in their conduct of information warfare, especially when it comes to Ukraine. For Putin, every aspect of the Ukraine conflict has been made personal [Russia's assault on Ukraine... www].

Посредством социоморфной метафоры «a student of history» подчеркивается интерес В. Путина к истории, однако далее формируется контраст — «he also has his very own version of history». Президент России задействует национальную память и ценности как оружие в информационной войне, в частности, в ходе конфликта на Украине. Более того, конфликт с Украиной стал для российского президента личным делом.

Обнаруженные фрагменты позволяют судить о том, что в дискурсе американских *think tanks* на данный момент имеет место присвоение России черт милитаристского государства. Равно как многие СМИ, американские *мозговые центры* склонны изображать РФ как страну с авторитарной властью, готовую к агрессии против других международных акторов. Учитывая влияние *think tanks* на национальную повестку США, данная тенденция может быть маркером долгосрочного кризиса в отношениях с Россией.

ИСТОЧНИКИ

1. Милитаризм // Большая российская энциклопедия : научно-образовательный портал. — URL: <https://bigenc.ru/c/militarizm-f7dc6e/?v=5622578> (дата обращения: 10.02.2024). — Текст : электронный.
2. Bledsoe, E. What is a Military State? All You Need to Know! / E. Bledsoe. — Text : electronic // The Soldiers Project. — URL: <https://www.thesoldiersproject.org/military-state/> (date of access: 22.04.2024).
3. Britannica Dictionary definition of MILITARISM // The Britannica Dictionary. — URL: <https://www.britannica.com/dictionary/militarism> (date of access: 10.02.2024). — Text : electronic.
4. How the United States Can Support Ukraine Without Compromising Deterrence in the Indo-Pacific // The Heritage Foundation. — URL: <https://www.heritage.org/defense/report/how-the-united-states-can-support-ukraine-without-compromising-deterrence-the-indo> (date of access: 13.03.2024). — Text : electronic.

5. How Think Tanks Became Engines of Royal Propaganda // TABLET. — URL: <https://www.tabletmag.com/sections/history/articles/think-tanks-jacob-soll-propaganda> (date of access: 19.03.2024). — Text : electronic.

6. Is Diplomacy Between Russia and the West Still Possible? // Council on Foreign Relations. — URL: <https://www.cfr.org/article/diplomacy-between-russia-and-west-still-possible> (date of access: 13.03.2024). — Text : electronic.

7. It Should Not Have Been a Surprise: The Threat from Putin's Russia // RAND Corporation. — URL: <https://www.rand.org/pubs/commentary/2023/08/it-should-not-have-been-a-surprise-the-threat-from.html> (date of access: 13.03.2024). — Text : electronic.

8. Jenkis, S. Putin is a dictator and a tyrant, but other forces also sustain him — and the west needs to understand them / S. Jenkis. — Text : electronic // The Guardian. — URL: <https://slate.com/news-and-politics/2022/03/putin-russia-totalitarianism-soviet-style-oppression.html> (date of access: 20.04.2023).

9. Judah, B. How Putin Plunged Russia Toward Totalitarianism / B. Judah. — Text : electronic // Slate. — URL: <https://slate.com/news-and-politics/2022/03/putin-russia-totalitarianism-soviet-style-oppression.html> (date of access: 20.04.2023).

10. Latinyna, Y. Russia Isn't a Military State. It's a Delusional One / Y. Latinyna. — Text : electronic // The Wall Street Journal. — URL: <https://www.wsj.com/articles/russia-isnt-a-military-state-its-a-delusional-one-putin-ukraine-war-propaganda-military-nuclear-outdated-11651420669> (date of access: 20.04.2024).

11. Mandate for Leadership Series // Heritage.org. — URL: <https://www.heritage.org/mandate> (date of access: 15.03.2024). — Text : electronic.

12. Militarism // The American Heritage Dictionary of the English Language. — URL: <https://ahdictionary.com/word/search.html?q=militarism> (date of access: 10.02.2024). — Text : electronic.

13. Remarks by President Biden on Russia's Unprovoked and Unjustified Attack on Ukraine // The White House. — URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/02/24/remarks-by-president-biden-on-russias-unprovoked-and-unjustified-attack-on-ukraine/> (date of access: 10.07.2023). — Text : electronic.

14. Russia's assault on Ukraine and the international order: Assessing and bolstering the Western response // The Brookings Institution. — URL: <https://www.brookings.edu/articles/russias-assault-on-ukraine-and-the-international-order-assessing-and-bolstering-the-western-response/> (date of access: 13.03.2024). — Text : electronic.

15. Russian Military Forecasting and Analysis // RAND Corporation. — URL: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PEA2081-1.html> (date of access: 13.03.2024). — Text : electronic.

16. Russian mutiny further polarizes American public support for Ukraine // The Brookings Institution. — URL: <https://www.brookings.edu/articles/russian-mutiny-further-polarizes-american-public-support-for-ukraine/> (date of access: 13.03.2024). — Text : electronic.

17. The U.S. and Its Allies Must Understand and Respond to Russia's Nuclear Threats // The Heritage Foundation. — URL: <https://www.heritage.org/defense/report/the-us-and-its-allies-must-understand-and-respond-russias-nuclear-threats> (date of access: 13.03.2024). — Text : electronic.

18. Think Tank // Britannica. — URL: <https://www.britannica.com/topic/think-tank> (date of access: 04.09.2023). — Text : electronic.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : учебное пособие / Н. Н. Болдырев. — 4-е изд., испр. и доп. — Тамбов : ТГУ им. Г. П. Державина, 2014. — 236 с. — Текст : непосредственный.
2. Братерский, А. В. Роль экспертного сообщества в украинской политике США (1990–2010-е годы) / А. Братерский. — Текст : непосредственный // Мировая экономика и международные отношения. — 2017. — № 3. — С. 84–93.
3. Будаев, Э. В. Зарубежная политическая лингвистика / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2008. — 352 с. — Текст : непосредственный.
4. Будаев, Э. В. Метафорический образ России в современном мире / Э. В. Будаев ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2009. — 276 с. — Текст : непосредственный.

5. Будаев, Э. В. Современная политическая лингвистика : учебное пособие / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Красильникова, А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : УрГПУ, 2011. — 252 с. — Текст : непосредственный.

6. Выходец, Р. С. Роль «мозговых центров» в формировании внешней политики США в период администрации Дональда Трампа: новые тенденции / Р. С. Выходец, М. С. Тарасова. — Текст : непосредственный // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. — 2018. — № 2 (39). — С. 59–66.

7. Диксон, П. Фабрики мысли / П. Диксон. — Москва : АСТ, 2004. — 505 с. — Текст : непосредственный.

8. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. — Москва : Флинта : Наука, 2004. — 296 с. — Текст : непосредственный.

9. Сегал, Н. А. Политический текст: метафорическое моделирование / Н. А. Сегал. — Москва : Флинта, 2017. — 248 с. — Текст : непосредственный.

10. Теория и методика лингвистического анализа политического текста / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, Е. В. Дзюба ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2016. — 308 с. — Текст : непосредственный.

11. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 256 с. — Текст : непосредственный.

12. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2001. — 238 с. — Текст : непосредственный.

13. McGann, J. The Fifth Estate: Think Tanks, Public Policy, and Governance. — 1st edition. — Brookings Institution Press, 2016. — 240 p. — Text : unmediated.

14. Medvetz, T. Think tanks in America / T. Medvetz. — Tetr: electronic // Internet Archive. — URL: <https://archive.org/details/thinktanksinamer000medv/page/n7/mode/2up> (date of access: 05.07.2023).

15. Medvetz, T. Think Tanks as an Emergent Field / T. Medvetz. — New York : Social Science Research Council, 2008. — 10 p. — Text : unmediated.

16. Stone, D. Capturing the Political Imagination: Think Tanks and the Policy Process / D. Stone. — Routledge, 2013. — 344 p. — Text : unmediated.

MATERIALS

1. The Great Russian Encyclopedia (n.d.). *Militarism*. The Great Russian Encyclopedia: scientific and educational portal. Retrieved Feb. 10, 2024, from <https://bigenc.ru/c/militarizm-f7dc6e/?v=5622578> (In Russ.)

2. Bledsoe, E. (n.d.). What is a Military State? All You Need to Know! *The Soldiers Project*. Retrieved Apr. 22, 2024, from <https://www.thesoldiersproject.org/military-state/>

3. Britannica Dictionary definition of MILITARISM (n.d.). *The Britannica Dictionary*. Retrieved Feb. 10, 2024, from <https://www.britannica.com/dictionary/militarism>

4. The Heritage Fou (n.d.). *How the United States Can Support Ukraine Without Compromising Deterrence in the Indo-Pacific*. Retrieved March 13, 2024, from <https://www.heritage.org/defense/report/how-the-united-states-can-support-ukraine-without-compromising-deterrence-the-indo>

5. TABLET (n.d.). *How Think Tanks Became Engines of Royal Propaganda*. Retrieved March 19, 2024, from <https://www.tabletmag.com/sections/history/articles/think-tanks-jacob-soll-propaganda>

6. Council on Foreign Relations (n.d.). *Is Diplomacy Between Russia and the West Still Possible?* Retrieved March 13, 2024, from <https://www.cfr.org/article/diplomacy-between-russia-and-west-still-possible>

7. RAND Corporation (n.d.). *It Should Not Have Been a Surprise: The Threat from Putin's Russia* Retrieved March 13, 2024, from <https://www.rand.org/pubs/commentary/2023/08/it-should-not-have-been-a-surprise-the-threat-from.html>

8. Jenkis, S. (n.d.). Putin is a dictator and a tyrant, but other forces also sustain him — and the west needs to understand them. *The Guardian*. Retrieved Apr. 20, 2024, from <https://slate.com/news-and-politics/2022/03/putin-russia-totalitarianism-soviet-style-oppression.html>

9. Judah, B. (n.d.). How Putin Plunged Russia Toward Totalitarianism. *Slate*. Retrieved Sept. 14, 2023, from <https://slate.com/>

news-and-politics/2022/03/putin-russia-totalitarianism-soviet-style-oppression.html

10. Latynina, Y. (n.d.). Russia Isn't a Military State. It's a Delusional One. *The Wall Street Journal*. Retrieved Apr. 20, 2024, from <https://www.wsj.com/articles/russia-isnt-a-military-state-its-a-delusional-one-putin-ukraine-war-propaganda-military-nuclear-outdated-11651420669>

11. *Mandate for Leadership Series* (n.d.). *Heritage.org*. Retrieved March 15, 2024, from <https://www.heritage.org/mandate>

12. Militarism (n.d.). *The American Heritage Dictionary of the English Language*. Retrieved Feb. 10, 2024, from <https://ahdictionary.com/word/search.html?q=militarism>

13. The White House (n.d.). *Remarks by President Biden on Russia's Unprovoked and Unjustified Attack on Ukraine*. Retrieved July 10, 2023, from <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/02/24/remarks-by-president-biden-on-russia-unprovoked-and-unjustified-attack-on-ukraine/>

14. The Brookings Institution (n.d.). *Russia's assault on Ukraine and the international order: Assessing and bolstering the Western response*. Retrieved March 13, 2024, from <https://www.brookings.edu/articles/russias-assault-on-ukraine-and-the-international-order-assessing-and-bolstering-the-western-response/>

15. RAND Corporation (n.d.). *Russian Military Forecasting and Analysis*. Retrieved March 13, 2024, from <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PEA2081-1.html>

16. The Brookings Institution (n.d.). *Russian mutiny further polarizes American public support for Ukraine*. Retrieved March 13, 2024, from <https://www.brookings.edu/articles/russian-mutiny-further-polarizes-american-public-support-for-ukraine/>

17. The Heritage Foundation (n.d.). *The U.S. and Its Allies Must Understand and Respond to Russia's Nuclear Threats*. Retrieved March 13, 2024, from <https://www.heritage.org/defense/report/the-us-and-its-allies-must-understand-and-respond-russias-nuclear-threats>

18. Think Tank (n.d.). *Britannica*. Retrieved Sept. 4, 2023, from <https://www.britannica.com/topic/think-tank>

REFERENCES

1. Boldyrev, N.N. (2014). *Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku* [Cognitive Semantics. Introduction to Cognitive Linguistics] [Textbook] (4th ed., correct. and add.). Tambov: TGU im. G. R. Derzhavina, 236 p. (In Russ.)

2. Braterskiy, A.V. (2017). Rol' ekspertnogo soobshchestva v ukrainской politike SShA (1990–2010-e gody) [The Role of the Expert Community in the Ukrainian Policy of the USA (1990–2010s)]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 3, 84–93. (In Russ.)

3. Budaev, E.V., & Chudinov, A.P. (2008). *Zarubezhnaya politicheskaya lingvistika* [Foreign Political Linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka, 352 p. (In Russ.)

4. Budaev, E.V. (2009). *Metaforicheskiy obraz Rossii v sovremennom mire* [Metaphorical image of Russia in the modern world]. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 276 p. (In Russ.)

5. Budaev, E.V., Voroshilova, M.B., Dzyuba, E.V., Krasilnikova, N.A., & Chudinov, A.P. (2011). *Sovremennaya politicheskaya lingvistika* [Modern political linguistics] [Textbook]. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 252 p. (In Russ.)

6. Vykhodets, R.S., & Tarasova, M.S. (2018). Rol' «mozgovykh tsentrov» v formirovaniі vneshney politiki SShA v period administratsii Donal'da Trampa: novye tendentsii [The role of "think tanks" in shaping US foreign policy during the Donald Trump administration: new trends]. *Psikhologo-pedagogicheskie problemy bezopasnosti cheloveka i obshchestva*, 2(39), 59–66. (In Russ.)

7. Dikson, P. (2004). *Fabriki mysli* [Think tanks]. Moscow: AST, 505 p. (In Russ.)

8. Maslova, V.A. (2004). *Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku* [Introduction to cognitive linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka, 296 p. (In Russ.)

9. Segal, N.A. (2017). *Politicheskii tekst: metaforicheskoe modelirovanie* [Political text: metaphorical modeling]. Moscow: Flinta, 248 p. (In Russ.)

10. Chudinov, A.P., Budaev, E.V., & Dzyuba, E.V. (2016). *Teoriya i metodika lingvisticheskogo analiza politicheskogo teksta* [Theory and Methods of Linguistic Analysis of Political Text]. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 308 p. (In Russ.)

11. Chudinov, A.P. (2006). *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics] [Textbook]. Moscow: Flinta: Nauka, 256 p. (In Russ.)
12. Chudinov, A.P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in the metaphorical mirror: cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 238 p. (In Russ.)
13. McGann, J. (2016). *The Fifth Estate: Think Tanks, Public Policy, and Governance* (1st edition). Brookings Institution Press, 240 p.
14. Medvetz, T. (n.d.). *Think tanks in America* / T. Medvetz. — Tetx: electronic // Internet Archive. — URL: <https://archive.org/details/thinktanksinamer000medv/page/n7/mode/2up> (date of access: 05.07.2023).
15. Medvetz, T. (2008). *Think Tanks as an Emergent Field*. New York: Social Science Research Council, 10 p.
16. Stone, D. (2013). *Capturing the Political Imagination: Think Tanks and the Policy Process*. Routledge, 344 p.

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 81'271.2+378.016:94(4)
ББК Ш105.55+Т3(4)р

ГРНТИ 16.21.29; 16.21.55

Код ВАК 5.9.8

Светлана Александровна Еремина

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, swegle@yandex.ru, SPIN-код: 3013-8990, <https://orcid.org/0000-0002-1422-5740>

Когнитивный стиль языковой личности ученого-историка в учебном дискурсе

АННОТАЦИЯ. Исследование проведено на материале лекции по «Новой истории стран Европы» доктора исторических наук в двух аспектах: были проанализированы когнитивные компоненты организации информационного пространства и был дан обзор собственно когнитивному стилю кодирования материала языковой личностью ученого-историка. Среди когнитивных компонентов организации информативного пространства выделены: контекстуальная организация и эксплицитное проецирование материала лекции; выбор микротем и примеров, отражающих собственные интересы и предпочтения, как то: цитирование литературных источников, «лирические» отступления при описании биографии исторических персоналий; языковые регистры (грамматические конструкции и лексика, отражающие идиолект языковой личности); коммуникативный метод обучения; прагматикон языковой личности (ориентация на целевую аудиторию — студентов-историков). Выделены регистры когнитивного стиля кодирования информации с опорой на методику М. А. Холодной: предметно-практический стиль (включение студентов в поисковую деятельность), визуальный стиль (использование карты, жестикация), словесно-речевой стиль (картинное описание), сенсорно-эмоциональный стиль (создание атмосферы сопереживания, оценка исторических событий и персоналий и ирония). Были отмечены общекультурные черты языковой личности, являющейся носителем культурного кода. Были определены контуры профессиональной языковой личности ученого-историка. Были выделены специфические черты идиолекта конкретной языковой личности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: профессиональная языковая личность, лингвоперсонология, когнитивный стиль, идиолект, когнитивные компоненты, учебный дискурс, ученые-историки, методика преподавания истории, история Европы, высшие учебные заведения, студенты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Еремина Светлана Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; email: swegle@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Еремина, С. А. Когнитивный стиль языковой личности ученого-историка в учебном дискурсе / С. А. Еремина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 46–61.

Svetlana A. Eremina

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, swegle@yandex.ru, SPIN code: 3013-8990, <https://orcid.org/0000-0002-1422-5740>

The Cognitive Style of the Linguistic Personality of a Historian in Educational Discourse

ABSTRACT. The study has been conducted on the material of a lecture on “The New History of European Countries” by a Doctor of History in two aspects: analysis of the cognitive components of organization of the information space and observation of the cognitive style of the material coding by the linguistic personality of the historian. Among the cognitive components of the organization of the information space, the following have been highlighted: contextual organization and explicit projection of the lecture material; selection of micro-themes and examples reflecting one's own interests and preferences, such as: quoting literary sources, “lyrical” digressions when describing the biography of historical figures; language registers (grammatical structures and vocabulary reflecting the idiolect of the linguistic personality); the communicative method of teaching; pragmatic vocabulary of the language personality (orientation towards the target audience — students of history). The study singles out the registers of the cognitive style of information encoding based on the method of M.A. Kholodnaya: object-oriented practical style (engaging students in search activity), visual style (use of a map, gestures), verbal-speech style (picturesque description), sensory-emotional style (creating an atmosphere of reliving history together, evaluation of historical events and figures, and irony). The study notes the general cultural features of the linguistic personality, who is the bearer of the cultural code. The contours of the professional linguistic personality of a historian have been determined. The article also reveals the specific features of the idiolect of a particular linguistic personality.

KEYWORDS: professional linguistic personality, linguopersonology, cognitive style, idiolect, cognitive components, educational discourse, historians, methods of teaching history, history of Europe, higher education institutions, students.

AUTHOR'S INFORMATION: Eremina Svetlana Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Eremina S. A. (2024). The Cognitive Style of the Linguistic Personality of a Historian in Educational Discourse. In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 46-61. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Феномен языковой личности, несмотря на интенсивное изучение в разных сферах наук, остается понятием, точно не определяемым. Это связано со сложностью, многоуровневостью и разноизмеряемостью самой проблемы [Азарова 2017]. Языковая личность как специфическое явление является предметом интереса различных научных дисциплинах, таких как лингвистика, психология, социология, культурология, педагогика, поскольку в языковой личности преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимые свойства человека. Тем не менее все исследователи сходятся в одном, что изучать языковую личность возможно через речевую деятельность и коммуникативное поведение человека, поскольку без понимания того, как человек кодирует и декодирует мыслительные процессы, невозможно полное описание языковой личности.

Многими исследователями были разработаны важнейшие положения, которые легли в основу современной теории и практики анализа языковой личности. В. В. Виноградов исследовал языковую личность, изучая язык художественной литературы и различая личность автора и личность персонажа [В. В. Виноградов, электронный ресурс] Ю. Н. Караулов создал основу для изучения языковой личности в ее комплексном понятии. Он выделил три уровня рассмотрения языковой личности: вербально-семантический уровень, лингвокогнитивный уровень, мотивационный уровень. Данная трехуровневая модель стала основой для комплексного описания языковой личности, соединяющего системное представление языка с функциональным анализом текстов. Идеи Караулова легли в основу нового научного направления, изучающего языковую личность как многомерный феномен, отражающий ментальность и менталитет носителя языка [Караулов 2007]. В. И. Карасик предложил социологический анализ, выделяя языковые индикаторы социальных групп [Карасик 2002]. М. А. Холодная исследует языковую личность в контексте когнитивных стилей [Холодная 2004]. Сегодня исследователи акцентируют внимание на отдельных аспектах языковой личности в различных общественно значимых сферах: в педагогическом дискурсе [Л. П. Халяпина 2006; Н. Е. Лысенко 2011; С. Д. Пивкин 1999, А. В. Вандышева 2009]; в культурологическом дискурсе [С. Г. Воркачев 2001; С. Ю. Годунова

2004; В. В. Красных 2003; В. И. Карасик 2002; Ю. Е. Прохоров 2003] и т. п. Сегодня все большую **актуальность** приобретают направления, исследующие языковую личность в когнитивном аспекте, которые опираются на теории и концепции когнитивных стилей, выявляющие различные психотипы языковых личностей [Вятютнев 1984; Зимняя 2002; Ливер 2000; Усольцев 2023; Холодная 2004; Шкуратова 1983].

Проблемы и задачи исследования. Разнонаправленность и многоаспектность подходов к изучению языковой личности пока не позволяют создать ее холистическую модель, поэтому в данной работе внимание сосредоточено на когнитивном подходе к анализу языковой личности в рамках учебно-научного дискурса. Заметим, что понятие *языковая личность* трактуется в данном случае как репрезентант идиолекта отдельной личности ученого, но представленной в конкретной профессиональной сфере.

Цель исследования — выявить когнитивные компоненты и регистры когнитивного стиля языковой личности историка-преподавателя в научно-учебном дискурсе (лекции по курсу «Всеобщая история»).

Методология исследования. В силу специфики анализируемого материала работа носит комплексный характер: она опирается на когнитивно-дискурсивный анализ: выявляются типологические репрезентанты вербализации признаков языковой личности преподавателя (проведен анализ лексико-семантических, грамматических и стилистических особенностей речи преподавателя); метод изучения языкового сознания (отмечены некоторые элементы степени владения преподавателем бытовым языком, простой лексикой, а также выявляется индивидуальная иерархия смыслов и ценностей в его языковой картине мира — в оценочных отступлениях на политические темы — Ленин, Меркель, ...); анализ речевого поведения (выявлены коммуникативные стратегии, используемые преподавателем в учебном процессе, а также особенности переключения между различными регистрами речи (научно-учебный, объяснительно-иллюстративный, побудительный, оценочный); отмечены особенности профессиональной языковой личности (выявлена специфика языковой личности преподавателя-историка, обусловленной его профессиональной деятельностью, знаниями и ценностными ориентациями).

Комплексное применение этих методов позволяет всесторонне исследовать языковую личность преподавателя-историка, ее структуру, особенности вербализации, а также роль в образовательном процессе.

Материалом исследования послужили видеоматериалы лекций доктора исторических наук, профессора Земцова В. Н., прочитанных в 2007 г.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Обзор

Когнитивный подход позволяет комплексно охарактеризовать языковую личность историка-преподавателя в образовательном пространстве, выявляя как ее компонентную структуру, так и специфику когнитивного стиля. Согласно когнитивному подходу, языковая личность историка-преподавателя включает в себя следующие компоненты. *Вербально-семантический* компонент, отражающий особенности владения историком-преподавателем лексическими, грамматическими и стилистическими средствами языка. *Когнитивный компонент*, характеризующий специфику концептуальной картины мира историка-преподавателя, его систему знаний и представлений об окружающей действительности. *Мотивационно-прагматический* компонент, определяющий коммуникативные цели, мотивы и интенции историка-преподавателя в образовательном процессе. Когнитивный подход также позволяет выявить особенности когнитивного стиля языковой личности историка-преподавателя, который проявляется в предпочитаемых способах восприятия, переработки и структурирования информации; индивидуальных особенностях мышления, памяти и внимания и стратегиях решения познавательных и коммуникативных задач.

Как неоднократно отмечалось исследователями, пафос стилового подхода заключался в утверждении возможности объяснения личности за счет анализа особенностей организации ее когнитивной сферы (индивидуально-своеобразных способов анализа, структурирования, категоризации, интерпретации, прогнозирования происходящего). Поэтому каждый когнитивный стиль изначально рассматривался в качестве психологической черты высшего порядка, «снимающей» в себе не только когнитивные, но и мотивационные, эмоциональные и другие личностные характеристики.

Полагаем, что проводником «ментальной составляющей» является индивидуальный когнитивный стиль преподавателя (в данном случае это преподаватель — ученый-историк), который проявляется в учеб-

но-научном или образовательном дискурсе, в частности, в лекции.

Лекция предполагает передачу учебно-научной информации, которая в свою очередь имеет двойственную сущность: информационную составляющую и дидактическую (методическую, воспитательную, формирующую представление о предмете речи).

Преподаватель, читающий лекцию, транслирует знание согласно своей научной картине мира, а когнитивный стиль есть психолингвистическая интерпретация этого представления, направленная на слушателя (студента) и формирующая у него первичные представления о предмете речи.

Лекция, которую читает преподаватель, безусловно, может отражать когнитивный стиль ее автора в различных аспектах, назовем их когнитивными компонентами организации информационного пространства, таких как:

1. Структура и организация материала (систематический или контекстуальный подход).

2. Выбор тем и примеров. Преподаватель-ученый выбирает темы и примеры, которые отражают его собственные интересы и предпочтения.

3. Языковые особенности. В речи лектора проявляются предпочтения определенных грамматических конструкций и лексики. Ученый предпочитает более формальный, литературный стиль или стиль его речи может быть более разговорным.

4. Подход к учебному процессу. Автор может выбрать традиционные методы обучения, коммуникативный, или материал может подаваться в форме игры, тренинга и т. п.

5. Целевая аудитория. Лектор адаптирует свой материал для определенной целевой аудитории. Лекция может быть подана в игровой форме, содержать сугубо теоретический материал или включать больше контекстуальной информации и объяснений.

Учебный материал излагается в разных формах с учетом существования четырех стилей кодирования информации (как отмечает М. А. Холодная):

1. Предметно-практический стиль кодирования информации. Лектор предлагает для анализа некую практическую ситуацию, с которой связаны понятие и предмет речи. Учащиеся включаются в поисковую деятельность и становятся сами исследователями.

2. Визуальный стиль кодирования информации. Лектор использует нормативные образы (таблицы, схемы, картинки, фотографии), визуальные модели (предмет речи по аналогии сравнивается с другим предметом реального физического мира или артефактом).

3. Словесно-речевой стиль кодирования информации. Лектор, объясняя материал, проводит и словарную работу: дает определения терминам; формирует межъязыковые связи (родной язык и иностранный); формирует межпредметные связи (литература — язык — культура — история — математика — физика и прочее).

4. Сенсорно-эмоциональный стиль кодирования информации. Лектор актуализирует мотивы сопереживания героям рассказанных сюжетов, включение учащихся в контекст учебного материала.

Данное исследование посвящено попытке охарактеризовать языковую личность ученого-историка сквозь призму его когнитивного стиля репрезентации учебного материала. Исследование проводилось в двух аспектах: были проанализированы когнитивные компоненты организации информационного пространства и был дан обзор собственно когнитивному стилю кодирования материала.

Следует сделать еще одно замечание. Специфика предмета науки также, по нашему мнению, накладывает отпечаток на способы трансляции информации по изучаемому предмету. В данном случае речь идет о предмете история и лекции по курсу «Новая история стран Европы». Был проведен анализ лекции (2 академических часа) по курсу «Новая история стран Европы», посвященной политической ситуации и персоналиям 2-й половины XIX века во Франции и Германии. Время записи лекции 15.03.2007. Несмотря на то, что материал кажется несколько архаичным, некоторые предположения о будущем, звучавшие в лекции, оказываются весьма актуальными сегодня.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

I. КОГНИТИВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

1. Структура и организация материала. Контекстуальный подход является ведущим у лектора и проявляется эксплицитно. Систематический подход присутствует имплицитно и проявляется через организацию работы со студентами в течение всего учебного времени, когда читаются лекции и проводятся практические занятия.

Контекстуальный подход: Преподаватель создаёт на занятии реальную или моделирует воображаемую жизненную ситуацию и предлагает студенту действовать в ней, опираясь на имеющиеся у него знания и опыт. Лектор как бы «включает» студента в описываемую эпоху и предлагает осмыслить события и предметы, отмечаемые автором. Лек-

тор повествует о событиях 2-й половины XIX века, рассказывая последовательно о Второй империи во Франции, далее о событиях, способствующих объединению Германии.

Рассказ о событиях во Франции: «но к концу 60-х годов начались перемены / точнее, говоря / появились очень опасные признаки / резко выросло оппозиционное движение /... / усилилось оппозиционное движение / кто же оказался в оппозиции к Наполеону Третьему / **в оппозиции оказались / конечно / многочисленные социалисты / причем / их количество в 60-е годы резко возросло / причем / среди них появляются крупные имена / которые затем нами будут замечены на баррикадах эпохи Парижской Коммуны / это Варлен и Франкель / Варлен и Франкель / я право не знаю (берет в руки меловую тряпку) тряпочкой-то можно стирать эту доску? (начинает стирать) можно (стирает с доски прежние надписи и пишет имена Варлен и Франкель)... это раз / **во-вторых активизировалась орлеанская оппозиция** / если помните таких / сторонников / Луи Орлеанского и его потомков / были монархисты и крайне правого легитимистского направления / которые ратовали за возвращение Бурбонов // и количество оппозиционеров постоянно росло // аристократки / которые / многие из которых вели такой достаточно такой вольный образ жизни / также активизировали свои протесты против режима/ причина оказалась в том/ что ближайший родственник Наполеона Третьего на дуэли застрелил одного молодого человека / который вызывал всеобщее обожание у женщин // это молодой **Виктор Нуар** / этого простить Наполеону Третьему не могли/ этого Нуара похоронили на кладбище Пьер Лашез / и сегодня это известный объект паломничества / дело в том что // ну ладно // э-значит/ этого Нуара / его после смерти/ надгробный памятник Нуара изобразили в виде /так сказать /раскинувшегося молодого человека красивой наружности/ (вскинул руки вверх и в стороны) и есть такое поверье/ если женщина хочет забеременеть / нет у нее детей/ вот/ надо пойти на кладбище так / ага / в общем некоторая часть этого памятника / она до блеска отполирована / так что/ да / дамы / дамы оказались тоже в оппозиции к Наполеону Третьему // точно говорю / видел // тоже оказались в оппозиции к Наполеону Третьему// В самый последний момент в 69 году /император /ну как бы сказать / спохватился / он понял что/ сохранить в прежнем варианте режим / режим**

чуть ли не абсолютистской монархии не-возможно/ надо осуществлять по крайней мере показательные реформы// и он решил взять курс на создание парламентской монархии».

О событиях, происходящих в Германии: «**Два слова о Северогерманском союзе**// Договор о его образовании был заключен в августе шестьдесят шестого года// то есть сразу после мира с австрийцами// создавался.../ создавалась политическая структура / государственная структура этого союза/ которая включала в себя союзный совет/ это верхняя палата парламента/ будем говорить общеупотребительными словами/ парламента// Верхняя палата парламента это союзный совет/ союзный совет формировался на основе министров/ германских государств/ и уполномоченных / уполномоченных союзных германских государств// Он не избирался / не избирался// он как бы представлял существующие монархии и существующие правительства германских государств// А нижняя палата (парламент) стала называться Рейхстаг// Рейх / да/ то есть империя/ это союз/ можно переводить по-разному/ так вот депутаты рейхстага избирались всеобщим прямым голосованием/ всеобщим прямым голосованием / разумеется был избирательный ценз / разумеется / никакие рабочие там в выборах не участвовали// имущественный ценз был // мы потом о нем будем говорить// но тем не менее элементы вот такой демократии здесь присутствовали// Но если мы посмотрим на количество населения разных германских государств в этот период/ представители какого государства преобладали в рейхстаге // то мы увидим преобладали / конечно / пруссаки // преобладали пруссаки// это предопределено было фактически после наполеоновских войн / когда территория Пруссии оказалась самой значительной// Ну и замыкал эту пирамиду президент/ президент Северогерманского союза и президентом мог быть только// ну вы понимаете // только прусский король// у него вся полнота исполнительной власти// ну пруссаки / вы чувствуете/ они всегда испытывают пиетет / всегда испытывали пиетет по отношению к власти исполнительной // власть законодательная служила только ширмой// сейчас / конечно/ в Германии многое изменилось// а многое и осталось в виде такой тлеющей традиции / которая может реанимироваться// Ну не будем говорить о современной/ кстати/ единой Германии// единая Германия //

по большому счету если бы двадцатый век / вторая половина стала веком демократии/ либерализма/ тогда бы / возможно/ о нынешней Германии говорили бы как о четвертом Рейхе// да/ фактически так и есть// реально в географическом плане /в сущности / и в историческом /так и есть// в девяностом году как-то непонятно / как это произошло да/ вроде бы великая мечта немцев Восточной Германии с Западной соединиться // ну почему бы им этого не сделать/ да? дать им такую возможность».

Систематический подход. В ходе прочтения лекции автор регулирует учебный процесс, систематизирует необходимую информацию и указывает на ключевые моменты истории, которые необходимо знать:

«Я сейчас шел / мучительно вспоминал/ с трудом вспоминал / на чем мы остановились / что я должен говорить / и передо мной всплыли исторические ужасы //(говорит с иронией) С трудом я вспомнил / что остановились мы на Второй империи во Франции / на Второй империи во Франции / и мы говорили о том / что технические достижения / экономические достижения в эпоху Наполеона III / они оказались значительными // особенно при сопоставлении их с политическими реформами // продолжим //»;

«/ и когда мы с вами будем изучать историю международных отношений/ мы увидим/ что в сущности обе стороны/ и Пруссия и Франция / спровоцировали эту войну /»;

«это только завершение объединения Германии// потому что само объединение конечно втиснуть в узкие рамки этих двух десятилетий совершенно невозможно/ так// и мы с вами уже видели // что взять за начало объединения Германии// германских земель? // Да бог его ведает?.../и даже можем предложить такой вариант...»;

«Появляется Бисмарк// Бисмарк/ о нем мы с вами будем говорить на семинарских занятиях/ поскольку это крупная фигура/ что /пожалуй /два доклада будет // Один доклад будет посвящен анализу или обзору его воспоминаний/ Есть два русских издания его воспоминаний/ Правда они скушноваты/ но писал все-таки великий человек// Ну и наконец сама биография Бисмарка// Я сейчас скажу только самые общие сведения//»;

«Бисмарк// Были ли у него какие-то особенные амбиции изначально? Ну/ не знаю// Тот /кто будет делать доклад о его жизни расскажет//»;

«Прусский командующий Мольтке **тоже это имя запомните** // но / вы должны знать что это Мольтке-старший // Хельмут Мольтке-старший// А вы наверное слышали о Мольтке-младшем/когда речь шла о Первой мировой войне/»;

«**Это событие завершает процесс объединения Германии// а тем самым завершается и наша первая пара**».

2. Выбор тем и примеров. Самыми частотными оказываются **примеры из литературы и культуры**, которые автор лекции считает важными.

О Франции: «Наполеон Третий / будучи человеком близким к военной деятельности/ ... я напому /что около десятка компаний он провел сам / сам руководил войсками / вот / он тоже возглавил одну из крупных армейских группировок / которые находились на восточной границе Франции / во главе другой группировки был маршал Макмагон // маршал Макмагон / его предки происходили из Шотландии (ищет мел) ах он у меня в руках (пишет имя на доске) **я не буду описывать ход военных действий / я думаю это не нужно делать** // из литературы / это знаете самое лучшее, что я читал об этой войне / по этим событиям / и это как ни странно литературное произведение / это Эмиль Золя // называется «Разгром» // я уж не знаю Фадеев потом /так сказать /прочитав Эмиля Золя /придумал название / повесть что ли у него была // Ну в советское время ее проходили// Я уж не знаю / вот/ но произведение Эмиля Золя / оно меня в свое время поразило // А поразило вообще-то монументальностью / напомним даже «Войну и мир»// Там есть отдельные персонажи и придуманные и непридуманные герои и одновременно есть этот людской поток / который редко в крупных литературных произведениях можно встретить// полистайте / очень интересно/ почему же французы проиграли/ что с французами произошло// это была полнейшая неожиданность // причем, пруссаки разгромили за несколько недель французов //»

О Германии: «По сути говоря / всю политику / всю политическую сферу буржуазия отдала монархии / Юнкерам не вмешиваясь в события политического характера// буржуазия целиком занялась экономикой// бизнесом/ вполне довольная этой сферой деятельности// в пятидесятые годы в деревне окончательно ликвидируются остатки феодальной зависимости// Я напому, что феодальная зависимость/ различные виды феодальной зависимости в

Пруссии выкупались // После революционных событий этот процесс перешел на население// причём, в Пруссии продолжали сохраняться крупные земельные территории// помещики получили выкупные платежи / это были большие суммы / но / если вы помните в нашей стране помещик, получив выкупную сумму, чем он занялся? **В конечном итоге все завершилось вырубкой вишневого сада, да?** То есть не было склонности делать дело // а в Пруссии все иначе //в Пруссии помещик/ юнкер/ это человек/ который вообще знает / что такое деньги и как их зарабатывать// Он очень активно начал использовать те богатства / которые у него были в руках/ прежде всего землю/ для того чтобы извлекать прибыль// это что означало? Это означало, что / имея большие земельные пространства / имея на руках деньги/ будучи экономически активной / так сказать/ частью общества прусское юнкерство стало быстро приобретать вид / буржуазии //»

3. Языковые особенности. Преподаватель предпочитает литературный стиль, но включает отдельные разговорные слова и выражения:

3.1. Грамматические конструкции.

А) Наиболее частотные конструкции — констатация факта — вопрос-ответ. Грамматическая конструкция, которая сочетает констатацию факта с риторическим вопросом для усиления высказывания, без ожидания конкретного ответа. Вопросно-ответный приём, характерный для многих преподавателей: «**что взять за начало объединения Германии// германских земель? // Да бог его ведает... / и даже можем предложить такой вариант, если связывать объединение Германии только с Пруссией / что потом произойдет/ так/ значит надо начинать с прусского королевства/ когда оно появилось /тысяча семьсот первый — тысяча семьсот четырнадцатый год// время войны за испанское наследство**»;

«**Он очень активно начал использовать те богатства / которые у него были в руках/ прежде всего землю / для того чтобы извлекать прибыль// это что означало? Это означало, что / имея большие земельные пространства / имея на руках деньги/ будучи экономически активной / так сказать/ частью общества прусское юнкерство стало быстро приобретать вид / буржуазии**»;

«пятидесятые годы// пятидесятые годы// как вы помните/ революция в германских землях сорок восьмого — сорок девятого годов потерпела поражение//

может быть это и хорошо// почему? Во время этой революции прусский король и прусское юнкерство пошли на компромисс // на компромисс с буржуазными либеральными кругами // они приняли на себя ответственность за объединение земель»;

«я напомним/ по-моему /я уже говорил об этом когда-то, да / что традиционно в нашей литературе продолжают говорить о существовании двух путей о развитии капитализма в деревне, да? Это по Ленину// Ленин говорил, что есть американский путь и какой? Прусский путь, да? Какой путь лучше? Американский путь! Ерунда полная! Дело в том, что американский путь, если он/ если он связан с быстрым дроблением земельных наделов, раздачей этих земель, ну скажем, фермерам или крестьянам, ну не знаю, кому/ Все это заканчивается тем, что у этого фермера мало денег / он обрабатывает землю усилиями своими собственными и своей семьей / так/ что он технических новшеств не вводит/ так/ у него для этого нет средств, нет возможности // Земельный надел все равно мал // фермерский путь Соединенных Штатов Америки идеализировать ни в коем случае не стоит».

Б) грамматическая конструкция — инклюзивное «мы» — это грамматическая конструкция, которая позволяет автору объединить себя и слушателей/читателей, создавая ощущение совместного рассмотрения проблемы или темы. Это распространенный прием в лекциях, докладах и других академических жанрах, где автор стремится вовлечь аудиторию в обсуждение:

«Но мы с вами обращаемся к следующей проблеме этих двух десятилетий / и назовем ее Объединение Германии/ объединение Германии».

В) грамматические структуры, включающие вводные конструкции, такие как «как вы помните», «Я напомним», используются для включения дополнительных комментариев или пояснений в основное высказывание. Например:

«в пятидесятые годы// пятидесятые годы// как вы помните/ революция в германских землях сорок восьмого — сорок девятого годов потерпела поражение// может быть это и хорошо// почему? Во время этой революции прусский король и прусское юнкерство пошли на компромисс // на компромисс с буржуазными либеральными кругами // они приняли на себя ответственность за объединение земель // и когда революция закончилась/ в Пруссии серьезной оппозиции королю не существовало»;

«в пятидесятые годы в деревне окончательно ликвидируются остатки феодальной зависимости// Я напомним, что феодальная зависимость/ различные виды феодальной зависимости в Пруссии выкупались// После революционных событий этот процесс перешел на население// причём, в Пруссии продолжали сохраняться крупные земельные территории»;

«помещики получили выкупные платежи / это были большие суммы / но / если вы помните / в нашей стране помещик, получив выкупную сумму, чем он занялся? / В конечном итоге все завершилось вырубкой вишневого сада, да? /То есть не было склонности делать дело»;

«А вот в Пруссии / в Пруссии не надо было идти по этому пути, не надо было дробить землю/ во Франции так поступили/ я несколько раз вам говорил, да // К чему привела французская революция? К тому, что возникли parcelные хозяйства / которые не давали возможности крестьянину даже себя прокормить и свою семью// отсюда никакого технического прогресса в деревне французской на протяжении чуть ли не столетия не существовало // Это застойная порода //».

Г) нулевое условное предложение (грамматическая конструкция, которая используется для беспристрастной констатации фактов, не зависящих от контекста или гипотетических ситуаций; используется для выражения общеизвестных истин, научных фактов, правил и законов; в обеих частях предложения (до и после «если» или «когда») часто используется глагол в настоящем времени; выражает причинно-следственную связь между двумя объективными фактами):

«То есть смотрите/ если Вильгельм Первый/ будущий Вильгельм Первый к этому времени уже сделал военную карьеру/ отличился на поле брани/ то Бисмарк только рождается/ он значительно был младше своего будущего короля// так// в восемьсот пятнадцатом году»;

3.2. Лексический повтор, повтор словосочетаний используется:

А) для активизации внимания к ключевым идеям, событиям: «если бы дать время Наполеону Третьему удалось бы удержаться у власти / сохранить Вторую империю // ну хотя многие исследователи говорят/ **наверяд ли / наверяд ли** // в общем/ не случайно именно тогда в 69 году стал назревать конфликт с Пруссией»;

*«во главе другой группировки был **маршал Макмагон** // **маршал Макмагон** / его предки происходили из Шотландии (ищет*

мел) ах он у меня в руках (пишет имя на доске)»;

«Именно в пятидесятые годы появляются знаменитые фирмы / династии/ которые известны и по сегодняшний день// Сименс/ Шукерт / Борзиг / **и так дальше / и так дальше / и так дальше** // Не знаю / может /у кого-то и мобильник Сименс /да? Правда там владельцы давно уже сменились, да, но называется / значит / Сименсом, вот /но имя-то осталось// Все это появляется в те пятидесятые годы/ благословенные для Германии//»;

Б) приглашения к размышлению:

«деньги/ да? знаете известное выражение/ **Наполеон говорил/ что для войны нужно? Думайте// для войны нужны три вещи / Деньги/ деньги и еще раз деньги//**».

В) собственного мыслительного процесса с подтверждением для себя формируемой мысли в ходе чтения лекции:

«И Австрия /она не смирилась с этим решением// Она вообще не хотела мириться с тем, что ее статус как крупной европейской державы радикально меняется// Что с ней большинство германских государств уже и не желает считаться // **Кстати любопытный вариант/ который можно было бы обмыслить / мыслить, да// подумать, что было бы если бы? Что было бы, если бы объединение Германии произошло вокруг Вены? Какой ужас, да. Не знаю**».

3.3. Лексика. Самый частотный прием — использование метафоры. Лектор также употребляет разговорные, выразительные слова при хорошей литературной речи:

А) **Метафоризация:** «*причем Наполеон Третий параллельно с этим / продолжал преследование социалистов / так сказать / крайних оппозиционеров // отрезал / отрубал / и пытался договориться с оппозицией / умеренной //*»

«*франко-прусская война/ которая началась в 70-м году стала трагическим завершением существования Второй империи// и я бы сказал даже так / что такой громкий конец этой империи// она обрушилась // причем это сопровождалось еще и военным поражением/ гигантским военным поражением/ ущемлением национальных чувств французов/ причем параллельно еще и возникает германская империя/ и немцы / немцы это сделали/ немцы провозгласили образование своей империи не где-нибудь/ а в Версале/ с тем / что вот французов еще мордой в грязь // и вот все это/ оно как бы заставило относиться ко Второй империи как к тяжелому периоду*

истории Франции/ как к периоду упущенных возможностей/ и как периоду/ так сказать/ возвращения деспотического прошлого»;

«*знаете известное выражение/ Наполеон говорил/ что для войны нужно? Думайте// для войны нужны три вещи / Деньги/ деньги и еще раз деньги// И когда он эти деньги потребовал и стал выкручивать руки депутатам в парламенте/ парламент /конечно/ не захотел давать эти денежки и вообще вот идти на общую милитаризацию Пруссии//*»

«*Между тем под этим предлогом / в этих обстоятельствах Пруссия заметно усилит свою армию/ так/ обкатает эту армию/ дальше она / ну / втерёт, значит, очки австрийцам// так / дескать / мы совместно тут действуем/ да/ мы не собираемся Германию объединять / мы же вместе действуем/ да/ и Австрия не будет против этого//*»;

Б) разговорные и просторечные слова (их немного):

«*В тыща восемьсот пятидесятом году*»;

«*втерёт, значит, очки австрийцам*».

4. Подход к учебному процессу.

Автор использует коммуникативный метод обучения. Спектр приёмов довольно широк.

А) **Использует субъектно-субъектную схему общения**, то есть обучающийся выступает как активный, творческий субъект учебной деятельности, управляемой педагогом:

«*// и вот как я вам говорил в начале изучения этой маленькой темы / Франция эпохи Второй империи / только в последние годы оценки применительно к Наполеону Третьему стали существенно меняться//*»;

«*А вот в Пруссии / в Пруссии не надо было идти по этому пути, не надо было дробить землю/ во Франции так поступили/ я несколько раз вам говорил, да //*».

Б) **Подвигает студента к личностной инициативности и их способности к творческому поиску:**

«*Так вот Бисмарк / став министром-президентом произнес свою знаменитую речь // выражение / которое все слышали и всем хорошо оно известно // но я должен отметить что сам контекст этой речи был конечно иной // какое выражение было? Вот вы знаете// все знают /все слышали/ давайте активизируйте память// ассоциации / да/ ассоциативная память/ Бисмарк /что сказал? Как Германия будет объединяться? Причем это там эти самые (согнув руку в лок-*

те и сжав ее в кулак водит ею вверх и вниз) это крестonosцы// Железом и кровью// у вас ассоциация сработала, но вот в других выражениях это было все// так/ Железом и кровью// А контекст этой речи следующий// Он отметил/ что не речами и постановлениями большинства / будут решаться великие вопросы современности // не речами / и постановлениями большинства / будут решаться великие вопросы современности/ то есть / что ни говорильней / так/ не принятием постановлений/ не либеральными методами/ а железом и кровью// железом и кровью//».

В) Апеллирует к опыту, мировоззрению, интересам и чувствам обучающихся при организации общения на занятии.

«дело в том, что Шлезвиг этот к прусским землям примыкает / а Гольштейн идет дальше // Там кстати пиво хорошее/ качественное // знаем/да / вот оно оттуда// поэтому Австрийцы / знаете / большие знатоки пива / они хотели бы приобрести эту территорию и бочками оттуда пиво себе возить // ну/ это шутка /конечно/ но / хорошая земля/ хорошая земля // и дальше / Австрийцы на это идут/ пруссаки и австрийцы совместно / значит/ ведут военные действия против датского короля / быстро датскую армию они разбивают// Шлезвиг и Гольштейн захватывают // руки выкручивают датскому королю // и всё// Шлезвиг и Гольштейн он им отдает// они разделили / как я уже сказал/ по варианту/ который предлагают пруссаки/ Шлезвиг и Гольштейн».

Г) обсуждает актуальные жизненные проблемы вместо готовых тем или текстов.

«Сейчас немцы требуют либо возвращения/ либо компенсации/ дескать разрешайте нам свободно приезжать в том числе в Калининградскую область// это были наши владения/ но если вы не хотите возвращать нам// мы будем приезжать// почему бы это нельзя сделать// И начинается такая мощная фильтрация/ ну сейчас решается вопрос об изменении в структуре Организации Объединенных Наций// Совет безопасности будет расширен/ за счет кого? За счет Японии/ за счет / возможно / Бразилии / Индии и уж точно за счет Германии// и давайте здесь многоточие поставим// Если Шрёдер был большим другом / да// другом Бориса //Хельмут и друг Борис / да/ трое их было // Ну Жак еще был // да/ Жак тоже сейчас уходит в этом году// уже заявил об этом / да// то / знаете/ таких брат-

ских отношений между Владимиром/ другом Владимиром и подругой его / да/ Ангелой не существует / да/ Ангела Меркель кстати говоря русскоязычная// она по-русски хорошо говорит// она в Восточной Германии родилась и жила // она вообще-то так на расстоянии держит этого друга// и новый характер отношений возникает/ а завтра / я думаю/ то же самое произойдет и после ухода французского президента// Кто бы ни пришел /так/ вот/ это не важно// отношения с Россией будут меняться// не в лучшую для нас сторону// в общем-то вы видите в сущности истории-то нет/ то что произошло очень-очень давно это так или иначе с течением времени всплывает/ реанимируется/ есть некие базовые/ центральные стержневые вещи/ да / которые при всем желании мы не сможем / так сказать / забыть / да// или исключить или уничтожить их // немцы / они немцы// две мировые войны Россия имела с Германией/ хотя вроде бы у нас противоречий не было// это еще один парадокс / да// между нами не было противоречий// между Гитлером и Сталиным/ и даже Европу поделили вместе/ да// не в Первую мировую войну двоюродные братья Вильгельм и Ники // почему мы воевали весь двадцатый век? // Ну ладно//»

5. Целевая аудитория. Лектор адаптирует свой материал для определенной целевой аудитории — студентов. Лекция содержит больше контекстуальной информации и объяснений, чем сугубо теоретического материала.

Контекстуальная информация и объяснения. О событиях, происходящих в Германии: *«Два слова о Северогерманском союзе// Договор о его образовании был заключен в августе шестьдесят шестого года// то есть сразу после мира с австрийцами// создавался.../ создавалась политическая структура / государственная структура этого союза/ которая включала в себя союзный совет/ это верхняя палата парламента/ будем говорить общеупотребительными словами/ парламента// Верхняя палата парламента это союзный совет/ союзный совет формировался на основе министров/ германских государств/ и уполномоченных / уполномоченных союзных германских государств// Он не избирался / не избирался// он как бы представлял существующие монархии и существующие правительства германских государств// А нижняя палата (парламент) стала называться Рейхстаг// Рейх / да/ то есть*

империя/ это союз/ можно переводить по-разному/ так вот депутаты рейхстага избирались всеобщим прямым голосованием/ всеобщим прямым голосованием / разумеется был избирательный ценз / разумеется / никакие рабочие там в выборах не участвовали// имущественный ценз был // мы потом о нем будем говорить// но тем не менее элементы вот такой демократии здесь присутствовали// Но если мы посмотрим на количество населения разных германских государств в этот период/ представители какого государства преобладали в рейхстаге // то мы увидим преобладали / конечно / пруссаки // преобладали пруссаки// это предопределено было фактически после наполеоновских войн / когда территория Пруссии оказалась самой значительной// Ну и замыкал эту пирамиду президент/ президент Северогерманского союза и президентом мог быть только// ну вы понимаете // только прусский король// у него вся полнота исполнительной власти// ну пруссаки / вы чувствуете/ они всегда испытывают пиетет / всегда испытывали пиетет по отношению к власти исполнительной // власть законодательная служила только ширмой// сейчас / конечно/ в Германии многое изменилось// а многое и осталось в виде такой тлеющей традиции / которая может реанимироваться//»

II. СТИЛЬ КОДИРОВАНИЯ МАТЕРИАЛА

1. Предметно-практический стиль кодирования информации. Лектор предлагает для анализа некую практическую ситуацию, с которой связаны понятие и предмет речи. Учащиеся включаются в поисковую деятельность и становятся сами исследователями:

«Кстати любопытный вариант/ который можно было бы обмыслить мыслить, да// подумать, что было бы если бы? Что было бы, если бы объединение Германии произошло вокруг Вены? Какой ужас, да. Не знаю. Мне кажется, что тевтонский характер, он немножко бы смягчился// смягчился благодаря чему? Благодаря огромному количеству славянских народов / живущих в Австрийской империи / А там / я напому / ещё и Северная Италия принадлежала Австрии, так? Да и австрийские немцы / скажем так / отличались / скажем / от пруссаков// А там еще и венгры// Ну кто знает / может быть / был вариант воссоздания / но в облики новой Священной империи германской нации// я уже развил эту мысль // Не все еще потеряно/ может быть/ в двадцать первом ве-

ке/ в каком-то облики эта Священная Римская империя снова появится// слишком сильное притяжение существует у народов Центральной Европы друг к другу// вопрос только/ где этот центр Центральной Европы, да? Немножко на юг бы сместить/ немножко так заметно, да// Либо он все-таки в Берлине будет// В Бранденбурге// ну как бы то ни было // с тысяча восемьсот пятьдесят девятого года / прусская буржуазия / причем при поддержке буржуазных либеральных кругов других германских государств в составе партии называлась она Немецкий национальный союз// Немецкий национальный союз// Политическая программа Немецкого национального союза она целиком была связана с реализацией идеи единства германских народов вокруг Пруссии//»

2. Визуальный стиль кодирования информации. Лектор использует нормативные образы — это таблицы, схемы, карты. Создает визуальные модели, когда предмет речи по аналогии сравнивается с другим предметом реального физического мира или артефактом.

Карта: использует карту на лекции.

«С тем/ что ни одно европейское государство в этот конфликт не вмешается// Почему? А потому/ что пруссаки и австрийцы действуют совместно// Кто же будет против двух великих держав в Европе выступать? Тем более что там территория того не стоит// Французы явно не будут это делать// (указывает на территорию на карте) англичане тоже// Значит Европа промолчит//»;

«Пруссия со своей стороны осознавая/ что происходит в голове у австрийцев/ в головах у австрийцев/ да// она начинает ориентироваться как на союзника/ на Италию// которая к тому времени уже появилась / как единое Итальянское королевство// но дело-то в том / что Итальянское королевство еще не получило Венецию // (показывает это на карте) / так/ да/ Венеция находилась / находилась в составе Австрийской империи// поэтому / дескать / итальянцы будут заинтересованы в объединении Германии // Если пруссаки разгромят австрийцев/ значит итальянцы получат Венецию//».

Соблюдает речевой стандарт (поясняет неизвестные слова; пишет на доске или говорит об особенностях произношения или написания):

«// деревня Садова// если вы будете в Австрии/ то австрийцы ее знают / к сожалению/ под другим названием// Кёниг-

грац//обычно с двумя Г (пишет на доске)»;

«Но как ни странно рабочее движение в Германии в те годы было связано чаще всего не с именем Маркса и не с именем Энгельса/ нам кажется / ну куда же они делись? Оно было связано с именем другого человека / о котором многие из нас даже и не знают// это Фердинанд Лассаль// запомните и запишите / Фердинанд Лассаль / с двумя С// я думаю мы тоже на семинарском занятии послушаем о его жизни// интереснейшая жизнь//»

Жестикология: *«Само возникновение Прусского государства в начале восемнадцатого века было густо замешано на милитаризме и даже просвещенный абсолютизм (?) помните Фридриха Второго// Почему он возник / а потому что ... (?) надо было (согнутую руку в локте и зажатую в кулак поднимает ее вверх и вниз) //вот отсюда и просвещенный абсолютизм// ну, что ж не знаю может это специфика немецкого характера / немецкой организованности»;*

«Бисмарк хотя он до больших чинов не дослужился/ знает самый известный портрет/ да// в профиль да (указывает жестом на то, как одевают каску) в немецкой каске// Бисмарк/ такие бакенбарды/ усы (изображает пышные усы)... вот он пруссак юнкер/ настоящий юнкер// так вот поддерживала всё это/ всю эту структуру / всю эту политику/ особенно внешнюю политику и социалистическое движение в Германии».

3. Словесно-речевой стиль кодирования информации. Лектор, объясняя материал, проводит и словарную работу: дает определения терминам; формирует межязыковые связи (родной язык и иностранный); формирует межпредметные связи (в данной лекции это художественная литература).

А) словарная работа и определение терминов: *«Бисмарк ответил лаконично/ Согласен// Он приезжает в Берлин/ Его назначают/ вот запомните/ да /министром-президентом / через дефис/ министром-президентом// Канцлер — это единая Германия/ так/ А тогда этот пост руководителя председателя правительства в Пруссии назывался министр-президент/ кстати говоря/ это выражение в немецком языке до сих пор широко используется// иногда / а/ да/ был такой случай/ помните Касьянова / да / нашего премьер-министра/ бывшего/ вот/*

Б) межязыковые связи: перевод понятия с родного на иностранный язык: *«Касьянов воспринимался немцами как потенци-*

альный руководитель государства и однажды немцы официально его назвали министром-президентом / после чего он вышел со своего поста// Потому что очень четко вот это немецкое выражение охарактеризовало амбиции Касьянова// ну и после этого Путин решил путь Касьянова завершить// он обещал по крайней мере Борису Николаевичу дружить ...// ну тут и другие были обстоятельства/ да// это пускай вам будут рассказывать советчики или постсоветчики/ не знаю//»

В) **Картинное описание** — это особый стиль автора лекции. Устное изложение материала, когда в эмоционально-художественной форме создаются образы тех или иных фактов или исторических персоналий, то есть происходит образное воспроизведение фактов в виде целостных картин. Автор лекции, выбирая традиционный метод повествования, делает содержательные оговорки на описании портретов исторических личностей, при этом дает скрытую или явную оценку их личности и деятельности.

«И Вильгельм Первый был счастливым/ он считал/ что откладывать этот поход на Вену нельзя / потому что как можно скорее надо добиться победы/ разгромить австрийцев / так сказать / поставить их на колени// Но здесь вмешался Бисмарк// Бисмарк считал что /вообще-то / он мудро считал/ он считал/ что врага добивать не надо// он и так разбит// так/ зачем его еще унижать// Завтра этот враг может стать союзником// Таковы законы политики// И он умолял/ кстати / он встал на колени перед Вильгельмом// по крайней мере легенда так гласит // и умолял его остановить военные действия / и угрожал отставкой / если это произойдет // и Вильгельм Первый / вынужден был согласиться// скрепя сердце / конечно// Он сам говорил / что это похабный мир// Ну / начались переговоры и мир между двумя германскими государствами / одно немецкое / другое полунемецкое был заключен// В ходе этих событий Австрия потеряла только область Венеции// которая была присоединена к Итальянскому королевству/ что же касается Пруссии / то Пруссия никаких территорий не приобрела/ она добилась большего/ она добилась неоспоримой гегемонии среди немецких государств// и как результат событий шестьдесят шестого года возникает Северогерманский союз//»;

«Блестящие перспективы/ без революции/ без кровопускания// Вот что предлагал Лассаль// Ну вы понимаете/ что Маркс

и Энгельс / увидев такого энергичного молодого деятеля/ который еще мог и перевернуть их /так сказать / священные истины/ они пытались противостоять Лассалю // Но случай им помог// Конечно /Лассаль бы не сдался// Двадцать третьего мая шестьдесят третьего года был образован Всеобщий германский рабочий союз / так / шестьдесят третий год образование Всеобщего германского рабочего союза/ да/ запомните/ Это первая массовая рабочая организация/ ну если не считать чартистской организации/ да/ в свое время// А / на следующий год / в шестьдесят четвертом году Лассалья убьют// Не думайте/ что его убил/ так сказать/ подосланный консервативными кругами /или там Марксом/ да / какой-то убийца/ террорист// ...нет// Никогда не поверите/ но это так// этого рабочего вожака убили на дуэли из-за женщины// настолько его натура была / так сказать/ широка/ да/ что он пытался везде успеть // И всё /убили его //но после Лассалья остался Всеобщий германский рабочий союз// мощная массовая организация//».

4. Сенсорно-эмоциональный стиль кодирования информации. Лектор актуализирует мотивы сопереживания героям рассказанных сюжетов, включение учащих в контекст учебного материала. Оценка исторических событий и ирония.

«Он взял марксизм/ книжки / которые писали Маркс и Энгельс // мало кто в общем очень читал //почему? вы откройте «Капитал» Маркса / например? ... Энгельса-то еще можно читать //а Маркса читать /это надо сидеть / думать // ну да // эпоха интернета / эпоха информационных технологий / она еще раз / так сказать/ демонстрирует/ что серьезную литературу мало кто вообще читает// и представьте германского рабочего/ что он будет «Капитал» читать что ли? В лучшем случае вот такую книжку «Манифест коммунистической партии» (указывает жестом руки на маленький объем книги — брошюры большим и указательным пальцем) чтоб доходчиво было // И вот Лассаль / он гениальным образом соединил марксизм с рабочим движением// Не Маркс не Энгельс / а Лассаль это сделал // Он марксизм / конечно/ упростил// Он смог свести очень многие сложные вещи к неким простым постулатам/ простым лозунгам/ понятным любому человеку// Мы можем к этому относиться / так сказать/ сокрушенно кивая головой/ а с другой-то стороны/ только таким путем / наверное / соединение научной теории с массой и может произойти/ это раз//».

ВЫВОДЫ

Языковая личность ученого-историка в анализируемом контексте выступает одним из вариантов реализации профессиональной языковой личности. Когнитивный компонент, который проявляется в ходе чтения лекции, позволяет охарактеризовать языковую личность как синтез разноплановых единиц многослойной системы. Во-первых, это сформировавшаяся эрудированная языковая личность, в речи которой проявляется общенациональный культурный код. Во-вторых, в контексте ярко проявляется профессиональная составляющая, а именно сфера истории в ее научном описании. В-третьих, когнитивный стиль ученого-историка позволил выделить элементы идиолекта.

1. Эрудированная языковая личность ученого-историка проявляется в его речи следующим образом:

Использование разнообразных языковых средств, отражающих высокий уровень владения языком и глубокие познания в области истории и культуры. Это может включать сложные конструкции, с вводными словосочетаниями и предложениями, которые используются для включения дополнительных комментариев или пояснений в основное высказывание. Данные синтаксические конструкции демонстрируют аналитическое мышление: «*Два слова о Северогерманском союзе// Договор о его образовании был заключен в августе шестьдесят шестого года// то есть сразу после мира с австрийцами// создавался.../ создавалась политическая структура / государственная структура этого союза/ которая включала в себя союзный совет/ это верхняя палата парламента/ будем говорить общеупотребительными словами/ парламента// Верхняя палата парламента это союзный совет/ союзный совет формировался на основе министров/ германских государств/ и уполномоченных / уполномоченных союзных германских государств// Он не избирался / не избирался// он как бы представлял существующие монархии и существующие правительства германских государств// А нижняя палата (парламент) стала называться Рейхстаг// Рейх / да/ то есть империя/ это союз/ можно переводить по-разному/ так вот депутаты рейхстага избирались всеобщим прямым голосованием/ всеобщим прямым голосованием / разумеется был избирательный ценз / разумеется / никакие рабочие там в выборах не участвовали// имущественный ценз был // мы потом о нем будем говорить// но тем не менее элементы вот такой демократии здесь присутствовали//».*

Включение в речь цитат, аллюзий и отсылок к историческим событиям и культурным феноменам, свидетельствующих об эрудиции: *«Помните я упоминал Евгению де Монтихо / императрицу Евгению/ капризную, значит, императрицу/ которая/ с которой не очень уживался Наполеон Третий/ но она сопровождала его в изгнании / и там в изгнании / он и скончался // говорят / что на операционном столе / когда ему удаляли из почек камни // смешная операция / но видимо / сам организм после жизненных передряг был настолько истощен / что Наполеон Третий / бывший император / этой операции не перенес// Всё // история Второй империи закончилась».*

Способность ясно и логично излагать сложные исторические концепции, выявляя причинно-следственные связи и демонстрируя глубокое понимание предмета. Это проявляется в умении выделять ключевые моменты и акцентировать на них внимание аудитории: *«почему же французы проиграли/ что с французами произошло// это была полнейшая неожиданность // причем, пруссаки разгромили за несколько недель французов // одна армия была зажата в крепости Мец / это Эльзас / другая армия была зажата в крепости Седан / и вообще это событие свидетельствовало о том, что война становится маневренной / военное дело радикально меняется / и вот маневренный характер войны тогда был впервые блестяще продемонстрирован вот пруссаками// Самое-то любопытное заключается в том/ что / ну уроки/ уроки этой войны не всеми были тогда / усвоены // В общем, Макмагон сидел в одной крепости/ аа/ Император сидел в другой крепости /аа/ Сообщение с Парижем было утрачено и четвертого сентября 1870 года / четвертого сентября восьмьсот семидесятого года в Париже произошло восстание/ восстание// Представитель буржуазной оппозиции / не социалист /Леон Гамбетта/ был руководителем свержения Наполеона Третьего / Империя рухнула/ империя рухнула/».*

Использование наглядных примеров и иллюстраций для пояснения абстрактных идей: *«...представьте германского рабочего/ что он будет «Капитал» читать что ли? В лучшем случае вот такую книжку «Манифест коммунистической партии» (указывает жестом руки на маленький объем книги — брошюры большим и указательным пальцем) чтоб доходчиво было // И вот Лассаль / он гениальным образом соединил марксизм с рабочим движением// Ни Маркс ни Энгельс / а Лассаль это сделал».*

Общациональный культурный код проявляется через отсылки к значимым для данной культуры историческим личностям, событиям, артефактам. Автор лекции, выбирая традиционный метод повествования, делает содержательные остановки на описании портретов исторических личностей (Наполеон Третий, Вильгельм Первый, Вильгельм Четвертый, Бисмарк, Лассаль), при этом дает скрытую или явную оценку их личности и деятельности: *«В шестьдесят первом году Фридрих Вильгельм Четвертый умирает // прусским королем взошел на престол Вильгельм Первый// в шестьдесят первом году// Он настолько вошел в роль государя/ который исключительно занят только будущим Пруссии / что фактически полностью отказался от какой-либо личной жизни / от любых развлечений / только работа // иногда / так сказать / занятия спортом или военным делом / чтобы поддерживать себя в форме// он не пил вина / отказался от вина / отказался от игры в азартные игры/ да/ работал/ работал и работал// вроде как на благо Пруссии // Но /конечно /полет его мысли был достаточно ограниченным// ограниченным//».*

Выбирает сравнительно-сопоставительный прием для объяснения событий и героев XIX века, сравнивая их с событиями и историческими личностями современной России, тем самым обеспечивая возможность для студентов понять эту взаимосвязь событий в разных регионах и периодах времени.

Использование идиоматических выражений, пословиц и поговорок, отражающих народную мудрость: *«он (о Бисмарке) провёл в Петербурге пару лет/ представляете / да? То есть знал Россию // Пытался так сказать не только общаться с аристократией, но и действительно понять/ что представляет собой русская армия/ русская экономика/и русский характер/ даже/ говорят / что именно ему принадлежит известное выражение — русские долго запрягают, но быстро едут //».*

Апелляция к общепринятым ценностям, традициям и мировоззренческим установкам данной культуры: *«в Пруссии продолжали сохраняться крупные земельные территории// помещики получили выкупные платежи / это были большие суммы / но / если вы помните в нашей стране помещик, получив выкупную сумму, чем он занялся? В конечном итоге все завершилось вырубкой вишневого сада, да? То есть не было склонности делать дело // а в Пруссии все иначе // в Пруссии помещик/ юнкер/ это человек/ который вообще знает что такое деньги и*

как их зарабатывать// Он очень активно начал использовать те богатства / которые у него были в руках/ прежде всего землю/ для того чтобы извлечь прибыль//».

2. Профессиональная языковая личность ученого-историка проявляется в образовательном дискурсе следующим образом:

Организация информационного пространства — структура и содержание самой лекции зависят от специфики области науки — истории. В словарях XIX века, в частности, в Словаре Академии Российской история определяется как жизнеописание. Можно сказать, что языковая личность, которая является предметом нашего исследования, выбирает именно такую манеру передачи информации. С научной точки зрения, стиль чтения лекции по истории, повествующий о событиях год за годом и переходах от описания жизни одной страны к другой, известен как «хронологическая повествовательная лекция». Этот стиль фокусируется на представлении исторических событий в последовательном порядке, часто следуя временной шкале и перемещаясь между разными странами или регионами по мере развития повествования. Этот подход предполагает детализацию событий в хронологическом порядке, обеспечивая четкую хронологию исторических событий и переходов между различными географическими областями или странами. Этот метод помогает студентам уловить исторический контекст и понять взаимосвязь событий в разных регионах и периодах времени. Автор лекции успешно использует этот прием.

Профессиональная языковая личность точно и уместно использует терминологию, отражающую профессиональные знания: *«В конечном итоге в шестьдесят девятом году / в шестьдесят девятом году / в городе Айзенахе / Айзенахе / окончательно вот эта марксистская партия оформилась// Она называлась «Германская социал-демократическая рабочая партия»// «Германская социал-демократическая рабочая партия» так// Так вот для простоты/ она обычно называется Айзенахская партия//Айзенах (пишет на доске Эйзенах)/ эйзенахцы// А другая партия/ та / которая была первоначально была создана в шестьдесят третьем году/ получила название Лассальянская партия// эйзенахцы и лассальянцы// Одни таким образом реформисты/ за мирный путь// поддерживают объединение Германии железом и кровью// А эйзенахцы — марксисты// за революционное объединение Германии/ и за пролетарскую революцию с диктатурой пролетариата// В январе тысяча восемьсот*

семьдесят первого года /в январе тысяча восемьсот семьдесят первого года / после разгрома Франции/ как я уже говорил / в Версале/ в зеркальном зале / как это водится / в самом хорошем красивом месте/ было провозглашено образование Германской империи// Императором стал прусский король Вильгельм Первый// Это событие завершает процесс объединения Германии//».

Языковая личность учитывает запросы аудитории и апеллирует к опыту, мировоззрению, интересам и чувствам обучающихся при организации общения на занятии.

3. Когнитивный стиль ученого-историка позволил выделить элементы идиолекта:

Контекстуальный подход, который у языковой личности является ведущим и проявляется эксплицитно.

Конструкции «констатация факта — вопрос-ответ», которые характерны в большей степени для языковой личности ученого, а не преподавателя.

Лексический повтор, повтор словосочетаний является показателем конкретной языковой личности ученого-историка, чьи лекции анализируются. Это многоплановый повтор: и активизация внимания к отдельным явлениям, и способ саморефлексирования, и приглашение к совместному размышлению

Лектор особым образом апеллирует к опыту, мировоззрению, интересам и чувствам обучающихся при организации общения на занятии, что проявляется в своеобразных «лирических» отступлениях в современность. Он обсуждает актуальные жизненные проблемы вместо готовых тем или текстов.

Особенно ярко проявляется словесно-речевой стиль кодирования информации. Лектор, объясняя материал, проводит и словарную работу: дает определения терминам; формирует межъязыковые связи, переводя с родного на иностранный язык или наоборот, с иностранного на родной; в ходе рассуждения об исторических событиях использует прием аналогии, прибегая к литературным источникам. Особым стилем языковой личности является картинность — образное воспроизведение фактов истории и исторических персоналий в виде целостных картин и портретов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Азарова, Л. Понятие языковой личности в лингвистике / Л. Азарова. — Текст : электронный // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska*. — Polonia. — Lublin, 2017. — Vol. XXXV, Sectio FF 1. — S. 169–178. — DOI <https://doi.org/10.17951/ff.2017.35.1.169> (дата обращения: 11.07.2024).
2. Бузинова, Л. М. О статусе языковой личности преподавателя в литературном дискурсе / Л. М. Бузинова. — Текст : электронный // Актуальные проблемы филологии и педаго-

гической лингвистики. — 2019. — № 2. — С. 145–146. — URL: http://philjournal.ru/vypuski/arkhiv-nomerov/section.php?ELEMENT_ID=406 (дата обращения: 11.07.2024).

3. Вандышева, А. В. Использование достижений психо- и лингвоперсоналогии в процессе формирования языковой личности будущего учителя иностранного языка : 13.00.02 : дис. ... канд. пед. наук / Вандышева А. В. — Нижний Новгород, 2009. — 235 с. — Текст : непосредственный.

4. В. В. Виноградов как профессиональная языковая личность ученого-филолога: лингвориторический аспект (на материале текстов о языке и стиле русских писателей). — URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=431778> (дата обращения: 13.07.2024). — Текст : непосредственный.

5. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев. — Текст : непосредственный // Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 64–72.

6. Вятютнев, М. Н. Теория учебника русского языка как иностранного (методические основы) / М. Н. Вятютнев. — Москва : [б. и.], 1984. — Текст : непосредственный.

7. Годунова, С. Ю. Языковая личность в культурологическом аспекте : 10.02.19 : дис. ... канд. филол. наук / Годунова С. Ю. — Волгоград, 2004. — 203 с. — Текст : непосредственный.

8. Дубровская, Д. В. Когнитивный подход к изучению языковой личности / Д. В. Дубровская. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. — 2015. — № 5 (360). — С. 32–35.

9. Зайнуллин, М. В. Языковая личность и национальный менталитет / М. В. Зайнуллин. — Текст : непосредственный // Проблемы востоковедения. — 2015. — № 3 (69). — С. 69–74.

10. Зимняя, И. А. Педагогическая психология : учеб. для вузов / И. А. Зимняя. — Москва : [б. и.], 2002. — Текст : непосредственный.

11. Иванцова, Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования / Е. В. Иванцова. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2010. — № 4 (12). — С. 24–38.

12. Ипполитов, Г. М. Еще раз о языке исторических исследований / Г. М. Ипполитов. — Текст : непосредственный // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2015.

13. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — Текст : непосредственный.

14. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Изд-во ЛКИ, 2007. — 264 с. — Текст : непосредственный.

15. Колга, В. А. Исследование когнитивных стилей в СССР / В. А. Колга. — Текст : непосредственный // Интегральное исследование индивидуальности / под ред. Б. А. Вяткина. — Пермь : [б. и.], 1992. — С. 17–36

16. Красных, В. В. Лингвокультура как объект когнитивных исследований / В. В. Красных. — Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного университета. Сер. 9, Филология. — 2013. — № 2. — С. 9–21.

17. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2003. — 375 с. — Текст : непосредственный.

18. Леонтьев, А. А. Педагогическое общение / А. А. Леонтьев. — Москва ; Нальчик : [б. и.], 1996. — Текст : непосредственный.

19. Лысенко, Н. Е. Развитие языковой личности при обучении русскому и иностранному языкам в неязыковом вузе : 13.00.02 : дис. ... канд. пед. наук / Лысенко Н. Е. — Орел, 2011. — 233 с. — Текст : непосредственный.

20. Пивкин, С. Д. Самореализация языковой личности переводчика в системе дополнительного профессионального образования : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Пивкин С. Д. — [Б. м.], 1999. — 96 с. — Текст : непосредственный.

21. Прохоров, Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. — 4-е изд. — Москва : Едиториал УРСС, 2003. — 224 с. — Текст : непосредственный.

22. Ростовцева, П. П. Компонентная характеристика языковой личности в образовательном пространстве / П. П. Рос-

товцева. — Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. — 2022. — № 1 (92). — С. 248–251.

23. Усольцев, А. П. Принципы развития мышления : моногр. / А. П. Усольцев ; Уральский государственный педагогический университет. — Екатеринбург : [б. и.], 2023. — 245 с. — Текст : электронный.

24. Фомина, М. С. Языковая личность как объект изучения психолингвистики / М. С. Фомина, О. А. Артеменко. — Текст : электронный // Международный журнал экспериментального образования. — 2014. — № 6-2. — С. 130–131. — URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=5242> (дата обращения: 11.07.2024).

25. Халяпина, Л. П. Формирование поликультурной языковой личности как цель обучения иностранным языкам в условиях глобализации общества : 13.00.02 : дис. ... д-ра пед. наук / Халяпина Л. П. — Волгоград, 2006. — 427 с. — Текст : непосредственный.

26. Холодная, М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума / М. А. Холодная. — 2-е изд. — Санкт-Петербург : Питер, 2004. — 384 с. : ил. — (Серия «Мастера психологии»). — Текст : непосредственный.

27. Черткова, Ю. Природа межиндивидуальной изменчивости когнитивных характеристик в подростковом возрасте : дис. ... канд. психол. наук / Черткова Ю. — Москва : ПИРАО, 2003. — Текст : непосредственный.

28. Шкуратова, И. П. Когнитивный стиль и общение / И. П. Шкуратова. — Ростов-на-Дону : Изд-во РПУ, 1994. — Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Azarova, L. (2017). Ponyatie yazykovoy lichnosti v lingvistike [The concept of linguistic personality in linguistics]. In *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Polonia* (Vol. XXXV, Sectio FF 1, pp. 169–178). Lublin. Retrieved July 11, 2024, from <https://doi.org/10.17951/ff.2017.35.1.169>

2. Buzinova, L.M. (2019). O statuse yazykovoy lichnosti prepodavatelya v literaturnom diskurse [On the status of the linguistic personality of the teacher in literary discourse]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 2, 145–146. Retrieved July 11, 2024, from http://philjournal.ru/vypuski/arkhiv-nomerov/section.php?ELEMENT_ID=406 (In Russ.)

3. Vandysheva, A.V. (2009). *Ispol'zovanie dostizheniy psikhologii i lingvopersonologii v protsesse formirovaniya yazykovoy lichnosti budushchego uchitelya inostrannogo yazyka* [Using the achievements of psycho- and linguapersonology in the process of forming the linguistic personality of a future foreign language teacher] [Dis. of Cand. of Pedagogy]. Nizhny Novgorod, 235 p. (In Russ.)

4. V.V. Vinogradov kak professional'naya yazykovaya lichnost' uchenogo-filologa: lingvovitoricheskiy aspekt (na materiale tekstov o yazyke i stile russkikh pisateley) [V. V. Vinogradov as a professional linguistic personality of a philologist: linguo-rhetorical aspect (based on texts about the language and style of Russian writers)]. Retrieved July 13, 2024, from <https://znanium.ru/catalog/document?id=431778> (In Russ.)

5. Vorkachev, S.G. (2001). Lingvokulturologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii [Linguocultural studies, linguistic personality, concept: formation of the anthropocentric paradigm in linguistics]. *Filologicheskie nauki*, 1, 64–72. (In Russ.)

6. Vyatyutnev, M.N. (1984). *Teoriya uchebnika russkogo yazyka kak inostrannogo (metodicheskie osnovy)* [Theory of the textbook of Russian as a foreign language (methodological foundations)]. Moscow. (In Russ.)

7. Godunova, S.Yu. (2004). *Yazykovaya lichnost' v kul'turologicheskoy aspekte* [Linguistic personality in the cultural aspect] [Dis. of Cand. of Philology]. Volgograd, 203 p. (In Russ.)

8. Dubrovskaya, D.V. (2015). Kognitivnyy podkhod k izucheniyu yazykovoy lichnosti [Cognitive approach to the study of linguistic personality]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 5(360), 32–35. (In Russ.)

9. Zaynullin, M.V. (2015). Yazykovaya lichnost' i natsional'nyy mentalitet [Linguistic personality and national mentality]. *Problemy vostokovedeniya*, 3(69), 69–74. (In Russ.)

10. Zimnyaya, I.A. (2002). *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Pedagogical psychology : textbook for universities] [Textbook for universities]. Moscow. (In Russ.)

11. Ivantsova, E.V. (2010). O termine «yazykovaya lichnost'»: istoki, problemy, perspektivy ispol'zovaniya [On the term “linguistic personality”: origins, problems, prospects of use]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 4(12), 24–38. (In Russ.)
12. Ippolitov, G.M. (2015). Eshche raz o yazyke istoricheskikh issledovaniy [Once again about the language of historical research]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. (In Russ.)
13. Karasik, V.I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 477 p. (In Russ.)
14. Karaulov, Yu.N. (2007). *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow: Izdatel'stvo LKI, 264 p. (In Russ.)
15. Kolga, V.A. (1992). Issledovanie kognitivnykh stiley v SSSR [Study of cognitive styles in the USSR]. In B.A. Vyatkin (Ed.), *Integral'noe issledovanie individual'nosti* (pp. 17–36). Perm'. (In Russ.)
16. Krasnykh, V.V. (2013). Lingvokul'tura kak ob'ekt kognitivnykh issledovaniy [Linguistic culture as an object of cognitive research]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9, Filologiya*, 2, 9–21. (In Russ.)
17. Krasnykh, V.V. (2003). “Svoy” sredi “chuzhikh”: mif ili real'nost'? [“Ours” among “strangers”: myth or reality?]. Moscow: Gnozis, 375 p. (In Russ.)
18. Leont'ev, A.A. (1996). *Pedagogicheskoe obshchenie* [Pedagogical communication]. Moscow, Na'chik. (In Russ.)
19. Lysenko, N.E. (2011). *Razvitie yazykovoy lichnosti pri obuchenii russkomu i inostrannomu yazykam v neyazykovom vuze* [Development of linguistic personality in teaching Russian and foreign languages in a non-linguistic university] [Dis. of Cand. of Pedagogy]. Orel, 233 p. (In Russ.)
20. Pivkin, S.D. (1999). *Samorealizatsiya yazykovoy lichnosti perevodchika v sisteme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya* [Self-realization of the linguistic personality of a translator in the system of additional professional education] [Abstract of Dis. of Dr. of Pedagogy]. 96 p. (In Russ.)
21. Prokhorov, Yu.E. (2003). *Natsional'nye sotsiokul'turnye stereotipy rechevogo obshcheniya i ikh rol' v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev* [National socio-cultural stereotypes of speech communication and their role in teaching Russian to foreigners]. (4th ed.). Moscow: Editorial URSS, 224 p. (In Russ.)
22. Rostovtseva, P.P. (2022). Komponentnaya kharakteristika yazykovoy lichnosti v obrazovatel'nom prostranstve [Component characteristics of the linguistic personality in the educational space]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 1(92), 248–251. (In Russ.)
23. Usol'tsev, A.P. (2023). *Printsipy razvitiya myshleniya* [Principles of thinking development] [Monograph]. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 245 p. (In Russ.)
24. Fomina, M.S., & Artemenko, O.A. (2014). Yazykovaya lichnost' kak ob'ekt izucheniya psikholingvistiki [Linguistic personality as an object of study of psycholinguistics]. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*, 6-2, 130–131. Retrieved July 11, 2024, from <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=5242> (In Russ.)
25. Khalyapina, L.P. (2006). *Formirovanie polikul'turnoy yazykovoy lichnosti kak tsel' obucheniya inostrannym yazykam v usloviyakh globalizatsii obshchestva* [Formation of a multicultural linguistic personality as a goal of teaching foreign languages in the context of globalization of society] [Dis. of Dr. of Pedagogy]. Volgograd, 427 p. (In Russ.)
26. Kholodnaya, M.A. (2004). *Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma* [Cognitive styles. On the nature of the individual mind]. (2nd ed.; Ser. “Masterya psikhologii”). St. Petersburg: Piter, 384 p. (In Russ.)
27. Chertkova, Yu. (2003). *Priroda mezhindividual'noy izmenchivosti kognitivnykh kharakteristik v podrostkovom vozraste* [The nature of interindividual variability of cognitive characteristics in adolescence] [Dis. of Cand. of Psychology]. Moscow: PI RAO. (In Russ.)
28. Shkuratova, I.P. (1994). *Kognitivnyy stil' i obshchenie* [Cognitive style and communication]. Rostov on Don: Izd-vo RPU, 1994. (In Russ.)

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).

Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 81'42+81'38+81'27+82-93

ББК Ш105.51+Ш105.55+Ш100.621+Ш380.1

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.8, 5.9.9

Наталья Алексеевна Завьялова

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, n.zavzav@uspu.ru, SPIN-код: 9275-9290, ResearcherID: N-7979-2016, Scopus Author ID: 55703155200

Политические нарративы детской литературы в контексте современного глобального лингвистического пространства

АННОТАЦИЯ. В статье представлена сложная тема формирования мировоззрения дошкольников и младших школьников посредством чтения. На примере Исламской Республики Пакистан автор демонстрирует возможности формирования повестки гендерной идентичности, принятия американских стандартов даже в пространстве детской литературы. Материалом для исследования стало содержание детских передач на центральной радиостанции Пакистана «Radio Pakistan» / «радио Пакистан» в разделе подкастов, в частности собрание рассказов для детей перед сном «Bedtime Stories» / «истории на ночь глядя» на английском языке. Все рассказы этой коллекции написаны на английском языке, представляют собой образцы англо-американской прозы начала XXI в. Хотя основное внимание детей привлечено к фантастическому сюжету историй, их отдельные яркие детали призваны сохранить в памяти актуальные ценности, прочно входящие в мировой дискурс: важность церемонии клятвы верности американскому флагу, значимость проблем идентичности и умения «жить счастливо со своей идентичностью», вопросы художественного мастерства в эпоху распространения современного концептуального искусства. Подобное внушение популярных в мировом информационном пространстве идей детям в статье предлагается соотносить с концепцией «мягкой силы», разработка которой также происходит в контексте проамериканской политологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: детская литература, детские писатели, литературное творчество, литературные жанры, рассказы, литературные сюжеты, литературные образы, чтение детей, читательская деятельность, дошкольники, младшие школьники, мягкая сила, политические технологии, политические нарративы, политический дискурс, глобальное пространство.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Завьялова Наталья Алексеевна, доктор культурологии, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет, 620017, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; email: n.zavzav@uspu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Завьялова, Н. А. Политические нарративы детской литературы в контексте современного глобального лингвистического пространства / Н. А. Завьялова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 62-67.

Natal'ya A. Zavyalova

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, n.zavzav@uspu.ru, SPIN code: 9275-9290, ResearcherID: N-7979-2016, Scopus Author ID: 55703155200

Political Narratives of Children's Literature in the Context of the Modern Global Linguistic Space

ABSTRACT. The article presents a complex topic of forming the worldview of preschoolers and junior schoolchildren through reading. Using the example of the Islamic Republic of Pakistan, the author demonstrates the process of shaping the agenda of gender identity and the adoption of American standards even in the realm of children's literature. The practical research material embraces the content of children's broadcasts of the central radio station of Pakistan "Radio Pakistan" in the podcast section, in particular a collection of Bedtime Stories for children before going to bed in English. All the short stories in this collection are written in English and are examples of Anglo-American prose of the early 21st century. Although the main attention of children is drawn to the fantastic plot of the stories, their individual vivid details are designed to preserve in memory the actual values that are firmly included in the world discourse: the importance of the ceremony of the oath of allegiance to the American flag, the importance of identity problems and the ability to "live happily with your identity", and issues of artistic mastery in the era of the prevalence of the modern conceptual art. The article suggests that such inculcation of ideas popularized in the global information space in children should be correlated with the concept of "soft power", the development of which also takes place in the context of pro-American political science.

KEYWORDS: children's literature, children's writers, literary creative activity, literary genres, short stories, literary plots, literary images, children's reading, reading, preschoolers, junior schoolchildren, soft power, political techniques, political narratives, political discourse, global space.

AUTHOR'S INFORMATION: Zav'yalova Natal'ya Alekseevna, Doctor of Culturology, Candidate of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Zavyalova N. A. (2024). Political Narratives of Children's Literature in the Context of the Modern Global Linguistic Space. In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 62-67. (In Russ.).

Современное пространство геополитики — это площадка для взаимовлияния самых разных технологий, проявляющих себя открыто или, напротив, неявно. Никого не удивишь политехнологиями в мире взрослых [Бодрийяр 2001: 150; Ильинский 2023: 10; Костина 2006: 29; Кошкарлова 2011: 89; Луков 2011: 100; Макаревич 2023: 165; Нахимова 2011: 40; Чжан Сень 2018: 30; Чудинов 2023: 25]. Наш фокус направлен на политехнологии в мире детской литературы [Завьялова 2023: 85]. На примере литературы для дошкольников и младших школьников в Исламской Республике Пакистан мы стремимся показать действие «мягкой силы» в пространстве книг для детей.

Введение в широкий научный обиход понятия «мягкой силы» принято связывать с американским политологом Дж. Наем, который связывает данный феномен с попытками влияния путем предложения привлекательных моделей: «Soft power — co-optive power — getting others to want what you want... soft power resources-cultural attraction, ideology, and international institutions» / «Мягкая сила — привлечение к сотрудничеству — феномен, когда вы заставляете других хотеть того же, что и вы. Компоненты мягкой силы — культурная привлекательность, идеология и международные институты» [Nye 1990: 153]. Данный инструмент политехнологий встроен в современное направление психологии влияния [Чалдини 2014: 200].

Проанализируем, как мягкая сила реализует себя в детской литературе. Важность организации чтения для дошкольников и младших школьников знакома всем [Сумнительный, Шпонько 2023: 148]. Независимо от основной религии, государственного устройства, темпов экономического развития во всех странах современного мира ведется работа по организации досуга дошкольников и младших школьников, поскольку досуговая деятельность является частью их образования [Ухтомский 2020: 200]. Распространённой формой досуга является чтение рассказов. В рамках данной статьи мы проанализируем детские рассказы, популярные в Исламской Республике Пакистан. Подобный анализ позволит выявить важнейшие императивы, способствующие становлению современного социокультурного пространства для детей. Выбор Пакистана обусловлен личным интересом автора, чья жизнь была сопряжена с работой в данном государстве, с одной стороны, и высокой растущей демографической статистикой, с другой. По дан-

ном сайта мировой демографической статистики *Wordometer* [WORDOMETER 2024], Пакистан находится на пятом месте в мировом списке демографических лидеров. Очевидно, что вопросы организации чтения как одного из основных видов досуговой деятельности детей остро стоят перед образовательными системами этой молодой страны.

Для того, чтобы понять, какие идеи в мире детской литературы являются актуальными для современного Пакистана, мы обратились к содержанию детских передач на центральной радиостанции Пакистана «Radio Pakistan» / «радио Пакистан» [RADIO PAKISTAN ONLINE 2024] в разделе подкастов. Данный раздел содержит записи различных тематических коллекций, среди которых присутствует коллекция для детей «Kids» / «дети», в подраздел которой входит собрание рассказов для детей перед сном «Bedtime Stories» / «истории на ночь глядя» на английском языке. Основу этого собрания составляют рассказы, начитанные девочкой из Пакистана Raneem Ali/ Раним Али. Проанализируем рассказы из данной коллекции. Все они на английском языке, представляют собой образцы англо-американской прозы начала XXI в. Одним из самых популярных авторов, рассказы которого озвучены в 2 сериях из 14, является американский автор Дэйвид Шеннон. Его сказка «A bad case of stripes» / «Несчастный случай с полосками» [Shannon 1998] построен на фантастическом сюжете о девочке, которая от одной мысли о каком-то продукте или предмете могла внезапно превратиться в этот предмет: принять форму таблетки, стены в комнате, палитры из разных красок. Все заканчивается благополучно, ребенок утрачивает способность к превращениям после того, как съедает полезную фасоль. Безусловно, основное внимание в этой истории приковано к фантастическому сюжету, но мы фокусируемся на деталях. Во время одного из первых своих превращений девочка участвует в ежедневной церемонии клятвы верности американскому флагу «Pledge of Allegiance» / «Клятва верности американскому флагу» и вся окрашивается в цвета американского флага (Рис. 1).

Представленная деталь не является ключевой в этой сказке, но она проиллюстрирована в книге, ее не упустили в подкасте. Соответственно, дети Пакистана запомнили эту важную деталь во время прослушивания сказки перед сном.

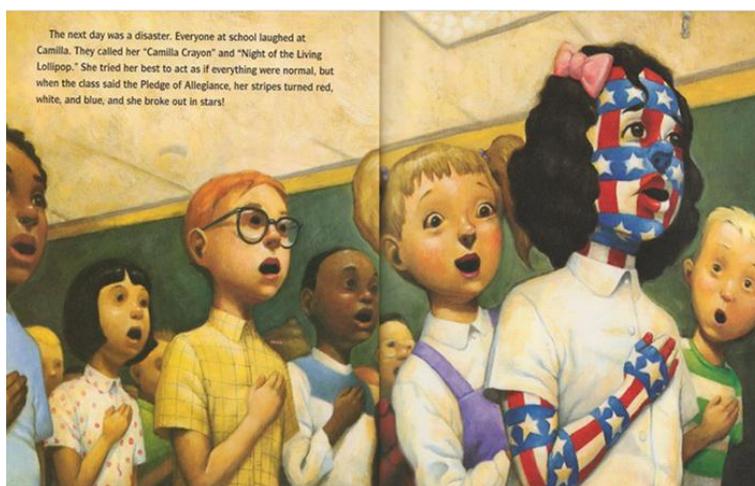

Рис. 1. Иллюстрация из книги «A bad case of stripes» / «Несчастный случай с полосками» [Shannon 1998: 9]

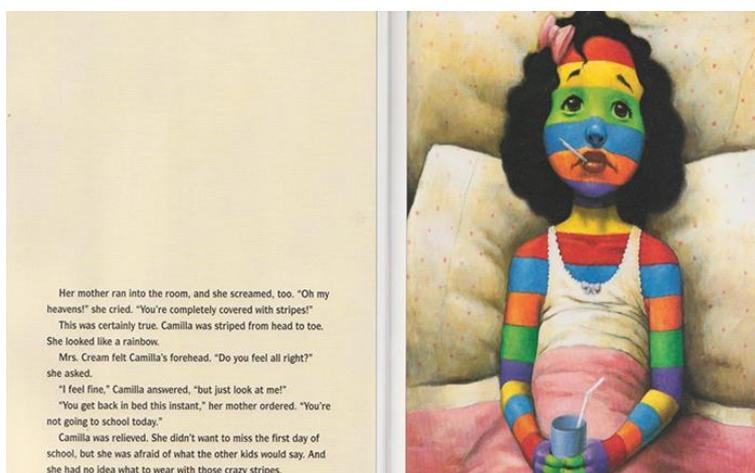

Рис. 2. Иллюстрация из книги «A bad case of stripes» / «Несчастный случай с полосками» [Shannon 1998: 4]

Если вернуться на одно превращение назад, то анализируемая сказка становится еще более провокационной, поскольку начинается вся история с того, что девочка покрывается полосками радуги, которые в современном нам мире довольно прочно ассоциируются с пропагандой ЛГБТ (Рис. 2).

И если даже отбросить факт ЛГБТ-пропаганды в самом произведении, то анонс подкаста не оставляет сомнений в том, что детям навязываются вопросы идентичности, которые также прочно входят в современный мировой дискурс в контексте половой, гендерной и сексуальной идентичности: «This is a story of an insecure girl who learns to be happy with her identity» / «Рассказ о неуверенной в себе девочке, которая учится жить счастливо со своей идентичностью» (Рис.3). Приведем и заставки с сайта радио Пакистана, анонсирующие серии истории (Рис. 4).

Нельзя говорить о том, что все представленные в подкасте рассказы пронизаны

идеологией проблем идентичности и иллюстрируют ритуалы клятвы верности американскому флагу, но определенная связь с современными концепциями социального устройства присутствует во многих рассказах. В другой серии подкаста зачитана история «Точка» автора из Канады (Peter H. Reynolds "The Dot") [Reynolds 2003]. Сюжет рассказа призван стимулировать веру ребенка в себя. Девочка в школе рисования не может ничего нарисовать, тогда добрый педагог предлагает ей просто нарисовать точку, а затем в рамке размещает этот рисунок у себя над рабочим столом. Вдохновленная этим примером, девочка рисует новые точки разных цветов и размеров, ее работы пользуются популярностью на выставке. На выставке ее работами восхищен мальчик, который признается в том, что не умеет рисовать ничего, кроме линий. Девочка берет его помочь, имея в виду собственную ситуацию успеха (Рис. 5).

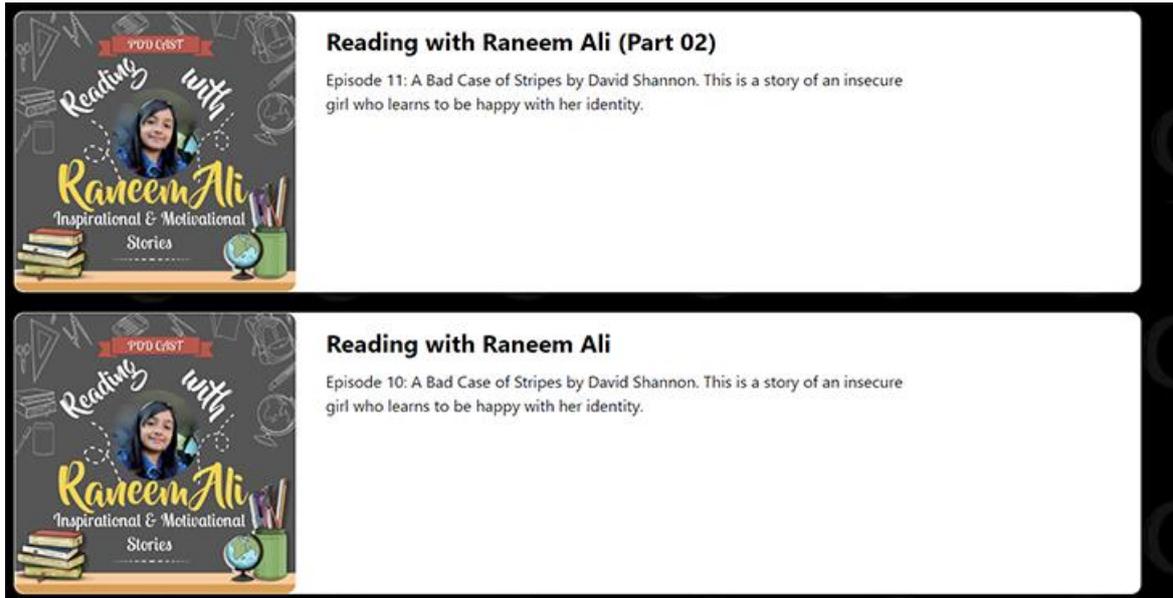

Рис. 3. [RADIO PAKISTAN ONLINE 2024]

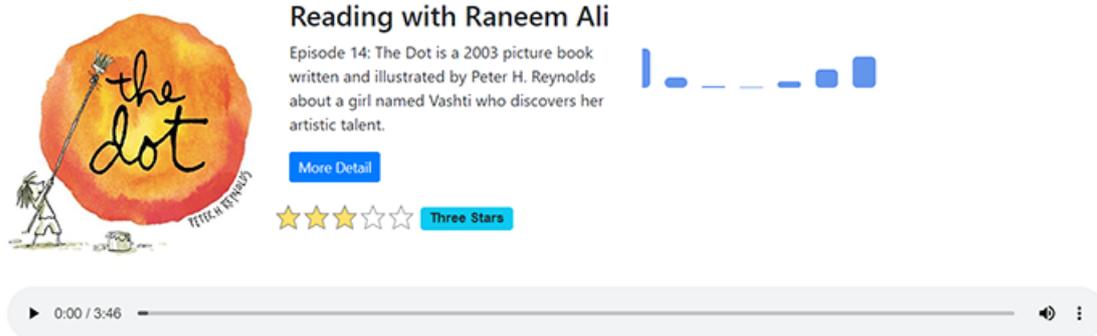
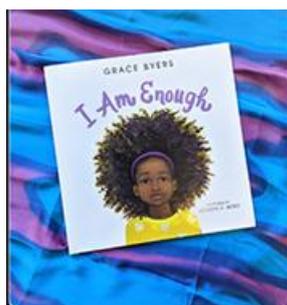

Рис. 4. [RADIO PAKISTAN ONLINE 2024]

Рис. 5. [Reynolds 2003: 15]

Reading with Raneem Ali

Episode 13: I Am Enough by Grace Byers is an uplifting and motivating book about female empowerment and respect for diversity.

Рис. 6. [RADIO PAKISTAN ONLINE 2024]

На первый взгляд, в этом произведении нет ничего необычного, оно призвано стимулировать активность ребенка, развивать веру в себя. Но все-таки в произведении описан случай, когда юная художница попадает на выставку с относительно простыми работами, ее картины — всего лишь разноцветные точки разных размеров (Рис. 5). Она готова помочь своему товарищу принять участие в выставке с рисунками аналогичного качества — достаточно нарисовать линии и подписать их. А что же чувствуют те ученики, которые создают сложные рисунки, долго и кропотливо оттачивают свое мастерство? Здесь мы переходим в зону сложной дискуссии о сути современного концептуального искусства.

Еще один рассказ из коллекции подкастов анонсирован как «вдохновляющая книга о расширении прав и возможностей женщин и уважении к разнообразию» (Рис. 6).

Какой набор ценностей призвана сформировать представленная коллекция? Поддерживать идеи об идентичности, уважение к разнообразию, веру в собственные возможности. В этих ценностях нет ничего отталкивающего, но все зависит от интерпретаций и степени навязывания своей точки зрения, а также нюансов перевода и презентации [Еремина 2022: 150].

ИСТОЧНИКИ

1. RADIO PAKISTAN ONLINE 2024. — URL: <https://podcast.radio.gov.pk/index.php> (date of access: 01.05.2024).
2. Reynolds, Peter H. *The Dot* / Peter H. Reynolds. — Candlewick Press, 2003. — 32 p. — Text : unmediated.
3. Shannon, D. *A Bad Case of Stripes* / D. A. Shannon. — Scholastic Inc., 1998. — 34 p. — Text : unmediated.
4. WORDMETER 2024. — URL: <https://www.worldometers.info/world-population/> (date of access: 01.05.2024)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. — Москва : Рудомино, 2001. — 168 с. — Текст : непосредственный.
2. Еремина, С. А. Двусторонний перевод поэтического текста как прием обучения межкультурной коммуникации / С. А. Еремина, В. Ю. Миков. — Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. — 2022. — № 3. — С. 69–77.
3. Завьялова, Н. А. Общество потребления в социокультурном аспекте / Н. А. Завьялова, Ю. Цюйань, Ц. Ян. — Текст : непосредственный // Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением. — 2023. — № 1. — С. 82–87.

4. Ильинский, И. М. Тайны «перестройки» / И. М. Ильинский. — Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. — 2023. — № 2. — С. 5–23. — DOI: 10.17805/zpu.2023.2.1.

5. Костина, А. В. Массовая культура: аспекты понимания / А. В. Костина. — Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. — 2006. — № 1. — С. 28–35.

6. Кошкарлова, Н. Н. Пресс-конференция президента России (18 мая 2011 г.): стилистика и риторика текста / Н. А. Кошкарлова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2011. — № 3 (37). — С. 87–92.

7. Луков, В. А. Тезаурусы. Субъектная организация гуманитарного знания / В. А. Луков, Вл. А. Луков. — Москва : Изд-во Национального института бизнеса, 2011. — 784 с. — Текст : непосредственный.

8. Макаревич, Э. Ф. Театр в эпоху социальных изменений / Э. Ф. Макаревич, Г. П. Хорина, Н. А. Завьялова. — Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. — 2023. — № 4. — С. 164–171. — DOI: 10.17805/zpu.2023.4.14.

9. Нахимова, Е. А. Теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования прецедентных антропонимов в современной российской массовой коммуникации : 10.02.19 : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2011. — 44 с. — Текст : непосредственный.

10. Сумнительный, К. Е. Диалог культур в методе Монтессори (на примере дидактического материала по русскому языку) / К. Е. Сумнительный, Т. Ю. Шпилько. — Текст : непосредственный // Преподаватель XXI век. — 2023. — № 2. Ч. 1. — С. 147–154. — DOI: 10.31862/2073-9613-2023-2-147-154.

11. Ухтомский, А. А. Доминанта: физиология поведения / А. А. Ухтомский. — Москва : АСТ, 2020. — 250 с. — Текст : непосредственный.

12. Чалдини, Р. Психология влияния. Убейдай, воздействуй, защитись / Р. Чалдини. — 5-е изд. — Санкт-Петербург : Питер, 2014. — 336 с. — Текст : непосредственный.

13. Чжан, Сень. Политико-лингвистическое исследование межличностного смысла в политическом речевом дискурсе — на примере текста первого послания Дональда Трампа о положении его президентства / Чжан Сень, Лю Фэнгуан. — Текст : непосредственный // Исследование иностранных языков в Северо-Восточной Азии. — 2018. — № 6 (3). — С. 27–34.

14. Чудинов, А. П. Метафорический образ жандарма как зеркало социополитических изменений (на материале медиатекстов) / А. П. Чудинов, Н. А. Сегал. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 3 (99). — С. 23–30.

15. Nye, J. S. *Soft Power* / J. S. Nye. — Text : unmediated // *Foreign Policy*. — 1990. — № 80 (153). — P. 153–171. — DOI: 10.2307/1148580.

MATERIALS

1. RADIO PAKISTAN ONLINE 2024. Retrieved May 1, 2024, from <https://podcast.radio.gov.pk/index.php>
2. Reynolds, Peter H. (2003). *The Dot*. Candlewick Press, 32 p.
3. Shannon, D. (1998). *A Bad Case of Stripes*. Scholastic Inc., 34 p.
4. WORDMETER 2024. Retrieved May 1, 2024, from <https://www.worldometers.info/world-population/>

REFERENCES

1. Bodrijyar, Zh (2001). *Sistema veshchej* [The System of Things]. Moscow: Rudomino, 168 p. (In Russ.)

2. Eremina, S.A., & Mikov, V.Yu. (2022). Dvustoronnij perevod poeticheskogo teksta kak priem obucheniya mezhkul'turnoj kommunikacii [Two-way translation of a poetic text as a technique for teaching intercultural communication]. *Pedagogical Education in Russia*, 3, 69–77. (In Russ.)
3. Zav'yalova, N.A., Cyujan', Yu., & Yan, C. (2023) Obshchestvo potrebleniya v sociokul'turnom aspekte [Consumer society in the socio-cultural aspect]. *Kuznechno-shtampovochnoe proizvodstvo. Obrabotka materialov davleniem*, 1, 82–87. (In Russ.)
4. Il'inskij, I.M. (2023). Tajny "perestrojki" [Secrets of "perestrojka"]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2, 5–23. DOI: 10.17805/zpu.2023.2.1 (In Russ.)
5. Kostina, A.V. (2006). Massovaya kul'tura: aspekty ponimaniya [Mass Culture: Aspects of Understanding]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 1, 28–35. (In Russ.)
6. Koshkarova, N.N. (2011) Press-konferenciya prezidenta Rossii (18 maya 2011 g.): stilistika i ritorika teksta [Press Conference of the President of Russia (May 18, 2011): Stylistics and Rhetoric of the Text]. *Political Linguistics*, 3(37), 87–92. (In Russ.)
7. Lukov, V.A., & Lukov, V.I. A. (2011). *Tezaurusy. Sub'ektivnaya organizaciya gumanitarnogo znaniya* [Thesauruses. Subjective organization of humanitarian knowledge]. Moscow: Izd-vo Nacional'nogo instituta biznesa, 784 p. (In Russ.)
8. Makarevich, E.F., Horina, G.P., & Zav'yalova, N.A. (2023). Teatr v epohu social'nyh izmenenij [Theater in the era of social change]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 4, 164–171. DOI: 10.17805/zpu.2023.4.14 (In Russ.)
9. Nahimova, E.A. (2011). *Teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya precedentnyh antroponimov v sovremennoj rossijskoj massovoj kommunikacii* [Theory and methods of cognitive-discursive study of precedent anthroponyms in modern Russian mass communication] [Abstract of the dissertation of the Doctor of Philology]. Ekaterinburg, 44 p. (In Russ.)
10. Sumnitel'nyj, K.E., & Shpon'ko, T.Yu. (2023). Dialog kul'tur v metode Montessori (na primere didakticheskogo materiala po russkomu yazyku) [Dialogue of cultures in the Montessori method (on the example of didactic material on the Russian language)]. *Prepodavatel' XXI vek*, 2 (Part 1), 147–154. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-2-147-154 (In Russ.)
11. Uhtomskij, A.A. (2020). *Dominanta: fiziologiya povedeniya* [Dominanta: physiology of behavior]. Moscow: AST, 250 p. (In Russ.)
12. Chaldini, R. (2014). *Psihologiya vliyaniya. Ubezhdaj, vozdejstvuj, zashchishchajsiya* [Psychology of influence. Persuade, influence, defend yourself] (5th ed.). St. Peterburg: Piter, 336 p. (In Russ.)
13. Chzhan, Sen', & Lyu, Fenguan. (2018). Politiko-lingvisticheskoe issledovanie mezhlichnostnogo smysla v politicheskom rechevom diskurse — na primere teksta pervogo poslaniya Donal'da Trampa o polozhenii v strane v period ego prezidentstva [Political and linguistic study of interpersonal meaning in political speech discourse - on the example of the text of Donald Trump's first message on the state of the union during his presidency]. *Issledovanie inostrannyh yazykov v Severo-Vostochnoj Azii*, 6(3), 27–34. (In Russ.)
14. Chudinov, A.P., Segal, N.A. (2023). Metaforicheskij obraz zhandarma kak zerkalo sociopoliticheskij izmenenij (na materiale mediatekstov) [Metaphorical image of the gendarme as a mirror of sociopolitical changes (based on media texts)]. *Politicheskaya lingvistika*, 3(99), 23–30. (In Russ.)
15. Nye, J.S. (1990). Soft Power. *Foreign Policy*, 80(153), 153–171. DOI: 10.2307/1148580

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'27
ББК ШП41.12-51+ШП00.621

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.9; 5.9.8

Наталья Николаевна Кошкарлова

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, studiumjuvenis@mail.ru, SPIN-код: 3844-0536

Когнитивно-дискурсивная характеристика образа будущего России: уровни и компоненты

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена когнитивно-дискурсивному анализу уровней и компонентов образа будущего России, базируется на идее о том, что когнитивно-дискурсивное прогнозирование предоставляет возможность ученому изучить и описать детерминированность различных типов дискурса и реализующих их жанров когнитивной деятельностью человека. Вызовы будущего и развитие страны важно рассматривать через призму конструирования национально-государственной идентичности и с учетом внутри- и внешнеполитических факторов, так как это позволит, во-первых, использовать весь арсенал фактов мировой и российской истории для прогнозирования развития страны; во-вторых, опираться на опыт продуктивного взаимодействия граждан и власти при построении моделей будущего; в-третьих, утвердить безальтернативный приоритет человека и личного достоинства по сравнению с догмами, формальностями и лишь на словах декларируемым новым методологическим инструментарием. Российское будущее формируется и транслируется на двух уровнях: уровень стратегического планирования и нормативного закрепления; уровень общественных представлений. Компоненты российского будущего включают: будущее мироустройство; концепцию общенациональной идеи российского государства-цивилизации; будущее государства. Автор приходит к выводу, что будущее России — это не эфемерная сущность, а вполне реальное и достижимое завтра, опирающееся на прошлое и требующее активной работы от каждого гражданина.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, когнитивная лингвистика, образ России, будущее России, когнитивно-дискурсивный анализ, национальная идентичность, государство-цивилизация.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Кошкарлова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Южно-Уральский государственный университет; 454080, Россия, Челябинск, пр. Ленина, 76, каб. 169; email: studiumjuvenis@mail.ru.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кошкарлова, Н. Н. Когнитивно-дискурсивная характеристика образа будущего России: уровни и компоненты / Н. Н. Кошкарлова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 68-73.

Natal'ya N. Koshkarova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, studiumjuvenis@mail.ru, SPIN code: 3844-0536

Cognitive-Discursive Characterization of the Image of Russia's Future: Levels and Components

ABSTRACT. The article deals with the cognitive-discursive analysis of the levels and components of the image of the future of Russia, based on the idea that cognitive-discursive forecasting provides an opportunity for a scholar to study and describe the determinacy of various types of discourse and the genres realizing them by the human cognitive activity. It is important to consider the challenges of the future and the development of the country through the prism of constructing national and state identity and taking into account domestic and foreign policy factors, as this may allow the researcher, firstly, to use the entire arsenal of facts of world and Russian history to predict the development of the country; secondly, to rely on the experience of productive interaction between citizens and authorities in building models of the future; thirdly, to affirm the uncontested priority of man and personal dignity in comparison to dogmas, formalities and only verbally declared new methodological tools. The Russian future is formed and disseminated at two levels: the level of strategic planning and legislation; the level of public ideas and beliefs. The components of the Russian future include: the future world order; the conception of the national idea of the Russian state-civilization; the future of the state. The author comes to the conclusion that the future of Russia is not an ephemeral entity, but a very real and achievable tomorrow, based on the past and requiring active participation from every citizen.

KEYWORDS: political discourse, cognitive linguistics, image of Russia, future of Russia, cognitive-discursive analysis, national identity, state-civilization.

AUTHOR'S INFORMATION: Koshkarova Natal'ya Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor of Department of International Relations, Political Science and Regional Studies, Institute of Linguistics and Intercultural Communications, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia.

ACKNOWLEDGMENTS. The research has been carried out with financial support of the Russian Science Foundation Grant № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>.

FOR CITATION: Koshkarova N. N. (2024). Cognitive-Discursive Characterization of the Image of Russia's Future: Levels and Components. In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 68-73. (In Russ.).

Вопрос о том, по какому пути развивается Россия, куда она идет, какой образ российского будущего формируется и транслируется в общественном сознании, волнует не только обывателей, но и представителей различных научных направлений: социология, политология, история, социальное прогнозирование, лингвистика. Вызовы будущего и развитие страны важно рассматривать через призму конструирования национально-государственной идентичности, так как это позволит, во-первых, использовать весь арсенал мировой и российской истории для прогнозирования развития страны; во-вторых, опираться на опыт продуктивного взаимодействия граждан и власти при построении моделей будущего; в-третьих, утвердить безальтернативный приоритет человека и личного достоинства по сравнению с догмами, формальностями и лишь на словах декларируемым новым методологическим инструментарием.

Формирование, трансляция и анализ образа будущего России, который максимально тесно связан с потребностями и запросами конкретного гражданина, — задача не только государственных структур, но и всего российского общества, также (и не в последнюю очередь) представителей научного сообщества. Теоретико-методологические вопросы прогнозирования разрабатываются в трудах А. Г. Аганбегяна [Аганбегян 2023], К. А. Багриновского [Багриновский 2000], И. В. Бестужева-Лады [Бестужев-Лада 2002], Д. М. Гвишиани [Гвишиани 2004], Ж. Т. Тощенко [Тощенко 2022] и мн. др. Одним из важных направлений изучения образа будущего страны является анализ языковой репрезентации прогноза, что с успехом осуществляется в рамках такого направления, как лингвистическая прогностика [Солопова 2017]. В лингвистическом плане прогноз может рассматриваться не только как инструмент репрезентации будущего, но и как самостоятельный жанр с присущими ему типологическими особенностями [Кошкарлова 2017]. Немаловажная роль в деле альтернативного моделирования прошлого отводится ретро-прогнозу [Кошкарлова 2016].

Когнитивно-дискурсивное прогнозирование — метод, положенный в основу перечисленных выше направлений, предоставляет возможность ученому изучить и описать детерминированность различных типов дискурса и реализующих их жанров когнитивной деятельностью человека. Научный инструментарий политики, когнитивной лин-

гвистики и собственно прогностики дает возможность представить модели и сценарии развития того или иного государства, уровни и компоненты будущего страны. Инструментарий анализа возможных сценариев развития государства будет надежным и валидным, когда его фундаментом выступит национально-государственная идентичность с учетом внутри- и внешнеполитических факторов.

При таком подходе образ будущего России формируется и транслируется на двух уровнях: 1) уровень стратегического планирования и нормативного закрепления; 2) уровень общественных представлений [Основы российской государственности: учебное пособие 2023: 463]. На уровне стратегического планирования одним из основополагающих документов при формировании российского будущего является Указ Президента РФ от 02.07.2021 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». В Стратегии подчеркивается роль традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти в деле строительства будущего страны: *Российская Федерация рассматривает свои базовые, сформировавшиеся на протяжении столетий отечественной истории духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, нормы морали и нравственности в качестве основы российского общества, которая позволяет сохранять и укреплять суверенитет Российской Федерации, строить будущее и достигать новых высот в развитии общества и личности* [О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021: 20]. Еще одним стратегическим документом в российском официально-политическом дискурсе является Ежегодное послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации. Так, в 2024 г. президент России В. В. Путин представил программу будущего сильной и суверенной страны, которая уверенно отвечает на современные вызовы и угрозы, с надеждой смотрит в завтрашний день, опираясь при этом на свое историческое прошлое и традиционные ценности: *Самостоятельность, самодостаточность, суверенитет нужно доказывать, подтверждать каждый день. Речь идёт о нашей и только нашей ответственности за настоящее и за будущее России. Это наша родина, родина наших предков, и она нужна и дорога только нам и, конечно, потомкам, которым мы обязаны*

передать сильную и благополучную страну [Послание Президента Федеральному Собранию, 29 февраля 2024 г.].

Когнитивно-дискурсивное изучение уровня общественных представлений о будущем России возможно на основе анализа проектов гражданских структур — некоммерческих организаций, научных сообществ, исследовательских центров, отдельных экспертов и т. д. Так, например, в 2018 г. независимым содружеством социологов «Открытое мнение» был реализован проект «Идеальная Россия? Представь!», целью которого было изучение образа России будущего на основе представления простых людей о том, в какой стране они хотели бы жить [Идеальная Россия? Представь! URL]. Респондентам предлагалось ответить на три вопроса: 1) Представьте свое личное будущее через 7 лет. Каким Вы его видите в 2025 году? 2) Как Вы думаете, что будет с Вашим городом (селом), областью, краем, республикой, что будет со страной в целом через 7 лет, в 2025 году? Какие главные изменения скорее всего произойдут там, где Вы живете, и во всей России? 3) А какими Вы хотели бы видеть свой город, поселок, регион (область, край, республику), какой Вы хотели бы видеть всю нашу страну через 7 лет, в 2025 году? Что было бы желательно изменить, чего следовало бы достичь, какой должна стать Россия? Результаты опроса показали, что будущее для россиян складывается по двум направлениям: 1) индивидуальный контур будущего, где ключевой актор изменений — сам человек; 2) коллективный контур будущего, где ключевой доминантой является патернализм, то есть надежда на государство в защите индивидуальных интересов.

На этом уровне следует отметить автора так называемой «теории четырёх России» Н. В. Зубаревич. Согласно этой теории Россия делится на четыре территории: 1) «Первая Россия» — это города-миллионники, то есть наиболее модернизированные и экономически развитые территории. 2) «Вторая Россия» — это средние города с ярко выраженным индустриальным профилем. 3) «Третья Россия» — малые города, рабочие поселки, сельская местность. 4) «Четвертая Россия» — национальные республики Кавказа, юг Сибири (Тува, Республика Алтай) [Наталья Зубаревич. URL].

Из недавних проектов необходимо выделить проект российских политологов и экспертов «Пентабазис» (2022 г.), в ходе реализации которого группа российских политологов и экспертов провела изучение базовых ценностей, влияющих на социально-историческое развитие России. Исследова-

ние проводилось в рамках проекта «Гуманитарный реактор» в период с 4 марта по 20 мая 2022 г. среди студентов МГУ и ВШЭ, а также преподавательского состава участников конференции в г. Севастополе. В ходе дискуссии участникам исследования было предложено ответить на следующие вопросы:

- что такое российская государственность?
- что будет в стране через 10 лет? какое у нас будущее?
- что мы можем предложить миру и стране? как сделать так, чтобы будущее наступило? [Харичев 2022].

В итоге исследования возникла методологическая модель пентабазиса, который состоит из пяти блоков: человек, семья, общество, государство, страна.

Ценность семьи как первичного элемента общественного устройства является одним из компонентов аксиологического фундамента будущего России. Среди других компонентов следует выделить: будущее мироустройство; концепцию общенациональной идеи Российского государства-цивилизации; будущее государства. Рассмотрим выделенные компоненты более подробно.

Будущее мироустройство определяется тем фактом, что мир из биполярного превращается в многополярный, что соответствует концепции неоевразийства, которая, по мнению одного из идеологов этого учения А. Г. Дугина, выступает как «мировоззренческий, идеологический коррелят стратегического фактора, претендует на роль философии многополярности (курсив наш. — Н. К.)» [Дугин 2014: 24]. Впервые идея многополярности от имени России была манифестирована в выступлении В. В. Путина в 2007 г. на Мюнхенской конференции по безопасности, когда российский лидер заявил о том, что «экономический потенциал новых центров мирового роста будет неизбежно конвертироваться в политическое влияние и будет укреплять многополярность» [Путин. URL]. На многополярность мира указывает Ф. А. Лукьянов, делая вывод о том, что 2022 г. стал «первым годом развитой многополярности». По мнению автора, «многополярность „от противного“ оказалась довольно мощной силой, которая, подобно капле, подтачивала каменное основание гегемонии» [Лукьянов. URL].

Будущее мироустройство тесным образом связано с будущим человека в единстве его физического и духовного бытия. Образ России будущего включает в себя и аксиологический компонент, то есть опору на традиционные духовно-нравственные ценности. Важную роль в построении сценарии возможного развития страны играет технологи-

ческое будущее, чему в немалой степени способствует санкционная политика «коллективного Запада», стимулирующая развитие российской экономики и науки. Оптимизация государственного регулирования зависит от социального будущего страны и построения модели гражданской молодежи как части цивилизационно-идентичной модели будущего России. Как уже указывалось выше, ценностной опорой будущего России является крепкая семья и семейные ценности, а это значит, что не следует забывать и о демографическом будущем. Что касается экономического будущего, то оно во многом детерминировано геополитической неопределенностью и санкционным давлением, однако, несмотря на все западные ограничения, Россия продолжает экономический рост. Новая культурная политика России — это еще один «кирпичик» в построении прочного российского будущего. Будущее России зависит и от работы в сфере международных отношений и грамотно выстроенной миграционной политики.

Следующим компонентом аксиологического фундамента будущего России является концепция общенациональной идеи Российской государства-цивилизации. Впервые В. В. Путин дал характеристику России как особого типа государства-цивилизации в 2012 г. в Послании Федеральному собранию. Тезис о существовании российской цивилизации нашел отражение в Указе Президента Российской Федерации от 24.12.2014 «Об утверждении основ государственной культурной политики» и в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г. В Концепции, в частности, говорится: *Более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира* [Концепция внешней политики Российской Федерации. URL]. Россия — это самобытное государство-цивилизация, и именно на этом тезисе должно строиться формирование российского будущего.

К составляющим будущего России как самобытного государства-цивилизации (третий компонент аксиологического фундамента) относятся: идейное позиционирование; суверенитет; отстаивание идеи многополярного мира; историческая преемственность; экономика как средство построения будущего; социальный патернализм; новая административная модель управления государством; культура и образование как инструменты развития человеческого потенциала; новые формы народовластия, соотносимые с историческим опытом; приоритет национального законодательства над международным правом; патриотизм и высокие нравственные качества управленческих кадров [Основы российской государственности: учебно-методический комплекс 2023: 166–170]. Из приведенного списка ориентиров трансформации Российского государства видно, что будущее России — это не эфемерная сущность, а вполне реальное и достижимое завтра, опирающееся на прошлое и требующее активной работы от каждого гражданина.

Таким образом, в результате анализа когнитивно-дискурсивных характеристик уровней и компонентов образа российской будущего мы приходим к следующим выводам. Образ будущего России формируется и транслируется на двух уровнях: 1) уровень стратегического планирования и нормативного закрепления; 2) уровень общественных представлений. Компоненты аксиологического фундамента российского будущего включают: будущее мироустройство; концепцию общенациональной идеи Российского государства-цивилизации; будущее государства. Выделенные уровни и компоненты необходимо анализировать с социологической, политологической и лингвистической точек зрения с опорой на национально-государственную идентичность и с учетом внутри- и внешнеполитических факторов.

ИСТОЧНИКИ

1. Идеальная Россия? Представь! — URL: <http://russia2025.tilda.ws/imagine> (дата обращения: 29.02.2024). — Текст : электронный.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.). — URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 29.02.2024). — Текст : электронный.
3. Наталья Зубаревич — о том, какое будущее ждет четыре России. — URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/64e30dd89a7947b8f0158fe1> (дата обращения: 29.11.2023). — Текст : электронный.
4. Послание Президента Федеральному Собранию. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 29.02.2024). — Текст : электронный.
5. Путин, В. В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>. — Текст : электронный.
6. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». —

URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 25.02.2024).

7. Федор Лукьянов: «Уходящий 2022 год стал первым годом развитой многополярности». — URL: <https://rg.ru/2022/12/28/epoha-gazvitoy-mnogopolliarnosti.html> (дата обращения: 03.12.2023). — Текст : электронный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аганбегян, А. Г. Возможный сценарий будущего: двухэтапное социально-экономическое развитие России до 2030–2035 гг. / А. Г. Аганбегян. — Текст : непосредственный // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2023. — Т. 244. — № 6. — С. 228–260.

2. Аналитические технологии прогнозирования политических процессов : учебник / И. А. Быков, И. Л. Кинзерская, О. В. Лагутин, Е. О. Негров, А. А. Никифоров, О. В. Попова. — Санкт-Петербург : РГ-Пресс, 2013. — 392 с. — Текст : непосредственный.

3. Багриновский, К. А. Прогнозные стратегии развития потенциала предприятия / К. А. Багриновский, М. А. Бендиков, Е. Ю. Хрусталева. — Текст : непосредственный // Проблемы прогнозирования. — 2000. — № 2. — С. 34–47.

4. Бестужев-Лада, И. В. Социальное прогнозирование : курс лекций / И. В. Бестужев-Лада. — Москва : Педагогическое общество России, 2002. — 392 с. — Текст : непосредственный.

5. Гвишиани, Д. М. Мосты в будущее / Д. М. Гвишиани. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 368 с. — Текст : непосредственный.

6. Гуторов, В. А. Политические ценности и стратегии современной России: взгляд политологического сообщества / В. А. Гуторов, И. И. Кузнецов, Я. Ю. Шашкова. — Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Сер. 12, Политические науки. — 2014. — № 1. — С. 3–8.

7. Дугин, А. Г. Евразийский реванш России / А. Г. Дугин. — Москва : Алисторус, 2014. — 141 с. — Текст : непосредственный.

8. Кошкарлова, Н. Н. Ретропрогнозирование как инструмент проектирования прошлого? / Н. Н. Кошкарлова, Н. Б. Руженцева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 4. — С. 48–52.

9. Кошкарлова, Н. Н. Межкультурный политический прогноз: реализация моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса / Н. Н. Кошкарлова. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2017. — № 10 (187). — С. 15–20.

10. Москаленко, М. Р. Социально-политическое прогнозирование и его изучение с будущими социологами и управленцами / М. Р. Москаленко, А. А. Бурых, Е. Г. Леоненко. — Текст : непосредственный // От идеи к практике: социогуманитарное знание в цифровой среде : сб. науч. трудов Всерос. науч. конф. / отв. ред. В. В. Петров. — Новосибирск : Новосибирск. нац. исслед. ун-т, 2021. — С. 76–82.

11. Основы российской государственности : учебное пособие для студентов, изучающих социо-гуманитарные науки / Т. В. Евгеньева, И. И. Кузнецов, С. В. Перевезенцев, А. В. Селенева, О. Е. Сорокопудова, А. Б. Страхов, А. Р. Боронин ; под ред. С. В. Перевезенцева. — Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. — 550 с. — Текст : непосредственный.

12. Основы российской государственности: учебно-методический комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования / В. М. Марасанова, В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский, Л. Г. Титова, С. А. Кудрина. — Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. — 212 с. — Текст : непосредственный.

13. Попова, О. В. Методы исследования и прогнозирования политических процессов: перспективные направления и проблемы / О. В. Попова. — Текст : непосредственный // Политика и наука на перекрестке современности: к итогам юбилейного конгресса РАПН. — Москва : Политическая энциклопедия, 2016. — С. 120–140.

14. Тощенко, Ж. Т. Кто в России олицетворяет борьбу за сохранение человечества? / Ж. Т. Тощенко. — Текст : непосредственный // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2022. — Т. 15. — № 4. — С. 32–41.

15. Солопова, О. А. Лингвополитическая прогностика: что говорят метафоры прошлого о будущем России (на материалах политических дискурсов США и Великобритании XIX в.) / О. А. Солопова, А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Политическая наука. — 2017. — № 2. — С. 157–176.

16. Харичев, А. Д. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследования и апробации) / А. Д. Харичев, А. Ю. Шутов, А. В. Полосин. — Текст : непосредственный // Журнал политических исследований. — 2022. — Т. 6. — № 3. — С. 9–19.

MATERIALS

1. *Ideal'naya Rossiya? Predstav'!* [Ideal Russia? Imagine!] (n.d.). Retrieved Feb. 29, 2024, from <http://russia2025.tilda.ws/imagine> (In Russ.)

2. *Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii (utverzhdena Prezidentom Rossiyskoy Federatsii V. V. Putiny 31 marta 2023 g.)* [Foreign Policy Concept of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023)] (2023). Retrieved Feb. 29, 2024, from <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (In Russ.)

3. *Natal'ya Zubarevich — o tom, kakoe budushchee zhdet chetyre Rossii* [Natalya Zubarevich — on what future awaits the four Russias] (n.d.). Retrieved Nov. 29, 2023, from <https://trends.rbc.ru/trends/social/64e30dd89a7947b8f0158fe1> (In Russ.)

4. *Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu* [Presidential Address to the Federal Assembly] (n.d.). Retrieved Feb. 29, 2024, from <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585> (In Russ.)

5. *Putin, V.V. (n.d.). Vystuplenie i diskussiya na Myunkhenskoy konferentsii po voprosam politiki bezopasnosti* [Speech and discussion at the Munich Conference on Security Policy]. Retrieved from <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (In Russ.)

6. *Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 «O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii»* [Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”] (2021). Retrieved Feb. 25, 2024, from <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (In Russ.)

7. *Fedor Luk'yanov: «Ukhodyashchiy 2022 god stal pervym godom razvitoy mnogopol'arnosti»* [Fyodor Lukyanov: “The outgoing 2022 was the first year of developed multipolarity”] (2022). Retrieved Dec. 3, 2023, from <https://rg.ru/2022/12/28/epoha-gazvitoy-mnogopolliarnosti.html> (In Russ.)

REFERENCES

1. Aganbegyan, A.G. (2023). *Vozmozhnyy stsenariy budushchego: dvukhetapnoe sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye Rossii do 2030–2035 gg.* [A possible scenario of the future: two-stage socio-economic development of Russia until 2030-2035]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, 244(№ 6), 228–260. (In Russ.)

2. Bykov, I.A., Kinzerskaya, I.L., Lagutin, O.V., Negrov, E.O., Nikiforov, A.A., & Popova, O.V. (2013). *Analiticheskie tekhnologii prognozirovaniya politicheskikh protsessov* [Analytical technologies for forecasting political processes] [Textbook]. St. Petersburg: RG-Press, 392 p. (In Russ.)

3. Bagrinovskiy, K.A., Bendikov, M.A., & Khrustalev, E.Yu. (2000). *Prognoznye strategii razvitiya potentsiala predpriyatiya* [Forecasting strategies for developing enterprise potential]. *Problemy prognozirovaniya*, 2, 34–47. (In Russ.)

4. Bestuzhev-Lada, I.V. (2002). *Sotsial'noe prognozirovanie* [Social forecasting] [Course of lectures]. Moscow: Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii, 392 p. (In Russ.)

5. Gvishiani, D.M. (2004). *Mosty v budushchee* [Bridges to the future]. Moscow: Editorial URSS, 368 p. (In Russ.)

6. Gutorov, V.A., Kuznetsov, I.L., & Shashkova, Ya.Yu. (2014). *Politicheskie tsnosti i strategii sovremennoy Rossii: vzglyad politologicheskogo obshchestva* [Political values and strategies of modern Russia: the view of the political science community]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*, 1, 3–8. (In Russ.)

7. Dugin, A.G. (2014). *EvrAziyskiy revansh Rossii* [Russia's Eurasian Revenge]. Moscow: Alistorus, 141 p. (In Russ.)

8. Koshkarova, N.N., & Ruzhentseva, N.B. (2016). *Retroprognozirovanie kak instrument proektirovaniya proshlogo?* [Retrofo-

recasting as a Tool for Projecting the Past?] *Politicheskaya lingvistika*, 4, 48–52. (In Russ.)

9. Koshkarova, N.N. (2017). Mezhekul'turnyy politicheskiy prognoz: realizatsiya modeley konflikt'nogo i kooperativnogo tipov diskursa [Intercultural Political Forecast: Implementation of Models of Conflict and Cooperative Types of Discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 10(187), 15–20.

10. Moskalenko, M.R., Burykh, A.A., & Leonenko, E.G. (2021). Sotsial'no-politicheskoe prognozirovanie i ego izuchenie s budushchimi sotsiologami i upravlyentsami [Socio-political forecasting and its study with future sociologists and managers]. In V.V. Petrov (Resp. ed.), *Ot idei k praktike: sotsiogumanitarnoe znanie v tsifrovoy srede* (scientific papers of All-Russian conf., pp. 76–82). Novosibirsk: Novosibirsk. nats. issled. un-t. (In Russ.)

11. Evgen'eva, T.V., Kuznetsov, I.I., Perevezentsev, S.V., Selezneva, A.V., Sorokopudova, O.E., Strakhov, A.B., & Boronin, A.R. (2023). *Osnovy rossiyskoy gosudarstvennosti* [Fundamentals of Russian statehood] [Textbook for students studying socio-humanitarian sciences] (Ed. S.V. Perevezentsev). Moscow: Publ. house «Delo» of RANEPa, 550 p. (In Russ.)

12. Marasanova, V.M., Bagdasaryan, V.E., Ierusalimskiy, Yu.Yu., Titova, L.G., & Kudrina, S.A. (2023). *Osnovy rossiyskoy gosudarstvennosti* [Fundamentals of Russian statehood] [Teaching and methodological complex on the discipline for educational organizations of higher education]. Moscow: Publ. house «Delo» of RANEPa, 212 p. (In Russ.)

13. Popova, O.V. (2016). Metody issledovaniya i prognozirovaniya politicheskikh protsessov: perspektivnye napravleniya i problemy [Methods of research and forecasting of political processes: promising directions and problems]. In *Politika i nauka na perekrestke sovremennosti: k itogam yubileynogo kongressa RAPN* (pp. 120–140). Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. (In Russ.)

14. Toshchenko, Zh.T. (2022). KTO v Rossii olitsstvoryaet bor'bu za sokhranenie chelovechestva? [WHO in Russia personifies the struggle for the preservation of humanity?] *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 15(4), 32–41. (In Russ.)

15. Solopova, O.A., & Chudinov, A.P. (2017). Lingvopoliticheskaya prognostika: chto govoryat metafory proshlogo o budushchem Rossii (na materiale politicheskikh diskursov SShA i Velikobritanii XIX v.) [Linguopolitical prognostics: what do the metaphors of the past say about the future of Russia (based on the political discourses of the USA and Great Britain in the 19th century)]. *Politicheskaya nauka*, 2, 157–176. (In Russ.)

16. Kharichev, A.D., Shutov, A.Yu., Polosin, A.V., & Sokolova, E.N. (2022). Vospriyatie bazovykh tsennostey, faktorov i struktur sotsial'no-istoricheskogo razvitiya Rossii (po materialam issledovaniya i aprobatsii) [Perception of basic values, factors and structures of the socio-historical development of Russia (based on research and testing)]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy*, 6(3), 9–19. (In Russ.)

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 378.016:811.161.1+81'23
ББК ШП41.12-9+ШП00.6

ГРНТИ 16.21.29

Код ВАК 5.9.8

Ник Жером

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия,
jerome.nick@mail.ru, SPIN-код: 4117-6521

Язык как средство управления сознанием

АННОТАЦИЯ. В статье обосновывается необходимость разработки и внедрения в практику методики обучения русскому языку, строящейся на основах нравственного мировоззрения. Это кажется особенно важным в контексте сохранения и передачи духовно-нравственных основ устройства российского общества, образовательно-воспитательной роли учебных заведений. К такому заключению автор пришел на основании полученных в психолингвистических экспериментах результатов, подробно рассмотренных в статье. Психолингвистическое исследование состояло из трех экспериментов, которые включали в себя метод прямого толкования, эксперимент по методу вероятностного прогнозирования (методика заполнения текстовых лагун), направленный ассоциативный эксперимент (подбор антонимов, синонимов и устойчивых выражений к предложенным словам). В эксперименте участвовали сто два человека, студенты — выпускники филологического факультета. Отмечен процесс размывания понятия и утраты понимания слова «нравственность» вследствие его замещения заимствованным понятием и соответствующим словом «мораль», понимание которого близко к словарному. Это связывается со сложившейся системой обучения, требующей использования в учебных пособиях четко трактуемых заимствованных слов и не предполагающей сосредоточения внимания учащихся на исконных словах родного языка, кажущихся всем понятными. Также важным фактором оказывается история русского языка, охарактеризованная в статье с точки зрения периодов масштабных заимствований и соответствующей государственной языковой политики. Предлагается включать в обучение русскому языку объяснение основных духовно-нравственных понятий, в том числе на материале устойчивых выражений, пословиц и поговорок, а также данные по древнейшим периодам истории русского языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: управление сознанием, нравственность, мораль, психолингвистика, психолингвистические исследования, русский язык, методика преподавания русского языка, образовательный процесс.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ник Жером, инженер-исследователь, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620014, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; email: jerome.nick@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ник, Ж. Язык как средство управления сознанием / Ж. Ник. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 74-82.

Nick Jerome

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, jerome.nick@mail.ru,
SPIN code: 4117-6521

Language as a Means of Consciousness Control

ABSTRACT. The article substantiates the need to develop and put into practice the methods of teaching Russian based on the foundations of the “moral”* worldview. This seems especially important in the context of preservation and translation of the spiritual-moral foundations of the structure of the Russian society and the educational role of academic institutions. The author has come to this conclusion on the basis of the results obtained in psycholinguistic experiments, which are discussed in detail in this article. The psycholinguistic study consisted of three experiments, which included the method of direct interpretation, an experiment using the method of probabilistic forecasting (a technique for filling text gaps), and a directed associative experiment (selection of antonyms, synonyms and stable expressions for specially proposed words). One hundred and two people, graduate students of the Faculty of Philology, participated in the experiment. The study notes the process of blurring the concept and loss of understanding of the word “nравstvennost'” due to its replacement with a borrowed concept and the corresponding word “moral”, the understanding of which is close to the dictionary definition. This can be attributed to the established learning system, which requires the use of clearly defined loan words in the textbooks and does not involve focusing students' attention on the original words of their native language, which seem understandable to everyone. Also, the history of the Russian language, described in the article from the point of view of periods of large-scale borrowings and the corresponding official language policy, turns out to be an important factor. The author suggests including explanation of the basic spiritual-moral concepts into teaching Russian through the use of stable expressions, proverbs and sayings, as well as data on the ancient periods of the history of the Russian language.

KEYWORDS: consciousness control, morality, morals, psycholinguistics, psycholinguistic studies, Russian language, methods of teaching Russian, education process.

AUTHOR'S INFORMATION: Nick Jerome, Research Engineer at the Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

© Ник Ж., 2024

* In Russian “nравstvennost'”. The difference between these two terms is detailed in the article: “The concept of ‘nравstvennost’ in Russian linguistic culture through the eyes of a Frenchman” [Ник 2023a].

FOR CITATION: Nick Jerome. (2024). Language as a Means of Consciousness Control. In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 74-82. (In Russ.).

Каждый язык отражает духовно-нравственные ценности народа. Слова являются воплощением существующих в сознании людей понятий, и именно философские категории и понятия управляют сознанием человека, которое, в свою очередь, на основе этих понятий управляет поведением и действиями людей. Неудивительно, что сразу после Второй мировой войны в 1947 году в Великобритании был создан Тавистокский институт человеческих отношений, который занимается психоаналитическим исследованием группового и организационного поведения. Этот институт был создан на базе Тавистокской клиники, которая возникла после Первой мировой войны для лечения солдат с посттравматическим синдромом, с этой клиникой некоторое время сотрудничал даже Зигмунд Фрейд. «Задолго до Второй мировой войны майор Джон Роулингз Риз, британский военный специалист, получил указание создать крупнейшее в мире учреждение по „промыванию мозгов“ при „Тавистокском институте человеческих отношений“ (создан в 1921 г.), входившем в состав Суссекского университета. Оно стало ядром „Британского бюро психологической войны“» [Бирюков, Теплов 2012: 223].

По официальным данным, эта некоммерческая организация, кроме тренингов лидерства и развития личности, занимается исследованием влияния на человека средств массовой информации и различными психологическими феноменами, которые возникают в группах людей, а также методами воздействия на сознание людей с целью управления их поведением через массовое сознание. «После Второй мировой войны НАТО приказало Суссекскому университету организовать совершенно особый центр по промыванию мозгов, который стал частью „Британского бюро психологической войны“, только теперь его исследования были направлены не на военное, а на гражданское население. Это суперсекретное учреждение было названо „Исследовательский институт научной политики“» [Бирюков, Теплов 2012: 224–225].

Процессы глобализации стран на планете, борьба людей за псевдодемократические ценности — это результат тщательной исследовательской работы. Методы, применяемые для этого, поразительно одинаковы и узнаваемы во многих странах. Одним из

сильнейших методов манипулирования сознанием является воздействие через язык, особенно через язык, на котором говорит молодежь [Бубнова 2022, 2023; Ник 2023а, б]. Считается, что, например, за популярными и используемыми во всем мире англицизмами, такими привычными, уже вошедшими в нашу речь, как, например, «тинейджер», стоит Тавистокский институт человеческих отношений. За многими, на первый взгляд, простыми и обычными словами скрывается тонкая игра воздействия на сознание, целью которой является замена ценностей человека конкретного государства на навязываемые извне. «Глобальные социальные эксперименты, проводимые в разные времена и в различных общественных системах, суть языковые эксперименты. По силе суггестивного воздействия слово может быть сравнимо с физиологическими факторами» [Большева 2006: 14]. В результате человек теряет свои внутренние ориентиры, духовно-нравственные основы человеческой жизни, становясь марионеткой для управления политическими кукловодами.

Современная стратегия России, нацеленная на восстановление первоочередного использования слов с русскими корнями — политическая реакция на внедрение и распространение вмешательства в сознание и жизнь россиян. К этому также относится и выделение в словарях заимствованных слов — разделение в уме граждан своих и «привнесенных» в культуру слов. «В нормативный словарь отдельно войдет перечень иностранных слов, не имеющих аналогов в русском языке», — сообщила заместитель министра просвещения России Татьяна Васильева в Совете Федерации. Она добавила, что при описании слов или отдельных значений, употребляемых в качестве специальных терминов, будет указана сфера использования¹.

Нужно помнить, что Россия — не первая страна, которая начала путь освобождения от навязанного мировоззрения и культуры. Как известно из истории России, Петр I повел Россию европейским путем насильно. В то время большинство жителей России всех сословий были против изменения своих традиций, в том числе утраты значимости древности истории своей страны, которая отразилась в смене календаря в 1699 г. на юлианский (по Славянскому календарю лето

¹ Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/06/06/vasileva-v-novyj-slovar-vojdut-inostrannye-slova-bez-russkoiazychnyh-analogov.html> (дата обращения: 22.04.2024).

7208 от сотворения мира в звездном храме). И. А. Климишин так писал о календарях: «К X в. н. э. Западная Европа практически перешла на летосчисление от „рождества Христова“. Для христиан восточного обряда, в частности в Византии и на Руси, 7-я тысяча лет от „сотворения мира“ заканчивалась в 7000 – 5508 = 1492 г.» [Климишин 1990: 353–354].

Вместе с новым календарем пришло в Россию и много новых «традиций», стимулирующих веществ, которых до этого не употребляли (например, кофе и табак), и, конечно, новые слова. Хорошо известно, что внедрение иностранных языков в культуру высших сословий России было так велико, что в конце XIX в. большинство дворян говорило лучше на французском, чем на русском языке. Даже император Николай II сожалел о недостаточном знании русского языка в переписке со своей женой (хранится в Тобольске, в Музее царской семьи), супруги разговаривали между собой на английском языке. Засилие англицизмов в современном русском языке заметно не только носителям языка. Китайский исследователь в диссертации о новой заимствованной лексике как факторе динамики языковой картины мира в русском языке Е. Линь приходит к выводу: «Современный русский язык в ходе своего развития отличается исключительной интенсивностью воздействия английского языка, и по объему заимствований русский язык можно сравнить лишь с языком петровской эпохи» [Линь 2018: 35].

Это явление стирания национального сознания происходит несколько веков и повсеместно. Ярким историческим примером замещения культуры в результате военной колонизации была, например, Индия, которая потеряла даже свое историческое имя — Бхарат. В XX в. подъем национального сознания древней арийской страны положил начало освобождению духа людей и самой страны от захватчиков. Многие ведущие политические, религиозные и общественные деятели радели за свою родину и искали пути помощи своему народу в освобождении от иностранного плена сознания и воли. В их числе был и Р. Тагор, который учил важности воспитания нравственности и воспитания людей, в первую очередь детей, на основе общечеловеческих внеконфессиональных ценностей. Он писал так: «Если мы сможем иметь своей целью не получение должности, а получение высоких человеческих качеств, тогда, без сомнения, близок день полного духовного возрождения нашего народа» [Развитие... 2022: 88].

Безусловно, как и в Индии, путь освобождения и возрождения собственного духов-

но-нравственного сознания народа займет время и потребует закрепления в нескольких поколениях выбора следованию духовно-нравственным ценностям. Стоит отметить, что порабощение Индии произошло во многом за счет устранения санскрита из языка обучения индийцев. До колонизации британцами Индии всё обучение проводилось на санскрите. Со сменой власти в стране общегосударственным языком стал английский, а санскрит остался языком науки, на котором через некоторое время совсем перестали говорить. Учебники же по изучению санскрита были так усложнены, что изучение его затруднилось.

О сходстве русского языка с санскритом, основанном на сохранении индоевропейского наследия, писал А. Ф. Гильфердинг: «Язык Славянский во всех своих наречиях сохранил корни и слова, существующие в Санскритском. В этом отношении близость сравненных нами языков необыкновенная. Как ни хорошо обработаны новейшими учёными прочие языки Европейские, однако ни в одном из них не найдено столько слов, родственных Санскритским, сколько случилось нам открыть в Славянском, при первой попытке сравнительно изучить его лексический состав, и можно сказать, что более продолжительное и внимательное исследование, соединённое с новыми материалами, которые, без сомнения, предложены будут Ведами, а равно и некоторыми славянскими наречиями, теперь для нас недоступными, раскроет ещё гораздо больше сближений, чем мне удалось здесь представить. Едва ли найдётся 1 или 2 десятка Славянских слов, которым не найдётся родства в языке Санскритском, да из тех по крайней мере половина окажется принадлежащей к таким корням, которые, хотя не сохранились в Санскритском языке, сколько он нам известен, однако искони входили в состав Индо-Европейской речи» [Гильфердинг 1853: 285–286].

Каждый язык содержит набор понятий и представлений народа о мире и его закономерностях. Передающиеся из поколения в поколение слова несут в себе эти смыслы, которые подсознательно влияют на сознание человека, даже если он не замечает и не признает это.

Исследования изменения внутреннего состояния человека в зависимости от используемых им слов проводятся лингвистами. Например, Н. Г. Сахарова и О. П. Дмитриева, исследуя влияние английских заимствований на эго русскоговорящего человека и картину мира нации, пришли к выводу, что воздействие прослеживается на двух уровнях: психологическом и социальном. На пси-

хологическом уровне личность говорящего «встраивает инородную культуру в свою систему представлений о мире и самом себе», а еще «говорящий искажает и представление о мире у реципиента высказывания». В социальном плане «кроме дефектов психологического характера, могут последовать деформации на уровне национального менталитета». Также «возникают искаженные представления о культуре родной страны, а затем размываются нравственные установки человека; нормы речевого поведения и моральные запреты (сверх-Я) перестраиваются в соответствии с представлениями англоговорящего лингвокультурного сообщества о морали, что не всегда приемлемо для русского человека» [Сахарова, Дмитриева 2020].

Авторы статьи пришли к выводу о вероятном конфликте привнесенной чужой морали с нравственностью и совестью русского человека. Зачастую внутренние конфликты приводят к инертности человека, принятию им решения не действовать, следовать общему мнению, которое может навязываться извне. Так возникают управляемые общества.

Ф. И. Розанов описывает необходимость и возможность внедрения научного манипулирования общественным сознанием при глобализации: «Полный переход от власти к менеджменту, от насилия к управлению произойдет благодаря полной глобализации, при которой прямое насилие одного государства над другим станет невозможно, а также благодаря ИКТ и обеспечиваемой ими свободой информации, при которой открытая ложь станет также невозможной и заставлять можно будет только тех, кто сам готов терпеть насилие по своей природе. В этих условиях насилие ни в прямой, ни в косвенной форме станет невозможным и единственным способом поддержания социального равновесия и направления социальной активности в нужное русло станет научно обоснованное, тщательно рассчитанное социальное манипулирование, целенаправленное изменение параметров системы для ее перехода на новый уровень организации, т. е. — управление» [Розанов 2013].

Целью проведенного нами эксперимента было изучение разделения в сознании носителей русского языка слов и скрывающихся за ними разных понятий «нравственность» и «мораль». В эксперименте исследовалось место, сходства и различия в понятийном аппарате студентов старших курсов педагогического университета — будущих учителей словесности. Верифицировалась гипотеза размывания духовно-нравственных ценностей через изменения понятий, заключенных

в словах «мораль» и «нравственность», с замещением нравственного, внутреннего регулятора на внешний, общественный — моральный. Предполагалось, что замещение понятий происходит в результате внедрения иностранных слов вместе с их значением из другого языка и постепенной заменой этим словом похожего слова родного языка.

Психолингвистическое исследование состояло из трех экспериментов, которые включали в себя метод прямого толкования, эксперимент по методу вероятностного прогнозирования (методика заполнения текстовых лакун), направленный ассоциативный эксперимент. В эксперименте участвовали сто два человека, студенты — выпускники филологического факультета.

В эксперименте, проведенном по методу прямого толкования, респондентам предлагалось определить значения слов *нравственность*, *мораль*, *этика* и *совесть*, а также словосочетаний «*нравственный человек*» и «*безнравственный человек*». В ходе направленного ассоциативного эксперимента предлагалось написать синонимы, антонимы и устойчивые выражения к словам «нравственность», «мораль» и «этика». В эксперименте по методу вероятностного прогнозирования предлагалось заполнить пропуски слов в цитатах, причем первая группа респондентов отвечала без предлагаемых слов (вариант 1), а вторая группа получила слова для вставки (вариант 2). Результаты были получены в виде письменных ответов, обрабатывались аналитическим методом с помощью составления таблиц и подсчета повторяемых слов и контекстов. Всего во всех частях эксперимента участвовало сто два человека.

В результате анализа полученных данных эксперимента по методу прямого толкования мы можем отметить, что в сознании носителей языка значения слов *нравственность* и *мораль* отождествились. Так, о нравственности респонденты писали, что это «моральные нормы», «моральные принципы», «мораль». «Методика прямого толкования — одна из эффективных психолингвистических процедур выявления и описания семантики слова в опоре на показания обычного языкового сознания» [Гридина, Конавалова 2020: 87–88].

В личностных значениях для двух равных частей респондентов толкования слова *нравственность* (для 25 % соответственно каждой части) прослеживается связь с правильными поступками и выбором человека и с пониманием добра и зла, плохого и хорошего. Для 14 % респондентов — с духовностью, духовными ценностями. Были также

упоминания слов, относящихся к эмоционально-психологической области, применительно к слову *нравственность* — *набожность, целомудренность, бескорыстие, добродетель, чистота, порядочность, справедливость*, — которые также отсылают нас к восприятию нравственности как связанного с внутренними духовными ценностями понятия.

В личностных значениях для 36 % респондентов отмечается связь слова *мораль* с одобряемым обществом поведением человека («правила поведения в обществе» и «нормы поведения») и 35 % связали его с «нравоучением», «поучением». Интересно отметить, что среди толкований не встречались толкования эмоционально-психологической тематики, в отличие от толкования незаимствованного (славянского) слова *нравственность*.

Этика наиболее часто воспринимается носителями языка как правила и нормы поведения в обществе, больше внешнего характера, чем основанные на разделении хороших или плохих поступков.

Слово *совесть* оказалось наиболее четко закрепленным в сознании носителей языка понятием, поэтому в результатах прослеживается понимание совести как в первую очередь внутреннего чувства или даже чего-то одушевленного, имеющего голос и возможность влиять на человека, например, позволяя или запрещая что-то делать (использованы словосочетания: «внутреннее чувство», «внутренний голос», «внутренний судья»; «то, что заставляет»; «то, что грызёт»; «то, что регулирует поведение»).

Экспериментальные данные отчетливо демонстрируют процесс размывания понятия и слова *нравственность* и замещение его заимствованным понятием и соответственно словом *мораль*, при том, что понимание «морали» более близкое к словарному. То же самое и с заимствованным словом *этика*.

Таким образом, мы приходим к выводу, что заимствованные, на первый взгляд,

«аналоги» существующих в русском языке слов размывают и замещают слова родного языка. Почему же это произошло и происходит?

Вероятно, в том числе это связано с системой обучения и учебными пособиями, в которых используется множество заимствованных слов, которые в них четко определены и объяснены. В то же время утрачивается сосредоточение внимания учащихся на значениях родных, кажущихся всем понятными и известными слов.

Этот процесс был длительным, так как слова с латинскими корнями входят в русский язык уже по меньшей мере несколько столетий. Примером длительности «размывания» понятий является цитата из одного из первых российских философских словарей Э. Л. Радлова 1913 г. Там цепочка определений такова: слово «мораль» — см. *нравственность* и *этика*, а «нравственность» — см. *этика*. «Этика (от греч. *нрав*) — учение о нравственности и человеческой деятельности, поскольку она оценивается с точки зрения добра и зла. Этика может иметь двоякий предмет — изображение действительных движущих начал нравственности или же оправдание известных этических норм и систематическое их изложение» [Радлов 2013: 407].

Сложилась определенная картина и понимание носителями русского языка нравственного и безнравственного человека. Большая часть отвечающих (69 %) определила понятие «нравственного человека» в связи с поведением и поступками. Но разделение произошло по определению руководства нравственного поведения: чем-то внутренним (нравственность, совесть) определили 29 % респондентов и внешним — 40 % (обществом, моралью).

Рассмотрим подробнее эксперимент по методу вероятностного прогнозирования. Ниже приводится текст для вставки слов с выделенными жирным шрифтом на месте пропусков верными словами цитат и таблицы с ответами респондентов.

Таблица 1

Мудрость — это прямое и твердое положение воли следовать советам **рассудка**¹

Ответы	Вариант 1		Вариант 2	
	Мудрость	рассудка	Мудрость	рассудка
1	мораль	совести	мудрость	рассудка
2	трусость	окружающих	нравственность	совести
3	совесть	разума	нравственность	совести
4	прямолинейность	разума	мораль	чувства
5	нравственность	морали	совесть	рассудка
6	б/о	б/о	мудрость	разума

¹ De Méry M. C. Histoire générale des proverbes (...). T. 2. Paris : Delongchamps, 1828. P. 375.

Окончание таблицы 1

Ответы	Вариант 1		Вариант 2	
	Мудрость	рассудка	Мудрость	рассудка
7	воля	судьбы	рассудок	разума
8	настойчивость	разума	мораль	совести
9	внутренний голос	сердца	—	

Таблица 2

Он боится повторений своей судьбы — боится доносов, боится соседей, боится всего, чего не должен бояться человек. Он раздавлен **морально**. Его представления о **нравственности** изменились, и он сам не замечает этого¹

Ответы	Вариант 1		Вариант 2	
	морально	нравственности	морально	нравственности
1	судьбой	жизни	морально	доверии
2	мнением	правильном	морально	морали
3	страхами	нормах	морально	морали
4	обстоятельствами	жизни	морально	морали
5	страхом	нравственность	чувствами	совести
6	б/о	мире	морально	нравственности
7	жизнью	мире	морально	морали
8	стереотипами	мироустройства	рассудком	нравственности
9	обществом	мире	—	

Таблица 3

Совесть! Божественный инстинкт; бессмертный и небесный голос; уверенный проводник невежественного и ограниченного человека, но умного и свободного существа; непогрешимый судья добра и зла, который делает человека похожим на Бога! Именно ты являешь совершенство его природы и **нравственность** его поступков; без тебя я не чувствую во мне ничего, что возвышает меня над животными, кроме печальной привилегии сбиваться с пути от ошибки к ошибке с помощью **разума** без правил и **разума** без принципов²

Ответы	Вариант 1			
	Совесть	нравственность	разума	разума
1	человек	несовершенство	игр	жизни
2	трусость	причин	глупости	жизни
3	совесть	показателем	сердца	разума
4	Боже	сущности	разума	каких-либо
5	совесть	совершенство	жизни	общества
6	нравственный закон	судьбой	б/о	б/о
7	воля	средоточие	решений	жизни
8	разум	верность	б/о	б/о
9	внутренний голос	обоснование	б/о	б/о
Ответы	Вариант 2			
	Совесть	нравственность	разума	разума
1	мудрость	нравственность	чувств	разума
2	совесть	волю	рассудка	мудрости
3	чувство	волю	воля	чувство
4	разум	нравственность	совестью	рассудка
5	воля	воли	чувств	воли
6	воля/чувство	мудрости	нравственности	б/о
7	чувство	мудрость	нравственности	морали
8	разум	мудростью	воли	чувства

¹ Шаламов В. Т. Колымские рассказы (1954–1961 гг.). URL: <https://ruscorp.org/> (дата обращения: 26.07.2023).

² Rousseau J.-J. Oeuvres complètes de J.J. Rousseau: Émile. T. 2. Paris : Hachette et cie, 1873. P. 262.

Таблица 4

Правдивое сердце не допускает отступления от морали, точно так же как абсолютный слух, не допускает дисгармонии в музыке¹

Ответы	Вариант 1	Вариант 2
	морали	морали
1	любви	совесть
2	сознание	совести
3	себе	разум
4	себе/себя	уме
5	морали	разум
6	б/о	разум
7	воле	уме
8	индивида	ум
9	жизни	

Таблица 5

Коменский полагал, что школа должна давать детям всестороннее образование, которое развивало бы их ум, нравственность, чувства и волю. Веря в силу человеческого разума, он мечтал о такой школе, которая была бы «истинной мастерской людей, где умы учащихся озаряются блеском мудрости»²

Ответы	Вариант 1			
	ум	нравственность	чувства	волю
1	логику	труд	разум	силы
2	чуткость	вежливость	уверенность	мышление
3	силу характера	любовь	интеллект	душу
4	эмпатию	интеллект	эрудицию	творчество
5	способности	знания	умения	навыки
6	интеллект	нравственность	стремление к познанию	творческие способности
7	умения	знания	навыки	интеллект
8	кругозор	внимание	усидчивость	гибкость
9	б/о	знания	умения	навыки
Ответы	Вариант 2			
	ум	нравственность	чувства	волю
1	разум	чувства	нравственность	волю
2	чувство	ум	волю	нравственность
3	рассудок	мудрость	нравственность	ум
4	волю	мудрость	нравственность	ум
5	нравственность	мудрость	совесть	мораль
6	рассудок	ум	чувство	совесть
7	совесть	ум	мораль	волю
8	мудрость	совесть	рассудок	нравственность

Результаты эксперимента по методу вероятностного прогнозирования (методика заполнения текстовых лакун, без предложенных слов) показали, что смысловое восприятие поврежденного текста респондентами значительно отличается от замысла авторов цитат. Использование тех же слов для достраивания предложений, которые присутствуют в оригинальных цитатах, встречается редко, большая часть цитат до-

страивается словами, имеющими личностное значение для респондента. Внутренней «настроенности» на тему нравственности не наблюдалось. Интересным показалось частое упоминание сочетания триады «знания, умения, навыки» (ЗУН) как того, что респонденты считают целью развития в общеобразовательном учреждении. ЗУН — это основной принцип народного образования в СССР и на постсоветском пространстве. То, что

¹ De Lévis F. G. Maximes, préceptes et réflexions sur différens sujets de morale et de politique. Paris: Ch. Gosselin, 1825. P. 14.

² История педагогики / под ред. М. Ф. Шабаевой. Москва, 1981. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 26.07.2023).

эти ожидания от обучения в образовательном учреждении отмечают современные студенты, говорит о преемственности этого принципа в системе образования. Это подтверждает то, что заложенные во время СССР материалистические ориентиры продолжают присутствовать в сознании людей.

Полученные экспериментальные данные по методу вероятностного прогнозирования (методика заполнения текстовых лакун, с предложенными словами) показывают небольшое количество совпадений, учитывая возможность выбрать слово, подходящее по контексту цитат, что говорит о слабом понимании отвечающими смысла этих слов. Респонденты показывают наилучшее понимание слова «морально», так же, как и «мораль» замещает «нравственность» в цитатах. Вероятно, это может говорить о более частой встречаемости в литературе, средствах массовой информации и разговорной речи лексемы *мораль* с пониманием ее значения.

Из полученных ответов в направленном ассоциативном эксперименте мы можем сделать вывод о слабой осведомленности респондентов о сути понятий *мораль*, *нравственность* и *этика*. Отметим, что 30 % из 17 респондентов написали как синонимы слова «мораль», слова с корнем «нрав» («нравственность», «нравственный», «нравоучение»). Наоборот, только один респондент выбрал как синоним слова «нравственность», слово «мораль», а три респондента выбрали слово «совесть». 30 % из отвечающих написали как синонимы слова «этика», слова «правила» и «нормы». Примечательно, что антонимов было указано больше, чем синонимов, что объяснимо легкостью построения слов через отрицательные приставки. Можно сказать, что устойчивых, часто употребляемых в речи выражений о нравственности, морали и этике не было найдено никаких, кроме как известного со школьной скамьи выражения И. А. Крылова — «Мораль сей басни такова...».

Таким образом, эксперимент показывает, что происходит размывание ключевого человеческого понятия *нравственность* и понимания признаков нравственного и безнравственного поведения, что отличает нравственного от безнравственного человека и в чем ценность духовно-нравственного образа жизни.

Важно отметить продолжающееся внедрение в русский язык заимствованных слов, которые еще и являются основой для создания неологизмов, становящихся непонятными носителям русского языка без дополнительного толкования. В духовно-нравственной сфере такой процесс представляется особенно опас-

ным, поскольку он отделяет носителя языка от его исторически и генетически закрепленных духовно-нравственных жизненных ценностей, которые указывают на цели человеческой жизни и ее регуляцию через совесть.

Незнание ключевых духовно-нравственных понятий, размывание этих понятий, принятие большого количества заимствованных слов приводит к потере человеком внутренних ориентиров, делая его целиком зависимым от навязываемых норм и правил. Эту зависимость от общественных норм и правил, иными словами, от морали в первоначальном понимании этого слова, участвующие в эксперименте четко показали.

С точки зрения контроля поведения людей, такое самоуправление человека очень удобно, так как в общественную мораль постепенно можно вносить искажения нравственного поведения, что приведет к принятию обществом безнравственности как нормы жизни. Примеры таких обществ мы можем наблюдать сегодня в странах, где, например, приняты смена пола, однополые браки, нежелание рожать детей (*child free*). Мы можем также наблюдать, что этот механизм, запускаемый через родной язык, приводит к разрушению подобных обществ, уничтожая их духовно-нравственные ориентиры.

Таким образом, становится очевидной необходимость разработки и внедрения методики обучения русскому языку с позиции объяснения духовно-нравственных ориентиров человеческой жизни.

Методика преподавания русского языка на основе духовно-нравственных ценностей должна быть основана на передаче не только знаний, но и развитии желания учащихся стремиться в жизни к таким нравственным идеалам. Для этого необходимо ввести в обучение не только изменения грамматико-лексического содержания упражнений, но и другое культурное содержание занятий, выходящее за рамки бытовых тем.

Необходимо преподавать историю развития русского языка с древних времен. Здесь особое внимание необходимо уделить древности языка, важности его роли в наследовании ведических знаний, также закрепленных в родственном русскому санскрите, хранящем исконные внеконфессиональные духовные общечеловеческие ценности.

Считаем обязательным включение в программу объяснения основных духовно-нравственных понятий, позволяющих воспринимать ценности, которые хранит русский язык. Для этого можно использовать и объяснять устойчивые выражения, пословицы и поговорки, содержащие базовые нравственные понятия.

Важно повышать осведомленность обучающихся о влиянии языка на личное развитие и изменение общественного сознания, уделять внимание различиям между нравственностью и моралью, нравственными и безнравственными поступками, нравственными и безнравственными людьми с помощью примеров из литературы, искусства.

Единственный путь восстановления размывающейся в сознании русскоговорящих людей духовно-нравственной основы человеческой жизни лежит через изменение системы обучения, особенно обучения русскому языку, который сохранил в себе древнейшие общечеловеческие понятия и является культурным наследием всего человечества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бирюков, В. Д. Информационно-психологическая война: гуманитарные аспекты : учеб. пособие / В. Д. Бирюков, Э. П. Теплов. — Санкт-Петербург : СПбГУ ВК, 2012. — 377 с. — Текст : непосредственный.
2. Большева, Н. Н. Развитие языка в условиях глобализации (социально-философский аспект) : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Большева Н. Н. — Красноярск, 2006. — 22 с. — Текст : непосредственный.
3. Бубнова, И. А. Нажми на кнопку: от homo sapiens к dis-button homo / И. А. Бубнова. — Текст : непосредственный // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2023. — № 21. — С. 5–16.
4. Бубнова, И. А. Родина: индивидуальное значение слова в ситуации стресса / И. А. Бубнова, Д. В. Горохова. — Текст : непосредственный // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2022. — № 20. — С. 6–17.
5. Гильфердинг, А. Ф. О родстве языка Славянского с Санскритским / А. Ф. Гильфердинг. — Санкт-Петербург : Типография императорской академии наук, 1853. — 288 с. — Текст : непосредственный.
6. Гридина, Т. А. Методы психолингвистических исследований: теория, практика, тренинг / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. — 3-е изд., испр. — Москва : Флинта, 2024. — 360 с. — Текст : непосредственный.
7. Климишин, И. А. Календарь и хронология / И. А. Климишин. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Наука, 1990. — 480 с. — Текст : непосредственный.
8. Линь, Е. Новая заимствованная лексика в русском языке как фактор динамики языковой картины мира : дис. ... канд. филол. наук. — Тамбов, 2018. — 180 с. — Текст : непосредственный.
9. Ник, Ж. Концепт «нравственность» в русской лингвокультуре глазами француза / Ж. Ник. — Текст : непосредственный // *Linguistica Juvenis*. — 2023a. — № 25. — С. 158–167.
10. Ник, Ж. Изучение истории русской письменности как ключ к пониманию русского мировоззрения / Ж. Ник. — Текст : непосредственный // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2023b. — № 21. — С. 173–179.
11. Радлов, Э. Л. Философский словарь. Логика, психология, этика и история философии / Э. Л. Радлов. — Санкт-Петербург : Роша Академии, 2013. — 407 с. — Текст : непосредственный.
12. Развитие способности ребёнка к самообразованию. Эффективное взаимодействие учителя и ученика (по трудам Р. Тагора) [сост.: В. А. Василенко]. — Москва : Амрита-Русь : ИД Шалвы Амона-швили, 2022. — 228 с. — Текст : непосредственный.
13. Розанов, Ф. И. Управляемое общество как новый уровень эволюции социальных систем / Ф. И. Розанов. — Текст : электронный // *Современные исследования социальных проблем* (электронный научный журнал), *Modern Research of Social Problems*. — 2013. — № 5 (25). — URL: www.sisp.nkras.ru (дата обращения: 23.04.2024).
14. Сахарова, Н. Г. Английские заимствования в русском языке как результат изменения Я-концепции нации / Н. Г. Сахарова,

О. П. Дмитриева. — Текст : электронный // Мир науки. Педагогика и психология. — 2020. — № 2. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/06PSMN220/> (дата обращения: 23.04.2024).

15. Трофимова, Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России / Г. Н. Трофимова. — Текст : непосредственный // Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты : моногр. — Москва : РУДН, 2011. — 436 с.

REFERENCES

1. Biryukov, V.D., & Teplov, E.P. (2012). *Informatsionno-psikhologicheskaya voyna: gumanitarnye aspekty* [Information and psychological warfare: humanitarian aspects] [Textbook]. St. Petersburg: SPGU VK, 377 p. (In Russ.)
2. Bolyshcheva, N.N. (2006). *Razvitiye yazyka v usloviyakh globalizatsii (sotsial'no-filosofskiy aspekt)* [Language development in the context of globalization (social and philosophical aspect)] [Abstract of dis. of Cand. of Philosph. sciences]. Krasnoyarsk, 22 p. (In Russ.)
3. Bubnova, I.A. (2023). *Nazhmi na knopku: ot homo sapiens k dis-button homo* [Press the button: from homo sapiens to dis-button homo]. *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti*, 21, 5–16. (In Russ.)
4. Bubnova, I.A., & Gorokhova, D.V. (2022). *Rodina: individual'noe znachenie slova v situatsii stressa* [Rodina: individual meaning of a word in a stressful situation]. *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti*, 20, 6–17. (In Russ.)
5. Gil'ferding, A.F. (1853). *O srodstve yazyka Slavianskogo s Sanskritskim* [On the affinity of the Slavic language with Sanskrit]. St. Petersburg: Tipografiya imperatorskoy akademii nauk, 288 p. (In Russ.)
6. Gridina, T.A., & Konovalova, N.I. (2024). *Metody psikholingvisticheskikh issledovaniy: teoriya, praktikum, treningi* [Methods of psycholinguistic research: theory, workshop, trainings] (3rd ed., corr.). Moscow: Flinta, 360 p. (In Russ.)
7. Klimishin, I.A. (1990). *Kalendar' i khronologiya* [Calendar and chronology] (3rd ed., corr. and amendment). Moscow: Nauka, 480 p. (In Russ.)
8. Lin', E. (2018). *Novaya zaimstvovannaya leksika v russkom yazyke kak faktor dinamiki yazykovoy kartiny mira* [New borrowed vocabulary in the Russian language as a factor in the dynamics of the linguistic picture of the world] [Dis. of Cand. of Philology]. Tambov, 180 p. (In Russ.)
9. Nik, J. (2023a). *Kontsept «nравstvennost'» v russkoy lingvokultуре glazami frantsuza* [The concept of "morality" in Russian linguo-culture through the eyes of a Frenchman]. *Linguistica Juvenis*, 25, 158–167. (In Russ.)
10. Nik, J. (2023b). *Izuchenie istorii russkoy pis'mennosti kak klyuch k ponimaniyu russkogo mirovozzreniya* [The study of the history of Russian writing as a key to understanding the Russian world-view]. *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti*, 21, 173–179. (In Russ.)
11. Radlov, E.L. (2013). *Filosofskiy slovar'. Logika, psikhologiya, etika i istoriya filosofii* [Philosophical dictionary. Logic, psychology, ethics and history of philosophy]. St. Petersburg: Roshcha Akademii, 407 p. (In Russ.)
12. Vasilenko, V.A. (Comp.) (2022). *Razvitiye sposobnosti rebenka k samoobrazovaniyu. Effektivnoe vzaimodeystvie uchitelya i uchenika (po trudam R. Tagora)* [Developing a child's ability to self-education. Effective interaction between teacher and student (based on the works of R. Tagore)]. Moscow: Amrita-Rus', ID Shalvy Amona-shvili, 228 p. (In Russ.)
13. Rozanov, F.I. (2013). *Upravlyаемое obshchestvo kak novyy uroven' evolyutsii sotsial'nykh sistem* [Managed society as a new level of evolution of social systems]. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyy nauchnyy zhurnal), Modern Research of Social Problems*, 5(25). Retrieved Apr. 23, 2024, from www.sisp.nkras.ru (In Russ.)
14. Sakharova, N.G., & Dmitrieva, O.P. (2020). *Angliyskie zaimstvovaniya v russkom yazyke kak rezul'tat izmeneniya Ya-kontseptsii natsii* [English borrowings in the Russian language as a result of changes in the self-concept of the nation]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*, 2. Retrieved Apr. 23, 2024, from <https://mir-nauki.com/PDF/06PSMN220/> (In Russ.)
15. Trofimova, G.N. (2011). *Yazykovoy vkus internet-epokhi v Rossii* [The language taste of the Internet era in Russia]. In *Funktsionirovaniye russkogo yazyka v Internetе: kontseptual'no-sushchnostnye dominanty* [Monograph]. Moscow: RUDN, 436 p. (In Russ.)

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
 Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 81'42+81'38+81'27
 ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.9

Игорь Вячеславович Сибиряков

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, sibiriyakoviv@susu.ru, SPIN-код: 3918-4857

Международная сеть TV BRICS: первый опыт медиакоммуникации

АННОТАЦИЯ. Актуальность работы во многом связана с постоянно растущей ролью БРИКС в экономической, культурной, политической жизни не только отдельных стран и регионов, но и человечества в целом. В статье показаны основные этапы создания и развития международной сети TV BRICS, проанализированы основные рубрики информационного портала этой сети. Так, в русскоязычном портале международной сети выделены три информационных блока: традиционные для ресурсов государственных учреждений, общественных объединений, международных организаций разделы («Общество», «Экономика», «Технология», «Спорт», «Культура», «Туризм» и «Персоны»); разделы сайта, где размещены материалы, подготовленные специально для данного ресурса с учетом необходимости предоставлять информацию, посвященную как деятельности организации БРИКС в целом, так и отдельных стран — участниц альянса; материалы, размещенные не на первой странице, поиск которых может представлять сложность для посетителей. Также в статье выявлены некоторые проблемы, которые проявились в работе ресурса в последние годы. К числу наиболее сложных проблем автор относит несбалансированность основных информационных потоков, представленных на ресурсе; низкую эффективность механизмов «обратной связи», не позволяющих осуществлять корректировку предложенных проектов. Необходимы новые научные исследования, которые позволят лучше понять механизмы формирования нового группового медиапространства в условиях, когда отдельные государства, его составляющие, стремятся сохранить свою культурно-информационную идентичность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, мировая политика, международные организации, БРИКС, информационная безопасность, информационные обмены, информационные порталы, международная сеть вещания, межкультурная коммуникация, Интернет, интернет-пространство, интернет-коммуникация, интернет-технологии, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-ресурсы, языковые средства, социальные сети.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Сибиряков Игорь Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76, каб. 512; email: a. e-mail: sibiriyakoviv@susu.ru.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сибиряков, И. В. Международная сеть TV BRICS: первый опыт медиакоммуникации / И. В. Сибиряков. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 83-88.

Igor' V. Sibiryakov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, sibiriyakoviv@susu.ru, SPIN code: 3918-4857

The International TV BRICS Network: The First Experience of Media Communication

ABSTRACT. The urgency of this study is largely related to the ever-growing role of BRICS in the economic, cultural, and political life of not only individual countries and regions, but also humanity as a whole. The article shows the main stages of the creation and development of the international TV BRICS network and analyzes the main headings of the information portal of this network. Thus, three information blocks are singled out in the Russian-language portal of the international network: sections traditional for the resources of state institutions, public associations, and international organizations ("Society", "Economics", "Technology", "Sports", "Culture", "Tourism" and "Persons"); sections of the site where materials are posted prepared specifically for this resource, taking into account the need to provide information on both the activities of the BRICS organization as a whole and individual member countries of the alliance; materials that are not placed on the home page, the search for which may be difficult for visitors. The article also identifies some problems that have emerged in the work of the resource in recent years. The author considers the imbalance of the main information flows presented on the resource and the low efficiency of the feedback mechanisms that do not allow for the adjustment of proposed projects to be among the most difficult problems. New scientific research is needed that would allow the researchers to better understand the mechanisms of formation of a new group media space in the situation when individual states that make it up strive to preserve their cultural and informational identity.

KEYWORDS: political discourse, political texts, world politics, international organizations, BRICS, information security, information exchanges, information portals, international broadcast network, intercultural communication, Internet, Internet space, Internet communication, Internet technologies, Internet discourse, Internet texts, Internet resources, language means, social networks.

AUTHOR'S INFORMATION: *Sibiryakov Igor' Vyacheslavovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of National and Foreign History, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia.*

ACKNOWLEDGMENTS. The given research has been carried out with financial support of the Russian Science Foundation Grant № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>.

FOR CITATION: *Sibiryakov I. V. (2024). The International TV BRICS Network: The First Experience of Media Communication. In Political Linguistics. No 4 (106), pp. 83-88. (In Russ.).*

Эффективная политическая коммуникация в современном мире является обязательным условием решения многих межгосударственных споров и конфликтов. Однако часто проблемы, которые возникают в процессе общения между государственными, общественными институтами различных стран носят системный характер и не имеют простых способов решения. Сегодня, на наш взгляд, эту ситуацию существенно усложняют, как минимум, три обстоятельства.

Во-первых, появление на международной арене качественно новых межгосударственных объединений, включающих в свой состав страны с различной культурной традицией, разным уровнем экономического развития, разной ресурсной базой. Одним из таких объединений является БРИКС. Для стран, первоначально составивших данный альянс, проблемы политической коммуникации имели изначально особое значение, так как это объединение строилось не на базе устойчивых бинарных конструкций, а создавалось как принципиально новое объединение государств, способное отстаивать общие интересы на международной арене. Создание общего информационного поля стало стратегической задачей объединения, а информационные обмены выступили в качестве важнейшего инструмента развития стран БРИКС [Шестова, Лесь: 143]. Вместе с тем интеграция национальных медиасистем в рамках нового информационного поля оказалась сложной задачей не только с технической, но и с идеологической, философской, культурной точек зрения [Вартанова: 8-15]. Во многом это было связано с тем, что национальные медиасистемы стран БРИКС прошли очень непростой путь развития и по-прежнему сохраняют свою уникальность и самобытность. По мнению ведущих российских исследователей медиапространства при проведении таких исследований следует максимально полно учитывать «значение национального контекста и исторических традиций, социокультурные особенности нации как ключевые факторы, оказывающие влияние на средства массовой информации и журналистику» [Вартанова, Ткачева, Филаткина, Эль-Баكري: 17].

При этом процесс осознания и формулировки реальных «общих» интересов оказался достаточно долгим и сложным для всех

стран участниц альянса. А после принятия в 2023 г. решения о расширении состава БРИКС ситуация стала еще более непростой [Лисоволик].

Во-вторых, в условиях стремительного нарастания и усложнения информационных потоков в современном мире роль медиакоммуникаций в политической, экономической, культурной жизни многих стран заметно возрастает. Но при этом очень остро встает проблема адекватного восприятия информации, которую предоставляют друг другу страны, создающие новые межгосударственные объединения. Очевидно, что каждая из таких стран решает с помощью новых информационных потоков целый ряд собственных серьезных проблем: от формирования положительного образа государства в глазах населения других стран, до продвижения собственных коммерческих брендов и культурных ценностей. По очень точному замечанию Ж. Толстиковой, редакции многих национальных СМИ оказались зачастую не готовы «анализировать иноязычный контент, адаптировать его для своего ресурса, отчего из поля их зрения выпадают целые пласты информации» [Толстикова].

Не случайно в ходе саммита БРИКС в Йоханнесбурге «лидеры объединения заявили о важности разработки международно-правовых норм поведения в информационном пространстве под эгидой ООН» [Халитова: 207]. Несмотря на то, что в целом в организации БРИКС долгие годы существует достаточно высокий уровень исполнения принятых в организации решений (по некоторым подсчетам он составляет 74%) [Игнатов:87], существенного продвижения в области развития медиакоммуникаций БРИКС в последние годы незаметно.

В-третьих, многоуровневый и разнонаправленный характер процессов, происходящих в сфере медиакоммуникаций, для изучения которых невозможно создать единую универсальную исследовательскую модель, что существенно усложняет процесс оценки полученных результатов исследования.

С учетом этих и целого ряда других объективных и субъективных факторов цель данной работы сформулирована следующим образом — проанализировать первый опыт медиакоммуникаций, полученный в ходе реализации проекта TV BRICS, который уже

много лет является одним из главных коммуникативных каналов альянса, позволяющих укрепить тенденцию к информационной интеграции объединения, проявившуюся на первом этапе его существования.

Международная сеть TV BRICS была создана в 2017г. по инициативе Президента России В. В. Путина, которая была одобрена участниками IX саммита глав государств БРИКС в Пекине. В том же 2017г. был запущен небольшой блок вещания TV BRICS в рамках российского канала «Продвижение». В мае 2018 г. начал функционировать сайт tvbrics.com, где публиковались видео и новости на русском языке. Постепенно к нему добавились иноязычные версии сайта, контент стал адаптироваться на английский, португальский, китайский языки, запустились онлайн-эфирные трансляции на иностранных языках. В 2018 г. были заключены первые партнерские договоры со СМИ стран БРИКС: это были крупные медиакомпании Китая, ЮАР и Бразилии — информационное агентство «Синьхуа» (Китай), газета «Жэньминь Жибао» (Китай), Independent Online (ЮАР), TV CULTURA (Бразилия) и другие. В 2020 г. был запущен отдельный 24-часовой телеканал TV BRICS в России, в рамках вещания которого впервые стал транслироваться адаптированный на русский язык контент зарубежных партнеров TV BRICS [Шестаков]. В 2024 г. была открыта испанская версия информационного портала tvbrics.com и запущена соответствующая ветка интернет-вещания телеканала. «Необходимость запуска полноценного испанского направления TV BRICS, — по словам Генерального директора TV BRICS Ж. Толстиковой была, — продиктована расширением сотрудничества со СМИ стран Латинской Америки и Карибского бассейна» [Толстикова].

Сегодня, по мнению ее создателей, TV BRICS — «это новейшая система регулярного информационного обмена между СМИ стран БРИКС+» [О TV BRICS]. Взаимодействие медиапартнеров осуществляется с помощью мультязычного портала TV BRICS и одноименного телеканала круглосуточного вещания. Штаб-квартира TV BRICS находится в Москве. К началу 2024г. к сети TV BRICS уже присоединилось более 70 СМИ из многих стран мира: России, Бразилии, Индии, Китая, ЮАР, Египта, Ирана, ОАЭ, а также Аргентины, Армении, Венесуэлы, Зимбабве, Казахстана, Кении, Кубы, Мозамбика, Туниса, Чили. Суммарный технический охват партнерской сети TV BRICS превышает 1,5 млрд пользователей.

Миссия TV BRICS, как указано на официальном ресурсе данной структуры, — «это

укрепление сотрудничества стран БРИКС и распространение объективной информации о гуманитарной и экономической деятельности государств-участников и партнеров объединения» [О TV BRICS]. TV BRICS — официальный партнер Организации Объединенных Наций, член Организационного комитета по подготовке и обеспечению председательства РФ в объединении БРИКС в 2024 году. В статусе международного партнера TV BRICS оказывает коммуникационную и информационную поддержку крупных международных событий в странах БРИКС+, обеспечивает медиасопровождение деятельности органов власти, учреждений культуры и высшего образования, общественных и некоммерческих организаций.

TV BRICS представлен во всех популярных в России социальных сетях «В контакте», «Телеграмм», «Одноклассники» и др. Контент TV BRICS размещен на OTT-платформах «Smotreshka», «Peers.TV», «24 Часа ТВ», «Vintera.TV», «Лайм HD». Спутниковое вещание осуществляется с использованием платформ «Орион Экспресс» и «НТВ ПЛЮС». Размещение информационных материалов TV BRICS в теле- и радиоэфире, проходит на онлайн-платформах 20 СМИ Бразилии, на платформах 10 СМИ Индии, на платформах China Media Group Китая и на крупнейших платформах ЮАР IOL, ANA.

По заявлению сотрудников международной сети TV BRICS «благодаря эффективному сотрудничеству и профессионально подготовленному контенту материалы TV BRICS через площадки СМИ-партнеров в Бразилии, России, Индии, Китае, ЮАР, Египте, Иране, Саудовской Аравии, ОАЭ, Эфиопии получают дальнейшее распространение в СМИ других стран (США, Канада, Великобритания, Австралия, страны ЕС и др.)». По словам Ж. Толстиковой, «TV BRICS регулярно размещает как собственные материалы, так и материалы других партнеров сети на ресурсах партнерских СМИ, выступая информационным хабом, обеспечивающим движение новостного и авторского контента по сети национальных СМИ» [Шестаков].

Анализ рубрикатора базового мультязычного портала TV BRICS позволяет лучше понять информационные приоритеты создателей данного ресурса, выявить механизм формирования информационной повестки, которая настойчиво предлагается его зрителям, слушателям, читателям.

Структуру русскоязычного портала TV BRICS условно можно разделить на три большие группы. 1. Это традиционные разделы, что присутствуют во многих ресурсах государственных учреждений, обществен-

ных объединений, международных организаций, которые пытаются вовлечь в сферу своего информационного влияния различные группы населения той или иной страны. Это 7 разделов, позволяющих удовлетворить те информационные потребности среднестатистического русскоговорящего пользователя, что не отличаются особой оригинальностью. Речь идет о таких разделах, как «Общество», «Экономика», «Технология», «Спорт», «Культура», «Туризм» и «Персоны». Обращает на себя внимание отсутствие в качестве самостоятельного раздела «Политика», что, на наш взгляд, является не случайным и отражает тенденцию к сокращению числа «политических» материалов, размещаемых вне политически ориентированных ресурсов. Если же обратить внимание на характер материалов, представленных в данных разделах 1 мая 2024г., то можно увидеть, что все без исключения материалы, так или иначе, связанные с Россией формируют безусловно положительный образ страны. Это особенно хорошо заметно при анализе заголовков тех материалов, что размещены в этих разделах. Наиболее типичные из них: «Российские власти продлили программу выплат для многодетных семей на погашение ипотеки», «В одном из университетов России создали киберкота для обучения робототехнике», «Ак Барс Банк Казанский марафон, вошедший в Лигу БРИКС, отметит десятилетие», «Первая «Российская креативная неделя — Урал» проходит в Челябинске» «Владимир Путин поручил расширить международное сотрудничество России в сфере медицины». Стоит обратить внимание, что информация из России, представлена в 5 разделах из 7. Она отсутствует только в разделах «Экономика» и «Туризм». Интересна статистика распределения информации в топовых позициях каждого из разделов. Так в десятке топовых новостей в разделе «Общество» Россия была упомянута в заголовках 4-х информационных сообщений, Китай, Боливия, ЮАР, Белоруссия в заголовках 1 информационного сообщения. 2 сообщения были посвящены странам БРИКС в целом. В разделе «Экономика» Иран, Египет, Саудовская Аравия были упомянуты в заголовках топовых новостей по 2 раза, Индия, Китай Эфиопия по 1 разу. В разделе «Технология» Китай и Индия были упомянуты 2 раза, Бразилия, Россия, Эфиопия, Куба, Иран, страны БРИКС в целом по 1 разу. В разделе «Спорт» Россия упомянута 4 раза, Эфиопия. Китай, Индия по одному разу, страны БРИКС в целом 3 раза. В разделе «Культура» Россия и Китай упомянута 3 раза, Бразилия 2 раза,

страны БРИКС в целом — 2 раза. В разделе «Туризм» Бразилия и Саудовская Аравия упомянута 2 раза, по 1 разу упомянуты ЮАР, Эфиопия, Иран, Куба, Египет, страны БРИКС в целом. В разделе «Персоны» российские руководители и чиновники упомянуты 5 раза, индийские, эфиопские, бразильские, иранские по 1 разу и один раз упомянут Генеральный секретарь АСЕАН.

Вторую группу составляют те разделы сайта, где размещены материалы, подготовленные специально для данного ресурса с учетом особенностей той части его пользователей, что приходит на ресурс в поисках информации, посвященной как деятельности организации БРИКС в целом, так и отдельных стран участниц альянса. Здесь следует выделить особо специализированные программы (в начале 2024г. их было более 30), такие как «Город историй», «Обзор новостей Китая», «Давайте начистоту», «Культурный бум», «Время говорить. Россия — Китай», «Управляй своим телом» и др.

Отдельно от этих программ на ресурсе расположены проекты, которые подготовили и реализовали сотрудники портала. Благодаря этим проектам посетитель ресурса может получить «Обзор новостей TV BRICS в зарубежных медиа», лонгриды и интервью с политическими деятелями, государственными чиновниками, экспертами в самых разных областях жизни общества, новости БРИКС. Как пишут сами авторы данного раздела; «BRICS View — это короткие новости и факты о культурных особенностях в странах БРИКС в видеформате. Мы хотим показать государства «пятерки» не с политической стороны, а именно с позиции обычного человека, рассказать об увлекательных подробностях жизни в странах объединения. В роли ведущих выступают не только сотрудники медиасети — корреспонденты, редакторы, продюсеры, но и представители Бразилии, Индии, Китая, ЮАР...».

Отдельное и очень важное место в контенте данного ресурса занимает международный информационно-просветительский проект «Современный русский» и международная библиотека видеоконтента БРИКС. Библиотека включает в себя разножанровый мультязычный видеоконтент: художественное и документальное кино, телепередачи, телевизионные документальные фильмы и пр.

В третью группу материалов ресурса можно отнести те материалы, которые были размещены не на первой странице и поиск которых может составить небольшую проблему для пользователей данной платформы. В числе таких материалов оказались материалы из разделов: «Музыка», «Обра-

зование», «Видео» и др. Здесь же оказались новости, рассказывающие о том, что произошло в экономике, политике, культуре, науке и образовании в странах объединения за неделю.

Таким образом, анализ структуры русскоязычного портала TV BRICS позволяет сделать два важных вывода. 1. Создатели ресурса стараются сделать его привлекательным интересным для самых разных групп населения, как внутри России, так и за ее пределами. 2. Политическая составляющая, которая, безусловно, присутствует в материалах ресурса, находится на втором «информационном плане». Возможно, это связано с тем, что создатели ресурса, как и многие исследователи современного российского медиапространства, уверены в том, что «сегодняшняя российская аудитория не только достаточно пассивна, но и относится к получаемой политической информации критически и крайне недоверчиво» [Брунова 2007: 150]. Не случайно в подаче «политических материалов» на портале TV BRICS с точки зрения оценок, визуального контента, эмоциональной окраски ключевых высказываний нет особой агрессивности, столь свойственной многим программам российских федеральных каналов. 3. Предпринимаются попытки сбалансировать количество материалов из разных стран участниц БРИКС с тем, чтобы создать равное представительство государств в информационном поле данного ресурса.

Но, с другой стороны, анализ материалов русскоязычного портала TV BRICS дает возможность увидеть одну очень важную особенность организации медиакоммуникаций в современном информационном пространстве. Речь идет о серьезном дисбалансе информационных потоков, который носит, на наш взгляд, совершенно не случайный характер. Формально на ресурсе существуют механизмы «обратной связи», которые должны дать возможность создателям контента увидеть реакцию пользователей на тот или иной материал и соответственно продолжить работу с ним. В этом качестве традиционно используется рубрика «Что вы думаете о TV BRICS?». Представленные в ней 15 отзывов носят откровенно комплиментарный характер и не дают полноценного представления о реакции аудитории на разноплановые материалы ресурса. Аналогичная ситуация складывается и с группами TV BRICS в социальных сетях. Например, в сети «Одноклассники» группа TV BRICS на 1 мая 2024 г. насчитывала 3787 участников. При этом наибольшее число просмотров 10 последних материалов составило 658, а наи-

большее число лайков — 3 [Группа TV BRICS]. Аналогичным образом складывается ситуация и в группе TV BRICS в социальной сети «В контакте».

То есть, если рассматривать медиакоммуникации, не только как инструмент для практической реализации политики «мягкой силы» в ее крайне упрощенном варианте, но и как возможность получения очень важной информации о восприятии предлагаемого контента различными группами аудитории, с целью дальнейшего совершенствования этого контента, то опыт, накопленный коллективом русскоязычного портала TV BRICS, можно признать полезным и важным. Именно этот опыт показывает необходимость дальнейшего совершенствования структуры ресурса, важность продолжения поиска таких форм коммуникации, которые позволят потребителю информационных продуктов более активно участвовать в их оценке, совершенствовании и даже создании. На данный момент крайне сложно понять, кто является основным потребителем, представленного TV BRICS контента и как реально этот потребитель воспринимает, предложенный контент. Очевидно, что «территориальный принцип» размещения контента, препятствует формированию образа БРИКС, как единой целостной конструкции. Необходимы новые научные исследования, которые позволят лучше понять механизмы формирования нового группового медиапространства в условиях, когда отдельные государства его составляющие, стремятся сохранить свою культурно-информационную идентичность. «Учитывая возрастающую роль медиа в современном обществе и их трансформацию, теоретическое осмысление процессов будет приобретать все большее значение и расширять дискуссионные границы» [Урина: 136].

ИСТОЧНИКИ

1. Группа TV BRICS в «Одноклассниках». — URL: <https://ok.ru/group/54074514800853> (дата обращения: 01.05.2024). — Текст : электронный.
2. О TV BRICS // TV BRICS. International media network. — URL: <https://tvbrics.com/about/> (дата обращения: 01.05.2024). — Текст : электронный.
3. Шестаков, С. Жанна Толстикова о важности информационного взаимодействия. — URL: https://expert.ru/obshchestvo/zhanna-tolstikova-o-vazhnosti-informatsionnogo-vzaimodeystviya_1/ (дата обращения: 01.05.2024). — Текст : электронный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Брунова, М. Я. Политическая коммуникация с точки зрения теории информации / М. Я. Брунова. — Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. — 2007. — № 3. — С. 147–152.
2. Вартанова, Е. Л. Медиа-системы стран БРИКС: исторический генезис, особенности функционирования / Е. Л. Вартанова, Н. В. Ткачева, Г. С. Филаткина, Т. В. Эль-Бакри. — Москва : Аспект Пресс, 2018. — 192 с. — Текст : непосредственный.
3. Вартанова, Е. Л. Медиа-система в национальном контексте: в продолжение академической дискуссии (на примере

медиа-систем стран БРИКС) / Е. Л. Вартанова. — Текст : непосредственный // Меди@льманах. — 2020. — № 4. — С. 8–15.

4. Галкина, М.Ю. Прогноз изменения государственного регулирования российских СМИ / М. Ю. Галкина, К. Лехтисаари. — Текст : электронный // Медиаскоп. — 2016. — Вып. 4. — URL: <http://www.mediascope.ru/2243>.

5. Демина, И. Н. Трансформация медиа-системы: общие подходы и технологический аспект / И. Н. Демина. — Текст : непосредственный // Известия Байкальского государственного университета. — 2010. — № 2 (70). — С. 159–163.

6. Игнатов, А. А. Управление Интернетом в повестке БРИКС / А. А. Игнатов. — Текст : непосредственный // Вестник международных организаций. — 2022. — Т. 17. — № 2. — С. 86–109.

7. Лисоволик, Я. «Саммит расширения»: концептуализация формата БРИКС+ / Я. Лисоволик. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sammit-rasshireniya-kontseptualizatsiya-formata-briks/> (дата обращения: 01.05.2024). — Текст : электронный.

8. Толстикова, Ж. Объединенная повестка БРИКС стала доступна на испанском языке / Ж. Толстикова. — URL: <https://expertnw.com/novosti-partnerov/obedinennaya-povestka-briks-stala-dostupna-na-ispanskom-yazyke/> (дата обращения: 01.05.2024). — Текст : электронный.

9. Урина, Н. В. Теоретические основы медиаисследований: процесс развития и результаты / Н. В. Урина. — Текст : непосредственный // Меди@льманах. — 2020. — №2-3. — С. 132–136.

10. Халитова, Г. И. БРИКС и угрозы международной безопасности / Г. И. Халитова. — Текст : непосредственный // Казанский вестник молодых ученых. — 2019. — № 5. — С. 207–210.

11. Шестова, Т. Л. Сотрудничество стран БРИКС в сфере информационных технологий / Т. Л. Шестова, А. Ю. Лесь. — Текст : непосредственный // Социально-гуманитарные знания. — 2017. — №6. — С. 142–148.

12. Шкондин, М. В. Система СМИ и ее среда. Структура СМИ в условиях реформирования общества. Типология средств массовой информации / М. В. Шкондин. — Москва : Фак. журн. МГУ, 2002. — Текст : непосредственный.

13. Flew, T. The Ongoing Significance of National Media Systems in The Context of Media Globalization / T. Flew, S. Waisbord. — Text : unmediated // *Media, Culture and Society*. — 2015. — Vol. 37. — Iss. 4. — P. 620–636.

14. Hallin, D.C. Comparing Media Systems Beyond the Western World / D. C. Hallin, P. Mancini. — New York : Cambridge University Press, 2012. — Text : unmediated.

15. Noam, E. M. Who Owns the World's Media? Media Concentration and Ownership Around the World / E. M. Noam. — Oxford : Oxford University Press, 2016. — Text : unmediated.

MATERIALS

1. *TV BRICS Group on Odnoklassniki* (n.d.). Retrieved May 1, 2024, from <https://ok.ru/group/54074514800853>

2. About TV BRICS (n.d.). *TV BRICS. International media network*. Retrieved May 1, 2024, from <https://tvbrics.com/about/>

3. Shestakov, S. (n.d.). *Zhanna Tolstikova on the Importance of Information Interaction*. Retrieved May 1, 2024, from https://expert.ru/obshchestvo/zhanna-tolstikova-o-vazhnosti-informatsionnogo-vzaimodeystviya_1/

REFERENCES

1. Brunova, M. Ya. (2007). *Politicheskaya kommunikatsiya s tochki zreniya teorii informatsii* [Political communication from the point of view of information theory]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 3, 147–152. (In Russ.)

2. Vartanova, E.L., Tkacheva, N.V., Filatkina, G.S., & El-Bakri, T.V. (2018). *Mediasistemy stran BRIKS: istoricheskiy genesis, osobennosti funktsionirovaniya* [Media systems of the BRICS countries: historical genesis, features of functioning]. Moscow: Aspekt Press, 192 p. (In Russ.)

3. Vartanova, E.L. (2020). *Mediasistema v natsional'nom kontekste: v prodolzhenie akademicheskoy diskussii (na primere mediasistem stran BRIKS)* [Media system in the national context: in continuation of the academic discussion (on the example of media systems of the BRICS countries)]. *Medi@l'manakh*, 4, 8–15. (In Russ.)

4. Galkina, M.Yu., & Lekhtisaari, K. (2016). *Prognoz izmeneniya gosudarstvennogo regulirovaniya rossiyskikh SMI* [Forecast of changes in state regulation of Russian media]. *Mediaskop*, 4. Retrieved from <http://www.mediascope.ru/2243> (In Russ.)

5. Demina, I.N. (2010). *Transformatsiya mediasistemy: obshchie podkhody i tekhnologicheskii aspekt* [Transformation of the media system: general approaches and technological aspect]. *Izvestiya Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2(70), 159–163. (In Russ.)

6. Ignatov, A.A. (2022). *Upravlenie Internetom v povestke BRIKS* [Internet governance in the BRICS agenda]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*, 17(2), 86–109. (In Russ.)

7. Lisovolik, Ya. (n.d.). «*Sammit rasshireniya*»: *kontseptualizatsiya formata BRIKS+* [“Enlargement Summit”: Conceptualization of the BRICS+ Format]. Retrieved May 1, 2024, from <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sammit-rasshireniya-kontseptualizatsiya-formata-briks/> (In Russ.)

8. Tolstikova, Zh. (n.d.). *Ob "edinennaya povestka BRIKS stala dostupna na ispanskom yazyke* [The BRICS Joint Agenda Has Become Available in Spanish]. Retrieved May 1, 2024, from <https://expertnw.com/novosti-partnerov/obedinennaya-povestka-briks-stala-dostupna-na-ispanskom-yazyke/> (In Russ.)

9. Urina, N.V. (2020). *Teoreticheskie osnovy mediaissledovaniy: protsess razvitiya i rezul'taty* [Theoretical foundations of media studies: the development process and results]. *Media al'manakh*, 2-3, 132–136. (In Russ.)

10. Khalitova, G.I. (2019). *BRIKS i ugrozy mezhdunarodnoy bezopasnosti* [BRICS and threats to international security]. *Kazanskiy vestnik molodykh uchenykh*, 5, 207–210. (In Russ.)

11. Shestova, T.L., & Les', A.Yu. (2017). *Sotrudnichestvo stran BRIKS v sfere informatsionnykh tekhnologiy* [Cooperation of the BRICS countries in the field of information technology]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 6, 142–148. (In Russ.)

12. Shkonidin, M.V. (2002). *Sistema SMI i ee sreda. Struktura SMI v usloviyakh reformirovaniya obshchestva. Tipologiya sredstv massovoy informatsii* [The media system and its environment. The structure of the media in the context of social reform. Typology of the media]. Moscow: Fak. zhurn. MGU. (In Russ.)

13. Flew, T., & Waisbord, S. (2015). *The Ongoing Significance of National Media Systems in The Context of Media Globalization*. *Media, Culture and Society*, 37(4), 620–636.

14. Hallin, D.C., & Mancini, P. (2012). *Comparing Media Systems Beyond the Western World*. New York: Cambridge University Press.

15. Noam, E.M. (2016). *Who Owns the World's Media? Media Concentration and Ownership Around the World*. Oxford: Oxford University Press.

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 811.214.21'42+811.214.21'38
ББК Ш152.231-51+Ш152.231-55

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Ольга Александровна Солопова^{1✉}, Гаутам Кашьяп^{2✉}, Никита Сергеевич Нагаев^{3✉}

^{1,2,3} Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия

¹ solopovaao@susu.ru[✉], SPIN-код: 6589-5366, <https://orcid.org/0000-0003-4170-7267>

² gautam@kashyap.ru[✉], <https://orcid.org/0009-0009-6502-1527>

³ nickita.nagaev2011@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0009-0005-6572-2711>

Метафорический образ России в медиадискурсе Индии

АННОТАЦИЯ. Образ государства формируется под влиянием разнообразных факторов, определяющих специфику отношения мирового сообщества к деятельности государства во внешней политике, принимаемым внутри страны решениям, и является основой для проведения эффективной внешней политики. Он напрямую связан с возможностями развития экономического, политического, гуманитарного, научного, технологического, военного сотрудничества, что определяет актуальность настоящего исследования. Работа посвящена изучению метафорического образа России в современном медиадискурсе Индии (2014—2023). В качестве источников материала выступают политические выступления Н. Д. Моди и статьи, опубликованные в современных индийских общественно-политических изданиях. Целью является выявление доминантных метафорических моделей, участвующих в репрезентации образа России, их структуры, прагматического потенциала, лингвокультурной и дискурсивной специфики. Для достижения цели использованы процедура сплошной выборки, метод метафорического моделирования, лингвокультурный и когнитивно-дискурсивный методы. В статье представлены результаты анализа доминантной сферы-источника «взаимоотношения», актуализирующей метафорическую модель «Россия — это Друг», которую контекстуально поддерживают метафоры пути, строительства, неживой природы. Метафоры реализуют положительный прагматический потенциал, моделируют образ России как государства-партнера, разделяющего с Индией схожие ценности, убеждения и интересы: двусторонние отношения выстроены на глубокой историко-культурной основе, государства стремятся к сохранению имеющихся связей и дальнейшему взаимовыгодному сотрудничеству. Исследование может дать результаты, важные для понимания особенностей моделирования образа современной России в зарубежном медиадискурсе: они свидетельствуют о прямой зависимости этого образа, смыслов и коннотаций метафор от исторического, экстрадискурсивного и лингвокультурного контекстов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, индийские СМИ, языковые средства, политический дискурс, российско-индийские отношения, когнитивная лингвистика, языковые единицы, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, политические метафоры, метафорические образы, образ России, хинди.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Солопова Ольга Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и перевода, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); 454080, Россия, Челябинск, пр-т Ленина, 76; email: solopovaao@susu.ru.

Кашьяп Гаутам, аспирант кафедры лингвистики и перевода, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); 454080, Россия, Челябинск, пр-т Ленина, 76; email: gautam@kashyap.ru.

Нагаев Никита Сергеевич, магистрант кафедры лингвистики и перевода, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); 454080, Россия, Челябинск, пр-т Ленина, 76; email: nickita.nagaev2011@yandex.ru.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Солопова, О. А. Метафорический образ России в медиадискурсе Индии / О. А. Солопова, Г. Кашьяп, Н. С. Нагаев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 89-97.

Ol'ga A. Solopova^{1✉}, Gautam Kashyap^{2✉}, Nikita S. Nagaev^{3✉}

^{1,2,3} South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia

¹ solopovaao@susu.ru[✉], SPIN code: 6589-5366, <https://orcid.org/0000-0003-4170-7267>

² gautam@kashyap.ru[✉], <https://orcid.org/0009-0009-6502-1527>

³ nickita.nagaev2011@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0009-0005-6572-2711>

The Metaphorical Image of Russia in Indian Media Discourse

ABSTRACT. The image of a state is molded by numerous factors determining the specificity of attitude of the international community to the state's foreign policy and internal decision-making processes and serves a basis for effective foreign policy. It is directly associated with the opportunities for economic, political, humanitarian, scientific, technological, and

military cooperation, which makes this research especially urgent. The study deals with analyzing Russia's metaphorical image in contemporary Indian media discourse from 2014 to 2023. The primary source of materials encompasses political speeches by Narendra Modi and articles in modern Indian news and socio-political publications. The research aim is to identify the dominant metaphorical models used to represent Russia's image and to explore their structure, pragmatic potential, and linguo-cultural and discursive peculiarities. To achieve the aim, the study employs the procedure of continuous sampling, the method of metaphorical modeling, the method of linguo-cultural and cognitive-discursive analyses. The article presents the results of analyzing the dominant source domain "relationships", which actualizes the metaphorical model "Russia is a Friend". The model is contextually supported by the metaphors related to "path", "construction", and "inanimate nature" source domains. The metaphors realize their positive pragmatic potential, portraying Russia as a partner sharing similar values and interests with India. The bilateral relations are built on a deep historico-cultural foundation, and both countries strive to maintain existing ties and foster mutually beneficial cooperation. The current investigation can provide valuable insights into the nuances of representing contemporary Russia in foreign media, highlighting the direct dependence of this image, metaphorical senses and connotations on the historical, extra-discursive, and linguo-cultural contexts.

KEYWORDS: journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, Indian media, language means, political discourse, India-Russia relations, cognitive linguistics, language units, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, political metaphors, metaphorical images, image of Russia, Hindi.

AUTHOR'S INFORMATION: Solopova Olga Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Linguistics and Translation, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia.

Kashyap Guatam, Post-Graduate Student of Department of Linguistics and Translation, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia.

Nagaev Nikita Sergeevich, Master's Degree Student of Department of Linguistics and Translation, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia.

ACKNOWLEDGMENTS. The research is accomplished with financial support of the Russian Science Foundation grant № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>.

FOR CITATION: Solopova O. A., Kashyap Gautam, Nagaev N. S. (2024). The Metaphorical Image of Russia in Indian Media Discourse. In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 89-97. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Индия является одним из важнейших партнеров Российской Федерации. Несмотря на глобальное снижение темпов роста мировой экономики¹, Индия (Бхарат) входит в пятерку стран мира по ВВП, демонстрируя устойчивое развитие ведущих отраслей промышленности, сельского хозяйства, информационных технологий и сферы услуг². Ориентация на устойчивое развитие определяет деятельность государства на всех уровнях внешней политики, экономического, политического и иного взаимодействия, на глобальном, региональном и локальном уровнях, включая участие страны в международных объединениях и взаимодействие в рамках двусторонних отношений.

Взаимоотношения между Россией и Индией имеют давнюю историю и являются стратегически важными для обеих сторон. В течение последних десятилетий сотрудничество между двумя государствами значительно расширилось, охватив широкий спектр областей, включая экономику, оборону, науку и технологии, образование, культуру и туризм. В современном геополитиче-

ском контексте Индия позиционирует себя в качестве надежного нейтрального партнера, ориентированного на взаимовыгодное сотрудничество с РФ, что обуславливает актуальность проводимого исследования, поскольку в условиях стремительного развития информационного общества все более заметную роль в международных отношениях начинает играть образ страны, который формируется в средствах массовой информации других государств. Этот образ оказывает прямое и косвенное влияние как на рядовых граждан, так и на представителей политической элиты, определяя содержание многих важнейших политических решений. Цель работы состоит в том, чтобы выявить основные тенденции моделирования образа России в медиадискурсе Индии и метафоры, с помощью которых этот образ создается, что представляется важным как для продвижения положительного имиджа государства за рубежом, укрепления и развития российско-индийских отношений, так и с точки зрения геополитических и экономических интересов России и вопросов национальной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

¹ Всемирный Банк / Перспективы мировой экономики URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/global-economic-prospects>.

² Forbes India / The top 10 largest economies in the world in 2023 URL: <https://www.forbesindia.com/article/explainers/top-10-largest-economies-in-the-world/86159/1>.

РОЛЬ МЕТАФОРЫ В МОДЕЛИРОВАНИИ ОБРАЗА ГОСУДАРСТВА

В современном обществе с развитием информационно-коммуникационных технологий формирование образа государства неотделимо от средств массовой информации. Характеризуя СМИ, У. Липпманн вводит термин «псевдосреда», полагая, что информационная среда в медиаобществе — это не зеркальное отражение существующей ситуации, а среда, которую создают средства массовой информации после отбора, обработки и реструктуризации информации, чтобы направлять, определять, изменять ценности и поведение человека во внешней среде [Lippmann 1997].

Образ страны в медиадискурсе зарубежных стран является основой для проведения эффективной внешней политики, он напрямую связан с возможностями развития экономического, политического, гуманитарного, научного, технологического, военного сотрудничества. Моделируемый образ влияет на инвестиционную привлекательность государства, создает пространство для налаживания и развития связей, является частью государственной политики. Именно поэтому исследование образа страны представляется важной задачей лингвистической науки на современном этапе, когда гуманитарное знание призвано не только создавать новые смыслы в рамках научной картины мира, но и использовать имеющийся инструментарий для решения существенных вопросов социально-политического развития. В условиях растущей медиатизации общества значение образа государства только возрастает. Поскольку процесс формирования этого образа носит идеологический и лингвистический характер, он остается актуальной проблемой для различных академических дисциплин, в том числе и для политической лингвистики.

Внешний образ, или то, как в мире воспринимают то или иное государство, является многомерным понятием, основанным на знаниях о стране, его когнитивной и эмоциональной оценке аудиторией и взаимоотношениях страны с другими государствами. Образ страны часто определяет степень ее политического и экономического влияния в международной системе, поэтому ученые уделяют значительное внимание изучению его природы и составляющих его компонентов [Лю, Янь 2024, Kalinin, Ignatenko 2024, Solopova, Chudinov 2019, Solopova, Kushneruk 2021]. Исследователи указывают на следующие черты этого образа. Во-первых, он является результатом убеждений, стереотипов и предубеждений, которые сформированы по отношению к стране на протя-

жении долгого времени, поэтому этот образ часто не соответствует объективной реальности развития государства, напротив, он основан на мнениях и иллюзиях и интерпретируется сквозь призму прошлого опыта и ожидаемых перспектив. Во-вторых, образ страны всегда включает эмоциональный компонент: интерес / привлекательность / неприязнь / антипатия, дружеское отношение / враждебность. В-третьих, образ страны всегда моделируется преднамеренно, поэтому он зависит от геополитического, дискурсивного, социального, ситуационного и даже личностного контекстов. В-четвертых, образ страны динамичен: он обладает как постоянными компонентами: география, население, история, так и многочисленными переменными: форма правления, идеология, экономическое и технологическое развитие, военная мощь, культурные, социальные, религиозные, экологические и другие факторы. Причем именно переменные компоненты, как правило, оказывают влияние на его мелиорацию или детериорацию в различные исторические периоды развития государства. Кроме того, образ страны влияет на поведение отдельных представителей других государств, социальных групп и целых народов по отношению к стране.

В связи с тем, что международный образ страны, тиражируемый в средствах массовой информации, во многом определяет имидж государства на международной арене, средства, используемые для его формирования, включая концептуальную метафору, остаются одним из наиболее актуальных вопросов в различных областях научного знания [Чудинов, Будаев, Солопова 2023; Charteris-Black 2011, Landtsheer, Ongena 2015, Semino, Demjen 2017, Solopova, Chudinov 2019, Solopova, Nilsen, Nilsen 2023, Zibin, Solopova 2024, Zinken, Hellsten 2016 и др.]. Учеными доказано, что метафора является одним из эффективных механизмов моделирования образа государства как внутри страны, так и за рубежом. Востребованность метафоры в этом случае обусловлена, с одной стороны, природой концептуальной метафоры, во-вторых, рассмотренными выше характеристиками сферы-мишени — образа государства.

Поскольку для метафоры свойственна крайне высокая степень информационной емкости, она способна генерировать яркий, «концентрированный» образ, который наталкивает аудиторию на стереотипное восприятие государства, особенно в случае «исторически «закрепленных» за страной метафорических образов, прозвищ и ярлыков. Процесс человеческого мышления не-

разрывно связан с метафоризацией, поскольку именно с помощью метафоры, заключающей в себе когнитивные, культурные особенности, ценностные ориентации и установки, возникающие в процессе мышления, человек воспринимает, организует и моделирует объективную действительность. Помимо информационной емкости, для метафоры типична эмоциональная насыщенность, что способствует лучшему пониманию политических явлений и созданию положительного или отрицательного отношения к государству. Как и для образа государства, для метафоры типична динамика, которая состоит не только в изменчивости инвентаря метафорических систем, активизации метафорических моделей или, напротив, метафорического «затишья», но и в возможности реализации в рамках одной модели и даже с использованием одной метафорической единицы противоположных концептуальных векторов: своеобразного «переворачивания» концептуального сценария. Кроме того, одной из основных функций политической метафоры является формирование определенной политической позиции у получателя сообщения. Именно задача оказания манипулятивного воздействия определяет то, какая метафора наиболее выгодна с точки зрения изменения эмоций, позиций и мнений реципиента [Чудинов, Будаев 2006].

Таким образом, метафора в медиадискурсе демонстрирует, с одной стороны, постоянство концептуальных признаков, с другой — достаточную концептуальную гибкость. Эти свойства метафоры обуславливают ее эффективность и востребованность в моделировании образа государства.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Источниками материала для исследования послужили два сопоставимых по объему корпуса текстов. *Первый* корпус составляют тексты публичных выступлений Нарендра Дамодардаса Моди, опубликованные в средствах массовой информации с 2014 по 2023 год. Среди них: 2023 United Nations Climate Change Conference (Expo City, Dubai, United Arab Emirates, 30 ноября — 13 декабря 2023); G20 SUMMIT 8 сентября 2023; G7 Summit 19 мая 2023, Eastern Economic Forum 3 сентября 2021 и др. Общий объем первого исследовательского корпуса составляет 59 353 слова. Тексты представлены на языке хинди. В корпус включены выступления на международных форумах, политических митингах, в ходе избирательных кампаний, а также медийные интервью.

Н. Д. Моди (नरेन्द्र दामोदरदास मोदी) является действующим премьер-министром Индии,

лидером партии «Бхаратия джаната» (भारतीय जनता पार्टी), одной из двух ведущих партий страны. Заняв в 2014 году пост премьер-министра, Н. Д. Моди зарекомендовал себя как сторонник модернизации Индии в экономическом, политическом и культурном планах и как консерватор в вопросах сохранения национальных ценностей. Ключевым внешнеполитическим императивом в этом отношении стало стремление к суверенности и ускоренному экономическому развитию, что во многом отражает концепцию создания многополярного мира.

Значимость политических выступлений лидера государства как жанра политического дискурса связана с закрепленными за ними основными функциями: 1) передача информации [Лэссуэлл 1947]: информирование граждан, иностранных государств и международного сообщества о текущих событиях, проводимой политике, принятых решениях и перспективах развития государства; 2) консолидация нации [Андерсон 2006]: объединение народа вокруг общих ценностей и целей, формирование чувства единства и солидарности; 3) демонстрация лидерства: возможность продемонстрировать свои лидерские качества, убеждения и видение будущего, что способствует укреплению авторитета лидера государства и доверия граждан к нему [Бернс 2018]; 4) дипломатическое взаимодействие: установление, поддержание или улучшение отношений с другими государствами, решение дипломатических вопросов и задач [Сатоу 2018]; 5) оказание влияния: формирование общественного мнения, стимулирование действий, определение национальной и международной повестки дня [Най, 2006].

Н. Д. Моди происходит из касты гханчи (घाँची), занимающей невысокое место в социальной иерархии, данный факт предопределил ставку на создание «народного» имиджа политического деятеля, который на своем личном опыте знаком с существующими проблемами в индийском обществе. Это обуславливает специфику его публичных выступлений, которые, с одной стороны, направлены на оказание воздействия на широкого внутреннего реципиента, а с другой — отражают взгляд политического деятеля на причины возникновения тех или иных проблем внутри страны и в мировом сообществе.

Второй исследовательский корпус текстов сформирован по ключевому слову *Россия* (रूस-भारत, रूस) и представлен статьями из таких изданий, как दैनिक जागरण, हिंदुस्तан, नवभारत टाइम्स, प्रभात खबर, राजस्थान पत्रिका, जनसत्ता и др. Общий объем второго исследовательского

корпуса составляет 50 000 слов. Тексты представлены на языке хинди. СМИ представляют собой один из наиболее влиятельных каналов распространения информации, поэтому анализ материалов средств массовой информации имеет огромное значение как для формирования образа государства, так и для изучения лингвистических механизмов, которые используются для моделирования такого образа.

Из сформированных корпусов с помощью процедуры сплошной выборки вручную отобраны контексты, содержащие метафорическое представление образа России. Их анализ произведен с применением метода метафорического моделирования [Чудинов, Будаев, Солопова 2023]. Для выявления смыслов метафорических единиц, реализуемых в лингвистическом контексте, использованы компонентный и контекстуальный методы. Для выявления «внеязыкового знания» [Беляевская 2008: 84], транслируемого метафорами (культурных и экстралингвистических факторов), которые обуславливают использование тех или иных метафор и актуализацию их смыслов, применяются лингвокультурный и когнитивно-дискурсивный методы. В следующем разделе представлены результаты анализа одной доминантной метафорической модели, общей для двух исследовательских корпусов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В геополитике метафора взаимоотношений используется для моделирования сложных и многогранных взаимодействий между странами, политическими лидерами и другими акторами международных отношений, помогая интерпретировать разнообразные аспекты международной политики и дипломатии, репрезентируя различные формы взаимодействия между странами: от сотрудничества и партнерства до конкуренции и конфликта.

Одной из доминантных метафорических моделей в медиадискурсе Индии является метафора «РОССИЯ — это ДРУГ» (रूस दोस्त/मित्र है), представленная как стертыми, так и индивидуально-авторскими единицами: राष्ट्रपति पुतिन और मैं इस बात पर सहमत हूँ कि विश्व में यह एक चुनौतीपूर्ण क्षण है। हमारी भागीदारी और एक दूसरे के हितों के लिए सदैव रही सशक्त संवेदनशीलता दोनों देशों की मजबूती का स्रोत बनेगी। (Мы согласны с Президентом Путиным, что это сложный момент в мире. **Наше партнерство и полное взаимопонимание** (чувствительность — досл.) **интересов друг друга будут источником силы для обеих стран**). Метафора партнерства в геополитических отношениях

используется для репрезентации крепких и прочных связей между странами, основанных на общих ценностях, интересах и убеждениях, исторических и культурных традициях, что также подтверждается частотным употреблением метафоры «узы», которая в политическом и медиадискурсах употребляется в отношении государств, имеющих тесные экономические, политические или военные связи, например, в рамках альянсов или союзов: इतिहास भारत और रूस के दशकों के घनिष्ठ संबंधों का गवाह रहा है। (**История свидетельствует о тесных узах, которые сложились между Индией и Россией на протяжении десятилетий**). В существующих геополитических условиях Индия сохраняет нейтральную позицию, при этом, несмотря на оказываемое давление извне, стремится к сохранению торговых и политических отношений с Россией. Основы для взаимовыгодного партнерства между двумя государствами были заложены еще в советский период. РФ и сегодня является основным партнером Индии в области поставки вооружений и технологий, связанных с военно-промышленным комплексом. Современная промышленная и технологическая кооперация характеризуется значительной интенсификацией совместных научно-технических проектов. Важно отметить тот факт, что РФ зарекомендовала себя в качестве надежного партнера, который всегда выполняет взятые обязательства. Это заметно повышает степень взаимодовверия и открытости. Постоянная разработка, внедрение и модернизация продукции, а также готовность России постепенно расширять взаимодействие в области НИОКР отвечает текущим интересам Индии в поддержании диверсификации торговли и одновременного сохранения внешнеполитической автономии. Таким образом, Индия в перспективе может стать одним из основных рынков для российских товаров. Метафора «История — свидетель» (इतिहास) используется для иллюстрации того, что можно извлечь из уже свершившихся событий и сложившегося опыта сотрудничества: это ценные уроки, которые могут быть использованы для прогнозирования, планирования и развития отношений, при формировании внешнеполитических стратегий и принятия решений на международной арене.

В следующем примере метафора взаимоотношений контекстуально поддерживается единицами сферы-источника «неживая природа»: जल, जमीन और आकाश, भारत और रूस सभी माध्यमों से जुड़े हुए हैं। हमारा रक्षा स्रोत, रक्षा बल इन सभी में रूस कई वर्षों से हमसे जुड़ा हुआ है। (**Отноше-**

ния между Индией и Россией связаны водой, землей и небом. Всем этим Россия связана с нами все эти годы). С одной стороны, «вода, земля и небо» символизируют различные сферы сотрудничества и взаимодействия между двумя странами: вода — экономическое сотрудничество в области торговли, судоходства и рыболовства, совместное использование ресурсов Мирового океана; земля — политические и экономические связи, области сельского хозяйства, энергетики, транспорта и инфраструктуры, небо — авиацию, космос и оборонную промышленность. С другой стороны, «вода, земля и небо» — те фундаментальные элементы, которые необходимы для жизни и благополучия человека независимо от его национальной и культурной принадлежности, что может свидетельствовать о необходимости сотрудничества и взаимопомощи между двумя государствами для достижения общих целей и интересов. Кроме того, вода ассоциируется с жизнью, чистотой, исцелением и возрождением. Во многих культурах она является священным элементом, используемым в религиозных ритуалах и церемониях. Например, в христианстве крещение символизирует очищение и возрождение, в индуизме Ганг является священной рекой, которая считается источником духовного очищения и жизни. Земля символизирует стабильность, безопасность и плодородие, связь с предками и историей, в некоторых культурах считается священной и почитается как богиня-мать: *земля матушка, мать сыра земля* (рус.), *मातृदेवी, धरती माता, भारत माता* (хинди). Небо символизирует бесконечность, свободу и трансцендентность. Это место обитания богов и духов, символ высшей реальности и духовного просветления, надежды и стремления к лучшему будущему. В целом вода, земля и небо символизируют универсальные ценности, стремления человечества, духовное и эмоциональное благополучие, источник жизни. Смыслы, транслируемые метафорами в приведенном примере, — долгая история взаимодействия и сотрудничества между двумя государствами и взаимные интересы. Индия, как и Россия, заинтересована в решении противоречий, возникающих на внешнеполитическом уровне, методами мирного дипломатического урегулирования. В этом отношении два государства очень похожи, поскольку стремятся к сохранению баланса, построению мира на основе общечеловеческих ценностей с учетом потребностей и интересов всех участвующих сторон. Права на культурное своеобразие, сохранение национальной идентичности, своего собственного пути

развития провозглашаются наиболее важными принципами.

Показательна в анализируемом массиве материала метафора «дом друга» при моделировании образа России: *अब जब मैं रूस जा रहा हूँ तो मेरे मन में एक विचार आता है कि मैंने इस यात्रा में थोड़ी देरी कर दी है। दूसरा, मैं थोड़ा हिचक रहा हूँ। लेकिन मैं उत्साहित भी हूँ क्योंकि मैं एक दोस्त के घर जा रहा हूँ। और एक दोस्त से मिलना, एकता की भावना, भावनाओं का दौर, मैं इसे महसूस कर रहा हूँ। (Когда я еду в Россию... я наполняюсь энтузиазмом, потому что еду в дом друга. Когда навещаю друга, мной овладевает чувство единства / целостности).* Метафора вновь подчеркивает идею о том, что отношения между странами строятся на основе взаимного уважения, доверия, поддержки, общих интересов, как между хорошими друзьями. Метафора *दोस्त का घर (дом друга)* является важной частью национального менталитета и культурного наследия Индии и символизирует семью, род, безопасность, тепло и чувство близости. В индийской культуре друга часто рассматривают как продолжение собственной семьи, его дом считается не только местом комфорта, гостеприимства, но и поддержки в трудные времена. Метафора «Россия — дом друга» воплощает глубокую дружбу, доверие и солидарность, изображая Россию как гостеприимную и дружелюбную страну, страну, где Индия чувствует не только «принятие», но поддержку и собственную ценность: Индия может обращаться к России как к надежному союзнику в периоды геополитических потрясений или экономической неопределенности. Метафора подчеркивает чувство принадлежности и товарищества, существующее между двумя государствами, выходящее за рамки дипломатических отношений.

Рассматриваемые метафоры акцентируют внимание аудитории на идеях взаимности и партнерства, установления и поддержания позитивных и конструктивных отношений между странами и их развитии в будущем: *मुझे पूरा विश्वास है कि दोनों देशों के लोगों के बीच के पहले से मजबूत रिश्तों को मेरी यह यात्रा काफी हद तक आगे ले जाएगी। (Я уверен, что этот визит значительно укрепит уже существующие прочные связи между нашими народами).*

При моделировании образа России метафора взаимоотношений с положительным прагматическим потенциалом получает контекстуальную поддержку на уровне метафорических единиц других моделей: *इसी तरह विश्व में और संकट के समय में, जब आपको एक दोस्त की जरूरत होती है, रूस ने हमेशा हमारा साथ दिया है। हमें कभी यह*

जानने की जरूरत नहीं पड़ी कि रूस हमारे साथ क्या करेगा। हम आश्वस्त रहते हैं कि हम यह कर रहे हैं और रूस भी हमारे साथ इसे करेगा। तो इस तरह दोनों देशों के बीच विश्वास का माहौल जारी है। और इस अर्थ में हमारे रिश्ते एक तरह से सामरिक भागीदारी के एक नए स्तर पर हैं और हम इस दिशा में आगे बढ़ रहे हैं। (В периоды кризиса, когда нужен друг, Россия всегда поддерживала нас... Мы уверены, что **продолжаем двигаться вперед, и Россия будет с нами.** Таким образом, обстановка доверия сохраняется между двумя странами. И в этом смысле наши отношения находятся на **новом уровне стратегического партнерства, и мы движемся в этом направлении**).

Метафора пути является одной из универсальных в различных языках и культурах. В контексте моделирования двусторонних отношений метафора пути приобретает особое значение, так как позволяет описать сложные и динамичные процессы взаимодействия между государствами в терминах пространственного движения и направления. Сотрудничество между странами репрезентируется в метафорах совместного пути вперед (по пути прогресса) или движения вверх (достижение новых высот): *इस शिखर बैठक से इस भागीदारी के असाधारण महत्व और मूल्य तथा शक्ति में मेरी प्रतिबद्धता मजबूत हुई है। मुझे विश्वास है कि हमारे द्विपक्षीय सहयोग और हमारी अंतर्राष्ट्रीय भागीदारी में आने वाले वर्षों में नई ऊर्जा आयेगी और यह नयी बुलंदियों को छूएगी।* (Уверен, что в предстоящие годы наше двустороннее сотрудничество и международное партнерство приобретут новую силу и **достигнут новых высот**). В различных культурах «путь» ассоциируется с путешествием, исследованием и достижением целей. Например, концепция пути или «дхармы» (धर्म) в индийской культуре обозначает не только физическое передвижение, но и духовное развитие. В индийских религиях (индуизме, буддизме и джайнизме) «путь» символизирует духовное путешествие к просветлению и в целом жизненный путь. В приведенных примерах метафора пути транслирует идею сотрудничества как процесса, который требует усилий, направленных на достижение общих целей, подчеркивая необходимость стабильности, уверенности и долгосрочной перспективы в международных отношениях.

На современном этапе развития российско-индийских отношений движение им придают встречи и мероприятия с участием дипломатических представителей. К этому относятся политические визиты, в ходе которых осуществляется обмен мнениями о состоянии и перспективах стратегического

партнерства между Индией и Россией, изучение возможностей для углубления торговых отношений и наращивания инвестиционных потоков из Индии в российские регионы, решение вопросов, связанных с международной безопасностью, расширение сотрудничества в области разработки и поставки полезных ископаемых, коллабораций между учебными заведениями и др. Регулярные визиты, проведение совместных саммитов, в ходе которых решаются разнообразные проблемы и даются ответы на наиболее сложные внешнеполитические, экономические и иные вызовы, находят свое отражение в процессе метафоризации.

Не менее показательно включение в концептуальную сферу двусторонних взаимоотношений метафоры строительства: *रूस की जनता का भारत के प्रति समर्थन हमारे इतिहास में कठिन क्षणों में भी बना रहा है। यह भारत के विकास, सुरक्षा और अंतर्राष्ट्रीय संबंधों की मजबूती का स्तम्भ भी रहा है। भारत अपनी चुनौतियों का सामना करते हुए भी रूस के साथ हमेशा खड़ा रहा।* (Даже в трудные моменты нашей истории российский народ всегда поддерживал Индию. Это был **опорный столп развития, безопасности и силы Индии в международных отношениях.** И Индия всегда стояла рядом с Россией, когда России выпадали испытания). *हमने भविष्य की इस रणनीतिक साझेदारी के चरित्र की नींव रखी है* (Мы **заложили фундамент** будущего этого стратегического партнерства). Метафоры «опорный столп развития» и «заложить фундамент» подразумевают, что взаимоотношения между странами базируются на прочном основании и являются необходимым условием для достижения устойчивого и успешного развития. Метафора архитектора взаимоотношений используется для презентации роли политического лидера: *आप भारत-रूस सामरिक भागीदारी के वास्तुकार हैं।* (Вы **являетесь архитектором стратегического партнерства между Индией и Россией**). Метафора фокусирует внимание читателя на сложности и многогранности политической деятельности, подчеркивает необходимость глубокого анализа прошлого и настоящего, взвешенного подхода к выстраиванию международных отношений: подобно архитектору, учитывающему множество факторов при проектировании и возведении здания, политический лидер государства принимает во внимание политические, экономические, культурные и исторические переменные для поддержания конструктивных взаимоотношений с другими государствами.

Рассмотренные метафоры нагружены положительным оценочным потенциалом и

продуцируют «светлый» образ России в медиадискурсе Индии:

रूस की ताकत और उसकी शक्ति विश्व शांति के लिए उपयोगी होगी — यह मेरा विश्वास है — और रूस के लोगों का भारत के साथ एक अटूट संबंध बना रहेगा। (Сила и могущество России принесут пользу для мира во всем мире, русский народ и Индию будут связывать нерушимые отношения). В индийской культуре विश्व शांति (мир во всем мире) олицетворяет стремление к миру, гармонии и духовной просветленности, что считается важным аспектом философии и религиозной традиции Индии и указывает на стремление двух государств к установлению мира и стабильности не только на региональном, но и на мировом уровне. Сила и могущество России свидетельствуют о ее вкладе в достижение мирового мира и безопасности, а также о глубокой исторической дружбе и солидарности между народами двух стран со времен СССР. Таким образом, выражение विश्व शांति не только отражает дипломатические аспекты сотрудничества между Индией и Россией, но и подчеркивает культурные и философские идеалы, сплетающие их в стремлении к мировой гармонии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Метафоры акцентируют внимание аудитории на общности интересов, ценностей и убеждений двух государств, необходимости взаимной поддержки, уважения и лояльности, что в условиях внешнеполитической напряженности обладает особой значимостью.

Согласно полученным результатам, актуализация образа России в медиадискурсе Индии зависит от историко-культурных факторов, определяющих положительные прагматические смыслы. Восприятие РФ осуществляется сквозь призму истории сотрудничества двух государств, уникальной системы обычаев, традиций и национального менталитета Бхарата, вместе с тем особое значение приобретает и политическая конъюнктура. Стратегическое партнерство между двумя странами на современном этапе реализуется путем многочисленных институциональных механизмов диалога. К этому относятся проведение международных саммитов с участием двух стран, а также осуществление двустороннего взаимодействия. Ценности сотрудничества и взаимовыгоды в этом отношении приобретают центральную значимость. Метафорические единицы, обозначающие созидательную деятельность человека, сложные, но вместе с тем интенсивные процессы взаимодействия между государствами в терминах постоянного движения и направления, а также природную гармонию,

в наибольшей степени проникают в пространство индийского медиадискурса.

Нельзя не отметить уникальное мировосприятие индийского народа, в котором присутствуют особые категории, символы, образы, неизбежно отражающиеся в национальной метафорической системе. Таким образом, исследование метафорических моделей, используемых в медиадискурсе для метафорической репрезентации образа России и двусторонних отношений, не только подчеркивает важность их стратегического сотрудничества, но и помогает понять глубинные культурные и символические аспекты этих отношений. Работа представляет собой важный шаг в понимании динамики российско-индийских отношений и укрепления позиций России в мировом сообществе. Перечисленные факторы необходимо принимать во внимание при формировании стратегии РФ в отношении Индии. Материалы исследования могут стать основой для дальнейшего выстраивания партнерских отношений двух государств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и судьбе национализма / Б. Андерсон ; пер. с англ. под ред. В. В. Малявин. — М. : Прогресс-Традиция, 2006. — 272 с. — Текст : непосредственный.
2. Беляевская, Е. Г. Метафорические концепты как «инструмент» семантических исследований / Е. Г. Беляевская. — Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2008. — № 552. — С. 83—92.
3. Бернс, Д. М. Руководство: Лидерство, власть и политика / Д. М. Бернс ; пер. с англ. под ред. А. В. Коротаяева. — М. : Издательство Института Гайдара, 2018. — 528 с. — Текст : непосредственный.
4. Чудинов, А. П. Становление и эволюция когнитивного подхода к метафоре / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев. — Текст : непосредственный // Новый филологический вестник. — 2007. — №1. — С. 8—27.
5. Лэсссуэлл, Г. Д. Техника пропаганды в мировой войне / Г. Д. Лэсссуэлл ; пер. с англ. под ред. А. И. Додонова. — М. : Издательство иностранной литературы, 1947. — 280 с. — Текст : непосредственный.
6. Лю, Лифэнь. Изучение национального имиджа в России / Лю Лифэнь, Янь Цюэцзюй. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 1 (103). — С. 171—178.
7. Най, Д. Мягкая сила: средства к успеху в мировой политике / Д. Най ; пер. с англ. под ред. А. А. Громыко. — М. : Международные отношения, 2006. — 448 с. — Текст : непосредственный.
8. Сатоу, Э. Руководство по дипломатической практике / Э. Сатоу. — Текст : непосредственный ; пер. с англ. С. А. Панафикина и Ф. А. Кублицкого. — М. : Международные отношения, 2018. — 480 с.
9. Чудинов, А. П. 政治隐喻学: 认知-话语研究 («Политическая метафорология: Когнитивно-дискурсивные исследования») / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, О. А. Солопова. — Пекин : Издательство Пекинского университета, 2023. — 256 с. — Текст : непосредственный.
10. Charteris-Black, J. Political metaphors and the news: Analysing and interpreting metaphorical frames. Palgrave Macmillan, 2011. — 240 p. — Text : unmediated.
11. De Landtsheer, C. Political metaphor analysis: Discourse and scandal / C. De Landtsheer, S. Ongena. Routledge, 2015. — 208 p. — Text : unmediated.

12. Kalinin, O. I. Metaphor power in the context of the author's opinion expression and perception / O. I. Kalinin, A. V. Ignatenko. — Text : unmediated // Russian Journal of Linguistics. — 2024. — Vol. 28. — № 1. — P. 166—189.

13. Lippmann, W. Public Opinion / W. Lippmann. New York : The Free Press, 1997. — 396 p. — Text : unmediated.

14. Semino, E. The Routledge handbook of metaphor and language / E. Semino, Z. Demjen (Eds.). Routledge, 2017. — 512 p. — Text : unmediated.

15. Solopova, O. Prognostic Potential of Political Metaphors / O. Solopova, A. Chudinov. — Text : unmediated // Fachsprache. Journal of Professional and Scientific Communication. — 2019. — Special Issue. — P. 47—63.

16. Solopova, O. A. War yesterday and today: the image of Russia in British media discourse / O. A. Solopova, S. L. Kushneruk. — Text : unmediated // Russian Journal of Linguistics. — 2021. — T. 25. — № 3. — P. 723—745.

17. Solopova, O. A. The image of Russia through animal metaphors: A diachronic case study of American media discourse / O. A. Solopova, D. Nilsen, A. Nilsen. — Text : unmediated // Russian Journal of Linguistics. — 2023. — 27 (3). — P. 521—542.

18. Zibin, A. Metaphors across languages, cultures and discourses: A research agenda / A. Zibin, O. A. Solopova. — Text : unmediated // Russian Journal of Linguistics. — 2024. — Vol. 28. — № 1. — P. 7—32.

19. Zinken, J. Metaphors in political discourse: A multidisciplinary approach / J. Zinken, I. Hellsten (Eds.). John Benjamins Publishing Company, 2016. — 272 p. — Text : unmediated.

REFERENCES

1. Anderson, B. (2006). *Voobrazaemye soobshchestva: Razmyshleniya ob istokah i sud'be nacionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: Progress-Tradiciya, 272 p. (In Russ.)

2. Belyaevskaya, E. G. (2008). Metaforicheskie koncepty kak "instrument" semanticheskikh issledovanij [Metaphorical concepts as a "tool" of semantic research]. In *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Lingvisticheskogo Universiteta*, 552, 83–92. (In Russ.)

3. Burns, D. M. (2018). *Rukovodstvo: Liderstvo, vlast' i politika* [Management: Leadership, Power and Politics]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 528 p. (In Russ.)

4. Chudinov, A. P. Budaev, E. V. (2007). Stanovlenie i evolyuciya kognitivnogo podhoda k metafore [Formation and evolution of the cognitive approach to metaphor]. In *Novyj Filologicheskij Vestnik*, 1, 8–27. (In Russ.)

5. Lasswell, H. D. (1947). *Tekhnika propagandy v mirovoj vojne* [Propaganda Technique in the World War]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 280 p. (In Russ.)

6. Liu, Lifen, Yan Qiuju. (2024). Izuchenie nacional'nogo imidzha v Rossii [National Image Studies in Russia]. In *Political Linguistics*, 1 (103), 171–178. (In Russ.)

7. Nye, J. (2006). *Myagkaya sila: Sredstva k uspekhv v mirovoj politike* [Soft Power: The Means to Success in World Politics]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 448 p. (In Russ.)

8. Satou, E. (2018). *Rukovodstvo po diplomaticheskoy praktike* [A Guide to Diplomatic Practice: Study Guide]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 480 p. (In Russ.)

9. Chudinov, A. P., Budaev, E. V., Solopova, O. A. (2023). *Politicheskaya metaforologiya: Kognitivno-diskursivnye issledovaniya* [Political Metaphorology: Cognitive and Discursive Studies]. Pekin: Izdatel'stvo Pekinskogo universiteta, 256 p.

10. Charteris-Black, J. (2011). *Political Metaphors and the News: Analysing and Interpreting Metaphorical Frames*. Palgrave Macmillan, 240 p.

11. De Landtsheer, C., Ongena, S. (2015). *Political Metaphor Analysis: Discourse and Scandal*. Routledge, 208 p.

12. Kalinin, O. I., Ignatenko, A. V. (2024). Metaphor power in the context of the author's opinion expression and perception. In *Russian Journal of Linguistics*, 1 (28), 166–189.

13. Lippmann, W. (1997). *Public Opinion*. New York: The Free Press, 396 p.

14. Semino, E., Demjen, Z. (Eds.). (2017). *The Routledge Handbook of Metaphor and Language*. Routledge, 512 p.

15. Solopova, O., Chudinov, A. (2019). Prognostic Potential of Political Metaphors. In *Fachsprache. Journal of Professional and Scientific Communication*. Special Issue, 47–63.

16. Solopova, O. A., Kushneruck S. L. (2021). War yesterday and today: the image of Russia in British media discourse. In *Russian Journal of Linguistics*, 25 (3), 723–745.

17. Solopova, O. A., Nilsen D., Nilsen A. (2023). The image of Russia through animal metaphors: A diachronic case study of American media discourse. In *Russian Journal of Linguistics*, 27 (3), 521–542.

18. Zibin, A., Solopova, O. A. (2024). Metaphors across languages, cultures and discourses: A research agenda. In *Russian Journal of Linguistics*, 28 (1), 7–32.

19. Zinken, J. Hellsten, I. (Eds.). (2016). *Metaphors in Political Discourse: A Multidisciplinary Approach*. John Benjamins Publishing Company, 272 p.

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 81'27+811.571'367.625+811.161.1'367.625
ББК Ш100.63+Ш171.1-2+Ш141.12-2

ГРНТИ 16.21.45; 16.21.51

Код ВАК 5.9.5

Тяньцы Сунь

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия,
2104437546@qq.com, <https://orcid.org/0009-0003-4718-875X>

Ассоциативный контекст глагола «терпеть» и его производных в русской и китайской лингвокультурах

АННОТАЦИЯ. В статье в сопоставительном аспекте анализируется ассоциативный контекст глагола «терпеть», выступающего в качестве вершины словообразовательного гнезда, и его производных в русском и китайском языках. Особое внимание уделено продуктивности ассоциативных связей глагола и существительного «терпение». Выявлены различия в наборе культурных коннотаций единиц словообразовательного гнезда по данным толковых и фразеологических словарей. Анализ материала позволил сконструировать основные характеристики представления о терпении в русской и китайской лингвокультурах: можно отметить, что отношение к физическому страданию в русской и китайской лингвокультурах принципиально не отличаются друг от друга. Однако отношение к моральным страданиям различается: в китайской языковой картине мира представление о терпении имеет очень широкое содержание с большим количеством разнообразных понятийных и образно-оценочных характеристик. И в целом представление о терпении в китайской лингвокультуре содержательно и оценочно шире, чем в русской, в том числе в сфере политики. Верификация предварительных результатов анализа проводилась с использованием данных «Русского ассоциативного словаря», а также в ходе свободного и направленного ассоциативных экспериментов. При этом отдельно рассматриваются прецедентные феномены в составе смоделированных автором ассоциативных полей единиц словообразовательного гнезда на русском и китайском языковом материале на основе соотнесения полученных реакций на заданные стимулы с контекстами употребления соответствующих слов и устойчивых выражений в современной российской и китайской прессе и интернет-изданиях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвокультурология, русская лингвокультура, китайская лингвокультура, прецедентные феномены, ассоциативный контекст, ассоциативные эксперименты, языковая картина мира, русский язык, китайский язык, сравнительное языкознание, глаголы, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, российские СМИ, китайские СМИ, языковые средства.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Сунь Тяньцы, аспирант третьего курса кафедры русского языка для иностранных учащихся, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина; 620083, Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; email: 2104437546@qq.com.

БЛАГОДАРНОСТИ. Выражаем благодарность Китайскому стипендиальному совету 2021101000032 за поддержку этого исследования.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сунь, Тяньцы. Ассоциативный контекст глагола «терпеть» и его производных в русской и китайской лингвокультурах / Тяньцы Сунь. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 98-105.

Tianci Sun

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, 2104437546@qq.com,
<https://orcid.org/0009-0003-4718-875X>

The Associative Context of the Verb “terpet” and Its Derivatives in Russian and Chinese Linguocultures

ABSTRACT. The article analyzes the associative context of the verb “terpet” (to endure), which acts as the core of the word-formation nest, and its derivatives in Russian and Chinese in a comparative aspect. Special attention is paid to the productivity of associative connections between the verb and the noun “terpenie” (patience). The study has revealed the differences in the set of cultural connotations of the word-formation nest units according to explanatory and phraseological dictionaries. The analysis of the practical material has made it possible to construct the main characteristics of the idea about patience in Russian and Chinese linguocultures: it can be noted that the attitudes to physical suffering in Russian and Chinese linguistic cultures do not fundamentally differ from each other. However, the attitudes to moral suffering differ radically: in the Chinese linguistic worldview, the idea of patience has a very wide content with a large number of different conceptual and figurative-evaluative characteristics. And in general, the idea of patience in Chinese linguistic culture is semantically and evaluatively broader than in Russian, including in the field of politics. The verification of the preliminary results of the analysis was carried out using data from the Russian Associative Dictionary, as well as in the course of free and directed associative experiments. At the same time, precedent phenomena are considered separately as part of the associative fields of word-formation nest units modeled by the author in Russian and Chinese languages based on the correlation of the received reactions to given stimuli with the contexts of the use of relevant words and stable expressions in modern Russian and Chinese press and online publications.

KEYWORDS: *linguoculturology, Russian linguoculture, Chinese linguoculture, precedent phenomena, associative context, associative experiments, linguistic worldview, Russian language, Chinese language, comparative linguistics, verbs, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, Russian media, Chinese media, language means.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Sun Tianci, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

ACKNOWLEDGMENTS. We express our gratitude to the China Scholarship Council 2021101000032 for their support for this research.

FOR CITATION: *Sun Tianci. (2024). The Associative Context of the Verb “terpet” and Its Derivatives in Russian and Chinese Linguocultures. In Political Linguistics. No 4 (106), pp. 98-105. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Каждая национальная культура обладает определенным набором «культурных объектов», или «культурных знаков» — феноменов материального или духовного мира, отраженных в сознании [Телия 1998; Гридина 2016 и др.]. Такие знаки культуры в языковом сознании говорящих представлены в виде некоей матрицы, многомерной сети значений, которые выражаются единицами разных уровней: лексическими, фразеологическими, паремиологическими и т. д. (см., например: [Гудков 1999; Карасик, Слышкин 2001; Коновалова 2016 и др.]). Современные исследования взаимосвязи языка и мышления дают возможность выявить специфические особенности представлений о фрагментах языковых картин мира с помощью анализа ассоциативных полей. В этой связи интересным представляется исследование ассоциативного контекста как отдельных слов и устойчивых выражений, так и целых семантических комплексов, к которым, в частности, можно отнести словообразовательные гнезда. Предметом анализа в данной статье являются единицы словообразовательного гнезда с вершиной «терпеть», в котором представлены разные виды ассоциативных связей в словообразовательных парах, цепочках, парадигмах. Производные слова как основной объект исследования словообразования содержат много информации, в том числе имеющей национально-культурную специфичность [Гридина, Коновалова 2009; Коновалова 2018; Николина, Рацибурская 2023; Чудинов 2003 и др.].

МАТЕРИАЛ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

На первом этапе с помощью компонентного и сопоставительного анализа нами рассматривается семантическая структура глагола «терпеть» в русском и китайском языках. С этой целью используются словарные дефиниции толковых словарей, а также элементы этимологического анализа.

Далее приводится интерпретация семантики наиболее частотных производных

от глагола — вершины словообразовательного гнезда, выявляются семантические нюансы в значении производных слов в сравниваемых языках.

На следующем этапе для верификации предварительных выводов проводятся ассоциативные эксперименты, прямой и направленный (см. методику проведения в [Гридина, Коновалова 2024]), по результатам которых моделируются ассоциативные поля от заданных стимулов. Корреляционный анализ конкретных стимулов позволяет выявить представления о концептуальном содержании, стоящем за стимулом — оценочное отношение к нему в национальном сознании. На наш взгляд, построение ассоциативного поля является особенно важным методом в изучении организации национальной языковой картины мира.

Особое внимание в процессе интерпретации полученных данных имеет выявление прецедентных феноменов в составе ассоциативных полей, в том числе в опоре на паремиологический материал обоих сравниваемых языков.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ значений глагола *терпеть* в «Толковом словаре русского языка» [Дмитриев 2003] дает возможность для следующего толкования: во-первых, это пассивное принятие боли или моральные страдания субъекта поведения. Во-вторых, глагол характеризует активное принятие поведения субъекта и постепенное успокоение. Наконец, терпение связано с потерей самообладания, раздражением, когда эмоция достигает своего пика, она становится полностью негативной: «не любит, ненавидит». Поэтому в семантике глагола *терпеть* содержится динамический аспект: «по изменению внешних обстоятельств отношения между субъектом и объектом будут достигать крайних эффектов — либо полное принятие, чтобы укрепить собственное сердце, либо отрицательное неодобрение».

В китайском языке *терпеть* обозначается иероглифом 忍 (*жэнь*), иероглиф может иметь разную частеречную принадлежность

в разных контекстах. 忍 (*жэнь*) в китайском языке содержит в себе такие значения, как «выдержка», «терпеть», «жестокий» и т. д., то есть иероглиф 忍 (*жэнь*) может быть и существительным, и глаголом, и прилагательным. Когда 忍 (*жэнь*) появляется одиночно в китайском языке, его интерпретация может быть неоднозначной и гибкой, в частности, может переводиться как «терпеть», «скрывать», «сдерживать», «жестокий», «твердый». Если же необходимо уточнить значение иероглифа, то его нужно использовать совместно с другими разъясняемыми иероглифами при написании.

По материалам китайского словаря Синьхуа 《新华字典》 [Словарь Синьхуа] 忍 (*жэнь*) имеет следующие основные значения: «1) 耐, 把感情按住不让表现 — терпеть, сдерживать свои эмоции и не выражать их; 忍耐 терпение, выдержка; 容忍 толерантность; 忍俊不禁 не выдержать и рассмеяться, безудержно рассмеяться, не удержаться от смеха; 2) 狠心, 残酷 — черствый, бессердечный, жестокий». Из этого видно, что само «терпение» в китайском языке можно квалифицировать как оценку или эмоцию.

В этимологическом словаре китайского языка 《辞源》 [Цы Юань (этимологический словарь)] иероглиф 忍 (*жэнь*) имеет следующие значения: 1) 忍 耐, 容忍 терпеть/терпение, выдержать/выдержка, толерантность; «是可忍也, 孰不可忍也?» [论语·八脩] Если это то, что можно позволить, то отчего же тогда позволить нельзя?! [Лунь Юй — Ряды (древний китайский этикет)]; 2) 克制 сдерживать, сдержаться; обуздывать, подавлять; подчинять (чувства, реакции) «志忍私, 然后能公。」 [荀子·儒效] «Обуздать эгоистичное желание в мыслях, чтобы затем добиться справедливости» [Сюнь Цзы — Роль конфуцианства]; 3) 残酷, 忍心 чёрствый, жестокий, бессердечный, «惻隱憐人謂之慈, 反慈为忍» [汉·贾谊·新春八道卫] «Сострадание к тем, кто терпит несчастье, это называется милосердием, если не так — жестокостью» [Ханьская династия — Цзя И. «Новый год — Восемь охранников»]. Очевидно, глагол «терпеть» в значительной степени толкуется в китайском языке как «сдерживать, подавление своих эмоций», а не так называемое «простое принятие». И при использовании в качестве прилагательного в китайском языке «терпеть» имеет такие значения, как «жестокий, черствый, бессердечный», которые отсутствуют в русском языке.

В Большом китайско-русском словаре 《汉俄大词典》 [Большой китайско-русский словарь] иероглиф 忍 (*жэнь*) имеет 2 значе-

ния: «1) в качестве глагола обозначает: 忍耐再忍一会儿就不痛了 потерпите еще (немного), и боль пройдет; 忍受 忍饥耐寒 терпеть и голод, и холод; 2) в качестве прилагательного обозначает: 忍心 于心不忍 сердце (совесть) не позволяет; жаль; жалко». Как и в русском языке, в китайском слово также ассоциируется с негативными словами, такими как боль, обида и т. д. В отличие от русского, когда 忍 (*жэнь*) употребляется с отрицательной частицей, особенно «не», оно выражает жалость, сожаление. Кроме того, в китайском языке 忍 (*жэнь*) часто используется в сочетании с выражениями чувств, например 笑, 泪: 忍俊不禁 не выдержать и рассмеяться; не удержаться от смеха; 忍住眼泪 сдерживать (удержать) слезы; сдержаться (удержаться) от слез; 忍住不说 сдержаться и промолчать; держать язык за зубами. Отсюда можно сделать вывод, что терпение в китайском означает «подавление человеческих эмоций», что включает в себя как печаль, так и радость. А такое выражение, как «терпеть радость» в русском языке не существует. Итак, в китайском языке 忍 (*жэнь*) чаще означает подавление, сдерживание собственных эмоций или переживаний — имеется в виду умеренная эмоция, а не крайне сильная эмоция, как в русском языке.

В словообразовательное гнездо с вершиной *терпеть*, в составе которого, по данным Словообразовательного словаря русского языка, 66 дериватов [Тихонов 1990], входит понятие *терпение*. К дериватам первой ступени производности, образованным непосредственно от глагола терпеть, относится 20 слов, большую часть которых (14 единиц) составляют глаголы: *терпеться* (безл.), *вытерпеть*, *дотерпеть*, *натерпеться*, *недотерпеть*, *обтерпеться*, *оттерпеться*, *перетерпеть*, *претерпеть*, *притерпеться*, *протерпеть*, *стерпеть*, *стерпеться*, *утерпеть*. Существительных первой ступени производности в данном словообразовательном гнезде всего 3: *терпение*, *терпёж* и *страстотерпец*, прилагательных 2: *терпеливый*, *терпимый*. Все остальные слова в гнезде — производные второй и третьей ступени. Приведем несколько производных от глагола *терпеть* с выделением дифференциальных компонентов в значениях дериватов.

Стерпеть: «терпеливо отнестись к чему-н. вынести что-н. Стерпеть обиду» [Ожегов 1986: 666].

Вытерпеть: «терпеливо перенести (боль, страдание и т.п.)» [Ожегов 1986: 105].

Перетерпеть: «1) многое вытерпеть, перетерпеть и голод, и холод; 2) терпя, пре-

одолеть, перетерпеть боль» [Ожегов 1986: 440].

Натерпеться: «испытать много чего-н. (неприятного, горя), натерпеться страху» [Ожегов 1986: 337].

Притерпеться значит «привыкнуть к чему-н. неприятному. Притерпеться к боли» [Ожегов 1986: 520].

Стерпеться (разг.) — «привыкнув, смириться, освоиться с чем-нибудь неприятным, неудобным. Стерпеться с обстановкой» [Ожегов 1986: 666].

Протерпеть (разг.) — «проявить терпение по отношению к кому-чему-либо в течение какого-нибудь времени. Минуты не может протерпеть» [Ожегов 1986: 541].

Обтерпеться (разг.) — «свыкнуться с чем-нибудь, привыкнуть терпеть что-нибудь. Обтерпеться в новой обстановке» [Ожегов 1986: 375].

Анализируя эти и другие слова-дериваты от глагола *терпеть*, мы можем сделать вывод о том, что представление о терпении в русском языке часто актуализирует семантику непродолжительности: терпение имеет пределы, его можно преодолеть, прекратить.

В китайском языке имя концепта *терпение* обозначается иероглифом 忍 (*жэнь*). Словообразование лексемы 忍 (*жэнь*) отличается от словообразования лексемы *терпение* в русском языке структурными особенностями китайского языка: слова-дериваты образуются путём добавления детерминатива (составляемой части) на основе оригинальных китайских иероглифов.

По материалам китайских словарей 《古代汉语词典》 [«Словарь древнего китайского языка», 2002], 《汉语大辞典》 [Большой китайский словарь онлайн], 《汉典》 [Хан Дянь], 忍 (*жэнь*) имеет следующие производные слова: 葱 (*жэнь* = жимолость), 桤 (*жэнь* = древнее дерево, палка, кожаное украшение), 纆 (*жэнь* = верёвка), 韃 (*жэнь* = полный, мягкий и прочный) и т. д.

Из приведенных китайских словарных дефиниций мы видим, что производные слова от иероглифа 忍 (*жэнь*) в определенной степени имеют исходные значения 忍 (*жэнь*). Однако большинство производных характеризуются метафорическим переосмыслением исходного значения и связаны с упорством и прочностью. И каждый детерминатив в китайском языке имеет определенное значение. 艸 в значении растения добавляется к 忍 (*жэнь*) и обозначает жимолость 葱 (*жэнь*), способную выдержать холодную зиму. В значении дерева 木 добавляется к 忍 (*жэнь*), что становится обозначением палки, приспособления 桤 (*жэнь*), которым можно удерживать

колеса от вращения. 韃 (*жэнь*) в словарной интерпретации изначально содержит ещё значение «мягкий и прочный, стойкий, твердый». Таким образом, мы можем сделать вывод, что когда 忍 (*жэнь*) объединяется с другим детерминативом для формирования нового иероглифа, то означает в большинстве дериватов упорство и прочность, а не такое абстрактное качество человека, как терпение.

Практически во всех семантико-структурных объединениях языковых единиц важную роль играют так называемые прецедентные феномены, отражающие тот или иной фрагмент картины мира. Слово «прецедент» происходит от латинского «*praecedens*», его основное значение можно интерпретировать как «случай, служащий примером или оправданием для последующих случаев этого же рода» [Ожегов 1986: 506]. Прецедент в некотором смысле представляет собой определенный «стереотипный образно-ассоциативный комплекс» [Гудков 1999]. Соответственно на следующем этапе исследования нами выявляются наиболее очевидные прецедентные феномены в ассоциативном поле глагола «терпеть» и его производных в русском и китайском языковом сознании. Для достижения поставленной цели нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент. Информантам (русским и китайским студентам-филологам) было предложено привести за ограниченный промежуток времени любые ассоциации на слова-стимулы «терпение», «дотерпеть», «вытерпеть», «терпеливый», «терпимый», «невтерпёж», «стерпеться», «перетерпеть», «терпимость», «долготерпение».

В качестве примера для анализа нами выбраны наиболее интересные прецедентные феномены в ассоциативных полях производных. Реакции «*труд*», «*и труд всё перетрут*», «*терпение и труд всё перетрут*» возникают много раз в ассоциативном поле существительного «терпение». Очевидно, что «*труд*» — ядерная реакция в ассоциативном поле «терпение». На первый взгляд может показаться, что это не прецедент, но на самом деле, как частотный устойчивый ассоциат к слову «терпение», это действительно прецедент, потому что он входит в состав прецедентного высказывания «*терпение и труд всё перетрут*». В данном случае можно, по-видимому, говорить об аллюзивной отсылке к прецеденту, который легко считывается, а импликатура восстанавливается с учетом регулярности появления такой ассоциативной пары (*терпение* — *труд*) в ответах многих респондентов.

Анализ ассоциативных реакций на слово-стимул «вытерпеть» выявляет преце-

дентное имя — *Иов Многострадальный*. *Иов* — это главное лицо библейской Книги Иова, имя этого праведника упоминается и в других библейских книгах.

Относительно ассоциативного поля производного глагола *стерпеть* отметим, что респонденты дали в качестве реакции прецедентное высказывание *стерпится-слубится*. Эта широко распространенная поговорка обозначает, что люди, которые вынуждены жить под одной крышей (и терпеть друг друга, нравится им это или нет), со временем привыкают друг к другу, начинают дружить или даже любить друг друга.

Для сравнения приведем далее ассоциативное поле производного глагола *терпеть* в китайском языке:

ТЕРПЕНИЕ / 忍耐: *忍受 (выдержать) 3, 痛苦 (боль) 3, 寒冷 (холод) 3, 限度 (ограничение) 2, 委屈 (обида), 职场 (карьер), 痛经 (дисменорея), 僧侣 (монах), 工作 (работа), 好欺负 (легко запугивать), 饿 (голод), 军人 (солдат), 坚持 (настойчивость), 老师 (учитель), 忍者 (ниндзя), 稳健 (устойчивость), 生气 (злость), 爬山 (лазить по горам), 品质 (качество), 孤独 (одиночество), 男朋友 (парень), 压迫 (угнетение), 饥渴 (голод и жажда);*

ДОТЕРПЕТЬ / 忍耐到底: *坚持 (стойкость) 3, 顽强 (упорство) 2, 难过 (печаль) 2, 干什么 (что делать), 没有 (нет), 信徒 (верующий), 生活 (жизнь), 脾气好 (хорошее настроение), 饿过头 (чрезмерный голод), 暂时的困难 (временные трудности), 环境 (окружающая среда), 中国军人 (китайские солдаты), 痛苦 (боль), 情绪 (эмоция), 谩骂 (ругань), 大忍者 (большие ниндзя), 女人 (женщины), 佛祖 (Будда), 超级生气 (суперсердечный), 马拉松 (марафон), 战斗 (бороться), 孤独 (одиночество), 坚持到底 (отстоять до конца), 坚持不懈 (упорный и неослабевающий);*

ВЫТЕРПЕТЬ / 经得住: *考验 (испытание) 9, 诱惑 (искушение) 3, 受得住 (выдерживает) 2, 磨难 (скорбь) 2, 不好的事 (плохие дела), 坚强 (сила), 贫穷 (бедность), 委屈 (обиженный), 圣人 (совершенно мудрый), 压力 (под давлением), 意志力强的 (волевой), 寂寞 (одинокий), 中国制造 (сделанный в Китае), 累 (усталый), 拷打 (пытки), 手机 (мобильный телефон), 时间洗礼 (время крещения).*

В отличие от русского языка, в китайском языке *терпение, дотерпеть, вытерпеть* связаны с некоторыми прецедентными именами, но это не конкретные имена. Например, *僧侣 (монах), 忍者 (Ниндзя)*, хотя он распространен в японской культуре, но также

существует в китайской культуре), *大忍者 (большие ниндзя), 圣人 (совершенно мудрый «Конфуция»), 佛祖 (Будда), 中国军人 (китайский солдат)*. Эти человеческие образы наделены в сознании китайцев качеством терпения. Существует прецедентное высказывание в китайском языке *小不忍则乱大谋 (если не терпеть малого дела, то можно расстроить большой план)*. Эта идиома взята из *《论语·卫灵公》 («Луныю — эрцгерцог Вэй Лин») 巧言乱德, 小不忍则乱大谋 («Смешные слова лести испортят добродетели, и если вы не можете малого дела вынести, вы испортите большие планы»)*. Конфуций указывал, что во всем следует принимать во внимание общую ситуацию, когда встречается небольшая обида, не следует быть слишком импульсивным, нужно быть терпеливым и сдержанным, не поддаваться искушению. Этот прецедент также часто используется для выражения терпения в китайском языке.

Психологическую реальность представлений о каком-либо фрагменте языковой картины мира в сознании может просто и точно отражать поговорка. Продемонстрируем, как на основе поговорок нами были реконструированы основные характеристики представления о терпении в русской и китайской лингвокультурах. Материал для анализа — русские поговорки и фразеологизмы, отражающие представление о терпении, зафиксированные в сборниках: «Пословицы и поговорки русского народа» [Даль URL] и «Русские пословицы и поговорки» [Аникин 1988]. Для анализа представления о терпении в китайской лингвокультуре были выбраны китайские фразеологизмы и поговорки из *《汉语成语大词典》 [Китайский фразеологический словарь 1985]* и нескольких онлайн-словарей и электронных ресурсов, таких как *《汉典》 [Хань Диань]* и *《百度汉语》 [Байду китайский язык, электронный ресурс]*. Объем выборки составляет 81 китайская и 83 русских поговорок о терпении, которые были разделены на несколько групп в соответствии с семантическими доминантами образно-оценочных характеристик терпения в русской и китайской лингвокультурах.

В корпусе русских поговорок выделены следующие понятийные признаки представления о терпении:

1. Терпение — это необходимое качество, которое помогает человеку преодолевать жизненные трудности и достигать цели.
2. Терпение связывается с умением и позволяет людям овладевать жизненными навыками и способностями.
3. Терпение — это тяжелое испытание, которое предполагает

определенные усилия человека над собой. 4. Терпение связано со спасением и неотделимо от Бога. 5. Терпением ограничивают свои желания, необходимо перетерпеть что-либо очень трудное. 6. Терпение ограничено и имеет предел.

Можно заметить, что в русской лингвокультуре терпение имеет положительную оценку, если помогает человеку преодолевать жизненные трудности и достигать цели, позволяет людям овладевать жизненными навыками и способностями, связывается с надеждой. Однако в то же время терпение ограничивает желания людей и пробуждает в русских людях сопротивление, нежелание или невозможность терпеть, что тоже отражено в поговорках. Терпение — это тяжелое испытание, оно имеет предел. Кроме того, в русской лингвокультуре традиционно представление о терпении связывалось с христианской религией, Богом, спасением.

В представлении о терпении в китайском языке обнаруживается много образно-оценочных характеристик:

1. Терпение — это положительное качество характера, которое необходимо каждому человеку, особенно мужчинам: *大丈夫能屈能伸 Настоящий муж может, когда надо, согнуться, может и выпрямиться; 吃苦耐劳 Стойко переносить трудности; 动心忍性 Противостоять искушениям; 坚忍不拔 Убежденность тверда, воля стойкая и непоколебимая; 百炼成钢 После многократного закаливания железо становится прочной сталью. Это значит, что люди проявляют таланты, возможности после того, как вытерпят испытания; 吃得苦中苦, 方为人上人 Тот, кто может терпеть самое трудное, лучше других* и т. д. 2. Терпение — стимул достижения поставленных целей, приводит к успеху: *世上无难事, 只怕有心人. Если сможешь всё вытерпеть, то всё получится. 有志者事竟成 Если есть стремления, все сбудется* и т. д. 3. Терпение — это сокровище и добродетель: *百忍成金 Сотня терпений становится золотом, терпение — драгоценно; 以忍为宝 Терпение — это сокровище; 忍字家中宝 Терпение — это сокровище в семье.* 4. Терпение тесно связано с долгим ожиданием: *忍耐到底 терпеть до конца; 阳光总在风雨后 Если терпишь, то увидишь свет солнца после ветров и дождей; 韬晦待时 Остаться в темноте — значит скрыть край, скрыть след и дожидаться возможности* и т. д. 5. Терпение проявляет снисхождение и вежливо уступает: *胸中天地宽, 常有人渡船 С широким (добрым) серд-*

цем люди часто благородно «везут» других; 宰相肚里能撑船 Высший чиновник может держать лодку в животе (с душой широкой, как море, может протянуть руку помощи — предложить лодку); 海纳百川, 有容乃大 Море может вместить сотни рек, снисхождение — следствие великодушия и т. д. 6. Нетерпеливость рассматривается китайцами как плохая черта характера: *不忍释卷 не мочь выпустить книгу (хочу/хочет продолжать читать книгу); 爱不忍释 понравилось так, что из рук не выпустишь* и т. д. 7. Терпеть — исполнять обязанности, служить Родине: *相忍为国 Идти на уступки в интересах Родины (терпеть лишения ради интересов государства); 疆忍犯义 в ущерб личным интересам исполнять свои обязанности и не нарушать свой долг.* 8. Терпение связано с унижением и горем, оно необходимое условие для выживания: *忍辱偷生 (忍垢偷生, 忍辱含羞, 忍辱求全, 含冤忍辱) Переносить унижения и оскорбления, чтобы выжить; 含垢忍辱 (含垢忍耻, 忍尤含垢) сносить унижение, смириться с позором; 奇耻大辱 большой позор; 胯下之辱 Стыдно пролезать между ногами; 包羞忍耻 терпеть стыд и унижение* и т. д. 9. Терпение — иногда слабость или порок личности. 10. Невозможно терпеть. *忍气吞声 (吞声饮气, 屏气吞声, 吞声忍气) Молча терпеть все обиды и оскорбление; 百依百顺 Всё терпеть и беспрекословно подчиняться; 降心相从 Принизьте себя, чтобы подчинить других; 伏低做小 Говорить с кем-то угодливым шепотом и льстить другим.*

ВЫВОДЫ

Выявленные компоненты представлений о терпении демонстрируют в целом более позитивные оценочные характеристики в китайской лингвокультуре, в том числе в отношении бытовых норм. В китайской лингвокультуре терпение является незаменимым фактором успеха человека. Терпение — это положительное качество и черта характера, которые необходимы каждому человеку, но связываются с унижением и горем, которые тоже занимают большую часть в понятийных характеристиках представления о терпении. В китайском представлении о терпении, проявляющемся в словарных контекстах, сочетаемости и поговорках, есть и такая составляющая, как снисхождение к другим людям (ср. вежливая уступка, терпимость, толерантность), которое позволяет достичь внутреннего покоя и гармонии.

Следует отметить, что терпение в китайской лингвокультуре связано с политикой, и

в представлении о терпении есть составляющая «надо терпеть ради Родины». И хотя терпение (терпеливость, терпимость) иногда воспринимается китайцами как слабость или недостаток личности, с другой стороны, мы можем сказать, что в этом смысле терпение — это исторически один из инструментов, используемых феодальной централизацией для управления страной и закрепления законов. Возможно, в этом же смысле нетерпеливость рассматривалась как плохая черта характера.

Конкретные отличия между ассоциативными доминантами представлений о терпении в двух лингвокультурах состоят в том, что в китайской лингвокультуре это понятие содержательно и оценочно шире, чем в русской. Отметим, что влияние традиционных учений и религий есть в обеих лингвокультурах, но в русских поговорках христианские традиции представлены не так объёмно, как раньше. В китайских поговорках о терпении представлено значение слабости, порока (недостатков характера человека) в качестве антиязыка значению достоинства и добродетели. В русском сознании терпение необходимо настоящим женщинам, а в китайском языке — мужчинам. В русских поговорках также актуализируется связь терпения с умением и привычкой. Эти семантические особенности встречаются и в китайском языке, но значительно реже.

Итак, в целом отметим, что отношение к физическому страданию в русской и китайской лингвокультурах принципиально не отличается. Но отношение к моральным страданиям различается: в китайской языковой картине мира представление о терпении имеет очень широкое содержание с большим количеством разнообразных понятийных и образно-оценочных характеристик: это может быть и «излишняя терпимость», и «умение смириться с тем, что не можешь изменить». В русской языковой картине мира это содержание разводится по разным ключевым словам, например, *страдание*, *смирение*, *покорность* и др.

Безусловно, это лишь предварительные выводы, которые нуждаются в дальнейшей верификации.

ИСТОЧНИКИ

1. Аникин, В. П. Русские пословицы и поговорки / В. П. Аникин. — Москва : Художественная литература, 1988. — 431 с. — Текст : непосредственный.
2. Даль, В. И. Пословицы и поговорки русского народа / В. И. Даль. — URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/proverbs-dal/articles/114/terpenie-nadezhda.htm> (дата обращения: 15.05.2024). — Текст : электронный.
3. Дмитриев, Д. В. Толковый словарь русского языка : ок. 7 000 слов. ст.: свыше 35 000 значений: более 70 000 иллюстрат. примеров / Д. В. Дмитриев. — Москва : Астрель : АСТ, 2003. — 1582 с. — Текст : непосредственный.

4. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. — 18-е изд. — Москва : Русский язык, 1986. — 797 с. — Текст : непосредственный.

5. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2 т. Т. 2 / А. Н. Тихонов. — 2-е изд., стер. — Москва : Русский язык, 1990. — 886 с. — Текст : непосредственный.

6. 新华字典 = Словарь Синьхуа онлайн. — URL: <https://zidian.aies.cn/MTE5NjM=.htm> (дата обращения: 20.05.2024). — Текст : электронный.

7. 辞源(修订本) 商务印书馆编辑部编. 北京: 商务印书馆. 1979. = Цы Юань (этимологический словарь). — Пекин : Коммерческое издательство, 1979. — Текст : непосредственный.

8. 汉俄大词典, 上海, 上海外语教育出版社, 2009. = Большой китайско-русский словарь. — Шанхай : Шанхайское издательство по обучению иностранным языкам, 2009. — Текст : непосредственный.

9. 古代汉语词典. 北京: 商务印书馆, 2002. = Словарь древнего китайского языка. — Пекин : Коммерческое издательство, 2002. — Текст : непосредственный.

10. 汉典. = Хан Дянь, китайский онлайн-словарь. — URL: <https://www.zdic.net/hans/%E3%B8%BE> (дата обращения: 15.05.2024). — Текст : электронный.

11. 汉语成语大词典, 朱祖延, 河南人民出版社, М. 1985. = Китайский фразеологический словарь, Чжоу Цзюань, Хэнань жэньмин издательство, 1985. — Текст : непосредственный.

12. 百度汉语. = Байду китайский язык. — URL: <https://hanyu.baidu.com/s?wd=忍的成语&from=zici> (дата обращения: 15.05.2024). — Текст : электронный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Величко, А. В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев / А. В. Величко. — Москва : Филол. фак. МГУ, 1996. — 95 с. — Текст : непосредственный.
2. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — Москва : Русский язык, 1980. — 320 с. — Текст : непосредственный.
3. Гридина, Т. А. «Своя игра»: ребенок в мире языка : моногр. / Т. А. Гридина ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2016. — 177 с. — ISBN 978-5-7186-0772-7. — EDN WXXKWUR. — Текст : непосредственный.
4. Гридина, Т. А. Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. — 3-е изд., испр. — Москва : Флинта, 2024. — 360 с. — ISBN 978-5-9765-4604-2. — EDN BLDXDC. — Текст : непосредственный.
5. Гридина, Т. А. Современный русский язык. Словообразование: теория, алгоритмы анализа, тренинг / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. — 3-е изд. — Москва : Наука : Флинта, 2009. — 160 с. — ISBN 978-5-89349-505-8. — EDN EKZPGF. — Текст : непосредственный.
6. Гудков, Д. Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Гудков Д. Б. — Москва, 1999. — Текст : непосредственный.
7. Захаренко, И. В. Лингвокогнитивные аспекты функционирования прецедентных высказываний / И. В. Захаренко, В. В. Красных. — Текст : непосредственный // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. — Москва : [б. и.], 1997. — С. 100–105.
8. Карасик, В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин. — Текст : непосредственный // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. — Воронеж : [б. и.], 2001. — С. 75–80.
9. Коновалова, Н. И. От формальной логики к «живой грамматике»: идеи Ф. И. Буслаева в современной теории и практике обучения русскому языку / Н. И. Коновалова. — Текст : непосредственный // Филологический класс. — 2018. — № 2 (52). — С. 59–63. — DOI 10.26710/fk18-02-10. — EDN UTLLAW.
10. Коновалова, Н. И. Перцептивные образы сознания в свете данных «Русского ассоциативного словаря» / Н. И. Коновалова. — Текст : непосредственный // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке : материалы докладов и сообщений Международной научной конференции (Екатеринбург, 28–30 сент. 2016 г.). — Москва ; Екатеринбург,

бург : Фабрика комиксов, 2016. — С. 130–136. — EDN XSBAAH.

11. Коул, М. Культурно-историческая психология: наука будущего / М. Коул. — Москва : Когито-центр, 1997. — 431 с. — Текст : непосредственный.

12. Николина, Н. А. Современное русское словообразование: функционально-динамический аспект : учеб. пособие / Н. А. Николина, Л. В. Рацибурская. — Москва : Фланта, 2023. — 176 с. — Текст : непосредственный.

13. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер. — Москва : Канон-Пресс-Ц : Кучково поле, 2002. — 624 с. — Текст : непосредственный.

14. Телия, В. Н. Метафора как модель словопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В. Н. Телия. — Текст : непосредственный // Метафора в языке и тексте. — Москва : Наука, 1998.

15. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2003. — 248 с. — ISBN 5-7186-0127-5. — EDN QCNWUV. — Текст : непосредственный.

MATERIALS

1. Anikin, V.P. (1988). *Russkie poslovitsy i pogovorki* [Russian proverbs and sayings]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 431 p. (In Russ.)

2. Dal', V.I. (n.d.). *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda* [Proverbs and sayings of the Russian people]. Retrieved May 15, 2024, from <http://rus-yaz.niv.ru/doc/proverbs-dal/articles/114/terpenie-nadezhda.htm> (In Russ.)

3. Dmitriev, D.V. (2003). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka : ok. 7 000 slovar. st.: svysh 35 000 znacheniy: bolee 70 000 illyustrat. primerov* [Explanatory dictionary of the Russian language: approx. 7,000 articles: over 35,000 meanings: over 70,000 illustrations-examples]. Moscow: Astrel': AST, 1582 p. (In Russ.)

4. Ozhegov, S.I. (1986). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language] (Ed. N.Yu. Shvedova, 18th ed.). Moscow: Russkiy yazyk, 797 p. (In Russ.)

5. Tikhonov, A.N. (1990). *Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka* [Word-formation dictionary of the Russian language] (2nd ed., Vol. 2). Moscow: Russkiy yazyk, 886 p. (In Russ.)

6. *Xinhua Dictionary online* (n.d.). Retrieved May 20, 2024, from <https://zidian.aies.cn/MTE5NjM=.htm> (In Chinese)

7. *Tsi Yuan* (etymological dictionary) (1979). Beijing: Commercial Publishing House. (In Chinese)

8. *Large Chinese-Russian dictionary* (2009). Shanghai: Shanghai Foreign Language Teaching Publishing House. (In Chinese)

9. *Dictionary of Ancient Chinese* (2002). Beijing: Commercial Publishing House. (In Chinese)

10. *Han Dian*, Chinese online dictionary (n.d.). Retrieved May 15, 2024, from <https://www.zdic.net/hans/%E3%B8%BE> (In Chinese)

11. *Chinese Phraseological Dictionary*, Zhou Zuyan(1985). Henan Renming Publishing House. (In Chinese)

12. *Baidu Chinese* (n.d.). Retrieved May 15, 2024, from <https://hanyu.baidu.com/s?wd=忍的成语&from=zici> (In Chinese)

REFERENCES

1. Velichko, A.V. (1996). *Sintaksicheskaya frazeologiya dlya russkikh i inostrantsev* [Syntactic phraseology for Russians and foreigners]. Moscow: Filol. fak. MGU, 95 p. (In Russ.)

2. Vereshchagin, E.M., & Kostomarov, V.G. (1980). *Lingvostranovedcheskaya teoriya slova* [Linguistic and regional theory of the word]. Moscow: Russkiy yazyk, 320 p. (In Russ.)

3. Gridina, T.A. (2016). «*Svoya igra*»: *rebenok v mire yazyka* ["Own game": a child in the world of language] [Monograph]. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 177 p. ISBN 978-5-7186-0772-7. EDN WXKWUR. (In Russ.)

4. Gridina, T.A., & Konovalova, N.I. (2024). *Metody psikholingvisticheskikh issledovaniy: teoriya, praktikum, treningi* [Methods of psycholinguistic research: theory, workshop, trainings] (3rd ed., corr.). Moscow: Flinta, 360 p. ISBN 978-5-9765-4604-2. EDN BLDXDC. (In Russ.)

5. Gridina, T.A., & Konovalova, N.I. (2009). *Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovanie: teoriya, algoritmy analiza, trening* [Modern Russian language. Word formation: theory, analysis algorithms, training] (3rd ed.). Moscow: Nauka: Flinta, 160 p. ISBN 978-5-89349-505-8. EDN EKZPGF. (In Russ.)

6. Gudkov, D.B. (1999). *Pretsedentnye fenomeny v yazykovom soznanii i mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Precedent phenomena in linguistic consciousness and intercultural communication] [Abstract of Dis. of Dr of Philology]. Moscow. (In Russ.)

7. Zakharenko, I.V., & Krasnykh, V.V. (1997). *Lingvokognitivnye aspekty funktsionirovaniya pretsedentnykh vyskazyvaniy* [Linguistic and cognitive aspects of the functioning of precedent statements]. In *Lingvokognitivnye problemy mezhkul'turnoy kommunikatsii* (pp. 100–105). Moscow. (In Russ.)

8. Karasik, V.I., & Slyshkin, G.G. (2001). *Lingvokul'turnyy kontsept kak edinitsa issledovaniya* [Linguistic and cultural concept as a unit of research]. In *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki* (pp. 75–80). Voronezh. (In Russ.)

9. Konovalova, N.I. (2018). Ot formal'noy logiki k «zhivoy grammatike»: idei F. I. Buslaeva v sovremennoy teorii i praktike obucheniya russkomu yazyku [From formal logic to “living grammar”: ideas of F. I. Buslaev in modern theory and practice of teaching the Russian language]. *Filologicheskii klass*, 2(52), 59–63. DOI 10.26710/fk18-02-10. EDN UTLLAW. (In Russ.)

10. Konovalova, N.I. (2016). *Pertseptivnye obrazy soznaniya v svete dannykh «Russkogo assotsiativnogo slovaryaya»* [Perceptual images of consciousness in the light of data from the “Russian Associative Dictionary”]. In *Novaya Rossiya: traditsii i innovatsii v yazyke i nauke o yazyke* (Materials of reports and communications of the International Scientific Conference (Ekaterinburg, September 28–30, 2016), pp. 130–136). Moscow, Ekaterinburg: Fabrika komiksov. EDN XSBAAH. (In Russ.)

11. Koul, M. (1997). *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya: nauka budushchego* [Cultural-historical psychology: the science of the future]. Moscow: Kogito-tsentr, 431 p. (In Russ.)

12. Nikolina, N.A., & Ratsiburskaya, L.V. (2023). *Sovremennoe russkoe slovoobrazovanie: funktsional'no-dinamicheskiy aspekt* [Modern Russian word formation: functional-dynamic aspect] [Textbook]. Moscow: Flinta, 176 p. (In Russ.)

13. Riker, P. (2002). *Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germenevtike* [Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics]. Moscow: Kanon-Press-Ts: Kuchkovo pole, 624 p. (In Russ.)

14. Teliya, V.N. (1998). *Metafora kak model' slovoпроизводства i ee ekspressivno-otsenochnaya funktsiya* [Metaphor as a model of word production and its expressive-evaluative function]. In *Metafora v yazyke i tekste*. Moscow: Nauka. (In Russ.)

15. Chudinov, A.P. (2003). *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii* [Metaphorical mosaic in modern political communication]. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 248 p. ISBN 5-7186-0127-5. EDN QCNWUV. (In Russ.)

РАЗДЕЛ 2. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 81'23+81'373
ББК Ш100.6+Ш105.3

ГРНТИ 16.21.07

Код ВАК 5.9.8

N. N. Al'bekov^{1,2}

¹ Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia, alibecus@mail.ru, SPIN code: 1614-2410

² Chechen State University named after A. A. Kadyrov, Grozny, Russia

The Emergent Potential of the Concept of “Mental Virus”

ABSTRACT. *The concept of “mental virus” is not only an object of research of psychology and sociology but is also studied by linguistics due to the extreme importance of the structural and systemic correlations of verbal units used to construct the memes that can be considered as the basic means of the virus of the mind. It is common knowledge that modern social investigations take up exploring the problem of emotional impact on a person or a group of people and the methods of exerting this influence because it is turning into a political issue, especially considering the new realities bringing about neologisms like “cognitive war”, “mental virus”, “bio drone”, etc.*

The article is an attempt to analyze the field of emergence of the concept “mental virus” which allows the researcher to determine the potential of emergent constructions of the speech units used to exert psychological impact on a person or a wide audience, as long as almost all works that touch upon the problem of the virus of the mind are included to one degree or another into the context of influence upon the conscience of a single person or a large group of people.

The analysis of the field of emergence provides quite a complete picture regarding the areas and communicative situations in which this term can potentially be used. It should be also noted that the concept of “mental virus” is predominantly used in political, religious or corporate context.

The field of emergence is a model that allows determining a unified neural network between all structural elements of the field, which makes it possible to distinguish the transformational movements of both semantic and structural units from peripheral units into the center of the field of emergence and back, thus revealing their ideological basis in interpreting a communicative situation.

The use of the term “mental virus” in the context of speech units is attributed to the fact that these units produce almost the same effect on the object as biological or computer viruses, i.e., lead to a psychological stress, distortion of reality, information failure, negative emotions, etc.

KEYWORDS: *terminology, mental virus, field of emergence, emergent constructions, emergence, psychological impact, communicative situations, speech units, cognitive warfare, artificial intelligence, concepts, manipulative effect.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Al'bekov Nurvadi Nasruddinovich, Doctor of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Foreign Languages and International Communication, Chechen State Pedagogical University; Chechen State University named after A. A. Kadyrov, Grozny, Russia.*

FOR CITATION: *Albekov N. N. (2024). The Emergent Potential of the Concept of “Mental Virus”. In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 106-114.*

Нурвади Насруддинович Альбеков^{1,2}

¹ Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, Россия, alibecus@mail.ru, SPIN-код: 1614-2410

² Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова, Грозный, Россия

Эмерджентный потенциал понятия «вирус разума»

АННОТАЦИЯ. *Понятие «вирус разума» не только становится научной проблемой психологии и социологии, но и подлежит исследованию с точки зрения лингвистики ввиду чрезвычайной важности структурных и систематических взаимоотношений вербальных единиц, используемых для конструирования мемов, которые можно рассматривать как основное средство вируса разума. Общеизвестно, что в современных социальных исследованиях проблема эмоционального воздействия на человека или группы людей и способы этого воздействия становится предметом исследования ввиду того, что она превращается в политическую, особенно с учетом новых реалий, вызывающих к жизни новую терминологию типа «когнитивная война», «ментальный вирус», «биодрон» и т. д.*

Статья представляет собой попытку проанализировать поле эмерджентности возникновения понятия «мозговой вирус», позволяющее определить потенциал эмерджентных конструкций речевых единиц, используемых для оказания психологического воздействия на человека или широкую аудиторию, поскольку практически все исследования, затрагивающие проблему вируса разума, в той или иной степени включены в контекст воздействия на сознание человека или массы людей.

Анализ с точки зрения поля эмерджентности дает достаточно полную картину относительно направлений и коммуникативных ситуаций, в которых потенциально может использоваться этот термин. Также следует отметить, что понятие «вирус разума» преимущественно используется в политическом, религиозном или корпоративном контексте.

Поле эмерджентности — это модель, позволяющая определить единую нейронную сеть между всеми структурными элементами поля, что помогает выделить трансформационные движения как смысловых, так и струк-

турных единиц от периферийных единиц в центр поля эмерджентности и обратно, таким образом выявляя их идеологическую основу в интерпретации коммуникативной ситуации.

Использование термина «вирус разума» в контексте речевых единиц продиктовано тем, что данные единицы приводят почти к такому же воздействию на объект, как и биологический или компьютерный вирус, т. е. приводят к психологическому расстройству, искажению действительности, информационному провалу, негативным эмоциям и т. д.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: терминология, вирус разума, поле эмерджентности, эмерджентные конструкции, эмерджентность, психологическое воздействие, коммуникативные ситуации, речевые единицы, когнитивная война, искусственный интеллект, концепты, манипулятивный эффект.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Альбеков Нурвади Насруудинович, доктор филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков и международной коммуникации, Чеченский государственный педагогический университет; 364037, Россия, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, д. 33; Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова, 364907, Россия, г. Грозный, ул. А. Шерипова, 32; email: alibecus@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Альбеков, Н. Н. Эмерджентный потенциал понятия «вирус разума» / Н. Н. Альбеков. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 106-114.

INTRODUCTION

It is believed that the term “virus of mind” was first introduced by the British evolutionary biologist Richard Dawkins, who in his research came to the conclusion that the concept of “virus,” as in the biological and computer versions, is quite applicable to the human mind in the process of understanding or interpreting certain information. R. Dawkins believes that for the spread or infection of the mind, two qualities of the “victim” are necessary. “These qualities are, firstly, a readiness to replicate information accurately, perhaps with some mistakes that are subsequently reproduced accurately; and, secondly, a readiness to obey instructions encoded in the information so replicated” [Richard Dawkins 1993].

Richard Dawkins in his work hypothesizes that everything accepted as truth on the basis of blind faith without empirical or any evidence or proof can be resulted as the result of a virus of the mind. As the main argument to prove his theory, Richard Dawkins refers to the postulates of religion, because religious dogmas are not amenable to empirical argumentation, but are based purely on faith. In this work, we will not refute the validity of the use of this term relating to religion, since there are very many questions to which it cannot be given scientifically proven answers, especially in the field of the functioning of human consciousness.

At the same time, we must recognize the relevance and absolute, in our opinion, validity of such a phenomenon, the nature and functioning of which can be designated by the term “virus of the mind” (the terms “mental virus” is also found). Accordingly, the term “virus of the mind” reflects objective reality, which is expressed in the form of a change in the mental state of an object as a result of emotional influence on a person, group of people, crowds of people through verbal, visual or other means of mental influence. In this context, the opinion of A. J. Galang seems relevant, who notes that

“the mental virus can be posited as a concept or cognitive structure that alters mental processing and becomes rapidly ubiquitous within a mind” [Adrienne John R Galang 2022].

In the context of the relevance of the concept of “virus of the mind” or mental virus, it is also necessary to note that researchers of this phenomenon often associate the functioning of this term precisely in the area of influence on the consciousness, mind of a person or a group of people. In particular, A.V. Mikulin considers it as a “socio-rational illusions”, the main distinguishing feature of which is “that they, being elements of the consciousness of an individual or programmatic parts of an organization’s strategy, are recognized at the rational level as productive, but in the end always lead to unexpected and most often negative results” [Makulin 2014].

Although, the consequences of mental influence may not always have only “negative” results. Mental influence basically has the goal of stimulating an action, i.e. behavioral activity. The mental influence that stimulates mass behavioral activity is most clearly observed in the political field. In particular, in the strategy of building a scheme for the influence of certain political parties on the electorate, which is often built on the basis of psychological influence and manipulation of consciousness [Baykhanov 2022: 20-29].

Viruses of the mind contribute to the programming of consciousness, which affects the behavior of a person or a crowds of people. Richard Brodie believes that “mind viruses issue instructions by programming us with new memes that affect our behavior” [Richard Brodie 1996].

An interesting interpretation of the concept of “virus of the mind” (mental virus) is found in the work of V. N. Kryuchkov, who proposes to consider the “mission of the company”, expressed in certain slogans or other text forms as a “mental virus”, since “Mission is the promise of the company to the client, formulated in

the language of emotions and in terms of the strength of the emotional impact equal to or exceeding the visible (calculable) profit of the company" [Kryuchkov 2009: 119–122].

It should be noted that in almost all works that touch on the problem of the virus of the mind to one degree or another, it is considered in the context of its influence on person or on a mass of people consciousness. Some analysts today perceive this problem as a threat to the existing culture of people's livelihoods. In particular, in this context it is presented by the American businessman Elon Musk, who sees in the so-called culture of "the woke mind virus" an "existential threat to humanity" [Brain Strain 2023].

We can't say that the problem of mental influence on a person or a group of people arose only in modern reality. The problem of mental influence on people appeared in the history of mankind with the emergence of community as such. However, the mental influence, and therefore the virus of the mind, received its development and formation as a philosophical direction in ancient Greece with the advent of the philosophical school of Sophistry.

The main postulate of Sophistry was conviction of truth, not proof of truth, but, since for sophists it is characteristic "not the content, which may be true, but the form of the grounds, through which one can both defend everything and attack everything" (Hegel, Works, vol. 1, p. 212). I. Kant emphasizes that sophistry is a doctrine through which "one tries to deliberately deceive others" [Kant I. 1915: 126-127].

FORMULATION OF THE PROBLEM

The main goal posed in this work is to analyze the emergent potential of lexical or speech units that may be considered as the mental core of the term of "virus of the mind" in the context of the ever-increasing influence of the media on a person's mentality, on "his" interpretation of the worldview under the influence of powerful propaganda both, the state institutions and corporate resources that pursue the goal of drawing the human masses into the orbit of their political and/or corporate interests.

It should be noted that the concept of "a virus" in people's lives basically has negative semantics associated with health problems, as well as disruption of the full operation of electronic equipment and programs. For example, in Ozhegov's explanatory dictionary the concept of "virus" is defined as "the smallest non-cellular particle that multiplies in living cells, the causative agent of an infectious disease" [Ожегов 2020]. Accordingly, the effect achieved by means of a virus, be it biological, electronic or mental, can be interpreted as a negative result

aimed at changing or destroying the "normal" state of the object.

ANALYSIS ON THE FIELD OF EMERGENCE

To obtain a complete analysis of the concept of "mind virus," supposedly it is necessary first of all to determine the field of emergence (FE) of the functioning of this term [Альбеков, Жеребило 2015: 1797-1800]. We need this analysis in view of the fact that the term does not function so actively in the real information field. The analysis from the perspective of the field of emergence will provide us with a fairly complete picture regarding the directions and communicative situations in which this term can potentially be used. In the context of the above mentioned, it is important to note that in modern reality, it is political, religious or corporate organizations that are the most global sources to spread of the virus of the mind. It is in the offices of these organizations that information models, methods, techniques, forms that contain a mental virus for both individual and mass purposes of infecting people's consciousness are being developed.

As for the conception of "the field of emergence" is a semantically designated reality that is formed in the process of system formation after deterministic chaos has overcome the bifurcation point and the direction in which the vector of development of the situation is indicated on the base of which the variable potential of fuzzy models of the system can be prognosticated". [Альбеков 2020].

It is also necessary to clarify that on the basis of the field of emergence, it is not the semantic potential of a certain lexical unit that is analyzed, i.e. in the core of FE there is not a lexeme as a linguistic or speech unit, but the communicative situation itself, nominated by a specific lexeme or phrase.

In the process of modeling the concept *virus of the mind*, the deterministic chaos is the intention, the idea of forming a unit, that may cause a virus in mind of a certain person, group or organization. The model itself has not been developed, there is only an intention or an idea that has not yet acquired sufficiently clear configurations, plans, projects, discourse, means of transformation, etc. Accordingly, at this stage of the formation of a virus of the mind, there is only the intention of creating a unit that may cause a virus, which is a deterministic chaos as such.

Based on deterministic chaos, countless fuzzy models are prognosticated, which, using the modern potential of artificial intelligence, are easy to systematize according to the criteria of relevance based on the communicative situation.

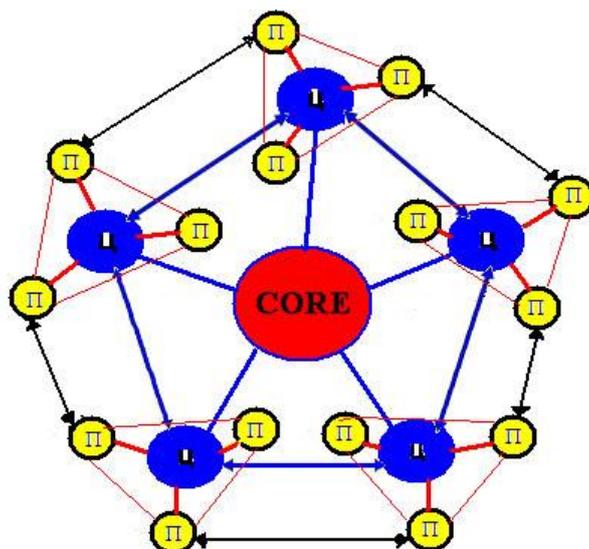

Figure № 1. Model of field of emergence

In the center of the FE (field of emergence) there is a tick, a slogan, a proverb, a phraseological unit, a catchphrase, a cultural concept, obscenities, a reference to a historical event, a reference to religious dogma, irony, etc. These verbal expressions carry the main semantic idea on the basis of which the speech model and its semantic orientations are built.

At the periphery of the FE there is a lexical material that contributes to the structural organization of the model. This is primarily vocabulary, style, case factors, extralinguistic factors (ethnic, religious, political, historical, geographical, cultural, physical, physiological, etc.), semiotics, kinetics, iconicity, visuality and many other factors [Альбеков 2016: 105-109]. In the periphery, a focus on a potential audience is also manifested, i.e. what social, ethnic, political and other segments of the population or personality the audience consists of.

RESEARCH METHODS

The main methods that were used in the research process are, first of all, the case method, the method of component analysis, and statistical analysis.

RESEARCH RESULTS

It should be noted that FE is a unified neural network between all structural elements of the field, which is a model of transformational movements of both semantic and structural units, where there are always transfers of peripheral units into the center of FE and back, thereby turning them into the ideological basis for interpreting a communicative situation.

One of the brilliant examples of such transformation and, accordingly, deliberate mental infection of the audience is the speech of the head of the European Commission Ursula von der

Leyen at the Atlantic Council Award ceremony for Japanese Prime Minister Fumio Kishida.

«Many of your relatives lost their life when the atomic bomb raised Hiroshima to the ground. You've grown up with the stories of survivors, and you wanted us to listen to the same stories to face the past and to learn something about the future.

*It was a sobering start to G7 and one that will not forget especially, when Russia threatens to use nuclear weapons **once again**. It is heinous. It is dangerous.»* [Atlantic Council Award 2023].

Here we have an example of moving of a peripheral unit in the form of the lexeme **once again** to the center of the FE, since it is this unit that becomes the basis of the essential semantic load in the intent of the statement and the intention of the author.

A peripheral unit by itself cannot become a carrier of a virus of the mind if it has not moved to the center of the FE, where only units that possess ideological, semantic, and emotional attributes are located. The virus is carried within the idea, meaning, emotion itself, expressed in a word, sign or action. That is why it is important to correctly determine the position of a word or expression in the structure of FE.

In the above example, it is the lexeme **once again** that is the source of the virus of the mind, since any listener who does not have historical knowledge of who exactly used nuclear weapons against Japan will definitely have the conviction that it was Russia that committed this act. Taking into account such a fact that the vast majority of information resources hanging around the world belong to Western companies and that the majority of the world's population does not have historical knowledge, but are recipients of information from these resources,

it can be stated that the use of the lexeme in the context of speech **once again** will lead to the “correct” perception and interpretation by the listener, which corresponds to the author’s intention, pursuing the goal of infecting the audience with a virus of the mind.

Why do we define this and similar statements as a “virus of the mind”? Because the use of these units leads to an almost similar effect on the object as with a biological or computer virus, i.e., leading to psychological stress, distortion of reality, information failure, negative emotions, etc.

One of the interesting factors that developed during our research was that lexical units located on the periphery of the FE and transformed into the center of the FE, thereby acquiring the main semantic component of the utterance, consist for the most part not of the major parts of the sentence, but of the attribute and adverbial modifier, expressed mainly by adjectives, adverbs, participial phrases or introductory words. Of course, they are all closely related to the major parts of the sentence, but at the same time, it is these secondary parts that for the most part become the basic means of spreading the virus of the mind.

However, when we talk about the virus of the mind, it is necessary to take into account that the virus as such is not carried by specific words, but by the main ideological message, which, with the help of verbal means of the nominative or predicative function, is formulated in such a way that it infects the consciousness of the maximum number of people. At the same time, it is the peripheral units that give this nomination or predication an emotional connotation that enhance the psychological effect on human consciousness. If we return to the example of Mrs. Ursula’s, von der Leyen speech without using the adverb “**once again**,” then the emotional component of this message will not be that much effective even in the context of such a communicative situation.

In the context of FE, it is interesting to analyze the use of distinct lexical units by the human mind depending on the communicative situation. Following some linguists who believe that the basis of a statement is a primary thought or planed, which only then turns into a system of words that materializes in a specific form, we also adhere to the opinion that when choosing appropriate speech units a person’s consciousness operates with semantic units [Luria 1998, Whorf 1960, Chomsky 1986]. This means that the lexical material from which the text is constructed is exclusively selected in accordance with the communicative situation and the manipulative intention of the author. In this competence, the human brain is incomparably superior to artificial intelligence.

An example of this dominance is demonstrated in Daniel Bates and Matt Strudwick’s Mail Online review of Vladimir Putin’s interview with Tucker Carlson. In one of their emotional assessments, the authors state, «*The despot made the **jaw-dropping** accusations during the much anticipated two-hour long sit-down interview with former Fox News host Tucker Carlson*». [Daniel Bates and Matt Strudwick. 2024].

For example, in the English version, the key unit with the help of which emotional intensity is achieved is the lexeme **jaw-dropping**, used as an attribute of the object **accusations**. It is this attribute that gives meaning to the absolute groundlessness and absurdity of the accusations being made, since the expression **jaw-dropping** is possible only with the monstrous absurdity of any statement. What is also important here is the set of semantic relationships between units of nominative, predicative, deterministic, and applicative functions. For example, in the given example, the manipulative effect of the lexeme **jaw-dropping** is enhanced in the context of the use of the lexeme the *despot*, thereby strengthening the **belief** (which, according to Dawkins, is one of the indicators of the virus of the mind, i.e. faith) of the unacceptability of any statements from the “despot” for their absurdity.

If we translate this passage into Russian using a computer translator or the chatgpt neural network, we get the following text.

Google translator. «Деспот выдвинул **потрясающие обвинения** во время долгожданного двухчасового интервью с бывшим ведущим Fox News Такером Карлсоном».

When translating the resulted variant, i.e. from Russian into English, we get “stunning accusations” instead of **jaw-dropping accusations**.

Yandex translator. «Деспот выступил с **ошеломляющими обвинениями** во время долгожданного двухчасового интервью с бывшим ведущим Fox News Такером Карлсоном». Translation into English — «Staggering accusations».

Нейросеть Neural network ask.chadgpt.ru. Деспот выдвинул **потрясающие обвинения** во время долгожданного двухчасового интервью с бывшим ведущим Fox News Такером Карлсоном.

The analysis we carried out using the FE model found that in almost 90% of texts that express surprise or dismay, the following lexemes are used: amazing, surprising, startling, stunning, shocking, astonishing. It is these lexemes that are included in the center of the FE. The lexeme **jaw-dropping** is present in the periphery in conjunction with the lexemes given in the table.

Table No. 1. Peripheral lexemes in the FE model

1. remarkable	27. rare	53. incredible
2. impressive	28. inconceivable	54. jolting
3. stupendous	29. upsetting	55. jaw-dropping
4. eye-opening	30. incomprehensible	56. stupefying
5. marvelous	31. unthinkable	57. breathtaking
6. wondrous	32. dismaying	58. jarring
7. staggering	33. noticeable	59. awesome
8. unbelievable	34. confounding	60. flabbergasting
9. phenomenal	35. disconcerting	61. miraculous
10. blindsiding	36. striking	62. dumfounding
11. uncommon	37. portentous	63. dumbfounding
12. fabulous	38. notable	64. marvellous
13. outstanding	39. unique	65. unusual
14. sublime	40. unannounced	66. rocking
15. unanticipated	41. bewildering	67. surprizing
16. unforeseen	42. nonplusing	68. bowling over
17. sensational	43. heart-stopping	69. taking aback
18. unlikely	44. conspicuous	70. flooring
19. confusing	45. befuddling	71. dazing
20. prodigious	46. discomfiting	72. shaking up
21. unimaginable	47. unwonted	73. knocking for a loop
22. perplexing	48. nonplussing	
23. muddling	49. awful	
24. singular	50. spectacular	
25. flustering	51. unexpected	
26. extraordinary	52. astounding	

In our research, we have often turned to AI to analyze its manipulative potential. One of the most interesting results of the work of artificial intelligence (AI) is that absolutely all translators, as well as the neural network, chose a lexeme that is included in the center of the FE, i.e. one of the given lexemes — **amazing, surprising, startling, stunning, shocking, astonishing**. In principle, this result was quite expected, since the AI selects the most “popular” option from the entire huge arsenal of proposals. At the same time, the choice of AI, although it is the most popular of all variable forms of speech units, however, in its emotional richness cannot be compared with the version of the author of the publication, i.e. with **jaw-dropping** accusations. This proves that the human brain, human consciousness in terms of emotional impact on a person or on masses of people, is absolutely superior to AI in its manipulative potential, at least for today. Moreover, in the efficiency of choosing a speech unit in a corresponding communicative situation, the human brain far exceeds the potential of AI in the aspect of using of manipulating speech units, i.e. the human brain, consciousness chooses the best of the options to express the intentions here and now.

However, in this work we aim to explore the manipulative potential of the human mind, expressed in the form of textual form, purely as an

object or as a resource with the help of which a virus of the mind is produced, since AI will not be so effective in generating a virus, at least at this period. The main reason why AI can't be as efficient is because AI operates on facts. For example, AI is unlikely to create a speech unit in which the idea of the fact of Russia's use of nuclear weapons will be traced due to the absence in its RAM information regarding Russia's use of nuclear weapons, although it has incomparably larger amount of vocabulary and information than the brain of even the most brilliant person.

Accordingly, a speech unit, which by its wording can be interpreted by the addressee in accordance with the intention of the author and has an impact on the consciousness of a person or a mass of people, regardless of the truthfulness or falsity of the information, carries within itself elements of a virus of mind.

Of course, all these verbal techniques are significant resources of the so-called cognitive war, the ultimate goal of which, according to A.N. Medushinsky is “to overcome the internal information and propaganda barriers of the state, change the value system and understanding of the world, force the population to make a desired decision, establish “reflexive control” over it, undermining its ability to “ob-

serve, navigate, decide and act.” [Medushevsky 2023: 92—107].

Another example of cognitive impact in modern Western print media is the underlining the certain lexemes in speech units, thereby distinguishing them from the rest in the flow of information. This is a relatively new technique and it should be noted that when using this technique, not only keywords are underlined. For example, Philip Pilkington uses this technique in his article “Higher defense spending won’t save Europe.”

«Against the backdrop of the collapse of Ukrainian defensive lines in Avdiivka last week and presidential frontrunner Donald Trump saying that he would not defend Europe in the face of a Russian attack, calls for increased military expenditure in Europe grow ever louder. These calls appear to be emerging from the defense ministries of various countries». [Pilkington 2024].

The presence of non-key lexemes in the list of underlined words is also a method of cognitive influence, since if only key words are underlined, this can activate an internal defensive reaction of consciousness. However, if we look at the list of words from the above passage (collapse, saying, calls, emerging), we will see that all of them, to one degree or another, belong to the so-called propaganda vocabulary and have an emotional meaning potential, taking into account their location in the sentence structure and what words they correlate with.

One of the main results or symptoms of the mind virus is the lack of analytical, logical thinking in the infected audience, i.e., information provided by authoritative means or agencies is perceived at the level of blind faith. Accordingly, any information that contradicts this dogma is perceived as hostile and dangerous for the world order of this “correct” society. Evidence of such perception or a symptom of a virus of the mind as a result of cognitive warfare is the revelation of one of the Polish journalists, Eugene Zinkiewicz.

«Olśnienie

Czytając pewną „perłkę”, pod moim feletonem Dla tych, którzy żywią i bronią... komentarz wyrażony przez poirytowanego czytelnika, z uwagi na niezrozumienie prostego, krótkiego tekstu, doznałem iluminacji! Olśnienia, iż rzeczywiście statystyka poziomu zrozumienia nawet tak banalnego przekazu syntetycznych informacji, jakim jest prozaiczny rozkład jazdy, jest prawdziwa!» [Zinkiewicz 2024].

“Revelation

While reading a certain “gem” under my column “For those who feed and defend” a comment expressed by an irritated reader due to the misunderstanding of a simple, short text, I experienced revelation! Enlightenment that the

statistics on the level of understanding of even such a trivial transfer of synthetic information as a prosaic timetable are actually true!”

This “Revelation” can be considered as one of the evidences of a virus of the mind, since the author identified the problem of society’s lack of ability to analyze “even such basic information.” In this context it is actual what S.G. Kara-Murza believes that it is the biased information policy of the media that is the main reason for the lack of skills in critical analysis of information among the masses of people. He notes that “the man of the masses, the product of a mosaic culture, was largely created by the press” and that “the replacement of words and concepts with political euphemisms as a whole technology leads to a serious disease of society.” [Kara-Murza 2005: 287, 288].

CONCLUSION

The virus of the mind is an integral part of the so-called “cognitive war,” which today has become especially relevant in the light of global changes in the interpretation of the rules of civilization and culture. New terms appear in the information field, reflecting the symptoms of an increasingly intensifying virus of the mind in the human consciousness. One such innovation is the term “biodron”, which indicates an absolutely infected sick consciousness. Accordingly, the attributes of the concept “virus of the mind” must be considered not only the mass transmission of memes from person to person, but also, first of all, information pressure leading to a personal and/or mass change in the psychological state, which suppresses the logical thinking of an individual.

Analysis of the concept of “virus of the mind”, carried out on the basis of the field of emergence, allows us to identify the emergent potential of speech, visual, semiotic and other units that perform the main functional and semantic role in the formation and spread of the virus.

Identification of the emergent potential of the concept of “virus of the mind” can contribute to the development of mechanisms for neutralizing the psychological effect and consequences of mental influence on a person or crowds of people.

MATERIALS

1. URL: <https://www.researchgate.net/publication/236270654>.
2. URL: <https://www.rollingstone.com/culture/culture-news/elon-musk-bill-maher-interview-woke-mind-virus-1234725788/>.
3. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-13063493/vladimir-putin-tucker-carlson-interview-claims-boris-johnson-scuppered-ukraine-deal.html>.
4. URL: <https://myslpolska.info/2024/03/05/zinkiewicz-politycy-emanacja-narodu/>.
5. URL: <https://unherd.com/newsroom/higher-defence-spending-wont-save-europe-analysis/>.
6. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/worf-60a.htm>.

7. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8C5byVupxzM>.
 8. UNGA — Atlantic Council Awards. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8C5byVupxzM>.
 9. Ozhigov, Sergei (2020). Tolkovy slovar russkogo yazika 100000 slov [Explanatory dictionary of Russian language 100000 words]. Mir issue. 736 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Albekov, N.N., & Jerebilo, T.V. (2015). Pole emerdzhenosti kak yedentsa yazikovoy sistemy [Field of emergence as a unit of language system]. In *Fundamental researches*, № 2 (part 8), 1797–1800.
 2. Albekov, N.N. (2020). *Emerdzhenost yazikovoy sistemy kak rezultat funkcionirovaniya rechevykh yedinit* [Emergency of the language system as a model to determine the potential of language units] [Dissertation for doc. of philology]. Grozny, 332 p.
 3. Albekov, N.N. (2016). Pole emerdzhenosti kak model opredeleniya potentsiala nechetkikh lingvisticheskikh mnojestv [Field of emergence as a model to determine the potential of fuzzy linguistic sets]. In *International journal of scientific researches "The Advances in modern science and education"*, 4(9), 105–109.
 4. Baykhanov, I.B. (2022). Osobennosti upravleniya chelovecheskimi resursami v usloviyakh globalnikh peremen [Peculiarities of ruling of human resources in the conditions of global changes]. In *Power of history and history of power*, 8, 1(35), 20–29.
 5. Kara-Murza, S.G. (2005). *Manipulyatsiya soznaniem* [Manipulation of the conscience]. Moscow: Eksmo, 832 p.
 6. Kryuchkov, V.N. (2009). Missiya firmy kak mentalny virus [Mission of firm as mental virus]. *Bulletin of Omsk University. Series "Economics"*, 2, 119–122.
 7. Luria, A.R. (1998). *Yazik i soznanie* [Language and conscience]. Moscow, 336 p.
 8. Makulin, A.V. (2014). Taksomaniya sotsialno-ratsionalnykh illuziy: mentalnie lovushki, ratsiomorfnost [Taxonomy of socio-rational illusions: mental traps, ratiomorphism, crab mentality]. In *Theory and practice of social development*, 21.
 9. Medushevsky, A.N. (2023). Kognitivaya voyna: sotsialny kontrol, upravlenie soznaniem I instrument globalnogo dominirovaniya. Chast 1 [Cognitive warfare: social control, mind control and a tool for global domination. Part 1]. In *Questions of theoretical economics*, 2, 85–98. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_85_98
 10. Worf, B.L. (1960). O dvukh oshibichnykh vozzreniyakh nan a rech I myshlenie, kharakterizuushikh sistemu yestestvennoy logiki, I o tom, kak slova I obychai vliyayut na myshlenie [On the two incorrect opinions about speech and thinking, characterizing the system of natural logics, and about how the words and traditions impact on the thinking]. In *Science and linguistics (New in linguistics), Issue 1*. Moscow. Retrieved from <http://www.philology.ru/linguistics1/worf-60a.htm>
 11. Adrienne John R. Galang (2016). The mental virus: an idea worth having. In *Personality and Individual Differences*. DOI: 10.1016/j.paid.2016.03.081
 12. Bates, Daniel, & Strudwick, Matt (2024, March 1). *Mail Online. Kremlin leader made accusations during interview with Tucker Carlson*. Retrieved from <https://www.dailymail.co.uk/news/article-13063493/vladimir-putin-tucker-carlson-interview-claims-boris-johnson-scuppered-ukraine-deal.html>
 13. Brain, Strain (n.d.). Elon Musk and Bill Maher Warn Against the 'Woke Mind Virus,' a.k.a. Historical Fact. *Rolling Stone*. Retrieved from <https://www.rollingstone.com/culture/culture-news/elon-musk-bill-maher-interview-woke-mind-virus-1234725788/>
 14. Brodie, Richard (2011). *Virus of the Mind: The New Science of the Meme*. ISBN 10: 1401924697, ISBN 13: 9781401924690, Hay House Inc.
 15. Chomsky, N. (1986). *Knowledge of Language*. N.Y.: Praeger, 314 p.
 16. Dawkins, Richard (1993). Viruses of the Mind. Free Inquiry. Religion A Form Of Insanity? *Free inquiry*, 3.
 17. Kant, I. (1915). *Logic*. Petrograd, pp. 126–127.
 18. Pilkington, Philip (n.d.). *Higher defense spending won't save Europe*. Retrieved from <https://unherd.com/newsroom/higher-defence-spending-wont-save-europe-analysis/>

19. Zinkiewicz, Eugene (n.d.). *Olśnienie*. Retrieved from <https://myslpolska.info/2024/03/05/zinkiewicz-politycy-emanacja-narodu/>

ИСТОЧНИКИ

1. URL: <https://www.researchgate.net/publication/236270654>.
 2. URL: <https://www.rollingstone.com/culture/culture-news/elon-musk-bill-maher-interview-woke-mind-virus-1234725788/>.
 3. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-13063493/vladimir-putin-tucker-carlson-interview-claims-boris-johnson-scuppered-ukraine-deal.html>.
 4. URL: <https://myslpolska.info/2024/03/05/zinkiewicz-politycy-emanacja-narodu/>.
 5. URL: <https://unherd.com/newsroom/higher-defence-spending-wont-save-europe-analysis/>.
 6. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/worf-60a.htm>.
 7. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8C5byVupxzM>.
 8. UNGA — Atlantic Council Awards. — UEL: <https://www.youtube.com/watch?v=8C5byVupxzM>.
 9. Ожегов, С. Толковый словарь русского языка. 100 000 слов / С. Ожегов. — Москва : Мир и образование, 2020. — 736 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Альбеков, Н. Н. Поле эмерджентности как единица языковой системы / Н. Н. Альбеков, Т. В. Жеребило. — Текст : непосредственный // *Фундаментальные исследования*. — 2015. — № 2 (часть 8). — Ст. 1797–1800.
 2. Альбеков, Н. Н. Поле эмерджентности как модель определения потенциала нечетких лингвистических множеств / Н. Н. Альбеков. — Текст : непосредственный // *Международный научно-исследовательский журнал «Успехи современной науки и образования»*. — Белгород, 2016. — Т. 4, № 9. — С. 105–109.
 3. Альбеков, Н. Н. Эмерджентность языковой системы как результат функционирования речевых единиц : дис. ... д-ра филол. наук / Альбеков Н. Н. — Грозный, 2020. — 332 л. — Текст : непосредственный.
 4. Байханов, И. Б. Особенности управления человеческими ресурсами в условиях глобальных перемен / И. Б. Байханов. — Текст : непосредственный // *Власть истории и история власти*. — 2022. — Т. 8. — № 1 (35). — С. 20–29.
 5. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. — Москва : Эксмо, 2005. — 832 с. — Текст : непосредственный.
 6. Крючков, В. Н. Миссия фирмы как ментальный вирус / В. Н. Крючков. — Текст : непосредственный // *Вестник Омского университета. Серия «Экономика»*. — 2009. — № 2. — С. 119–122.
 7. Лурья, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурья. — Москва : Изд-во МГУ, 1998. — 336 с. — Текст : непосредственный.
 8. Макулин, А. В. Таксономия социально-рациональных иллюзий: ментальные ловушки, ратиоморфность, crab mentality / А. В. Макулин. — Текст : непосредственный // *Теория и практика общественного развития*. — 2014. — № 21.
 9. Медушевский, А. Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Ч. 1 / А. Н. Медушевский. — Текст : непосредственный // *Вопросы теоретической экономики*. — 2023. — № 2. — С. 85–98. — DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_85_98.
 10. Уорф, Б. Л. О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление / Б. Л. Уорф. — Текст : электронный // *Наука и языкознание*. — Москва : [б. и.], 1960. — URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/worf-60a.htm>. — (Новое в лингвистике ; вып. 1).
 11. Adrienne John R. Galang. The mental virus: an idea worth having / Adrienne John R. Galang. — Text : unmediated // *Personality and Individual Differences*. — 2016. — DOI: 10.1016/j.paid.2016.03.081.
 12. Bates, D. Mail Online. Kremlin leader made accusations during interview with Tucker Carlson / Daniel Bates, Matt Strudwick. — 2024. — Friday, Mar. — URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-13063493/vladimir-putin-tucker-carlson-interview-claims-boris-johnson-scuppered-ukraine-deal.html>. — Text : electronic.

13. Brain, Strain. Elon Musk and Bill Maher Warn Against the 'Woke Mind Virus,' a.k.a. Historical Fact / S. Brain. — Text : electronic // Rolling Stone. — URL: <https://www.rollingstone.com/culture/culture-news/elon-musk-bill-maher-interview-woke-mind-virus-1234725788/>.

14. Brodie, Richard. Virus of the Mind: The New Science of the Meme / Richard Brodie ; Hay House Inc. — 2011. — ISBN 10: 1401924697. — ISBN 13: 9781401924690. — Text : unmediated.

15. Chomsky, N. Knowledge of Language / N. Chomsky. — N. Y. : Praeger, 1986. — 314 p. — Text : unmediated.

16. Dawkins, R. Viruses of the Mind. Free Inquiry. Religion A Form Of Insanity? / Richard Dawkins. — Text : unmediated // Free inquiry. — 1993. — No. 3.

17. Kant, I. "Logic" / I. Kant. — Petrograd, 1915. — P. 126–127.

18. Pilkington, P. Higher defense spending won't save Europe / Philip Pilkington. — URL: <https://unherd.com/newsroom/higher-defence-spending-wont-save-europe-analysis/>. — Text : electronic.

19. Zinkiewicz, Eugene. Olśnienie / E. Zinkiewicz. — URL: <https://myslpolska.info/2024/03/05/zinkiewicz-politycy-emanacja-narodu/>. — Text : electronic.

РАЗДЕЛ 3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 81'42+81'81'27
ББК Ш105.51+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Марина Рашитовна Бабикова^{1✉}, Ольга Владимировна Кружкова^{2✉}

^{1,2} Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

¹ marina-anvarova@yandex.ru[✉], SPIN-код: 3594-3307

² galiat1@yandex.ru[✉], SPIN-код: 7080-7230

Прецедентные феномены графических повреждений городского пространства как элемент политического дискурса

АННОТАЦИЯ. Современный политический дискурс характеризуется разноплановостью и многомерностью. Коммуникация и события, наполняющие его, выходят за рамки институциональности, что позволяет рассматривать различные форматы политического дискурса. Так, предметом настоящего исследования являются прецедентные феномены графических повреждений городского пространства как полисемiotического формата указанного дискурса. Общая цель исследования заключается в выявлении специфики прецедентных феноменов как средства воздействия на городское пространство и его жителей. Для решения поставленных задач в ходе исследования применялись обобщение, описание, методы контекстуального, семиотического анализа, метод социолингвистического анализа и психолого-средовой анализ изображений. Отбор материала производился посредством метода сплошной выборки.

В статье делается вывод о том, что включение прецедентности в несанкционированные граффити — не только средство привлечения внимания, но и способ формирования определенного мнения горожан о происходящих политических событиях, зачастую скрывающий сильный эмоциональный контекст. За счет ярких или вызывающих надписей, содержащих прецедентный элемент, происходит активизация когнитивных процессов адресата, оставляющая в его памяти значительный след и оказывающая идеологическое воздействие, что, как следствие, предсказуемо вызывает эмоциональный отклик.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: графические повреждения, городское пространство, политический дискурс, прецедентные феномены, формат дискурса.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Бабикова Марина Рашитовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; email: marina-anvarova@yandex.ru.

Кружкова Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, заведующий лабораторией перспективных социосредовых исследований, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; email: galiat1@yandex.ru.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01487, <https://rscf.ru/project/23-28-01487/>.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Бабикова, М. Р. Прецедентные феномены графических повреждений городского пространства как элемент политического дискурса / М. Р. Бабикова, О. В. Кружкова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 115-121.

Marina R. Babikova^{1✉}, Ol'ga V. Kruzhkova^{2✉}

^{1,2} Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

¹ marina-anvarova@yandex.ru[✉], SPIN: 3594-3307

² galiat1@yandex.ru[✉], SPIN: 7080-7230

Precedent Phenomena of Graphic Damage to Urban Spaces as an Element of Political Discourse

ABSTRACT. Modern political discourse is characterized by diversity and multidimensionality. Communication and the events that fill it go beyond the institutional framework, which allows considering various formats of political discourse. Thus, the object of this study comprises precedent phenomena of graphic damage to urban space as a polysemiotic format of the said discourse. The overall goal of the research is to disclose the specificity of precedent phenomena as a means of influencing urban space and its inhabitants. To solve the problems posed in the course of the study, the authors use generalization, description, the methods of contextual and semiotic analysis, and the method of sociolinguistic analysis and psychological-environmental analysis of images. The selection of material was carried out using the continuous sampling method.

The article concludes that the inclusion of precedent phenomena in unauthorized graffiti is not only a means of attracting attention, but also a way of forming a certain opinion of the citizens about the ongoing political events, which often hides

a strong emotional context. The use of dazzling or provocative inscriptions containing a precedent element activates the recipient's cognitive processes, leaving a significant trace in their memory and exerting an ideological impact, which, as a result, brings about a predictable emotional response.

KEYWORDS: *graphic damage, graffiti, urban space, citizens, political discourse, political events, political texts, precedent phenomena.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Babikova Marina Rashitovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

Kruzhkova Olga Vladimirovna, Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of the Laboratory for Advanced Socio-Environmental Research, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

ACKNOWLEDGMENTS. The research has been carried out with financial support of the Russian Science Foundation grant № 23-28-01487, <https://rscf.ru/project/23-28-01487/>.

FOR CITATION: *Babikova M. R., Kruzhkova O. V. (2024). Precedent Phenomena of Graphic Damage to Urban Spaces as an Element of Political Discourse. In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 115-121. (In Russ.).*

Социально-политические явления современного общества характеризуются множественной «турбулентностью», требующей от представителей социума устойчивости и внутренней готовности к возникающим вызовам. Реакция населения на те или иные события, явления во многом зависит от уровня образования, политических предпочтений, психолого-половозрастных характеристик представителей общества. Деструктивная форма реакции может быть присуща отдельным субкультурам, радикальным политическим объединениям или представителям молодежи, привыкшим к противоправным формам самовыражения.

В настоящем исследовании речь идет о реакциях на политические события страны, распространяемых средствами графических повреждений городского пространства, зачастую бесконтрольных, стихийных и, как следствие, являющихся инструментом воздействия на адресатов неуставленного количества с разнообразным культурным уровнем.

Рассматривая политический дискурс с позиции алгоритма, предложенного В. И. Карасиком («характеристика типовых участников; описание хронотопа; выявление целей; определение ценностей; описание основных стратегий; описание ключевых жанров» [Карасик 2004]), следует говорить о многомерности этого феномена, о его выходе за рамки институциональности. На сегодня политический дискурс представлен не только сферой «политиков, ограниченной профессиональными рамками; их деятельностью, продуцируемой в институциональной политической обстановке» [Шапочкин 2012, цит. по: Сиркия 2018: 165]. Это та сфера, которая вовлекает разных субъектов; по мнению Н. П. Сиркия, это «политические лидеры, политические партии и объединения; средства массовой коммуникации; индивиды, социальные группы и общество в целом» [Сиркия 2018: 166]. Это разное про-

странственно-временное оформление, в котором дискурс может быть реализован одновременно и в пределах характерной для него обстановки — Государственная дума, палата министров и пр., и в других вариантах: виртуальное пространство, личная беседа, персональное выражение мнения индивида.

Современный политический дискурс — это разнообразное жанровое пространство: «инаугурационное обращение, лозунг, конституция, послание президента, предвыборные дебаты, анекдоты, мемуары, комментарии на политические события» [Карасик 2004: 282] и т. д. Таким образом, мы видим, как существующие параметры институциональности политического дискурса в какой-то момент «размываются». О таком феномене упоминает Е. И. Шейгал, описывая политический дискурс в его «тесном переплетении с другими видами дискурса: бытовым, художественным, дискурсом массмедиа и пр.» [Шейгал, цит. по: Карасик, 2004: 282]. Ряд исследователей, отмечая размытие границ институциональности политического дискурса, в части осуществления коммуникации выделяют, например, политический интернет-дискурс [Никифорова 2014; Сиркия 2018; Тагильцева 2006].

Коммуникативная реальность современного политического дискурса, его участники, хронотоп и другие компоненты расширяют границы дискурса, позволяя исследователям выделять разные форматы. Мы предлагаем выделить полисемiotических форматов политического дискурса.

Одним из таких форматов является граффити. Графические повреждения — вариант коммуникации в пределах городского пространства. Наполняя граффити разными смыслами, авторы демонстрируют свою ментальную принадлежность: от безобидного, пусть и несанкционированного, самовыражения до трансляции острополитических, оппозиционных идей. Граффити — это не

только инструмент влияния объединений, исключенных из установленной политической системы, это ресурс, подвластный любому жителю, обладающему внутренней готовностью к нарушению закона и желающему таким образом заявить о своих политических предпочтениях, выразить мнение относительно политических событий, привлечь внимание к тем или иным событиям / политикам; кроме того, это еще и инструмент считывания того, какое понимание текущих политических событий складывается у некоторых горожан, какой смысл они вкладывают в политику.

Кроме функции выражения, несанкционированные политические граффити реализуют функцию воздействия, когда их «выламывающаяся» из нормативного окружения инаковость, сопровождаемая, как правило, размещением в местах с высокой проходимостью человеческого потока, принуждает множество наблюдателей воспринимать запечатленные в них смыслы и, возможно, внутренне (а иногда и внешне) вступать с ними в полемику. Граффити навязывают наблюдателям необходимость видеть их, наравне с архитектурой являясь объектом «насильственной демонстрации» [Аль-Амери, Исмаила 2024], не оставляя наблюдателю свободы воли и выбора в восприятии или отказе во взаимодействии с ними как источниками визуального и информационного влияния. Политические граффити хорошо запоминаются даже при единичной демонстрации, поскольку посвящены острым социальным вопросам, затрагивающим интересы большинства людей [Кружкова, Бабикова, Робин 2024], и, хотя в большинстве случаев оцениваются наблюдателями негативно [Кружкова, Бабикова, Робин 2024; Швиндт 2021], тем не менее могут оказывать существенное влияние на общественные настроения и индивидуальные мнения, политические предпочтения и позиции граждан.

Использование граффити обусловлено его широким потенциалом, способностью в самых изощренных художественных формах, иногда лишь одной, но ставшей уже прецедентной фразой выражать идеологию, направленную на разжигание вражды и ненависти по признаку расовой, религиозной принадлежности, транслировать мнение оппозиционного характера, прививая его адресатам. Будучи полисемiotическим средством, графические повреждения состоят из

визуальных и вербальных символов, где ведущую функцию выполняет именно визуальный компонент, который нередко полностью дублирует компонент вербальный. Привлечение внимания к смыслу повреждения достигается авторами за счет разнообразных риторических приемов, средств образной выразительности, тропов (обороты в переносном значении и фигуры речи), отсылок к прецедентным феноменам, частотностью инфинитивных предложений, выражающих семантику побуждения адресата речи к совершению какого-либо действия, а также «предоставляющих возможности для эмоционального и афористического выражения мысли» [Голошубина, Никитина 2017: 74]. В рамках настоящего исследования внимание уделяется интертекстуальности политического дискурса. Как отмечает А. П. Чудинов, «современный политический текст часто строится и воспринимается как своего рода диалог с другими текстами: автор развивает и детализирует высказанные ранее идеи, полемизирует с ними, дает свою интерпретацию фактов, подчеркивает собственную позицию. Такой текст оказывается насыщенным множеством скрытых и откровенных цитат, реминисценций, аллюзий, прецедентных метафор; его полное восприятие возможно только в дискурсе с использованием множества фоновых знаний из различных областей культуры» [Чудинов 2012: 114]. Анализ графических повреждений демонстрирует разнообразие прецедентных феноменов: это отсылка к высказываниям, ситуациям, именам, символам, метафорам и пр., благодаря которой подчеркивается и раскрывается суть политического дискурса.

В настоящее время граффити часто «связаны с „оппозиционной“ субкультурой: они могут служить неким „индикатором“ политической активности, а нередко являются и средством выражения политической позиции, такие граффити можно обозначить как политические. Политические граффити особенно популярны среди группировок, исключенных из установленной политической системы, например, националистические, экстремистские» [Ворошилова 2016: 60]. Нередко встречаются надписи, нанесенные горожанами с целью выражения протеста, личной оценки происходящих событий, их содержание также отсылает адресата к политическому дискурсу. Рассмотрим примеры (см. рис. 1, 2).

Рис. 1 (фото из личного архива)

В январе 2024 года на одной из оживленных улиц Екатеринбурга появилось граффити с изображением моряка Попая, на бицепсе которого изображен кельтский крест, а рядом сопровождающий текст: «На кого детишки быть похожими хотят? Он и <название группы национальностей> зарежет, снимет с дерева котят!» (рис. 1). Кельтский крест — прецедентный символ, идентифицируемый с движением белых расистов и скинхедов. Смысл текста открыто призывает к насилию против лиц обозначенных национальностей, а апелляция к другому прецедентному феномену — образу сильного и положительного героя, преодолевающего все трудности, способствует формированию у читателя допустимости предложенной стратегии поведения. Использование образа мультипликационного героя с ярким просоциальным героическим поведением и готовностью преодолевать ограничения и препятствия формирует ложную установку у наблюдателя на допустимость девиантного поведения при условии достижения посредством него «благой» цели, ориентацию на подражание данному герою. При этом адресатами здесь будут являться не только дети (как основные потребители мультипликационного контента), но и взрослые, чье детство пришлось на 90-е гг. XX в., хорошо знакомые с данным героем мультфильма и его стратегией поведения. Использование простого стихотворного текста с хорошей ритмикой приводит к легкому его запоминанию и непроизвольному воспроизведению в памяти. Текст построен таким образом, что четко описывает образ якобы социально одобряемого поведения. В нем как равнозначно позитивные и рядоположенные перечисляются

Рис. 2 (фото из личного архива)¹

действия по спасению животного и убийство людей по национальному признаку.

Изображение направлено на активизацию механизмов идентификации и подражания, посредством которых предполагается принесение экстремистских установок как социально одобряемых в поведение невольного наблюдателя. Отсутствие прямого призыва к противоправным действиям и апеллирование к значимым позитивным образам из детства наблюдателей реализуется за счет инструментов «мягкой силы» [Бабилова, Кружкова 2024], создавая условия для снижения барьеров принятия навязываемых экстремистских установок, создавая почву для развития реакции насильственного характера в случае обострения межнациональной напряженности.

Граффити, зафиксированное на втором рисунке, также было размещено на одной из оживленных транспортных артерий Екатеринбурга. Перед нами отсылка к специальной военной операции, что прочитывается благодаря включению таких прецедентных феноменов, как сочетание букв ZVO, флаг Российской Федерации, аббревиатура НАТО. Вербальный компонент «Работайте братья» также является прецедентным и отсылает в первую очередь к ситуации его появления — последние слова Магомеда Нурбагандова, Героя России, лейтенанта полиции, трагически погибшего от расстрела боевиков, позже ставшая крылатым выражением, символизирующим уничтожение боевиков, борьбу с ними. Упомянутая фраза в значении «борьбы с врагом, его уничтожении» появляется в одноименном тексте песни музыкальной группы «Чёрная ночь». Произведения данной группы исполняются в под-

¹ Изображения, представленные в материалах статьи, имеют исключительно исследовательский потенциал. Не являются проявлением агрессии и стремлением к оскорблению кого-либо.

держку специальной военной операции. Композиционное размещение прецедентных элементов и визуальный ряд символизируют беспощадное отношение к антагонисту, формируя у единомышленников чувство единения и поддержки. Смысл граффити демонстрирует поддержку «СВОих», участвующих в СВО, на что указывает не только визуальный компонент граффити, но и текст обращения. Однако в психологическом плане выбранная стилистика хоррор-изображения с большим количеством элементов, содержащих скрытую агрессию (острые углы, изображение крови, изломы прямых линий и пр.) работает в большей степени на негативные эмоции, демонстрируя утраченное, беспощадность, неумолимую силу и вызывая у зрителя не только чувство единения и превосходства, но и опасения, испуг, отвращение. В связи с локацией размещения рядом с промзоной в наибольшей степени данное изображение направлено адресатам от подросткового к более старшим возрастам, а использование ограниченной цветовой палитры с серым фоном изображения делает данное граффити аутентичным для окружающей среды, естественно вписанным в нее, заставляя остальную внешнюю обстановку (заводские стены, улицу, транспорт и пр.) в их смысловой наполненности и динамике работать на заложенную в изображении идею.

Смысловое наполнение данного графического повреждения является одной из самых распространенных на сегодняшний день

тем, активно транслируемых разными категориями граждан в пределах городского пространства. При этом следует отметить, что тема имеет две стороны: традиционно встречаются подобные граффити, выражающие поддержку, сострадание, призывающие сограждан объединиться в борьбе с «врагом», а есть граффити, выражающие протестное настроение в связи с этой темой. Изображения последнего типа содержат явные или скрытые призывы к прекращению военной операции, направлены на обвинение представителей государственного управления в незаконных действиях и т. д. Такие графические повреждения представлены на иллюстрациях 3, 4.

На рисунках 3,4 присутствует отсылка к прецедентному имени — Путин. На рисунке 3 — легко узнаваемая визуализация образа Президента и вербальный компонент «*мама, я все верну! Вова*». Визуальная часть, судя по всему, передает эмоцию печали, грусти, для кого-то, возможно, досады, стыда и вины. Вербальный компонент, представленный в форме некоего обещания, ставит изображенное лицо в позицию виноватого, стремящегося к устранению последствий, наступивших в результате определенных действий. Прибегая к такой трансляции смысла, автор как будто обвиняет указанное лицо в том, о чем адресат сам должен додумать. Такая формулировка смысла выглядит очень диалогичной: во-первых, очевидна отсылка к актуальным по-

Рис. 3 (фото из личного архива)

Рис. 4 (фото из личного архива)

литическим событиям и прослеживается отношение неодобрения действий первого лица государства, во-вторых, полное раскрытие смысла будет у каждого адресата свое в силу разной специфики восприятия заложенной в граффити темы.

Изображение 4 также отсылает к упомянутому прецедентному имени, но, в отличие от предыдущего примера, в данном случае Президенту дана характеристика «скупого (в граффити номинировано словом „жадина“), кровожадного, беспощадного» правителя через трансформации прецедентной детской дразнилки «жадина-говядина». Данный пример выполнен в формате языковой игры, представляющей для кого-то «прозрачную, для кого-то достаточно сложную загадку» [Чудинов 2015: 115].

Отдельно следует отметить особенность расположения графических повреждений, представленных на рисунках 3 и 4: граффити представлены в форме «скрытых протестов», так как локализованы в переулках, в местах с низкой проходимостью, но за счет того, что такие граффити дольше остаются на стенах, повышается регулярность считывания смысла одними и теми же адресатами, и, как следствие, запоминаемость и интеграция в сознание адресата.

Использование прецедентности в политической коммуникации, выходящей за рамки правового регулирования, придает графическим повреждениям особую привлекательность для адресатов, способствующую активизации когнитивных процессов, увеличивающую шансы на длительную фиксации информации в памяти адресата: «...используемые в тексте прецедентные феномены делают изложение более интеллектуальным, формируют новые смыслы, вводят новое событие в общеисторический и культурный контекст... Прецедентные феномены позволяют сделать сообщение более ярким, привлекающим внимание» [Чудинов 2015: 115].

За счет граффити осуществляется речевое воздействие на адресата, формирование определенного отношения к тем или иным реалиям политической жизни. Включенные в графические повреждения прецедентные феномены направлены на идеологическое воздействие, является эмоциональным способом воздействия на адресата, так как данные феномены способны вызывать предсказуемый эмоциональный отклик.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аль-Амери, Д. Х. Граффити, революция и городская среда / Д. Х. Аль-Амери, Х. Б. Исмаила. — Текст : непосредственный // Проект Байкал. — 2024. — № 21 (79). — С. 74–80. — DOI <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/77.2289>.

2. Белкина, О. Е. Прецедентные феномены во французском протестном дискурсе 2018–2020 гг. (на материале плакатов и граффити) / О. Е. Белкина, Ю. А. Балыш, М. К. Огородов. — Текст : непосредственный // Филологические науки в МГИМО. — 2020. — № 2 (22). — С. 82–88. — DOI doi.org/10.24833/2410-2423-2020-2-22-82-88.

3. Босова, Л. М. Эмотивность политического дискурса / Л. М. Босова, А. Н. Диденко. — Текст : непосредственный // Евразийский Союз Ученых. — 2018. — № 7 (52). — С. 40–42.

4. Бочарова, О. А. Политические граффити Москвы / О. А. Бочарова, Я. М. Шукин. — Текст : непосредственный // Вестник Евразии. — 1999. — № 1-1. — С. 18–32.

5. Ворошилова, М. Б. Тема-рематический анализ граффити / М. Б. Ворошилова. — Текст : непосредственный // Психолингвистические аспекты речевой деятельности. — 2016в. — № 14. — С. 58–67.

6. Голошубина, О. К. Языковое воплощение речевого жанра «разговор в мессенджере»: типичные реализации / О. К. Голошубина, Л. Б. Никитина. — Текст : непосредственный // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2017. — № 3 (16). — С. 72–76.

7. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2004. — 390 с. — Текст : непосредственный.

8. Кружкова, О. В. Вандально нанесенные тексты: потенциал «мягкой силы» / О. В. Кружкова, М. Р. Бабикина, С. Д. Робин. — Текст : непосредственный // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 96–117. — DOI [10.24224/2227-1295-2024-13-2-96-117](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-96-117).

9. Матусевич, А. А. Общение в социальных сетях: прагматический, коммуникативный, лингвистический аспекты характеристики : дис. ... канд. филол. наук / А. А. Матусевич. — Киров, 2016. — 190 с.

10. Никифорова, А. М. Актуализация цветоименований и цветообразов в современном американском политическом интернет-дискурсе (на материале сайтов политических партий США) : 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Никифорова Алиса Михайловна. — Санкт-Петербург, 2014. — 22 с. — EDN ZPKBFX.

11. Сиркия, Н. П. Политический дискурс VS политический интернет-дискурс: сходства и различия (когнитивный аспект) / Н. П. Сиркия. — Текст : непосредственный // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2018. — Т. 10, № 2-2. — С. 164–170. — DOI [10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-164-170](https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-164-170). — EDN URLLWA.

12. Тагильцева, Ю. Р. Субъективная модальность и тональность в политическом интернет-дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / Тагильцева Ю. Р. — Екатеринбург, 2006. — 251 с. — Текст : непосредственный.

13. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — 4-е изд. — Москва : Флинта : Наука, 2012. — 256 с. — Текст : непосредственный.

14. Швиндт, У. С. Эстетическая и проблемная ориентация стрит-арта в восприятии городского населения (на примере Екатеринбурга) / У. С. Швиндт. — Текст : непосредственный // Koinon. — 2021. — Т. 2. — № 2. — С. 100–115. — DOI [10.15826/koinon.2021.02.1.005](https://doi.org/10.15826/koinon.2021.02.1.005).

15. Шейгал, Е. И. Игровой дискурс: игра как коммуникативное событие / Е. И. Шейгал, Ю. М. Иванова. — Текст : непосредственный // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2008. — Т. 67, № 1. — С. 3–20. — EDN INMJQL.

REFERENCES

1. Al'-Ameri, D.H., & Ismailya, H.B. (2024). Graffiti, revolyuciya i gorodskaya sreda [Graffiti, revolution and urban environment]. *Proekt Bajkal*, 21(79), 74–80. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/77.2289> (In Russ.)

2. Belkina, O.E., Balysh, Yu.A., & Ogorodov, M.K. (2020). Precedentnye fenomeny vo francuzskom protestnom diskurse 2018–2020 gg. (na materiale plakatov i graffiti) [Precedent phenomena in French protest discourse 2018–2020. (based on posters and graffiti)]. *Filologicheskie nauki v MGIMO*, 2(22), 82–88. doi.org/10.24833/2410-2423-2020-2-22-82-88 (In Russ.)

3. Bosova, L.M., & Didenko, A.N. (2018). Emotivnost' politicheskogo diskursa [Emotivity of political discourse]. *Evrazijskij Soyuz Uchenykh*, 7(52), 40–42. (In Russ.)

4. Bocharova, O.A., & Shchukin, Ya.M. (1999). Politicheskie graffiti Moskvy [Political graffiti of Moscow]. *Vestnik Evrazii, 1-1*, 18–32. (In Russ.)
5. Voroshilova, M.B. (2016). Tema-rematicheskij analiz graffiti [Theme-rhematic analysis of graffiti]. *Psicholingvistiicheskie aspekty rechevoj deyatel'nosti, 14*, 58–67. (In Russ.)
6. Goloshubina, O.K., & Nikitina, L.B. (2017). Yazykovoe voploshchenie rechevogo zhanra «razgovor v messendzhere»: tipichnye realizacii [Linguistic embodiment of the speech genre “conversation in the messenger”: typical implementations]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya, 3(16)*, 72–76. (In Russ.)
7. Karasik, V.I. (2004). *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow: Gnozis, 390 p. (In Russ.)
8. Kruzhkova, O.V., Babikova, M.R., Robin, S.D. (2024). Vandal'no nanesennye teksty: potencial «myagkoj sily» [Vandalized texts: the potential of “soft power”]. *Nauchnyj dialog, 13(2)*, 96–117. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-96-117 (In Russ.)
9. Matushevich, A.A. (2016). *Obshtchenie v sotsial'nykh setyakh: pragmaticheskiy, kommunikativnyy, lingvostilisticheskiy aspekty kharakteristiki* [Communication in social networks: pragmatic, communicative, linguistic and stylistic aspects of characteristics] [Dis. ... of Cand. of Philology]. Kirov, 190 p. (In Russ.)
10. Nikiforova, A.M. (2014). *Aktualizaciya cvetonaimenovanij i cvetoobrazov v sovremennom amerikanskom politicheskom internet-diskurse (na materiale sajtov politicheskij partij SSHA)* [Up-dating of color names and color images in modern American political Internet discourse (based on the websites of US political parties)] [Abstract of Dis. ... of Cand. of Philology]. St. Petersburg, 22 p. EDN ZPKBFX. (In Russ.)
11. Sirkija, N.P. (2018). Politicheskij diskurs VS politicheskij internet-diskurs: skhodstva i razlichiya (kognitivnyj aspekt) [Political discourse VS political Internet discourse: similarities and differences (cognitive aspect)]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl', 10(2-2)*, 164–170. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-164-170. EDN: URLLWA. (In Russ.)
12. Tagil'ceva, Yu.R. (2006). *Sub'ektivnaya modal'nost' i tonal'nost' v politicheskom internetdiskurse* [Subjective modality and tonality in political Internet discourse] [Dis. of Cand. of Philology]. Ekaterinburg, 251 p. (In Russ.)
13. Chudinov, A.P. (2012). *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics] [Textbook] (4th ed.). Moscow: Flinta: Nauka, 256 p. (In Russ.)
14. Shvindt, U.S. (2021). Esteticheskaya i problemnaya orientaciya strit-arta v vospriyatii gorodskogo naseleniya (na primere Ekaterinburga) [Aesthetic and problematic orientation of street art in the perception of the urban population (using the example of Yekaterinburg)]. *Koinon, 2(2)*, 100–115. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.005 (In Russ.)
15. Shejgal, E.L., & Ivanova, Yu.M. (2008). Igrovoy diskurs: igra kak kommunikativnoe sobytie [Game discourse: game as a communicative event]. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka, 67(1)*, 3–20. EDN: INMJQL (In Russ.)

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 811.133.1'42+811.133.1'38
ББК ШП47.11-51+ШП47.11-55

ГРНТИ 16.21.33; 16.31.02

Код ВАК 5.9.8

Елизавета Анатольевна Вдовиченко^{1✉}, Евгения Александровна Медовикова^{2✉}

^{1,2} Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹ elizaveta90@mail.ru[✉], SPIN-код: 2345-4832, <https://orcid.org/0000-0003-0227-3689>

² e-medovikova@yandex.ru[✉], SPIN-код: 1466-5710, <https://orcid.org/0000-0002-4565-0635>

Восприятие политического дискурса детской таргет-группой

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрено восприятие как система приема и преобразования информации об окружающей действительности. Отражены факторы, влияющие на процесс восприятия: характеристика объектов восприятия, продолжительность процесса восприятия информации, локализация объекта восприятия, оценка объекта восприятия, воздействие, оказываемое на субъекта. Материалом данного исследования стали 50 франкоязычных новостных текстов политической тематики, отобранные приемом сплошной выборки, и 555 комментариев на них, оставленных детьми в возрасте 8–12 лет. В ходе исследования были использованы общенаучные (синтез, анализ) и частнонаучные методы (лексический анализ и элементы качественного и количественного контент-анализа). В результате выявлено, что тематика новостных текстов стимулирует детей оставлять на них свои комментарии. Способ подачи политических терминов и общественно-политической лексики, которые присутствовали в новостном тексте, не влияет на их употребление детьми в своих комментариях. Большое влияние на возможность написания комментариев, содержащих политическую терминологию, оказывает структура новостного текста, способ подачи новостной информации. К таким структурам относятся: «Kebab» (Кебаб), «Inverted pyramid» (Перевернутая пирамида), «Cake» (Торт), «Diamond» (Бриллиант).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: восприятие политического дискурса, политический дискурс, политические новости, новостной дискурс, новостные тексты, политические тексты, тема политики, дети, французский язык, комментарии детей, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, французские СМИ, языковые средства.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Вдовиченко Елизавета Анатольевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и методики преподавания гуманитарных дисциплин, Институт образования, Кемеровский государственный университет; 650060, Россия, Кемеровская область — Кузбасс, г. Кемерово, ул. Красная, 6; email: Elizaveta90@mail.ru.

Медовикова Евгения Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры акмеологии и психологии развития, Институт образования, Кемеровский государственный университет; 650060, Россия, Кемеровская область — Кузбасс, г. Кемерово, ул. Красная, 6; email: e-medovikova@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Вдовиченко, Е. А. Восприятие политического дискурса детской таргет-группой / Е. А. Вдовиченко, Е. А. Медовикова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 122-130.

Elizaveta A. Vdovichenko^{1✉}, Evgeniya A. Medovikova^{2✉}

^{1,2} Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

¹ elizaveta90@mail.ru[✉], SPIN code: 2345-4832, <https://orcid.org/0000-0003-0227-3689>

² e-medovikova@yandex.ru[✉], SPIN code: 1466-5710, <https://orcid.org/0000-0002-4565-0635>

Perception of Political Discourse by Children of a Target Group

ABSTRACT. This article considers perception as a system of reception and pre-processing of information about the surrounding reality. It reflects the factors influencing the process of perception: the characteristics of the objects of perception, the duration of the process of information perception, the localization of the object of perception, the evaluation of the object of perception, and the impact exerted on the subject. The material for this study consists of 50 French-language news texts on political topics, selected by means of continuous sampling, and 555 comments on them left by children aged 8 to 12 years old. The study uses general scientific methods (synthesis, analysis) and specific scientific methods (lexical analysis and elements of qualitative and quantitative content analysis). As a result of the study, it has been revealed that the topics of news texts stimulate children to leave their comments on them. The way of presentation of political terms and socio-political vocabulary in the news texts does not influence their usage by the children in their comments. Special influence on the writing of comments containing political terminology is exerted by the structure of the news text and the way in which news information is presented. Such structures include: “Kebab”, “Inverted pyramid”, “Cake”, and “Diamond”.

KEYWORDS: perception of political discourse, political discourse, political news, news discourse, news texts, political texts, the theme of politics, children, French language, children’s comments, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, French media, language means.

AUTHOR’S INFORMATION: Vdovichenko Elizaveta Anatol’evna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Theory and Methods of Teaching Humanities, Institute of Education, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Medovikova Evgeniya Aleksandrovna, Candidate of Psychology, Associate Professor of Department of Acmeology and Developmental Psychology, Institute of Education, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

FOR CITATION: Vdovichenko E. A., Medovikova E. A. (2024). Perception of Political Discourse by Children of a Target Group. In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 122-130. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Восприятие представляет собой сложную систему приема и преобразования информации, которая обеспечивает человеку отражение объективной реальности и ориентировку в окружающем мире [Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров 2004]. С помощью восприятия у личности складывается представление о той деятельности, в которую она погружена.

Механизмы восприятия различного рода событий выступают фундаментальными организаторами сознательного опыта, определяют активное поведение, формирование личного опыта. В широком аспекте познание окружающей действительности определяется восприятием событий, активным взаимодействием с контролем памяти, речи и действий [Zacks 2020].

Восприятие речевых символов (текстовой информации) играет важную роль в ориентации на новые события окружающей действительности, определяет особенности общения личности в социуме [Oxenham 2018].

На современном этапе развития общества стоят проблемы восприятия, определения природы общения на лексическом и фонетическом уровнях, осознания необходимости понять, как система восприятия динамически меняется, что позволяет слушателям успешно обрабатывать переменный ввод и новые слова, с которыми они постоянно сталкиваются [Samuel 2011].

В исследовании M. S. Banumathi и соавторов установлено, что такие факторы, как возраст и тип используемых стимулов, влияют на восприятие текстовой информации. Авторы отмечают, что эффективность восприятия информации и использование ее в обыденном речевом взаимодействии с возрастом улучшается (использование терминов, предложений в рамках определенной тематики) [Banumathi et al. 2023].

В лингвистике изучается представленность компонентов восприятия на разных уровнях языка. Структура высказываний в ситуации общения описана в работах Г. А. Золотовой, В. А. Кирилловой, М. Б. Примовой; синтаксис модальностей восприятия исследуют Н. Д. Арутюнова, И. М. Кобозева; лексику модальностей восприятия — Ю. Д. Апресян, Л. М. Васильев, В. Г. Гак, А. А. Кретов.

Лексика характеризует способность субъекта к восприятию. Лексические единицы определяют объекты действительности и

позволяют дать им окраску. Для эффективного восприятия необходимо учитывать ряд факторов: характеристика объектов восприятия, продолжительность процесса восприятия информации, локализация объекта восприятия (условия), оценка объекта восприятия (личностный смысл), воздействие, оказываемое на субъект (ценность, интерес) [Филиппович 2016].

С. Л. Рубинштейн подчеркивал схематичный процесс восприятия информации, основанный не только на первичном усвоении полученных сведений, но и на осмыслении, что предполагает осознание, закрепление в памяти и дальнейшее воспроизведение в соответствующих обстоятельствах. Таким образом, автор выделял в процессе восприятия информации следующие взаимосвязанные моменты: «первичное ознакомление с материалом, или его *восприятие* в широком смысле слова, его *осмысление*, специальная работа по его *закреплению* и, наконец, *овладение* материалом, в смысле возможности оперировать им в различных условиях, применения его на практике» [Рубинштейн 2002: 671].

А. А. Фетисова определяла процесс усвоения информации через следующие составляющие: восприятие — осмысление — запоминание — применение на практике [Фетисова 2011].

Этап собственно восприятия имеет особое значение в процессе усвоения лексического материала. С. А. Трофименко пишет о том, что восприятие обусловлено не только индивидуальными психологическими особенностями обучающихся, но и активным участием в процессе деятельности (в том числе общении), когда человеку понятны цель, условия, процесс организации взаимодействия [Трофименко 2021].

А. М. Маркарян отмечает, что в механизмах восприятия текстовых символов, в том числе специальной лексики, есть ряд особенностей. Если личность не владеет знаниями по определенной тематике, то она не будет способна к критическому анализу предложенного текста с заданной терминологией. Восприятие материала (терминов) будет носить фрагментарный характер. Согласно позиции автора, можно выделить два механизма восприятия лексической терминологии: вероятностный и накопительный. Вероятностный имеет значение тогда, когда у личности возникает несколько равноценных

для нее, но отличных по степени адекватности вариантов осмысления той или иной лексической единицы. Накопительный механизм срабатывает, когда идет процесс аккумуляции малоизвестной лексической единицы в оперативной памяти до момента получения уточняющей информации о ней в процессе дальнейшей деятельности [Маркарян 2007].

В работе С. М. Валявко и Ю. А. Шулекиной рассмотрены особенности смыслового восприятия слова детьми с нарушениями речевого развития [Валявко, Шулекина 2013]. Авторы отмечают позицию В. П. Зинченко в отношении того, что понимание информации должно являться главной целью обучения (усвоения информации) [Зинченко 1998]. Активно усвоение информации как речемыслительный процесс проходит в период школьного детства. В данном возрасте накопление словаря происходит поэтапно, ребенок постепенно погружается в «знания о словах и эквивалентных им единицах, связанных со стоящими за ними структурами экстралингвистического знания» [Валявко, Шулекина 2013: 18], что и составляет языковую компетенцию школьника.

Согласно позиции Н. И. Климовича, политический дискурс представляет собой сложное явление. Он подразумевает наличие политических смыслов, может содержать исторические ссылки, политическую позицию средства массовой информации и др. Восприятие политического дискурса носит индивидуальный характер и определяется особенностями окружающей среды, образовательным уровнем, социальным статусом личности. В связи с чем одно и то же политическое явление может по-разному трактоваться личностями одного и того же возраста, пола, находящимися в сходных условиях окружающей среды [Климович 2018].

На современном этапе можно отметить ряд сложностей в аспекте восприятия личностью образа политической власти, политического лидера, народа, территории в контексте межличностного взаимодействия.

Д. А. Леонтьев в своих исследованиях определял восприятие как отражение в сознании конкретного человека социальных объектов (политический лидер, политическая власть и т. д.), конечным продуктом которого является образ [Леонтьев 2000].

А. В. Селезнева и А. В. Дождиков в рамках теории политической социализации определяют особенности восприятия политических терминов с учетом позиции личности, формирующихся ценностей и мировоззрения [Селезнева, Дождиков 2012].

По мнению R. S. Sigel, политическую социализацию необходимо рассматривать как

процесс становления гражданина в долгосрочной перспективе, когда ценности и установки меняются [Sigel 1995], оказывают влияние на поведение и восприятие политической жизни общества [Кецба, Ласария 2020].

И. В. Савельева отмечает, что психофизические особенности индивидуальной языковой личности, а именно способ восприятия и познания мира при кодировании / декодировании информации, определяют модель текстовосприятия и текстопорождения. Таким образом, обучающиеся могут не только реконструировать предлагаемое им значение информации (политической терминологии, лексические обороты), но и отразить собственную мысль, преломляющуюся через призму собственных интересов и целей [Савельева 2013].

Выдвигается следующая гипотеза: элементы текста (тема, структура, лексическая составляющая) могут оказывать влияние на молодых читателей новостных текстов в возрасте 8–12 лет, способствовать восприятию и усвоению информации, в данном случае политических терминов, что приводит к дальнейшему употреблению их в речи.

Цель — выявить, какие элементы текста являются триггером для детей 8–12 лет, способствующим лучшему усвоению и употреблению политических терминов при комментировании новостного текста (текста-стимула).

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛ

Материалом для исследования послужили 50 новостных текстов политической тематики, отобранные приемом сплошной выборки из франкоязычного журнала «1jour1actu» за период 2013–2022 гг., и 555 комментариев, оставленных на них детьми в возрасте 8–12 лет.

В ходе исследования были использованы общенаучные (синтез, анализ) и частнонаучные методы (лексический анализ и элементы качественного и количественного контент-анализа).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В своих исследованиях мы согласны с позицией Н. И. Климовича о том, что восприятие политического дискурса необходимо изучать в контексте половозрастных отношений и связанных с ними практик идеологического восприятия текстовых структур [Климович 2018].

Также согласимся с К. С. Сычевой в том, что современные школьники достаточно часто оказываются в разных коммуникативных ситуациях, все чаще им приходится активно принимать участие в научных меро-

приятных различного уровня, где бывает необходимо построить устное монологическое высказывание в учебно-научном подстиле. Это в свою очередь требует от учащихся владения определенными навыками устной речи, что предполагает усвоение политической терминологии [Сычева 2020].

В определении выборки исследования особое значение имела работа M. S. Vanu-mathi и соавторов, в которой описана роль возраста в восприятии речи (лексических единиц) в группе детей 8—12 лет, что позволило определить сензитивный период для изучения данной проблематики [Vanu-mathi et al. 2023].

Восприятие текста является составной частью восприятия речи, на что необходимо обращать внимание в контексте исследования. На восприятие информации влияют три основные группы факторов: физические, структурные, а также содержательные характеристики текста, в связи с чем требуется применение комплексного подхода к проблеме.

В ходе выявления политических терминов в 50 новостных текстах политической тематики, ориентированных на детей 8—12 лет, было обнаружено 37 терминов, из которых 16 вводятся в новостной текст с помощью аналогизации, перифраза с сохранением смыслового содержания, конкретизации информации или употребления эквивалента / понятия, знакомого для детской аудитории, сразу после политического термина. Среди таких терминов оказались: *les députés, Le président de la République, la coalition, le Premier ministre, l'ONU, la destitution, l'impeachment, l'abstention, primaire, débattre, la monarchie, un suffrage indirect, le Brexit, le Conseil des ministres, un frondeur, un immigré*. Когда были изучены комментарии детей, оставленные на новостные тексты, где имеются данные политические термины с их пояснениями, то было обнаружено, что дети не прибегали к ним, чтобы выразить свои мысли по прочитанному тексту.

Например, в статье *Le nouveau gouvernement a été désigné*¹ (Назначено новое правительство) автор вводит термин *le Conseil des ministres* со следующим пояснением: *C'est une réunion très importante durant laquelle sont prises les grandes décisions, comme les nouvelles lois* (Это очень важное совещание, на котором принимаются важные решения, такие как новые законы), скорее всего, для того чтобы молодые читатели осознали

важность всех членов правительства, не только президента и его премьер-министра, но и группы министров, которых набирает премьер-министр для совместной работы, решения политических вопросов страны. Также в конце новостного текста имеется уточнение: *gouvernement (правительство) (composé du Premier ministre, des ministres et des secrétaires d'État)* (состоящее из премьер-министра, министров и госсекретарей). Но в детских комментариях зафиксировано только выражение поддержки, при этом не совсем понятно, кому она адресована, предположительно, премьер-министру, и имеется одно желание — стать президентом:

- *c'est une grosse responsabilité* 🧠💡💡 (это большая ответственность 🧠💡💡).
- *C'est vraie c'est une énorme responsabilité en tout cas bravo pour le courage et je voterais pour toi je suis avec toi allezzz* 😊 (Это правда, в любом случае это огромная ответственность, браво за смелость, и я бы проголосовал за тебя, я с тобой, давай 😊).
- *J'aimerais une fois être présidente* (Я хотел бы однажды стать президентом).

Следующим этапом стало изучение тематики новостных текстов и комментариев детей на них с целью выявить, какие именно они используют политические термины во время обсуждения новостных событий. Оказалось, что данная возрастная группа активно принимает участие в обсуждении выборов разных уровней и президентов стран. Следовательно, *Le président* — самый популярный политический термин, который встретился в детских комментариях к новостным текстам. Данный термин является составляющей частью словосочетания *Le président de la République*. Второй по частотности использования термин — *l'élection présidentielle*, который в основном применяется в сокращенном варианте — *l'élection*. Также следует отметить, что дети иногда в своих комментариях используют такие политические термины, как *le gouvernement, l'immigration, l'alliance, le mandat, la nationalité*, которые упоминаются в новостном тексте (текстестимуле).

Так, в статье *Entre Emmanuel Macron et Marine Le Pen: qui sera président?*² (Между Эммануэлем Макроном и Марин Ле Пен: кто станет президентом?) сообщается, что Марин Ле Пен — против иммиграции: *Marine Le Pen veut par ailleurs tout mettre en œuvre pour lutter contre l'immigration qu'elle accuse de*

¹ *Le nouveau gouvernement a été désigné*. 17.05.2017. URL: <https://www.1jour1actu.com/france/le-nouveau-gouvernement-sera-designe-dans-la-journee-19594> (дата обращения: 21.05.2024).

² *Entre Emmanuel Macron et Marine Le Pen: qui sera président?* 24.04.2017. URL: <https://www.1jour1actu.com/france/entre-emmanuel-macron-et-marine-le-pen-qui-sera-president-81527> (дата обращения: 21.05.2024).

nuire à la France (Марин Ле Пен также хочет приложить все усилия для борьбы с иммиграцией, которую она обвиняет в нанесении вреда Франции). В детских комментариях было отмечено использование данного политического термина, когда молодые читатели выражали свое отношение к данной проблеме:

- *Cette élection m'intéresse beaucoup. Le candidats est très différent. Mais je n'aime pas Le Pen parce que je suis pour immigration* (Эти выборы меня очень интересуют. Кандидаты очень разные. Но мне не нравится Ле Пен, потому что я — за иммиграцию).

- *Je ne comprends pas pourquoi Le Pen s'oppose l'immigration et pourquoi elle veut rejette le EU... c'est idées tres extremes* (Я не понимаю, почему Ле Пен выступает против иммиграции и почему она хочет отвергнуть ЕС... это очень экстремальные идеи).

Если соотнести использование политических терминов детьми со структурами новостного текста, то видно, что новостные тексты политического характера со структурами «Kebab» (Кебаб), «Inverted pyramid» (Перевернутая пирамида), «Cake» (Торт), «Diamond» (Бриллиант) дети комментируют, чаще применяя политические термины, которые присутствуют в тексте-стимуле (рис. 1).

Возможно, это связано с тем, что материал, изложенный согласно этим структурам, лучше воспринимается возрастной группой 8—12 лет, так как в новостных текстах с данными структурами присутствует больше дополнительной информации, поясняющей то или иное политическое событие, и при этом один и тот же политический тер-

мин употребляется несколько раз по всему новостному тексту [Вдовиченко, Каменева 2022; 2023].

Так, в статье *Le nouveau Président est déjà au travail*¹ (Новый президент уже работает) автор несколько раз употребляет такие термины, как *le président / le président de la République* (11 раз), и производные слова: *présidentiel* (1 раз), *la présidence* (2 раза). Следовательно, молодые читатели активно использовали данный политический термин в своих комментариях:

- *Super Emmanuel Macron va être le plus fort **président*** (Супер Эммануэль Макрон станет самым сильным **президентом**).

- *Au travail, **Président!** C'est pas de tout repos, d'habiter l'Elysée!* 😊 (За работу, **Президент!** Жить в Елисейском дворце — это не совсем отдых!)

- *Il en a du travail **le président!*** (У **президента** есть над чем работать!!).

Новостные тексты политической тематики со структурами «Pyramid» (Пирамида), «Hourglass Style» (Песочные часы) заканчиваются повторением основного новостного события — «End» (Конец) [Gilliespie, Toynbee 2006], новостные тексты со структурой «Martini Glass» (Бокал мартини) заканчиваются «Kicker» (Кикером) [Dai et al. 2018], что позволяет читателю задуматься над темой всего новостного текста, следовательно, молодые читатели в ходе комментирования используют чаще всего только лексические единицы, которые встречаются в данных структурных компонентах.

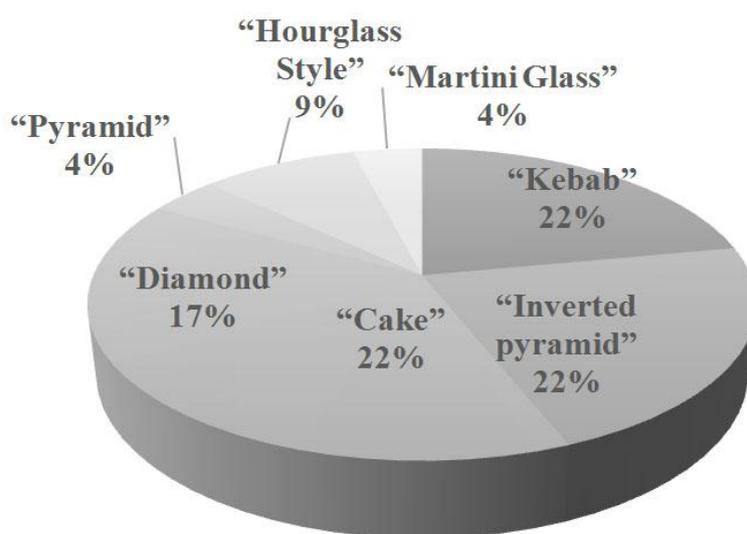

Рис. 1. Соотношение использования политических терминов по структурам новостного текста

¹ *Le nouveau Président est déjà au travail*. 10.05.2017. URL: <https://www.1jour1actu.com/france/le-nouveau-president-est-deja-au-travail-95451> (дата обращения: 21.05.2024).

Например, в статье под названием *Les Vénézuéliens, très en colère contre leur président*¹ (Венесуэльцы очень злы на своего президента) в «End» (Конце) отмечается: *Les Vénézuéliens ont donc l'intention de manifester jusqu'à ce que Nicolas Maduro, le successeur de Hugo Chavez, quitte son poste. Mais le président, lui, compte bien rester à la tête du gouvernement jusqu'aux prochaines élections... en décembre 2018* (Венесуэльцы намерены проводить демонстрации до тех пор, пока Николас Мадуро, преемник Уго Чавеса, не покинет свой пост. Но **президент** намерен оставаться во главе **правительства** до следующих **выборов**... в декабре 2018 года). В комментариях читателей наблюдается употребление только термина *le président*:

- *Que veux faire le président?* (Что хочет сделать **президент**?)
- *Les pauvres si seulement l'ancien **président** n'était pas mort* (Бедные люди, если бы только бывший **президент** не умер).
- *Je souhaite que la paix viens aux Venezue-liens* (Я желаю, чтобы мир пришел к венесуэльцам).
- *Je soutiens ces pauvres vénézuélien qui ont un **président** pire que marine le pen* (Я поддерживаю этих бедных венесуэльцев, у которых **президент** хуже Марин Ле Пен).
- *C'est triste: voila un pays de plus qui ne trouve pas la paix à cause de sons **président*** 😞 (Это печально: это еще одна страна, которая не может обрести покой из-за своего **президента** 😞).

Статья *La colère gronde en Biélorussie*² (Протесты в Белоруссии) закачивается следующим фрагментом: *Pendant plusieurs jours, des manifestations ont eu lieu dans plusieurs villes de Biélorussie. La police les a réprimées violemment. Des affrontements entre **manifestants** et forces de l'ordre ont fait 2 **morts** et des dizaines de **blessés**. Des milliers de personnes ont été arrêtées. Malgré cela, les **manifestants** sont de plus en plus nombreux. Le 16 août, ils étaient des dizaines de milliers à défiler à Minsk, pour réclamer le départ d'**Alexandre Loukachenko*** (В течение нескольких дней акции протеста проходили в нескольких городах Беларуси. Полиция жестоко расправилась с ними. В результате столкновений между **протестующими** и правоохранительными органами 2 человека **погибли** и десятки **получили ранения**. Тысячи людей были арестованы. Несмотря на

это, **протестующих** становится все больше и больше. 16 августа десятки тысяч людей собрались в Минске, чтобы потребовать ухода **Александра Лукашенко**). Здесь отсутствуют политические термины, следовательно, и молодые читатели в своих комментариях их не использовали:

- *Je pense que c'est un peu bien fait pour **Alexandre Loukachenko** quand on regard ce qu'il a fait pendant ces 26 ans. Je suis pourtant un peu triste que la la police utilise des moyen dangereux, ok elle essaye de maintenir l'ordre mais il ne faut comme même pas utiliser des moyens qui peuvent être dangereux pour la population. On peut prendre comme exemple la façon dont les policier français on réagit quand les gilet jaune ont manifesté. Mais je trouve super que la population se soit enfin levée! Donc bonne chance au Biélorusses!!!* 😊 😊 (Я думаю, что это в некоторой степени хорошо сделано для **Александра Лукашенко**, если посмотреть на то, что он сделал за эти 26 лет. Тем не менее мне немного грустно, что полиция использует опасные средства, конечно, она пытается поддерживать порядок, но мы не должны использовать средства, которые могут быть опасны для населения. В качестве примера можно привести то, как французские полицейские отреагировали на демонстрацию желтых жилетов. Но я считаю удивительным, что население наконец восстало! Так что удачи белорусам!!! 😊 😊)

- *C'est injuste pour les morts et les blesses? J'encourage vivement les **manifestants**?!* (Это несправедливо по отношению к **погибшим** и **раненым**? Я настоятельно призываю **протестующих**?!)

Они используют лексические единицы, которые повторяются (*manifestants*) или являются значимыми (*morts, blesses, Alexandre Loukachenko*) в данном структурном компоненте.

Но в большинстве случаев в ходе анализа новостного текста политического характера, ориентированного на детей 8—12 лет, с разными структурами отмечается присутствие политических терминов или лексических единиц / словосочетаний, заменяющих их и образующих лексико-семантическую группу, но не использование данных терминов детьми в комментариях. Молодые читатели чаще всего прибегают к именам собственным: полным (*Emmanuel Macron, Joe Biden, Donald Trump, Marine Le Pen, Front*

¹ Les Vénézuéliens, très en colère contre leur president. 26.04.2017. URL: <https://www.1jour1actu.com/monde/les-venezueliens-tres-en-colere-contre-leur-president-83329> (дата обращения: 21.05.2024).

² La colère gronde en Biélorussie. 18.08.2020. URL: <https://www.1jour1actu.com/monde/la-colere-gronde-en-bielorussie> (дата обращения: 21.05.2024).

National, Barack Obama, Hillary Clinton, François Hollande) и сокращенным (*le FN, Macron, Le Pen, Biden, Trump, Harris, Hillary, Hollande, Obama, Clinton, M. Trromp, Putine, monsieur P.*); к разным видам местоимений (*elle, il, ceci, cela, lui, toi*); нарицательным именам (*sa femme, les americains, les francais, ce monsieur*).

Например, в статье *Nicolas Sarkozy ne sera pas candidat à l'élection présidentielle*¹ (Николя Саркози не будет баллотироваться на президентских выборах) упоминаются следующие термины: *l'élection présidentielle*, который образует с *une élection* (выборы) и *1er tour de la primaire de la droite et du centre* (1-й тур праймериза партии правых и центральных) лексико-семантическую группу «президентские выборы»; *le candidat*, который образует вторую лексико-семантическую группу «претендент в президенты» со следующими словосочетаниями: *la personne qui représentera la droite et le centre* (человек, который будет представлять партию правых и центральных), *candidat à l'élection présidentielle* (кандидат на президентских выборах), *le candidat à la présidentielle de cette famille politique* (кандидат в президенты от политической «семьи»), *candidat d'une élection nationale* (кандидат на общенациональных выборах). Молодые читатели в своих комментариях не использовали ни один из терминов и словосочетаний из лексико-семантических групп, они прибегли к именам собственным, которые также присутствуют в новостном тексте:

- *J'aime pas Sarkozy, je préfère Fillon* (Мне не нравится Саркози, я предпочитаю Фийона).
- *Sarkozy, s'était pas terrible mais Fillon ce n'est pas mieux* (Саркози не был ужасен, но Фийон не лучше).
- *Domage pour monsieur Sarkozy chloée* 😞 (Жаль месье Саркози 😊).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ новостных текстов с политическими терминами и общественно-политической лексикой и детских комментариев к ним показал, что возрастная группа от 8 до 12 лет чаще всего оставляет свое мнение по новостным текстам, в которых говорится о выборах разного уровня и президентах разных стран. При употреблении политических терминов, которые присутствуют в тексте-стимуле, они в комментариях чаще всего используют *le président* (*le président de la Ré-*

publique), *l'élection* (*l'élection présidentielle*). В основном в детских комментариях встречаются имена собственные (полные и в сокращенном варианте), разные виды местоимений, имена нарицательные, которые им проще использовать, конкретно указывая на тот объект, который они подвергают критике.

Также анализ текста-стимула и детских комментариев показал, что способ ввода политических терминов с определениями или в лексико-семантических группах не влияет на то, что дети будут применять их в своих комментариях.

Но структура новостного текста, способ подачи новостной информации оказывает влияние на детей, так как они чаще употребляют политические термины, которые имеются в тексте-стимуле со структурами «Kebab» (Кебаб), «Inverted pyramid» (Перевернутая пирамида), «Cake» (Торт), «Diamond» (Бриллиант).

Можно сделать вывод, что тематика и структура новостного текста влияют на детскую читательскую аудиторию в возрасте 8—12 лет и способствуют употреблению политических терминов, упомянутых в тексте-стимуле, при комментировании прочитанного новостного текста.

СЛОВАРИ

1. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Большая Российская энциклопедия ; Санкт-Петербург : Норинт, 2004. — 1456 с. — Текст : непосредственный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Валявко, С. М. Особенности смыслового восприятия слова детьми с нарушениями речевого развития / С. М. Валявко, Ю. А. Шулекина. — Текст : непосредственный // Специальное образование. — 2013. — № 3. — С. 14–31.
2. Вдовиченко, Е. А. Новостные тексты политической тематики со структурой «Cake» («Торт») в детском франкоязычном журнале «l'jourlactu» / Е. А. Вдовиченко, В. А. Каменева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 6. — С. 31–37.
3. Вдовиченко, Е. А. Новостной франкоязычный текст политической тематики со структурой «Diamond» («Бриллиант») для таргет-групп младшего школьного и младшего подросткового возраста / Е. А. Вдовиченко, В. А. Каменева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 6. — С. 57–67.
4. Зинченко, В. П. Живое знание / В. П. Зинченко. — Самара : СамГПУ, 1998. — 212 с. — Текст : непосредственный.
5. Кеца, В. И. Политико-психологическое восприятие страны гражданами Российской Федерации от 18 до 30 лет / В. И. Кеца, А. О. Ласария. — Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. — 2020. — № 2. — С. 167–178.
6. Климович, Н. И. Восприятие политического дискурса: коммуникативно-прагматическое измерение / Н. И. Климович. — Текст : непосредственный // Филологические науки в МГИМО. — 2018. — № 3. — С. 14–24.
7. Леонтьев, Д. А. От образа к имиджу. Психосемантический брендинг / Д. А. Леонтьев. — Текст : непосредственный // Реклама и жизнь. — 2000. — № 1. — С. 19–22.

¹ Nicolas Sarkozy ne sera pas candidat à l'élection présidentielle. 22.11.2016. URL: <https://www.1jourlactu.com/france/nicolas-sarkozy-ne-sera-pas-candidat-a-lelection-presidentielle-38855> (дата обращения: 21.05.2024).

8. Маркарян, А. М. Особенности идентификации лексических единиц в процессе восприятия научного текста: пресуппозиционная составляющая : дис. ... канд. филол. наук / А. М. Маркарян. — Пермь, 2007. — 218 с. — Текст : непосредственный.
9. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — 2-е изд. — Санкт-Петербург : Питер, 2002. — 720 с. — Текст : непосредственный.
10. Савельева, И. В. Стратегии восприятия политических текстов авторами комментариев в интернет-среде / И. В. Савельева. — Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2013. — № 2-2. — С. 152–156.
11. Селезнева, А. В. Политическое сознание современной российской молодежи: политико-психологический анализ / А. В. Селезнева, А. В. Дождиков. — Текст : непосредственный // Социально-гуманитарные знания. — 2012. — № 2. — С. 48–60.
12. Сычева, К. С. Формирование навыков устной речи младших школьников в процессе учебного диалога / К. С. Сычева. — Текст : непосредственный // Ребенок в языковом и образовательном пространстве : материалы X Всерос. студенч. науч. конф. — Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2020. — С. 20–25.
13. Трофименко, С. А. Психологические особенности усвоения иноязычной лексики / С. А. Трофименко. — Текст : непосредственный // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. — Минск : БГУ, 2021. — С. 252–256.
14. Фетисова, А. А. Психологические механизмы усвоения иноязычной лексики / А. А. Фетисова. — Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2011. — № 2. — С. 158–162.
15. Филиппович, М. О. Классификация лексики модальностей восприятия в системе русского языка / М. О. Филиппович. — Текст : непосредственный // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1: Педагогика. Психология. Филология. — 2016. — № 3. — С. 75–80.
16. Banumathi, B. Effect of age on speech perception in noise abilities across different stimulus / B. Banumathi, S. Mathew, S. Kumar, C. Jain. — Text : unmediated // Indian Journal of Otolaryngology and Head & Neck Surgery. — 2023. — Vol. 75. — № 4. — P. 3718–3724.
17. Dai, Z. Fine-grained structure-based news genre categorization / Z. Dai, H. Taneja, R. Huang. — Text : unmediated // Proceedings of the Workshop Events and Stories in the News. — 2018. — P. 61–67.
18. Gilliespie, M. Narrative analysis, analysing media texts / M. Gilliespie, J. Toynbee. — New York : Open University Press, 2006. — 208 p. — Text : unmediated.
19. Oxenham, A. J. how we hear: the perception and neural coding of sound / A. J. Oxenham. — Text : unmediated // Annual Review of Psychology. — 2018. — Vol. 69. — P. 27–50.
20. Samuel, A. G. Speech Perception / A. G. Samuel. — Text : unmediated // Annual Review of Psychology. — 2011. — Vol. 62. — P. 49–72.
21. Sigel, R. S. New directions for political socialization research: thought and suggestions / R. S. Sigel. — Text : unmediated // Perspective on Political Science. — 1995. — Vol. 21. — № 1. — P. 18–21.
22. Zacks, J. M. Event perception and memory / J. M. Zacks — Text : unmediated // Annual Review of Psychology. — 2020. — Vol. 71. — P. 165–191.
2. Vdovichenko, E.A., & Kameneva, V.A. (2022). Novostnye teksty politicheskoy tematiki so strukturoy “Cake” (“Tort”) v detском frankoyazychnom zhurnale “ljourlactu” [Political news texts with the “Layered Cake” structure in the French-language children’s magazine “ljourlactu”]. In *Political Linguistics*, 6, 31–37. (In Russ.)
3. Vdovichenko, E.A., & Kameneva, V.A. (2023). Novostnoy frankoyazychnyy tekst politicheskoy tematiki so strukturoy “Diamond” (“Brilliant”) dlya target-grupp mladshhego shkol'nogo i mladshhego podrostkovogo vozrasta [French-language political news text with a “Diamond” structured design for target groups of primary school age and younger adolescents]. In *Political Linguistics*, 6, 57–67. (In Russ.)
4. Zinchenko, V.P. (1998). *Zhivoe znanie* [Living knowledge]. Samara: SamSPU Pr, 212 p. (In Russ.)
5. Ketsba, V.I., & Lasariya, A.O. (2020). Politiko-psikhologicheskoe vospriyatie strany grazhdanami Rossiyskoy Federatsii ot 18 do 30 let [Political and psychological perception of the country by the citizens of the Russian Federation aged 18 to 30 years]. In *Bulletin of the Moscow State Regional University*, 2, 167–178. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2020-2-1013> (In Russ.)
6. Klimovich, N.I. (2018). Vospriyatie politicheskogo diskursa: kommunikativno-pragmaticheskoe izmerenie [Perception of political discourse: communicative-pragmatic dimension]. In *Linguistics & Polyglot Studies*, 3, 14–24. (In Russ.)
7. Leontiev, D.A. (2000). Ot obraza k imidzhu. Psikhosemanticheskiy brending [From image to image. Psychosemantic branding]. In *Advertising and life*, 1, 19–22. (In Russ.)
8. Markaryan, A.M. (2007). *Osobennosti identifikatsii leksicheskikh edinit v protsesse vospriyatiya nauchnogo teksta: presuppozitsionnaya sostavlyayushchaya* [Features of identification of lexical units in the process of perception of a scientific text: presuppositional component. Diss. ... Ph.D.]. Perm, 218 p. (In Russ.)
9. Rubinshteyn, S.L. (2002). *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of general psychology] (2nd ed.). St. Petersburg: Piter, 720 p. (In Russ.)
10. Savelyeva, I.V. (2013). Strategii vospriyatiya politicheskikh tekstov avtorami kommentariyev v internet-srede [The strategies of political discourse perception by the authors of internet comments]. In *Bulletin of Kemerovo State University*, 2-2, 152–156. (In Russ.)
11. Slezneva, A.V., & Dozhnikov, A.V. (2012). Politicheskoe soznanie sovremennoy rossiyskoy molodezhi: politiko-psikhologicheskii analiz [The political consciousness of contemporary Russian youth: the political psychological analysis]. In *Social and humanitarian knowledge*, 2, 48–60. (In Russ.)
12. Sycheva, K.S. (2020). Formirovaniye navykov ustnoy rechi mladshikh shkol'nikov v protsesse uchebnogo dialoga [Formation of oral speech skills of junior schoolchildren in the process of educational dialogue]. In *Rebenok v yazykovom i obrazovatel'nom prostranstve: mat-ly X Vseros. studen. nauch. konf.* [Child in the linguistic and educational space. Materials of X All-Russian student scientific conference] (pp. 20–25). Yelets: Bunina YeSU Pr. (In Russ.)
13. Trofimenko, S.A. (2021). Psikhologicheskie osobennosti usvoeniya inoyazychnoy leksiki [Psychological features of learning foreign language vocabulary]. In *Yazykovaya lichnost' i effektivnaya kommunikatsiya v sovremennom politikul'turnom mire: mat-ly VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Linguistic personality and effective communication in the modern multicultural world. Materials of the VII International scientific-practical conference] (pp. 252–256). Minsk: BSU Pr. (In Russ.)
14. Fetisova, A.A. (2011). Psikhologicheskie mekhanizmy usvoeniya inoyazychnoy leksiki [Psychological mechanisms of mastering a foreign language vocabulary]. In *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, 2, 158–162. (In Russ.)
15. Filippovich, M.O. (2016). Klassifikatsiya leksiki modal'nostey vospriyatiya v sisteme russkogo yazyka [Classification of the vocabulary of perception modalities in the system of the Russian language]. In *Bulletin of the Belarusian State Pedagogical University. Series I. Pedagogy. Psychology. Philology*, 3, 75–80. (In Russ.)
16. Banumathi, B., Mathew, S., Kumar, S., & Jain, C. (2023). Effect of age on speech perception in noise abilities across different stimulus. In *Indian Journal of Otolaryngology and Head &*

DICTIONARIES

1. Prokhorov, A.M. (Ed.) (2004). *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Large encyclopedic dictionary] (2nd ed.). Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya; St. Petersburg: Norint, 1456 s. (In Russ.)

REFERENCES

1. Valyavko, S.M., & Shulekina, Yu.A. (2013). Osobennosti smysloвого vospriyatiya slova det'mi s narusheniyami rechevogo razvitiya [Peculiarities of sense perception of a word by children with verbal development disorder]. In *Special Education*, 3, 14–31. (In Russ.)

Neck Surgery, 75(4), 3718–3724. <https://doi.org/10.1007/s12070-023-04084-7>

17. Dai, Z., Taneja, H., & Huang, R. (2018). Fine-grained structure-based news genre categorization. In *Proceedings of the Workshop Events and Stories in the News*, 61–67.

18. Gilliespie, M., & Toynbee, J. (2006). *Narrative analysis, analysing media texts*. New York: Open University Press, 208 p.

19. Oxenham, A.J. (2018). How we hear: the perception and neural coding of sound. In *Annual Review of Psychology*, 69, 27–50. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-122216-011635>

20. Sigel, R.S. (1995). New directions for political socialization research: thought and suggestions. In *Perspective on Political Science*, 21(1), 18–21.

21. Samuel, A.G. (2011). Speech Perception. In *Annual Review of Psychology*, 62, 49–72. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.121208.131643>

22. Zacks, J.M. (2020). Event perception and memory. In *Annual Review of Psychology*, 71, 165–191. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010419-051101>

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).

Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 811.161.1'42+811.111'42+81'38

ББК ШП41.12-51+ШП43.21-55+ШП05.551.5

ГРНТИ 16.21.33; 16.21.51

Код ВАК 5.9.8

Мария Васильевна Велентеенко^{1✉}, Елена Анатольевна Нахимова^{2✉}

¹ Сургутский государственный университет, Сургут, Россия, masha141194@mail.ru✉, SPIN-код: 8275-3170

² Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, nakhimova@gmail.com✉, SPIN-код: 2983-5495

Образ медицинского работника через призму метафоры на примере российского и британского неинституционального медиадискурса

АННОТАЦИЯ. В исследовании представлены метафорические модели, передающие образ медицинского работника на примере российского и британского неинституционального медиадискурса. В основу исследования легли комментарии под видео в YouTube. Методом сплошной выборки для анализа из 213 259 комментариев было отобрано 793 примера метафорических высказываний для дальнейшего моделирования, 78 из которых непосредственно относятся к созданию образа врача (медицинского работника). Область исследования представляет неинституциональный медиадискурс. В работе даны определения понятий «медиадискурс», «когнитивная лингвистика», «фрейм», «метафорическая модель» и «метафора». В ходе исследования удалось выяснить, что чаще всего авторы комментариев выражают свое восхищение по отношению к работе врачей в России, прибегая к выражениям «мир держится на таких людях» и «герои», по отношению к работе врачей в Великобритании самые частотные метафорические выражения — «герои», относительно действий в сфере медицины и оказания услуг — «зона военных действий». В работе также представлены диаграммы процентного соотношения метафорических высказываний, фреймов и коннотаций примеров в обоих медиадискурсах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Интернет, интернет-пространство, интернет-коммуникация, интернет-технологии, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-ресурсы, социальные сети, интернет-комментарии, интернет-пользователи, языковые средства, фреймы, сфера-источник, сфера-мишень, когнитивная лингвистика, языковые единицы, метафорическое моделирование, метафорические модели, когнитивные метафоры, медицинские работники, русский язык, английский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Велентеенко Мария Васильевна, аспирант третьего курса, Сургутский государственный университет; 628403, Россия, г. Сургут, пр. Ленина, 1; email: masha141194@mail.ru.

Нахимова Елена Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; email: nakhimova@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Велентеенко, М. В. Образ медицинского работника через призму метафоры на примере российского и британского неинституционального медиадискурса / М. В. Велентеенко, Е. А. Нахимова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 131-143.

Mariya V. Velenteenko^{1✉}, Elena A. Nakhimova^{2✉}

¹ Surgut State University, Surgut, Russia, masha141194@mail.ru✉, SPIN code: 8275-3170

² Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, nakhimova@gmail.com✉, SPIN code: 2983-5495

The Image of a Medical Worker Through the Prism of Metaphor on the Example of Russian and British Non-institutional Media Discourse

ABSTRACT. The study presents metaphorical models that convey the image of a medical worker using the example of Russian and British non-institutional media discourse. The study is based on comments on YouTube videos. Using the continuous sampling method, 793 examples of metaphorical utterances were selected for further modeling from 213,259 comments, 78 of them directly related to the creation of the image of a doctor (medical worker). The field of study covers non-institutional media discourse. The research provides definitions of the concepts of “media discourse”, “cognitive linguistics”, “frame”, “metaphorical model” and “metaphor”. In the course of the study it was found out that most often the authors of comments express their admiration for the work of doctors in Russia with the expressions “the world rests on such people” and “heroes”; in relation to the work of doctors in the UK, the most frequent metaphorical expressions include “heroes”, and regarding actions in the field of medicine and the provision of services — “war zone”. The research also presents diagrams of the percentage of frames, metaphorical utterances and the connotations of examples in both languages.

KEYWORDS: Internet, Internet space, Internet communication, Internet technologies, Internet discourse, Internet texts, Internet resources, social networks, Internet comments, Internet users, language means, frames, source domain, target domain, cognitive linguistics, language units, metaphorical modeling, metaphorical models, cognitive metaphors, medical workers, Russian language, English language.

AUTHOR'S INFORMATION: Velenteenko Mariya Vasil'evna, Post-Graduate Student of Surgut State University, Surgut, Russia.

Nakhimova Elena Anatol'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: *Velenteenko M. V., Nakhimova E. A. (2024). The Image of a Medical Worker Through the Prism of Metaphor on the Example of Russian and British Non-institutional Media Discourse. In Political Linguistics. No 4 (106), pp. 131-143. (In Russ.).*

Исследовательский потенциал теории метафорического моделирования кажется безграничным и привлекает внимание учёных уже на протяжении многих лет. Метафоры являются объектом исследования таких российских учёных-лингвистов, как Д. О. Добровольский, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, А. П. Чудинов, О. А. Солопова, Ю. Н. Караулов, А. П. Скребцова и др. Среди зарубежных исследователей особенно известны М. Блэк, Р. Гиббс, Э. Гоутли, М. Джонсон, Дж. Лакофф, С. Коулсон, Т. Рорер, Ж. Фоконье, М. Тёрнер, Миллер, А. Мулсофф, Осборн и др.

В рамках нашего исследования мы рассмотрим образ медицинского работника современной России и Великобритании через призму метафоры и представим ведущие метафорические модели передачи данного образа. В основу нашего исследования легли комментарии под видео в *YouTube* (ссылки на них представлены в Источниках), методом сплошной выборки и анализа более 213 259 комментариев (124 284 в российском и 88 975 в британском Интернете) нам удалось отобрать 793 примера метафорических высказываний для дальнейшего моделирования. Область исследования представляет неинституциональный медиадискурс. Прежде чем перейти к практической части исследования, считаем необходимым дать определения терминам, которыми мы оперируем в данной работе. Также отметим, что во всех комментариях сохранена авторская пунктуация, нецензурные выражения частично скрыты знаком *.

По мнению Т. Г. Добросклонской, в самом широком смысле медиадискурс — это совокупность процессов и речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всём богатстве и сложности их взаимодействия [Добросклонская 2006: 21]. Другими словами, медиадискурс — это тот же дискурс, только в медиапространстве. Неинституциональный дискурс сфокусирован на цифровых жанрах и носит рефлексивный характер, реализуясь в откликах на происходящие вокруг события. Таким образом, неинституциональный медиадискурс — это функционально обусловленный тип дискурса, который понимается как совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации

во всем богатстве и сложности их взаимодействия, опосредованный средствами электронной коммуникации, при котором практики не подлежат регулированию и нормированию.

Изначально метафора понималась как перенос названия с одного предмета на другой, имеющий сходные свойства с первым. Метафора служила средством эстетического воздействия на адресата, стилистическим украшением речи. Начиная со второй половины XX века метафора более не является объектом изучения лишь риторики и стилистики, а становится объектом изучения когнитивной лингвистики, где понимается как переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида [Лакофф, Джонсон 2008: 27].

Метафора — это как способ восприятия и описания опыта, так и призма, через которую складывается и проецируется картина мира человека и его восприятие окружающей действительности. При помощи метафоры человек выражает свои взгляды, убеждения и мировоззрение. В связи с этим метафора может использоваться как один из главных инструментов познания мышления человека и воздействия на его восприятие, опыт и поведение, может влиять и на массовое сознание людей, являясь инструментом убеждения и манипуляции. Метафоры функционируют как «когнитивные процессы, с помощью которых мы углубляем наши представления о мире и создаём новые гипотезы» [Маккормак 1990: 363].

К одной из главных функций метафоры можно отнести когнитивную (обработка и переработка информации). В связи с этим «в современной лингвистике метафора понимается как основная ментальная операция, способ познания и категоризации мира» [Чудинов 2006: 124]. Когнитивная лингвистика — это лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент — система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации [Caron J. 1983: 17–18].

Принято считать, что вся хранящаяся в сознании человека информация существует в виде системы когнитивных единиц — фреймов, которые при определенных внешних и внутренних условиях активизируются

и упорядочиваются, давая нам осознание происходящего, столь важное для эффективного и полноценного взаимодействия с окружающей действительностью [Минский 1979: 152]. Фрейм — это единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия и содержащая данные о существенном, типичном или возможном для этого понятия. [Dijk 1981: 219–220]. Фрейм позволяет отражать концепт оценки и точки зрения отдельной личности, в результате чего обогащается набор дискурсивных репрезентаций образа и расширяется его содержание.

У М. Минского фрейм представлен схематически в виде сети, состоящей из узлов и связей между ними [Минский 1979: 7]. Узел или слот — определенное понятие, которое может быть задано или не задано в явном виде. Незаполненные / незаданные узлы называются терминалами / ячейками. Во фрейме выделяется несколько уровней, иерархически связанных друг с другом [Минский 1979: 8].

Основным процессом метафоризации является взаимодействие двух концептуальных доменов — сферы-источника и сферы-мишени. В результате метафорической проекции из сферы-источника в сферу-мишень, которая сформировалась в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром, элементы сферы-источника структурируют менее понятную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры.

Метафорическая модель — схема соотношения между исходной и новой понятийными сферами в сознании носителей языка. Данная связь предстает в виде формулы, элементы которой символизируют сферу-источник и сферу-мишень метафорического переноса: X — это Y [Чудинов 2001]. Таким образом, формула «X это Y» обозначает, что ВАКЦИНИРУЕМЫЕ метафорически уподобляются ПОДОПЫТНЫМ КРОЛИКАМ. Согласно представленной формуле система фреймов одной ментальной сферы (сферы-источника) служит основой для моделирования ментальной системы другой сферы (сферы-мишени).

В своем исследовании мы опирались на методику, предложенную А. П. Чудиновым. Для описания метафорической модели необходимо выявить ее следующие признаки:

- исходную понятийную область (первичную семантическую сферу, ментальную сферу-источник), к которой относятся охватываемые моделью слова в первичном значении;
- новую понятийную область (вторичную семантическую сферу, ментальную сферу-мишень), к которой относятся охватываемые моделью слова во вторичном значении;

- семантический компонент, который связывает первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью слов, то есть выявить, что дает основания для метафорического использования соответствующих слов;

- относящиеся к данной модели фреймы, каждый из которых понимается как фрагмент наивной языковой картины мира и которые структурируют соответствующую понятийную область (семантическую сферу);

- охарактеризовать составляющие каждый фрейм типовые слоты, то есть элементы ситуации, которые включают какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации, а также назвать типовые концепты, образующие слот;

- оценить продуктивность модели (то есть способность к развертыванию) и ее частотность, а также ее «тяготение» к определенным функциональным стилям и подстилям, речевым жанрам, дискурсам и т. п.;

- оценить прагматический потенциал модели, то есть типовое воздействие соответствующих метафор на адресата [Чудинов 2001: 44–46].

РОССИЙСКИЙ НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ МЕДИАДИСКУРС

Мир живой природы — дикие и домашние животные

Представленные ниже зооморфные метафорические словоупотребления обладают широкими возможностями для развертывания, а также отличаются высокой частотностью употребления, что позволило объединить их в одну из самых доминантных и продуктивных моделей со сферой-источником «МИР ЖИВОЙ ПРИРОДЫ». Структуру данного фрейма образует слот «Дикие и домашние животные». Примеры:

@hoshazhanna5884: *А если у врача нет собственной машины? А кто оплачивает бензин и амортизацию? В 41 год выглядит на 50-нафиг такая работа и такая жизнь? Это не женщина-это рабочая лошадь: ни макияжа, ни маникюра, ни причёски. <...>*

Известный факт, что с рабочими лошадьми зачастую обращались жестоко, такие животные не отдыхали и служили хозяйну верой и правдой до конца своей жизни. Именно такой безрадостной втор комментария видит жизнь врача в России.

@Yuliya666: *Вот уж женщине "повезло"! Всю жизнь как **день сурка**, тяжелая работа за копейки, проживание в тяжелейших условиях, просыпаешься в темноте, домой в темноте! Никакой тебе Италии, островов, массажа лица, шоколадного*

*обертывания :(И НИКАКОЙ НАДЕЖДЫ !
На*рена так жить ?!*

Под днём сурка подразумевается временная петля, героиня которой вынуждена совершать репетативные действия на протяжении всей своей жизни. В современной западной культуре одним из самых популярных примеров можно считать фильм «День сурка», герой которой вынужден переживать один и тот же день в своей жизни множество раз. Таким образом комментаторы, по сути, сочли жизнь врача безрадостной и монотонной.

@Blockclub4980: **Взъерошенный, хлопотливый воробышек Евгения, такая простая и мудрая, мама деткам и наставник пациентам.** <...>

Согласно словарю Ефремовой, *воробышек* употребляется как ласковое обращение к маленькому ребенку и в целом является уменьшительно-ласкательным. В связи с чем мы можем сделать вывод о том, что врач вызывает симпатию у данного комментатора.

@Anna_Potemkina: *Больше всего меня поразило с первых минут "А потом уроки". Мало того, что эта женщина как белка скачет по всей тверской области, у нее еще и вторая смена на дому*

Согласно словарю Ожегова, более точно фраза звучит «как белка в колесе» и означает «быть очень занятым, в постоянных хлопотах, заботах (иногда без видимых результатов)». Представленная метафора говорит о том, что в течение дня врач крайне занят и перегружен работой.

@zlovredzlovredov2109: **Каждый суслик агроном.**

В данном случае речь идет о враче из канала «Плохие новости», который проявила неуважение к пациентке. «Каждый суслик — агроном» — поговорка о людях со слабыми знаниями и опытом, но которые мнят себя большими экспертами в чем-либо и это открыто заявляют. В связи с этим мы можем сделать вывод о том, что комментатор не считает врача достаточно компетентным.

РЕЛИГИЯ: СВЯТЫЕ, АНГЕЛЫ, БОГ

Представленные далее метафорические словоупотребления также обладают широкими возможностями для развертывания и отличаются высокой частотностью употребления, что позволило объединить их в одну модель со сферой-источником «РЕЛИГИЯ». Структуру данного фрейма образуют следующие слоты: «Святые», «Ангелы», «Бог». Примеры:

@погоре3434: *Господи, мои продавцы — консультанты больше получают, чем эти святые люди. Днями и ночами жизни спасают, а получают копейки — позор. Спаси-*

бо за сюжет, я плакала. (О работе реаниматолога. — М. В., Е. Н.)

@QwertyQwerty-ix8gq: *Посмотрел репортаж, мое впечатление что эта женщина святая. Прав был отец, что не разрешил ей стать археологом. Человек точно на своем месте. На нее одна надежда.*

@user-ve2zv6jx4q: **Святые они, эти два медика.**

@lexeykuzmintsev2410: **Эта женщина — святой человек! Всем добра!**

Согласно толковому словарю В. Даля, святой — это тот, кто относится к Божеству, является предметом высшего почитания, поклонения, духовно и нравственно непорочным. Многие святые, почитаемые в православии, совершали подвиги и проходили через испытания. Именно по этой причине авторы комментариев ассоциируют врачей со святыми — именно эти комментарии были оставлены под видео о сельском враче, который за маленькую сумму денег работал сверхурочно и, несмотря на неуккомплектованность и недостаточную оснащенность больницы, вел свою практику и спасал жизни людей, лечил их от болезней.

@user-kc5gh9iu9d: *Рожала в Санкт Петербурге в род доме 10 прекрасные врачи, акушерка мой ангел хранитель с такой заботой и нежностью ко мне, до сих пор помню её глаза* 🙏🙏🙏🙏

Автор данного комментария ассоциирует врача с ангелом-хранителем — тем, кто охраняет, с благодарностью вспоминая о пройденном лечении.

@user-gb7yr5gq6v: *Есть врачи с дипломом, а есть от Бога. Спасибо вам доктор.*

@user-ux4uj2tw6v: **Александр, врач от бога . Лично знаком с ним . Высоко порядочный врач . Храни Вас бог.**

Согласно словарю С. Ожегова, выражение «от Бога» значит «наделённый особым талантом». Таковыми видят оказавших помощь врачей комментаторы.

РОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ИНТЕРЕСЫ: ЧИНОВНИК, БИЗНЕСМЕН, ПРИСЛУГА, ЧЕЛОВЕК В ХАЛАТЕ

Представленные ниже метафорические словоупотребления категоризируют врачей по роду деятельности соответственно восприятию людей, а также их наклонностям, профессионализму (или его отсутствию) и личностным качествам, в связи с этим объединены в одну модель со сферой-источником «Род деятельности и интересы». Структуру данного фрейма образуют следующие слоты: «Чиновник», «Бизнесмен», «Прислуга», «Человек в халате». Примеры:

@user-ij4wf8io1e: **Позор циничным врачам, которые превратились в чиновников в белых халатах.**

@user-lv3sf1ey3p: У нас нет врачей, а есть люди в белых халатах. Если на улице, случайно встречаешь "врача", который калечил и говорит ты с этим сдохнешь. Это врач? Минздрав, СК, Прокуратура никак не реагирует. Приходишь на прием к кардиологу и слышишь "Как вы ко мне попали, кто вас записал? Раскрывается врачебная тайна, копия карточки у постороннего лица. И это люди в белых халатах еще чего то требуют. Уфаё

@user-xh9ko4el4f: Верните Здравоохранение из Здравоохранения! Людям нужны врачи, а не бизнесмены в белых халатах!

Называя врачей «людьми/чиновниками и бизнесменами» в «белых халатах», комментаторы делают акцент на неверие в их компетентность, считая медицинский халат единственным доказательством их причастности к медицине.

Ионыч — земский доктор, один из главных персонажей рассказа А. П. Чехова «Ионыч», известный тем, что после того, как поселился в провинции и заступил на должность врача, со временем погряз в скуке, расплнел, стал жадным и грубым. Таким образом, благородных представителей профессии, славящихся своими заслугами в медицине, комментатор противопоставляет Ионычу, выражая свое негативное отношение к современным врачам.

@snv7847: "Проверяют, проверяют, проверяют... проверяющих организаций много"... а сельский врач один!!! Всё в одном и швец и жнец и на дуде игрец!... а проверяющие жрать хотят, вот и издеваются над человеком, вместо того, что бы помогать усиленно ещё и выдёргивают... вот она действительность — если на тысячу людей и найдется один Человек, то заключают проверяющие, надзирающие, голодающие, всё вокруг засирающие приспособленцы, креслодержатели, кабинетоводы.

@user-qd5рх2pr2l: И чтец, и жнец, и на дуде игрец!

Идиоматическое выражение «и чтец, и жнец, и на дуде игрец» говорит о многозадачности медицинских работников и описывает реалии, в которых вынуждены работать эти люди.

@leylaenileeva2396: Мой врачебный стаж 46 лет . Много повидала. Плохо без умных врачей ? Всегда нас считали "гнилой интеллигенцией". Теперь мы "обслуживающий персонал" , неприятие образованных людей привело к такому финалу.

@user-bednaya1ovechka: А врач стал прислугой. Что вы хотите от слуги?

Сравнение врача с обслуживающим персоналом также обусловлено недовольством

людей наличием у медицинских работников множества не связанных напрямую с медициной обязанностей.

ПОЧИТАНИЕ: ЗОЛОТОЙ, ЧЕЛОВЕК С БОЛЬШОЙ БУКВЫ, ГЕРОЙ, СТАХАНОВЕЦ, МИР ДЕРЖИТСЯ НА ТАКИХ ЛЮДЯХ

Представленные ниже метафорические словоупотребления также обладают широкими возможностями для развертывания и отличаются высокой частотностью употребления, что позволило объединить их в одну модель со сферой-источником «Почитание». Структуру данного фрейма образуют следующие слоты: «Золотой», «Человек с большой буквы», «Герой», «Стахановец», «Мир держится на таких людях». Примеры:

@user-gm4ol8ro4n: Врач с заглавной буквы! Здравия, Вам, ДОКТОР!

@nadinnosova8368: Я просто в потрясении от этого ДОКТОРА И ЧЕЛОВЕКА С БОЛЬШОЙ БУКВЫ! СПАСИБО ТЫСЯЧУ РАЗ ЗА ВАШЕ ОТНОШЕНИЕ К РАБОТЕ И ЛЮДЯМ!!!

@user-gw6yu8ko5f: Доктор помогай всегда не оброщай на негатив ,ты доктор с большой буквы !Я фельдшер ,сейчас не работаю по профессии ,но помогаю когда просят .Я хочу вам сказать что Всевышний все видит и вам запишутся благие дела ,до судного дня .❤️ Да поможет вам Аллаха во всем .❤️

Фразеологизм «человек с большой буквы» возник в XIX веке. Ранее часто писали относящиеся к выдающимся людям слова с заглавной буквы. Считалось, что настоящим человеком является тот, кто обладает и высокоморальными качествами. Сейчас человеком с большой называют такого человека, который обладает выдающимися качествами, такими как благородство, самоотверженность, мужество и честность. Таковыми считают врачей авторы представленных комментариев.

@lascertamen: Как приятно видеть настоящего врача , который чтит клятву Гиппократу! Золотой человек.

@user-jt2zj3wu9l: Остатки золотых людей!

Согласно словарю Т. Ефремовой, выражение «золотой» употребляется как фамильярно-ласковое обращение к тому, кто дорог и любим. Таким образом, комментаторы выражают симпатию к труду медицинских работников.

@magistr.turizma: Не все герои носят плащи, но точно знаю что все герои работают реаниматологами. Респект Вам за Вашу работу! И каналу респект за выпуск!

@user-de4jc1hh6v: Как же я во всём с вами согласна! Вот прям во всем! Я тот адекватный пациент, который на стороне врачей. Меня в период моей онкологии лечил замечательный врач Шухрат Сманжанович! И, по воле Всевышнего, мы победили третью стадию рака. Абсолютно не понимаю людей, которые боятся довериться своим прекрасным врачам, которые есть везде, нужно только включить логику и найти их. Вместо этого люди тратят драгоценное время, собирают бешеные деньги, чтобы ехать за тридевять земель, чтобы получить ту же химию (протокол лечения практически один и тот же везде)... Такие врачи, как вы — **герои** в моих глазах! Спасибо вам за всех!

@user-mb8ov3oj9l: Эти врачи — **герои нашего времени**

@user-fy3cc7rt3c: **Герой** нашего времени. Уважение и Почёт этой Женщине!! А места великолепные!!

@jeka_luch: Вот они **настоящие герои России**

@user-gn8nk5zo5y: На таких **героических людях все и держится !!!**

Согласно словарю С. Ожегова, *герой* — это человек, совершивший (совершающий) подвиги мужества, доблести, самоотверженности. Таким образом комментаторы почитают врачей, выражают свое восхищение их преданностью работе и самоотдачей.

@user-em8vx1kh2b: Не знаю чего и где умерло, но на деле врачи работают как **стахановцы**. <...>

Стахановцами в СССР называли работников колхозов и заводов, добившихся крайне высокой производительности труда. Прибегая к данной метафоре, авторы комментариев выражают свое восхищение трудом врачей и его одобрение, а также указывают на его героизм.

@user-dj1qd2wb2e: На таких людях **держится страна**)

@user-gn8nk5zo5y: На таких **героических людях все и держится !!!**

@VasilyevEvgeny78: Не так давно проходил лечение в Ленинградской Областной Клинической Больнице. Что можно сказать: персонал, отзывчивый, спокойный, ремонт в больнице идёт, думаю можно делать быстрее и качественнее, но в общем на 4+. Понятно что нельзя было всё запускать до такой степени. Очередь — естественное явление, результат оптимизации и других

манипуляций. Но люди вроде Хватова А. А. и его отделения, с его врачами и медсестрами **держат на плаву медицину** этой Страны. Порой просто на энтузиазме спасибо им **БОЛЬШОЕ!!!**

@olksandrvelichko8186: Уважаемый доктор, оставайтесь и дальше честным и порядочным. На таких как вы **держится Мир**. Спасибо вы правы.

@Tyler11988: **Все держится только на этих людях...** у мужа Машина в порядке, ухаживает за Узиком, жена такая же, человечная. А если бы не они?

@felix8364: господа, вот **на таких людях Россия держится**, а не на бизнесменах, как Медведев говорил ...

@Fuckyea31: Вот на таких людях **все держится**, и их же ещё и губят, ****ть**

Выражение «на таких людях Россия/мир держится» говорит об уважении со стороны комментаторов по отношению к врачам и восхищении их трудом.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что самыми частотными стали слоты «Мир держится на таких людях», «Герои» и «Святые».

Используемые комментаторами метафорические выражения чаще носили положительную коннотацию (81,6%), 10,5% — нейтральную. Наименьшее количество комментариев — негативную окраску (7,9%), что свидетельствует о высоком уровне доверия населения, а также профессионализме российских врачей и доступности медицины.

БРИТАНСКИЙ НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ МЕДИАДИСКУРС

Религия: ангелы, сверхлюди, красивые души, символ этичности

Представленные ниже метафорические словоупотребления британского неинституционального медиадискурса принадлежат кодной сфере-источнику — «РЕЛИГИЯ». Структуру данного фрейма образуют слоты «ANGELS», «SUPERHUMAN», «BEAUTIFUL SOULS», «SYMBOL OF DECENCY». Примеры:

@exbritishforcespatriotscha7723: *Nhs staff are **angels**, they have saved my wife's life 3 times in the last 2 years due to her illnesses, god bless them.* — Перевод: Сотрудники Национальной службы здравоохранения — **ангелы**, они 3 раза за последние 2 года спасали жизнь моей жены от ее болезней, да благодарит их бог.

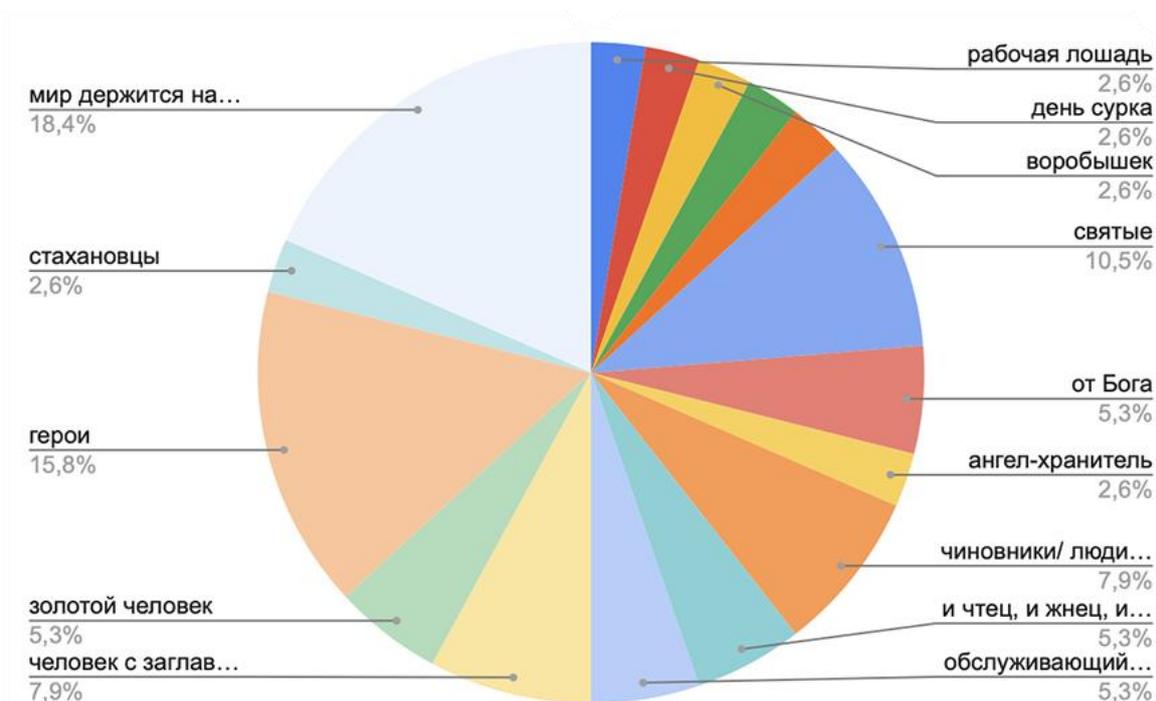

Рис. 1. Метафорические выражения в процентном соотношении

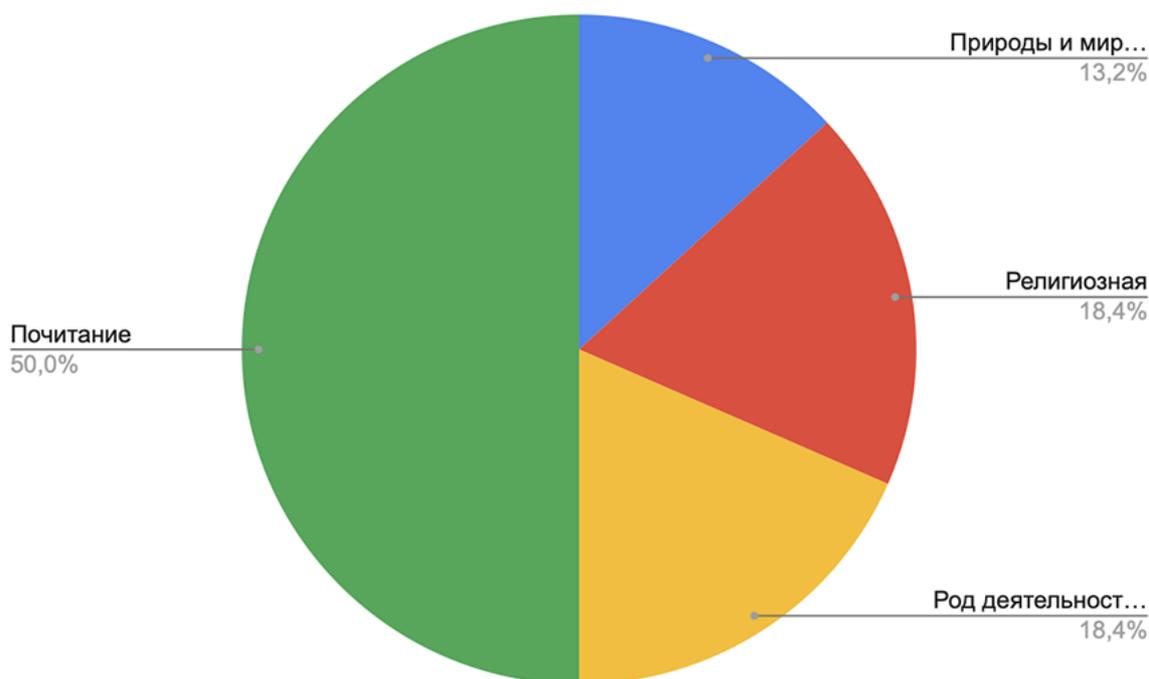

Рис. 2. Процентное соотношение фреймов

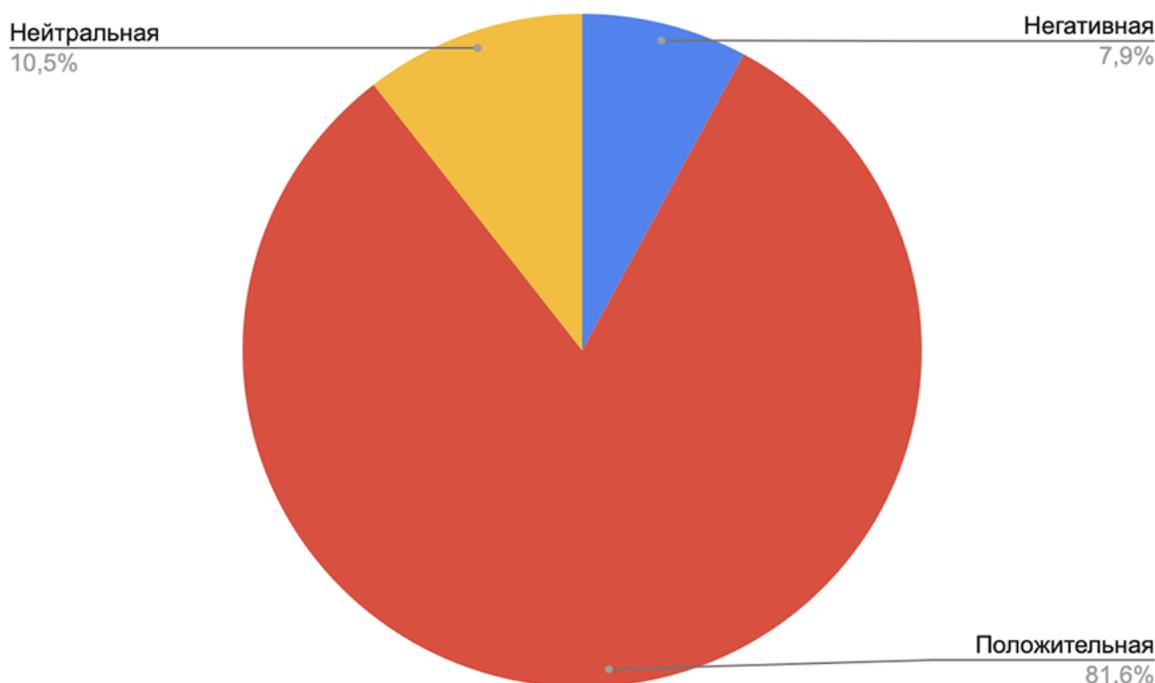

Рис. 3. Коннотация используемых примеров

@tutmosispagnotta: *I'm italian and I know very well what it means to have a good health care system, I had to go to the ER at Royal London Hospital and I've been treated very good. Thank you to all the **angels** of NHS!* — Перевод: Я итальянка и очень хорошо знаю, что значит иметь хорошую систему здравоохранения, мне пришлось обратиться в отделение неотложной помощи в Королевской лондонской больнице, и там со мной очень хорошо обращались. Спасибо всем **ангелам** Национальной службы здравоохранения!

@horangiepower8540: *nhs staff are **sent from heaven**. saved my life with smiles on their faces the whole time <3 they deserve more* — Перевод: сотрудники Национальной службы здравоохранения **посланы мне с небес**. они спасли мне жизнь, и все это время на их лицах были улыбки. <3 они заслуживают большего

@MrTonycoughlan: *The staff are **super-human**, they need help.* — Перевод: Персонал — это **сверхлюди**, им нужна помощь.

@mallows1384: *NHS staffs deserve to rest and get some rewards. They are emotionally, mentally and physically exhausted! This poor people are **angels**! Poor healthcare systems of UK leads to staff exhaustion and poor quality of care! Hope their gov' realize that.* — Перевод: Сотрудники Национальной службы здравоохранения заслуживают отдыха и некоторых вознаграждений. Они эмоционально, умственно и физически истощены! Эти бедные люди — **ангелы**! Слабая система здравоохранения Великобритании приво-

дит к истощению персонала и низкому качеству медицинской помощи! Надеюсь, их правительство это понимает.

@ianosborne188: *These People Are **Beautiful Souls**...* — Перевод: Это люди с **Красивыми Душами**...

@TheYopogo: *If someone needs help, they are just given it. That's it. The NHS is pretty much the most powerful **symbol of human decency** we have. That's why people love it.* — Перевод: Если кому-то нужна помощь, ему просто оказывают ее. Вот и все. Национальная служба здравоохранения — это, пожалуй, самый мощный **символ человеческой этичности**, который у нас есть. Вот почему людям это нравится.

Итак, чаще всего врачей ассоциировали с ангелами, посланными с небес, сверхлюдьми, а также с красивыми душами и символом человеческой этичности. Каждый из представленных примеров несет в себе причастность к религиозной тематике и элемент сакральности.

СЕРДЦЕ: ИЗМОТАТЬ СЕРДЦЕ, ИМЕТЬ СЕРДЦЕ

Представленные далее метафорические словоупотребления британского неинституционального медиадискурса принадлежат к одной сфере-источнику — «СЕРДЦЕ». Структуру данного фрейма образуют слоты «WEAR ONE'S HEART OFF», «HAVE A HEART». Примеры:

@zarrzarr9989: *That's what you call a Doctor who **has a heart*** — Перевод: Так называют врача, у которого есть сердце

@danicabaluyot3056: *I commend all NHS staff who are **working their hearts off** every day saving lives. The environment is gruelingly hard, just the look on the doctor's eyes gives us a glimpse of the emotional turmoil the NHS staff are experiencing. We need our NHS. More funding is necessary.* — Перевод: Я выражаю признательность всем сотрудникам Национальной службы здравоохранения, которые каждый день **работают не покладая рук** (дословно — выматывают свои сердца), спасая жизни людей. Обстановка чрезвычайно тяжелая, и только выражение глаз врача дает нам представление о том эмоциональном потрясении, которое испытывают сотрудники Национальной службы здравоохранения. Нам нужна наша Национальная служба здравоохранения. Необходимо дополнительное финансирование.

Тот факт, что авторы комментариев делают акцент на сердцах врачей, говорит о том, что они находят медицинских работников сочувствующими, искренними и не безразличными к своему делу, т. е. эти качества импонируют пишущим.

ВОЙНА: ЗОНА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ПОЛЕ БОЯ, КРОВАВАЯ ИГРА, ВОИНЫ, ПЕШКИ, ЖЕРТВЫ, БОРЬБА

Далее представлены метафорические словоупотребления британского неинституционального медиадискурса сферы-источника «Война». Структуру данного фрейма образуют слоты «WAR ZONE», «BATTLFIELD/FIELD», «BLOODY GAME», «WARRIORS», «VICTIMS», «PAWNS», «TO STRUGGLE». Примеры:

@McFraneth: *God it's a bloody **war zone**. God bless the NHS and all who work in her. JC4PM.* — Перевод: Боже, это же **зона кровавых военных действий**. Да благословит господь Национальную службу здравоохранения и всех, кто в ней работает. JC4PM.

@Kekistani: *Thank u guys. I had an allergic reaction last night and It took 10 minutes to get through to 999. They told me to get a taxi to A&E immediately. When I got there I thought I had walked into a **war zone**. There were no seats in the aing room and a single nurse was triaging people. By some miracle I was still seen to quickly and they took me into major... every wall had someone in a bed either coughing, vomiting, pissing themselves, incapacitated or all of the above. <...>* — Перевод: Спасибо вам, ребята. Вчера вечером у меня была аллергическая реакция, и мне потребовалось 10 минут, чтобы дозвониться до 999. Мне сказали немедленно вызвать такси до больницы скорой помощи. Когда я добрался туда, мне показалось, что я попал **в зону боевых действий**. В приемном покое не

было свободных мест, и людей сортировала одна медсестра. Каким-то чудом я все-таки быстро пришел в себя и меня перевели в отделение интенсивной терапии... У каждой стены на койке кто-то лежал: кашлял, блевал, описывался, был нетрудоспособен или все вместе перечисленное. <...>

@KS-yp1jl: *It looks like a **war zone**... I get anxiety just watching this* — Перевод: Это похоже на **зону военных действий**... Я испытываю беспокойство, просто наблюдая за этим

@joe-vl3nd: *10 pound all patients at hospital 25 quid Ambulance MASH units at every hospital Marquis Army Tents for the Overflow..run this **like a battlefield** G B* — Перевод: 10 фунтов на всех пациентов в больнице, 25 фунтов на машины скорой помощи в каждой больнице, армейские палатки. Маркиза, все переполнены ... как **поле боя**

@robertbould2638: *It boggles my mind that these people put up with all the stress and emotion on their own body as well as exhaustion **along with round the clock hours** and low rates of pay, to treat people in need, emergency life saving operations or even revive the dead so they can live their full lives and not meet their makers too soon. All while top end footballers for example earn more in one week than these **heroes** earn in one year **and its a bloody game on a field**. Like i said, it boggles my mind.* — Перевод: У меня в голове не укладывается, что эти люди мирятся со всеми потрясениями и эмоциями, которые переживает их собственное тело, а также с истощением, работой 24/7 и низкой оплатой труда, чтобы лечить нуждающихся, проводить экстренные операции по спасению жизней или даже воскрешать мёртвых, чтобы они могли жить полноценной жизнью и не встретиться слишком рано со своими создателями. И все это в то время, как футболисты высшего класса, например, зарабатывают за неделю больше, чем эти **герои** за год, и это **кровавая игра на поле**. Как я уже сказал, у меня в голове не укладывается.

@wilmafallon8712: *Vivan G . They sacked the honest ones . The brave **warriors** !!* — Перевод: Виван Джи. Они уволили честных людей. Храбрых **воинов**!!

@sumanreddy9240: *They dont care. Just heard people complain that doctors that worked 90 hour weeks for decades (for many years free) "weren't into patient care.." by people that were absolute idiots and others that thought they were saving itheard it often over the years and have written about it often. People are going to get parasites in the healthcare system while the good doctors with decades of ex-*

perience through and only through sacrifice and dedication are leaving realizing those they were pawns.— Перевод: Им все равно. Только что слышал, как люди жаловались на то, что врачи, которые десятилетиями работали по 90 часов в неделю (в течение многих лет бесплатно), «не заботились о пациентах...» от людей, которые были абсолютными идиотами, и от других, которые думали, что спасают ситуацию.... слышал это часто на протяжении многих лет и часто писал об этом. Люди будут заражаться паразитами в системе здравоохранения, в то время как хорошие врачи с многолетним опытом работы, благодаря самопожертвованию и преданности делу, уходят, осознавая, что они были пешками.

@petermackenzie5217: *The NHS staff are striking because they do not have the resources to operate as we require them to, so when journalists ask 'surely you are making things worse by striking?' the answer is yes, they are making things worse, but only in the short term. If they were given the resources they needed to operate in the first place they wouldn't need to strike. Disgraceful victim blaming* — Перевод: Сотрудники Национальной службы здравоохранения бастуют, потому что у них нет ресурсов, чтобы работать так, как мы от них требуем, поэтому, когда журналисты спрашивают: «Вы, конечно, ухудшаете ситуацию, устраивая забастовки?» — мы отвечаем: да, они ухудшают ситуацию, но только в краткосрочной перспективе. Если бы им были предоставлены ресурсы, необходимые для работы, в первую очередь, им не пришлось бы бастовать. Позорное обвинение жертв.

@alannarutter5033: *I sympathise the doctor, who left medicine after the filming...can't blame him. I think he's done very well. And he's right by saying that we're humans after all! I left NHS as well, after 9 years struggling and trying...<...>.* — Перевод: Я сочувствую доктору, который ушел из медицины после съемок... не могу его винить. Я думаю, он справился очень хорошо. И он прав, говоря, что мы, в конце концов, люди! Я тоже ушел из Национальной службы здравоохранения после 9 лет борьбы и стараний...<...>

Хаос забастовок во время кризиса системы здравоохранения Великобритании на-

поминает авторам комментариев военные действия, а именно поле, битву, зону военных действий. Врачей же они ассоциируют с воинами, пешками в кровавой игре, жертвами и людьми, которые боролись, а не просто выполняли свою работу, что также проводит параллель между военными действиями и медициной.

ПОЧИТАНИЕ: ГЕРОИ, СУПЕРГЕРОИ

@liam2386: *Everyone assuming all nhs workers are heroes.* <...> — Перевод: Все считают, что все работники Национальной службы здравоохранения — герои. <...>

@tonykulikovsky: *NHS staff are superheroes* 🙇 — Перевод: Сотрудники Национальной службы здравоохранения — супергерои.

@msamini123: *Thank you so much for all your help and hard work. You guys are all heroes!* — Перевод: Огромное вам спасибо за вашу помощь и тяжёлую работу. Ребята, вы все герои!

@tromboneJTS: *These people are all heroes!!!* — Перевод: Все эти люди — герои!!!

@victor256in: *These are greater heroes than soldiers in a warzone.* — Перевод: Это более великие герои, чем солдаты в зоне боевых действий.

@santino4561: *they are true heroes.* — Перевод: они настоящие герои.

@rondameier8168: *Heros every one of you! This broke my heart....* — Перевод: Все вы герои! Моё сердце разбито....

Называя врачей героями, комментаторы выражают свое восхищение их работой, порой проводя параллель с героизмом солдат на войне.

В ходе нашего исследования нам удалось выяснить, что чаще всего авторы комментариев по отношению к работе врачей в Великобритании выражают свое восхищение — самые частотные метафорические выражения «герои», относительно действий в сфере медицины и оказания услуг — «зона военных действий». Наиболее частотный фрейм — «Почитание».

Превалирующее большинство примеров носит положительную коннотацию (66,7%), негативную — 33,3%, что также свидетельствует о высоком доверии к врачам NHS в Великобритании.

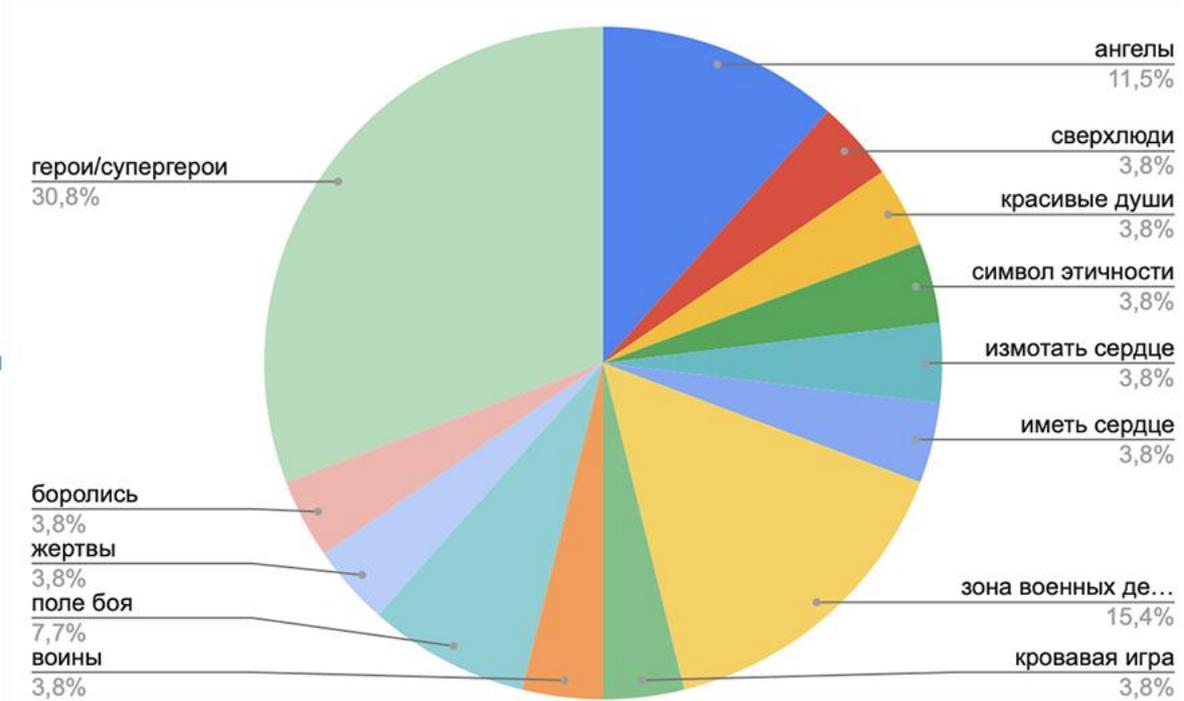

Рис. 4. Метафорические выражения в процентном соотношении

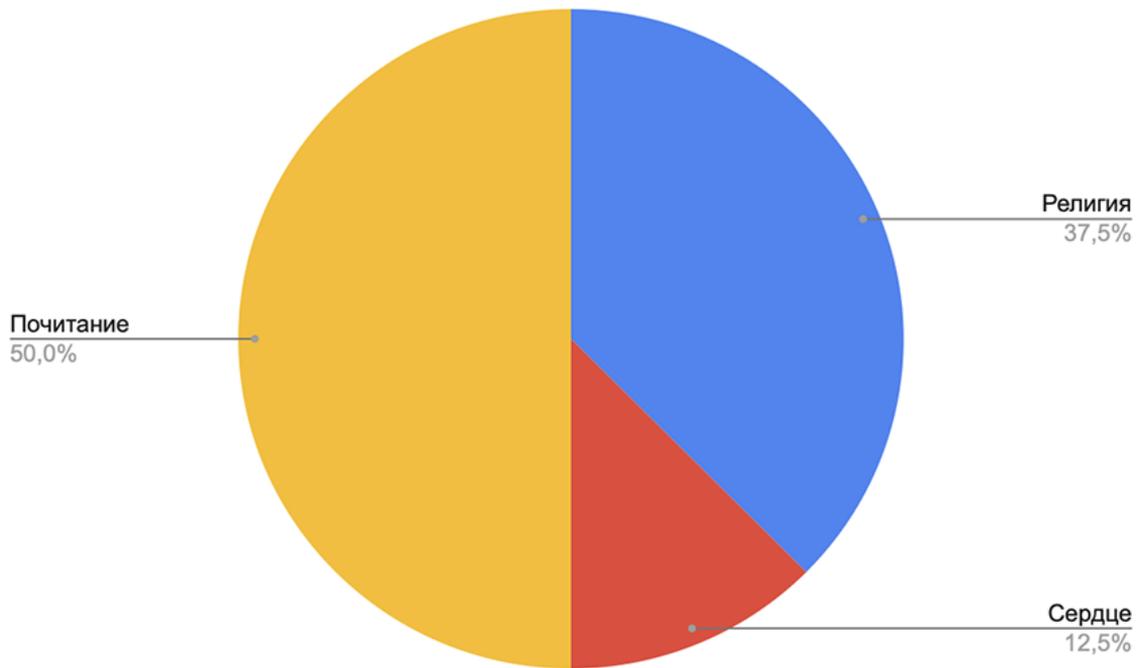

Рис. 5. Процентное соотношение фреймов

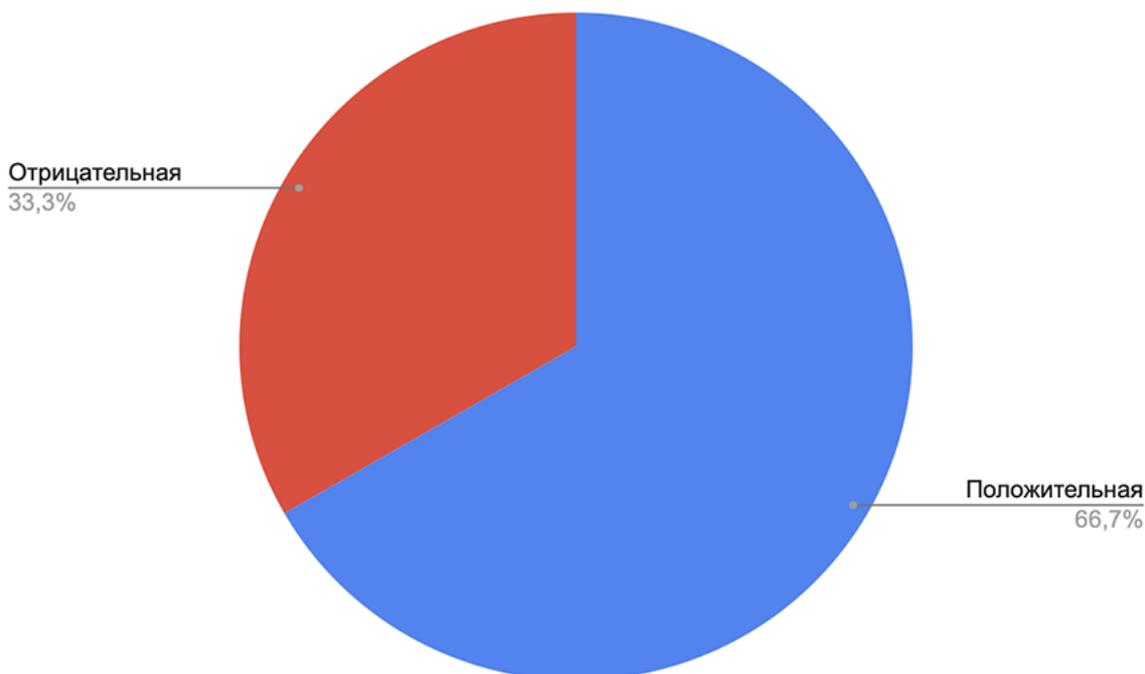

Рис. 6. Коннотация используемых примеров

СЛОВАРИ

1. Академический толковый словарь русского языка / отв. ред. Л. П. Крысин. — Москва : Издательский дом ЯСК, 2016. — Текст : непосредственный.
2. Баранов, О. С. Идеографический словарь русского языка / О. С. Баранов. — Москва, 2008. — Текст : непосредственный.
3. Большой толковый словарь русских глаголов / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. — Москва : АСТ-Пресс, 2007. — Текст : непосредственный.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 ч. / В. И. Даль.
5. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. / Т. Ф. Ефремова. — Москва : АСТ : Астрель : Харвест, 2006. — Текст : непосредственный.
6. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. С. П. Обнорского. — Москва, 1949. — Текст : непосредственный.
7. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складневской. — Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1998. — Текст : непосредственный.

ИСТОЧНИКИ

1. Вся правда о работе в реанимации. — URL: <https://youtu.be/sv9I4c2VuDU?list=TLPQMjcwNTIwMjSdhM280iZ2wQ> (дата обращения: 27.09.2023). — Текст : электронный.
2. Как на самом деле работают врачи в больницах. Как найти правильного врача? — URL: <https://youtu.be/4Nsp1GeRho0> (дата обращения: 18.11.2022). — Текст : электронный.
3. Недоступная медицина? Россияне жалуются на нехватку врачей и качественных лекарств. — URL: <https://youtu.be/Dog40tart7Y> (дата обращения: 21.09.2022). — Текст : электронный.
4. Орлов, Сергей. Про аппендицит. — URL: <https://youtu.be/Rdd7hUP0uNY> (дата обращения: 02.03.2023). — Текст : электронный.
5. Сельский врач за 6400 км от Москвы | ЧЕЛОВЕК НА КАРТЕ. — URL: <https://youtu.be/1RFxzJlaP2Q> (дата обращения: 02.08.2023). — Текст : электронный.
6. American Woman Lives in UK for Health Care. — URL: <https://youtu.be/Cen5fkIwFjU> (date of access: 17.04.2023). — Text : electronic.
7. British healthcare in crisis. — URL: https://youtu.be/_fsSjaRgXWM (date of access: 10.10.2023). — Text : electronic.
8. Burnout: Why doctors are quitting the NHS. — URL: <https://youtu.be/QXoAW2jzBVM> (date of access: 13.09.23). — Text : electronic.

9. How The United Kingdom's Health-Care System Works. — URL: <https://youtu.be/45PfrLntfBU> (date of access: 14.08.2023). — Text : electronic.

10. I emailed my doctor 133 times: the crisis in the British healthcare system. — URL: <https://youtu.be/v1eWishUzr8> (date of access: 18.10.2023). — Text : electronic.

11. Inside UK hospital overstretched and under pressure. — URL: <https://youtu.be/guiihD9JxE8> (date of access: 17.04.2022). — Text : electronic.

12. Is migration creating 'fortress' Europe? — URL: <https://youtu.be/zDIRBLuMqEE> (date of access: 03.09.2023). — Text : electronic.

13. NHS England waiting lists hit record high. — URL: <https://youtu.be/XnxdNEB6hOA> (date of access: 03.09.2023). — Text : electronic.

14. NHS crisis: GPs in Scotland quitting due to 'unsafe situation'. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8FpHS1FO Mvs> (date of access: 21.09.2022). — Text : electronic.

15. 'This is why doctors are leaving the NHS' — inside Britain's busiest A&E. — URL: <https://youtu.be/qGulU83N6Gc> (date of access: 04.07.2022). — Text : electronic.

16. Underpaid UK Doctors Flee Health System in Crisis. — URL: https://youtu.be/huWfkF_GCZc (date of access: 22.09.2023). — Text : electronic.

17. UK's healthcare system under 'intolerable' pressure. — URL: https://youtu.be/_BN2ULrjKp8 (date of access: 10.03.2022). — Text : electronic.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Апресян, В. Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 1993. — № 3. — С. 27–35.
2. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова. — Текст : непосредственный // Теория метафоры. — Москва : [б. и.], 1990. — С. 5–32.
3. Вершинина, Т. С. Метафора в политическом дискурсе: традиции и современность / Т. С. Вершинина. — Текст : непосредственный // Лингвистика : бюл. Урал. лингвист. о-ва. — Екатеринбург, 2001. — Вып. 6. — С. 5–9.
4. Добросклонская, Т. Г. Медиадискурс: теория и методы изучения / Т. Г. Добросклонская. — Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. — 2005. — № 2.
5. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Моро-

зовой ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — Изд. 2-е. — Москва : URSS : Изд-во ЛКИ, 2008. — 252 с. — Текст : непосредственный.

6. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский ; пер. с англ. О. Н. Гринбаума. — Москва : Энергия, 1979. — 152 с. — (Англ. изд.: Form and Content in Computer Science. Cambridge, 1974). — Текст : непосредственный.

7. Москвин, В. П. Русская метафора: параметры классификации / В. П. Москвин. — Текст : непосредственный // Филологические науки. — 2000. — № 2. — С. 66–74.

8. Поспелов, Д. А. Семiotические модели: успехи и перспективы / Д. А. Поспелов. — Текст : непосредственный // Кибернетика. — 1976. — № 6. — С. 114–123.

9. Склярёвская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Склярёвская. — Санкт-Петербург : Наука, 1993. — 150 с. — Текст : непосредственный.

10. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2003. — 248 с. — Текст : непосредственный.

11. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2001. — Текст : непосредственный.

12. Caron, J. Les régularions du discours: Psycholinguistique et pragmatique du langage / J. Caron. — Paris : PUF, 1983. — 255 p. — Text : unmediated.

13. Dijk, T. A. v. Studies in the pragmatics of discourse / T. A. v. Dijk. — The Hague : Mouton, 1981. — Text : unmediated.

14. Koffka, K. Principles of gestalt psychology / K. Koffka. — New York : Harcourt, Brace and World, 1963. — Text : unmediated.

15. Turner, M. Conceptual integration and formal expression / M. Turner, G. Fauconnier. — Text : unmediated // Metaphor and symbolic activity. — 1995. — Vol. 10, No. 3. — P. 183–203.

DICTIONARIES

1. Krysin, L.P. (Ed.) (2016). *Academician Russian Dictionary*. Moscow: Publishing House YASK. (In Russ.)

2. Baranov, O.S. (2008). *Ideographic dictionary of the Russian language*. Moscow. (In Russ.)

3. Babenko, L.G. (Ed.) (2007). *A large explanatory dictionary of Russian verbs*. Moscow: AST-Press. (In Russ.)

4. Dahl, V.I. (n.d.). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language: In 4 vol.* (In Russ.)

5. Efremova, T.F. (2006). *Modern explanatory dictionary of the Russian language* (In 3 volumes). Moscow: AST, Astrel, Harvest. (In Russ.)

6. Ozhegov, S.I. (1949). *Dictionary of the Russian language* (Edited by S. P. Obnorsky). Moscow. (In Russ.)

7. Sklyarevskaya, G.N. (Ed.) (1998). *The Great Dictionary of the Russian language of the end of the XX century. Language changes*. St. Petersburg: Folio Press. (In Russ.)

MATERIALS

1. *The whole truth about working in intensive care*. Retrieved Sept. 27, 2023, from <https://youtu.be/sv9I4c2VuDU?list=TLPQMjcwNTIwMjSdhM280iZ2wQ>

2. *How doctors actually work in hospitals. How do I find the right doctor?* Retrieved Nov. 18, 2022, from <https://youtu.be/4Nsp1GeRho0>

3. *Unavailable medicine? Russians complain about the lack of doctors and high-quality medicines*. Retrieved Sept. 21, 2022, from <https://youtu.be/Dog40tart7Y>

4. Orlov, Sergey (n.d.). *About appendicitis*. Retrieved Feb. 3, 2023, from <https://youtu.be/Rdd7hUP0uNY>

5. *A rural doctor 6400 km from Moscow | PERSON ON THE MAP*. Retrieved Feb. 8, 2023, from <https://youtu.be/1RFXzJlaP2Q>

6. *American Woman Lives in UK for Health Care*. Retrieved Apr. 17, 2023, from <https://youtu.be/Cen5fkIwFjU>

7. *British healthcare in crisis*. Retrieved Oct. 10, 2023, from https://youtu.be/_fsSjaRgXWM

8. *Burnout: Why doctors are quitting the NHS*. Retrieved Sept. 13, 2023, from <https://youtu.be/QXoAW2jBzBM>

9. *How The United Kingdom's Health-Care System Works*. Retrieved Aug. 14, 2023, <https://youtu.be/45PRLntfBU>

10. *I emailed my doctor 133 times: the crisis in the British healthcare system*. Retrieved Oct. 18, 2023, from <https://youtu.be/v1eWlshUzr8>

11. *Inside UK hospital overstretched and under pressure*. Retrieved Apr. 17, 2022, from <https://youtu.be/guiihD9JxE8>

12. *Is migration creating 'fortress' Europe?* Retrieved Sept. 3, 2023, from <https://youtu.be/zDIRBLuMqEE>

13. *NHS England waiting lists hit record high*. Retrieved Sept. 3, 2023, from <https://youtu.be/XnxdNEB6hOA>

14. *NHS crisis: GPs in Scotland quitting due to 'unsafe situation'*. Retrieved Sept. 21, 2022, from <https://www.youtube.com/watch?v=8FpHS1FOMvs>

15. *'This is why doctors are leaving the NHS' — inside Britain's busiest A&E*. Retrieved July 4, 2022, from <https://youtu.be/qGuLU83N6Gc>

16. *Underpaid UK Doctors Flee Health System in Crisis*. Retrieved Sept. 22, 2023, from https://youtu.be/huWfkF_GCZc

17. *UK's healthcare system under 'intolerable' pressure*. Retrieved March 10, 2022, from https://youtu.be/_BN2ULrjKp8

REFERENCES

1. Apresyan, V.Yu., & Apresyan, Yu.D. (1993). Метафора в семантическом представлении эмоций [Metaphor in the Semantic Representation of Emotions]. *Voprosy yazykoznaniya*, 3, 27–35. (In Russ.)

2. Arutyunova, N.D. (1990). Метафора и дискурс [Metaphor and Discourse]. In *Teoriya metafory* (pp. 5–32). Moscow. (In Russ.)

3. Vershinina, T.S. (2001). Метафора в политическом дискурсе: традиции и современность [Metaphor in Political Discourse: Traditions and Modernity]. In *Lingvistiika : byul. Ural. lingvist. o-va* (Iss. 6, pp. 5–9). Ekaterinburg. (In Russ.)

4. Dobrosklonskaya, T.G. (2005). Mediadiskurs: teoriya i metody izucheniya [Media discourse: theory and methods of study]. *Bulletin of the Moscow University, Ser. 10. Journalism*, 2.

5. Lakoff, J., & Johnson, M. (2008). *Metafor, kotorymi my zhivem* [Metaphors that we live by] (transl. from English by A.N. Baranov and A.V. Morozova ; ed. and with a preface by A.N. Baranov, 2nd ed.). Moscow: URSS, Publishing house “WOLVES”, 252 p. (In Russ.)

6. Minsky, M. (1972). *Freymy dlya predstavleniya znaniy* [Form and content in computer science] (transl. from Engl.). Moscow: Energia, 152 p. (In Russ.)

7. Moskvin, V.P. (2000). Russkaya metafory: parametry klassifikatsii [Russian Metaphor: Classification Parameters]. *Filologicheskie nauki*, 2, 66–74. (In Russ.)

8. Pospelov, D.A. (1976). Semioticheskie modeli: uspexhi i perspektivy [Semiotic Models: Achievements and Prospects]. *Kibernetika*, 6, 114–123. (In Russ.)

9. Sklyarevskaya, G.N. (1993). *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the language system]. St. Petersburg: Nauka, 150 p. (In Russ.)

10. Chudinov, A.P. (2003). *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii* [Metaphorical mosaic in modern political communication] [Monograph]. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 248 p. (In Russ.)

11. Chudinov, A.P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991–2000)* [Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ. (In Russ.)

12. Caron, J. (1983). *Les régularions du discours: Psycholinguistique et pragmatique du langage*. P.: PUF, 255 p.

13. Dijk, T.A.v. (1981). *Studies in the pragmatics of discourse*. The Hague: Mouton.

14. Koffka, K. (1963). *Principles of gestalt psychology*. New York: Harcourt, Brace and World.

15. Turner, M., & Fauconnier, G. (1995). Conceptual integration and formal expression. *Metaphor and symbolic activity*, 10(3), 183–203.

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).

Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+81'27

ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55

ГРНТИ 19.45; 19.01; 16.21.07

Код ВАК 5.9.9

Полина Викторовна Горбань

независимый эксперт, Санкт-Петербург, Россия, gorban.absolem@gmail.com, SPIN-код: 5107-0343,

<https://orcid.org/0009-0004-4276-9704>

Функциональные аспекты иронии и сарказма в авторских Telegram-каналах военных корреспондентов

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена исследованию иронии и сарказма как ключевых приемов в современном медиадискурсе. Повсеместность использования комического в различных сферах жизни, начиная от межличностной коммуникации и журналистики, заканчивая искусством и наукой, представляет данное направление актуальным предметом изучения для исследователей в области лингвистики, социологии, культурологии и философии. Анализ собранного материала предшествует теоретический обзор, демонстрирующий, как понимание и определение иронии и сарказма менялись в зависимости от временного периода, культурологических особенностей, научной сферы и иных аспектов. Автор рассматривает лингвистические механизмы, лежащие в основе данных феноменов, и их функции в контексте освещения военными корреспондентами событий первого года проведения СВО на Украине. В условиях современного информационного общества указанные риторические приемы играют важную роль в интерпретации событий и формировании общественного мнения. Анализ основан на изучении текстов авторских каналов военных корреспондентов в Telegram. В рамках исследования проведен анализ примеров, где ирония и сарказм используются для усиления эмоционального воздействия, создания комического эффекта и выражения критики. Результаты исследования демонстрируют, что ирония и сарказм выполняют важные функции в процессах убеждения.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *ирония, сарказм, военная журналистика, военкоры, военные корреспонденты, военный дискурс, политический дискурс, политические тексты, освещение событий, СВО, специальная военная операция, Интернет, интернет-пространство, интернет-коммуникация, интернет-технологии, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-ресурсы, языковые средства, средства выразительности.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Горбань Полина Викторовна, независимый эксперт, г. Санкт-Петербург, Россия; email: gorban.absolem@gmail.com.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Горбань, П. В. Функциональные аспекты иронии и сарказма в авторских Telegram-каналах военных корреспондентов / П. В. Горбань. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 144-155.*

Polina V. Gorban'

Independent Expert, Saint Petersburg, Russia, gorban.absolem@gmail.com, SPIN code: 5107-0343, <https://orcid.org/0009-0004-4276-9704>

Functional Aspects of Irony and Sarcasm on Authorial Telegram Channels of War Correspondents

ABSTRACT. *The article studies irony and sarcasm as key techniques of modern media discourse. The frequent use of the comic in various spheres of life, ranging from interpersonal communication and journalism, ending with art and science, makes this area an urgent object of study for researchers in the field of linguistics, sociology, cultural studies and philosophy. The analysis of the collected material is preceded by a theoretical review demonstrating how the understanding and definition of irony and sarcasm changed depending on the time period, culturological characteristics, scientific sphere and other aspects. The author examines the linguistic mechanisms underlying these phenomena and their functions in the context of military correspondents' coverage of the events of the first year of the SMO in Ukraine. In the situation of the modern information society, these rhetorical techniques play an important role in interpreting events and shaping public opinion. The analysis is based on the study of the texts of authorial channels of war correspondents on Telegram channels. The study analyzes examples in which irony and sarcasm are used to enhance emotional impact, create a comic effect and express criticism. The results of the study demonstrate that irony and sarcasm perform important functions in the processes of persuasion.*

KEYWORDS: *irony, sarcasm, war journalism, war correspondents, military discourse, political discourse, political texts, covering events, SMO, special military operation, Internet, Internet space, Internet communication, Internet technologies, Internet discourse, Internet texts, Internet resources, language means, expressive means.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Gorban' Polina V., Independent Expert, Saint Petersburg, Russia.*

FOR CITATION: *Gorban' P. V. (2024). Functional Aspects of Irony and Sarcasm on Authorial Telegram Channels of War Correspondents. In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 144-155. (In Russ.).*

Феномен современного медиадискурса заключается в его многослойности и сложности, когда в едином пространстве взаимодействуют различные коммуникативные и языковые стратегии. В качестве одного из наиболее интересных и многозначных аспектов медиадискурса стоит выделить использование иронии и сарказма в журналистских материалах. Помимо непосредственного стилистического обогащения текстов, такие приемы выполняют важные прагматические функции, оказывая влияние на восприятие информации аудиторией.

Повсеместность использования комического в различных сферах жизни, начиная от межличностной коммуникации и журналистики, заканчивая искусством и наукой, представляет данное направление актуальным предметом изучения для исследователей в области лингвистики, социологии, культурологии и философии. Как лингвистические механизмы, ирония и сарказм часто используются с целью создания комического эффекта, выражения скрытой критики или усиления эмоционального воздействия на аудиторию. В условиях максимально высокой скорости распространения информации подобные приемы играют ключевую роль в процессе интерпретации событий и формирования общественного мнения.

Основная цель статьи заключается в комплексном анализе иронии и сарказма в современном медиадискурсе с точки зрения используемых лингвистических механизмов и реализуемых прагматических функций. Исследование направлено на выявление и систематизацию специфических особенностей использования указанных речевых фигур в современных медиа. В ходе исследования рассмотрены основные теоретические подходы к изучению иронии и сарказма, проведен анализ примеров из современных медиа. Особое внимание уделено использованию иронии и сарказма для создания определенных эмоциональных и смысловых эффектов и последующего влияния на интерпретацию сообщений аудиторией.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Понимание и определение иронии и сарказма меняются в зависимости от временного периода, культурологических особенностей, отношения к научной сфере и иных аспектов. О. С. Ахманова предлагает понимать под иронией «троп, состоящий в употреблении слова в смысле обратном буквальному с целью тонкой или скрытой насмешки; насмешка, нарочито облеченная в форму положительной характеристики или восхваления» [Ахманова 2004: 185]. Т. В. Же-

ребило под иронией понимает «1) притворное восхваление, таящее в себе насмешку; 2) завышение оценки с целью ее занижения; стилистический оборот, построенный на иносказании, скрывающем насмешку; используется в публицистическом, разговорном, художественном стиле» [Жеребило 2010: 137]. Под сарказмом — «наиболее резкое, жесткое выражение иронии; язвительная насмешка; активизируется в публицистическом, художественном, разговорном стилях» [Жеребило 2010: 315].

Ирония и сарказм являются риторическими приемами, между которыми имеются как различия, так и пересечения. Среди основных различий следует выделить прямоту выражения: часто ирония подразумевает использование слов в противоположном прямому их значению, что требует от аудитории определенного уровня понимания контекста; сарказм может быть представлен в более прямолинейной и очевидной форме критики, что делает его проще для распознавания. Следующим различием выступает тональность и намерение: ирония, как правило, наделена более мягким и тонким характером, а сарказм — более резким и агрессивным. Если иронические высказывания не обязательно направлены на оскорбление и могут быть добродушными, то саркастические чаще всего имеют цель уязвить или оскорбить того, кому они адресованы.

К пересечениям между описываемыми риторическими приемами следует отнести противоположность прямому значению: как ирония, так и сарказм часто используют слова противоположные своему прямому значению. Посредством сарказма это делается более явно и агрессивно. Оба приема используются для выражения критики или насмешки. Ирония и сарказм могут пересекаться в целях, например, акцентировать внимание на нелепость, недостатки или противоречия. Таким образом, ирония более многозначительна и тонка, тогда как сарказм более язвителен и прямолинейен. Ирония и сарказм могут выступать в качестве своеобразного фильтра, который помогает выявить единомышленников, способных расшифровать смысл сказанного автором.

Классификации и типологии иронии и сарказма базируются на работах исследователей в области лингвистики, психологии и литературоведения. Выделим основные прагматические характеристики, являющиеся отличительными для обоих риторических приемов.

1. Ирония:

- Амбивалентность. Ирония, как прием, наиболее ярко раскрывается в ситуациях

неопределенности, поскольку может оставлять пространство для разнородных интерпретаций;

- Дистанцирование. Прием предоставляет возможность говорить о чувствительных или сложных темах в более мягкой манере, поскольку создает дистанцию между оратором и объектом, которому направлено ироничное высказывание;

- Формирование сообществ. Аудитория, которая понимает скрытый смысл ироничных высказываний, может самообъединяться и испытывать чувство принадлежности к некой общности.

2. Сарказм:

- Функция эмоциональной разрядки. В стрессовых или конфликтных ситуациях сарказм может выступать способом эмоциональной разрядки для оратора;

- Регуляция социального поведения. Замечания саркастического характера могут быть использованы для регулирования поведения внутри социальных групп путем указания на нежелательные качества или действия;

- Инструмент социальной агрессии. Сарказм может быть направлен на унижение оппонента или его дискредитацию в глазах аудитории или конкретных персоналий.

Среди представителей зарубежной исследовательской школы следует выделить У. Бута, который анализирует иронию в своей второй по популярности работе — «Риторика иронии» [Booth 1974]. Будучи литературным критиком, автор в первую очередь рассматривает иронию как литературный инструмент по созданию сообществ. По мнению У. Бута, ирония выступает способом сближения ироника и его аудитории. Ирония придает тексту дополнительное содержание, а не разрушает его логику. Ирония объединяет вещи, которые в противном случае могли бы не соединиться или быть дестабилизированы. По мнению Л. Хатчон [Hutcheon 1994], ирония, в сравнении с метафорой или метонимией, имеет главное преимущество — может поместить человека на грань или край. Филолог согласна с позицией определения иронии как средства, при использовании которого подразумевают не только то, что сказано прямо. Л. Хатчон полагает, что более важным свойством данного риторического приема является уникальность иронии с точки зрения несбалансированности в пользу недосказанного и своей основополагающей остроты в сравнении с семантической игрой слов или парадоксом. Важное значение имеет изначально закладываемый эмоциональный аспект и субъективное оценочное отношение говорящего.

Б. А. Гомлешко указывает, что «ирония также может быть использована в качестве особого кода, который коммуниканты используют в целях координации своих действий в такой ситуации, когда они опасаются или просто не хотят выражать свои мысли прямо. Еще одной функцией иронии является то, что она служит интимизации отношений между коммуникантами, установлению и упрочнению дружеских связей между ними» [Гомлешко 2008: 13]. По мнению исследователя, ирония может выступать в качестве способа освобождения от чувства неудовлетворенности и эмоционального напряжения.

С. И. Походня выделяет ситуативный и ассоциативный типы иронии [Походня 1989: 62–64]. Под первым типом подразумевается моментально возникшая и эмоционально окрашенная ирония. Данный тип иронии чаще всего можно встретить в устной или диалогической письменной коммуникации. Ассоциативный тип иронии — это имплицитно выраженная ирония, являющаяся неотъемлемой частью художественной литературы. Для осмысления этого типа иронии читателю требуется глубокое изучение текста и его осмысление в течение определенного периода времени.

Часто сарказм рассматривается как наиболее грубое проявление иронии. Одним из существенных отличий выступает тот факт, что ирония может быть непреднамеренной, в то время как сарказм используется исключительно умышленно. Д. Хайман придерживается позиции о том, что сарказм является открытой формой иронии, используемой говорящим в форме вербальной агрессии [Haiman 1998: 20]. Лингвист сравнивает сарказм с другими актами речевой агрессии. Отличие сарказма от лжи в том, что говорящий стремится к тому, чтобы истинный смысл его высказывания был понят хотя бы некоторыми избранными членами целевой аудитории на основе их общих знаний или понимания характера и жизненной позиции говорящего. «Юмор в сатире используется для того, чтобы разбавить прямую критику, иначе сатира может выглядеть как проповедь, так как она предполагает беспощадное переосмысление объекта изображения; сатирический смех носит обличительный, уничтожающий характер» [Задобривская, Слободян 2013: 16].

Довольно часто как в иронических, так и в саркастических высказываниях используются нейтральные языковые средства, наделенные противоположной контексту коннотацией положительного характера. Негативно-оценочную окраску высказывание приобретает исключительно в контексте

коммуникативной ситуации. Как следствие, корректная интерпретация иронического или саркастического высказывания требует от аудитории необходимого знания конкретной социально-политической ситуации и особенностей повествования оратора. Данное условие делает сарказм сложным и одновременно эффективным инструментом коммуникации, поскольку позволяет адресанту выбрать часть аудитории, на которую будет направлен риторический прием и которая должна распознать и интерпретировать смысл использования сарказма. К. М. Шилихина полагает, «чтобы адресат мог сделать вывод о несовпадении значения высказывания со значением говорящего, внутренний контекст должен содержать сигналы этого несовпадения. Их роль — предупредить адресата сообщения о наличии дополнительного значения. Ключи интерпретации высказывания как иронического лежат вне самого высказывания: чтобы определить, кто или что является объектом иронического отношения говорящего, адресат должен обратиться к контексту внешнему» [Шилихина 2008: 12]. Вербальный контекст может содержать сигналы различной сложности, чтобы адресат мог его интерпретировать как ироническое или саркастическое. Наличие подобных сигналов позволяет аудитории определить истинное отношение говорящего к объекту иронии.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ИРОНИИ И САРКАЗМА

Ирония и сарказм — важные лингвистические явления, исследованием которых занимаются представители различных научных школ. На основе работ лингвистов и других специалистов, специфические механизмы, свойственные иронии и сарказму, могут быть проанализированы и классифицированы. На лексическом уровне данные приемы могут проявляться посредством использования гиперболы или слов с противоположным значением (антонимия). На синтаксическом уровне ирония и сарказм могут быть выражены через инверсию или при использовании риторических вопросов. На прагматическом уровне ирония и сарказм часто зависят от контекста и общих знаний оратора и его аудитории. К последнему уровню также можно отнести интонационные особенности речи, сигнализирующие о том, что высказывание следует воспринимать в ироническом или саркастическом ключе.

Значительный вклад в изучение иронии и сарказма внесли представители московской научной школы, одним из наиболее заметных представителей которой выступает

В. В. Виноградов. Лингвист рассматривает эти приемы в контексте семантики и стилистики. В качестве основных трудов можно выделить работы «О теории художественной речи» [Виноградов 1971] и «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика» [Виноградов 1963]. В. В. Виноградов видит иронию и сарказм важными компонентами художественной речи, подчеркивая их роль в создании смыслового и эмоционального многообразия текста. По В. В. Виноградову, ирония представляет собой способ повествования, при котором истинный смысл сказанного противоположен буквальному значению слов. Часто ирония используется как инструмент скрытой критики или способ создания комического эффекта. Сарказм же рассматривается лингвистом как более острая форма иронии, направленная на унижение объекта критики и язвительное осмеяние.

И. Р. Гальперин [Гальперин 2020] разбирает текстовые механизмы, используемые для создания иронического эффекта, например, контраст между действительным и ожидаемым значениями. М. Н. Кожина [Кожина 2008] анализирует стилистические приемы, подчеркивая их функциональную роль в языке. Исследования в данной области продолжаются, что позволяет открывать новые аспекты понимания и использования иронии и сарказма в языке. Н. Н. Панченко исходит из положения, что комическое как абстрактное понятие конкретизируется в понятиях комического смысла, комического речевого акта (комического высказывания) и комического дискурса. Порождение комического смысла носит личностный характер [Панченко 2015].

В основе создания иронии лежит некое противоречие между моральной, этической, социальной общепринятой нормой и определенным контрастом, определяющим позицию человека на данное противоречие и на окружающий его мир. Возникновение подобного конфликта выступает важнейшим фактором рождения иронии. А. А. Горностаева обозначает в качестве основной цели политического дискурса победу над оппонентом. «В современном политическом дискурсе ирония используется наряду с другими стилистическими приемами для воздействия на собеседника, а также для поддержания интереса аудитории. Иронический политический дискурс заставляет аудиторию активно участвовать в процессе переосмысления и интерпретации информации» [Горностаева 2018: 59]. Исследователь полагает, что в политическом дискурсе ирония выполняет различные функции — от нападения до защиты, сохранения репутации; от сближения с аудиторией

ей до дистанцирования. Таким образом, иронию можно назвать неотъемлемым элементом политического дискурса.

По мнению В. Е. Жарова, «ироническое высказывание позволяет выразить большую гамму чувств, сконденсированных в одной реплике. Этот механизм называется свертыванием. Структура иронического микротекста отличается наличием противопоставления в семантической структуре высказывания. Свертывание проявляется в том, что на единицу выражения приходится усложненное содержание. Мысль слушающего наталкивается на логическое противоречие, но разрешает его, определив противоречие (противопоставление) как прием, использованный с целью создания иронического микротекста» [Жаров 1997: 6]. Специфику иронического микротекста определяет одновременное присутствие двух вариантов смысла — основанного на конкретном контексте и существующего во внеконтекстной реализации высказывания. По своему отношению к объекту иронии В. Е. Жаров подразделяет иронические высказывания на: 1) насмешливые; 2) критические; 3) насмешливо-критические. К способам выражения иронического отношения автор относит антифраз (употребление лексической единицы в противоположном ее словарному значению смысле), семантическое рассогласование, силлепс (одновременное употребление слова или выражения одновременно в прямом и переносном смысле), антитезу, противопоставление частей высказывания, согласие или подтверждение, подмену фрейма, параллелизм, нейтрализацию семантического наполнения, уточнение, отзвук (цитирование или отсылка к приписываемой собеседнику точке зрения), генерализацию (использование предложений, в которых объект иронии представлен в обобщенном виде), моделирование, утверждение, констатацию факта, благодарность, одобрение и некоторые другие.

Л. В. Балахонская и И. А. Быков выделяют две основные группы средств речевой агрессии: «эксплицитные, выраженные в явной, открытой форме, и имплицитные, неявные, но опознаваемые адресатом в результате некоторых логических процедур. К эксплицитным средствам речевой агрессии мы относим прежде всего лексические средства (в том числе окказионализмы), выражающие негативную оценку, стилистически сниженные лексические и фразеологические единицы (разговорную, грубо-просторечную лексику, разговорные фразеологизмы, жаргонизмы, инвективы). Имплицитно средства речевой агрессии проявляются в виде пре-

суппозиций, иронии, сарказма, языковой демагогии, метафор, несобственно-прямых вопросов и др.» [Балахонская, Быков 2018: 502–503].

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ИРОНИИ И САРКАЗМА В МЕДИАДИСКУРСЕ

Ирония и сарказм не только придают текстам эмоциональную насыщенность и выразительность, но и реализуют важные прагматические функции, понимание которых позволяет глубже осмыслить механизмы воздействия медиа на аудиторию, а также распознать скрытые смыслы и намерения авторов. В контексте медиадискурса прагматические функции помогают понять, как и почему определенные языковые средства используются для передачи сообщений, взаимодействия с аудиторией и формирования мнений.

Перечислим основные прагматические функции иронии:

1. Разоблачение и критика. Ирония позволяет выразить несогласие или осуждение социальных, культурных или политических явлений без вступления в непосредственную конфронтацию с оппонентом. В сравнении с прямыми обвинениями, иронические высказывания менее агрессивны и более элегантно разоблачают лицемерие и противоречия.

2. Смягчение критики. Данная функция особенно эффективна в тех ситуациях, когда говорящему необходимо избежать открытого конфликта. Ирония позволяет смягчить жесткость критических высказываний, делая их менее обидными для непосредственного адресата.

3. Привлечение внимания. В условиях переизбытка информации ирония помогает выделить текст на фоне однообразных сообщений и привлечь внимание аудитории за счет нестандартного подхода и необычности ироничных заголовков и текстов.

4. Создание чувства общности. Ирония позволяет автору создавать для аудитории чувство закрытого сообщества или «своего круга», в котором объединены люди со схожими взглядами или чувством юмора. Как следствие, это способствует формированию лояльной автору аудитории, которая ценит его в том числе за специфический стиль повествования.

5. Развлекательная. Часто ирония используется для развлечения аудитории и добавления элемента комичного в серьезные темы, что помогает сделать сложные или неоднозначные вопросы более интересными и доступными для восприятия.

Перечислим основные прагматические функции сарказма:

1. Открытая критика. Саркастические выражения могут быть весьма агрессивными и вызывающими, что делает их эффективным инструментом выражения сильного несогласия или презрения оппонента, часто с целью высмеивания или дискредитации.

2. Социальное дистанцирование. Сарказм может быть использован для создания социальной дистанции между говорящим и адресатом, что особенно заметно в политических дебатах или публичных выступлениях, где сарказм позволяет установить доминирование.

3. Эмоциональное воздействие. Эмоционально насыщенные сообщения чаще обсуждаются и распространяются, что ведет к увеличению охвата аудитории. Сарказм вызывает сильные эмоциональные реакции, начиная от смеха и заканчивая возмущением.

4. Подчеркивание абсурда. Сарказм подчеркивает нелепость и абсурдность высказывания, явления или ситуации, помогая аудитории увидеть несоответствие между произносимым и реальностью, делая скрытые проблемы более очевидными.

5. Идентичность. Сарказм способствует созданию запоминающегося образа и привлечению определенной целевой аудитории, выделяя автора или издание на фоне конкурентов.

Н. Н. Панченко полагает, что «благодаря использованию комического происходит переструктурирование мира. Большой мир как источник серьезного, порождающего новости, по воле пишущего становится игровым, несерьезным, „детским“ миром, представляющий собой часть его личного мира» [Панченко 2015: 79].

АНАЛИЗ ПРИМЕРОВ

Анализ иронии и сарказма в медиатекстах представляет собой важное направление в современной лингвистике и медиаисследованиях. Особенно остро подобная актуальность наблюдается в контексте освещения вооруженных конфликтов. В условиях информационной войны, сопровождающей специальную военную операцию (СВО) на Украине, материалы военных корреспондентов приобретают особое значение. Эти публикации не только информируют аудиторию о текущих событиях, но и посредством разнообразных риторических приемов формируют общественное мнение. Текущая часть статьи посвящена анализу применения иронии и сарказма в текстах военных корреспондентов, занимающихся освещением со-

бытий в рамках СВО. Исследование ставит перед собой цель выявить специфические лингвистические и стилистические особенности используемых риторических приемов, иронии и сарказма, в частности.

Н. Н. Панченко выдвигает гипотезу, что «при изложении новости пишущий находится в референционном пространстве 1-го лица, читающий — в референционном пространстве 2-го лица, а участники новостного события — в референционном пространстве 3-го лица. Таким образом, новость представляет собой положение вещей в большом мире («Мир — Вселенная, Универсум»), наблюдаемое людьми, находящимися в малом мире («Мир как то место, где живем мы»)» [Панченко 2015: 74].

Рассмотрим особенности использования иронии и сарказма на примере текстов популярных военных корреспондентов текущего периода — Александра Коца, Евгения Поддубного и Александра Сладкова. Автором отобраны 5210 публикаций, размещенных корреспондентами в авторских Telegram-каналах за период с февраля 2022 года по январь 2023 года. Для детального анализа были отобраны тексты с наиболее ярко выраженной авторской позицией. В 69% случаев военкоры прибегают к использованию прямой иронии, в 65% — сарказма. Военкоры используют эти средства выразительности примерно в равной степени. В 79 % публикаций авторы используют намек как дополнительный элемент создания комического настроения. Чаще всего ирония встречается в публикациях А. Коца.

«Задача Минских соглашений была в том, чтобы впихнуть республики обратно в состав Украины. А зачем теперь впихивать в нее независимые государства? Теперь можно, как американцы, выбирать из этих соглашений понравившиеся позиции. Ну, например, в части обмена пленными»¹. Автор саркастически комментирует изменение статуса территорий и предполагает возможность избирательного выполнения Минских соглашений. Военкор указывает на абсурдность попыток реинтеграции территорий, которые на данный момент рассматриваются в качестве независимых государств. Одновременно военкор критикует возможную избирательность в выполнении международных обязательств, проводя аналогию с практикой США. Отношение автора в данном примере реализовано через несколько приемов:

– сарказм. Выражение «впихнуть республики обратно в состав Украины» использу-

¹ «Странное какое заявление Небензи...». Telegram-канал «Kotsnews». 22.02.2022. URL: <https://t.me/sashakots/28978> (дата обращения: 26.01.2024).

ется автором для подчеркивания сложности и нежелательности реинтеграции. Также к прямому сарказму можно отнести сравнение с Америкой, когда из соглашений правительством якобы выбираются исключительно «понравившиеся позиции». Данный пример является саркастическим комментарием относительно избирательного подхода к международным обязательствам;

– риторический вопрос. Не требует ответа и служит для подчеркивания абсурдности и бессмысленности действий: «а зачем теперь впахивать в нее независимые государства?»;

– разговорный стиль, придающий публикации неформальный тон, что усиливает саркастический эффект («впахнуть» и «понравившиеся позиции»).

В другой публикации А. Коц пишет: «Минские соглашения и вовсе мертворожденный проект, который возник только для того, чтобы показать всему миру несостоятельность Украины в ее «миротворческих» усилиях. На протяжении семи лет она саботировала их выполнение, насыщая линию соприкосновения вооружениями, техникой и живой силой»¹. Данный отрывок выражает критический взгляд военкора на Минские соглашения и роль Украины в их реализации. По мнению автора, Минские соглашения изначально были обречены на провал и служили лишь демонстрацией неспособности Украины к миротворческим усилиям. Также военкор подчеркивает, что Украина намеренно саботировала выполнение данных соглашений. Общий тон отрывка пронизан саркастическим настроением, что особенно заметно в части, где говорится о «показе всему миру несостоятельности Украины». Автор подчеркивает недоверие к истинным намерениям Украины и предполагает, что действия правительства направлены исключительно на создание видимости миротворческих усилий. Помимо этого, автор использует:

– закавычивание. Слово «миротворческих» взято в кавычки, что указывает на сомнение автора в искренности усилий Украины и подразумевает их фиктивность;

– эпитеты. Выражение «мертворожденный проект» выступает одновременно и в роли метафоры, создающей образ чего-то изначально обреченного на неудачу, и подчеркивает несостоятельность Минских соглашений;

– контраст. Противопоставление реальных действий Украины (вооружение линии со-

прикосновения и саботажа) и заявленных целей Минских соглашений (миротворчество) подчеркивает несоответствие между словами и делами.

А. Коц использует сарказм для того, чтобы подчеркнуть несостоятельность и противоречивость Минских соглашений, для критики действий правительства Украины и стран Запада. Сарказм помогает усилить абсурдность и недоверие к заявленным целям миротворческого процесса, усиливая критическое восприятие со стороны аудитории военкора.

«Восемь лет Киев воевал с Россией. Ожесточенно, официально, с ненавистью. Через восемь лет Россия изволила явиться на войну, и тут раздался крик: „А нас за що?“ А есть за что»². Е. Поддубный использует средства выразительности с целью обозначить свою точку зрения на вооруженный конфликт между Россией и Украиной. Военкор саркастически подчеркивает, что Украина вела войну с Россией на протяжении восьми лет, но, когда Россия начала активные ответные боевые действия, украинская сторона выразила удивление и негодование. В данном случае использованы следующие средства выразительности:

– сарказм. Военкор использует саркастический тон с целью подчеркнуть несоответствие между действиями Украины и реакцией на ответные действия России;

– контраст. Противопоставление «восемь лет Киев воевал с Россией» и «Россия изволила явиться на войну» усиливает саркастический эффект, указывая на неожиданность произошедшего для Украины;

– эллипсис. Автор осознанно пропускает детали об обстоятельствах конфликта, что создает ощущение однобокости;

– цитирование. Включение в публикацию фразы «А нас за що?» подчеркивает нелепость ситуации и добавляет элемент драматизации.

«Опять гуманитарный коридор. Все бегут от войны в Россию. Позволю себе напомнить картину 2014 года. Российская граница. Украинские военные бегут под защиту „врага“»³. В данном случае можно говорить о нескольких вариантах целей, которые пытается достичь военкор за счет использования иронии и сарказма. Во-первых, критика украинской политики и демонстрация ее несостоятельности, в результате чего, по мнению

¹ «Можно ли обойтись без войны?». Telegram-канал «Kotsnews». 24.02.2022. URL: <https://t.me/sashakots/29060> (дата обращения: 26.01.2024).

² «Восемь лет Киев воевал с Россией». Авторская колонка Е. Поддубного для Telegram-канала «Специально для RT». 24.02.2022. URL: <https://t.me/epoddubny/8094> (дата обращения: 26.01.2024).

³ «Ух ты!!! Опять гуманитарный коридор!». Telegram-канал «Сладков+». 24.02.2022. URL: https://t.me/Sladkov_plus/4828 (дата обращения: 26.01.2024).

автора, даже украинские военные вынуждены искать защиты у российской стороны, которая официально считается врагом. Также автор стремится показать парадоксальность ситуации, когда, несмотря на напряженные отношения между странами, украинские военные и граждане ищут убежище именно в России. Данный факт может служить иллюстрацией несоответствия между официальной политической риторикой и реальными действиями. Вместе с тем, военкор стремится представить Россию как защитника, к которому обращаются за помощью даже те, кто официально считается противником. Также средства выразительности направлены на дискредитацию украинских военных и наглядную демонстрацию их неспособности защитить собственную страну и вынужденность искать помощи и защиты у «врага». Напоминание о событиях 2014 года усиливает аргументацию военкора и создает исторический контекст, подчеркивающий повторяемость ситуации.

А. Сладков использует разговорную и сниженную лексику для создания неформальной атмосферы и установления более тесного контакта с аудиторией. Важно также помнить, что аудитория в социальных сетях и блогах ожидает более личного и непосредственного стиля общения. Помимо этого, разговорная и сниженная лексика обладают высокой эмоциональной насыщенностью. Подобные слова и выражения способны более эффективно передавать настроения и чувства автора, что способствует усилению эмоционального отклика у читателей. «Думаете, я сейчас просто ною? Нет. Прибыл к нам вновь сформированный 3-й армейский корпус. И что? Заезжали в зону боевых действий толпой, с колоннами пробок из танков, наливников, грузовиков. Ну идеальная групповая мишень, жирная такая, беззащитная»¹. Эффект непосредственного диалога создается при помощи риторического вопроса, открывающего абзац. Оксюморон «идеальная групповая мишень» и эпитеты «жирная такая, беззащитная» создают контраст между ожиданиями и реальностью. Ирония заключается в том, что прибывший корпус, который должен быть полноценной боееспособной единицей, в действительности оказывается легкой целью для противника. Также можно говорить о критике автором организационного процесса и недовольстве текущей ситуацией. Ирония и сарказм игра-

ют ключевую роль в передаче разочарования автора.

В современных медиа можно наблюдать активное применение экспрессивных средств выразительности, стирающих границу между разговорной речью и новостными и аналитическими жанрами. Нередко метафоры или оценочные эмотивные выражения основаны на клише или аллюзиях и требуют от аудитории наличия пресуппозиции для корректного декодирования истинного смысла сказанного. Автор выбирает подобную стратегию для высмеивания или оскорбления людей, ситуаций или проблем, с которыми говорящий не согласен. Другой целью может выступать сплочение единомышленников.

«Не забывайте, что главное условие успешных наступательных действий ВСУ — это полное отсутствие противника. Причем ради этой виртуальной победы киевский режим бросит личный состав в мясорубку, сколько уж раз такое было, ВСУ потеряют вертолеты и беспилотники, лодки. Но в пиар они умеют, не отнять. А пока граждан Украины будут кормить этой хренью, потерю Лисичанска в угаре авось не так заметят»². Военкор использует иронию, сарказм, гиперболу, разговорную лексику, эмоционально окрашенные выражения и контраст для критики военной стратегии и информационной политики украинской стороны. В представленном примере сарказм создает контраст между реальными военными достижениями и их представлением в медиа: несмотря на неудачи на поле боя, украинская сторона ведет успешную информационную войну. Автор подчеркивает разрыв между реальностью и пропагандой. Также, контраст между потерями (Лисичанск) и попытками их сокрытия с помощью пропаганды подчеркивает манипулятивность действий украинского правительства. Е. Поддубный использует сарказм для утверждения, что успех ВСУ зависит от отсутствия противника, что является абсурдом и противоречит здравому смыслу. Саркастическое замечание подчеркивает неэффективность и недостаточную подготовку вооруженных сил Украины, а также подсвечивает несоответствие между заявленными целями и реальными возможностями. Подобное структурирование повествования помогает автору выразить скептическое отношение к действиям противника и вызвать аналогичное отношение у аудитории. Фраза «киевский режим бросит личный состав

¹ «Мобилизация (призыв) резерва для участия в СВО — это лишь полдела...». Авторская колонка А. Сладкова для Telegram-канала «Специально для RT». 25.09.2022. URL: https://t.me/Sladkov_plus/6336 (дата обращения: 26.01.2024).

² «Еще про Змеиный». Telegram-канал «Поддубный |Z|O|V| edition». 30.06.2022. URL: <https://t.me/epodubny/11377> (дата обращения: 26.01.2024).

в мясорубку» создает образ бесчеловечного подхода украинского руководства к своим солдатам. Автор использует гиперболу для акцентирования внимания на высоких потерях стороны противника и безжалостности командования. Разговорная лексика придает тексту неформальный характер, делает его эмоционально насыщенным и более доступным для широкой аудитории.

«Вот скажите, украинцы, надо было вам это всё в 2013-14 на Майдане? Ладно бы вы уходили в Европу и всё, но зачем вы одновременно оскорбляли Россию, Путина, обещали убивать русских? Для чего? Теперь Киев воюет, взрываются объекты, горят дома, гибнут украинцы, хотя громить русские регионы, тогда еще в составе Украины, ваши хлопцы выезжали первыми. Самое страшное, что для Киева всё только начинается»¹. В данном примере военкор использует иронию для выражения недоумения относительно действий украинцев. Риторические вопросы усиливают саркастический тон, подчеркивая абсурдность поведения участников Майдана для автора. В данном случае сарказм используется для критики действий украинцев в 2013-2014 годах. Автор намекает на неоправданные и трагические последствия, к которым привело агрессивное отношение к России. В данном случае, средства выразительности помогают журналисту создать скептическое настроение у аудитории и вызвать сомнения в правильности действий участников событий на Майдане. Военкор использует контраст между событиями мирного времени и текущим положением дел, чтобы подчеркнуть изменения, произошедшие в результате агрессивных действий и приведшие к ухудшению ситуации на Украине. Эмоционально насыщенная лексика усиливает драматизм и помогает военкору более убедительно передать свою точку зрения и посредством эмоций воздействовать на позицию аудитории. Предсказание будущих событий усиливает драматизм и создает ощущение неизбежной катастрофы, а также помогает подчеркнуть серьезность ситуации и вызвать у аудитории тревогу за будущее Украины.

«Мои доводы, конечно, вряд ли будут рассмотрены президентом Евросоюза Шарлем Мишелем, который запускает хештег «Бучанская резня» и анонсирует новые санкции против России. Хотя проверить то,

что я говорю, несложно. Достаточно провести экспертизу, которая укажет время смерти несчастных. И соотнести с данными натовского объективного контроля, который четко укажет дату отхода российских войск. Но это — если искать правду. А кому она на Западе нужна»². В данном отрывке А. Коц использует иронию для того, чтобы показать, что его доводы не будут приняты во внимание, несмотря на очевидность и доступность их проверки. Сарказм проявляется в комментарии, что президент Евросоюза вместо того, чтобы разобраться в ситуации, скорбит в социальных сетях и анонсирует новый пакет санкций. Военкор использует иронию и сарказм для подчеркивания скептицизма относительно искренности и объективности западных политиков, а также намекает, что реальные факты и доказательства не интересуют западных лидеров. Гиперболическое утверждение о том, что правда никому не нужна на Западе, усиливает критическое отношение журналиста и помогает акцентировать внимание аудитории на лицемерии западных политиков. Контраст между возможностью объективного расследования и реальными действиями западных лидеров подчеркивает несоответствие между декларируемыми ценностями (поиск правды) и проводимой политикой (игнорирование фактов).

«Как же раньше хохлы разносили расплаги, когда российская связь в ДНР не работала? Удивительно. Наугад, наверно. А что, Феникс, упоминаемая некоторыми блогерами, система «Эшелон» не вскрывает? Угрозу несут только российские симки?»³. Через риторический вопрос автор делает ироничное замечание, что украинские военные действовали хаотично и без точной информации. Также военкор подчеркивает односторонность мнения о том, что угроза исходит только от российских средств связи. Ироничное настроение создается и через применение слова «удивительно» в контексте, где журналист явно не испытывает настоящего удивления. Использованные средства выразительности и общий тон повествования помогают автору создать у аудитории негативное отношение к оппонентам и поддержать точку зрения А. Коца, доводящего до абсурда.

Ирония и сарказм в материалах журналистов выступают в качестве многофункцио-

¹ «Вот скажите, украинцы, надо было вам это всё в 2013-14 на Майдане?». Telegram-канал «Сладков+». 03.01.2023. URL: https://t.me/Sladkov_plus/6970 (дата обращения: 26.01.2024).

² «Сейчас объясню, почему „Сребреница“ в Буче — это вранье». Telegram-канал «Kotsnews». 03.04.2022. URL: <https://t.me/sashakots/30759> (дата обращения: 26.01.2024).

³ «С удивлением узнал, что в Донецке в роуминге заработали российские сим-карты». Telegram-канал «Kotsnews». 02.01.2023. URL: <https://t.me/sashakots/37916> (дата обращения: 26.01.2024).

нальных инструментов. На основе проведенного анализа можно выделить несколько основных целей использования иронии и сарказма военными корреспондентами в своих публикациях в Telegram, а именно:

1. Критика и осуждение. Наиболее часто иронические и саркастические высказывания используются как способ выражения критики в адрес определенных лиц, организаций или действий. В контексте военной журналистики, они могут быть направлены на высмеивание абсурдности военных решений, бюрократии или пропаганды;

2. Подчеркивание противоречий. Ирония и сарказм эффективно выявляют и подчеркивают несоответствия и противоречия в официальных и публичных заявлениях, медийных сообщениях, поведении участников конфликта, что способствует более критическому восприятию информации и углубленному пониманию ситуации;

3. Привлечение внимания. Благодаря использованию иронии и сарказма текст становится более выразительным и запоминающимся, способствуя привлечению внимания читателей, что особенно актуально в условиях переизбытка информации, когда перед автором встает задача выделиться на фоне множества других новостей и источников;

4. Снижение эмоционального напряжения. Ирония позволяет смягчить тяжелые и трагические события, снижая уровень общего эмоционального стресса как у говорящего, так и у аудитории. В условиях вооруженных конфликтов, где чаще преобладают негативные эмоции, это особенно важно;

5. Формирование общественного мнения. Иронические и саркастические комментарии могут оказывать влияние на формирование общественного мнения, побуждая аудиторию к переоценке происходящих событий или основных публичных деятелей. Ирония и сарказм стимулируют аудиторию к более активному участию в обсуждении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В эпоху мгновенного обмена информацией и тотальной цифровизации платформа Telegram стала одной из ключевых площадок для распространения новостей и аналитических материалов. Ирония и сарказм выступают не только стилистическими элементами, но и мощными инструментами по формированию эмоциональной реакции аудитории и векторизации общественного мнения. Данные приемы часто используются с целью привлечения внимания к важным вопросам, которые в более нейтральном контексте могли бы остаться незамеченными.

Комическое является неотъемлемой частью современной коммуникации, одновременно помогая выстроить более тесную связь с аудиторией. На основе проанализированных примеров можно сделать вывод о том, что разговорный стиль становится неотъемлемой частью коммуникации в социальных сетях, где расстояние между автором и аудиторией стирается. Военные корреспонденты становятся лидерами мнений, к точке зрения которых прислушивается аудитория, поэтому ирония и сарказм служат способом трансляции конкретных тезисов, которые заставили бы взглянуть на общую ситуацию под другим углом. В такой связи экспрессивные средства выразительности становятся неотъемлемым элементом языка.

В современном медиадискурсе ирония и сарказм выполняют важные прагматические функции, среди которых могут быть обозначены привлечение внимания, критика, привлечение аудитории, создание чувства общности. Ирония чаще используется для выражения смягченной критики и создания более многослойного восприятия, в то время как сарказм применяется для эмоционального воздействия и открытой критики. Оба инструмента помогают средствам массовой информации эффективно коммуницировать с аудиторией и обеспечивать для нее глубокое и эмоционально насыщенное восприятие информации. Ирония и сарказм также могут быть распознаны благодаря использованию авторами метафор с негативной образностью; разговорной, сниженной или жаргонной лексики; слов и словосочетаний с негативной семантикой; стилистически сниженных фразеологизмов.

Л. В. Балахонская и И. А. Быков отмечают, что «политическая сфера сама по себе имеет конфликтный характер, поскольку чаще всего участники политического процесса рассматривают своих политических оппонентов сквозь призму «свой — чужой» или «мы — они». ... Даже в демократических странах от политических лидеров требуется активная, атакующая и даже агрессивная риторика, иначе электорат будет считать их слабыми политиками» [Балахонская, Быков 2018: 493]. Данное условие вызывает ситуацию, при которой, например, вербальная агрессия в Интернет-пространстве способствует увеличению общего уровня агрессивности в обществе, а вербальная агрессия в политической коммуникации повышает вероятность эксцентричного политического поведения.

Проведенный в статье анализ показал, что ирония и сарказм играют важную роль в современной журналистской коммуникации,

выполняя ряд ключевых функций. Во-первых, ирония и сарказм служат инструментами выражения критики и недовольства, предоставляя журналистам возможность транслировать свои эмоции и взгляды более ярко и образно. Во-вторых, данные риторические приемы способствуют созданию эмоциональной связи с аудиторией, усиливая вовлеченность, стимулируя активное обсуждение и формируя группы «единомышленников». Также важно отметить, что ирония и сарказм часто используются для подчеркивания абсурдности или противоречивости определенных ситуаций, что позволяет военкорам критически оценивать происходящее, при этом дистанцируясь от описываемых событий, что может снижать общий уровень эмоционального напряжения и предоставлять аудитории возможность сформировать собственную позицию.

Исследование функциональных аспектов иронии и сарказма в авторских Telegram-каналах открывает новые перспективы для понимания роли данных приемов в современной военной журналистике. Проведенный анализ также указывает на необходимость проведения дальнейших исследований, направленных на изучение, например, культурных, этических и технологических аспектов этих средств выразительности. Так, видится желательным проведение ряда исследований, связанных с этическими вопросами использования иронии и сарказма в контексте военной журналистики, уделяя особое внимание случаям, когда данные приемы приводили к негативным последствиям или были восприняты аудиторией как неуместные.

СЛОВАРИ

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — Изд. 2-е, стер. — Москва : URSS, 2004. — 576 с. — Текст : непосредственный.

2. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. — Изд. 5-е, испр. и доп. — Назрань : Пилигрим, 2010. — 486 с. — Текст : непосредственный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Балахонская, Л. В. Речевая агрессия в политических блогах радиостанции «Эхо Москвы» / Л. В. Балахонская, И. А. Быков. — Текст : электронный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2018. — № 15 (3). — С. 492–506. — DOI: 10.21638/spbu09.2018.313.

2. Виноградов, В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. — Москва : Высшая школа, 1971. — 240 с. — Текст : непосредственный.

3. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1963. — 259 с. — Текст : непосредственный.

4. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — Изд. стереотип. — Москва : URSS, 2020. — 144 с. — (Сер. «Лингвистическое наследие XX века»). — Текст : непосредственный.

5. Гомлешко, Б. А. Прагматические функции иронии в тексте / Б. А. Гомлешко. — Текст : электронный // Вестник Адыгейского государственного университета. — Сер. 2, Фи-

лология и искусствоведение. — 2008. — № 3. — С. 11–13. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskie-funktsii-ironii-v-tekste>.

6. Горностаева, А. А. Границы дозволенного в политическом дискурсе: ироничность, черный юмор, деструктивность, сквернословие / А. А. Горностаева. — Текст : электронный // Политическая лингвистика. — 2018. — № 1 (67). — С. 57–66. — URL: <https://politlingvistika.ru/images/1-2018/6.pdf>.

7. Жаров, В. Е. Прагматический аспект стилистических средств выражения иронии в семантике: на материале пьес франкоязычных авторов 80–90-х гг. XX века : 10.02.05: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Жаров В. Е. — Москва, 1997. — 24 с. — Текст : непосредственный.

8. Задобриковская, О. Ф. Сатира и ее двусюжетная линия / О. Ф. Задобриковская, М. М. Слободян. — Текст : электронный // Международный научно-исследовательский журнал. — 2013. — № 3-2 (10). — С. 15–17. — URL: <https://research-journal.org/archive/3-10-2013-march/satire-and-its-double-plotted-character>.

9. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка : учебник / М. Н. Кожина, Л. П. Дускаева, В. А. Салимовский. — 4-е изд., стереотип. — Москва : Флинта : Наука, 2008. — 464 с. — Текст : непосредственный.

10. Панченко, Н. Н. Сущность лингвистической креативности журналиста: управление информационным и коммуникативным пространством / Н. Н. Панченко. — Текст : электронный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2015. — № 21 (732). — С. 70–81. — URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/15_21_732.pdf.

11. Походня, С. И. Языковые виды и средства реализации иронии / С. И. Походня. — Киев : Наукова думка, 1989. — 128 с. — Текст : непосредственный.

12. Шилихина, К. М. Роль контекста в интерпретации иронии / К. М. Шилихина. — Текст : электронный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2008. — № 2. — С. 10–15. — URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2008/02/shilikhina.pdf>.

13. Booth, W. C. A Rhetoric of Irony / W. C. Booth. — Text : unmediated // Chicago : University of Chicago Press, 1974. — 310 p.

14. Haiman, J. Talk Is Cheap: Sarcasm, Alienation, and the Evolution of Language / J. Haiman. — Oxford and New York : Oxford University Press, 1998. — 220 p. — Text : unmediated.

15. Hutcheon, L. Irony's Edge: The Theory and Politics of Irony / L. Hutcheon. — London and New York : Routledge, 1994. — 254 p. — Text : unmediated.

DICTIONARIES

1. Ahmanova, O.S. (2004). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: URSS, 576 p. (In Russ.)

2. Zhrebilo, T.V. (2010). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Nazran': Piligrim, 486 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Balahonskaya, L.V., & Bykov, I.A. (2018). Rechevaya agresiya v politicheskikh blogah radiostancii "Ekho Moskvy" [Speech aggression in the political blogs of the Echo of Moscow radio station]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*, 15(3), 492–506. Retrieved from <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.313> (In Russ.)

2. Vinogradov, V.V. (1971). *O teorii hudozhestvennoj rechi* [On the theory of artistic speech]. Moscow: Vysshaya shkola, 240 p. (In Russ.)

3. Vinogradov, V.V. (1963). *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika* [Stylistics. Theory of poetic speech. Poetics]. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 259 p. (In Russ.)

4. Gal'perin, I.R. (2020). *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow: URSS, 144 p. (In Russ.)

5. Gomleshko, B.A. (2008). Pragmaticheskie funktsii ironii v tekste [Pragmatic functions of irony in the text]. *Vestnik Aдыгейского государственного университета. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*, 3, 11–13. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskie-funktsii-ironii-v-tekste> (In Russ.)

6. Gornostaeva, A.A. (2018). Granicy dozvolennogo v politicheskom diskurse: ironichnost', chernyj yumor, destruktivnost', skvernoslovie [The boundaries of what is permissible in political discourse: irony, black humor, destructiveness, profanity]. *Politicheskaya lingvistika*, 1(67), 57–66. Retrieved from <https://politlingvistika.ru/images/1-2018/6.pdf> (In Russ.)
7. Zharov, V.E. (1997). *Pragmatischeskij aspekt stilisticheskikh sredstv vyrazheniya ironii v semantike: na materiale p'es frankoyazychnyh avtorov 80-90 gg. XX veka* [The pragmatic aspect of stylistic means of expressing irony in semantics: based on the material of plays by French-speaking authors of the 80-90's. XX century] [Abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences]. Moscow: Moscow Pedagogical State University, 24 p. (In Russ.)
8. Zadobrivskaya, O.F., & Slobodyan, M.M. (2013). Satira i ee dvusyuzhetnaya liniya [Satire and its two-story line]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, 3-2(10), 15–17. Retrieved from <https://research-journal.org/archive/3-10-2013-marh/satire-and-its-double-plotted-character> (In Russ.)
9. Kozhina, M.N. (2008). *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language] [Textbook]. Moscow: Flinta, 464 p. (In Russ.)
10. Panchenko, N.N. (2015). Sushchnost' lingvisticheskoy kreativnosti zhurnalista: upravlenie informacionnym i kommunikativnym prostranstvom [The essence of linguistic creativity of a journalist: management of information and communication space]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 21(732), 70–81. Retrieved from http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/vest15_21_732.pdf (In Russ.)
11. Pohodnya, S.I. (1989). *Yazykovye vidy i sredstva realizacii ironii* [Linguistic types and means of realization of irony]. Kiev: Naukova dumka, 128 p. (In Russ.)
12. Shilihina, K.M. (2008). Rol' konteksta v interpretacii ironii [The role of context in the interpretation of irony]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, 2, 10–15. Retrieved from <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2008/02/shilihina.pdf> (In Russ.)
13. Booth, W.C. (1974). *A Rhetoric of Irony*. Chicago: University of Chicago Press, 310 p.
14. Haiman, J. (1989). *Talk Is Cheap: Sarcasm, Alienation, and the Evolution of Language*. Oxford and New York: Oxford University Press, 220 p.
15. Hutcheon, L. (1994). *Irony's Edge: The Theory and Politics of Irony*. London and New York: Routledge, 254 p.

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 81'42+81'38+82-3
ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш301

ГРНТИ 16.21.49

Код ВАК 5.9.8; 5.9.9

Исрапил Нуцалханович Гулагаев¹, Ибрагим Алиевич Курбанов²

¹ Сургутский государственный университет, г. Сургут, Россия, mr.israpil1@gmail.com[✉], <https://orcid.org/0009-0001-6828-9117>

² Московский технический университет связи и информатики, г. Москва, Россия, ibragimkurbanov@mail.ru[✉], SPIN-код: 1569-1579, <https://orcid.org/0000-0002-0081-5360>

Сопоставительный анализ образа Турции в медийном и художественном дискурсах на русском и английском языках

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья рассматривает вопрос репрезентации образа Турции и турецкой действительности в медийном и художественном дискурсах на русском и английском языках. Целью настоящего исследования является анализ метафорических моделей, используемых при описании образа Турции, а также выявление различий в использовании метафорических моделей в медийном и художественном дискурсах на русском и английском языках. В данной работе метафора рассматривается в рамках когнитивной теории, суть которой заключается в том, что метафора — это свойство концептов, а не слов, и, соответственно, главная ее функция — познавательная. При проведении исследования были использованы следующие методы: метод сплошной выборки (отобраны статьи в русскоязычных и англоязычных изданиях с 1 января 2014 г. по сегодняшний день), описательный метод, представляющий собой систему процедур сбора, первичного анализа и изложения данных и их характеристик, метод контекстуального анализа, основанный на наблюдении слов в типичных контекстах речи и выявлении их взаимовлияний (в основе метода лежит допущение о том, что различие в значении всегда связано с различием в контексте), сопоставительный метод, предполагающий исследование и описание языка через его системное сравнение с другим языком с целью прояснения его специфичности. Результаты работы показывают, что эмоциональный окрас метафор, используемых при описании Турции, в действительности зависит от дискурса и языка, при помощи которого происходит метафорическое описание. Тенденции к описанию Турции и турецкой действительности в той или иной коннотации имеют свои особенности в русскоязычном и англоязычном дискурсах (художественном и медийном). Более того, сравнение метафорических образов в двух дискурсах может свидетельствовать об определенных социальных явлениях, рассматриваемых авторами и читателями положительно или отрицательно.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, когнитивная лингвистика, языковые единицы, метафорическое моделирование, метафорические модели, метафоры, художественный дискурс, художественные тексты, образ Турции, классификация метафор, русский язык, английский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Гулагаев Исрапил Нуцалханович, магистрант кафедры лингвистики и переводоведения, Сургутский государственный университет; 628400, Россия, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, г. Сургут, пр-т Ленина, д. 1.

Курбанов Ибрагим Алиевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Московский технический университет связи и информатики; 111024, Москва, Авиамоторная улица, д. 8а.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гулагаев, И. Н. Сопоставительный анализ образа Турции в медийном и художественном дискурсах на русском и английском языках / И. Н. Гулагаев, И. А. Курбанов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 156-166.

Israpil N. Gulagaev¹, Ibragim A. Kurbanov²

¹ Surgut State University, Surgut, Russia, mr.israpil1@gmail.com[✉], <https://orcid.org/0009-0001-6828-9117>

² Moscow Technical University of Communications and Informatics, Moscow, Russia, ibragimkurbanov@mail.ru[✉], SPIN code: 1569-1579, <https://orcid.org/0000-0002-0081-5360>

The Comparative Analysis of the Image of Turkey in the Russian and English Media and Literary Discourse

ABSTRACT. This article examines the issue of representation of the image of Turkey and Turkish reality in media and literary discourses in Russian and English. The aim of this study is to analyze the metaphorical models used to describe the image of Turkey, as well as to identify differences in the use of metaphorical models in media and literary discourses in both Russian and English. In this article, metaphor is considered within the framework of the cognitive theory, the essence of which is that metaphor is a property of concepts, not words; accordingly, its main function is cognitive. The research employs the following methods: the continuous sampling method (articles in Russian- and English-language publications from 01.01.2014 to the present day were selected), the descriptive method, which combines a system of procedures for collecting, primary analysis and presentation of data and their characteristics, the method of contextual analysis based on the observa-

© Гулагаев И. Н., Курбанов И. А., 2024

tion of words in typical speech contexts and the identification of their mutual influences (the method is based on the assumption that differences in meaning are always related to differences in context), and the comparative method which involves the study and description of a language through its systemic comparison with another language in order to clarify its specificity. The results of the work show that the emotional coloring of the metaphors used to describe Turkey actually depends on the discourse and language with the help of which the metaphorical description is effected. The tendencies to describe Turkey and Turkish reality in one connotation or another have their own peculiarities in the Russian- and English-language discourses (literary and media). Moreover, the comparison of metaphorical images in the two discourses may indicate certain social phenomena viewed positively or negatively by the authors and readers.

KEYWORDS: journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, cognitive linguistics, language units, metaphorical modeling, metaphorical models, metaphors, literary discourse, literary texts, image of Turkey, classification of metaphors, Russian language, English language.

AUTHOR'S INFORMATION: *Israpil N. Gulagaev, Master's Degree Student of Department of Linguistics and Translation Studies, Surgut State University, Surgut, Russia.*

Ibragim A. Kurbanov, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Moscow Technical University of Communications and Informatics, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Gulagaev I. N., Kurbanov I. A. (2024). The Comparative Analysis of the Image of Turkey in the Russian and English Media and Literary Discourse. In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 156-166. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня сложно представить глобальное общение без использования средств массовой информации, которые стали неотъемлемым элементом современного медиакоммуникативного дискурса. СМИ, освещая мировые события, обретают мощь, сравнимую с властью государства. Так, источники новостей часто формируют общественное мнение по различным вопросам.

Нередко различные средства массовой информации прибегают к использованию метафор, как эффективного средства воздействия на общественное мнение. Они позволяют передать сложные идеи и концепции в доступной и привлекательной форме, что способствует лучшему пониманию и восприятию информации. Метафоры могут вызывать эмоциональный отклик, усиливая влияние сообщения и делая его более запоминающимся. Они могут использоваться для формирования образов, идей и взглядов, которые влияют на общественное мнение.

Метафора также является крайне популярным инструментом в художественном дискурсе, обогащая его и добавляя глубину. Они позволяют авторам выражать сложные идеи и эмоции в компактной и визуально привлекательной форме, что усиливает воздействие искусства на аудиторию. Метафоры могут служить мостом между конкретным и абстрактным, помогая читателям или зрителям лучше понять и воспринять художественное произведение. Они могут вызывать мощные образы и ассоциации, которые остаются в памяти долгое время. Таким образом, метафоры являются неотъемлемым элементом художественного дискурса, способствуя его эстетической и эмоциональной насыщенности.

Метафоры были объектом научного интереса еще в античное время. Так, Аристо-

тель определял метафору как «перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [Аристотель 2000: 54].

Д. С. Лихачев, обсуждая эволюцию теории метафоры в Средние века, подчеркивает, что основой средневекового искусства и литературы была метафора, что отражает широкий спектр тогдашних толкований природных явлений, исторических событий и Священного Писания. Он ссылается на философию Оригена, который «символически толковал все события Ветхого Завета» [Лихачев 1979: 135].

В области лингвистики существует множество трактовок метафоры, и большинство из них определяют метафору как стилистический прием, основанный на переносе смысла. Например, А. А. Реформатский видит метафору как перенос названий, основанный на сходстве объектов по цвету, форме или характеру движений [Реформатский 2003: 77]. И. Р. Гальперин подчеркивает, что в метафоре одновременно присутствуют два значения, акцентируя внимание на «соотношении предметно-логического и контекстуального значения, основанного на сходстве характеристик двух понятий» [Гальперин 1958: 125].

На данный момент в научном сообществе не достигнут консенсус в вопросе определения метафоры. Однако существующие определения, выдвинутые различными лингвистами, дополняют друг друга и позволяют рассматривать метафору с разных точек зрения.

Во второй половине XX века ученые Дж. Лакофф и М. Джонсон представили когнитивную теорию метафоры, утверждая, что метафора — это свойство концептов, а не слов, и ее главная функция — познавательная. Они опровергли теорию, что метафоры

могут быть представлены только в языке, а не речи. Это было важным шагом в понимании метафоры, так как оно расширило рамки ее использования и позволило ученым увидеть метафору как инструмент познания и мышления [Лакофф, Джонсон 2004].

Один из последователей этой теории, Д. Пантер, подтвердил, что метафора действительно распространена в нашем языке. Он утверждал, что метафора необходима для более специфичного описания существующих понятий и что без метафоры наше общение было бы урезанным и узким. В целом когнитивная теория может быть объяснена как процедуры обработки структур знаний — фреймов и сценариев, которые получены человеком в результате приобретения опыта познания окружающего мира [Punter 2007].

А. П. Чудинов представил теорию метафорического моделирования, предлагая систему этапов для анализа современной политической речи. Эта система включает изучение изначальной понятийной области, характеристику новой понятийной области, анализ возможных вариаций сценария и понимание основания метафорического использования определенных концептов. Под метафорической моделью мы понимаем существующую или складывающуюся в сознании носителей языка схему связи между понятийными сферами [Чудинов 2003].

Ученый-лингвист Г. Н. Скляревская выделяет одиннадцать главных подходов к изучению метафоры, включая семасиологический, ономасиологический, гносеологический, логический, лингвистический, лексикографический, лингво-литературоведческий, экспрессиологический, психолингвистический, лингвостилистический и лексикологический подходы. Эти подходы предлагают различные методы исследования метафоры, каждый из которых акцентирует внимание на определенных аспектах этого явления, что позволяет более полно понять его природу и функции [Скляревская 1993].

Рассуждая о понятии дискурса, В. В. Красных приходит к выводу, что «дискурс есть вербализованная, речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата, и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами» [Полонский 2009: 200]. Стоит также упомянуть, что эта точка зрения схожа с пониманием термина «дискурс» М. Фуко, который также подчеркивает, что дискурс — это одновременно и процесс, и результат в виде сложившихся способов, правил и логики разговора [Красных 2001: 72].

Несмотря на множество существующих определений понятия «дискурс», в современной лингвистике принято придерживаться определения Т. А. ван Дейка, который описывает дискурс как «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, ещё и экстралингвистические факторы (знания о мире, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста» [Ван Дейк 1989: 7]. Важно подчеркнуть, что многие лингвисты и исследователи в области языкознания отталкиваются именно от определения ван Дейка в своих исследовательских работах.

Говоря о факторах, формирующих особые черты отдельного дискурса, необходимо также подчеркнуть, что сферы человеческой коммуникации и речевой практики являются характеристиками, составляющими целостность дискурса. Иными словами, основой для выделения дискурса того или иного типа является функционирование языка в различных сферах деятельности (например, в науке, политике, образовании и т. д.), в том числе и медийного дискурса, который мы будем рассматривать в данной работе [Добросклонская 2008].

Е. А. Кожемякин дает следующее определение медиадискурсу: «речемыслительная деятельность, направленная тематически, зависимая от социокультурных факторов и существующая в пространстве массовой коммуникации» [Кожемякин 2010: 14]. Медиадискурс также можно определить как «вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой информации, участвующий в общественном взаимодействии и отражающий механизм сознания членов коммуникации» [Полонский 2009: 118].

Согласно И. Я. Чернухиной, художественный текст — это «эстетическое средство опосредованной коммуникации, целью которой есть изобразительно-выразительное раскрытие темы, представленное в единстве формы и содержания и состоящее из речевых единиц, выполняющих коммуникативную функцию» [Чернухина 1984: 11]. Это определение отражает основные специфические характеристики художественного текста. Но при этом необходимо взять во внимание, что особенности художественного текста складываются из экстралингвистических факторов, условий написания текста. Именно поэтому рассмотрение художественного дискурса в целом будет более целесообразным.

МАТЕРИАЛ, МЕТОДЫ

Объектом настоящего исследования является образ Турции, создаваемый в русскоязычных и англоязычных СМИ, а также в литературных произведениях на русском и английском языках.

Предмет исследования — закономерности метафорического моделирования образа Турции в текстах СМИ и литературных произведениях на русском и английском языках.

Материалом исследования послужили новостные статьи, освещающие новости о Турции и турецкой действительности в русскоязычных и англоязычных средствах массовой информации в период с 01.01.2014 по 01.02.2024. Источником примеров на английском языке послужило американское издание «The New York Times»; источником примеров на русском языке — газета «Коммерсантъ». Материалом исследования, раскрывающим тему использования образа Турции в художественных произведениях на английском языке, послужили книги турецкого писателя, нобелевского лауреата Орхана Памука: «White Castle» («Белая крепость», 1985, рус. перевод 2004), «The Black Book» («Черная Книга», 1990, рус. перевод 1999), «Silent House» («Дом тишины», 1983, рус. перевод 2007), «The Museum of Innocence» («Музей невинности», 2008, рус. пер. 2009) и др. В качестве источников метафор на русском языке послужили произведения российского писателя Бориса Акунина.

При проведении исследования были использованы следующие методы: метод сплошной выборки, описательный метод, метод контекстуального анализа, сопоставительный метод и квантитативный метод.

Профессор А. П. Чудинов, последователь когнитивной теории, разработал классификацию метафор, включающую антропоморфные, природоморфные, социоморфные и артефактные метафоры.

Антропоморфные метафоры связаны с человеком и его деятельностью. Это метафоры, которые используют сравнение реальности со своей природой, помещая человека в центр познавательного процесса. Примеры фреймов в этой группе включают «болезнь», «физиологические органы», «жизненный цикл организма», «человеческие действия», «отношения между людьми», «душа» и т. д.

Социальные метафоры отражают социальный статус человека. В этой группе метафоры связаны с концептами, связанными с социальным статусом человека, например, сфера «Театр», «Игра и спорт» и т. д. При-

меры включают военную метафору и спортивную метафору.

Артефактные метафоры используют сравнения с результатами человеческой деятельности. Это предметы, созданные трудом человека: дом, одежда, драгоценности, книга, пища. Артефактная метафора имеет трёхступенчатую структуру: механизмы, строения и личностные артефакты.

Метафоры природы используют концепции и явления природного мира. Это так называемые зоометафоры, то есть реалии материализуются в представлениях о мире живой природы вокруг человека. Группа зооморфной метафоры представлена в названиях животных, птиц, насекомых и т. д.

Мы будем использовать данную классификацию, так как считаем ее наиболее полной и простой для понимания и анализа метафорических моделей. Она позволяет более глубоко понять природу и функции метафоры, а также ее роль в языке и общении.

Исследование метафор включает в себя несколько этапов:

- Выявление метафорических выражений. На данном этапе исследования производится идентификация метафорических единиц в анализируемом материале. Важным аспектом данного этапа является рассмотрение контекста, в котором используется метафорическое выражение, для определения его точного значения и функции в рамках конкретного текста или дискурса.

- Классификация метафор. Метафоры распределяются в одну из четырех категорий классификации А. П. Чудинова, которой мы пользуемся в нашей работе, после чего происходит дальнейший, более глубокий анализ.

- Интерпретация метафоры: интерпретация метафоры включает в себя понимание ее значения, целей использования и влияния на восприятие читателя.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Нами было выбрано методом сплошной выборки более 400 примеров метафорических словоупотреблений, описывающих Турцию. В этой статье анализируются наиболее наглядные примеры метафор. Примеры на английском языке сопровождаются нашим переводом на русский язык.

В случаях описания метафоры на русском языке названия метафорических моделей, фреймов и слотов употребляются на русском языке без перевода на английский язык. Сами примеры метафор также не переводятся.

АНТРОПОМОРФНЫЕ МЕТАФОРЫ

Метафорическая модель

«Турция — это человек»

Фрейм — действия человека

Слот — взаимоотношения

Пример 1. Турция согласилась **сотрудничать** с Россией по вопросу о сбитем в Сирии Су-24 (Коммерсантъ, 2015).

Пример 2. Турция в процессе долгосрочной разработки собственного истребителя может **сотрудничать** с Россией, сообщил глава управления оборонной промышленности Турции Исмаил Демир (Коммерсантъ, 2021).

В данных примерах Турция и другие страны сравниваются с людьми, т.к. автор применил лексему «сотрудничать» в отношении неодушевленных объектов.

Фрейм — организм человека

Слот — части тела

Пример 3. Но в глазах Турции в этом сотрудничестве опять же заинтересованы больше ОАЭ, которые перестраивают свою внешнюю политику (Коммерсантъ, 2021).

Анализ материала показывает, что метафорическая модель «Турция — это человек» также достаточно распространена и в английском языке. В этом языке она представлена следующими лексическими номинациями: страдать, уважать, рождаться, арестовывать и др.

Рассмотрим примеры на английском языке подробнее:

Фрейм — действия человека

Слот 2 — взаимоотношения

Пример 4. But now that the Federal Reserve has begun withdrawing its stimulus to the American economy, investors are taking a closer look and **punishing** countries like Turkey where there is both political turmoil and a monetary policy widely considered unsound by international economists. (Но теперь, когда Федеральная резервная система начала сворачивать стимулирование американской экономики, инвесторы присматриваются повнимательнее и **наказывают** такие страны, как Турция, где царят как политические беспорядки, так и денежно-кредитная политика, которую многие международные экономисты считают необоснованной.) (NYT, 2014).

В данном случае было использовано сравнение Турции с человеком, выраженное при помощи метафоры «наказывать», будто Турция, как человек, может быть наказана за свои действия в отношении других.

Фрейм — организм человека

Слот 1 — части тела

Пример 5. The capital of Turkey may be Ankara, but the **beating heart** of the country is Istanbul. (Столицей Турции может быть Анкара, но **бьющееся сердце** страны — Стамбул.) (NYT, 2014).

Турция здесь сравнивается с человеком, т.к. автор использует антропоморфную метафору, имея ввиду, что город Стамбул является центром целой страны.

АРТЕФАКТНЫЕ МЕТАФОРЫ

Используя *артефактные* метафоры, авторы сравнивают Турцию с различными предметами, результатами труда человека. В нашем исследовании в рамках этого раздела мы выделяем следующие метафорические модели: «Турция — это объект» и «Турция — это место».

При использовании артефактной метафоры в рамках сферы-источника «объект» авторы сравнивают Турцию с неживыми предметами, неспособными самим решать свою судьбу и принимать решения.

Метафоризация образа Турции путем использования понятий из сферы-источника «место» может подчеркивать Турцию, как гостеприимное место, где каждый может найти убежище, но иногда также могут выражаться и другие смыслы.

Метафорическая модель «Турция — это объект» в русскоязычных СМИ представлена такими фреймами, как: *транспорт, предметы обихода, объекты жилища, абстрактные предметы*. Рассмотрим подробнее этот раздел.

Метафорическая модель

«Турция — объект»

Фрейм — транспорт

Слот — самолет

Пример 6. Диалог между Арменией и Турцией **пошел на взлет** (Коммерсантъ, 2021).

Пример 7. Документ констатирует: сценариев **«жесткой посадки»** экономики Турции при отказе от стимулирования кредитной экспансии, видимо, нет — банковская система достаточно хорошо регулируется, а качество кредитных портфелей **показательно высоко** (Коммерсантъ, 2017).

В примерах выше мы видим сравнение экономических и политических процессов со взлетом и посадкой самолета. В первом случае процесс переговоров сравнивается со взлетом самолета. Под этим автор имеет ввиду положительный характер происходящих изменений. Во втором случае негативные последствия для Турции сравниваются с «жесткой посадкой» самолета.

Артефактные метафоры также распространены и в англоязычных СМИ. Метафорическая модель «Турция — это место» в англоязычных СМИ представлена такими фреймами, как: *инфраструктура, жилище*. Рассмотрим этот раздел подробнее:

**Метафорическая модель
«Турция — место»**

Фрейм — инфраструктура

Слот — городские сооружения

Пример 8. *Turkey has no duty, responsibility or obligation to be Europe's **refugee depot**. (У Турции нет никаких обязательств или ответственности быть европейским убежищем для беженцев.)* (NYT, 2021).

Сравнение Турции с убежищем позволяет автору подчеркнуть, что Турция является страной, принимающей большое количество беженцев.

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ

При анализе социальных метафор нами будут рассмотрены такие понятийные сферы, как «Война», «Спорт/игра» и «Театр». Используя социальные метафоры, авторы сравнивают Турцию с участником социальных процессов или с самими процессами, происходящими в обществе.

Одной из самых ярких сфер в этом разделе является военная метафора, т.к. журналистская традиция сравнения политических процессов с войной уже давно имеет место в средствах массовой информации.

Метафорическая модель «Турция — это война» в русском языке выражается во фреймах «военные термины» и «военные действия». Перейдем к непосредственному анализу практического материала.

**Метафорическая модель
«Турция — война»**

Фрейм — военные термины

Слот — противостояние

Пример 9. *На этой неделе к таковым можно отнести и планы по введению новых санкций против России, и обострение торгового противостояния с Китаем, и, наконец, **удар** по Турции в виде увеличения импортных пошлин на сталь и алюминий* (Коммерсантъ, 2018).

В данном примере мы видим, как введение экономических санкций в отношении Турции сравнивается с ударом, что говорит о негативных последствиях такого решения.

Социальные метафоры при описании деятельности Турции также представлены и в англоязычных СМИ. Метафорическая модель «Турция — это игра» представлена в

одном фрейме: *соревнование*. Рассмотрим этот раздел подробнее:

**Метафорическая модель
«Турция — спорт / игра»**

Фрейм — соревнование

Слот — спортивные термины

Пример 10. *And as a regional power, Turkey remains the **dominant player**. Its economy is roughly twice the size of the United Arab Emirates', and in the last decade, trade between Turkey and Afghanistan increased 36-fold, to \$264 million as of 2010. (И как региональная держава Турция остается **доминирующим игроком**. Ее экономика примерно в два раза больше экономики Объединенных Арабских Эмиратов, а за последнее десятилетие товарооборот между Турцией и Афганистаном увеличился в 36 раз и по состоянию на 2010 год составил 264 миллиона долларов.)* (NYT, 2014).

В этом примере международная политика сравнивается со спортивной игрой, в которой Турция остается ключевым игроком. Таким образом автор использует социальную метафору.

ПРИРОДНЫЕ МЕТАФОРЫ

В следующем разделе Турция сравнивается с объектами живой и неживой природы. В отличие от других разделов, природная метафора представлена не так широко, о чем свидетельствуют материалы нашего исследования. Возможно, сравнение с животными и объектами природы является слишком поэтическим, и поэтому нечасто используется журналистами в своих статьях.

**Метафорическая модель
«Турция — природа»**

В рамках данного раздела мы выделили только одну метафорическую модель: природа. Метафорическая модель «Природа» в русском языке состоит из следующих фреймов: *живая природа, неживая природа*. Рассмотрим эти примеры подробнее.

Фрейм — неживая природа

Слот — вода

Пример 11. ***Стамбулу море по колено**. Президент Турции готов к запуску «безумного проекта» века* (Коммерсантъ, 2021).

Автор использовал интересную метафору «море по колено», чтобы подчеркнуть, что для Турции нет ничего невозможно в плане реализации масштабных проектов.

Метафорическая модель «Природа» в английском языке состоит из следующих фреймов: *живая природа, неживая природа*.

**Метафорическая модель
«Турция — природа»**

**Фрейм — неживая природа
Слот — погода**

Пример 12. *A Tempest of Fear in Turkey. Although the word turbulence doesn't exist in Turkish, it is probably the best description of the state of politics in Turkey these days. (Буря страха в Турции. Хотя слова "турбулентность" в турецком языке не существует, это, вероятно, лучшее описание состояния политики в Турции в наши дни.)* (NYT, 2014).

Неспокойная обстановка в Турции описана автором словом «буря». Таким образом автор подчеркивает нестабильную ситуацию в стране.

Процентное соотношение проанализированного нами материала на русском языке выглядит следующим образом: антропоморфные метафоры составляют 58 % от общего числа; социальные — 21 %; артефактные — 10 %; природные — 11 %.

Процентное соотношение разделов метафор на английском языке выглядит следующим образом: антропоморфные — 61 %; социальные — 12 %; артефактные — 15 %; природные — 12 %.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС

Метафора, как известно, является мощным инструментом в литературе, позволяющим авторам передавать сложные идеи и концепции в доступной и визуально привлекательной форме.

Этот подход к анализу метафор позволяет нам глубже понять, как Турция воспринимается и представляется в художественной литературе. Мы рассмотрим различные произведения, в которых Турция играет ключевую роль, и проанализируем, как метафорические модели влияют на общее восприятие и интерпретацию этих произведений.

АНТРОПОМОРФНЫЕ МЕТАФОРЫ

**Метафорическая модель
«Турция — это человек»**

**Фрейм — действия человека
Слот — односторонние действия**

Пример 13. *According to Hoja, even this was infinitely better than anything Istanbul had ever seen. (По словам Ходжи, даже это было бесконечно лучше всего, что когда-либо видел Стамбул.)* (The white castle, Orhan Pamukh)

Данная метафора представляет собой интересный пример олицетворения, где Стамбул представлен как существо, способное «видеть» или воспринимать окружающий мир.

В этом контексте, Стамбул не просто город, он олицетворяется и приобретает человеческие качества, способность «видеть» и сравнивать. Это подчеркивает уникальность и значимость того, что было «лучше», чем все, что Стамбул когда-либо «видел». Это может быть интерпретировано как утверждение о том, что новое явление или событие превосходит все предыдущие опыты или достижения, связанные с Стамбулом.

Такое использование метафоры и олицетворения помогает создать более яркий и эмоциональный образ Стамбула, делая его более живым и динамичным в восприятии читателя. Это также подчеркивает важность Стамбула как места, имеющего свою историю, культуру и уникальные впечатления.

Фрейм — абстрактные понятия

Слот — человеческая жизнедеятельность

Пример 14. *You all endured that hell Selâhattin described in his encyclopedia and that he wished more than anything to descend upon the earth, you all sank into the ugly sins of Istanbul, to die and be buried among concrete apartment houses, factory smokestacks, plastic smells, and sewer pipes—just awful! (Вы все пережили тот ад, который Селахаттин описал в своей энциклопедии и который он больше всего на свете желал спустить на землю, вы все погрузились в отвратительные грехи Стамбула, чтобы умереть и быть похороненными среди бетонных многоквартирных домов, фабричных дымовых труб, запахов пластика и канализационных труб — просто ужасно!)* (Silent house, Orhan Pamukh)

Это высказывание использует антропоморфную метафору для описания города Стамбул. В этом контексте, Стамбул представлен как существо, способное совершать грехи. Это подчеркивает негативные аспекты городской жизни, такие как загрязнение, перенаселенность и урбанизация.

Фраза «вы все потерпели тот ад, который Селахаттин описал в своей энциклопедии» представляет город как место страдания и бедствия. Это подчеркивает трудности, с которыми сталкиваются его жители.

Слова «вы все погрузились в уродливые грехи Стамбула, чтобы умереть и быть похороненными среди бетонных домов, дымовых заводов, запаха пластика и канализационных труб» антропоморфизируют город, представляя его как грешного человека.

Таким образом, Стамбул в этом контексте представлен не просто как город, но как живое существо со своими сложностями и проблемами. Это отражает влияние города на его жителей и отражает сложность и многообразие городской жизни.

АРТЕФАКТНЫЕ МЕТАФОРЫ

Метафорическая модель
«Турция — это предмет»

Фрейм — предметы обихода

Слот — еда

Пример 15. *The gingerbread roofs of Istanbul need only be encased in those glass spheres that swirl with snow when you shake them.* (Прянично-красные крыши Стамбула нужно только поместить в те стеклянные сферы, которые кружатся от снега, когда вы их встряхиваете.) (The white castle, Orhan Pamukh)

Это высказывание представляет Стамбул через артефактную метафору, где крыши города сравниваются с имбирными пряниками, заключенными в снежные шары. Это создает образ Стамбула как миниатюрной модели или декоративного предмета, который можно взять в руки и встряхнуть, чтобы увидеть волшебство внутри.

Такое представление подчеркивает уникальность и очарование города, его красоту и детализацию, которые можно оценить только при ближайшем рассмотрении. Это также может указывать на сложность и многообразие жизни в городе, которые скрыты под поверхностью и становятся видимыми только при более глубоком понимании.

В целом, эта метафора передает образ Стамбула как места, полного волшебства и удивления, которое можно открыть для себя, как открывают снежный шар.

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ

Метафорическая модель
«Турция — это война»

Фрейм — война

Слот — участники конфликта

Пример 16. *Who were these people? Faruk pronounced sentence. "America is the enemy of Turkey." The circle tightened around Octavian. They did not want to kill him, only to humiliate him. That would be enough, it would be enough and more.* (Кто были эти люди? Фарук вынес приговор. "Америка — враг Турции." Кольцо вокруг Октавиана сжалось. Они не хотели его убивать, только унижить. Этого было бы достаточно, этого было бы достаточно и даже больше.) (Other Men's Fields, Mark Jacobs)

Это высказывание использует социальную метафору для описания отношений между Турцией и Америкой. В этом контексте, Турция и Америка представлены как два противоборствующих субъекта в социальном пространстве.

Фраза «Америка — враг Турции» подчеркивает конфликт и напряженность между двумя странами. Это может отражать поли-

тические, экономические или культурные разногласия.

Таким образом, эта метафора подчеркивает сложность и неоднозначность международных отношений, а также влияние этих отношений на социальное восприятие и позицию стран.

ПРИРОДНЫЕ МЕТАФОРЫ

Метафорическая модель
«Турция — это природа»

Фрейм — неживая природа

Слот — космос

Пример 17. *Those places where her ghosts had appeared most often were the ones where I was most regularly to be found. Istanbul was now a galaxy of signs that reminded me of her.* (Те места, где чаще всего появлялись ее призраки, были теми, где меня чаще всего можно было найти. Стамбул теперь был целой галактикой знаков, которые напоминали мне о ней.) (The Museum of innocence, Orhan Pamukh)

В этом высказывании Стамбул представлен как «галактика знаков». Это мощная метафора, которая подчеркивает богатство и сложность города. Галактика — это огромное пространство, наполненное звездами и планетами, каждая из которых уникальна и имеет свою историю. Аналогично, Стамбул — это город, наполненный различными «знаками» или символами, каждый из которых имеет свое значение и историю.

Эта метафора также подчеркивает бесконечность и многомерность Стамбула. Так же как галактика непрерывно расширяется и развивается, так и Стамбул постоянно меняется и развивается, добавляя новые «знаки» в свою «галактику».

В целом, эта метафора передает образ Стамбула как места, полного чудес и удивления, которое можно открыть для себя, как открывают галактику.

Далее представлены метафоры из русскоязычных произведений:

АНТРОПОМОРФНЫЕ МЕТАФОРЫ

Метафорическая модель
«Турция — это человек»

Фрейм — организм человека

Слот — части тела

Пример 18. *Мать научила его французскому языку, пристрастила к французской литературе и к французскому вольнодумству. С тех пор Турция повернулась лицом к Западу* («Турецкий гамбит», Борис Акунин).

Олицетворение Турции при помощи слова «лицо» в этом контексте подчеркивает активную роль, которую играет Турция в своих взаимоотношениях с Западом. «Лицо»

часто ассоциируется с идентичностью и выражением, что подчеркивает, что Турция не просто пассивно принимает влияние Запада, но и активно формирует свою собственную идентичность и позицию в этих взаимоотношениях.

«Повернуться лицом к Западу» также может символизировать открытость к новым идеям и изменениям, что подчеркивает гибкость и адаптивность Турции. Это может отражать стремление Турции к модернизации и прогрессу, а также ее способность адаптироваться к новым обстоятельствам.

В целом, использование антропоморфной метафоры “лицо” делает образ Турции более живым и динамичным, позволяя читателю лучше понять ее сложность и многообразие.

СОЦИАЛЬНАЯ МЕТАФОРА

Метафорическая модель «Турция — это игра»

Фрейм — игра
Слот — игра

Пример 19. *Османская империя погибнет, но царь Александр игры не выиграет. Впрочем, война сложилась так удачно, что, может быть, и для Турции еще не все потеряно* («Турецкий гамбит», Борис Акунин).

В данном контексте, война между Россией и Турцией представлена как игра, что подчеркивает ее стратегический и тактический характер. Это может указывать на то, что каждое действие, каждое решение в этом конфликте имеет важное значение, как и в игре, где каждый ход может повлиять на исход. “Царь Александр игры не выиграет” может обозначать предполагаемое неудачное положение царя Александра в этой “игре”, то есть в войне. В целом, эта метафора подчеркивает сложность и неопределенность военных и политических конфликтов.

АРТЕФАКТНАЯ МЕТАФОРА

Метафорическая модель «Турция — это предмет»

Фрейм — предметы обихода
Слот — еда

Пример 20. *Я сам разработал рисунок этой шахматной партии и в самом ее начале подставил России соблазнительную фигуру — жирную, аппетитную, слабую Турцию* («Турецкий гамбит», Борис Акунин).

В этой метафоре Турция представлена как блюдо на шахматной доске. На это нам указывают слова «жирный» и «аппетитный». Данная метафора демонстрирует тот факт, что в этой ситуации Турция является уязвимой фигурой, которой пожертвовали для выполнения неких других задач.

Таким образом, автор может подразумевать, что Россия видит в Турции возможность, которую можно использовать в своих интересах, но при этом она должна быть осторожна, чтобы не поддаться соблазну без полного понимания последствий.

ПРИРОДНАЯ МЕТАФОРА

Метафорическая модель «Турция — это природа»

Фрейм — неживая природа
Слот — физическое явление

Пример 21. *Мидхат-паша вернется в Стамбул незапятнанным и возьмет власть в свои руки. Может быть, тогда и Турция переместится из зоны тьмы в зону света* («Турецкий гамбит», Борис Акунин).

В этой метафоре Турция представлена как страна, находящаяся в «зоне тьмы», которая может переместиться в «зону света». Это может быть аллегорией на политическую или социальную ситуацию в Турции.

«Зона тьмы» может символизировать период нестабильности, конфликтов или неопределенности. В то время как “зона света” может представлять собой период мира, стабильности и прогресса.

Мидхат-паша, вероятно, представлен как ключевой фигурант, который может способствовать этому переходу. Его возвращение в Стамбул «незапятнанным» и взятие власти в свои руки может означать, что он может привести к значительным политическим изменениям.

Таким образом, эта метафора может выражать надежду на положительные изменения в Турции под руководством Мидхат-паши.

ВЫВОДЫ

Сопоставительный анализ метафорического образа Турции в русскоязычных и англоязычных СМИ и художественных произведениях позволяет нам сделать следующие выводы:

- Исследование показало, что наиболее распространенными метафорами как в медийном, так и в художественном дискурсах на русском и английском языках являются антропоморфные метафоры. Подобный результат может быть связан с универсальностью и доступностью человеческого опыта для большинства людей, что делает антропоморфные метафоры особенно эффективными в процессе коммуникации и понимания.

- Пофреймовый анализ исследуемого материала позволяет выявить универсальные метафоры, используемые в обоих дискурсах (художественном и медийном): действия че-

ловека / human actions, организм человека / human body, предметы обихода / household items, жилище / dwelling и др. Среди метафор, типичных только для художественного дискурса, можно выделить «фольклор / folklore». Фреймы, типичные только для медийного дискурса, следующие: транспорт / transport, инфраструктура / infrastructure и др.

• В ходе исследования также выяснилось, что присутствуют различия в эмоциональной окраске использования метафор на русском и английском языках. Так, метафоры, описывающие Турцию на русском языке, в литературе имеют скорее отрицательную коннотацию. Это можно объяснить тем, что в результате множества исторических событий, в ходе которых Россия и Турция выступали как враждебные стороны, сформировалось определенное отрицательное отношение жителями России к Турции, что и демонстрируется в литературных произведениях, большинство из которых описывают исторические события. Говоря о литературе, описывающей события и образ Турции на английском языке, в своем большинстве она имеет более нейтральный характер, так как авторы этих произведений являются жителями стран, имевших скорее дружественные отношения с Турцией. К тому же, множество литературных произведений на английском языке, события в которых так или иначе связаны с Турцией, написаны турками, которые, очевидно, выражают позитивные эмоции по отношению к родине.

• Ситуация с различием эмоциональной окраски метафор на русском и английском языках в медийном дискурсе схожа с тем, что мы выявили в художественном дискурсе. На характер описания Турции и турецкой действительности влияет текущая политическая ситуация и отношения Турции с англоязычными и русскоязычными странами. Так, в случаях, когда Турция выступает в интересах России и против интересов западных стран, в русскоязычных СМИ мы наблюдаем положительную коннотацию в отношении Турции. Об этом нам говорят следующие метафоры: протянуть руку помощи / lend a hand, крупный игрок / a major player и др. В англоязычных изданиях обнаруживается противоположная ситуация, которую можно наблюдать в следующих метафорах: obstacle / препятствие, backtracked / отступающий и др.

• В обоих дискурсах наименее распространенными являются метафоры, основанные на сравнении с явлениями природы. Метафоры, основанные на природных явлениях, менее распространены, поскольку

они могут быть сложными для интерпретации и менее эффективными в передаче определенных идей. Кроме того, их создание может быть затруднительным для авторов, требуя глубоких знаний о природе и навыков описания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аристотель. Поэтика. Риторика / Аристотель. — Санкт-Петербург : Азбука, 2000. — 348 с. — Текст : непосредственный.
2. Ван Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Ван Дейк. — Москва : Прогресс, 1989. — 310 с. — Текст : непосредственный.
3. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. — Москва : Изд-во литературы на иностранном языке, 1958. — 459 с. — Текст : непосредственный.
4. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь / Т. Г. Добросклонская. — Москва : Флинта, 2008. — 263 с. — Текст : непосредственный.
5. Кожемякин, Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования / Е. А. Кожемякин. — Текст : непосредственный // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2010. — № 12. — С. 13–21.
6. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций / В. В. Красных. — Москва : ИТДГК «Гнозис», 2001. — 270 с. — Текст : непосредственный.
7. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с. — Текст : непосредственный.
8. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. — Москва : Наука, 1979. — 352 с. — Текст : непосредственный.
9. Полонский, А. В. Современный медиадискурс: ключевые идеи и слова / А. В. Полонский ; БелГУ // Русский язык в современном медиапространстве. — Белгород : [б. и.], 2009. — С. 151–160.
10. Реформатский, А. А. Введение в языковедение : учеб. пособие для вузов / А. А. Реформатский. — Москва : Аспект Прогресс, 2003. — Текст : непосредственный.
11. Склярская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Склярская. — Санкт-Петербург : Наука, 1993. — 152 с. — Текст : непосредственный.
12. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет : пер. с франц. / Мишель Фуко. — Москва : Касталь, 1996. — 448 с. — Текст : непосредственный.
13. Чернухина, И. Я. Элементы организации художественного прозаического текста / И. Я. Чернухина. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. — 115 с. — Текст : непосредственный.
14. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2003. — 248 с. — Текст : непосредственный.
15. Punter, D. Metaphor / D. Punter. — New York : Routledge, 2007. — 158 p. — Text : unmediated.

REFERENCES

1. Aristotle (2000). *Poetika. Ritorika* [Poetics. Rhetoric]. Saint-Petersburg, 348p. (In Russ.)
2. Van Deijk, T.A. (1989). *Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya* [Language. Cognition. Communication]. Moscow: Progress, 310 p. (In Russ.)
3. Galperin, I.R. (1958). *Ocherki po stilistike anglijskogo yazyka* [Essays on the style of the English language]. Moscow, 1958. 459 p. (In Russ.)
4. Dobrosklonskaya, T.G. (2008). *Medialingvistika: sistemnyy podhod k izucheniyu yazyka SMI: sovremennaya anglijskaya mediarech'* [Media Linguistics: a systematic approach to learning the language of the media: modern English media]. Moscow: Flinta, 263 p. (In Russ.)

5. Kozhemyakin, E.A. (2010). Massovaya kommunikaciya i mediadiskurs: k metodologii issledovaniya [Mass Communication and Media Discourse: towards a research methodology]. *Scientific Bulletin of the Belarusian State University. Series: Humanities*, 12, 13–21. (In Russ.)
6. Krasnyh, V.V. (2001). *Osnovy psiholingvistiki i teorii kommunikacii* [Fundamentals of psycholinguistics and theory of communication] [A course of lectures]. Moscow: ITDGK «Gnozis», 270 p. (In Russ.)
7. Lakoff, Dzh., & Dzhonson, M. (2004). *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow, 256 p. (In Russ.)
8. Lihachev, D.S. (1979). *Poetika drevnerusskoj literatury* [The poetics of Ancient Russian literature]. Moscow, 352 p. (In Russ.)
9. Polonskij, A.V. (2009). Sovremennij mediadiskurs: klyuchevye idei i slova [Modern media discourse: key ideas and words]. In *Russkij yazyk v sovremennom mediaprostranstve* (pp. 151–160). Belgorod: Belgorod St. Univ. (In Russ.)
10. Reformatskij, A.A. (2003). *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics] [Textbook for universities]. Moscow, 2003. (In Russ.)
11. Sklyarevskaya, G.N. (1993). *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the language system]. Saint Petersburg, 152 p. (In Russ.)
12. Fuko, Mishel' (1996). *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let* [The Will to Truth: Beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years]. Moscow: Kastal', 448 p. (In Russ.)
13. Chernuhina, I.Y. (1984). Elementy organizacii hudozhestvennogo prozaicheskogo teksta [Elements of the organization of an artistic prose text]. Voronezh, 115 p. (In Russ.)
14. Chudinov, A.P. (2003). *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoj politicheskoj kommunikacii* [Metaphorical Mosaic in Modern Political Communication: Monograph]. Yekaterinburg, 248 p. (In Russ.)
15. Punter, D. (2007). *Metaphor*. N. Y.: Routledge, 158 p.

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).

Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 811.111'42:811.161.1'42+81'38
ББК ШП41.12-51+ШП43.21-51+ШП05.55

ГРНТИ 16.21.51

Код ВАК 5.9.8

Дмитрий Владимирович Девятыйarov

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск Национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия, dimad9@rambler.ru, SPIN-код: 2725-3730, <https://orcid.org/0000-0001-9405-5691>

Построение сетевой фреймовой модели «Кризис легитимности власти» на материале русско- и англоязычного непрофессионального политического дискурса

АННОТАЦИЯ. В статье в рамках когнитивно-дискурсивного подхода рассматриваются фреймы в интернет-комментариях, являющихся разновидностью непрофессионального политического дискурса. Контекстом исследования выступает ситуация кризиса легитимности власти. В непрофессиональном политическом дискурсе кризисов легитимности власти находит отражение дискурсивная картина мира интернет-пользователей, конститутивными элементами которой являются сетевые фреймы. Применение термина «сетевой фрейм» обусловлено зависимостью данной структуры от сетевого дискурсивного материала, на основе которого она моделируется. Изучение динамики сетевых фреймов на разноязычном дискурсивном материале позволяет выявить их инвариантные признаки. Цель работы заключается в построении общей сетевой фреймовой модели «Кризис легитимности власти» на материале русско- и англоязычного непрофессионального политического дискурса. Применяемая в работе методика анализа динамики сетевых фреймов включает следующие основные этапы: сбор и распределение языкового материала по временным группам, фреймовое моделирование, контент-анализ, выявление структурной и содержательной динамики и сопоставительное исследование. В ходе анализа комментариев к видеороликам, посвященным Арабской весне и Евромайдану, были определены инвариантные признаки основных сетевых фреймов, описывающих ситуацию кризиса легитимности власти, на основе которых была выстроена сетевая фреймовая модель, отражающая обобщенное представление интернет-пользователей о такого рода политических кризисах. Она представляет собой иерархическую фреймовую структуру, на вершине которой располагаются три ее ключевых фрейма: «ВРАЖДЕБНОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ», «ЛИДЕРСТВО» и «УБИЙСТВО». Методика анализа динамики сетевых фреймов может быть использована для конструирования фреймовых моделей в рамках изучения других политических явлений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: непрофессиональный политический дискурс, сетевые фреймы, кризис легитимности, дискурсивная картина мира, фреймовое моделирование, Интернет, интернет-пространство, интернет-коммуникация, интернет-технологии, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-ресурсы, языковые средства, интернет-комментарии, социальные сети, английский язык, русский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Девятыйarov Дмитрий Владимирович, доцент кафедры иностранных языков, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации; 630114, г. Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, д. 6/2; аспирант кафедры стилистики и риторики, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Девятыйarov, Д. В. Построение сетевой фреймовой модели «Кризис легитимности власти» на материале русско- и англоязычного непрофессионального политического дискурса / Д. В. Девятыйarov. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 167-174.

Dmitriy V. Devyatyyarov

Novosibirsk Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia, dimad9@rambler.ru, SPIN-код: 2725-3730, <https://orcid.org/0000-0001-9405-5691>

Construction of a Network Frame Model “Power Legitimacy Crisis” Based on Russian- and English-Language Non-Professional Political Discourse

ABSTRACT. The article deals with the frames of Internet comments, which are considered a type of non-professional political discourse, from the perspective of the cognitive-discursive approach. The power legitimacy crisis situation performs the function of the context of the study. The non-professional political discourse of legitimacy crises reflects the discursive worldview of Internet users, the constitutive elements of which are network frames. The author uses the term “network frame” due to the dependence of this structure on the discursive network material on the basis of which it is modeled. The study of the dynamics of network frames on multilingual discursive material allows the researcher to identify their invariant features. The aim of this research is to build the general network frame model “Power Legitimacy Crisis” based on the material of Russian- and English-language non-professional political discourse. The methods of the network frame dynamics analysis applied in the study include the following main stages: collection and distribution of language material within time groups, frame modeling, content analysis, identification of structural and semantic dynamics, and a comparative study. In the course of analyzing comments on the videos dedicated to the Arab Spring and Euromaidan, invariant features of the main

© Девятыйarov Д. В., 2024

network frames describing the situation of the power legitimacy crisis were determined, on the basis of which a network frame model was built, reflecting the generalized view of Internet users of such political crises. It is a hierarchical frame structure at the top of which there are three key frames: HOSTILE ENCOUNTER, LEADERSHIP and KILLING. The methods of network frame dynamics analysis can be used to construct frame models in the context of studying other political phenomena.

KEYWORDS: non-professional political discourse, network frames, power legitimacy crisis, discursive worldview, frame modeling, Internet, Internet space, Internet communication, Internet technologies, Internet discourse, Internet texts, Internet resources, language means, Internet comments, social networks, English language, Russian language.

AUTHOR'S INFORMATION: Devyatiyarov Dmitriy Vladimirovich, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Novosibirsk Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia; Post-Graduate Student of Department of Stylistics and Rhetoric, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

FOR CITATION: Devyatiyarov D. V. (2024). Construction of a Network Frame Model “Power Legitimacy Crisis” Based on Russian- and English-Language Non-Professional Political Discourse. In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 167-174. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Политическая коммуникация выходит далеко за рамки исключительно институционального общения в профессиональной политической среде, но включает также и дискурс реагирования, представляющий собой форму неинституционального общения, к которому относят разного рода обсуждения в кругу непрофессионалов вопросов, касающихся политики (слухи, последние новости, предположения и пр.) [Плотникова, Домышева 2009; Пронина 2014]. Подобные обсуждения имеют место как в ситуации реального общения, так и в виртуальном пространстве, где коммуникация зачастую осуществляется посредством интернет-комментирования. В терминологии И. В. Савельевой, интернет-комментарии являются одной из форм бытования *непрофессионального политического дискурса* (далее — НПД), под которым автор понимает «дискурс реагирования рядовыми гражданами на политические решения, события, происходящие в обществе в текущий момент; дискурс, возникающий в ситуациях бытового общения, в сфере межличностной коммуникации» [Савельева 2022: 61].

Одной из наиболее злободневных тем, обсуждаемых в Сети за последние 10–15 лет, является ситуация кризиса легитимности власти, возникающая с определенной периодичностью в разных уголках земного шара. Мы рассматриваем ее как широкое многоаспектное явление, включающее предпосылки кризиса, активную фазу («цветная революция») и возможные последствия государственного переворота.

В данной работе НПД кризисов легитимности власти исследуется в рамках когнитивно-дискурсивного подхода с позиции фреймового анализа с целью выявления ключевых фреймовых структур, являющихся конститутивными элементами области дискурсивной картины мира интернет-пользова-

телей, отражающей их представления о кризисах подобного типа. Исследуемые варианты фреймов в нашей терминологии являются сетевыми, поскольку их структура и содержание находятся в прямой зависимости от сетевого дискурсивного материала, на основе которого они моделируются.

Особенностью настоящего исследования является привлечение разноязычного сетевого дискурсивного материала (комментариев на русском и английском языках) за период с 2011-го по 2023-й год, что позволило нам выявить как особенности динамики сетевых фреймов, характерные для того или иного языкового сообщества, так и некоторые инвариантные признаки анализируемых фреймовых структур, ставших основой для построения общей сетевой фреймовой модели «Кризис легитимности власти», отражающей обобщенное представление интернет-пользователей об этой категории кризисных ситуаций.

Таким образом, **объектом** данного исследования является динамика сетевых фреймов в НПД кризисов легитимности власти, а **предметом** — инвариантные признаки сетевых фреймов в данном типе политического дискурса.

Цель исследования заключается в построении общей сетевой фреймовой модели «Кризис легитимности власти».

СЕТЕВОЙ ФРЕЙМ КАК ЕДИНИЦА ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСИВНОЙ КАРТИНЫ МИРА НА МАТЕРИАЛЕ НПД

В связи с наблюдаемой в настоящий момент тенденцией к повышению уровня цифровизации общества, а также степени вовлеченности людей в сетевую коммуникацию (сетевой дискурс), осуществляющуюся в пространстве социальных сетей, авторы, работающие в русле социальной философии, говорят о постепенной трансформации человеческого сознания и переходе к сетевой организации общества, в котором сете-

вые технологии широко применяются «для инспирирования кризисных ситуаций, революций и в целом целенаправленного внедрения идейных конструктов в массовое сознание» [Фролова 2015]. Правильная дешифровка передаваемых в процессе сетевой коммуникации сигналов требует наличия системы кодов, с помощью которой коммуниканты формируют понимание ситуации и происходящих процессов [Там же]. В качестве одного из вариантов « сетевого кода » предлагается использовать фреймы [Фролова 2013].

Впервые термин *фрейм* возник в трудах М. Минского в 70-х годах прошлого века как особый конструкт, упорядочивающий и структурирующий объемы информации [Minsky 1975]. Позднее он был перенесен в область исследования языка американским ученым Ч. Филлмором, который использовал его для обозначения структур, в задачу которых входит стереотипизация языкового сознания, реализуемая с помощью сети ассоциаций и вербальных коммуникаций [Fillmore, Atkins 1992]. В отечественной когнитивной лингвистике одной из наиболее распространенных точек зрения является признание фрейма одной из форм воплощения концепта, который, в свою очередь, представляет собой более широкое зонтичное понятие [Лыткина, Селезнева 2011; Ван, Дашинимаева 2022]. В данной работе мы придерживаемся мнения, согласно которому фрейм представляет собой концепт, содержащий информацию о некоторой стереотипной ситуации, и используется в качестве средства для лингвистического анализа текста.

В работе рассматриваются *сетевые* варианты фреймов, в которых находят отражение такие факторы, как влияние на дискурс особенностей пространства сетевой коммуникации (анонимность, определенная вседозволенность, модерация и т. д.), вариантность (рассматриваемые фреймы являются вариантами моделей, предложенных в электронной библиотеке FrameNet¹) и динамичность (фреймы как составные элементы сетевого дискурсивного пространства не могут не отражать его динамического характера) [Девятяров 2022а, 2022б; Девятяров, Мельник 2023]. Вопрос о динамической природе фреймов поднимался в трудах многих исследователей (Н. Н. Болдырев, Н. К. Гарбовский, Т. А. ван Дейк, Н. А. Ковалев и др.). Так, например, Н. Н. Болдырев выделяет ситуационные фреймы, которые являются формой упорядочивания информации о событии, то есть динамической ментальной едини-

цей, предполагающей использование уже существующих в сознании данных [Болдырев 2006: 17]. Следовательно, сетевые фреймы можно отнести к разряду ситуационных.

На наш взгляд, сетевые фреймы — это удобный инструмент для реконструкции дискурсивной картины мира интернет-пользователей, представляющей собой «динамическую подвижную систему смыслов, формируемую в координируемых коммуникативных действиях адресантов и адресатов в соответствии с системой их ценностей и интересов и включенных в социальные практики» [Резанова 2011]. К особенностям дискурсивной картины мира относят наличие типового социально-психологического контекста и коммуникантов [Резанова 2007], динамичность и влияние на социальные практики участников дискурса [Ермоленкина 2022], возможность ее моделирования через фреймовую систему [Скрипко 2017]. Перечисленные характеристики говорят о том, что дискурсивная картина мира может быть реконструирована на материале непрофессионального политического дискурса, для которого характерны полиагентивность, обсуждение тем, обусловленных политическим контекстом, и субъективно-оценочный характер [Савельева 2022].

МЕТОДИКА АНАЛИЗА ДИНАМИКИ СЕТЕВЫХ ФРЕЙМОВ

Применяемая в данной работе методика анализа динамики сетевых фреймов содержит следующие основные этапы:

1) *сбор и распределение языкового материала по временным группам*. Процесс накопления комментариев является непрерывным, независимо от даты публикации видеоролика. Для выявления динамических особенностей массивы текстов комментариев делятся на три временные группы: ранние, медианные и новые;

2) *фреймовое моделирование*. При моделировании фреймовых структур мы опираемся на положения теории фреймовой семантики и материалы электронной библиотеки фреймов *FrameNet*. Структурно каждый сетевой фрейм содержит набор ядерных лексических единиц (далее — ЛЕ), *субфреймы*, отражающие основные аспекты стереотипной ситуации, и *слоты*, которые членят субфреймы по тематическому признаку и несут основную концептуальную и содержательную нагрузку всей рассматриваемой структуры;

3) *контент-анализ*, с помощью которого определяется частотность употребления ос-

¹ FrameNet. URL: <https://framenet.icsi.berkeley.edu/> (дата обращения: 09.12.2023).

новых ЛЕ, объективирующих каждый фрейм, а также распределяются субфреймы по разным уровням периферии и фиксируются содержащиеся в них слоты;

4) *выявление особенностей структурной и содержательной динамики сетевых фреймов*. Данный этап подразумевает определение основных динамических тенденций, характерных для сетевых фреймов в НПД кризисов легитимности власти;

5) *сопоставительный анализ*. На этом этапе отдельно сравнивается фреймовое наполнение рассматриваемых разноязычных массивов комментариев, посвященных разным кризисам легитимности власти, а также лексический состав ядер сетевых фреймов, структурные и содержательные особенности с целью выявления их вариантных и инвариантных признаков.

ДИНАМИКА СЕТЕВЫХ ФРЕЙМОВ В КОММЕНТАРИЯХ, ПОСВЯЩЕННЫХ АРАБСКОЙ ВЕСНЕ И ЕВРОМАЙДАНУ

НПД кризисов легитимности власти является богатым источником материала для лингвистического анализа. В данной работе мы ограничиваемся изучением наиболее обсуждаемых в сетевом пространстве кризисов легитимности власти, таких как Арабская весна и Евромайдан. В процессе исследования было проанализировано 6000 текстов интернет-комментариев (3000 текстов на английском языке и такое же количество комментариев на русском) к видеороликам на видеохостинге *YouTube*, посвященным указанным кризисам легитимности власти. С целью выявления динамических особенностей

сетевых фреймовых структур данные массивы текстов были разделены на три временные группы по 500 комментариев в каждой (ранние, медианные и новые).

Анализ интернет-комментариев показал, что, в соответствии с ресурсами электронной базы фреймов *FrameNet*, основными сетевыми фреймами, описывающими кризисы легитимности власти в русско- и англоязычном НПД, являются HOSTILE ENCOUNTER / ВРАЖДЕБНОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ, LEADERSHIP / ЛИДЕРСТВО, KILLING / УБИЙСТВО, REJECT LEADERSHIP / НЕПРИНЯТИЕ ЛИДЕРСТВА, CHANGE OF LEADERSHIP / СМЕНА ЛИДЕРСТВА, TAKING SIDES / РАЗМЕЖЕВАНИЕ СТОРОН, DESTROYING / УНИЧТОЖЕНИЕ. Подсчет ядерных ЛЕ, объективирующих данные структуры, выявил, что тремя основополагающими сетевыми фреймами, характерными как для русско-, так и для англоязычного НПД кризисов легитимности власти, являются ВРАЖДЕБНОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ, ЛИДЕРСТВО и УБИЙСТВО.

В процессе изучения фреймового состава исследуемых массивов текстов нами была обнаружена закономерность, согласно которой степень вовлеченности авторов интернет-комментариев в обсуждаемые ими события находит отражение во фреймовой структуре НПД. Чем она меньше, тем более схожий фреймовый состав имеют массивы текстов, написанные членами соответствующих сообществ. Так, например, из таблицы 1 видно, что наибольшие отличия во фреймовом составе имеет русскоязычный массив текстов, посвященный Евромайдану.

Таблица 1. Сетевые фреймы в комментариях к видеороликам, посвященным Арабской весне и Евромайдану (ЛЕ)

Арабская весна (английский язык)	Арабская весна (русский язык)	Евромайдан (английский язык)	Евромайдан (русский язык)
Hostile encounter — 197	Враждебное столкновение — 153	Hostile encounter — 178	Лидерство — 106
Leadership — 182	Лидерство — 129	Leadership — 122	Убийство — 98
Killing — 161	Размежевание сторон — 95	Killing — 121	Враждебное столкновение — 86
Taking sides — 101	Убийство — 53	Reject leadership — 103	Смена лидерства — 82
Change of leadership — 95	Уничтожение — 52	Change of leadership — 83	Непринятие лидерства — 48
Reject leadership — 72	Непринятие лидерства — 52	Taking sides — 66	Размежевание сторон — 48
Destroying — 61	Оказание помощи — 34	Destroying — 41	Уничтожение — 41
	Смена лидерства — 30		

Таблица 2. Лексическое наполнение ядра сетевых фреймов

Фрейм	Лексические единицы
<i>Евромайдан (английский язык)</i>	
Hostile encounter	war (72), fight/to fight (55), invasion/to invade (37), attack/to attack (9), battle (5)
Leadership	government (51), president (22), leader (12), dictator/dictatorship (12), rule/to rule (6), power (5), tyrant (3), regime (3), imperialist (2), parliament (2), party (1), capitalism (1), fascism (1), to be in charge (1)
Killing	to kill (61), to shoot (19), to murder/murderer (7), genocide/to genocide (7), to massacre (6), to starve/starvation (6), to slaughter (4), to fire (4), to burn alive (2), to cleanse (2), to eliminate (1), to eradicate (1), to annihilate (1)

Таблица 3. Общее лексическое наполнение ядер сетевых фреймов

Фрейм	Лексические единицы
Hostile encounter / Враждебное столкновение	war — война, to attack — нападать, attack — нападение
Leadership / Лидерство	leader — лидер, regime — режим, dictator — диктатор, power — власть, to rule — править/управлять/руководить, president — президент
Killing / Убийство	to kill/to murder/to slaughter — убивать, killing/murder/slaughter — убийство
Taking sides / Размежевание сторон	support — поддержка, to support — поддерживать, to be for/against — быть за/против, to finance — финансировать
Change of leadership / Смена лидерства	revolution — революция, coup — переворот, to overthrow/to remove — свергать/убирать, to change — менять, to elect — избирать
Reject leadership / Непринятие лидерства	protest — протест, riot — бунт, protester — протестующий
Destroying / Уничтожение	to destroy — уничтожать/разрушать, to bomb — бомбить, to collapse — рушить

Исследование динамики лексического наполнения ядерных зон сетевых фреймов не выявило заметных тенденций к изменениям. Лексический состав фреймов оставался достаточно стабильным на протяжении всего периода наблюдений. Однако было отмечено, что разнообразие лексического состава ядра сетевого фрейма не находится в прямой зависимости от того, какое место он занимает в иерархии фреймов конкретного массива комментариев. В таблице 2 представлено лексическое наполнение трех ключевых сетевых фреймов англоязычного массива текстов, посвященного Евромайдану, иллюстрирующее данный вывод.

Как итог анализа динамики лексического состава ядер сетевых фреймов, для каждой сетевой фреймовой структуры в контексте дискурса кризисов легитимности власти нами были определены инвариантные ЛЕ, встречающиеся в каждом из рассмотренных массивов текстов (см. табл. 3).

Далее был осуществлен анализ структурной динамики периферийной зоны, который показал, что она заключается в перемещении субфреймов между различными зонами периферии с течением времени. Самыми стабильными в структурном плане яв-

ляются фреймы ЛИДЕРСТВО, УБИЙСТВО и РАЗМЕЖЕВАНИЕ СТОРОН. Так, например, в сетевом фрейме УБИЙСТВО наблюдается оформленная зона ближней периферии, содержащая субфреймы **Жертва** и **Убийца**:

*Это отправная точка, после убийства (ядерная ЛЕ) **Кадаффи** (Жертва) **запад** (Убийца) утратил уважение* («Путин. Ливия...», 2011).

Исключением выступает массив русскоязычных текстов, посвященных Евромайдану, в котором субфрейм **Убийца** можно обнаружить во всех трех зонах периферии в зависимости от рассматриваемой временной группы текстов (ранние, медианные или новые).

В структуре каждого сетевого фрейма содержатся субфреймы-доминанты, которые располагаются преимущественно в зоне ближней периферии. Приближенность субфреймов к ядру сетевого фрейма иллюстрирует степень важности для пользователей конкретного аспекта стереотипной ситуации, репрезентируемого в рамках соответствующего субфрейма (**Лидер** и **Описание** в сетевом фрейме ЛИДЕРСТВО, **Агрессор**, **Объект агрессии**, **Описание** в сетевом фрейме ВРАЖДЕБНОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ и т. д.):

Рис. 1. Сетевая модель «Кризис легитимности власти»

Putin is trying to stop the evil corrupt (Description) *government* (ядерная ЛЕ), *why is news saying putin is a bad guy???* («Ukraine Protest...», 2014).

На смену положения субфреймов-доминант может влиять темпоральный фактор. Еще одной отличительной чертой таких субфреймов является их детерминированность обсуждаемым кризисом легитимности власти (фактор политического контекста). Один и тот же сетевой фрейм может иметь разные субфреймы-доминанты в зависимости от того, обсуждают ли пользователи Евромайдан или Арабскую весну.

Содержательная динамика сетевых фреймов изучалась нами посредством анализа набора слотов в составе субфреймов. Она выражается в изменениях в оценочных

суждениях пользователей с течением времени, сужении или расширении спектра слотов, увеличении количества эмотивных высказываний и т. д.

К наиболее ярким содержательным признакам сетевых фреймов в НПД кризисов легитимности власти, которые можно охарактеризовать как инвариантные, мы относим следующие:

1) указание причастности США и блока к организации антиправительственных протестов (слот *Страны и блоки*) — *Everyone knows the one who destroyed this country, who has become the chairman on earth, A big robber USA* («The war in Syria explained...», 2013);

2) разочарование в результатах государственного переворота (слоты *Известные/про-*

гнозируемые обстоятельства/результаты) — *Вот итог людей Украины власть поменяла на доллары, граждане умирают за свободу богачей. Страны нет, мира нет, разруха и руины* («Массовые акции протеста...», 2014);

3) положительная оценочная динамика по отношению к свергнутым правителям (слоты *Руководство страны, Положительная характеристика*) — *Saddam hussain and Gaddafi were the bravest and the leaders who dared to challenge USA but libyan fools couldn't understand this simple thing* («Libya's Leader Speaks Out», 2011);

4) рост критического отношения к власти (слоты *Негативная характеристика, Деструктивная деятельность*) — *В революцию всегда к власти приходят жулики и воры* («Массовые акции протеста...», 2014).

СЕТЕВАЯ МОДЕЛЬ «КРИЗИС ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ»

Проведенный анализ динамики сетевых фреймов в НПД кризисов легитимности власти позволил выявить ряд инвариантных признаков, характерных для данных структур организации знаний, на основании которых была выстроена общая сетевая фреймовая модель «Кризис легитимности власти» (см. рис. 1).

Сконструированная модель отражает обобщенное представление интернет-пользователей о ситуации кризиса легитимности власти и представляет собой иерархическую фреймовую структуру, на вершине которой располагаются три ее ключевых фрейма: **ВРАЖДЕБНОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ**, **ЛИДЕРСТВО** и **УБИЙСТВО**. Остальные фреймы находятся на более низких уровнях иерархии, однако их положение не закреплено и зависит от обсуждаемого кризиса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возможность построения общей сетевой модели «Кризис легитимности власти» свидетельствует о том, что, независимо от принадлежности коммуникантов к определенному языковому сообществу и обсуждения какой-либо конкретной кризисной ситуации, в сознании интернет-пользователей образ кризиса легитимности власти обладает набором стереотипных признаков, детерминирующих процесс обсуждения данного явления в рамках непрофессиональной политической коммуникации в виртуальном пространстве Мировой сети.

Применяемая в работе методика анализа динамики сетевых фреймов в перспективе может быть использована для конструирования фреймовых моделей в рамках изучения

других политических явлений в непрофессиональном политическом дискурсе. Динамический аспект методики позволяет ей быть одним из инструментов мониторинга общественных настроений в социальных сетях.

ИСТОЧНИКИ

1. Видеоролик «Путин. Ливия. Мне это не нравится». — 2011. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yB9lheOga9A&list=PLQi2M04148FrT2-e15f8m81aUPkWqSOzv&index=30&pp=gAQBiAQV> (дата обращения: 29.03.2023). — Видео : электронное.
2. Видеоролик «Массовые акции протеста в Киеве на Майдане 1 декабря 2013 года | hromadske». — 2014. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=k8cu9_Wd1uU&list=PLQi2M04148FrT2-e15f8m81aUPkWqSOzv&index=11&t=230s&pp=gAQBiAQV (дата обращения: 15.09.2023). — Видео : электронное.
3. Видеоролик «Ukraine Protest: Kiev once again a battlezone — BBC News». — 2014. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Uz9FwtF15Kw&list=PLQi2M04148FrT2-e15f8m81aUPkWqSOzv&index=4&t=7s&pp=gAQBiAQV> (дата обращения: 14.10.2023). — Видео : электронное.
4. Видеоролик «The war in Syria explained in five minutes». — 2013. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=K5H5w3_QTG0&list=PLQi2M04148FrT2-e15f8m81aUPkWqSOzv&index=31&t=1s&pp=gAQBiAQV (дата обращения: 12.01.2023). — Видео : электронное.
5. Видеоролик «Libya's Leader Speaks Out». — 2011. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Y1rpzUD3vgE&list=PLQi2M04148FrT2-e15f8m81aUPkWqSOzv&index=33&pp=gAQBiAQV> (дата обращения: 24.12.2023). — Видео : электронное.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Болдырев, Н. Н. Языковые категории как формат знания / Н. Н. Болдырев. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2006. — № 2. — С. 5–22.
2. Ван, Ч. Фрейм, гештальт и образ: равнозначность или смежность категоризации? / Ч. Ван, П. П. Дашинмаева. — Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2022. — Т. 20, № 2. — С. 29–40. — DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-29-40.
3. Десятаров, Д. В. Репрезентация сетевого фрейма «Hostile encounter» / «Враждебное столкновение» в англоязычных интернет-комментариях / Д. В. Десятаров. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022а. — № 3 (93). — С. 20–26.
4. Десятаров, Д. В. Сетевой фрейм враждебное столкновение в русскоязычных интернет-комментариях / Д. В. Десятаров. — Текст : непосредственный // Виртуальная коммуникация и социальные сети. — 2022b. — Т. 1, № 4(4). — С. 191–195. — DOI 10.21603/2782-4799-2022-1-4-191-195.
5. Десятаров, Д. В. Структурная динамика сетевых фреймов в контексте кризиса легитимности власти в Ливийской Джамахирии (на материале интернет-комментариев) / Д. В. Десятаров, Н. В. Мельник. — Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2023. — Т. 21, № 3. — С. 84–94. — DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-84-94.
6. Ермоленкина, Л. И. Дискурсивная картина мира конвергентного радио: аспекты аксиологического моделирования / Л. И. Ермоленкина. — Текст : непосредственный // Медиалингвистика. — 2022. — Т. 9, № 1. — С. 3–14. — DOI 10.21638/spbu22.2022.101.
7. Лыткина, О. И. Исследование дискурса в рамках сдвига научной парадигмы: фрейм и концепт / О. И. Лыткина, Л. В. Селезнева. — Текст : непосредственный // Ученые записки Российского государственного социального университета. — 2011. — № 3 (91). — С. 206–213.
8. Плотникова, С. Н. Политическое дискурсивное пространство: принципы структурирования / С. Н. Плотникова, С. А. Домышева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2009. — № 1 (27). — С. 103–108.

9. Пронина, Е. С. Языковые средства формирования образа женщины-политика в англоязычной прессе : дис. ... канд. филол. наук / Пронина Елена Станиславовна. — Москва, 2014. — 203 с. — Текст : непосредственный.

10. Резанова, З. И. Дискурсивные картины мира / З. И. Резанова. — Текст : непосредственный // Картины русского мира: современный медиадискурс. — Томск : ИД СК-С, 2011. — С. 15–94.

11. Резанова, З. И. Методологическая интеграция в процессе дискурс-анализа: анализ дискурсивной картины мира / З. И. Резанова. — Текст : непосредственный // Сибирский филологический журнал. — 2007. — № 3. — С. 96–105.

12. Савельева, И. В. Непрофессиональный политический дискурс как новое коммуникативное явление: лингвопрагматический и лингвоперсоналогический аспекты моделирования : дис. ... д-ра. филол. наук / Савельева Ирина Викторовна. — Кемерово, 2022. — 496 с. — Текст : непосредственный.

13. Скрипко, Ю. К. Фреймы как структурообразующие единицы коллективной дискурсивной картины мира участника виртуального фан-сообщества / Ю. К. Скрипко. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — № 421. — С. 29–35. — DOI 10.17223/15617793/421/4.

14. Фролова, А. С. Сетевое общество и идеологическое пространство России: специфика взаимодействия и протекания сетевых процессов : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Фролова Анна Сергеевна. — Ростов-на-Дону, 2015. — 22 с. — Текст : непосредственный.

15. Фролова, А. С. Сетевое общество и теория фреймов: социально-философское осмысление / А. С. Фролова. — Текст : непосредственный // Вестник РАЕН. — 2013. — Т. 13, № 3. — С. 61–63.

16. Fillmore, Ch. J. Towards a Frame-based Lexicon: The Semantics of RISK and its Neighbors / Ch. J. Fillmore, B. T. Atkins. — Text : unmediated // Frames, Fields and Contrasts. New Essays in Semantic and Lexical Organization. — Hillsdale, NJ, Lawrence Erlbaum Associates, 1992. — P. 75–102.

17. Minsky, M. A framework for representing knowledge / M. Minsky. — Text : unmediated // The psychology of computer vision. — New York : McGraw-Hill Book, 1975. — P. 211–277.

MATERIALS

1. *Putin. Liviya. Mne eto ne nraivitsya* [Putin. Libya. I don't like it.] (Video). Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=yB9lheOga9A&list=PLQi2M04148FrT2-e15f8m81aUPkWqSOzv&index=30&pp=gAQBiAQB>. (In Russ.)

2. *Massovyie akcii protesta v Kieve na Majdane 1 dekabrya 2013 goda | hromadske* [Mass protests in Kyiv on Maidan on December 1, 2013 | hromadske] (Video). Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=k8cu9_Wd1uU&list=PLQi2M04148FrT2-e15f8m81aUPkWqSOzv&index=11&t=230s&pp=gAQBiAQB. (In Russ.)

3. *Ukraine Protest: Kiev once again a battle-zone* — BBC News (Video). Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=Uz9FwtF15Kw&list=PLQi2M04148FrT2-e15f8m81aUPkWqSOzv&index=4&t=7s&pp=gAQBiAQB>.

4. *The war in Syria explained in five minutes* (Video). Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=K5H5w3_QTGO&list=PLQi2M04148FrT2-e15f8m81aUPkWqSOzv&index=31&t=1s&pp=gAQBiAQB.

5. *Libya's Leader Speaks Out* (Video). Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=Y1rpzUD3vgE&list=PLQi2M04148FrT2-e15f8m81aUPkWqSOzv&index=33&pp=gAQBiAQB>.

REFERENCES

1. Boldyrev, N. N. (2006). Yazykovye kategorii kak format znaniya [Language categories as a format of knowledge]. In *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, Iss. 2, 5–22. (In Russ.)

2. Van, Ch. & Dashinimaeva, P. P. (2022). Frejm, geshtal't i obraz: ravnoznachnost' ili smezhnost' kategorizacii? [Frame, gestalt and image: equivalence or adjacency of categorization?]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, 20 (Iss. 2), 29–40. (In Russ.)

3. Devyatyarov, D. V. (2022a). Rezentatsiya setevogo frejma "Hostile encounter" / "Vrazhdebnoe stolknovenie" v angloyazychnykh internet-kommentariyah [Representation of the network frame "Hostile encounter" in English-language Internet comments]. In *Politicheskaya lingvistika*, Iss. 3(93), 20–26. (In Russ.)

4. Devyatyarov, D. V. (2022b). Setevoy frejm *vrazhdebnoe stolknovenie* v russkoyazychnykh internet-kommentariyah [Network frame hostile encounter in Russian-language internet comments]. In *Virtual'naya kommunikaciya i social'nye seti*, 1, (Iss. 4(4)), 191–195. (In Russ.)

5. Devyatyarov, D. V. & Mel'nik, N. V. (2023). Strukturnaya dinamika setevykh frejmov v kontekste krizisa legitimnosti vlasti v Livijskoj Dzhamahirii (na materiale internet-kommentarijev) [Structural dynamics of network frames in the context of the crisis of the legitimacy of power in the Libyan Jamahiriya (based on Internet comments)]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, 21 (Iss. 3), 84–94. (In Russ.)

6. Ermolenkina, L. I. (2022). Diskursivnaya kartina mira konvergentnogo radio: aspekty aksiologicheskogo modelirovaniya [Discursive picture of the world of convergent radio: aspects of axiological modeling]. In *Medialingvistika*, 9 (Iss. 1), 3–14. (In Russ.)

7. Lytkina, O. I. & Selezneva, L. V. (2011). Issledovanie diskursa v ramkah sdviga nauchnoj paradigmy: frejm i concept [Discourse research within a scientific paradigm shift: frame and concept]. In *Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta*, Iss. 3(91), 206–213. (In Russ.)

8. Plotnikova, S. N. & Domysheva, S. A. (2009). Politicheskoe diskursivnoe prostranstvo: principy strukturirovaniya [Political discursive space: principles of structuring]. In *Politicheskaya lingvistika*, Iss. 1(27), 103–108. (In Russ.)

9. Pronina, E. S. (2014). *Yazykovye sredstva formirovaniya obraza zhenshchiny-politika v angloyazychnoj presse* [Linguistic means of forming the image of a female politician in the English-language press] [Dis. of Cand. of Philology]. Moscow, 203 p. (In Russ.)

10. Rezanova, Z. I. (2011). Diskursivnye kartiny mira [Discursive pictures of the world]. In *Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs*, Tomsk: ID SK-S, 15–94. (In Russ.)

11. Rezanova, Z. I. (2007). Metodologicheskaya integraciya v processe diskurs-analiza: analiz diskursivnoj kartiny mira [Methodological integration in the process of discourse analysis: analysis of the discursive picture of the world]. In *Sibirskij filologicheskij zhurnal*, Iss. 3, 96–105. (In Russ.)

12. Savel'eva, I. V. (2022). *Neprofessional'nyj politicheskij diskurs kak novoe kommunikativnoe yavlenie: lingvopragmaticheskij i lingvopersonologicheskij aspekty modelirovaniya* [Non-professional political discourse as a new communicative phenomenon: linguopragmatic and linguopersonological aspects of modeling] [Dis. of Doctor of Philology]. Kemerovo, 496 p. (In Russ.)

13. Sкрипко, Ю. К. (2017). Frejmy kak strukturoobrazuyushchie edinicy kollektivnoj diskursivnoj kartiny mira uchastnika virtual'nogo fan-soobshchestva [Frames as structure-forming units of the collective discursive picture of the world of a participant in a virtual fan community]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, Iss. 421, 29–35. (In Russ.)

14. Frolova, A. S. (2015). *Setevoe obshchestvo i ideologicheskoe prostranstvo Rossii specifiika vzaimovliyaniya i protekaniya setevykh processov* [Network society and ideological space of Russia specificity of mutual influence and flow of network processes] [Abstract of Dis. of Cand. of Philology]. Rostov-on-Don, 22 p. (In Russ.)

15. Frolova, A. S. (2013). Setevoe obshchestvo i teoriya frejmov: social'no-filosofskoe osmyslenie [Network society and frame theory: a socio-philosophical understanding]. In *Vestnik RAEN*, 13 (Iss. 3), 61–63. (In Russ.)

16. Fillmore, Ch. J. & Atkins, B. T. (1992). Towards a Frame-based Lexicon: The Semantics of RISK and its Neighbors. In *Frames, Fields and Contrasts. New Essays in Semantic and Lexical Organization*. Hillsdale, NJ, Lawrence Erlbaum Associates, 75–102.

17. Minsky, M. (1975). A framework for representing knowledge. In *The psychology of computer vision*. New York: McGraw-Hill Book, 211–277.

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 81'42+81'38
 ББК Ш105.51+Ш105.551.5

ГРНТИ 16.31.02

Код ВАК 5.9.8

Руслан Ирикович Зарипов

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, Москва, Россия, lieutenant-en-chef@ya.ru, SPIN-код: 9294-2349

Когнитивное и метафорическое моделирование в медиадискурсе

АННОТАЦИЯ. В статье раскрывается взаимосвязь когнитивного и метафорического моделирования в современном медиадискурсе, а также их роль в конструировании и продвижении определенной картины мира в массовом сознании. В процессе концептуального структурирования коммуникатором в равной степени задействуются как вербальные, так и невербальные единицы, образующие в медиатексте метафорические и неметафорические смыслы. Метафорические модели, элементами (проявлениями) которых в медиадискурсе выступают образно-метафорические контексты, изоморфны по своей структуре когнитивным и образуют их концептуальное ядро. Последние в равной степени формируются также с помощью эвфемизации и дисфемизации, модально-императивной, субъективно-оценочной и других типов информации в неметафорических контекстах.

С семиотической точки зрения информационно-психологическое воздействие представляется наиболее эффективным при такой дискурсивной реализации речевого (неречевого) знака, при которой его амбивалентная функциональная природа раскрывается в относительно равной степени. Гармоничное сочетание его fascinatивной и когнитивно-моделирующей сторон придает ему способность не только оказывать эмоционально-психологическое давление на адресата, но и осуществлять концептуализацию действительности в сознании-подсознании последнего. Такие речевые (неречевые) единицы составляют и выделяют основное содержание, отвечая не только на вопрос «что», но и «как».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когнитивная лингвистика, когнитивное моделирование, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, языковые единицы, метафорическое моделирование, метафорические модели, когнитивные метафоры, массовое сознание, манипулятивное воздействие, манипуляция сознанием.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Зарипов Руслан Ирикович, кандидат филологических наук, докторант, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ; 111033, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14; email: lieutenant-en-chef@ya.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зарипов, Р. И. Когнитивное и метафорическое моделирование в медиадискурсе / Р. И. Зарипов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 175-183.

Ruslan I. Zaripov

Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia, lieutenant-en-chef@ya.ru, SPIN code: 9294-2349

Cognitive and Metaphorical Modeling in Media Discourse

ABSTRACT. The article reveals the relationship between cognitive and metaphorical modeling in modern media discourse, as well as their role in constructing and promoting a certain worldview in mass consciousness. In the process of conceptual structuring, a communicator equally uses both verbal and non-verbal units that form metaphorical and non-metaphorical meanings in a media text. The metaphorical models, the elements (manifestations) of which in media discourse are imagery-metaphorical contexts, are isomorphic in their structure to cognitive ones and form their conceptual core. The latter are equally formed with the help of euphemization and dysphemization, modal-imperative, subjective-evaluative and other types of information in non-metaphorical contexts.

From the semiotic point of view, the information and psychological impact seems to be most effective in such a discursive realization of a verbal (non-verbal) sign, in which its ambivalent functional nature is revealed to a relatively equal extent. The harmonious combination of its fascinatив and cognitive-modeling aspects gives it the ability not only to exert psychological pressure on the addressee, but also to conceptualize reality in the consciousness of the latter. Such verbal (non-verbal) elements constitute and emphasize the main content, answering not only the question “what”, but also “how”.

KEYWORDS: cognitive linguistics, cognitive modeling, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, language units, metaphorical modeling, metaphorical models, cognitive metaphors, mass consciousness, manipulative effect, manipulation of consciousness.

AUTHOR'S INFORMATION: Zaripov Ruslan Irikovich, Candidate of Philology, Post-Doctoral Associate, Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Zaripov R. I. (2024). Cognitive and Metaphorical Modeling in Media Discourse. In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 175-183. (In Russ.).

Современная массовая коммуникация, представляющая собой всеобъемлющий

континуум медиадискурса, заточена под конструирование и продвижение в индиви-

дуальном и массовом сознании картины мира, которая максимально отвечает представлениям и задачам субъекта воздействия. Система средств массовой информации выступает в этих условиях универсальным инструментом, посредством которого коммуникатор транслирует определенный образ действительности, культивирует свои концептуальные установки и формирует общественное мнение. Все перечисленные действия обеспечиваются, сопровождаются и пронизываются процессом когнитивного моделирования.

Ввиду того, что «формирование концепта в онтогенезе идет от образного, чувственного к более абстрактному, рациональному» [Попова, Стернин 2007: 121], представляется обоснованным заключить, что ядром когнитивного моделирования является моделирование метафорическое, которое представляет собой основу субъективно-оценочного отражения действительности в информационном пространстве и «процесс речевого [а в современном медиатексте — и неречевого — прим. авт.] манипулятивного воздействия» [Зарипов 2016: 55]. Метафорическая модель изоморфна когнитивной, аналогично образуется как вербальными, так и невербальными средствами, копирует ее структурно и функционально, а также подобно ей имеет статус «универсальной эпистемологической категории, выражающей общую семантику дискурса и формирующей у адресата картину мира и определенные стереотипы мышления» [Там же].

Метафора многообразна, вариативна и поливалентна, но она же и манипулятивна. Понятное и лаконичное тождество двух объектов вида «X — это Y» [Чудинов 2012: 131], к которому в наиболее благоприятном варианте сводится «дешифровка» метафорических (а на уровне когнитивной модели — дополняющих и конкретизирующих неметафорических) единиц как в отдельном сообщении, так и в сплошном медиапотоке, репрезентирует конкретные, доступные восприятию и нередко искаженные образы, одновременно отражая их главные характеристики, проявляющиеся в простой или составной номинации, например: «БАЙДЕН — это ТРУП», «США — это ПОДЖИГАТЕЛЬ ВОЙНЫ», «РОССИЯ — это АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ», «ПУТИН — это ЦАРЬ». Такое обозначение дискурсивно образующегося смысла демонстрирует универсальный функциональный потенциал (мелиоративно-пейоративный, когнитивно-моделирующий, суггестивно-манипулятивный) метафоры, позволяющий ей положительно характеризовать, то есть «продвигать», делать более

привлекательным или, наоборот, дискредитировать какой-либо объект действительности. Иными словами, формировать субъективно-оценочную (и как ее часть — идеологическую) модальность.

С точки зрения информационно-психологического воздействия на адресата эффективность метафоры заключается в следующем. Во-первых, она вызывает в его сознании образ, а вместе с ним — некоторую ассоциативную эмоцию (эмоциональную реакцию), через которую представляется более доступным произвести «сдвиг» его социальной установки. Во-вторых, метафорические смыслы неявны и не поддаются сиюминутному пониманию, переводя осмысление действительности в иррациональный, суггестивный формат: «...активное использование метафоры с ее способностью воздействовать на восприятие действительности под определенным углом зрения является ярким примером отказа от открытой пропаганды тех или иных идей и перехода к завуалированному манипулированию массовым сознанием» [Байгарина 2004: 18]. В-третьих, с помощью образного сравнения становится возможным соотнести и приравнять «даже самые далекие друг от друга и, казалось бы, нереальные для семантического сближения сущности или объекты. Это сближение не является буквальным истиной и создается „виртуально“ — с целью рождения образа. Неважно, насколько он реален или далек от интересующего объекта: главное — связать их семантически, обозначить номинацию, обыграть ее и закрепить в информационном пространстве» [Гаврилов, Зарипов 2023: 136].

Метафорические словоупотребления, представляющие единую сферу-источник, вариативно воспроизводят семантически гомогенные концептуальные установки, постепенно закрепляя недостаточно устойчивые элементы мышления (ассоциации, образы, коннотации) в сознании-подсознании человека и образуя в нем стереотипы как стандартизированные и суперфиксированные представления о каком-либо фрагменте реальности. Так как «субъект склонен реагировать не на реальность как таковую, а скорее на собственные когнитивные репрезентации реальности» [Будаев 2007: 23], он ориентируется в своем поведении именно на них: «...выводы, которые мы делаем на основе метафорического мышления, могут формировать основу для действий» [Там же: 19]. Перманентно находясь под воздействием внушаемых когнитивных (метафорических) моделей, сознание-подсознание адресата «начинает жить в мире информационных фантомов, которые могут нести в себе

деструктивное начало, дезинформацию или антиобщественные установки» [Зарипов 2014: 147]. Теоретики массовой коммуникации отмечают: «В сознании есть уязвимые точки, они находятся в области, связанной с невежеством, неосведомленностью, предрассудками. Выявлять и использовать их в пропаганде — значит управлять поведением таких людей» [Paletz, Entman 1981: 71].

Действительно, *некоторые* вербальные и невербальные единицы, к которым, безусловно, относятся метафоры, не только приковывают, удерживают и отвлекают внимание массовой аудитории, изменяя ее психическое состояние и нередко провоцируя наступление определенной поведенческой реакции, но и запускают механизм внушения концептуальной информации, способствуя более выразительной трансляции определенных социальных установок. Эти *фасцинативные* элементы способны самостоятельно конструировать и проецировать концептуальные образы, формируя картину мира адресата. С сущностной и функциональной точек зрения эти сигналы, представляя собой эмоционально заряженные импульсы, амбивалентны: с одной стороны, они привлекают когнитивный интерес, инициируют процесс самопроекции реципиентом транслируемых чувственных состояний и направляют его мышление и поведение в русле сопереживания (подражания) происходящему в сообщении; с другой стороны, они кристаллизуют эксплицитные и имплицитные смыслы, заключенные в языковую (неязыковую) оболочку и образуют когнитивные модели, отражающие его основные концептуальные установки (манипулятивные послы). Иными словами, такие фасцинативные элементы сообразно своей природе не только выделяют, но и составляют содержание сообщения:

«— Ну, должен появиться хотя бы один-два политических лидера, которые начнут думать о своем народе, перестать *жрать*, извините, свой народ, а потом уже, да? — заставить их думать о других народах. Ну, вот, я смотрю на того же Макрона: ну, это ж *каннибал*! Это — политический *каннибал*. Он же *ест* свой народ *поедом*. Во-первых, он явно ненавидит французов. За что он их ненавидит? Видимо,

*в школе били, там, я не знаю, что у него было, но он же ненавидит свой народ, потому что так *изде*... У меня очень критическое отношение к Франции. Я там никогда не бывал, *готовить не умею... ради Бога*. Но ведь то, как ненавидит Францию Макрон, то, как он над ней *куражится* уже откровенно, это же в общем ненормально? — Конечно.*

— Это — ненормально, чтобы во Франции... во Франции, *да ладно — де Голль*. Ну, вот, я помню, я все время вспоминаю, вот — Валери Жискар д'Эстен. Вот, на него смотрели, я еще помню, я там, школьник был и так далее. И все говорили так: „да — *не де Голль*...“ Да? Так они все были *не де Голли*. Но этот человек хотя бы был солиден. Да? Это был французский империалист. Да? Это был солидный человек, который хотя бы думал о Франции. Да? О французском народе. А Макрон, ну, он же... Ну, я даже не понимаю, вот, откуда могут быть истоки такой *биологической ненависти* к народу, к которому ты сам себя приписываешь. Ну, был бы он *завоеватель* какой-нибудь, был бы он *оккупант* — ну, это еще хоть как-то было бы объяснимо. Но он же как бы утверждает, что он — француз!

— Да ну, ладно! Ну, какой он француз? Он *арабского не знает*» [СОЛОВЬЁВ LIVE, эфир от 14.03.2024].

Фрагмент приведенного устного диалога посвящен Франции и ее политическим лидерам, в частности, Э. Макрону. Его образ структурируется разными вербальными средствами, подкрепляющимися интонацией и обстоятельной, многозначительной манерой речи. Однако главными из них (выделены жирным шрифтом) выступают метафоры, антономасии (через номинацию *де Голль*), литоты (*да ладно — де Голль*; *А Макрон, ну, он же...*; *да ну, ладно! Какой он француз?*), фразеологизм (*есть поедом*), дисфемизм (*жрать*), психологические приемы *ad hominem* (*в школе били, готовить не умею, ради Бога*). Эти слова представляют собой наиболее стилистически, экспрессивно и эмоционально выделяющиеся части текста, одновременно образуя концептуальные установки, представленные на таблице 1.

Таблица 1. Когнитивное моделирование и репрезентация образа объекта

Кто / что (объект концептуализации)	Характеристика	Кто / что (репрезентация образа)
Макрон	<i>начнут...перестать жрать... свой народ → жрет свой народ; ест свой народ поедом</i>	пожиратель
	<i>(политический) каннибал — 2 случая</i>	каннибал
	<i>в школе били (уничужение)</i>	мальчик для битья/ изгой/слабак/жертва ¹
	<i>...потому что так изде... → издевается; ...куражится над ней (Францией)...</i>	издеватель
	<i>да ладно — де Голль они все были не де Голли А Макрон, ну, он же... (преуменьшение роли)</i>	мелкий политик
	<i>...такой биологической ненависти к народу...</i>	животное / расист / нацист
	<i>...был бы он завоеватель какой-нибудь, был бы он оккупант...</i>	завоеватель/оккупант
Франция	<i>Но он же как бы утверждает, что он — француз! (контрастирование намеком) Да ну, ладно! (преуменьшение) Ну, какой он француз? (отрицание принадлежности)</i>	не француз
	<i>Он арабского не знает.</i>	арабская страна
	<i>Но ведь то, как ненавидит² Францию Макрон, то, как он над ней куражится уже откровенно...</i>	объект ненависти, издевательств
Французский народ	<i>Ну, был бы он завоеватель какой-нибудь, был бы он оккупант — ну, это еще хоть как-то было бы объяснимо.</i>	оккупированная / завоеванная страна
	<i>...перестать жрать, извините, свой народ... Он же ест свой народ поедом. ...но он же ненавидит свой народ, потому что так изде... Ну, я даже не понимаю, вот, откуда могут быть истоки такой биологической ненависти к народу...</i>	еда (пища) объект ненависти, издевательств

¹ При анализе когнитивного моделирования однозначно определить исходное концептуальное поле (сферу-источник) по одному или нескольким словоупотреблениям не всегда оказывается возможным. Тожественное равенство становится более отчетливым с возрастанием количества выявленных языковых (неязыковых) единиц.

² Вербальные средства, не обладающие собственным фасциативным потенциалом (как неметафорическое и неконтрастное слово «ненависть»), могут фасцинировать адресата за счет интонационной акцентуации говорящего или контекстуального влияния соседних эмоционально насыщенных элементов (как правило, семантически связанных: *биологическая ненависть*).

Фасцинирующие элементы амбивалентной сущностно-функциональной природы, обеспечивающие выразительность содержания и репрезентирующие образ Макрона, в конце фрагмента подкрепляются универсальной фасцинацией через иронию (сфера юмора), которая концептуализирует образ Франции как арабской страны, в которой следует говорить уже не по-французски, а по-арабски. В этой связи необходимо отметить, что концептуальные установки сообщения (как и когнитивные модели медиадискурса) всегда относительно. Это значит, что в ходе анализа они определяются *относительно* мишени информационного воздействия или интересующего объекта внеязыковой действительности. Так, в приведенном сообщении объектами моделирования выступают Макрон, Франция, французский народ. Для определения приблизительных концептуальных установок автора (в случае, если они поддаются вербализации¹), как правило, достаточно одного или нескольких метафорических (неметафорических) словоупотреблений, характеризующих избранную мишень.

Характеристика репрезентируемого объекта может и не обладать образно-метафорической основой; соответственно, при назывании мишени информационно-психологического воздействия в сознании реципиента не всегда может возникать ее образ. Так, если Украину характеризуют как «самое коррумпированное государство в Европе», в таком высказывании отсутствует классический метафорический перенос, который связывал бы ее с неким объектом другой понятийной сферы. Тем не менее при такой номинации ощущаются негативные коннотации и ассоциации, связанные с воровством и присвоением денежных средств. Только на этом, следующем этапе понимания могут возникать какие-то образы, однако даже без их образования произведено *называние* мишени воздействия и сконструирована ее оценочная характеристика. При этом, по большому счету, ни коммуникатору, ни реципиенту неизвестно доподлинно, действительно ли Украина — самое коррумпированное государство: первому — поскольку он прагматически заинтересован в такой номинации, и действительное положение вещей интересует его в меньшей степени; второму —

поскольку он не способен объективно оценить на истинность предоставленную информацию и ему остается принять ее к сведению, а при постоянном повторении — считаться с ней и, возможно, даже принять ее как данность. Как следствие, конструируемая в информационном пространстве картина мира фактически доминирует над объективной действительностью. Более того, она довлеет над массовой аудиторией и является для нее главным ориентиром, пока та не столкнется с реалиями и личным опытом. В этом и состоит удивительная сила внушения, которая имманентно присутствует в слове: любое утверждение, преподносимое в качестве информирования, убеждения и даже дезинформации, адресат либо априори принимает как истинное (то есть на веру), либо невольно допускает мысль о возможности его достоверности или обоснованности; он задействует свои внутренние интеллектуальные и психологические ресурсы для того, чтобы его опровергнуть или поставить под сомнение, лишь ситуативно (вспомним, как реагируют на самую невероятную новость: «Не может быть!»), — одновременно с изумлением или ужасом осознавая, что это могло произойти на самом деле).

Значимые признаки объекта-мишени выделяются языковыми средствами, формирующими субъективную оценочность: атрибутами, интенсивами (экспрессивами), идеологемами, эвфемизмами, дисфемизмами и т. д. Эти категории представляют собой элементы, конструирующие в медиадискурсе его образ и/или оценку, которые систематически воспроизводятся заинтересованными коммуникаторами и со временем обретают устойчивую концептуальную структуру в сознании-подсознании массовой аудитории. К этому ведет постоянное и вариативное повторение формулировок, являющихся проявлениями определенной когнитивной (метафорической) модели и сводящихся к одной и той же концептуальной установке, способной сформировать («запрограммировать») новый стереотип, заменяя («стирая») или дополняя при этом старый. При этом очевидно, что стереотип как «результат укоренения и укоренения в сознании (подсознании) реципиента ассоциативной связи между определенным объектом и образом» [Гаврилов, Зарипов 2023: 135] нередко представляет собой примитивное, не соответст-

¹ А. Н. Баранов отмечает, что семантика не всегда поддается однозначной интерпретации и вербализации, если речь идет об изображении (звуковом фрагменте неязыковой природы — прим. авт.) и некоторых языковых выражениях [Баранов 2013: 44–46]. В этих случаях следует ориентироваться на широкий контекст сообщения и большее количество словоупотреблений, подключая метод когнитивной интерпретации. При дешифровке концептуальных установок поликодового текста, как правило, необходимо привлечение специалистов других сфер (психологов, культурологов, искусствоведов, специалистов в области изучения символики и т. д.).

вующее действительности суждение [Крысько 2008: 71].

Таким образом, когнитивное моделирование, имея как образную, так и необразную основу, реализуется не только через моделирование метафорическое. Дж. Лакофф выделяет в составе когнитивных моделей также пропозициональные модели, метонимические модели и схематические модели образов [Лакофф 1988: 31–32]. При этом если последние, как и модели метафорические, так или иначе опираются на образы, то «под пропозициональной моделью понимается такая когнитивная модель, в которой не используются механизмы воображения» [Болдырев 2014: 147]; ментальная образность в ней отсутствует.

Вербальные и невербальные контексты, не содержащие образность, участвуют в процессе когнитивного моделирования в не меньшей степени. Как правило, они более многочисленны и не только наслаиваются на ядрообразующие конкретно-образные характеристики [Там же: 45], но и образуют периферийные области концептуальной структуры, разветвляя ее и дополняя варианты когнитивной интерпретации. Кроме того, как и метафорические словоупотребления, они могут употребляться в рамках не прямой коммуникации и нести имплицитные смыслы: «Министерство обороны Украины заявило, что законопроект о демобилизации будут разрабатывать на протяжении восьми месяцев. **Что-то нам кажется, что демобилизовывать из ВСУ через 8 месяцев будет уже некого**» [Украина.ру]. Таким образом, аналогично образно-метафорическим неметафорическим контекстам реализуют когнитивное моделирование как посредством прямой, так и неявной или скрытой характеристики объекта (имплицитно).

Когнитивные модели, объединяя в своей структуре не только метафорические, но и неметафорические словоупотребления (контексты), вполне способны заимствовать тождественные обозначения метафорических моделей, несущих идентичные смыслы. Так, метафорическая модель «РОССИЯ — это ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО», присущая современному французскому политическому дискурсу [Зарипов 2016: 138–140], может быть дополнена номинациями и/или контекстами, не имеющими образной основы, однако формирующими аналогичное восприятие действительности: «*A Moscou et en Crimée, des groupes de citoyens **organisent la***

*délation. Ils repèrent les sceptiques de la guerre sur Internet et **les dénoncent instantanément au procureur local***» [Le Parisien, 23.02.2024] («*В Москве и Крыму группы граждан **организуют доносы**. Они обнаруживают в Интернете военных скептиков и сразу **сообщают о них местному прокурору***»). В этом случае следует говорить об образовании более объемной концептуальной структуры — когнитивной модели с соответствующим тождественным обозначением «РОССИЯ — это ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО», в которой становится возможно установить новый фрейм «Правоохранительные органы», а также расширить название фрейма «Жертвы преступников» до «Жертвы преступников и третьи лица»¹, так как указанные в высказывании граждане являются доносчиками² (*délateurs*) и к совершению преступления не относятся. В указанном фрейме, таким образом, будет образован слот «Третьи лица».

Аналогичным образом к фрейму «Преступная деятельность» и входящему в него слоту «Деятельность правоохранительных органов» может быть отнесено высказывание: «*Selon l'ONG OVD-info près de 20 000 Russes ont été **arrêtées pour des actions antiguerre** depuis le 24 février 2022*» [Ibid.] («*По данным НПО „ОВД-инфо“, с 24 февраля 2022 года за **антивоенную деятельность было арестовано почти 20 000 россиян***»). В свою очередь, во фрейм «Преступная деятельность» вписывается следующий контекст: «*D'autres vont plus loin et **acceptent de participer aux actions de diversion** organisées par l'Ukraine, de la région de Belgorod jusqu'au Baïkal*» [Ibid.] («*Другие пошли дальше и **согласились принять участие в диверсионных акциях, организованных Украиной, от Белгородской области до Байкала***»). При этом в рамках одного текста (медiateкста) как метафорические, так и неметафорические единицы могут формировать разные когнитивные (и метафорические) модели. Например, в заголовке цитируемой статьи фигурирует модель «РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ — это ВОЙНА»: «*Les Russes **sommés de marcher au pas derrière Poutine**. A moins d'un mois de la présidentielle, une partie de la population observe avec effroi la **dérive martiale** de leur pays, d'autres **portent le patriotisme en étendard***» [Ibid.] («*Россиянам **приказано маршировать в ногу с Путиным**. Менее чем за месяц до президентских выборов*

¹ А. П. Чудинов предлагает для такого фрейма более развернутое название: «жертвы преступников и иные не относящиеся к преступному сообществу граждане» [Чудинов 2001: 100].

² Справедливости ради стоит отметить, что коннотации словосочетания «организовать доносы» позволяют потенциально его отнести и к модели тоталитарного государства.

часть населения с ужасом наблюдает за сползанием своей страны в **военную действительность**, в то время как другие **несут знамя патриотизма**). В этой связи и в подтверждение значимой роли СМИ в формировании картины мира массовой аудитории уместно замечание С. Л. Кушнерук: «Журналистика влияет на умы, настроения и мнения людей и фактически определяет то, как читатель осмысливает действительность. Адресат воспринимает мир через призму медиатекстов... есть понимание, что современные медиа остаются организаторами мировидения, а идеологическая ангажированность в разной степени присутствует в освещении политических событий» [Кушнерук 2023: 107].

Образы объектов внеязыковой действительности формируются в общественном и индивидуальном сознании так, как они моделируются в информационном пространстве. В процессе когнитивного моделирования, которое фактически означает продвижение определенной картины мира и субъективно-оценочную репрезентацию действительности через конструирование когнитивных моделей, субъекты информационно-психологического воздействия стремятся повлиять как на разум, так и на воображение реципиента, сочетая в интересах эффективности коммуникации элементы убеждения и внушения. Они предназначены для достижения большей выразительности и убедительности сообщения, в том числе при манипулировании информацией, и включают:

– изобразительно-выразительные языковые (тропы и фигуры речи, сводящиеся ко всем видам образного употребления и специального построения фонем, слов, словосочетаний и целых высказываний) и неязыковые (любые формы демонстрации изображений и звуковых элементов невербального характера) средства;

– запелляционные и, как правило, повторяемые утверждения, призванные преподнести продвигаемые реципиенту реалии как объективно существующие или требующие исполнения («*Асад ведет войну против собственного народа*», «*La Russie est responsable de l'escalade*», «*Косово — это Сербия*», «*Крым — наш*», «*Фашизм не пройдет!*», «*A bas les Boches!*», «*Free Palestine!*»);

– наречия неопределенности события, глагольные формы сослагательного наклонения и ссылки на непроверенные или сомнительные источники информации (по информации авторитетного источника, по неподтвержденным данным, по словам неназванного источника, *citing an anonymous source, selon les experts, возможно,*

вполне вероятно, highly likely, hautement probable, скорее всего, по-видимому и т. п.);

– округленные, преувеличенные или сниженные числовые значения, внушительные цифры и «средние» показатели, относительные числа без указания абсолютных величин и т. п. (500 вместо 467, тысячи вместо 2132, пара сотен митингующих вместо 850, выплаты возрастут на 25 % вместо 300 рублей, «через лагеря прошли более 20 миллионов человек», «Reuters рассказал о 300 погибших и раненых в Сирии россиянах за неделю» и т. п.);

– подставные номинации, призванные заменить объективно существующие характеристики объекта или реалии действительности (эвфемизмы и дисфемизмы), а также вербальные маркеры — своеобразные индикаторы изменения обстановки и/или позиции коммуникатора. В качестве примера того, что «слово определяет реальность», в последнем случае может выступить смена в боевых сводках ВСУ названия Авдеевского направления (по н. п. Авдеевка Донецкой агломерации) на Покровское (по г. Покровску, который находился в тылу украинских войск). Это означает, что в первой половине 2024 года украинское командование обернуло вектор мышления в западную сторону, ментально допустив отступление [СОЛО-ВЬЕВЛIVE, эфир от 3.05.2024].

В целом основную часть коммуникативного арсенала, направленного на формирование и модификацию концептуальной картины мира, социальных установок и идеологической (идейно-политической) ориентации массовой аудитории (то есть когнитивного моделирования как такового), составляют персуазивно-суггестивные механизмы метафоризации, эвфемизации и дисфемизации, дополняемые и уточняемые неметафорическими контекстами адресанта [Зарипов 2024: 182]. При этом отправной точкой изменения фундаментальных подходов последнего к восприятию значимой социально-политической проблематики и освещению в медиапространстве определенного фрагмента окружающей действительности выступает вербализованный (или выраженный невербально) идеологический сдвиг, проявляющийся в смещении прагматического фокуса и сдвиге референциальном, семантическом [Шейгал 2004: 174, 199]. Это выражается в первую очередь на терминологическом (понятийном) уровне, в разрыве (или отдалении) сигнификата от денотата, когда коммуникатор проводит в медиатексте экстралингвистически мотивированную позиционную замену [Данилова 2014: 44], часто сопровождаемую искаженной интерпретацией происходящих событий.

Таким образом, когнитивное моделирование представляет собой процесс и результат концептуального структурирования адресантом картины мира (фрагмента действительности), который проявляется по мере восприятия и понимания реципиентом сообщения в соответствии с форматом последнего (статичное / динамичное, вербальное / невербальное / поликодовое / мультимодальное). При этом как эксплицитные, так и имплицитные смыслы коммуникации актуализируются в вербальных (невербальных) контекстах употребления речевых (неречевых) единиц и подлежат когнитивной интерпретации адресатом, без задействования которой тот «пропускает» их в обход механизмов автокоммуникации (термин Ю. М. Лотмана) в свое подсознание.

Метафорические модели, элементами (проявлениями) которых в медиадискурсе выступают образно-метафорические контексты вербального и невербального характера, изоморфны по своей структуре когнитивным. Последние в равной степени формируются также с помощью эвфемизации и дисфемизации, модально-императивной, субъективно-оценочной и других типов информации. В речевом или медиапотоке по-разному проявляется амбивалентная функциональная природа речевого (неречевого) знака, который в зависимости от контекста в большей степени раскрывает либо свою фасцинирующую, либо когнитивно-моделирующую сущность, находясь в неустойчивом состоянии. На этом уровне информационно-психологическое воздействие представляется наиболее эффективным при равномерном, гармоничном сочетании обеих перечисленных сторон знака, при котором он способен одновременно фасцинировать адресата и осуществлять концептуализацию действительности в его сознании-подсознании, обретая внутреннее равновесие. Как правило, такой знак эмоционально заряжен (экспрессивен) и обеспечивает самопроекцию реципиента, в то же время транслируя ему фрагменты концептуальных установок (манипулятивных посылов) сообщения. Иными словами, такие речевые (неречевые) единицы отражают и выделяют основное содержание, отвечая не только на вопрос «что», но и «как». На контекстуальном уровне более выразительной трансляции установок способствует семантическая (и собственно контекстуальная) фасцинация, на идейно-тематическом (надтекстовом) уровне — универсальная фасцинация.

ИСТОЧНИКИ

1. ГАСПАРЯН | СОЛОВЬЁВ LIVE | 3 мая 2024 года // Rutube. — URL: <https://rutube.ru/video/aea27574c6311b2902a200008fc2262b/> (дата обращения: 17.06.2024).

2. Министерство обороны Украины заявило... // Украина.ру. — URL: https://t.me/ukraina_ru/195776 (дата обращения: 08.05.2024).

3. Полный контакт | СОЛОВЬЁВ LIVE | 14 марта 2024 года // Rutube. — URL: <https://rutube.ru/video/822b6a3b28700208bb1597db8381663c/> (дата обращения: 27.09.2024).

4. Le Parisien. — № 24726, 23.02.2024.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Байгарина, Г. П. Оценочность как универсалия публицистического текста / Г. П. Байгарина. — Текст : непосредственный // Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как национального : материалы III Междунар. науч.-метод. конф. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2004. — С. 17–19.
- Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика : учеб. пособие / А. Н. Баранов. — 5-е изд. — Москва : Флинта : Наука, 2013. — 592 с. — Текст : непосредственный.
- Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций / Н. Н. Болдырев ; Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Рос. Ассоциация лингвистов-когнитологов. — Изд. 4-е, испр. и доп. — Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. — 236 с. — Текст : непосредственный.
- Будаев, Э. В. Становление когнитивной теории метафоры / Э. В. Будаев. — Текст : непосредственный // Лингвокультурология. — Екатеринбург, 2007. — Вып. 1. — С. 16–32.
- Гаврилов, Л. А. Язык массовой коммуникации и информационная война : моногр. / Л. А. Гаврилов, Р. И. Зарипов. — Москва : ЛЕНАНД, 2023. — 216 с. — Текст : непосредственный.
- Данилова, А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации / А. А. Данилова. — 3-е изд. — Москва : Добросвет : Изд-во КДУ, 2014. — 232 с. — Текст : непосредственный.
- Зарипов, Р. И. Концептуальная трансформация образа Южно-Курильских островов в СМИ Японии после 24 февраля 2022 года (на материале английского языка) / Р. И. Зарипов. — Текст : непосредственный // Россия: общество, политика, история. — 2024. — № 2 (11). — С. 176–198.
- Зарипов, Р. И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе : моногр. / Р. И. Зарипов. — Москва : Р. Валент, 2016. — 220 с. — Текст : непосредственный.
- Зарипов, Р. И. Особенности метафорического манипулятивного воздействия в политическом дискурсе / Р. И. Зарипов. — Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». — 2014. — № 2. — С. 145–158.
- Крысько, В. Г. Этническая психология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. Г. Крысько. — 2-е изд., стер. — Москва : Академия, 2008. — 320 с. — Текст : непосредственный.
- Кушнерук, С. Л. Идеологическое миромоделирование в контексте информационно-психологической войны : моногр. / С. Л. Кушнерук. — Москва : Флинта, 2023. — 232 с. — Текст : непосредственный.
- Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф. — Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1988. — Вып. XXIII : Когнитивные аспекты языка. — С. 12–51.
- Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Москва : АСТ : Восток — Запад, 2007. — 314 с. — Текст : непосредственный.
- Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — 4-е изд. — Москва : Флинта : Наука, 2012. — 256 с. — Текст : непосредственный.
- Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2001. — 238 с. — Текст : непосредственный.
- Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 326 с. — Текст : непосредственный.
- Paletz, D. Power, Politics, Media / D. Paletz, R. Entman. — New York : Free press ; London : Collier Macmillan, 1981. — 308 p. — Text : unmediated.

MATERIALS

1. GASPARYAN | SOLOV'YOVLIVE (2024, May 3). *Rutube*. Retrieved June 17, 2024, from <https://rutube.ru/video/aea27574c6311b2902a200008fc2262b/> (In Russ.)
2. Ministerstvo oborony Ukrainy zayavilo... [Ukraine Defense ministry said...]. (n.d.). *Ukraina.ru*. Retrieved May 8, 2024, from https://t.me/ukraina_ru/195776 (In Russ.)
3. Polnyj kontakt | SOLOV'YOVLIVE (2024, March 14). *Rutube*. Retrieved Sept. 27, 2024, from <https://rutube.ru/video/822b6a3b28700208bb1597db8381663c/> (In Russ.)
4. *Le Parisien* (2024, Feb. 23). № 24726. (in Fr.)

REFERENCES

1. Bajgarina, G.P. (2004). Ocenocnost' kak universalija publicisticheskogo teksta [Evaluativeness as a universal of a journalistic text]. In *Tekst: Problemy i perspektivy. Aspekty izucheniya v celyah prepodavaniya russkogo yazyka kak nacional'nogo* [Text: Problems and Prospects. Aspects of study for teaching Russian as a national language] (Proceedings of the III International Scientific and Methodological Conference, pp. 17–19). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)
2. Baranov, A.N. (2013). *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoreticheskie osnovaniya i praktika: ucheb. posobie* [Linguistic expertise of the text: theoretical foundations and practice] [Textbook] (5th ed.). Moscow: Flinta: Nauka, 592 p. (In Russ.)
3. Boldyrev, N.N. (2014). *Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku* [Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics] [A course of lectures] (4th ed., rev. and suppl.). Tambov: Izdatel'skij dom TGU im. G.R. Derzhavina, 236 p. (In Russ.)
4. Budaev, E.V. (2007). Stanovlenie kognitivnoj teorii metafory [Emergence of the cognitive theory of metaphor]. *Lingvokulturologiya, 1*, 16–32. (In Russ.)
5. Gavrilov, L.A., & Zaripov, R.I. (2023). *Yazyk massovoy kommunikatsii i informatsionnaya vojna* [The language of mass communication and information warfare] [Monograph]. Moscow: LENAND, 216 p. (In Russ.)
6. Danilova, A.A. (2014). *Manipulirovanie slovom v sredstvakh massovoj informacii* [Manipulation of the word in the media] (3rd ed.). Moscow: Dobrosvet, Izdatel'stvo "KDU", 232 p. (In Russ.)
7. Zaripov, R.I. (2024). Konceptual'naya transformaciya obraza Yuzhno-Kuril'skih ostrovov v SMI Yaponii posle 24 fevralya 2022 goda (na materiale anglijskogo yazyka) [Conceptual transformation of the image of the South Kuril Islands in the media of Japan after February 24, 2022 (on the material of the English language)]. *Rossiya: obshchestvo, politika, istoriya, 2*(11), 176–198. (In Russ.)
8. Zaripov, R.I. (2016). *Metaforicheskoe modelirovanie obraza Rossii v sovremennom francuzskom politicheskom diskurse* [Metaphorical modeling of the image of Russia in contemporary French political discourse] [Monograph]. Moscow: R.Valent, 220 p. (In Russ.)
9. Zaripov, R.I. (2014). Osobennosti metaforicheskogo manipulyativnogo vozdejstviya v politicheskom diskurse [Features of metaphorical manipulative influence in political discourse]. *Vestnik RUDN. Seriya «Lingvistika»*, 2, 145–158. (In Russ.)
10. Krysko, V.G. (2008). *Etnicheskaya psihologiya* [Ethnic Psychology] [Textbook for students of higher educational institutions] (2nd ed., ster.). Moscow: Izd. centr Akademiya, 320 p. (In Russ.)
11. Kushneruk, S.L. (2023). *Ideologicheskoe miromodelirovanie v kontekste informacionno-psihologicheskoy vojny* [Ideological world modeling in the context of information-psychological warfare] [Monograph]. Moscow: FLINTA, 232 p. (In Russ.)
12. Lakoff, J. (1988). Myshlenie v zerkale klassifikatorov [Classifiers as a Reflection of Mind]. In *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* (Iss. XXIII. Kognitivnye aspekty yazyka, pp. 12–51). Moscow: Progress. (In Russ.)
13. Popova, Z.D., & Stermin, I.A. (2007). *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow: AST: Vostok—Zapad, 314 p. (In Russ.)
14. Chudinov, A.P. (2012). *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics] [Textbook] (4th ed.). Moscow: Flinta: Nauka, 256 p. (In Russ.)
15. Chudinov, A.P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoye issledovaniye politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in the Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000)] [Monograph]. Ekaterinburg: UrGPU, 328 p. (In Russ.)
16. Sheigal, E.I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow: ITDGG «Gnozis», 326 p. (In Russ.)
17. Paletz, D., & Entman, R. (1981). *Power, Politics, Media*. New York: Free press; London: Collier Macmillan, 308 p.

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 81'42+81'38+81'27

ББК Ш105.51+Ш105.55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 5.9.8

Виктория Игоревна Космодемьянская^{1✉}, Мария Валерьевна Лисенко^{2✉},
Маргарита Владимировна Малыгина^{3✉}

^{1,2,3} Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

¹ kosmoviktoria@gmail.com[✉], SPIN-код: 1902-8924

² marialisenko@yandex.ru[✉], SPIN-код: 7327-9166

³ malyhinam@mail.ru[✉], SPIN-код: 6418-3700

Способы противостояния речевой агрессии в политическом диалогическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению набора стереотипных стратегий и тактик противостояния речевой агрессии в рамках современной политической коммуникации. Речевое агрессивное поведение противопоставляется стратегической вежливости, при этом оба варианта взаимодействия собеседников характеризуются целенаправленностью и возможностью выбора лингвистических средств относительно цели коммуникантов и ситуации взаимодействия. Характеризуется вербальная агрессия (по сути речевой акт замещает агрессивное физическое действие, вместо которого выступают угроза, насмешка, грубая брань, замечания) и невербальная (выражается интонацией, мимикой, жестами), а также скрытая, завуалированная агрессия в рамках не прямой коммуникации. Показывается, что, подобно тому, как коммуниканты выбирают стратегию и тактику агрессивного поведения, они выбирают и из арсенала стереотипных средств стратегию и тактику противостояния речевой агрессии. В статье рассматриваются различные тактики противостояния агрессивному речевому поведению — игнорирование, смена фокуса, аргументация и убеждение. Показывается, что в ситуации столкновения интересов и конфронтации у участников взаимодействия имеется также общая цель — довести диалог до логического завершения и удерживать коммуникацию в приемлемых этических и социальных рамках, что заставляет их придерживаться принципа терпимости в ходе взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая риторика, политические деятели, политические речи, речевая деятельность, политическая коммуникация, речевое взаимодействие, политический дискурс, речевая агрессия, речевое поведение, речевые акты, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, политические дебаты, способы противостояния.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Космодемьянская Виктория Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения, институт иностранных языков РГПУ им. А. И. Герцена; 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48; email: kosmoviktoria@gmail.com.

Лисенко Мария Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения, институт иностранных языков, РГПУ им. А. И. Герцена; 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48; email: marialisenko@yandex.ru.

Малыгина Маргарита Владимировна, старший преподаватель кафедры английского языка и лингвострановедения, институт иностранных языков, РГПУ им. А. И. Герцена; 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48; email: malyhinam@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Космодемьянская, В. И. Способы противостояния речевой агрессии в политическом диалогическом дискурсе / В. И. Космодемьянская, М. В. Лисенко, М. В. Малыгина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 184-189.

Viktoriya I. Kosmodem'yanskaya^{1✉}, Mariya V. Lisenko^{2✉}, Margarita V. Malykhina^{3✉}

^{1,2,3} Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

¹ kosmoviktoria@gmail.com[✉], SPIN code: 1902-8924

² marialisenko@yandex.ru[✉], SPIN code: 7327-9166

³ malyhinam@mail.ru[✉], SPIN code: 6418-3700

Ways of Countering Verbal Aggression in Political Dialogue

ABSTRACT. The article deals with a set of stereotypical strategies and tactics of countering verbal aggression in the framework of modern political communication. Verbal aggressive behavior is opposed to strategic politeness, while both variants of interaction between interlocutors are characterized by purposefulness and the possibility of choosing linguistic means relative to the goal of the communicants and the interaction situation. The study describes verbal aggression (in fact, a speech act expressing a threat, ridicule, rude abuse, or remark replaces an aggressive physical action, instead of which it is used) and non-verbal aggression (expressed by intonation, facial expressions, gestures), as well as hidden or veiled aggression within the framework of indirect communication. The authors argue that communicants choose a strategy and tactics of countering verbal aggression from the arsenal of stereotypical means just as they choose a strategy and tactics of aggressive non-verbal behavior. The article discusses various tactics of countering aggressive verbal behavior — ignoring,

changing focus, argumentation and persuasion. It is shown that in a situation of conflict of interests and confrontation, the participants of the interaction also have a common aim — to bring the dialogue to its logical conclusion and keep communication within acceptable ethical and social frameworks, which forces them to adhere to the principle of tolerance during interaction.

KEYWORDS: *political rhetoric, politicians, political speeches, speech, political communication, verbal interaction, political discourse, verbal aggression, verbal behavior, speech acts, communication strategies, communication tactics, political debates, ways of countering.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kosmodem'yanskaya Viktoriya Igorevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English and Linguistic Culturology, Institute of Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.*

Lisenko Mariya Valer'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English and Linguistic Culturology, Institute of Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

Malykhina Margarita Vladimirovna, Senior Lecturer of Department of English and Linguistic Culturology, Institute of Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

FOR CITATION: *Kosmodem'yanskaya V. I., Lisenko M. V., Malykhina M. V. (2024). Ways of Countering Verbal Aggression in Political Dialogue. In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 184-189. (In Russ.).*

Определяющая черта современного гуманитарного знания — это антропоцентризм, то есть обращенность к человеку, его месту в мире, его потребностям. Вопросы и проблемы, связанные с речевым поведением и речевым взаимодействием, находятся и в фокусе внимания современной лингвистики, в частности лингвистической прагматики, а именно тех ее разделов, которые описывают механизмы речевого поведения — теории речевых актов и теории лингвистической вежливости. В рамках последней описываются универсальные речевые механизмы, названные авторами стратегиями, которые способствуют поддержанию гармонии в обществе, избеганию конфронтации и разрешению конфликтов. Вежливость понимается именно как стратегическое поведение, как осознанный прагматический выбор лингвистического способа совершения речевого действия, который учитывает этические и социальные потребности коммуникантов — потребность, с одной стороны, в принятии и в позитивной оценке и самооценке и, с другой стороны, в свободе личности от принуждения и вмешательства в свободу мнения [Brown, Levinson 1994]. Тем не менее вежливое стратегическое поведение не является единственной моделью человеческого взаимодействия. Столкновение интересов ведет к конфронтации, и в процессе речевого взаимодействия участники коммуникации могут быть настроены как позитивно, так и негативно, то есть на кооперативное или некооперативное общение [Седов 2004]. Некооперативное взаимодействие характеризуется нежеланием одного или обоих коммуникантов «сотрудничать», вести диалог в позитивном ключе, а также представляет собой выход за рамки норм вежливого общения и отклонение от правил кооперативного поведения, как речевого, так и неречевого — эмоционального. Установка на некооперацию

часто приводит к речевой агрессии, под которой понимается «особая разновидность деструктивного поведения человека», цель которой «заключается в причинении психологического вреда отдельной личности или группе людей в процессе речевой коммуникации» [Балаховская, Быков 2018: 494].

Агрессия, как и любая другая «эмоция», в процессе диалога может выражаться с помощью вербальных и невербальных методов. Вербальная агрессия — это словесные оскорбления, негативное высказывание одного человека в адрес другого; все виды доминирующего и наступательного речевого поведения. Ее основная особенность заключается в том, что при конфликте не используется физическая сила (речевой акт замещает агрессивное физическое действие, вместо него: угроза, насмешка, грубая брань, замечания), но от этого воздействие вербальной агрессии не становится менее пагубным. Нападающий имеет одну цель — унижить оппонента, подчинить его своей воле. Словесные конфликты не менее опасны, чем физическое противостояние, поскольку дестабилизируют общество, усиливают напряженность, которая и так является характерной чертой современного общества и которой способствуют экономическая, политическая и социальная нестабильность, высокий темп жизни, интенсивность информационного давления и неопределенность будущего [Щербинина 2008: 12–13; Балаховская 2018: 495–496].

Вербальная агрессия истощает ресурсы нервной системы, заставляет языковую личность испытывать интенсивные переживания, за счет чего происходит снижение уровня навыка коммуникации и человеку, в чью сторону направлена агрессия, тяжело продолжать диалог и отстаивать свою точку зрения. Невербальная агрессия выражается интонацией, мимикой, жестами [Дроздова

2016; Кравченко 200]. В рамках прямой коммуникации говорящий не будет скрывать своего агрессивного настроя, который обязательно найдет вербальное воплощение и будет подкреплен невербальным компонентом (мимикой, жестами, интонацией). Говорящий показывает себя как нетолерантную, импульсивную личность, неспособную контролировать свои эмоции и поддерживать кооперативное взаимодействие [Барченкова 2020; Егорова 2015; Космодемьянская 2018]. В рамках же не прямой коммуникации речевая агрессия становится скрытой, все ключевые смыслы завуалированы. Говорящий стремится таким образом повлиять на адресата и трансформировать его систему ценностей, внедрить в его сознание идеи и мнения, которые будут соответствовать интенции и цели говорящего. В политической коммуникации данный стиль наиболее продуктивен, поскольку благодаря ему политики получают возможность сохранить собственный имидж, при этом подрывая авторитет противника, что соответствует глобальной цели создания и поддержания отношений конфронтации [Борботько 2019; Дементьев 2000].

Важно отметить, что использование вербальной агрессии не сводится к употреблению исключительно бранных выражений, нецензурной лексики, подобно тому, как лингвистическая вежливость не сводится к этикетным формулам. Агрессивное речевое поведение может быть оформлено согласно всем канонам литературного языка, но от этого оно не станет менее разрушительным. Недаром сарказм является одним из самых ярких и разрушительных для коммуникантов проявлений речевой агрессии и крайне болезненно переживается адресатом саркастического высказывания — ведь в этом случае за абсолютно вежливой формой скрывается исключительно деструктивное намерение [Иссерс 2017; Cowley 2004]. Таким образом, прибегая к речевой агрессии, говорящий выбирает определенные лексические единицы и интонацию, обращается к прямой или не прямой форме коммуникации, однако крайне важно отметить, что, как и в случае вежливого речевого поведения, говорящий пользуется арсеналом стереотипных коммуникативных стратегий и тактик в зависимости от характеристик ситуации взаимодействия, а также целей говорящего [Космодемьянская 2018].

Поскольку существуют устойчивые стереотипы агрессивного речевого поведения, то существуют и определенные алгоритмы противостояния речевой агрессии, набор стратегий речевого поведения, позволяющих уклониться от агрессивного взаимодействия,

контролировать степень агрессии и защититься от деструктивного поведения оппонента [Betteke 2018; Kellerman 1992]. Умение применять в ходе коммуникации способы (тактики) противостояния негативному речевому воздействию, отражать словесные удары является одним из базовых коммуникативных навыков, формирующихся в ходе становления личности. Выбор тактики противостояния участником диалога в полной мере зависит от конкретной коммуникативной ситуации, окружения, которое может на него повлиять, от уровня воспитания и психотипа личности [Формановская 2007; Чернявская 2017; Щербинина 2008].

Как и любая коммуникация, любые дебаты — это сложный процесс общения и обмена мыслями между людьми, заведомо стоящими на разных — часто взаимоисключающих — этических, политических, религиозных и социальных позициях. Политические дебаты — это вражда идеологий, где в полной мере проявляются стратегии агрессивного взаимодействия и стратегии противостояния агрессии. Применяя тактики речевой агрессии в диалоге, оппоненты затрудняют полноценный обмен информацией, замедляют восприятие и понимание друг друга при осуществлении коммуникации. Это приводит к нарушению психологического климата, что, однако, может являться целью говорящего [Ван Дейк 2000: 255–257].

Для полноценного ведения диалога, который будет приведен к логическому завершению, следует находить и соблюдать нормы и правила бесконфликтного общения [Brown, Lewinson 1994]. Так, И. А. Стерниным был выделен принцип терпимости к собеседнику. Он включал в него следующее [Стернин 2015: 445–449]:

- не перенаправлять собеседника в процессе беседы;
- не обращать внимания на недостатки собеседника;
- стараться подстроиться под диалог собеседника — манеру общения, уровень культуры и т. д.

Современные ученые, занимающиеся изучением риторики и коммуникации, выделяют большое количество приемов противостояния речевой агрессии и сохранения эмоционального равновесия в диалоге, но в данной статье рассмотрены четыре основных приема, которые чаще всего встречаются на политической арене.

1. Игнорирование. Не замечать враждебности или агрессии со стороны говорящего — это довольно эффективный и эффектный способ в политической и журналистской практике построения диалога. Игнорирова-

ние нейтрализует сценарий агрессивного речевого поведения, лишает инициатора речевой агрессии и коммуникативной «подпитки». Молчание в ответ на негативное, провокационное высказывание или продолжение диалога в нейтральном или даже доброжелательном тоне позволяют взять верх над ситуацией и разрядить обстановку.

Например, Клинтон лаконично ответила на обвинения Трампа, **проигнорировав** провокационное высказывание: «*I think Donald just criticized me for preparing for this debate. And, yes, I did. And you know what else I prepared for? I prepared to be a President. And I think it's a good thing*». Таким образом Клинтон ушла от ответа и смогла сохранить свой имидж в политической борьбе [URL: <http://edition.cnn.com/TRANSCRIPTS/1609/27/cnnt.02.html>, дата обращения: 30.05.2024].

2. Переключение внимания (смена фокуса). Данный прием заключается в «переключении» внимания говорящего с одной темы на другую в попытке изменить агрессивное эмоциональное состояние собеседника. В предыдущем примере, в котором мы наблюдаем прием **игнорирования** агрессивного высказывания, также присутствует **переключение внимания**: Клинтон направляет коммуникацию в иное семантическое русло, ловко «перетягивает» фокус с негативного аспекта речи Трампа на позитивный, она подчеркивает свою ответственность и серьезные намерения в отношении дебатов, на которых решается дальнейшая судьба всей страны.

3. Доказывание (аргументация) — это прежде всего обращение к логике мышления человека. Данный прием считается одним из самых эффективных в речевой практике. Приводятся аргументы в соответствии с логикой рассуждения: «во-первых, А, во-вторых, В, в-третьих, С, итог: D». Доказывание сильно влияет на восприятие информации человеком, потому что оно имеет доказательную базу: конкретные факты, некую последовательность событий, причинно-следственные связи и логическое умозаключение, которое доказывает то или иное высказывание.

Прием **доказывания** мы можем наблюдать также в речи Клинтон, которая обличает причины, по которым Трамп не хочет обнародовать свою налоговую декларацию, тем самым нарушая многолетнюю традицию президентов США: «*...First, maybe he's not as rich as he says he is. Second, maybe he's not as charitable as he claims to be. Third, we don't know all of his business dealings, but we have been told through investigative reporting that he owes about 650 million dollars to Wall Street and foreign banks...*» [URL: [\[washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/09/26/the-first-trump-clinton-presidential-debate-transcript-annotated/\]\(https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/09/26/the-first-trump-clinton-presidential-debate-transcript-annotated/\), дата обращения: 30.05.2024\].](https://www.</p>
</div>
<div data-bbox=)

4. Убеждение подразумевает вселение уверенности в собеседника, что истина доказана и что тезис установлен, что речь говорящего — это достоверная информация, обещание, которое будет беспрекословно выполнено. В убеждении используется логика в тандеме с эмоциями, иногда осуществляется «эмоциональное давление» на противника, навязывание своей точки зрения аудитории в отношении оппонента.

Убеждение мы можем наблюдать в речи Трампа: «*...you've seen me, I've been all over the place...*», «*Well, I told you, I will release them as soon as the audit...*», «*...I will bring back jobs. You can't bring back jobs*» [URL: <https://www.politico.com/story/2016/09/full-transcript-first-2016-presidential-debate-228761>, дата обращения: 23.06.2024]. Характерно использование **модальных глаголов**, выражающих отношение говорящего к проблеме, **синтаксического параллелизма**, который подталкивает слушающих к сравнению противников, тем самым подсознательно формируется доверие к говорящему на психоэмоциональном уровне.

Приемы доказывания и убеждения могут показаться одинаковыми, учитывая, что **доказывание** по смыслу должно убедить слушающего в правоте высказывания говорящего, однако важно отметить, что **доказывание** подкреплено фактами, к которым обращается говорящий в процессе коммуникации, имеет четкую структуру высказывания. **Убеждение** в большинстве своем основывается на эмоциях и направлено на эмоции человека. Это обещания, которые могут быть голословными.

Итак, коммуникативная стратегия — это основа любого языкового взаимодействия людей, от которого во многом зависят взаимоотношения между ними, способ манипуляции мнением и чувствами окружающих. Для успешной коммуникации важно сохранять спокойствие и контроль над эмоциональным состоянием, своим и противника, даже если он выражает агрессию. Для этого важно не только правильно выбирать тактики речевой агрессии, но и грамотно применять приемы противостояния ей.

ИСТОЧНИКИ

1. URL: <https://www.politico.com/story/2016/09/full-transcript-first-2016-presidential-debate-228761> (date of access: 23.06.2024).
2. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/09/26/the-first-trump-clinton-presidential-debate-transcript-annotated/> (date of access: 30.05.2024)
3. URL: <http://edition.cnn.com/TRANSCRIPTS/1609/27/cnnt.02.html> (date of access: 30.05.2024).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Балахонская, Л. В. Речевая агрессия в политических блогах радиостанции «Эхо Москвы» / Л. В. Балахонская, И. А. Быков. — Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2018. — Т. 15. — № 3. — С. 492–506.
2. Барченкова, Я. В. Речевая агрессия как языковое явление, препятствующее процессу обучения / Я. В. Барченкова, Е. В. Шейко. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Т. 13. — № 5. — С. 122–125.
3. Борботько, В. Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике / В. Г. Борботько. — Изд. стереотип. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. — 286 с. — Текст : непосредственный.
4. Ван Дейк, Т. А. Язык, познание, коммуникация. — Б. : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — 308 с. — Текст : непосредственный.
5. Егорова, Э. Н. Речевая агрессия и стратегия дискредитации (на примере анализа газетных публикаций) / Э. Н. Егорова. — Текст : непосредственный // Язык и текст. — 2015. — Т. 2. — № 3. — С. 70–75.
6. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры / В. В. Дементьев. — Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2000. — 245 с. — Текст : непосредственный.
7. Дроздова, Д. Р. Феномен речевой агрессии как особый вид языкового манипулирования в академическом дискурсе / Д. Р. Дроздова. — Текст : непосредственный // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сб. ст. V Междунар. науч. конф. молодых ученых (12 февраля 2016 г.). — Екатеринбург : УрФУ, 2016. — С. 12–15.
8. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Изд. 8-е, испр. и доп. — Москва : Ленанд, 2017. — 308 с. — Текст : непосредственный.
9. Космодемьянская, В. И. Концептуальные основания, прагматические и лингвостилистические особенности прямых и непрямых реактивных реплик (на материале современных англоязычных диалогических дискурсов) : дис. ... канд. филол. наук / Космодемьянская В. И. — Санкт-Петербург, 2018. — 193 с. — Текст : непосредственный.
10. Кравченко, А. В. Что такое коммуникация? Очерк биокогнитивной философии языка / А. В. Кравченко. — Текст : непосредственный // Прямая и непрякая коммуникация / ред. В. В. Дементьев. — Саратов : Колледж, 2003. — С. 27–39.
11. Седов, К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. — Москва : Лабиринт, 2004. — 317 с. — Текст : непосредственный.
12. Стернин, И. А. Формирование речевой и коммуникативной культуры: проблема мотивации / И. А. Стернин. — Текст : непосредственный // Риторика и культура речи в современном научно-педагогическом процессе и общественно-коммуникативной практике : сборник материалов XXI Международн. науч. конф. по риторике, 1–3 февр. 2017 г. / отв. ред. В. И. Аннушкин. — Москва : [б. и.], 2017. — 584 с. — С. 445–449.
13. Формановская, Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. — Москва : Икар, 2007. — 480 с. — Текст : непосредственный.
14. Чернявская, В. Е. Речевое воздействие в политическом и рекламном дискурсе : учебник для магистратуры / В. Е. Чернявская, Е. Н. Молодыхенко. — Москва : Ленанд, 2017. — 160 с. — Текст : непосредственный.
15. Щербинина, Ю. В. Вербальная агрессия / Ю. В. Щербинина. — Москва : Издательство ЛКИ, 2008. — 360 с. — Текст : непосредственный.
16. Betteke, van Ruler. Communication Theory: An Underrated Pillar on Which Strategic Communication Rests // International Journal of Strategic Communication. — 2018. — № 12 (4). — P. 367–381.
17. Brown, P. Linguistic Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1994. — 345 p. — Text : unmediated.
18. Cowley, S. J. Distributed language / S. J. Cowley. — Text : unmediated // Distributed Language / ed. by S. J. Cowley. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2011. — P. 1–14.
19. Kellermann, K. Communication: Inherently strategic and primarily automatic / K. Kellermann. — Text : unmediated // Communication Monographs. — 1992. — Vol. 59. — P. 288–300.

MATERIALS

1. URL: <https://www.politico.com/story/2016/09/full-transcript-first-2016-presidential-debate-228761> (date of access: 23.06.2024).
2. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/09/26/the-first-trump-clinton-presidential-debate-transcript-annotated/> (date of access: 30.05.2024)
3. URL: <http://edition.cnn.com/TRANSCRIPTS/1609/27/cnnt.02.html> (date of access: 30.05.2024).

REFERENCES

1. Balakhonskaya, L.V., & Bykov, I.A. (2018). Rechevaya agressiya v politicheskikh blogakh radiostantsii «Ekho Moskvy» [Speech aggression in political blogs of the radio station “Echo of Moscow”]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*, 15(3), 492–506. (In Russ.)
2. Barchenkova, Ya.V., Sheyko, E.V. (2020). Rechevaya agressiya kak yazykovoe yavlenie, prepyatstvuyushchee protsessu obucheniya [Speech aggression as a linguistic phenomenon that impedes the learning process]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 13(5), 122–125. (In Russ.)
3. Borbot'ko, V.G. (2019). Printsipy formirovaniya diskursa: ot psikholingvistiki k lingvosinergetike [Principles of discourse formation: from psycholinguistics to linguistic synergetics]. (Ster. ed.). Moscow: Knizhnyy dom «LIBROKOM», 286 p. (In Russ.)
4. Van Deyk, T.A. (2000). *Yazyk, poznanie, kommunikatsiya* [Language, cognition, communication]. B.: BGK im. I. A. Boduena de Kurtene, 308 p. (In Russ.)
5. Egorova, E.N. (2015). Rechevaya agressiya i strategiya diskreditatsii (na primere analiza gazetnykh publikatsiy) [Speech aggression and discreditation strategy (based on the example of analysis of newspaper publications)]. *Yazyk i tekst*, 2(3), 70–75. (In Russ.)
6. Dement'ev, V.V. (2000). *Nepryamaya kommunikatsiya i ee zhanry* [Indirect communication and its genres]. Saratov: Izd-vo GosUNTs «Koledzh», 245 p. (In Russ.)
7. Drozdova, D.R. (2016). Fenomen rechevoy agressii kak osobyby vid yazykovogo manipulirovaniya v akademicheskom diskurse [The phenomenon of speech aggression as a special type of linguistic manipulation in academic discourse]. *Aktual'nye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka* (Papers from the V International scientific conf. of young scientists (February 12, 2016), pp. 12–15). Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ. (In Russ.)
8. Issers, O.S. (2017). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech] (8th ed., rev. and suppl.). Moscow: Lenand, 308 p. (In Russ.)
9. Kosmodem'yanskaya, V.I. (2018). *Kontseptual'nye osnovaniya, pragmaticheskie i lingvisticheskie osobennosti pryamykh i nepryamykh reaktivnykh replik (na materiale sovremennykh angloyazychnykh dialogicheskikh diskursov)* [Conceptual foundations, pragmatic and linguistic-stylistic features of direct and indirect reactive remarks (based on the material of modern English-language dialogic discourses)] [Dis. of Cand. of Philo. Sciences]. St. Petersburg, 193 p. (In Russ.)
10. Kravchenko, A.V. (2003). Chto takoe kommunikatsiya? Ocherk biokognitivnoy filosofii yazyka [What is communication? Essay on biocognitive philosophy of language]. In D.D. Dement'ev, *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya* (pp. 27–39). Saratov: Kolledzh. (In Russ.)
11. Sedov, K.F. (2004). *Diskurs i lichnost': evolyutsiya kommunikativnoy kompetentsii* [Discourse and personality: the evolution of communicative competence]. Moscow: Labirint, 317 p. (In Russ.)
12. Sternin, I.A. (2017). Formirovaniye rechevoy i kommunikativnoy kultury: problema motivatsii [Formation of speech and communication culture: the problem of motivation]. In V.I. Annushkin (Ed.), *Ritorika i kul'tura rechi v sovremennom nauchno-pedagogicheskom protsesse i obshchestvenno-kommunikativnoy praktike* (Collection of materials of the XXI International scientific conf. in Rhetoric, Feb. 1–3, 2017, pp. 445–449). Moscow, 584 p. (In Russ.)
13. Formanovskaaya, N.I. (2007). *Rechevoe vzaimodeystvie: kommunikatsiya i pragmatika* [Speech interaction: communication and pragmatics]. Moscow: Ikar, 480 p. (In Russ.)

14. Chernyavskaya, V.E., & Molodychenko, E.N. (2017). *Rechivoe vozdeystvie v politicheskom i reklamnom diskurse* [Speech influence in political and advertising discourse: a textbook for master's degree] [Textbook for master's degree students]. Moscow: Lenand, 160 p. (In Russ.)

15. Shcherbinina, Yu.V. (2008). *Verbal'naya agressiya* [Verbal aggression]. Moscow: Izdatel'stvo LKI, 360 p. (In Russ.)

16. Betteke, van Ruler (2018). Communication Theory: An Underrated Pillar on Which Strategic Communication Rests. *International Journal of Strategic Communication*, 12(4), 367–381.

17. Brown, P., & Levinson, S. (1994). *Linguistic Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 345 p.

18. Cowley, S.J. (2011). Distributed language. In S.J. Cowley (Ed.), *Distributed Language* (pp. 1–14). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.

19. Kellermann, K. (1992). Communication: Inherently strategic and primarily automatic. *Communication Monographs*, 59, 288–300.

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 81'27+81'42
ББК Ш105.51+Ш100.621+Ш100.63

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.8;5.9.6

Любовь Вячеславовна Коцюбинская^{1✉}, Елизавета Андреевна Марутина^{2✉}

^{1,2} Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Пушкин, Россия

¹ l.kocubinskaya@lengu.ru[✉], SPIN-код: 7443-8020

² elizavetamarutina2017@gmail.com[✉], SPIN-код: 8188-424

Феномен «культура отмены» в лингвофилософском осмыслении

АННОТАЦИЯ. Актуальность работы обусловлена широким распространением в современном мире культуры отмены. Культура отмены как новая, динамично развивающаяся реалия цифрового общества, фокусирует внимание различных научных дисциплин. Цель данной статьи — обосновать необходимость исследования феномена «культура отмены» с позиций лингвистической науки, определив основные направления таких исследований. В статье рассматривается объем и содержание понятия «культура отмены», выявляются его релевантные свойства, анализируется аксиологическая составляющая. Особый акцент делается на использовании культуры отмены как инструмента политической борьбы, ставится вопрос о соотношении понятий «культура отмены» и «отмена культуры», анализируются примеры «отмены культуры» в международной политической коммуникации. Лингвистический аспект проблемы включает в себя несколько составляющих. Ученым предстоит определить роль языка в культуре отмены, выявить специфику языковой среды феномена, проанализировать языковые средства и речевые стратегии, применяемые в коммуникации культуры отмены. Кроме того, в настоящее время понятие «культура отмены» проходит процесс концептуализации, привлечение данных когнитивной лингвистики позволит выявить особенности его концептуализации. Полученные результаты расширят представление о феномене, позволят разработать способы противодействия. В работе используются такие научные методы, как наблюдение, анализ и описание.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культура отмены, речевое воздействие, концепты, речевые стратегии, политический дискурс, политическая коммуникация, лингвистический аспект.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Коцюбинская Любовь Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и перевода, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; 196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10; email: l.kocubinskaya@lengu.ru.

Марутина Елизавета Андреевна, аспирант, кафедра лингвистики и перевода, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина; 196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10; email: elizavetamarutina2017@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Коцюбинская, Л. В. Феномен «культура отмены» в лингвофилософском осмыслении / Л. В. Коцюбинская, Е. А. Марутина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 190-196.

Lyubov' V. Kotsyubinskaya^{1✉}, Elizaveta A. Marutina^{2✉}

^{1,2} Pushkin Leningrad State University; Russia, Saint Petersburg, Pushkin

¹ l.kocubinskaya@lengu.ru[✉], SPIN code: 7443-8020

² elizavetamarutina2017@gmail.com[✉], SPIN code: 8188-424

The Phenomenon of “Cancel Culture” in Linguo-Philosophical Interpretation

ABSTRACT. The urgency of the work can be attributed to a wide spread of cancel culture in the modern world. Cancel culture, as a new, dynamically developing reality of digital society, focuses the attention of various scientific disciplines. The aim of this article is to substantiate the need to study the phenomenon of “cancel culture” from the perspective of linguistics, identifying the main areas of such research. The article examines the scope and content of the concept “cancel culture”, identifies its relevant properties, and analyzes its axiological component. Particular emphasis is placed on the use of cancel culture as a tool for political struggle. The study raises the question of the relationship between the concepts of “cancel culture” and “cancel of the culture” and analyzes the selected examples of using “cancel culture” in international political communication. The linguistic aspect of the problem includes several components. Scholars will have to determine the role of language in cancel culture, identify the specificity of the linguistic environment of the phenomenon, and analyze the linguistic means and speech strategies used in cancel culture communication. In addition, the concept of “cancel culture” is currently undergoing a process of conceptualization; the use of cognitive linguistics data will allow identifying the specific features of its conceptualization. The results obtained can expand the knowledge about the phenomenon and can make it possible to develop methods of its counteraction. The work employs such scientific methods as observation, analysis and description.

KEYWORDS: cancel culture, verbal impact, concepts, speech strategies, political discourse, political communication, linguistic aspect.

AUTHOR'S INFORMATION: Kotsyubinskaya Lyubov' Vyacheslavovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Linguistics and Translation Studies, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Pushkin, Russia.

Marutina Elizaveta Andreevna, Post-Graduate Student, Department of Linguistics and Translation Studies, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Pushkin, Russia.

FOR CITATION: Kotsyubinskaya L. V., Marutina E. A. (2024). The Phenomenon of "Cancel Culture" in Linguo-Philosophical Interpretation. In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 190-196. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Стремительное развитие общества, обусловленное научно-техническим прогрессом, приводит к возникновению новых реалий, одной из которых является «культура отмены» (англ. «Cancel Culture»). «Культура отмены» представляет собой сложный многоаспектный феномен, изучение которого идет в различных областях гуманитарного знания. В контексте историко-философских исследований ученые сосредотачиваются на понимании генезиса и истинного смысла культуры отмены [Костенко 2023], в рамках социологии — на выявлении механизмов и последствий социокультурного забвения, а также объяснении причин массового распространения явления [Мухлынкина 2022, Пеннер 2022, Артамонов 2022]. В фокусе политики находятся вопросы, связанные с использованием «культуры отмены» в борьбе за власть [Чугров 2022: 88].

Цель данной статьи — обосновать необходимость исследования феномена «культура отмены» с позиций лингвистической науки, определив основные направления таких исследований. В работе используются общенаучные методы: наблюдение, анализ и описание.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Междисциплинарность феномена «культура отмены» обуславливает разные подходы к его определению. Культура отмены трактуется как:

– «форма общественного бойкота, при котором человек или группа людей исключается из социальных и профессиональных кругов в качестве порицания действий или высказываний» [Кузнецов 2022: 40];

– «явление или практика публичного отказа, бойкота или прекращения поддержки, т. е. как „отмена“ определенных людей или групп из-за их социально или морально неприемлемых взглядов или действий» [Симхович 2022: 213];

– «совокупность общих взглядов и ценностей в определенном сегменте общества, которые приводят к публичному неприятию определенных людей или групп» [Симхович 2022: 213];

– «практика публичного отзыва поддержки публичных фигур, компаний и других соци-

альных лиц в ответ на действия, которые „отменяющая“ аудитория считает социально неприемлемыми по той или иной причине» [Шураева 2022: 251];

– «инструмент управления социально-политическим явлением, который можно использовать во внешнеполитических целях» [Рустамова 2023: 434].

В то же время «культура отмены» своими корнями восходит к англоязычному термину «cancel culture», имеющему следующие определения:

– «the practice or tendency of engaging in mass canceling as a way of expressing disapproval and exerting social pressure» (практика или тенденция публичного отказа от поддержки кого-либо как способ выражения неодобрения и оказания социального давления) [Merriam-Webster Dictionary];

– «a way of behaving in a society or group, especially on social media, in which it is common to completely reject and stop supporting someone because they have said or done something that offends you» (способ поведения в обществе или группе людей, особенно в социальных сетях, когда отвергают и прекращают поддерживать кого-либо из-за его слов и поступков, поскольку они оскорбительные) [Cambridge Dictionary].

Заметим, что глагол «to cancel» приобрел значение «to withdraw one's support for (someone, such as a celebrity, or something, such as a company) publicly and especially on social media» (отказаться публично от поддержки особенно в социальных сетях кого-либо (например, знаменитостей, или компаний)) в середине двухтысячных годов [Merriam-Webster Dictionary].

Однако сама практика «отмены», по утверждению специалистов, имеет давнюю историю [Рустамова 2023]. Высказывается мнение, что «культура отмены» является современной формой остракизма [там же]. Ритуал «отмены» был сродни отпущению грехов, изгнанию из общества всего чуждого. Многие религии и государственные институты изолировали человека от социума и лишали его гражданских прав. В качестве примера можно упомянуть средневековые теологические практики, связанные с обоснованием догматики, защитой христианского ве-

роучения и запретом определенных текстов, транслирующих иную точку зрения (в частности, придание анафеме в христианстве).

В современном понимании культура отмены тесно коррелирует с возникновением и развитием так называемой «новой этики» [Мухлынкина 2022]. Понятие «новая этика» обозначает социальные явления и практики, затрагивающие «ценностно-нормативные проблемы современного общества (права меньшинств, политическая корректность, культура отмены и др.) и ряд моральных дилемм (этническая и гендерная дискриминация, смена пола, справедливая война и др.), обсуждение и решение которых вызывает конфликты и столкновения» [Жадунцова 2023: 82].

Суть концепции «новой этики» заключается в обостренном внимании к любому насилию (от сексуального до вербального), чувствительности ко всякой дискриминации в разных сферах жизни (культурной, научной, спортивной и т. д.) [Мухлынкина 2022]. Однако фактически данная мировоззренческая установка предполагает игнорирование и отмену определенных событий и людей прошлого и настоящего, не укладывающихся в определенную идеологию, отрицание существования «иных» культур и, соответственно, иных точек зрения.

Сказанное выше позволяет заключить, что культура отмены представляет собой социальную практику, релевантными характеристиками которой являются: лишение поддержки, подтверждение осуждению, оказание давления (воздействия). Субъектами выступают отдельные люди и/или социальные группы. По замечанию В. А. Симхович, субъекты культуры отмены — это «акторы с высокими статусными позициями и значительной ресурсной базой, которые принадлежат к различным группам элиты — известные личности из сферы политики, искусства, шоу-бизнеса, масс-медиа и др.» [Симхович 2022: 213].

Культура отмены может осуществляться как в реальном, так и в виртуальном мире. Широкое распространение культура отмены приобретает в социальных сетях: *«this practice of "canceling" or mass shaming often occurs on social media platforms such as Twitter, Instagram, or Facebook»* («отмена» или массовое осуждение часто происходит в социальных сетях, например, в *Twitter, Instagram, or Facebook*) [Merriam-Webster Dictionary]. Наблюдения показывают, что культура отмены также реализуется в российской социальной сети *ВКонтакте*.

Использование социальных сетей в качестве каналов трансляции культуры отмены

обусловлено такими их свойствами, как: доступностью, глобальностью, интерактивностью, анонимностью пользователей. «В эпоху Интернета, доступности информации и непрерывного вещания СМИ, когда глобальная общественность моментально реагирует на социальные потрясения в любой точке земного шара», культура отмены становится массовым феноменом, захватывая разные страны мира [Рустамова 2023: 435].

Феномен «культура отмены» не получил однозначной оценки. Оценка, вслед за В. В. Квашиной, определяется как «социально устоявшееся и закреплённое в семантике языковых единиц положительное или отрицательное, эксплицитное или имплицитное отношение субъекта к объектам действительности, как компонент, который можно выделить в сложном взаимодействии субъекта оценки и ее объекта» [Квашина 2013: 183].

Анализ специальной зарубежной и отечественной литературы позволяет заключить, что все же превалирует негативная оценка [Линник 2022]. Н. Хомский утверждает, что «отмена» — это не что иное, как покушение на нарушение естественного права на свободу слова [Хомский 2016: 97]. Л. Ю. Шураева и А. Г. Коринец рассматривают «культуру отмены» как «дисфункциональный механизм социальной регуляции», одним из составляющих которого является «чрезмерная и эксплицитная агрессия, выраженная в форме социального клеймения и травли» [Шураева 2022: 248].

В настоящее время ярко прослеживается тенденция использования культуры отмены как средства политической борьбы. Это обусловлено в первую очередь воздействием потенциалом феномена — способностью влиять на сознание и поведение людей [Жукова 2023]. Культура отмены, по утверждению Л. В. Дериглазовой, выходит за пределы практики осуждения знаменитостей в социальных сетях, трансформируясь из социального факта в инструмент политики [Дериглазова 2023: 9]. Наглядным примером использования культуры отмены в политических целях служит инициированный Западом процесс «отмены России», проявляющийся главным образом в отмене российской культуры:

«„Нашу культуру вообще в последнее время пытаются отменять“, — напомнил Путин и добавил, что „по определению это невозможно“: в основе русской культуры „подлинная свобода и милосердие, любовь к человеку, духовность“» [ТАСС 17.11.2023].

Л. Р. Рустамова и Д. Г. Иванова замечают, что отмена культуры России выразилась

в отстранении страны от международных музыкальных конкурсов и кинофестивалей, разрыве сотрудничества с учреждениями и деятелями культуры, запрете русского языка и русских писателей, переименовании улиц, носящих имена известных русских (российских) деятелей культуры, разрушение памятников культуры [Рустамова 2023: 438–439].

Выскажем предположение, что еще одной формой проявления отмены культуры в политике является нарушение норм и этики политической коммуникации. В качестве примера обратимся к международному политико-дипломатическому дискурсу. Обращение к этому типу институционального общения не является случайным. Его выбор обусловлен в первую очередь спецификой коммуникации, основанной на соблюдении протокола, этики, международной вежливости, использовании таких языковых средств, которые способствовали бы выстраиванию конструктивного международного диалога.

Отмена культуры в обозначенном ракурсе выразилась в озвученных публично и растиражированных по всему миру оскорблениях президента РФ президентом США Джо Байденом:

- *«Biden was talking about the climate crisis on Wednesday when he said: “We have a crazy SOB like Putin and others, and we always have to worry about nuclear conflict, but the existential threat to humanity is climate.”» [CNN 22.02.24].*

- *«President Joe Biden on Saturday called Russian President Vladimir Putin a “butcher” after visiting with refugees in Warsaw, Poland, in an intense criticism of the Russian leader’s actions in Ukraine that have seen millions of refugees flee to neighboring countries» [CNN 26.03.22].*

- *Last week, Biden for the first time called Putin a “war criminal” and then later referred to him as a “murderous dictator” ...» [CNN 26.03.22].*

Использование пейоративная лексика («crazy SOB», «butcher»; «war criminal» «murderous dictator») по отношению к главе российского государства нацелено не только на демонизацию образа В. Путина, но и на «отмену» его как политического лидера, обладающего твердыми принципами и убеждениями, способного отстаивать интересы страны.

Важно заметить, что вопрос о соотношении понятий «культура отмены» и «отмена культуры» остается дискуссионным. Ученым еще только предстоит разработать их типологию. Вместе с тем, как уже замечалось, исследование феномена «культура отмены» требует междисциплинарных усилий. Сле-

дует заметить, что междисциплинарный подход — это общая тенденция современной науки. Его применение позволяет не только расширить представление об объекте исследования, но и меняет предмет наблюдения, его местонахождение в пространстве гуманитарного научного знания и границы интерпретации [Синельникова 2009: 42]. Что, безусловно, расширяет исследовательские горизонты, предоставляет инструментарий для более глубокого и всестороннего анализа изучаемого явления.

Лингвистический аспект проблемы охватывает широкий круг вопросов.

Кардинальные изменения в обществе, как замечает А. П. Чудинов утверждает, всегда вызывают крупные изменения в языке [Чудинов 2003: 22]. «Культура отмены» обусловливает появление в языковой картине мира, прежде всего на лексическом уровне, новых единиц (неологизмов), изучение которых вызывает особый интерес.

Кроме того, представляется важным исследовать языковые средства и речевые стратегии, которые используются в культуре отмены. Значимым кажется рассмотрение языка как действенного инструмента коммуникации культуры отмены, как основного средства подчинения [Кара-Мурза 2005: 84], как эффективного способа трансформации картины мира. Внушаемость посредством слова, по замечанию С. Г. Кара-Мурзы, является глубинное свойство психики, возникшее гораздо раньше, нежели способность к аналитическому мышлению [Кара-Мурза 2005: 84].

Задачей исследователя-лингвиста, по справедливому замечанию Е. Г. Борисовой, становится «инвентаризация языковых средств», обуславливающих воздействие на адресата, выявление систем и механизмов, стоящих за ним, а также моделирование воздействия» [Борисова 2011: 136]. Изучение обозначенных аспектов приобретает особую актуальность для разработки мер противодействия культуре отмены [Доброниченко 2023; Илларионова 2023].

В настоящее время понятие «культура отмены» проходит процесс концептуализации, использование потенциала когнитивной лингвистики позволит выявить особенности его концептуализации. Концепт как ментальная единица отражает «содержание результатов человеческой деятельности и познания мира» и представляет его в виде «квантов» знания» [Кубрякова 1996: 90]. Существуют разнообразные лингвистические модели, с помощью которых объясняется, как носитель языка понимает и классифицирует мир, например, теория фрейма, теория ког-

нитивной метафоры. В рамках когнитивного направления исследуются отдельные лексические единицы и связанные с ними концепты, лексико-семантические, тематические, терминологические группы и соответствующие концептуальные сферы [Базылев 2002: 7]. Именно поэтому лингвоконцептуальный анализ в качестве методологической базы исследования дает возможность наиболее полно описать и интерпретировать все грани такого многоаспектного феномена как «культура отмены».

Концепты имеют полевую организацию, включают чувственный образ, интерпретационное поле и информационное содержание, которое состоит из нескольких слоев, «ряд из которых может репрезентироваться отдельными лексемами или отдельными значениями тех или иных лексем» [Попова, Стернин 2005: 9]. Таким образом, лингвоконцептуальный анализ позволяет рассмотреть соотношение языка, мышления и коммуникации. При этом к нему добавляются лингвистические методы — дефинирование, контекстуальный и этимологический анализ. Е. С. Кубрякова определяет лингвоконцептуальный анализ как «поиск тех общих концептов, которые подведены под один знак и определяют бытие знака как известной когнитивной структуры» [Кубрякова 1996: 85].

Широкую известность получила семантико-когнитивная методика анализа концептов, сформировавшаяся в теоретико-лингвистической школе Воронежского университета. Ее авторы выделяют пять основных этапов методики: 1) построение номинативного поля концепта; 2) анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле концепта; 3) когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств — выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу; 4) верификация полученного когнитивного описания у носителей языка (данный этап факультативен); 5) описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков [Комарова 2012: 468-469].

Дальнейший анализ концепта предполагает движение в сферу когнитивно-семасиологических исследований (описание семантики языковых единиц с использованием когнитивных данных) либо лингвоконцептологических исследований (моделирование концепта как единицы сознания).

В рамках исследования также нужно учитывать, что концепт содержит три основных составляющих: понятийную, образную, ценностную. Понятийная составляющая вербализируется через прямую номинацию

и понятийные признаки. Образная актуализируется в речи с помощью метафорической номинации. Ценностная связана с понятийным и образным компонентами. Наиболее четко концептуальная теория метафоры сформулирована у Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон 2004]. Как показали исследования лингвистов, метафора является важным средством представления и осмысления действительности. Таким образом, исследование феномена «культура отмены» в лингвистическом ключе представляется оптимальным с позиций семантико-когнитивного подхода, предложенного З. Д. Поповой и И. А. Стерниным [Попова, Стернин 2007], и теории концептуальной метафоры, сформулированной американскими лингвистами Дж. Лакоффом и М. Джонсоном.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Культура отмены» является динамично развивающимся феноменом современного мира. «Культура отмены» интегрирует неоднозначные, многомерные и противоречивые вопросы общественного развития. Особенности культуры отмены заключается в том, что она может быть использована как инструмент политической борьбы и распространена не только на личность, но и на целые страны и культуры. Нередко ее целью является трансформация мировоззрения, которая реализуется в том числе с помощью различных лингвистических механизмов. Исследуя неоднозначную природу феномена культуры отмены в лингвистическом аспекте, ученые имеют возможность получить о нем более полное представление и разработать методы защиты от его потенциально негативного влияния на общество.

ИСТОЧНИКИ

1. Путин назвал антикультурной и расистской политику «отмены России» // ТАСС. — 17.11.2023. — URL: <https://tass.ru/politika/19314625> (дата обращения 01. 04. 2024). — Текст : электронный.
2. Biden calls Putin 'a butcher' after meeting with refugees in Poland // CNN. — 26.03.2022. — URL: <https://edition.cnn.com/2022/03/26/politics/joe-biden-vladimir-putin-butcher/index.html> (date of access: 01.04.2024). — Text : electronic.
3. Cambridge Dictionary. — URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (date of access: 01.04.2024). — Text : electronic.
4. Merriam-Webster Dictionary. — URL: <https://www.merriam-webster.com/> (date of access: 03. 04. 2024). — Text : electronic.
5. Urban Dictionary. — URL: <https://www.urbandictionary.com/> (date of access: 03.04.2024). — Text : electronic.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Артамонов, Д. С. Культура отмены в контексте концепции забвения признания А. Хоннета / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова. — Текст : непосредственный // XIV Международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы — 2022. К 100-летию „Философского парохода“»: материалы конференции (Санкт-Петербург, 17–19 ноября 2022 года). — Санкт-Петербург : Сборка, 2022. — С. 141–142.

2. Базылев, В. Н. Метод в когнитивной лингвистике? / В. Н. Базылев. — Текст : непосредственный // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 5 / под ред. В. А. Пищальниковой. — Москва : МГЭИ, 2002. — С. 6–12.
3. Володина, М. Н. Язык СМИ и информационно-языковая экология общества / М. Н. Володина. — Текст : непосредственный // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / под ред. М. Н. Володиной. — Москва : Академический проект, 2011. — 332 с. — Текст : непосредственный.
4. Дериглазова, Л. В. Культура отмены в политике и международных отношениях / Л. В. Дериглазова, А. М. Погорьельска. — Текст : непосредственный // Вестник МГИМО-Университета. — 2023. — 16 (4). — С. 7–33.
5. Доброниченко, Е. В. Синтаксические особенности проявления культуры отмены в заголовках современных электронных англоязычных СМИ / Е. В. Доброниченко. — Текст : непосредственный // Гуманитарные науки и вызовы нашего времени : сборник материалов V Всерос. (национальной) науч. конф. с междунар. участием (Санкт-Петербург, 09-10 марта 2023 года). — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2023. — С. 11–13.
6. Жадунова, Н. В. «Новая этика»: нормальное и аномальное / Н. В. Жадунова, А. А. Гришневая. — Текст : непосредственный // Социальные нормы и практики. — 2023. — № 2. — С. 81–93.
7. Жукова, Г. К. «Отмена культур» как элемент когнитивной войны: к предистории внутреннего конфликта / Г. К. Жукова. — Текст : непосредственный // Конфликтология. — 2023. — Т. 18, № 1. — С. 157–166.
8. Илларионова, О. В. «Культура отмены» как способ изолировать Россию от Западного мира / О. В. Илларионова, П. А. Рапицкая. — Текст : непосредственный // Проблема обеспечения национальной безопасности: Россия и Запад : сборник научных трудов по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. (для студентов, магистрантов, аспирантов), Тверь, 06 декабря 2022 года. — Тверь : Триада, 2023. — С. 156–160.
9. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. — Москва : Эксмо. — 2005. — 832 с. — Текст : непосредственный.
10. Квашина, В. В. Проблемы аксиологии в современном языкознании / В. В. Квашина. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2013. — № 2. — С. 181–189.
11. Комарова, З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике : учеб. пособие / З. И. Комарова. — Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2012. — 818 с. — Текст : непосредственный.
12. Костенко, О. В. Историко-философские предпосылки становления понятия «культура отмены» / О. В. Костенко. — Текст : непосредственный // Общество: философия, история, культура. — 2023. — № 5 (109). — С. 248–252.
13. Кубрякова, Е. С. Концепт / Е. С. Кубрякова. — Текст : непосредственный // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — Москва : Филол. факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. — 245 с.
14. Кузнецов, Г. Культура отмены: история и современность / Г. Кузнецов, М. Стушко. — Текст : непосредственный // Социодиггер. — 2022. — Т. 3, № 3–4 (17). — С. 40–44.
15. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ., под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с. — Текст : непосредственный.
16. Линник, А. А. Аксиологическая составляющая феномена «культура отмены» (Cancel Culture) / А. А. Линник. — Текст : электронный // Языковая картина мира. Ценностные смыслы : сборник материалов очно-заочной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина и 90-летию кафедры иностранных языков. — Краснодар : [б. и.], 2022. — С. 289–295. — URL: http://sj.epomen.ru/ojs-3.3.0-4/index.php/philological_sciences/article/view/345.
17. Мухлынкина, Ю. В. Культура отмены: истоки, проявления, влияние на общество / Ю. В. Мухлынкина, А. И. Иванов. — Текст : непосредственный // Позитив. Философские проблемы науки и техники. — 2022. — № 18. — С. 148–161.
18. Пеннер, Р. В. Культура отмены: теоретические основания / Р. В. Пеннер. — Текст : непосредственный // XIV Международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы — 2022. К 100-летию „Философского парохода“» : материалы конференции, Санкт-Петербург, 17–19 ноября 2022 года. — Санкт-Петербург : Сборка, 2022. — С. 161–165.
19. Попова, З. Д. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Текст : непосредственный // Антология концептов. Т. 1 / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — Волгоград : Парадигма, 2005. — С. 7–10.
20. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка. / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — 2-е изд., перераб. и доп. — Воронеж : Истоки, 2007. — 250 с. — Текст : непосредственный.
21. Рустамова, Л. Р. «Культура отмены» в отношении России и способы борьбы с ней / Л. Р. Рустамова, Д. Г. Иванова. — Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2023. — Т. 25. — № 2. — С. 434–444.
22. Симхович, В. А. Культура отмены как инструмент манипулирования общественным мнением / В. А. Симхович. — Текст : непосредственный // Современный социум: социология жизни (междисциплинарный профиль). — Минск : [б. и.], 2022. — С. 212–219.
23. Синельникова, Л. Н. Политическая лингвистика: координаты междисциплинарности / Л. Н. Синельникова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2009. — № 30. — С. 41–47.
24. Хомский, Н. Избранное / Н. Хомский; под ред. Э. Арноува, пер. С. Александровский, В. Глушаков. — Москва : Энциклопедия-ру, 2016. — 718 с. — Текст : непосредственный.
25. Чугров, С. В. Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни / С. В. Чугров. — Текст : непосредственный // Полис. Политические исследования. — 2022. — № 5. — С. 88–98.
26. Чудинов, А. П. Российская политическая лингвистика: этапы становления и ведущие направления / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2003. — № 1. — С. 17–29.
27. Шураева, Л. Ю. Социальный эффект «культуры отмены» в цифровом пространстве на примере поколений Y и Z / Л. Ю. Шураева, А. Г. Коринец. — Текст : непосредственный // Вестник университета. — 2022. — № 12. — С. 248–256.

MATERIALS

1. TASS (2023, Nov. 17). *Putin called the policy of “abolition of Russia” anti-cultural and racist*. Retrieved Jan. 4, 2024, from <https://tass.ru/politika/19314625>
2. CNN (2022, March 26). *Biden calls Putin ‘a butcher’ after meeting with refugees in Poland*. Retrieved Jan. 4, 2024, from <https://edition.cnn.com/2022/03/26/politics/joe-biden-vladimir-putin-butcher/index.html>
3. *Cambridge Dictionary* (n.d.). Retrieved Jan. 4, 2024, from <https://dictionary.cambridge.org/>
4. *Merriam-Webster Dictionary* (n.d.). Retrieved March 4, 2024, from <https://www.merriam-webster.com/>
5. *Urban Dictionary* (n.d.). Retrieved March 4, 2024, from <https://www.urbandictionary.com/>

REFERENCES

1. Artamonov, D.S., & Tikhonov, S.V. (2022). Cancel culture in the context of the concept of oblivion of recognition by A. Honneth. In *XIV International Conference “Theoretical and Applied Ethics: Traditions and Prospects — 2022. To the 100th Anniversary of the “Philosophical Steamship”* (Conference Proceedings, St. Petersburg, November 17–19, 2022, pp. 141–142). St. Petersburg: Sborka LLC. (In Russ.)
2. Bazylev, V.N. (2002). Method in cognitive linguistics? In V.A. Pishchalnikova (Ed.), *Linguistic existence of man and ethnic group: psycholinguistic and cognitive aspects* (Iss. 5, pp. 6–12). Moscow: MGEI. (In Russ.)
3. Volodina, M.N. (2011). Language of the media and information-linguistic ecology of society. In M.N. Volodina (Ed.), *Language and discourse of the media in the 21st century*. Moscow: Academic Project, 332 p. (In Russ.)

4. Deriglazova, L.V., & Pogorelsk, A.M. (2023). Cancel culture in politics and international relations. *Bulletin of MGIMO University*, 16(4), 7–33. (In Russ.)
5. Dobronichenko, E.V. (2023). Syntactic features of the manifestation of cancel culture in the headlines of modern electronic English-language media. In *Humanities and challenges of our time* (Collection of materials of the V All-Russian (national) scientific conference with international participation, St. Petersburg, March 09–10, 2023, pp. 11–13). St. Petersburg: St. Petersburg State Economic University. (In Russ.)
6. Zhadunova, N.V., & Grishneva, A.A. (2023). “New ethics”: normal and abnormal. *Social norms and practices*, 2, 81–93. (In Russ.)
7. Zhukova, G.K. (2023). “Cancel culture” as an element of cognitive warfare: towards the prehistory of internal conflict. *Conflictology*, 18(1), 157–166. (In Russ.)
8. Illarionova, O.V., & Rapitskaya, P.A. (2023). “Cancel culture” as a way to isolate Russia from the Western world. In *The problem of ensuring national security: Russia and the West* (Collection of scientific papers based on the materials of the VI International Scientific and Practical Conference (for students, undergraduates, graduate students), Tver, December 6, 2022, pp. 156–160). Tver: Triada Publishing House LLC. (In Russ.)
9. Kara-Murza, S.G. (2005). *Manipulation of consciousness*. Moscow: Eksmo, 832 p. (In Russ.)
10. Kvashina, V.V. (2013). Problems of axiology in modern linguistics. *Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University*, 2, 181–189. (In Russ.)
11. Komarova, Z.I. (2012). *Methodology, method, methodology and technology of scientific research in linguistics* [Textbook]. Ekaterinburg: UrFU Publishing House, 818 p. (In Russ.)
12. Kostenko, O.V. (2023). Historical and philosophical prerequisites for the formation of the concept of “cancel culture”. *Society: philosophy, history, culture*, 5(109), 248–252. (In Russ.)
13. Kubryakova, E.S. (1996). Concept. In E.S. Kubryakova (Ed.), *Brief dictionary of cognitive terms*. Moscow: Philol. Faculty of Moscow State University M.V. Lomonosova, 245 p. (In Russ.)
14. Kuznetsov, G., & Stupko, M. (2022). Cancel culture: history and modernity. *Sociodigger*, 3(3–4(17)), 40–44. (In Russ.)
15. Lakoff, J., & Johnson, M. (2004). *Metaphors by which we live* (transl. from English, ed. and with a preface. by A.N. Baranov). Moscow: Editorial URSS, 256 p. (In Russ.)
16. Linnik, A.A. (2022). Axiological component of the “cancel culture” phenomenon. In *Language picture of the world. Value meanings* (Collection of materials from an internal-correspondence scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin and the 90th anniversary of the Department of Foreign Languages, Krasnodar, pp. 289–295). Retrieved from http://sj.epomen.ru/ojs-3.3.0-4/index.php/philological_sciences/article/view/345 (In Russ.)
17. Mukhlynkina, Yu.V., & Ivanov, A.I. (2022). Cancel culture: origins, manifestations, impact on society. *Position. Philosophical problems of science and technology*, 18, 148–161. (In Russ.)
18. Penner, R.W. (2022). Cancel culture: theoretical foundations. In *XIV International Conference “Theoretical and Applied Ethics: Traditions and Prospects — 2022. To the 100th Anniversary of the “Philosophical Steamship”* (Conference Proceedings, St. Petersburg, November 17–19, 2022, pp. 161–165). St. Petersburg: Sborka LLC. (In Russ.)
19. Popova, Z.D., & Stermin, I.A. (2005). Main features of the semantic-cognitive approach to language. In V.I. Karasik, I.A. Stermin (Eds.), *Anthology of concepts* (Vol. 1, pp. 7–10). Volgograd: Paradigm. (In Russ.)
20. Popova, Z.D., & Stermin, I.A. (2007). *Semantic-cognitive analysis of language* (2nd ed., revised and expanded). Voronezh: Istoki Publishing House, 250 p. (In Russ.)
21. Rustamova, L.R., & Ivanova, D.G. (2023). “Cancel culture” in relation to Russia and ways to combat it. *Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Political science*, 25(2), 434–444. (In Russ.)
22. Simkhovich, V.A. (2022). Cancel culture as a tool for manipulating public opinion. In *Modern society: sociology of life (interdisciplinary profile)* (pp. 212–219). — Minsk. (In Russ.)
23. Sinelnikova, L.N. (2009). Political linguistics: coordinates of interdisciplinarity. *Political linguistics*, 30, 41–47. (In Russ.)
24. Chomsky, N. (2016). *Selected* (edited by E. Arnow., trans. S. Aleksandrovsky, V. Glushakov). Moscow: Encyclopedia-ru, 718 p. (In Russ.)
25. Chugrov, S.V. (2022). Cancel culture in world politics: historical and philosophical roots. In *Polis. Political studies*, 5, 88–98. (In Russ.)
26. Chudinov, A.P. (2003). Russian political linguistics: formation and development. *Vestnik VGU. Linguistics and Intercultural communication*, 1, 17–29. (In Russ.)
27. Shuraeva, L.Yu., & Korinets, A.G. (2022). Social effect of “cancel culture” in the digital space using the example of generations Y and Z. *University Bulletin*, 12, 248–256. (In Russ.)

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 81'42+81'38+327.56

ББК Ш100.621+Ш105.51+Ш105.55

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.8

Наталья Николаевна Кошкарлова^{1✉}, Юлия Вячеславовна Полякова^{2✉}

^{1,2} Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия

¹ nkoshka@rambler.ru ✉, SPIN-код: 3844-0536

² poliakovayv@susu.ru ✉

Метафорическая репрезентация палестино-израильского конфликта в официальном политическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. Современные средства массовой информации, политические акторы используют широкий спектр языковых и речевых средств для оказания влияния на целевую аудиторию. Одним из таких средств является метафора, которая выполняет функцию миромоделирования, манипуляции общественным сознанием, эмоционального воздействия на адресата. Спектр функций может быть расширен при использовании метафоры в официальном политическом дискурсе. Настоящее исследование посвящено изучению метафорической репрезентации палестино-израильского конфликта в официальном политическом дискурсе. Цель настоящего исследования — выявление и описание метафорических моделей, задействованных в репрезентации палестино-израильского конфликта в выступлениях политиков и политических деятелей. Материалом настоящего исследования являются выступления политиков с 7 октября 2023 г. по январь 2024 г., посвященные палестино-израильскому конфликту. В работе применяются следующие методы: когнитивно-дискурсивный метод, метод метафорического моделирования, метод сплошной выборки. Лингвистическое изучение общественно-политических феноменов требует их рассмотрения на фоне широкого экстралингвистического и исторического контекста. В работе дается экскурс в историю палестино-израильских отношений, описано состояние противостояния на сегодняшний день. Палестино-израильский конфликт в той или иной форме становится объектом лингвистических изысканий: рассматривались языковые реалии палестино-израильского конфликта, обобщались вопросы перевода арабских общественно-политических реалий, был дан критический анализ трансформации топонимов Иерусалима и окрестностей в 1940—1960-е годы как часть идеологии и политики и т. д. Однако средства метафорического моделирования палестино-израильского конфликта еще не входили в круг лингвистических изысканий. Палестино-израильский конфликт репрезентирован следующими метафорами: природная метафора, артефактная метафора, механистическая метафора, морбиальная метафора, игровая метафора. Все перечисленные метафоры описывают анализируемое явление как дискурсивную практику, то есть событие, помещенное в исторический и социальный контекст. В работе намечаются перспективы исследования, к которым относится анализ других языковых и речевых средств, используемых в официальном политическом дискурсе для описания палестино-израильского конфликта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, политический дискурс, когнитивная лингвистика, языковые единицы, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, политические метафоры, палестино-израильский конфликт, политическая коммуникация, акторы политического дискурса, политическая риторика, политические деятели, политические речи, речевая деятельность, речевые стратегии.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Кошкарлова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры «Международные отношения, политология и регионоведение», Институт лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76, ауд. 169; email: nkoshka@rambler.ru.

Полякова Юлия Вячеславовна, старший преподаватель, кафедра «Международные отношения, политология и регионоведение», Институт лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76, ауд. 169; email: poliakovayv@susu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кошкарлова, Н. Н. Метафорическая репрезентация палестино-израильского конфликта в официальном политическом дискурсе / Н. Н. Кошкарлова, Ю. В. Полякова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 197-204.

Natal'ya N. Koshkarova^{1✉}, Yuliya V. Polyakova^{2✉}

^{1,2} South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

¹ nkoshka@rambler.ru ✉, SPIN code: 3844-0536

² poliakovayv@susu.ru ✉

Metaphorical Representation of Palestine-Israel Conflict in Official Political Discourse

ABSTRACT. *Modern mass media and political actors employ a vast repertoire of speech and language means to influence the target audience. Metaphor is one of such means. It fulfills various functions of world modeling, public opinion manipulation, and emotional influence upon the addressee. This spectrum of functions can be broadened when metaphor is used in the official political discourse. The present study deals with the metaphorical representation of the Palestine-Israel conflict in the official political discourse. The aim of the study is to reveal and describe the metaphorical models which are employed in the representation of the conflict in the speeches of politicians. The practical research material selected for analysis comprises speeches of political leaders in which they discuss the Palestine-Israel conflict from October, 2023 up to January, 2024. The following methods are used in the study: the cognitive-discursive method, the method of metaphorical modeling, and the method of continuous sampling. A linguistic study of socio-political phenomena should be carried out against a broad historical and extra-linguistic context. The historical background of the Palestine-Israel conflict is described in the paper, and the modern state of the conflict is characterized. The Palestine-Israel conflict has been an object of linguistic investigation: scholars have turned their attention to the realities of the conflict, summarized the problems of translation of the Arabic socio-political realities, offered critical analyses of the transformation of the toponyms of the land of Israel as part of the 1940-1960s ideology and policy, etc. But the means of the metaphorical representation of the Palestine-Israel conflict have not yet become the object of linguistic exploration. The Palestine-Israel conflict is represented through the following metaphors: metaphor of nature, metaphor of artifact, metaphor of mechanism, metaphor of disease, and metaphor of game. These metaphors describe the event under analysis as a discursive practice, i.e. an event in its historical and social context. The article outlines prospective areas for further study of the problem, which include analysis of other speech and language means used in the official political discourse to describe the Palestine-Israel conflict.*

KEYWORDS: *journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, political discourse, cognitive linguistics, language units, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, political metaphors, Palestine-Israel conflict, political communication, actors of political discourse, political rhetoric, politicians, political speeches, speech, speech strategies.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Koshkarova Natal'ya Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor of Department of International Relations, Political Science and Regional Studies, Institute of Linguistics and Intercultural Communications, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia.*

Polyakova Yuliya Vyacheslavovna, Senior Lecturer of Department of International Relations, Political Science and Regional Studies, Institute of Linguistics and Intercultural Communications, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia.

FOR CITATION: *Koshkarova N. N., Polyakova Y. V. (2024). Metaphorical Representation of Palestine-Israel Conflict in Official Political Discourse. In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 197-204. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

В современных геополитических условиях и обстоятельствах важным представляется выбор того методологического ориентира, который является фундаментом теоретических изысканий и анализа эмпирического материала, посвященного той или иной актуальной проблеме. Наиболее востребованным представляется междисциплинарный ракурс, так как именно при таком подходе исследователь получает возможность расширить теоретические границы и взглянуть на объект своего исследования с позиций различных научных дисциплин. Понятие *официальный политический дискурс* в полной мере отвечает заявленным теоретико-методологическим основаниям, так как он отражает «политическую ситуацию, а его изучение дает более наглядную картину предпочтений в современном обществе, существенно дополняющую иные способы решения данной задачи» [Негров 2012: 94]. Официальный политический дискурс базируется на определенных аксиологических установках и ценностных приоритетах, представлен широким разнообразием жанров и жанровых форм, характеризуется наличием приемов для усиления воздействия на целевую аудиторию.

Одним из эффективных средств привлечения внимания читателя в дискурсе поли-

тиков является метафора, которая дает возможность в нетривиальной форме изложить позицию говорящего или пишущего, выразить его отношение к обсуждаемой проблеме, усилить перлокутивный эффект сообщения. При этом метафора в любом типе текста, особенно в политическом, выполняет несколько функций: 1) моделирующая, что особенно важно в контексте анализа метафоры как средства формирования картины мира посредством СМИ; 2) манипулятивная, так как метафора активно используется политиками, а политика — «это всегда борьба за власть, а в этой борьбе победителем обычно становится тот, кто лучше владеет коммуникативным оружием, кто способен создать в сознании адресата необходимую манипулятору картину мира» [Чудинов 2006: 13]; 3) эмоциональное воздействие, так как метафора образно представляет явления окружающей действительности, а метафорическая репрезентация может быть в свою очередь детерминирована языковыми, культурными и национальными особенностями коммуникантов.

В современной лингвистике принято выделять три подхода к анализу метафоры: структурно-семантический, прагматический и когнитивный [об этом см., например, Калинин 2022]. По мнению О. И. Калинина, «основой структурно-семантического подхода

к метафоре является акцент на отражающем метафору семантическом переносе, а сама метафора определяется как один из лексико-семантических вариантов многозначной лексической единицы» [Калинин 2022: 27]. Главной задачей изучения метафоры с точки зрения является «выявление принципов, которые позволяют порождать, понимать и интерпретировать метафорические проекции» [Там же: 35]. В когнитивной проекции метафора интерпретируется скорее как явление ментальное, а не языковое; метафора выступает как инструмент категоризации и концептуализации действительности; метафора может рассматриваться как способ передачи культурно-исторического опыта человечества [Там же]. Полагаем, что указанный перечень направлений изучения метафоры следует дополнить и(или) расширить еще одним — когнитивно-дискурсивным. На современном этапе развития лингвистического знания метафора интерпретируется не просто как взаимодействие двух или более ментальных структур, а этот перенос значения с одного объекта на другой осуществляется в соответствии с характеристиками того типа дискурса, в рамках которого возникает и функционирует метафора. Когнитивно-дискурсивное направление изучения метафоры постулирует тезис о том, что лингвистическое изучение метафоры всегда должно учитывать роль экстрадискурсивных и экстралингвистических факторов в выявлении и анализе интерпретативного потенциала метафоры. Сказанное будет верным об изучении метафоры при ее функционировании в рамках политического дискурса.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом настоящего исследования являются выступления политиков с 7 октября 2023 г. по январь 2024 г., посвященные палестино-израильскому конфликту. Выбранный материал определяет спектр методов, применяемых в ходе анализа: когнитивно-дискурсивный метод, метод метафорического моделирования, метод сплошной выборки. Объектом настоящего исследования является палестино-израильский конфликт. В качестве предмета выступают средства метафорической репрезентации противостояния Палестины и Израиля, используемые в официальном политическом дискурсе.

ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

На основе тезиса, положенного в основу когнитивно-дискурсивного подхода к изучению метафоры, о том, что лингвистика дол-

жна принимать во внимание экстрадискурсивный контекст возникновения и функционирования метафоры, предложим обзор начала, развертывания и современного положения дел в отношении палестино-израильского конфликта.

Палестино-израильский конфликт был и остается одним из самых острых противоречий в ближневосточном регионе. Корни противостояния арабов и евреев уходят в начало XX века, когда в 1917 г. Декларация британского премьера Артура Бальфура провозгласила намерение Лондона создать «национальный дом для еврейского народа» в Палестине, которая тогда находилась под властью Османской империи. Османская империя распалась в 1922 г., а двумя годами ранее на конференции в Сан-Ремо Лига Наций (которая затем трансформировалась в ООН) выдала Великобритании Мандат на управление Палестиной и Ираком, а Франция получила право управлять Сирией и Ливаном. Здесь необходимо сделать оговорку, что конференция в Сан-Ремо, как следует из изложенной выше информации, состоялась в 1920 г., а текст мандатных обязательств был утвержден лишь в 1922 г. (рис. 1). Мандат был официально одобрен правительствами 52 стран, входящих в Лигу Наций, и обязывал Великобританию создать в Палестине условия для безопасного образования еврейского национального дома. Однако эти решения на деле не были реализованы, так как страна, которая должна была обеспечить условия для создания национального очага еврейского народа, «не преследовала интересы формирования единого пространства для евреев и арабов на территории Палестины, она преследовала свои геополитические цели на Ближнем Востоке» [Григорян 2020: 236]. Глава британской администрации в Палестине носил титул верховного комиссара (наместника); этот пост в разное время вплоть до 1948 г. занимали Герберт Сэмюэл, лорд Плумер, сэр Джон Ченслер, Артур Уокоп, сэр Харолд Мак-Майкл, лорд Горт, сэр Элан Кеннингем.

Как же разворачивались события после того, как Великобритания получила мандат на управление Палестиной? В Палестину стало прибывать все больше еврейских переселенцев, что вызывало недовольство местных жителей и приводило к столкновению евреев и арабов. Причиной активизации иммиграции в Палестину послужили распад Российской, Германской, Австро-Венгерской империй. С середины 1920-х гг. арабо-еврейское противостояние приобрело вооруженный характер.

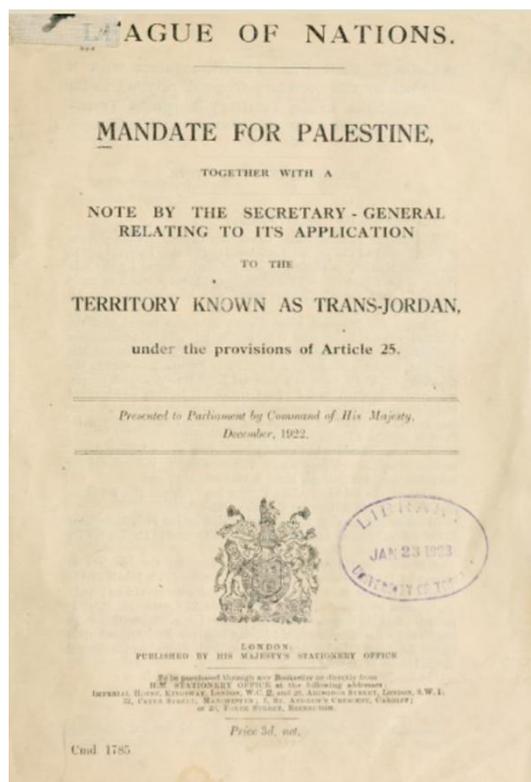

Рис. 1. Титульный лист меморандума о мандате Палестины и Трансиордании, представленного парламенту Великобритании в 1922 г. [100 лет назад URL]

В период с 1929 г. по 1933 г. в Палестине прошли выступления, призывающие прекратить иммиграцию евреев. Идейным вдохновителем мусульман, который призывал их к священной войне был муфтий Иерусалима Хадж Амин аль-Хусейни, значение личности которого «в истории Арабского Востока, роли в отношениях с Германией до сих пор не оценено в полной мере, не ясны многие факты его биографии, политической деятельности в военные годы» [Абу-Раба Кмаль 2011: 47]. Необходимо отметить, что политика Германии в отношении евреев (там в 1935 г. был принят ряд антисемитских законов) только усилила иммиграцию евреев в Палестину.

В. В. Иванов отмечает, что в конце 1936 г. — начале 1937 г. в Палестине работала Королевская следственная комиссия во главе с лордом Пилем, которая должна была провести «анализ ситуации» и выработать «рекомендации по урегулированию конфликта» [Иванов 2019: 14]. С целью сокращения количества еврейских беженцев, Великобритания в 1939 г. приняла решение, ограничивающее иммиграцию. Однако начавшаяся в том году Вторая мировая война только увеличила иммиграцию евреев в Палестину. Не будучи способной решить ситуацию исключительно своими силами, Великобритания в 1947 г. передала этот вопрос на рассмотрение в недавно созданную Организацию Объединенных Наций.

Рассмотрев различные варианты решения палестинского вопроса, ООН подтвердила, что а) палестинцы имеют право на самоопределение как гарантию ликвидации причин, дестабилизирующих ситуацию; б) британский мандат прекращает свое действие. Ключевым решением стало создание двух государств — еврейского и арабского — с особым статусом Иерусалима. Однако эта Резолюция ООН вызвала сопротивление палестинцев, что привело к первому ожесточенному конфликту между сторонами. Первая арабо-израильская война закончилась в 1949 г. победой Израиля, а территория Палестины была разделена на три части: Государство Израиль, Западный берег реки Иордан и сектор Газа. Такой итог войны повлек за собой изгнание палестинцев со своей земли, когда они были вынуждены укрываться в секторе Газа. Однако на практике арабское государство так и не было создано. Территории, которые ООН выделила для его создания, отошли сначала Египту и Иордании, а затем были отданы Израилю. В 1964 г. была создана «Организация Освобождения Палестины» (ООП), которую до 1988 г. считали террористической. В 1993 г. ООП и Израиль подписали декларацию принципов о временных мерах по палестинскому самоуправлению, а в 1995 г. были подписаны «Временные соглашения между палестинцами и Государством Израиль».

по Западному берегу реки Иордан и сектору Газа». Именно на основании этих документов в настоящее время и строятся отношения между палестинцами и израильтянами.

Переходный период должен был завершиться в 1999 году, однако в итоге конфликт так и не был урегулирован. А в начале 2000-х произошло очередное обострение конфликта, сопровождавшееся участвовавшими терактами против израильтян. Сектор Газа, который одновременно является анклавом и крупнейшим городом частично признанной Палестины, не находится под контролем Палестинской национальной администрации; там укрепилась власть исламистской организации ХАМАС. В последние годы ХАМАС и Израиль продолжают сражаться друг с другом, а самое крупнейшее столкновение за последние 50 лет произошло в октябре 2023 г. 7 октября 2023 г. палестинское движение ХАМАС объявило о начале операции против Израиля. Языковой репрезентации этого периода палестино-израильского конфликта в официальном политическом дискурсе посвящен следующий раздел настоящего исследования.

ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ: КАК ЯЗЫК ОТРАЖАЕТ И ФОРМИРУЕТ РЕАЛЬНОСТЬ

В современных геополитических реалиях язык не только отражает реальность, но и выступает действенным средством формирования информационной повестки дня. Сказанное будет верным и об объекте настоящего исследования. Рассмотрение важных мировых событий через призму языка представляется важным по нескольким причинам. Во-первых, любое событие, происходящее в стране и(или) за ее пределами, возможно трактовать как дискурсивную практику, то есть постоянно меняющиеся «коллективные ценности и установки — этические приоритеты, ритуалы, реакцию на окружающее» [Иссерс 2015: 65]. Во-вторых, политические события необходимо анализировать в том числе и прежде всего с когнитивной и социокогнитивной позиции, так как это предоставит возможность понять и объяснить социальные проблемы в междисциплинарном ракурсе [об этом см., например, Водак 2006]. В-третьих, язык неразрывно связан с культурой, историей и традициями того лингвокультурного сообщества, в рамках которого возникают и развиваются анализируемые события политического дискурса.

Необходимо отметить, что палестино-израильский конфликт в той или иной форме

становился объектом лингвистических исследований. Так, ученые рассматривали языковые реалии палестино-израильского конфликта [Николаичева 2019], обобщали вопросы перевода арабских общественно-политических реалий [Тюрева 2022], давали критический анализ трансформации топонимов Иерусалима и окрестностей в 1940—1960 годы как часть идеологии и политики [Занозиян 2022], выявляли имагологический образ палестинца в англоязычной художественной литературе, посвященной палестино-израильскому конфликту [Камалова 2017], описывали сценарии и приемы ведения информационной войны в зоне конфликта [Мухаммар 2018], представляли обзор палестино-израильского конфликта в аспекте лингвопрагматики и лингвоконцептологии [Бондаревская 2018]. Однако лингвисты пока не обращали свое внимание на средства метафорического моделирования палестино-израильского конфликта. Наиболее богатым материалом в этом отношении могут стать СМИ, которые остро реагируют на политические изменения в общества и дают возможность лингвисту изучать общественные события через призму лингвистики не постфактум, а в момент функционирования в конкретных геополитических условиях и обстоятельствах.

Одним из источников метафорической номинации палестино-израильского конфликта является природа, природные явления, которые могут проявлять себя разными способами, а последствия этих проявлений могут быть непредсказуемыми и иногда разрушительными. Так, на встрече с руководителями основных религиозных конфессий России 25 октября 2023 г. президент России В. В. Путин заявил: *Наша задача сегодня, главная задача — остановить кровопролитие и насилие. В противном случае дальнейшее разрастание кризиса чревато тяжелейшими и крайне опасными, разрушительными последствиями. Причем не только для региона Ближнего Востока. Это может выплеснуться далеко за границы Ближнего Востока*¹. В данном случае «водная» метафора используется для описания масштаба негативных последствий анализируемого конфликта не только для ближневосточного региона, но и для всего мира.

Природная метафора широко используется для репрезентации палестино-израильского конфликта в официальном политическом дискурсе. Вероятно, причину такого образного сравнения необходимо искать в географиче-

¹ Путин назвал главной задачей на Ближнем Востоке остановку кровопролития. URL: <https://tass.ru/politika/19115531> (дата обращения: 28.01.2024).

ском положении и климатических особенностях региона — территория расположена на юго-западе Азии, омывается Средиземным морем, одним из распространенных растений является вечнозеленый дуб. Отсюда — сравнение территории с прекрасным садом в комментарии представителя МИД России Марии Захаровой: *И так каждый раз. Исключительные наделают делов в «прекрасном саду», а «джунглям» мучиться от зловония и убирать за цивилизованными*¹. В данном случае метафора служит действенным механизмом представления концептуальной оппозиции политического дискурса «свои — чужие», когда действия США противоречат мировым усилиям по стабилизации обстановки в указанном регионе.

В проанализированном материале выделяется еще одна сфера метафор — артефактная метафора, в частности метафора огня, которая «крайне символична и является ключевой в отображении чувств человека, описании критических ситуаций и кульминации событий» [Иванова, Карыпкина 2023: 48]. Так, президент Беларуси А. Лукашенко в ходе сессии Совета Безопасности ООН заявил: *Хотя тезис генерального секретаря ООН Гутерриша, который назвал одной из причин насилия отсутствие прогресса в политическом урегулировании, заслуживает внимания и развития темы, больше беспокоит охватившее мир предчувствие глобальной катастрофы о том, что из искры регионального конфликта может разгореться пламя новой мировой войны*². В данном случае метафора огня, в некоторых случаях будучи положительно окрашенной, реализует обеспокоенность белорусского лидера общей ситуацией в регионе и негативными последствиями локального конфликта для всего мирового сообщества.

Палестино-израильский конфликт актуализируется и при помощи механистической метафоры, которая не теряет своей актуальности для описания событий мирового порядка, хотя этот тип метафоры был особенно популярен в советском политическом дискурсе [об этом Адясова 2015]. М. Захарова 27 декабря 2023 г. сказала: *К сожалению отмеча-*

*ем, что маховик вооруженной эскалации палестино-израильского конфликта не сбавляет обороты, гибнут ни в чем не повинные мирные люди, разрушается гражданская инфраструктура*³. Если обычно механистическая метафора эксплуатируется актерами политического и других типов дискурса для описания бесперебойного действия какого-то общественного института, то в данном случае этот тип метафорического словоупотребления имеет своей целью передать усиление напряженности в регионе, усугубление и без того бедственного положения людей, накопление конфликтного потенциала.

Такое положение дел безусловно может быть описанием при помощи еще одного типа метафоры — морбиальной, которая особенно активизируется в периоды кризиса и (или) какие-то социальных потрясений, а «модель морбиальной метафоры обнаруживается как когнитивный коррелят той политической ситуации, наблюдателем которой он является» [Галеева et al. 2016: 93]. Во время своего выступления на заседании Совета Безопасности ООН по ситуации на Ближнем Востоке, включая палестинский вопрос, министр иностранных дел РФ С. Лавров заявил: *Неспособность нашего Совета к принятию исчерпывающих мер приводит к тому, что нынешнее обострение конфликта в Палестине дало метастазы по всему региону*⁴. Далее дипломат продолжил: *Хочу подчеркнуть: СБ ООН по-прежнему должен выполнять свой мандат и призвать к прекращению огня. Иначе нет никакой гарантии, что боевые действия не возобновятся с новой силой. А в отсутствие такой гарантии, равно как и безоговорочного выполнения решений ООН о создании палестинского государства, все разговоры про «завтрашний день» не только преждевременны, но и беспредметны. И это прекрасно понимают потенциальные доноры, которые могли бы вложиться в будущее восстановление Газы* [Там же]. Сравнение палестино-израильского конфликта с последствиями ужасной болезни дает основание предполагать, что ситуация имеет серьезные последствия как для региона, так и для всего мира.

¹ Захарова рассказала, к чему приведут действия США в Израиле. URL: <https://ria.ru/20231013/zakharova-1902406715.html> (дата обращения: 28.01.2024).

² Лукашенко: из искры конфликты на Ближнем Востоке может разгореться пламя мировой войны. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19364801> (дата обращения: 28.01.2024).

³ Захарова заявила, что маховик эскалации вокруг Газы не сбавляет обороты. URL: <https://tass.ru/politika/19636963> (дата обращения: 28.01.2024).

⁴ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова в ходе заседания Совета Безопасности ООН по ситуации на Ближнем Востоке, включая палестинский вопрос, Нью-Йорк, 23 января 2024 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1927568/ (дата обращения: 28.01.2024).

В этот конфликт вовлечены не только Палестина и Израиль, но и соседи, например, Египет, что подчеркнула секретарь Объединенной компартии, историк, депутат Госдумы II созыва Дарья Митина: *Больше никакие КПП (контрольно-пропускные пункты — Н. К., Ю. П.) не работают, только КПП на границе с Синаем. Поэтому Египет внезапно оказался ключевым игроком в палестино-израильской схватке*¹. Игровая метафора, задействованная в данном случае, еще раз подчеркивает мысль о том, что политика — это игра. Игры могут различаться по своему виду, цели, аксиологической составляющей, количеству игроков.

Но для анализируемого феномена константной метафорой будет название самих участников описываемых действия — квартет по ближневосточному урегулированию («ближневосточный квартет»), куда входят Россия, Европейский Союз, Организация Объединенных Наций, Соединенные Штаты Америки. Сегодня ученые и аналитики называют несколько причин низкой результативности «квартета», среди которых неоднозначные мотивы его создания, неравномерное распределение функций внутри «квартета», отсутствие необходимого уровня нейтралитета его участников [об этом см., например, Мельникова 2021]. Об этом же на саммите СНГ в октябре 2023 заявил В. В. Путин: *Однoboкая линия американцев на протяжении многих лет заводи́ла ситуацию все дальше в тупик. «Ближневосточный квартет» международных посредников не использовался. Под надуманными предложениями США, фактически, заблокировали этот формат, который был уникальным и, кстати говоря, имел мандат, одобренный соответствующей резолюцией ООН*². О необходимости возобновления работы квартета говорили и в Министерстве иностранных дел России, что могло бы урегулировать кризис и перезапустить прямые палестино-израильские переговоры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный в настоящем исследовании анализ метафорической репрезентации палестино-израильского конфликта в официальном политическом дискурсе подчеркивает необходимость лингвистического рассмотрения резонансных общественных событий и явлений на фоне широкого экстралингвистического и исторического контекста. Особенно важным это представляется в отношении

анализируемого противостояния, которое имеет долгую историю и не всегда корректно интерпретируется специалистами и обывателями. Метафора широко используется акторами официального политического дискурса, так как позволяет соотнести обсуждаемые события с уже знакомыми адресату образами. Палестино-израильский конфликт репрезентирован следующими метафорами: природная метафора, артефактная метафора, механистическая метафора, морбиальная метафора, игровая метафора, что позволяет сделать вывод о том, что не только средства массовой информации, но и сами политики в последнее время очень изобретательны в плане выбора языковых и речевых средств воздействия на целевую аудиторию. К возможным перспективам исследования мы относим анализ других средств, используемых в официальном политическом дискурсе для описания палестино-израильского конфликта, например, фразеологизмы, идиомы, прецедентные феномены и т. д. Все это позволит расширить теорию и практику изучения и описания политического дискурса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абу-Раба, Камаль. Муфтий Иерусалима Мухаммад Амин аль-Хусейни и арабо-германские отношения накануне и в годы Второй мировой войны: источник и историография проблемы / Камаль Абу-Раба. — Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. — 2011. — Сер. 13. — Вып. 3. — С. 47–51.
2. Адясова, Л. Е. Советский Союз в зеркале концептуальной метафоры в современном российском медиадискурсе / Л. Е. Адясова. — Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. — 2015. — № 2 (2). — С. 334–338.
3. Бондаревская, М. А. Методы и формы исследования в журналистике / М. А. Бондаревская, В. В. Антропова. — Текст : непосредственный // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2018. — № 4 (30). — С. 137–143.
4. Водак, Р. Взаимосвязь «дискурс — общество»: когнитивный подход к критическому дискурсу-анализу / Р. Водак. — Текст : непосредственный // Современная политическая лингвистика. — Екатеринбург : [б. и.], 2006. — С. 123–136.
5. Галеева, Т. И. Морбиальная метафора как способ осмысления концепта «Терроризм» в политическом дискурсе / Т. И. Галеева, С. Х. Кахиахмедова, С. Н. Богатырева. — Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. — 2016. — Т. 26. — Вып. 3. — С. 93–101.
6. Григорян, Д. К. Палестино-израильский конфликт в ретроспективе: роль мировых элит в процессе мирного урегулирования / Д. К. Григорян, Е. Н. Кондратенко, Т. К. Фарапонова, И. Г. Веренич. — Текст : непосредственный // Власть. — 2020. — № 4. — С. 235–240.
7. Занозина, А. В. Трансформация топонимов Иерусалима и его окрестностей в 1940–1960 годы / А. В. Занозина. — Текст : непосредственный // Христианство на Ближнем Востоке. — 2022. — Т. 6. — № 4. — С. 58–84.
8. Иванов, В. В. Ближневосточный конфликт во второй половине XX в. Военно-политические аспекты : учеб. посо-

¹ Дарья Митина: Египет оказался ключевым игроком в палестино-израильском конфликте. URL: <https://www.pravda.ru/world/1931684-egipet/> (дата обращения: 28.01.2024).

² Путин напомнил, что США заблокировали работу «ближневосточного квартета». URL: <https://www.interfax.ru/russia/925698> (дата обращения: 28.01.2024).

бие / В. В. Иванов. — Комсомольск-на-Амуре ; Саратов : Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет : Ай Пи Ар Медиа, 2019. — 159 с. — URL: <https://www.iprbookshop.ru/85890.html> (дата обращения: 20.01.2024). — Текст : электронный.

9. Иванова, И. Е. Политическая метафора в английском и французском языках: сравнительно-сопоставительный анализ / И. Е. Иванова, Ю. Н. Карыпкина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 4 (100). — С. 42–50.

10. Иссерс, О. С. Дискурсивные практики нашего времени / О. С. Иссерс. — Москва : ЛЕНАНД, 2015. — 272 с. — Текст : непосредственный.

11. Камалова, С. Д. Имагологический образ палестинца в палестинско-израильском конфликте / С. Д. Камалова. — Текст : непосредственный // Литературоведение и лингвокультурология. — 2017. — № 4 (12). — С. 92–100.

12. Калинин, О. И. Функциональный потенциал метафоры в дискурсе : дис. ... д-ра филол. наук / Калинин О. И. — Москва, 2022. — 480 с. — Текст : непосредственный.

13. Мельникова, С. В. «Ближневосточный квартет»: общая неэффективность по итогам двадцатилетия и перспективы возобновления работы / С. В. Мельникова. — Текст : непосредственный // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. — 2021. — Т. 21. — № 2. — С. 36–44.

14. Муаммар, М. И. Сценарии и приемы ведения информационной войны в зоне конфликта / М. И. Муаммар. — Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2018. — № 2. — С. 116–118.

15. Негров, Е. О. Специфика организации официального политического дискурса в России: интенционализация, адресация и эффективность / Е. О. Негров. — Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. — 2012. — Сер. 6. — Вып. 1. — С. 92–97.

16. Николаичева, Т. Е. Языковые реалии арабо-израильского конфликта / Т. Е. Николаичева. — Текст : непосредственный // Восточный альманах. — 2019. — С. 138–146.

17. Тюрева, Л. С. Проблема перевода реалий общественно-политического дискурса арабского языка / Л. С. Тюрева. — Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2022. — Вып. 10 (865). — С. 91–97.

18. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 256 с. — Текст : непосредственный.

19. 100 лет назад: Лига Наций утвердила Палестинский мандат. — URL: <https://www.wsws.org/ru/articles/2022/07/23/twh4-j23.html> (дата обращения: 19.01.2024). — Текст : электронный.

REFERENCES

1. Abu-Rabia Kamal' (2011). Muftij Jerusalima Muhammad Amin al'-Husejni i arabo-germanskie otnoshenija nakanune i v gody Vtoroj mirovoj vojny: istochnik i istoriografija problemy [Mufti of Jerusalem Muhammad Amin al-Husseini and Arab-German Relations on the Eve and during the Second World War: source and historiography of the problem]. *Vestnik Sankt Peterburgskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta*, 13(3), 47–51. (In Russ.)

2. Adjasova, L.E. (2015). Sovetskij Sojuz v zerkale konceptual'noj metafory v sovremennom rossijskom mediadiskurse [Soviet Union in the Mirror of a Conceptual Metaphor in the Modern Russian Media Discourse]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2(2), 334–338. (In Russ.)

3. Bondarevskaja, M.A., & Antropova, V.V. (2018). Metody i formy issledovaniya v zhurnalistike [Methods and Forms of Research in Journalism]. *Znak: problemnoe pole media obrazovaniya*, 4(30), 137–143. (In Russ.)

4. Vodak, R. (2006). Vzaimosvjaz' «diskurs — obshhestvo»: kognitivnyj podhod k kriticheskomu diskursu-analizu [Discourse—Society Relationship: a Cognitive Approach to Critical Discourse

Analysis]. In *Sovremennaja političeskaja lingvistika* (pp. 123–136). Ekaterinburg. (In Russ.)

5. Galeeva, T.I., Kahiahmedova, S.H., & Bogatyreva, S.N. (2016). Morbial'naja metafora kak sposob osmyslenija koncepta «Terrorizm» v političeskom diskurse [Morbial Metaphor as a Way of Understanding the Concept of “Terrorism” in Political Discourse]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta, Istorija i filologija*, 26(3), 93–101. (In Russ.)

6. Grigorjan, D.K., Kondratenko, E.N., Faraponova, T.K., & Verenich, I.G. (2020). Palestino-izrail'skij konflikt v retrospektive: rol' mirovyh jelit v processe mirnogo uregulirovaniya [The Palestinian-Israeli Conflict in Retrospect: the Role of World Elites in the Peace Process]. *Vlast'*, 4, 235–240. (In Russ.)

7. Zanozina, A.V. (2022). Transformacija toponimov Jerusalima i ego okrestnostej v 1940–1960 gody [Transformation of Toponyms of Jerusalem and its Environs in the 1940s and 1960s]. *Hristianstvo na Blizhnem Vostoke*, 6(4), 58–84. (In Russ.)

8. Ivanov, V.V. (2019). *Blizhnnevostochnyj konflikt vo vtoroj polovine XX v. Voенно-politicheskie aspekty* [Middle East Conflict in the Second Half of the 20th Century]. Komsomol'sk-na-Amure, Saratov: Amurskij gumanitarno-pedagogičeskij gosudarstvennyj universitet, Aj Pi Ar Media, 159 p. Retrieved Jan. 20, 2024, from <https://www.iprbookshop.ru/85890.html> (In Russ.)

9. Ivanova, I.E., & Karypkina, Ju.N. (2023). Političeskaja metafora v anglijskom i francuzskom jazykah: sravnitel'no-sopostavitel'nyj analiz [Political Metaphor in English and French: Comparative Analysis]. *Političeskaja lingvistika*, 4(100), 42–50. (In Russ.)

10. Issers, O.S. (2015). *Diskursivnye praktiki našego vremeni* [Discursive Practices of Our Time]. Moscow: LENAND, 272 p. (In Russ.)

11. Kamalova, S.D. (2017). Imagologičeskij obraz palestince v palestino-izrail'skom konflicte [Imagological Image of a Palestinian in the Palestinian-Israeli Conflict]. *Literaturovedenie i lingvokulturologija*, 4(12), 92–100. (In Russ.)

12. Kalinin, O.I. (2022). *Funkcional'nyj potencial metafory v diskurse* [Functional Potential of Metaphor in Discourse] [Abstract of diss. doct. philol. sci.]. Moscow, 460 p. (In Russ.)

13. Mel'nikova, S.V. (2021). «Blizhnnevostochnyj kvartet»: obshhaja nejeffektivnost' po itogam dvadcatiletija i perspektivy vozobnovlenija raboty [Middle East Quartet: General Inefficiency Following the Results of the Twentieth Anniversary and Prospects for Resuming Work]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossijskogo Slavjanskogo universiteta*, 21(2), 36–44. (In Russ.)

14. Muammar, M.I. (2018). Scenarii i priemy vedenija informacionnoj vojny v zone konflikta [Scenarios and Techniques for Conducting Information Warfare in the Conflict Zone]. *Vestnik Voronežskogo gosudarstvennogo universiteta, Filologija, Zhurnalistika*, 2, 116–118. (In Russ.)

15. Negrov, E.O. (2012). Specifika organizacii oficial'nogo političeskogo diskursa v Rossii: intencionalizacija, adresacija i jeffektivnost' [Specifics in Organization of Official Political Discourse in Russia: intentionalization, addressing and efficiency]. *Vestnik Sankt Peterburgskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta*, 6(1), 92–97. (In Russ.)

16. Nikolaicheva, T.E. (2019). Jazykovye realii arabo-izrail'skogo konflikta [Linguistic Realities of the Arab-Israeli Conflict]. In *Vostochnyj al'manah* (pp. 138–146). (In Russ.)

17. Tjureva, L.S. (2022). Problema perevoda realij obshhestvenno-političeskogo diskursa arabskogo jazyka [Problem of Translating the Realities of the Socio-Political Discourse of the Arabic Language]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvističeskogo universiteta, Gumanitarnye nauki*, 10(865), 91–97. (In Russ.)

18. Chudinov, A.P. (2006). *Političeskaja lingvistika* [Political Linguistics]. Moscow: Flinta, Nauka, 256 p. (In Russ.)

19. 100 let nazad: Liga Nacij utverдила Palestinskij mandate [100 years ago: League of Nations Approved the Palestine Mandate]. Retrieved Jan. 19, 2024, from <https://www.wsws.org/ru/articles/2022/07/23/twh4-j23.html> (In Russ.)

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
 Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+81'27
 ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.9

Кирилл Николаевич Кузьмин

Академия медиаиндустрии (ИПК работников ТВ и РВ), Москва, Россия, kirill.kuzmin.1998@gmail.com, SPIN-код: 8015-7899, <https://orcid.org/0009-0006-9302-5881>

Сравнение коммуникационных инструментов в сети Интернет в рамках предвыборной кампании на примере кандидата в президенты РФ, председателя Либерально-демократической партии России (ЛДПР) Леонида Эдуардовича Слуцкого

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматриваются коммуникационные инструменты в сети Интернет для продвижения политического бренда в рамках предвыборной деятельности — предвыборный сайт и телеграм-канал. Анализ данных инструментов происходит на примере предвыборной деятельности кандидата в президенты Российской Федерации в 2024 году, председателя Либерально-демократической партии России (ЛДПР) Леонида Эдуардовича Слуцкого. Автор сравнивает данные площадки в сети Интернет с точки зрения использования визуальных и текстовых инструментов для продвижения политического бренда. Хронологической рамкой исследования телеграм-канала будет являться период коммуникационной активности Леонида Слуцкого в официальном телеграм-канале и в рамках предвыборного сайта с 9 января 2024 года до 21 марта 2024 года. В результате автор приходит к выводу, что данные площадки различаются по времени создания, охвату материалов, количеству подписчиков и по коммуникационным задачам, которые призваны решить деятельность в предвыборном сайте и телеграм-канале. Первый был создан на период проведения предвыборной кампании политика, а второй — в 2018 году, вследствие чего наряду с блоком, посвященным предвыборной деятельности политика, затрагиваются темы внешней политики. Также в рамках исследования было выявлено дублирование визуальных материалов, вследствие чего были сделаны выводы о визуальной стратегии политика, и проанализированы различия в текстовых материалах — новостях на предвыборном сайте и постах в телеграм-канале.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политический бренд, предвыборные кампании, коммуникационные инструменты, выборы президента, политическая коммуникация, Интернет, интернет-пространство, интернет-коммуникация, интернет-технологии, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-ресурсы, языковые средства, социальные сети, интернет-сайты, предвыборные сайты, образ политического лидера, визуальный образ бренда, политические деятели, политические тексты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Кузьмин Кирилл Николаевич, аспирант ФГБОУ ДПО «Академия медиаиндустрии», младший специалист отдела корпоративных отношений Mars Incorporated; 127521, Россия, Москва, ул. Октябрьская, дом 105 корпус 2.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кузьмин, К. Н. Сравнение коммуникационных инструментов в сети Интернет в рамках предвыборной кампании на примере кандидата в президенты РФ, председателя Либерально-демократической партии России (ЛДПР) Леонида Эдуардовича Слуцкого / К. Н. Кузьмин. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 205-217.

Kirill N. Kuz'min

Academy of the Media Industry (Advanced Training Courses for TV and Radio Broadcast Workers), Moscow, Russia, kirill.kuzmin.1998@gmail.com, SPIN code: 8015-7899, <https://orcid.org/0009-0006-9302-5881>

Comparison of Communication Tools on the Internet During Election Campaign by the Example of the Russian Presidential Candidate, Chairman of the Liberal Democratic Party of Russia (LDPR) Leonid Slutsky

ABSTRACT. This article discusses communication tools on the Internet to promote a political brand within the framework of election campaign — an election website and a Telegram channel. The analysis of these tools is based on the example of the pre-election activity of the presidential candidate of the Russian Federation in 2024, Chairman of the Liberal Democratic Party of Russia (LDPR) Leonid Eduardovich Slutsky. The author compares these sites on the Internet in terms of using visual and textual tools to promote a political brand. The chronological framework of the Telegram Channel study is made up by the period of Slutsky's communication activity on the official Telegram channel and within the framework of the election website from January 9, 2024 — March 21, 2024. As a result, the author concludes that these platforms differ in terms of creation time, coverage of materials, number of subscribers and communication tasks that are designed to carry out activity on the election website and Telegram channel. The first one was created for the period of the politician's election campaign, and the second one — in 2018, as a result, along with the block devoted to the politician's election activity, foreign policy topics are touched upon. The study also revealed duplication of visual materials, as a result of which conclusions

© Кузьмин К. Н., 2024

were drawn about the visual strategy of the politician, and differences in text materials were analyzed — news on the election website and posts on the Telegram channel.

KEYWORDS: *political discourse, political brand, election campaigns, communication tools, presidential election, political communication, Internet, Internet space, Internet communication, Internet technologies, Internet discourse, Internet texts, Internet resources, language means, social networks, Internet sites, election websites, image of a political leader, visual image of a brand, politicians, political texts.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kuz'min Kirill Nikolaevich, Post-Graduate Student at the Academy of the Media Industry (Advanced Training Courses for TV and Radio Broadcast Workers), Moscow, Russia, junior specialist in the Corporate Affairs of Mars Incorporated; Russia, Moscow.*

FOR CITATION: *Kuz'min K. N. (2024). Comparison of Communication Tools on the Internet During Election Campaign by the Example of the Russian Presidential Candidate, Chairman of the Liberal Democratic Party of Russia (LDPR) Leonid Slutsky. In Political Linguistics. No 4 (106), pp. 205-217. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях конструирование образа политического лидера происходит с помощью разных инструментов в рамках коммуникационной деятельности, в том числе в пространстве сети Интернет. Образ политика является стереотипным построением в сознании аудитории. То есть данная деятельность формирует «стандартизированный и устойчивый образ, позволяющий получить обобщенное» понимание о функционировании политического бренда [Казанцев 2008: 14].

Интернет — «это международная сеть электросвязи общего пользования, предназначенная для обмена машиночитаемыми сообщениями (данными), то есть сведениями об окружающем мире, его объектах, процессах и явлениях, объективированных в форме, позволяющей провести их непосредственную машинную обработку» [Петровский 2003: 18]. Сейчас пользователи Интернета существуют в фазе Web 2.0, в рамках которой пользователь не только пассивно потребляет информацию, но активно участвует в ее дописании и дополнении, а также и распространении и продвижении. Он стал одной из площадок, на которой разворачивается коммуникационная деятельность для достижения целей позиционирования бренда — политическая сфера при этом не является исключением.

В рамках предвыборной кампании роль играет политический бренд, который конструировался в течение определенного времени, имеет опыт позиционирования и использования коммуникационных инструментов и «символизирует властные структуры политического актора; позитивные репутационные характеристики актора; обещание благ; надежды, мечты, идеалы; социальные запросы и потребности публики» [Русакова 2007: 85].

Рассматривая предвыборные кампании политических лидеров на пост президента Российской Федерации в 2024 году, мы можем отметить, что предвыборная деятельность каждого политика разворачивалась в пространстве сети Интернет как одним из

инструментов коммуникационной деятельности. Веб-ресурсы, задействованные при этом, мы можем разделить на два формата — официальный сайт в сети Интернет и социальное медиа. При этом сайт является пространством в сети Интернет, одной или несколькими веб-страницами, связанными между собой одной общей темой, общей версткой с определенным контентным наполнением — текстовыми и визуальными материалами, с различными рубриками, созданным с определенной целью — информационной, позиционной, маркетинговой и др. «Веб-сайты называются так, потому что доступ к ним происходит по протоколу HTTP» [Воройский 2006: 432]. В свою очередь, социальные (новые) медиа являются виртуальными сетевыми площадками, функционирующими в рамках веб-страницы либо в мобильном приложении, для создания аккаунта пользователя с дальнейшим распространением информации.

Пользование веб-сайтом мы можем сравнить с использованием книги — исключение составляют лишь те веб-сайты, у которых включены уведомления для пользователей. Когда у пользователя возникает потребность ознакомиться с определенной информацией, он берет книгу с полки и находит необходимую для него информацию, далее он ставит книгу обратно на полку. Так же происходит с веб-сайтом, который пользователь открывает, когда ему необходимо получить определенную информацию. Мобильные приложения, в отличие от веб-сайта, действуют по двум моделям взаимодействия с пользователем — удерживают на себе фокус внимания максимально продолжительное время посредством различных приемов или периодически напоминают пользователю о своем существовании и убеждают его снова открыть приложения для совершения определенных действий через уведомления. Соответственно и стратегии продвижения в мобильных приложениях и веб-сайтах отличаются.

Новые медиа могут использоваться и в мобильном приложении, и на веб-сайте для

распространения информации — текстовой, визуальной, аудиальной, а также для получения данной информации от других пользователей, как правило, с возможностью прямой коммуникации пользователей между собой и с функцией получения оперативной обратной связи благодаря возможности комментирования.

В выборах президента Российской Федерации участвовали 4 кандидата, каждый из которых использовал один либо несколько данных ресурсов. Так, Владимир Владимирович Путин — официальное интернет-представительство [Kremlin.ru](https://kremlin.ru), паблик ВКонтакте (https://vk.com/kremlin_news), а также русскоязычную и англоязычную версии телеграм-каналов (https://t.me/news_kremlin_eng; https://t.me/news_kremlin). Владислав Андреевич Даванков — предвыборный сайт <https://davankov2024.ru/>, официальный аккаунт во ВКонтакте <https://vk.com/vladdavankov> и официальный телеграм-канал <https://t.me/davankov>.

Николай Михайлович Харитонов для проведения предвыборной кампании на пост президента Российской Федерации в 2024 году создал телеграм-канал <https://t.me/haritonovkprf>. Кроме того, его предвыборная деятельность освещалась на официальных ресурсах Коммунистической партии РФ (КПРФ).

Леонид Эдуардович Слуцкий — так же, как и кандидаты В. В. Путин и В. А. Даванков и в отличие от Н. М. Харитонova, развивал собственные ресурсы в сети Интернет до участия в предвыборной кампании. Так, Леонид Слуцкий имел официальный сайт <https://slutsky.ru/>, на котором транслировалась политическая и иная деятельность политического лидера, а также профили в отечественных социальных медиа — аккаунт во ВКонтакте https://vk.com/leonid_slutsky и телеграм-канал https://t.me/slutsky_l. Кроме того, для проведения избирательной кампании Леонида Слуцкого был создан предвыборный сайт <https://слуцкий2024.рф/>, служащий целям предвыборной кампании политика (<https://tass.ru/politika/19750351>).

В данной статье мы сравниваем коммуникационные инструменты в сети Интернет в рамках проведения предвыборной кампании на примере кандидата в президенты РФ, председателя Либерально-демократической партии России (ЛДПР) Леонида Эдуардовича Слуцкого — создание предвыборного сайта и ведение официального телеграм-канала для реализации целей предвыборной кампании.

В качестве примера предвыборного сайта мы анализируем ресурс <https://слуцкий2024.рф/>, так как данный сайт, как мы отме-

тили ранее, в отличие от официального веб-ресурса <https://slutsky.ru/>, создан намеренно для проведения предвыборной кампании, в то время как второй, помимо целей предвыборной кампании, задействует иную политическую активность председателя ЛДПР, например, в рамках рубрики «Прямая речь» наравне с предвыборной деятельностью публикуются материалы о внешней политике.

Как пример реализации коммуникационной стратегии в предвыборной деятельности в новых медиа мы исследуем официальный телеграм-канал политического лидера https://t.me/slutsky_l, так как иные профили в социальных медиа — ВКонтакте, Яндекс.Дзен, Одноклассники, дублируют контент канала в Телеграм. Тем самым, используя наименование «телеграм-канал», можем отметить, что в настоящем исследовании контент в социальных медиа, противопоставляемый личному сайту политика, включает в себя все вышеперечисленные аккаунты в социальных медиа по причине дублирования контента в каждом из них.

СРАВНЕНИЕ ТЕХНИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛА И ПРЕДВЫБОРНОГО САЙТА ЛЕОНИДА СЛУЦКОГО

Кандидат в президенты РФ в 2024 году Леонид Слуцкий развивает четыре социальных медиа, которые мы перечислили ранее. Во ВКонтакте профиль политика имеет 10 500 подписчиков на период 16 мая 2024 года, в Одноклассниках — 776 подписчиков на период 16 мая 2024 года, в Телеграм — 210 894 на период 16 мая 2024 года, а в Яндекс.Дзен — 26 тысяч подписчиков на период 16 мая 2024 года.

Хронологической рамкой исследования телеграм-канала будет являться период коммуникационной активности Леонида Слуцкого в официальном телеграм-канале и в рамках предвыборного сайта с 9 января 2024 года — 21 марта 2024 года. Это связано с тем, что данная хронологическая рамка была принята нами при исследовании коммуникационной деятельности в социальных медиа кандидата в президенты РФ в 2024 году от КПРФ Николая Харитонova. В связи с этим, для дальнейшего актуального сравнения коммуникационной деятельности кандидатов в президенты в социальных медиа мы берем за основу хронологическую рамку, принятую ранее с опорой на время создания аккаунта и завершение предвыборной кампании Николаем Харитоновым.

Телеграм-канал «СЛУЦКИЙ», рассматриваемый нами, был создан 16 апреля 2018 года, а первые материалы появились в нем

27 апреля 2018 года. При этом, на 7 апреля 2024 года канал имеет 210 894 подписчика, просмотров материалов — в среднем, от 80 тысяч до 110 тысяч. Однако просмотры некоторых статей на наиболее актуальные темы, в том числе связанные с внешней политикой, могут доходить, в среднем, до 330—370 тысяч, т. е. превышать количество подписчиков канала.

Ежемесячная посещаемость предвыборного сайта политического лидера <https://слуцкий2024.pф/> согласно платформе для мониторинга и самостоятельного продвижения сайта PR-CY, а именно — SEO-инструменту «Проверка посещаемости» (анализ посещаемости и источников трафика) в разделе «Аналитика и мониторинг» в апреле составила 6 тысяч пользователей (~193 в день), просмотры — 7 600 пользователей. Другие характеристики 18 апреля 2024 года были зафиксированы на следующих значениях: показатель отказов, а именно (Bounce Rate) — количество пользователей, которые покинули сайт, обычно потому что не заинтересовались ресурсом, составляет 9%, что является достаточно низким значением данного негативного показателя. Время на сайте / длительность визита — среднее время, которое посетители проводят на сайте в минутах составляет 0,15, а глубина просмотра, показатель количества страниц, просмотренных пользователем в течение одного сеанса, — 9.

Отметим, что в апреле официальный предвыборный сайт политического лидера ждало серьезное падение охвата вследствие завершения выборов президента Российской Федерации — месяцем ранее, в марте 2024 года, сайт <https://слуцкий2024.pф/> ежемесячно насчитывал 83 900 посетителей.

Тем не менее количество посетителей предвыборного сайта почти в три раза меньше количества подписчиков телеграм-канала политика, однако соответствует просмотрам его материалов в рассматриваемом телеграм-канале. В связи с этим, мы можем сделать вывод о том, что основная часть целевой аудитории Леонида Слуцкого, в том числе тех, кто выражает заинтересованность сайтом Леонида Слуцкого, напрямую является фолловерами (подписчиками) его телеграм-канала. «Целевая аудитория — группа людей, которая выявлена по каким-то признакам и на которую нацелены месседжи и манипулятивные технологии. Месседж — это ядро коммуникации, форма значимой информации, которая, как правило, в завуалированной форме преподносится коммуникатором (источником информации) целевой аудитории» [Красовская 2019: 114].

С точки зрения охватов мы можем отметить, что предвыборный сайт Леонида Слуцкого получил широкий охват, так как количество посетителей предвыборного сайта в марте 2024 года, когда проходили выборы президента Российской Федерации, соответствовало просмотрам постов в официальном телеграм-канале политика, учитывая, что политический лидер развивает канал в социальном медиа на протяжении 6 лет, а предвыборный сайт был создан и продвигался в сжатые сроки.

ИССЛЕДОВАНИЕ САЙТА ЛЕОНИДА СЛУЦКОГО

Согласно футеру (подвалу сайта) — таким образом называется «книжная часть страницы» [Ганчарик 2020: 44] предвыборного сайта политика, он был создан 15 января 2024 года. Как правило, «внизу (веб-сайта) располагаются адрес, контакты организации, номер горячей линии» [Ганчарик 2020: 47]. В данном разделе в предвыборном сайте Л. Слуцкого мы видим, что изготовитель сайта — ООО «Дэмис инновационные решения». Предвыборный сайт Леонида Слуцкого является одностраничным сайтом, то есть ресурсом, «состоящим из одной страницы, емко и понятно раскрывающей одну определенную тему, говорящую о товаре, услуге, явлении, человеке» [Жеребин 2016: 69]. Это характерно для сайтов, создаваемых для реализации непродолжительных во времени и конечных проектов, имеющих конкретную цель. Подобным проектом, с точки зрения также и коммуникационной поддержки, мы можем назвать и предвыборную деятельность политического лидера. Отметим, что основной сайт председатель партии ЛДПР <https://lslutsky.ru/>, несмотря на то, что имеет схожую структуру с предвыборным сайтом <https://слуцкий2024.pф/>, технически является многостраничным сайтом, имеющим дальнейший потенциал к расширению структуры в рамках коммуникационных целей по конструированию образа политического лидера.

Страница предвыборного сайта Леонида Слуцкого состоит из семи разделов, один из которых на момент анализа данного сайта (28.04.2024) заблокирован в связи с окончанием проекта опроса граждан. Среди разделов — «Биография», «Всероссийский опрос» (на данный момент не функционирует), «Новости», «Материалы для СМИ», «Контакты» и «*». Раздел с предвыборной программой не выделен отдельно в «шапке» одностраничного сайта, он располагается после раздела «Биография», а последние два раздела в структуре сайта объединены в футере (подвале) сайта.

В хедере (шапке сайта) — «верхней части страницы сайта» [Чистова 2021: 32], мы видим разделы сайта, а также предвыборный баннер политического лидера, который актуален также для распространения на билбордах, листовках, флаерах, растяжках, рекламных роликах и в других материалах в рамках политической рекламы, которая «призвана устанавливать контакт между носителями власти или претендентами на места во властных структурах и основной массой населения» [Подгорная 2006: 96]. Таким образом, баннер в хедере сайта служит общим целям предвыборного сайта, а именно — политической рекламы, отражающей «суть политической платформы определенных политических сил (в нашем случае кандидата в президенты РФ в 2024 году Леонида Слуцкого как представителя партии ЛДПР), настраивает избирателей на их поддержку, формирует и внедряет в массовое сознание определенное представление о характере этих политических сил, создает желаемую психологическую установку на голосование» [Подгорная 2006: 96].

Наряду с именем кандидата на баннере указан лозунг президентской кампании — «Дело Жириновского живёт!», давший название и предвыборной программе политической партии «ЛДПР — Либерально-демократической партии России» на выборах Президента Российской Федерации <https://ldpr.ru/party>. Лозунг «как особый тип текста характеризуется принципиальной полифункциональностью, обусловленной взаимодействием трех векторов политической коммуникации» [Лемешко 2021: 412–413]. Речь идет о трех функциях лозунгов, выделенных доктором филологических наук Е. И. Шейгал — ориентационной, то есть идентификации аудитории по шкале «свой — чужой — чуждый»; интегрирующей — объединяющей аудиторию около некоей идеи политика либо партии; агональной — противопоставляющей аудиторию группе, цели которой не соответствуют верным, с точки зрения первой [Шейгал 2000].

Рис. 1

Также на визуале мы видим ячейку, символизирующую графу в избирательном бюллетене, с галочкой, аллегорически призывающей отдать свой голос за кандидата в президенты России на выборах. Отметим, что подобный прием в рассматриваемых нами предвыборных кампаниях на пост президента Российской Федерации в 2024 году мы можем видеть лишь в агитационных материалах кандидата от Коммунистической партии РФ Николая Харитонов. Однако в визуальных материалах Николая Харитонина галочка является частью написания имени, а именно — диакритического знака бреве (кратки). При этом знак ячейки, символизирующий графу в избирательном бюллетене, отсутствует в материалах Николая Харитонина.

«Одни считают, что любой знак — это только один знак (в виде „галочки“), а не слово либо сочетание цифр с буквами и т. д.» [Шапиев 2016: 51], и при этом галочка является наиболее распространенным символом в коммуникационных материалах, который обозначает голос «в пользу» кандидата на выборах.

В пользу знака ячейки-графы на баннере Леонида Слуцкого, который отсутствует в материалах Николая Харитонина, можем отметить, что данная отметка является верной на действительном избирательном бюллетене. «Только галочка, поставленная в определенное время на определенной бумаге, выданной и заполненной в определенном месте, брошенной в определенный ящик, становится „голосом“» [Мельникова 2012: 76].

После хедера сайта Л. Э. Слуцкого мы переходим в раздел «Биография», который состоит из общей биографической информации. Нажав на кнопку сайта, которая является одним из элементов интерфейса, посетитель сайта может прочесть более расширенную биографическую информацию, состоящую из политической, дипломатической, общественной, преподавательской деятельности, а также благотворительных проектов, в которых участвует политик.

Рис. 2

ЛЕОНИД ЭДУАРДОВИЧ

СЛУЦКИЙ

Родился 4 января 1968 года в Москве.

Место жительства – город Москва.

Выдвинут Политической партией ЛДПР – Либерально-демократической партией России.

Образование высшее профессиональное. В 1996 году окончил Московский экономико-статистический институт.

Председатель Политической партии ЛДПР – Либерально-демократической партии России с мая 2022 года. Руководитель Высшего Совета ЛДПР.

ПОДРОБНАЯ БИОГРАФИЯ

Рис. 3

При этом визуально текстовая информация с библиографическими данными располагается с левой стороны веб-страницы. Заголовок библиографического материала с именем политика «ЛЕОНИД ЭДУАРДОВИЧ СЛУЦКИЙ» неверно выстроен с точки зрения визуальной-композиционных средств. Текст заголовка написан строчными буквами, выровнен по левому краю и характеризуется широким межстрочным интервалом.

Для более актуальной позиции мы могли бы рекомендовать сократить межстрочный интервал, как минимум между отчеством и фамилией, и выровнять заголовок «по центру». Несмотря на то, что предвыборный текст в шапке веб-страницы и в центральном расположении лозунга «ЛДПР важен каждый! Присоединяйся» в разделе «Биография» располагаются по левому краю, что может свидетельствовать о приеме в рамках визуальной концепции, которой придерживается политик, и необходимости другие заголовки, являющиеся сильной позицией текстовых материалов, также располагать по левому краю, в других разделах веб-сайта мы видим, что заголовки традиционно располагаются «по центру». Таким образом, мы наблюдаем либо не до конца развитую общую визуальную концепцию вербальных средств в рамках предвыборных материалов, либо отсутствие данной концепции.

Справа располагается галерея визуальных материалов политического лидера (в динамической карусели), которая представлена шестью изображениями. Можем отметить, что сюжеты данных визуальных материалов олицетворяют систему ценностей как

ядро социокультурного слоя. А «система ценностей, лежащая в основе менталитета и мотивации, определяет принадлежность к той или иной цивилизации, побуждает к действиям в защиту своей системы ценностей» [Каландия 2019: 47].

Мы видим, что в данном блоке выбрано шесть изображений для отображения принадлежности к фундаментальным ценностям: история страны и героизм русского народа (иллюстрация на фоне Спасской башни Московского Кремля), общественная и социальная деятельность (на сцене Колонного зала в Доме союзов), государственность (на фоне государственного герба), символ земли и крестьянского труда (на фоне убранных поля), общности с народом (участие в акции «Бессмертный полк» на Манежной площади), вовлеченность в религиозные отправления (в церкви у иконы Богородицы (Оранта)).

По центру блока «Биография» располагается второй лозунг политической партии ЛДПР: «ЛДПР важен каждый! Присоединяйся». Похожий лозунг распространялся на других ресурсах — «ЛДПР важен каждый голос!» (<https://t.me/ldprinfo/232677>; https://vk.com/wall-191888557_6152?w=wall-191888557_6152). Он был приурочен к Всероссийскому опросу партии «Скажи Слуцкому правду!», информация о котором не осталась на предвыборном сайте Леонида Слуцкого после его проведения, помимо соответствующей рубрики в хедере сайта.

Наличие рубрики в шапке предвыборного сайта, которая на данный момент не актуальна для политического лидера и не ведет

пользователя сайта в соответствующий раздел, может служить негативным фактором, указывающим на то, что подрядчик политического лидера, проводящий технические работы на данной площадке, не уделяет соответствующего внимания деталям, которые могут служить пазлом при конструировании образа политического лидера в глазах потенциальных избирателей.

Говоря о данном лозунге, можем отметить, что он остался на одностороннем сайте после завершения опроса ЛДПР, что может свидетельствовать о недостаточной проработке визуального наполнения сайта после его создания либо по завершении проекта избирательной кампании. Однако мы склоняемся к тому, что данный лозунг был внешне связан с проводимым Всероссийским опросом, однако имел несколько значений в рамках предвыборной кампании на пост Президента Российской Федерации в 2024 году. Так, с одной стороны, мы наблюдаем внешний семантический компонент данного лозунга. «Семантический» мы используем в данном случае как синоним слова «смысловой», «без обращения к смыслу не может рассматриваться семантика таких речевых единиц, как предложение и текст» [Новиков 2007: 35]. Он свидетельствует о том, что представители партии желают узнать больше о проблемах граждан страны в разных регионах посредством опроса. Поэтому «ЛДПР важен каждый (голос)!»), чтобы представители партии смогли провести глубокую аналитику запросов граждан и тем, волнующих их на данный момент, для дальнейшей работы по улучшению жизни населения страны. Однако с другой стороны, в контексте избирательной кампании партии «ЛДПР важен каждый!», кто отдаст свой голос на выборах президента РФ в пользу ее кандидата.

Ранее в рамках материалов по результатам выборов в Государственную думу Российской Федерации в 2021 году представители партии ЛДПР использовали похожие словосочетания: «Для нас важен каждый голос, каждый избиратель»¹. Таким образом, мы подтверждаем наш вывод, что в данном лозунге содержится семантический компонент, свидетельствующий о том, что для

партии важен именно голос избирателя за его кандидата. В связи с этим, мы можем провести параллель с заявлениями кандидата на выборах президента Российской Федерации в 2024 году В. В. Путина, который на правах Президента страны на предыдущем сроке заявил о ценности каждого голоса на выборах и призвал всех граждан страны отдать свой голос за кандидата, которого они поддерживают — «...прошу вас прийти на выборы и выразить свою гражданскую и патриотическую позицию, проголосовать за выбранного вами своего кандидата, за успешное будущее нашей любимой России»².

В обращении к гражданам уже по итогам выборов В. В. Путин также заявил о значении каждого проголосовавшего гражданина страны, вне зависимости от того, за какого кандидата избиратель отдал свой голос. «Главное, вы доказали, что с уважением относитесь к своему гражданскому долгу, цените свободу выбора и свой голос, а каждый ваш голос, повторю, имел огромное значение»³.

Что касается похожего лозунга ЛДПР, то можем отметить, что если на выборах в Государственную думу в 2021 году он звучит более обезличенно, вследствие чего более выигрышно для партии, так как местоимение «нас» мы могли бы рассматривать не только как указание на представителей партии, но и граждан страны в целом — «Для нас важен каждый голос, каждый избиратель», то лозунг «ЛДПР важен каждый! Присоединяйся» является более конкретным, читателю становится понятно, для кого («нас», то есть представителей ЛДПР) важен каждый голос.

После раздела «Биография» мы видим расширенный раздел с предвыборной программой, который представлен в удобном, визуально проработанном формате. Информация в этом разделе систематизирована в «шапке» и трех подразделах с разными визуальными направлениями.

Далее в композиции лендинга можно ознакомиться с планом поездок кандидата в президенты Российской Федерации, который на данный момент реализован. Всего за период с 5 января по 1 марта Леонид Слуцкий совершил 17 поездок в регионы России.

¹ <https://volgograd.ldpr.ru/event/136750>

² <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73650>

³ <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/73692>

В КАКОЙ РОССИИ МЫ ЖИВЁМ?

Специальная военная операция, которая длится уже два года, все еще не завершена. Огромный подвиг наших ребят, которые покинули дома и выбрали не комфорт в удобном офисе, а холодные окопы и ежесекундный риск для жизни ради защиты Родины и близких, все еще не увенчан Победой.

ДАЛЕЕ →

● ○ ○ ○ ○ ○ ○ ○

ВСЕ ГОВОРЯТ О ТОМ, ЧТО БУДЕТ В БУДУЩЕМ

Со всех сторон рассуждают о том, как расцветет Россия в будущем, но никто не думает, как изменить ее сегодня. Мы хотим жить достойно и благополучно уже сейчас, а не в туманной перспективе. Что вообще нужно сделать для того, чтобы к этому будущему прийти? В сложной геополитической обстановке, когда вчерашние псевдопатриоты стали настоящими предателями Родины, а страны Запада всеми силами стараются посеять раздор внутри России?

ДАЛЕЕ →

● ○

ЗНАЕМ ЧТО И КАК ДЕЛАТЬ

Наш подход опирается на великое наследие безусловного авторитета — Владимира Вольфовича Жириновского. Он одним из первых начал борьбу за новую Россию в конце 1980-х, вместе с партией добивался реальных изменений в жизни, а не на бумаге.

ДАЛЕЕ →

● ○ ○ ○

Рис. 4

ПРАВДА В ТОМ, ЧТО

<h3>РУССКИЕ НУЖНЫ ВСЕМУ МИРУ</h3> <p>Россия всегда мир защищала. Была заступником мира перед любым агрессором, который пытался этот мир «прогнуть» под себя. В пыли истории остались Монгольская империя, Швеция</p> <p>Читать подробнее</p>	<h3>ТРУД ЛЮДЕЙ НУЖНО УВАЖАТЬ</h3> <p>Только труд создает благо каждого народа. И ничто, кроме труда! Нас пытались и пытаются обмануть, говорят, что блага создает капитал. Но на самом деле первичен труд человека. Именно труд позволил</p> <p>Читать подробнее</p>	<h3>БЕЗ НАУКИ НАМ СМЕРТЬ</h3> <p>Россия всегда была богата талантами и всегда входила в число тех стран, которые были первыми в науке. Государство Российское развивало науку, поддерживало ее. Прежде всего, потому что наука</p> <p>Читать подробнее</p>
<h3>СИЛЬНЫЕ ДОЛЖНЫ ПОМОГАТЬ</h3> <p>Мир, который держится на кураже от богатства и несправедливости — обречён. Все революции и войны начинались тогда, когда кто-то, говоря по правде, перешел черту. Успешные, состоявшиеся люди всегда</p>	<h3>РОССИЯ — БОЛЬШЕ ЧЕМ МОСКВА!</h3> <p>Россия — это страна, где на сегодняшний день многое зависит от того, где ты родился и живешь. Если повезло родиться в столице, то и пособия выше, и медицинская помощь более высокого качества, а в регионах</p>	<h3>ПРАВДА НУЖНА ВСЕМ</h3> <p>Правда — это необходимость, на которую рассчитывают наши жители и в отношении внутренней политики, и в отношении внешней. Она нужна во всех сферах жизнедеятельности, это фундамент, на</p>

Рис. 5

СЛОВОМ И ДЕЛОМ

ЛДПР всегда следовала своим принципам. Мы им не изменяем уже 35 лет, с момента основания партии. Это то, к чему мы шли, следуя интересам избирателей, и будем продолжать идти.

Ниже я опишу семь главных инициатив, которые люди назвали самыми важными для России.

1. ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ И СКОРЕЙШАЯ ПОБЕДА

Специальная военная операция должна завершиться Победой России и русского оружия. Решительный штурм — вот что нужно, чтобы достичь военных целей на Украине. Нацизм снова будет побежден, как и в 45-м! Разговаривать на той стороне не с кем, надо с ними разобраться раз и навсегда.

СВО стала настоящим вызовом для каждого из нас, она показала, как силен на самом деле русский народ, какой он сплоченный и мужественный. Мы обязательно победим, но нам нужно нарастить темпы и собраться с силами для масштабного наступления, которое обязательно завершится нашей победой! А после, когда русский мир вздохнет полной грудью, будем строить и преобразовывать всю нашу страну вместе с новыми регионами!

2. РОССИЯ — БОЛЬШЕ, ЧЕМ МОСКВА

Качество жизни в регионах беспокоит большинство россиян, потому что Россия — не только Москва. В столицу стремится молодежь и активное трудоспособное население, но наш опрос показывает, что 63%, то есть большинство из тех, кто планирует уехать, готовы изменить свое решение и остаться в регионе, если условия для жизни там улучшатся.

Пора в корне изменить отношение к развитию нашей территории. Пересмотреть систему налогов и финансирования расходов, долговые обязательства перед государством. Россия списывает долги Монголии, Эфиопии, Узбекистану... а что насчет наших регионов, где живет большинство россиян? Долги субъектов уже превысили 2 трлн рублей. Мы выступаем за перераспределение финансирования и списание долгов нашим субъектам.

Людям в регионах не нужны подкаты. Они требуют только одного — дать возможность работать и развиваться. Приоритетная задача на ближайшие 6 лет — сравнять уровень жизни в регионах с московским!

3. БЕДНЫЕ НЕ ДОЛЖНЫ ПЛАТИТЬ НАЛОГИ

Бедность была и остается проблемой нашей страны, а предлагаемые чиновниками решения не помогают людям, которые с трудом сводят концы с концами. ЛДПР борется с бедностью, с несправедливой оплатой труда и обманом, поэтому мы продвигаем законопроект о введении нулевой ставки налогообложения для тех граждан, кто зарабатывает меньше 30 тысяч рублей.

Рис. 6

Также на сайте представлены блоки с новостями — всего 42 текстовых материала. Первая новость опубликована 1 марта 2024, а последняя — 17 марта 2024 года. Завершающим разделом является блок «Материалы для СМИ», который состоит из фото-материалов (всего — 69), и 6 видеоматериалов со ссылкой на Ютуб-канал «Штаб поддержки Леонида Слуцкого» (20 подписчиков и 18 видео на период 29 апреля 2024 года). Заглавным видео Ютуб-канала является материал «17 вопросов Леониду Слуцкому», в рамках которого политик в течение 50:08 минут рассказывает о позиции партии в рамках предвыборной деятельности. Другие материалы — вырезки из основного видео таймингом от 30 секунд до пяти и более минут.

В завершающем блоке представлены контактная информация, ссылки на социальные медиа политика — Телеграм, ВКонтakte и Одноклассники, а также техническая информация о создателе и заказчике лендинга.

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛА ЛЕОНИДА СЛУЦКОГО

Как мы отметили ранее, если кандидат в президенты Российской Федерации в 2024 году Николай Харитонов создал официальный

телеграм-канал намеренно для проведения предвыборной кампании, а далее стал развивать его уже после выборов президента России, что мы, в частности, отмечали в других материалах нашего исследования, то Леонид Слуцкий выстраивал работу на данной площадке с апреля 2018 года. Это отразилось и на специфике развития телеграм-канала в рамках хронологической рамки нашего исследования, охватывающей период проведения предвыборной кампании.

С 9 января 2024 года по 21 марта 2024 года политический лидер опубликовал 152 поста в официальном телеграм-канале https://t.me/slutsky_l. Отметим, что за указанный период количество постов в официальном предвыборном канале Николая Харитонова <https://t.me/haritonovkprf>, который мы анализировали ранее, составило 69 публикаций — текстовых сообщений (постов).

70 из 152 постов в телеграм-канале Леонида Слуцкого посвящены внешней политической ситуации, в том числе комментариям инфоповодов, связанных с событиями во внешней политике и темой специальной военной операции Российской Федерации на Украине. Отметим, что в рамках данной работы мы будем принимать во внимание в первую очередь материалы, связанные

с предвыборной кампанией и внутренней политической деятельностью. Исследование других постов политического лидера в официальном телеграм-канале может производиться опционально как подтверждение позиций политика, связанных с его предвыборной деятельностью.

СРАВНЕНИЕ КОНТЕНТНОЙ ЧАСТИ В ПРЕДВЫБОРНОМ САЙТЕ И В ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛЕ

Предвыборные материалы политического лидера, размещенные на предвыборном сайте и в официальном телеграм-канале, мы можем разделить на визуальные и текстовые. В данной работе в контексте сравнения двух площадок в сети Интернет в рамках предвыборной деятельности кандидата в президенты Российской Федерации от «ЛДПР — Либерально-демократической партии России» Леонида Слуцкого — предвыборного сайта и официального телеграм-канала, наиболее целесообразным является изучение текстовых материалов, так как композиционный строй и языковые средства текстовых материалов на данных площадках различаются, в то время как визуальные материалы дублируются на двух площадках.

Мы предполагаем, что использование одних и тех же визуальных материалов в постах в новых медиа и для иллюстрации новостей, а также в отдельном блоке с фотографиями на предвыборном сайте связано с недостаточной проработкой визуальной стратегии и глобальным непониманием команды политика, какие визуальные средства необходимо использовать на разных площадках, и их различий. Так, иллюстрации, использованные политическим лидером на предвыборном сайте, служат целям визуально представить общественности те или иные события в рамках коммуникационной стратегии, в том числе для дальнейшего использования в средствах массовой информации, в то время как те же материалы в телеграм-канале служат целям иллюстрации основных тезисов текстовых материалов и не используются как самостоятельные средства конструирования образа политического бренда в данном случае.

В рамках исследования текстовых материалов можем отметить, что часть событий в рамках предвыборной кампании политического лидера, проиллюстрированных соответствующими материалами на предвыборном сайте, отсутствуют в телеграм-канале. Например, инфоповоды о том, что Леонид Слуцкий провел встречу с миссией наблюдателей Межпарламентской Ассамблеи СНГ, провел с однопартийцами вечер памяти

Владимира Жириновского, а сторонники политика выразили ему поддержку на стихийном митинге и некоторые другие, отраженные на предвыборном сайте, отсутствовали в официальном телеграм-канале.

Таким образом, мы можем указать на разные коммуникационные стратегии, которые политик использует на двух площадках, что, по нашему мнению, свидетельствует о более глубокой проработке активностей в рамках предвыборной кампании, так как дублирование тем, напротив, может свидетельствовать о низком уровне командных профессиональных ресурсов. Мы можем предполагать, что коммуникационная деятельность с точки зрения текстового контента производится разными командами для разных площадок.

При этом, если говорить о тех информационных поводах, которые были упомянуты и на предвыборном сайте, и в телеграм-канале, то можем отметить различия в использовании текстовых и визуальных средств. Так, новости на сайте иллюстрируются одной фотографией, а в телеграм-канале — от трех до пяти фотографий. Отличия состоят и в объеме текста — в среднем, 600 — 800 знаков с пробелами для постов в телеграм-канале Леонида Слуцкого, что характерно, в целом, для данной площадки, и, в среднем, от 1 000 до 3 000 знаков с пробелами и более для текста на предвыборном сайте, что, опять же, является традиционным объемом для информационного материала, в том числе пресс-релиза для СМИ.

Таким образом, текстовые материалы на предвыборном сайте Леонида Слуцкого построены по канонам новостного (информационного) материала либо пресс-релиза для дальнейшего распространения в средствах массовой информации, а в телеграм-канале — по шаблону новостного поста. В данной работе мы понимаем пресс-релиз как «информационное сообщение, содержащее в себе новость об организации, выпустившей пресс-релиз, изложение ее позиции по какому-либо вопросу и передаваемое для публикации в средствах массовой информации (СМИ)» [Чекалова 2009: 109]. Новость на предвыборном сайте распространяется от третьего лица, а в телеграм-канале Леонид Слуцкий либо его команда публикуют тексты от первого лица. Данные приемы характерны для тех площадок, на которых они использованы, — новостные материалы от третьего лица на официальном сайте, имеющие информационный характер и служащие целям информирования общественности, в том числе через СМИ. И материалы от первого лица в аккаунтах в социальных медиа, трансли-

рующие подписчикам позицию прямого взаимодействия политического лидера с электоратом, а также выражающие мнения политика напрямую.

Таким образом, новостной материал на сайте, как правило, строится по следующему шаблону — краткий заголовок, отражающий основную мысль материала (отвечающий на вопросы — кто, что сделал, когда и где); лид, повторяющий мысль заголовка в более расширенном формате (дополнительные вопросы — с какой целью, зачем, почему). Далее, как правило, включается цитата Леонида Слуцкого, комментирующего данное событие, либо абзац с дополнительной уточняющей информацией по теме. При дополнительной фактуре информационный материал может быть в дальнейшем расширен включением в него уточняющей информации по данному событию и более подробных цитат с комментариями политика.

Посты в телеграм-канале «СЛУЦКИЙ» строятся по следующей композиционной схеме: как правило, в начале мы видим заголовочный комплекс — «структурно-семантическое объединение элементов текста, не только предвещающих его, но органически связанных, содержательно и концептуально, с основным массивом конкретного текста» [Прохорова 2012: 238]. Он представлен предложением с основной мыслью текстового материала (поста) либо риторическим вопросом, при этом может отсутствовать, когда тот или иной пост начинается сразу с основной части текста, что характерно для текстовых материалах в социальных медиа. Далее основная часть — 2–3 абзаца, с развитием основной мысли, высказанной в заголовочном комплексе, и заключение в одном предложении-фразе, подводящее итог основной теме, высказанной в посте.

Отметим, что в отличие от текстовых материалов в предвыборном сайте Леонида Слуцкого, основные части текста в его постах, в том числе сильные позиции текста, например, заголовочный комплекс либо ввод/завершающая часть поста в официальном телеграм-канале, выделяются жирным шрифтом. Это также характерно для коммуникационной стратегии бренда в социальных медиа, так как потребление контента в социальных медиа пользователями характеризуются быстротой просмотра страниц/постов и фрагментарностью их мышления, то есть вычлениением наиболее важных либо интересных фрагментов из общего потока информационных сообщений. «Человек в информационном обществе сталкивается с формированием нового типа культуры, в которой главной проблемой становится клипо-

вость и фрагментация на волне увеличения информационных потоков и мозаичности восприятия информации» [Серостанова 2023: 87]. В связи с этим, бренду становится необходимо выделить отдельные части материала, чтобы сделать на них акцент в общем потоке текстового полотна, в особенности в расширенных версиях новостных постов.

Важным для партии ЛДПР также становится компонент «правды» в текстовых материалах. Это было отражено в названии Всероссийского опроса «Скажи Слуцкому правду!». В рамках анализа текстовых материалов мы также видим активное использование данного компонента, который для ЛДПР является символом борьбы за благополучие русского народа. «В ЛДПР и от ЛДПР ничего не скроешь. Правду не замолчишь. Проблемы людей надо решать», «Своей команде сразу сказал — в каждом регионе мы должны узнать, как реально живут люди. Мне не нужны красивые отчёты, мне нужна правда», «Скажу правду простыми словами: главная конкуренция XX века — это борьба за ученых и преподавателей!». При этом мы видим, что для Леонида Слуцкого партия ЛДПР — это и есть синоним «правды». «ЛДПР всегда была за правду, мы не боялись ее, а требовали на всех уровнях. И я продолжу этот курс, потому что сила — в правде, победа — за правдой! Победа за ЛДПР!».

Коммуникационная стратегия в социальных медиа с использованием эмоциональных средств в целом характерна для личного блога в телеграм-канале. Например, кандидат на выборах президента страны в 2024 году от КПРФ Николай Харитонов также использует яркие образы и эмоциональный окрас в своих постах — в его телеграм-канале <https://t.me/haritonovkprf> ранее в рамках анализа мы выделили использование таких образов, как «сердца», «дома», «деревни/села». Эмоциональность же в новостных материалах в предвыборном сайте sluckiy2024.rf обеспечивается цитатами политика либо косвенной речью.

Эмоциональные средства активно используются представителями партии ЛДПР, и в этом смысле стратегия партии становится наиболее актуальной для развития на площадке социальных медиа, где использование эмоциональных средств более приветствуется по сравнению с традиционными медиа. Аккаунт личного (политического) бренда в виртуальном пространстве новых медиа рассматривается его подписчиками как прямая связь с политиком. Другими словами, материалы в социальных медиа воспринимаются аудиторией как материалы от

первого лица, в отличие от публикаций в средствах массовой информации либо на других платформах сети Интернет, например, на официальных сайтах, несмотря на то, что контент в социальных медиа также нередко формируется командой специалистов, а не инфлюенсером лично. Однако в последнее время мы наблюдаем определенный сдвиг в понимании аудиторией работы социальных медиа — некоторые представители аудитории понимают, что за контентом в новых медиа стоит команда профессионалов либо отдельный SMM-специалист, а не политический лидер. «Хотелось бы также упомянуть о команде или конкретном человеке, который в состоянии разработать SMM-стратегию, запустить ее и вести поддержку. Специалист SMM — это человек, обладающий огромным набором навыков в механизмах и процессах...» [Степнова 2014: 37].

ВЫВОД

Мы выделяем различия коммуникационных средств в сети Интернет в рамках исследования предвыборного сайта и официального телеграм-канала Леонида Слуцкого. Для первого характерно традиционное построение текстовых материалов в формате новостного материала, который будет актуален для дальнейшего распространения в средствах массовой информации. Посты в телеграм-канале при этом более эмоционально окрашены, так как в текстах в социальных медиа политический лидер использует яркие образные средства и эпитеты от первого лица, а в новостном блоке на предвыборном сайте эмоциональность информационных материалов, публикуемых от третьего лица, выражается через использование цитат политика. Таким образом, мы можем отметить различия инструментов коммуникационной поддержки предвыборной деятельности в сети Интернет на примере предвыборного сайта и телеграм-канала. Первый является площадкой для предвыборной деятельности, имеющей конечный характер в строгой хронологической рамке, в то время как телеграм-канал Леонида Слуцкого, появившейся более шести лет назад, продолжает функционировать и служит более широким коммуникационным целям по конструированию образа политического лидера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Воройский, Ф. С. Информатика. Энциклопедический систематизированный словарь-справочник: введение в современные информационные и телекоммуникационные технологии в терминах и фактах / Ф. С. Воройский. — Москва : Физматлит, 2006. — 769 с. — Текст : непосредственный.
2. Ганчарик, Л. П. Анализ архитектуры информационных сайтов органов государственного управления / Л. П. Ганча-

рик. — Текст : непосредственный // Наука и инновации. — 2020. — № 2 (204). — С. 44–49.

3. Жеребин, В. М. Интернет-занятость как новая форма трудоустройства населения / В. М. Жеребин, О. А. Алексеева, Н. А. Ермакова. — Текст : непосредственный // Народонаселение. — 2016. — № 1. — С. 67–78.

4. Казанцев, А. А. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» / А. А. Казанцев, В. Н. Меркушев. — Текст : непосредственный // Полис. — 2008. — № 2. — С. 1–19.

5. Каландия, И. Д. Глобализация и общечеловеческие ценности / И. Д. Каландия, К. Н. Кецабаи. — Текст : непосредственный // Наука и образование сегодня. — 2019. — С. 44–48.

6. Красовская, Н. Р. Способы разграничения целевых аудиторий и каналы коммуникации с ними / Н. Р. Красовская, А. А. Гуляев, А. Ю. Лахтин. — Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. — 2019. — № 3 (76). — С. 114–115.

7. Лемешко, Ю. Р. Функциональные характеристики лозунга / Ю. Р. Лемешко, М. Б. Ташлыкова. — Текст : непосредственный // Современные исследования социальных проблем. — 2021. — Т. 13. — № 4 (2). — С. 391–417.

8. Мельникова, Е. А. Заметки на полях этнографии выборов / Е. А. Мельникова. — Текст : непосредственный // Антропологический форум. — 2012. — № 12. — С. 68–97.

9. Новиков, А. И. Текст и его смысловые доминанты / А. И. Новиков. — Москва : Институт языкознания РАН, 2007. — 224 с. — Текст : непосредственный.

10. Петровский, С. В. Интернет-услуги в российском праве / С. В. Петровский. — Москва : Издат. сервис, 2003. — 272 с. — Текст : непосредственный.

11. Подгорная, Л. Д. Политическая реклама как форма коммуникации современного общества / Л. Д. Подгорная. — Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2006. — № 8. — С. 95–102.

12. Прохорова, К. В. Заголовочный комплекс в медиатексте: особенности функционирования / К. В. Прохорова. — Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2012. — Сер. 9 (1). — С. 238–246.

13. Русакова, О. Ф. Дискурс политического бренда / О. Ф. Русакова, Д. А. Максимов. — Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2007. — № 9. — С. 85–87.

14. Серостанова, О. Б. Культурные индустрии в условиях цифровизации общества: проблемы и перспективы / О. Б. Серостанова. — Текст : непосредственный // Наука. Искусство. Культура. — 2023. — № 1 (37). — С. 83–102.

15. Степнова, О. В. SMM-стратегия: практический аспект / О. В. Степнова, Л. И. Еременская, Резаи Моххаммад Али Хошгияфех, М. Д. Громова. — Текст : непосредственный // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. Серия «Экономика и управление». — 2014. — Т. 5. — № 2 (20). — С. 35–38.

16. Чекалова, Н. И. Пресс-релиз в структуре PR-деятельности / Н. И. Чекалова. — Текст : непосредственный // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. Серия Менеджмент, экономика, финансы. — 2009. — № 146. — С. 109–119.

17. Чистова, Е. В. Локализация веб-сайтов в перспективе экокогнитивной транслатологии (на материале сайтов российских компаний) / Е. В. Чистова. — Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2021. — № 1. — С. 29–38.

18. Шапиев, С. М. «Любой знак» в избирательном бюллетене: российский опыт и мировая практика / С. М. Шапиев. — Текст : непосредственный // Коммуникология. — 2016. — № 2. — С. 41–53.

19. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : моногр. / Е. И. Шейгал. — Москва : ИТДГК «Гнозис», 2000. — 326 с. — Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Vorojskij, F.S. (2006). *Informatika. Enciklopedicheskij sistematizirovannyj slovar'-spravochnik: vvedenie v sovremennye*

- informacionnye i telekommunikacionnye tekhnologii v terminah i faktah* [Computer science. Encyclopedic systematic reference dictionary: introduction to modern information and telecommunication technologies in terms and facts]. Moscow: Fizmatlit, 769 p. (In Russ.)
2. Gancharik, L.P. (2020). Analiz arhitektury informacionnyh sajtoj organov gosudarstvennogo upravleniya [Analysis of the architecture of information sites of government bodies]. *Nauka i innovacii*, 2(204), 44–29. (In Russ.)
 3. Zherebin, V.M., Alekseeva, O.A., & Ermakova, N.A. (2016). Internet-zanyatost' kak novaya forma trudoustrojstva naseleniya [Internet employment as a new form of employment for the population]. *Narodonaselenie*, 1, 67–78. (In Russ.)
 4. Kazancev, A.A., & Merkushev, V.N. (2008). Rossiya i post-sovetskoe prostranstvo: perspektivy ispol'zovaniya «myagkoj sily» [Russia and the post-Soviet space: prospects for using «soft power»]. *Polis*, 2, 1–19. (In Russ.)
 5. Kalandiya, I.D., & Kecbaia, K.N. (2019). Globalizaciya i obshchechelovecheskie cennosti [Globalization and universal values]. *Nauka i obrazovanie segodnya*, 44–48. (In Russ.)
 6. Krasovskaya, N.R., Gulyaev, A.A., & Lahtin, A.Yu. (2019). Sposoby razgranicheniya celevyh auditorij i kanaly kommunikacii s nimi [Ways to differentiate target audiences and channels of communication with them]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 3(76), 114–115. (In Russ.)
 7. Lemesenko, Yu.R., Tashlykova, M.B. (2021). Funkcional'nye harakteristiki lozunga [Functional characteristics of the slogan]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem*, 13 (4(2)), 391–417. (In Russ.)
 8. Mel'nikova, E.A. (2012). Zametki na polyah etnografii vyborov [Notes on the margins of the ethnography of elections]. *Antropologicheskij forum*, 12, 68–97. (In Russ.)
 9. Novikov, A.I. (2007). *Tekst i ego smyslovye dominanty* [Text and its semantic dominants]. Moscow: Institut yazykoznanija RAN, 224. (In Russ.)
 10. Petrovskij, S.V. (2003). *Internet-uslugi v rossijskom prave* [Internet services in Russian law]. Moscow: Izdat. servis, 272. (In Russ.)
 11. Podgornaya, L.D. (2006). Politicheskaya reklama kak forma kommunikacii sovremennogo obshchestva (Political advertising as a form of communication in modern society). *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, 8, 95–102. (In Russ.)
 12. Prohorova, K.V. (2012). Zagolovochnyj kompleks v media-tekste: osobennosti funkcionirovaniya [Heading complex in media text: features of functioning]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*, 9(1), 238–246. (In Russ.)
 13. Rusakova, O.F., & Maksimov, D.A. (2007). Diskurs politicheskogo Brendy [Discourse of a political brand]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki*, 9, 85–87. (In Russ.)
 14. Serostanova, O.B. (2023). Kul'turnye industrii v usloviyah cifrovizacii obshchestva: problemy i perspektivy [Cultural industries in the context of digitalization of society: problems and prospects]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*, 1(37), 83–102. (In Russ.)
 15. Stepnova, O.V., Eremenskaya, L.I., Hoshgiyafekh Rezai Mohkhammad Ali, & Gromova, M.D. (2014). SMM-strategiya: prakticheskij aspekt [SMM strategy: practical aspect]. *Izvestiya Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta MAMI. Seriya «Ekonomika i upravlenie»*, 5, 2(20), 35–38. (In Russ.)
 16. Chekalova, N.I. (2009). Press-reliz v strukture PR-deyatelnosti (Press release in the structure of PR activities). *Nauchnyj vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoj aviacii. Seriya Menedzhment, ekonomika, finansy*, 146, 109–119. (In Russ.)
 17. Chistova, E.V. (2021). Lokalizaciya veb-sajtoj v perspektive ekokognitivnoj translatologii (na materiale sajtoj rossijskih kompanij) [Localization of websites in the perspective of ecocognitive translatology (based on the websites of Russian companies)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, 1, 29–38. (In Russ.)
 18. Shapiev, S.M. (2016). «Lyuboj znak» v izbiratel'nom byulletene: Rossijskij opyt i mirovaya praktika [«Any sign» on the ballot: Russian experience and world practice]. *Kommunikologiya*, 2, 41–53. (In Russ.)
 19. Shejgal, E.I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse: monograph]. Moscow: ITDGGK «Gnozis», 326 p. (In Russ.)

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+81'27
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55+ШП00.621

ГРНТИ 16.31.21, 16.31.02

Код ВАК 5.9.8

Наталья Васильевна Мамонова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, nat2.mv@gmail.com, SPIN-код: 9717-9727,
<https://orcid.org/0000-0002-3368-3632>

Когнитивно-лингвосинергетические особенности медиадискурсивных практик (на материале газеты «Аргументы и факты» 1985–1987 гг. и 2015–2017 гг.)

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена обсуждению корреляций структурных компонентов русскоязычных медиатекстов газеты «Аргументы и факты» в два разных периода (1985–1987 гг. и 2015–2017 гг.), что позволяет иллюстративно представить трансформацию российского языкового сознания за 30 лет с использованием когнитивно-лингвосинергетического подхода. Объектом исследования послужили новостные медиатексты еженедельника «Аргументы и факты» за два временных промежутка. Материал исследования был отобран автором методом систематической выборки. Единицей анализа являются частотные лексемы двух русскоязычных медиатекстовых корпуса. Оба текстовых корпуса были обработаны с помощью программы автоматического семантического анализа Miratext. Полученные статистические данные представлены в виде лексических облаков, таблиц частотности словоупотребления, словосочетаний, графиков 20 самых популярных слов, что позволяет выявить в анализируемом материале наиболее частотные семантические структуры, через которые репрезентируются основные когнитивно-лингвосинергетические особенности медиадискурсивных речевых практик в исследуемые периоды. Более подробно рассматриваются смысловые конструкты ядерной области, репрезентирующие основные узлы культурно-ценностной матрицы, а также периферийные смысловые конструкты и алгоритмы, популяризирующие определенные речевые и поведенческие практики через медиадискурс. Проведенный анализ позволяет оценить статистически исследуемую выборку, сопоставить выборки двух временных отрезков. Данный подход позволяет верифицировать точность вхождения частотных лексических единиц, точки неустойчивости в культурно-ценностной матрице, представленной в медиадискурсивных речевых практиках.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, русский язык, языковое сознание, когнитивно-лингвосинергетический подход, когнитивная лингвистика, автоматический семантический анализ, корпусная лингвистика, информационно-психологическая война, глобализация, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, советские СМИ, российские СМИ, языковые средства, советский период, российское общество, газетный дискурс, газетные тексты, газетные статьи, освещение событий.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Мамонова Наталья Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры делового иностранного языка, факультет лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет; 454001, Россия, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129; email: nat2.mv@gmail.com.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ», 2024 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мамонова, Н. В. Когнитивно-лингвосинергетические особенности медиадискурсивных практик (на материале газеты «Аргументы и факты» 1985–1987 гг. и 2015–2017 гг.) / Н. В. Мамонова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 218–228.

Natal'ya V. Mamonova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, nat2.mv@gmail.com, SPIN code: 9717-9727, <https://orcid.org/0000-0002-3368-3632>

Cognitive and Linguo-Synergetic Features of Media Discourse Practices (On the Materials of the Newspaper “Argumenty I Fakty”, 1985-1987 and 2015-2017)

ABSTRACT. This article discusses the correlations of the structural components of the Russian-language media texts of the Argumenty I Fakty newspaper in two different periods (1985-1987 and 2015-2017), which allows illustrative representation of the transformation of Russian linguistic consciousness over 30 years using a cognitive linguo-synergetic approach. The object of the study covers news media texts of the weekly Argumenty I Fakty published over two time periods. The practical research material has been selected by the author using a systematic sampling method. The units under analysis include frequently used lexemes of two Russian-language media text corpora. Both text corpora were processed using the Miratext automatic semantic analysis program. The statistical data obtained are presented in the form of lexical clouds, tables of frequency of word usage, phrases, and graphs of the 20 most popular words, which allows the author to identify the most frequent semantic structures in the analyzed material, with the help of which the main cognitive linguo-synergetic features of media discourse speech practices are represented in the studied periods. The semantic constructs of the core domain, repre-

© Мамонова Н. В., 2024

senting the main nodes of the cultural value matrix, as well as peripheral semantic constructs and algorithms popularizing certain speech and behavioral practices through media discourse, are considered in more detail. The analysis allows the author to evaluate the statistically explored sample and to compare the samples of two time periods. This approach allows the researcher to verify the accuracy of the occurrence of frequently used lexical units and the points of instability in the cultural value-based matrix presented in media discourse speech practices.

KEYWORDS: political discourse, political texts, Russian language, linguistic consciousness, cognitive and linguo-synergetic approach, cognitive linguistics, automatic semantic analysis, corpus linguistics, information and psychological warfare, globalization, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, Soviet media, Russian media, language means, Soviet period, Russian society, newspaper discourse, newspaper texts, newspaper articles, coverage of events.

AUTHOR'S INFORMATION: Mamonova Natal'ya Vasil'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Business Foreign Language, Faculty of Linguistics and Translation, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.

ACKNOWLEDGMENTS. The research is financially supported by the Foundation for Advanced Scientific Research of the Federal State Budgetary Education Institution of Higher Education "Chelyabinsk State University", 2024.

FOR CITATION: Mamonova N. V. (2024). Cognitive and Linguo-Synergetic Features of Media Discourse Practices (On the Materials of the Newspaper "Argumenty I Fakty", 1985-1987 and 2015-2017). In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 218-228. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

За последние десятилетия значительно возросли возможности глобального обмена информацией. Бурное развитие коммуникационных технологий ускорило обмен данными и позволило миру сжаться. Роль медиадискурса усилилась многократно: средства массовой информации определяют бытование языкового сознания реципиента СМИ. Сложные структуры глобального сообщества, способы коммуникации и их влияния на языковое сознание поставили вопрос об упорядочивании и интерпретации данного феномена.

Цель данной статьи — установить корреляции структурных компонентов русскоязычных медиатекстов газеты «Аргументы и факты» в два разных периода (1985–1987 гг. и 2015–2017 гг.). Полученные результаты позволяют иллюстративно представить трансформацию российского языкового сознания за 30 лет с использованием когнитивно-лингвосинергетического подхода к исследованию медиадискурса.

Когнитивный подход предполагает «изучение языковых средств в контексте их взаимосвязи с познавательными процессами» — концептуализацией, категоризацией и языковой интерпретацией, «язык рассматривается как когнитивная способность человека, обеспечивающая его существование, адаптацию, ориентацию и развитие в окружающей физической и социальной среде» [Болдырев 2023: 5; Болдырев 2020: 6]. Лингвосинергетический подход связан с изучением процессов организации смысловых компонентов в языковых структурах и их интерпретации в речевых практиках неравновесной нелинейной дискурсивной системы [Олизько и др. 2020; Мамонова 2016]. Когнитивно-лингвосинергетический подход объек-

тивно отражает процессы, происходящие в современных реалиях медиадискурса, и позволяет объяснить динамику сложных смысловых структур медиадискурса, их взаимосвязь с формированием определенного мировидения в условиях информационного многообразия.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Сложные смысловые структуры, появившиеся в ходе интенсивного глобального обмена информацией, актуализировали вопросы изучения функционирования смысловых конструкций и их интерпретаций в медиадискурсе. Увеличение скорости обмена данными привело к значительной хаотизации смысловых конструкций в языковом сознании, что наглядно можно отследить на материале медиадискурсивных практик разных периодов.

Языковое сознание «формируется у индивида в результате коммуникативного опыта», «что делает языковое сознание диалогичным и культурно обусловленным» [Барина и др. 2010: 17]. В нашем исследовании, языковое сознание трактуется как «такой аспект изучения языкового материала, при котором язык и речевую деятельность рассматривают в качестве отражения ментальных представлений языкового коллектива, как правило, не осознаваемых носителями языка» [Там же].

В деятельностной трактовке журналистского массмедийного дискурса «речевое воплощение социального ориентирования читательской аудитории» «осуществляется в трех направлениях — информировании, оценочном диагностировании и стимулировании социальной активности» [Дускаева 2014: 24]. В условиях информационной избыточности повышается вероятность встре-

чаемости несовпадения интерпретаций и оценок тех или иных явлений и событий, тем самым увеличивая степень хаотичности общепринятых представлений и установок в социальной группе. Информационная избыточность, дезориентированность позволяет мягко изменять узловыe структуры культурно-ценностной матрицы языкового сознания медиакommуникантов, где «главное преимущество информационного воздействия — это сочетание глобального и индивидуального подхода, потому что оно действует как на население страны в целом, так и на конкретного индивида» [Головецкий 2017]. Практика использования «асимметричных нетрадиционных войн» приобретает широкое распространение, где асимметричное оружие гибридной войны — это массмедиа [Корытко, Haddad 2016: 33; Кушнерук, Чудинов 2019].

Генеральная стратегия всегда рассчитана на долгосрочность и после разработки требует опубликования в массмедиа и популяризации среди широкой аудитории [Шарп 2005]. Д. Шарп настаивает на том, что людей нужно обучать алгоритмам действий в тех или иных ситуациях, давая конкретные инструкции [Шарп 2005: 57]. Эту функцию обучения и популяризации алгоритмов поведения берут на себя современные массмедиа.

Коммуникационные институты (СМИ и пр.) в медиадискурсе транслируют систему «правил, норм, общественных ожиданий, в соответствии с которыми происходит (или должна происходить) коммуникация между различными субъектами» [Дзялошинский 2019: 33–34]. Вероятностный или вариативный характер существующих норм и правил, предполагавший творческое отношение к их применению, в настоящее время значительно сокращается, превращая их в жесткие «коммуникационные матрицы» [Дзялошинский 2019: 34].

Формирующее свойство медиадискурса отмечает Т. Г. Добросклонская, акцентируя внимание на «способности массмедиа влиять на общественное и индивидуальное сознание с помощью идеологизированных концептов и интерпретаций, отражающих определенные системы ценностей и отношений» [Добросклонская 2020: 121]. Чтобы «охарактеризовать единицы мыслительных процессов и то, чем оперирует человек в этих процессах», следует говорить «о концептах (т. е. операциях с отдельными смыслами)», в то время как для того, чтобы понять, «для чего человек ими оперирует, ответ может быть иным — для объективации мысли, ее вербализации во внешне речи, лучше говорить о концептуальных структурах» [Кубрякова 2004: 317]. Другими словами, «чтобы проанализировать значение того или иного

слова в когнитивном аспекте, необходимо установить когнитивный контекст, или область знания, которая лежит в основе значения данного слова, и определенным образом ее структурировать» — в нашем случае в медиадискурсе [Болдырев 2001: 35].

В данном исследовании медиадискурс рассматривается в терминах лингвосинергетики как сложная, открытая, нелинейная смысловая система, находящаяся в динамическом равновесии с внешней средой (или другими смысловыми системами) данного отрезка времени. Смысловые флуктуации в неравновесной смысловой системе, такой как культурно-ценностная матрица, рожают новые смысловые компоненты обычно в периферийной области концепта/категории, репрезентирующего/ей ту или иную ценность в обществе, или внедрением /подменой / иссечением смысловых компонентов в / из ядерной области когнитивно-ментальной структуры. Равномерное распределение силы позволяет воздействовать на культурно-ценностную матрицу, представленную набором системообразующих концептов, категорий, со всех сторон одновременно.

Скрытое языковое воздействие осуществляется через «формирование определенного отношения аудитории к тому или иному социальному или политическому явлению» и «основано на привнесении в лексическую единицу новых смыслов, коннотаций или на выборе близкого по смыслу слова, содержащего, в зависимости от цели автора, либо пейоративный, либо мейоративный эмоционально-оценочный компонент» [Ларина и др. 2011: 29]. Через медиадискурс осуществляется «прямая и косвенная пропаганда и агитация, куда входит формирование не только убеждений, идеологий, но и побуждение к действию, воспитание привычек» [Пономарева 2005: 17]. Так или иначе, квинтэссенцией информационного воздействия медиадискурса является то, что он побуждает «думать и мыслить навязанными смысловыми конструктами и, следовательно, принимать решения, определяющие в итоге исход концептуального противостояния» [Мамонова 2023: 66]. Таким образом, формирование определенных смысловых аттракторов (представленных концептами, категориями, фреймами и пр.) и закрепление целевых алгоритмов поведения осуществляется путем ранжирования оценочных категорий в языковом сознании коммуникантов.

ОПИСАНИЕ МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования служит архив русскоязычных медиатекстов на сайте источника «Аргументы и факты» / АиФ (<https://>

aif.ru/gazeta/archive). Это крупнейшая общественно-политическая газета, издаётся с 1978 года, где освещаются и разъясняются события в стране и в мире, затрагиваются житейские вопросы, с которыми приходится сталкиваться читателям ежедневно. Методом систематической выборки автором составляются корпуса медиатекстов следующих временных периодов:

1 период — 1985–1987 (3 года),

2 период — 2015–2017 (3 года).

Репрезентативность выборки обусловлена систематичностью выборки (каждый третий выпуск месяца в полном объеме) и периодом выборки в 3 года, являющимся достаточным для представления генеральной совокупности (Табл. 1). В процентном соотношении к генеральной совокупности объем данных в 1 и во 2 периоде релевантен.

Для проведения количественного анализа корпусов используется автоматическая онлайн-программа Miratext (<https://miratext.ru/>), что позволяет представить смысловую

структуру корпуса текстов в виде количественных данных по следующим параметрам: плотность популярных слов, поиск словосочетаний из 2 и 3 слов, медиана частотности словоупотреблений, лексическое облако и др. Генерация лексических облаков разных периодов визуально представляет самые частотные смысловые компоненты культурно-ценностной матрицы.

Сочетание количественного и качественного лингвистического анализа позволяет получить верифицируемые данные. За единицу измерения принимаются частотные лексемы корпусов. Определяется точность вхождения частотных смысловых компонентов исследуемых корпусов двух временных периодов с интервалом в 30 лет. Выявляется степень и динамика изменения частотных смысловых компонентов исследуемых корпусов медиатекстов, как управляющих параметров, отражающих основные аттракторы культурно-ценностной матрицы российского языкового сознания в заданный промежуток времени.

Таблица 1. Общая статистика

Параметр	Корпус «АиФ», 1 периода	Корпус «АиФ» 2 периода
Кол-во символов с пробелами	197074	967953
Кол-во символов без пробелов	169987	827 724
Кол-во слов	28972	139 635
Качество текста по закону Ципфа	30%	32%

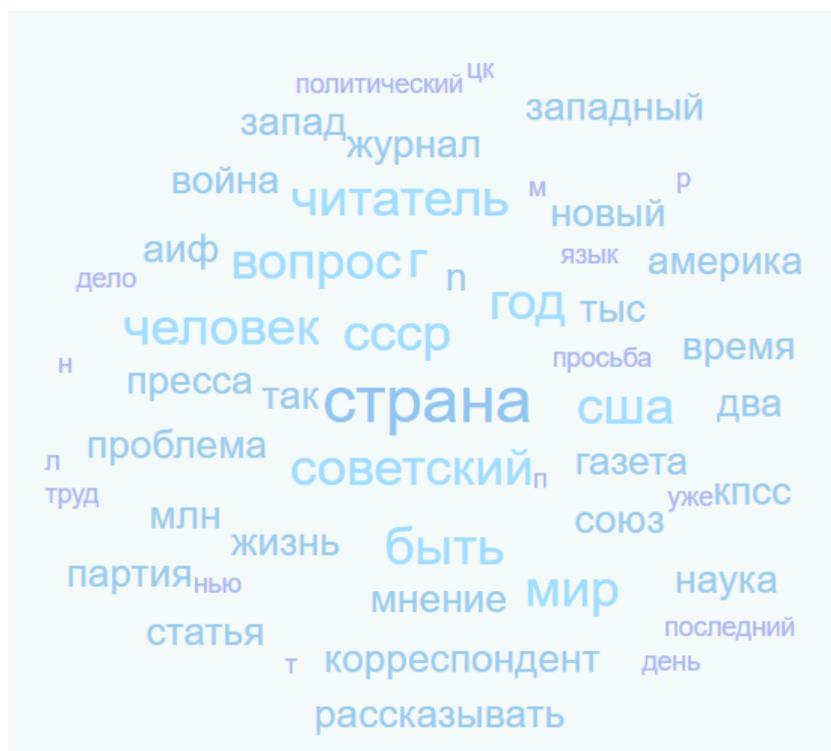

Рис. 1. Пример лексического облака «АиФ» 1 периода

Таблица 2. Самые популярные слова «АиФ» 1 периода

№п/п	Слово	Слова	Вхожде- ний
1.	страна	страны, стране, странами, страна, страну, стран	197
2.	СССР	ссср	164
3.	совет- ский	советская, советский, советском, советских, советской	149
4.	год	годы, год, года, лет, годов, году, годом, годах	121
5.	вопрос	вопросы, вопросах, вопрос, вопросом, вопросами, вопро- сам, вопросов, вопроса	111
6.	быть	было, были, быв, был, будем, была, есть, быть, будут	111
7.	человек	человек, человека, людей, люди, человеком, людьми	107
8.	США	США	107
9.	читатель	читателей, читателями, читатель, читателем, читатели	101
10.	мир	мира, миру, мире, мир	100

АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА

1 период — 1985–1987 (3 года). Наиболее репрезентативно распределение частотных лексических единиц отражено в форме автоматически сгенерированного лексического облака. На Рис. 1 изображено лексическое облако, где представлено распределение лексических единиц в выборке данного периода согласно их частотности вхождений. Лексические единицы, представленные малым шрифтом, обладают меньшей частотностью, в сравнении с лексическими единицами с более крупным шрифтом.

В центре облака находится лексема СТРАНА, а также лексемы СОВЕТСКИЙ, СССР. Оппозиционно через выше упомянутые единицы размещаются лексемы ЧЕЛОВЕК и МИР, ЧИТАТЕЛЬ и КОРРЕСПОНДЕНТ, ВОПРОС и БЫТЬ, МНЕНИЕ.

В Таблице 2 представлены лексемы, расположенные в порядке убывания числа вхождений. Далее по тексту в скобках указывается номер каждой лексемы согласно таблице.

Самые частотные лексемы СТРАНА (1), СССР (2) репрезентируют смысловые аттракторы культурно-ценностной матрицы советского языкового сознания. В десятку входят лексемы США (8) и МИР (10), иллюстрируя смысловую оппозицию, напряженность между идеологическими полюсами в медиадискурсе. Частотные прилагательные СОВЕТСКИЙ (3) — АМЕРИКАНСКИЙ (11), расположенные в первой десятке, закрепляют данную оппозицию. Также присутствуют синонимичные названия, передающие иное мировидение, это топонимы АМЕРИКА (21), ЗАПАД (27):

Два мира — два образа жизни. Женщины в странах СЭВ и на западе (АиФ, 11.06.1985);

Где больше библиотек — в СССР или США? Есть ли различия в их комплектова-

нии (АиФ, Ваши вопросы от 23.09.1985, 24.09.1985).

Лексемы, обозначающие основных адресатов медиадискурсивных речевых практик 1 периода, представлены словами ЧЕЛОВЕК (7), ЧИТАТЕЛЬ (9). Это иллюстрирует практику человекоцентричного подхода при передаче информации в данном источнике, заключающегося в ориентированности на потребности читателя, в служении народу, заботе о гражданах страны. Этот же тезис подтверждают частотные лексемы ВОПРОС (5), МНЕНИЕ (12), ПРОБЛЕМА (16), НАБЛЮДЕНИЕ (33), иллюстрирующие разъяснительную функцию медиадискурсивных речевых практик:

Правда о правах человека. Убивают пластиковыми пулями (АиФ, 10.12.1985);

Человек и закон. Пьянство и преступность (АиФ, 10.12.1985);

Читатель спрашивает. Партиец ленинской школы (АиФ, 22.08.1987);

Согласно международным соглашениям Тайвань должен принадлежать Китаю. «Проблема Тайваня» ждет решения (АиФ, 21.11.1987);

Мнения и наблюдения (АиФ, 21.11.1987);

Социологический опрос. Общественность СССР и США: обмен мнениями (АиФ, 05.12.1987).

Круг освещаемых вопросов свидетельствует о высокой включенности читателя в общественно-политическую жизнь страны и мира. Идеи равенства и справедливости в борьбе за правое дело находят отражение в частотных лексемах общественно-партийной сферы жизни: ПАРТИЯ (28), КПСС (29), ОБЩЕСТВО (31), ПОЛИТИКА (32), СОЦИАЛИЗМ (35), ДЕЛО (40), БОРЬБА (41) и пр.

Прилагательные СОЦИАЛЬНЫЙ (45), НАРОДНЫЙ (47) также указывают на государственную политику, нацеленную на обеспечение социальной защиты граждан, где человек — высшая ценность:

С заботой о **человеке**. Важнейшие мероприятия по повышению **народного** благосостояния, проведенные в **одиннадцатой** пятилетке (АиФ, 01.01.1985);

Преимущества социализма. О **социальном** положении в **мире** (АиФ, 16.04.1985).

Точки неустойчивости в исследуемом корпусе представлены оппозициями, например, МИР(10) — ВОЙНА(20) — СОЮЗ(19) иллюстрируют постоянное противоборство с внешними силами и демонстрацию преимуществ социалистического строя:

Читатель спрашивает. Что стоит за понятием «психологическая **война**» (АиФ, 26.11.1985);

Отношение **Советского Союза** к созданию безъядерных зон в различных районах земного шара вытекает из принципиальных целей его внешней политики, направленной на предотвращение новой **мировой войны**, ослабление военного противостояния в любой точке планеты (АиФ, По просьбе читателей. Безъядерный север Европы: сторонники и противники, 18.03.1986).

Смысловые флуктуации, возникающие в точках неустойчивости, передают смысловые интерпретации, ассоциированные со смысловыми конструкциями иной идеологической идентичности. Лексические единицы, выраженные глаголами, создают алгоритмы, выполняющие предписывающие функции с целью формирования определенных представлений в языковом сознании читателей массовой медиа.

Самые частотные глаголы — БЫТЬ (6), РАССКАЗЫВАТЬ (24), ОПУБЛИКОВАТЬ (30),

ДАВАТЬ (49), СТАНОВИТЬСЯ (59). Рассмотрим некоторые контексты:

ВТО — **Всероссийское театральное общество** — объединение творческое, союз по профессии. О его деятельности нас просят **рассказать** читатели (АиФ, Объединение артистов, 19.03.1985);

Польский еженедельник «Жечивистость» опубликовал статью, в которой раскрывается суть враждебных выступлений некоторых польских духовных лиц, стремящихся опорочить **социалистический строй** (АиФ, Не зная истории — историю не сделать, 13.08.1985);

Ориентир. Итоги Женевы: Мир стал безопаснее (АиФ, 26.11.1985).

Глагольные конструкции носят ознакомительный характер, позволяя расставить необходимые акценты в информационном пространстве адресата.

2 период — 2015–2017 (3 года). В ядре лексического облака представлены смысловые аттракторы культурно-ценностной матрицы, репрезентирующие российское языковое сознание: БЫТЬ (1), ПОЧЕМУ (4), ГОД (2). В околядерную область облака отнесены лексемы МОЧЬ (5), РОССИЯ (3), РЕБЕНОК (7), РОССИЙСКИЙ (16), МОСКВА (9), СТАНОВИТЬСЯ (11) и пр. (Рис. 2, Табл. 3).

На периферии облака четко прослеживаются темы **медицина** и **здоровье** (лечение, заболевание, врач, чиновник), **жилищно-коммунальное хозяйство** (капремонт, доступный), **экономика** (экономика, деньги, цена, платить) и др.

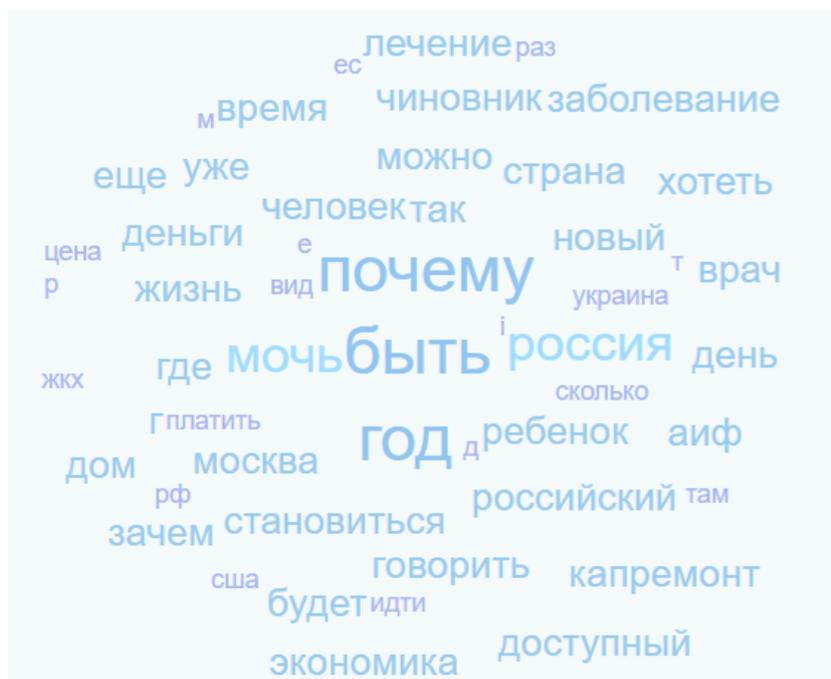

Рис. 2. Пример лексического облака «АиФ» 2 периода

Таблица 3. Самые популярные слова «АиФ» 2 периода

№п/п	Слово	Слова	Вхождений
1.	быть	были, есть, было, была, быть, был, будем, буду, будет	1214
2.	год	год, года, лет, году, годом, годы, годами	892
3.	россия	россии, россия, россию, россияй	778
4.	почему	почему	711
5.	мочь	может, могло, могут, можем, мог, могли, могу	512
6.	человек	людей, человека, люди, человек, людях, людьми	489
7.	ребенок	ребёнка, детям, дети, детей, детьми, ребёнок, ребенка	481
8.	работа	работу, работ, работе, работать, работодатель	460
9.	москва	москве, москву, москвы, москва, москвой	456
10.	новый	новый, нового, новых, новые, новая, новой, новую	445

Лексемы ЧЕЛОВЕК (6), РЕБЕНОК (7) также обладают высокой частотностью в исследуемом корпусе, как и в 1 периоде. Лексема СТРАНА (14) во 2 периоде не самая частотная, тем не менее входит в первую двадцатку самых частотных слов и словоформ. Например:

*За «коммуналку» приходится **платить** почти 4 тыс. руб. в месяц, зимой больше, а пенсия всего 16 тыс. руб. Имеет ли такой человек право на субсидию ЖКХ? (АиФ, Кто получит субсидию ЖКХ? 07.06.2016);*

***Говорят**, если человек не может **выплачивать** кредит, то есть какая-то реструктуризация. А что это такое? (АиФ, Как реструктурировать кредит? 08.06.2016);*

*Вячеслав Лысаков: «Я работаю в интересах **людей**» (АиФ, 08.06.2016);*

*Ангел на коляске. Дарья Кузнецова **помогает людям** ощутить крылья за спиной (АиФ, 19.10.2016);*

***Даёшь** работу, **страна**. Россия **прирастает** заводами (АиФ, 26.12.2016);*

***Россия** постоянно списывает долги другим **странам**. А сколько их ещё осталось? Что на эти средства можно было **сделать** в своей **стране**? И продолжаем ли мы **давать** в долг? (АиФ, Сколько долгов простила **Россия**? 19.08.2017);*

Задаются алгоритмы ЧЕЛОВЕК — ВЫПЛАЧИВАЕТ КРЕДИТ, ЧЕЛОВЕК — ИМЕЕТ ПРАВО, Я — РАБОТАЮ, ЧЕЛОВЕК — ПОМОГАЕТ ЛЮДЯМ, СТРАНА — ДАЕТ РАБОТУ, ЧТО — ДЕЛАТЬ, МЫ — ДАВАТЬ В ДОЛГ. Подчеркивается непосредственно само действие для передачи экспрессии и динамичности бытия (идет кибервойна, даёшь работу) или фиксируется некоторое состояние дел (мучаемся, говорили об экологии, приходится платить):

***Страна** должна **быть** чистой. О проблемах экологии **говорили** во Владивостоке (АиФ, 02.10.2016);*

*ИТ-эксперт Игорь Ашманов: Между **странами** **идёт** кибервойна (АиФ, 20.04.2017);*

В школе **ребенку** задают учить стихи и отрывки текстов наизусть. Мучаемся с ним ужасно! (АиФ, Как научиться легко запоминать стихи? 26.11.2015);

*Заигравшиеся. Как **оторвать ребенка** в каникулы от компьютера? (АиФ, 24.07.2016).*

Особую значимость приобретает во 2 периоде лексема ДЕНЬГИ (15), которая обладает подобными частотными характеристиками, как и лексема СТРАНА, чего не наблюдается в 1 периоде. Лексема ЭКОНОМИКА (17) характеризуется высокой частотностью, что подтверждает высокую заинтересованность читателей в данном вопросе, высокую степень влияния экономики на жизнь россиян:

*Кто не **получит** деньги на машину по госпрограмме? (АиФ, 27.10.2017);*

*Спаси свои **деньги** (АиФ, 20.12.2017);*

*Когда зарплата «в конверте», то и пенсия не большая. Что делать, как накопить **денег** на старость? (АиФ, Как накопить на безбедную старость? 27.04.2015);*

*Пишут, что **российские** резервные фонды в полном порядке. А почему же у нас всё время **говорят**, что **денег** не хватает? (АиФ, В каком состоянии наши резервные фонды? 23.09.2015);*

*Нет **денег** у людей — нет роста **экономики**. Кто разорвет замкнутый круг? (АиФ, 07.10.2015);*

*Две колбасы — две **экономики** (АиФ, 24.02.2016);*

*Как помочь людям и **экономике** пережить **экономическую** бурю? Где искать выход из **нынешнего кризиса**? (АиФ, Держимся на запасах. Как россиянам вернуться из-за грани бедности 24.02.2016).*

Алгоритмы, связанные с лексемой ДЕНЬГИ, представлены следующими словосочетаниями: ДЕНЬГИ — ПОЛУЧИТ, ДЕНЬГИ — СПАСТИ, ДЕНЬГИ — НАКОПИТЬ, ДЕНЬГИ — НЕ ХВАТАЕТ, ДЕНЕГ — НЕТ. С лексемой ЭКОНОМИКА — ИСКАТЬ и ПЕРЕЖИВАТЬ. Самое частотное словосочетание

из 2 слов ДОСТУПНЫЙ — ЭКОНОМИКА или словосочетание из 3 слов ДОСТУПНЫЙ — ЭКОНОМИКА — ПОЧЕМУ передает закрепившийся в языковом сознании образ постоянно возникающих экономических трудностей у населения (возможно, из-за низкой финансовой грамотности) при многочисленных попытках повысить свое благосостояние.

Среди самых частотных географических названий встречаются топонимы *Россия* (3), *Москва* (10), *РФ* (49), *США* (52), *Украина* (57) и прилагательные *российский* (16), *московский* (47), *русский* (53). Актуализируются наиболее значимые смысловые компоненты медиадискурсивного пространства, относительно которых самоорганизуются менее частотные лексические единицы.

Во 2 периоде актуализируется лексема МОЧЬ, которая передает значение возможности реализации каких-либо действий, событий. Самое частотное сочетание 2 слов — это МОЧЬ и БЫТЬ (может быть, могут быть), чем иллюстрируется ознакомительная подача материала о вероятностном развитии событий, а не побудительная.

Глаголы БЫТЬ (1), МОЧЬ (5), СТАНОВИТЬСЯ (11), ГОВОРИТЬ (13), ДЕЛАТЬ (21), ПОЛУЧАТЬ (22), ПОМОГАТЬ (24), ДАВАТЬ (44), ХОТЕТЬ (46), ИДТИ (58), ПЛАТИТЬ (60) являются самыми частотными в выборке 2 периода. Рассмотрим типичные контексты. Четко прослеживается тема демографическая, тема материнства и социальной поддержки со стороны государства:

Галина Шубенина родом из Пензы. Она стала мамой в том возрасте, когда большинство женщин уже нянчат внуков (АиФ, «Молодая» мама в 60. Как позднее материнство открыло второе дыхание 12.01.2016);

Сколько сможет получать в месяц молодая мама, если будет сидеть в отпуске по уходу за ребёнком? (АиФ, Вырастут ли пособия молодым мамам? 25.05.2016);

Кто может получать «детское» пособие? (АиФ, 03.12.2016);

Как будут платить декретные частные предприниматели? (АиФ, Как оформить декрет у частника? 30.11.2016).

Обилие конструкций в будущем времени и/или глаголы вероятности, допустимости реализации не столько фокусируют внимание читателя, сколько информируют и поясняют. Обсуждаемые в новостном дискурсе социальные проблемы связаны с медициной, ЖКХ, трудоустройством, реформами и воспринимаются как нерешенные вопросы. Использование отрицательных конструкций указывает на беспокойство, эмоциональную включенность, раздраженность реципиентов СМИ (лишь не делать, точно нельзя лечить-

ся, не хотим, надеяться больше не на что). Также отмечается присутствие флуктуаций в антонимичных конструкциях (снижение растущей смертности), конструкций со значением преодоления (справиться самому), глаголов контроля (отслеживать):

Говорят, что для снижения растущей смертности в регионах создадут комиссии, которые будут отслеживать обстановку (АиФ, От чего умирают россияне? 17.06.2015);

Часто простуда бывает такой, что поход к доктору излишен. С ней можно справиться самому, нужно лишь не делать ошибок. (АиФ, Сам себе доктор. Можно ли лечить простуду самостоятельно? 03.02.2015);

По данным соцопросов, большинство россиян против повышения пенсионного возраста. Это мы такие ленивые и просто не хотим работать? (АиФ, В чём тут выгода?, 11.03.2015);

Жителям аварийных домов много лет обещают переселение. Но, говорят, вышел новый закон, и надеяться больше не на что... (АиФ, Кого переселят из аварийного жилья? 16.02.2015).

Темы экономического развития также волнуют коммуникантов и отражаются в языковом сознании в форме соответствующих смысловых конструкций:

Минсельхоз США считает, что Россия скоро станет главным поставщиком пшеницы в мире (АиФ, Калачи и «калаши». Накормит ли Россия хлебом весь мир? 26.02.2016);

Экономика России, как Илья Муромец <...> упёрлась в дорожный камень. И, как быллинный богатырь, оказалась перед крайне сложным выбором — Куда идти? (АиФ, Верните славянский шкаф! Сможет ли Россия провести новую индустриализацию? 20.04.2016);

До начала 2017 г. по историческим меркам остаются считанные дни. А это значит, что страна вступает в год 100-летия февральской и октябрьской революций. И снова Россия в спорах: какая история лучше? Куда с этой историей идти? (АиФ, Ремонт истории. Можно ли избавиться от исторических иллюзий и «хотелок»? 16.11.2016).

Прослеживается востребованный паттерн в языковом сознании адресатов, озвучиваемый СМИ: КУДА — ИДТИ.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

Центральное место в анализируемых данных лексического облака занимают лексемы БЫТЬ, ГОД, РОССИЯ, ПОЧЕМУ, МОЧЬ

в 2 периоде, заменив лексемы СТРАНА, СССР, СОВЕТСКИЙ, ГОД, ВОПРОС в 1 периоде (Табл. 2, 3). Лексема ЧЕЛОВЕК осталась на той же позиции, количество вхождений лексемы ЧИТАТЕЛЬ значительно сократилось. И в том, и другом исследуемом промежутке одной из самых частотных лексем является лексема ГОД (лет назад, года назад):

Главные ориентиры года (АиФ, 22.01.1985);

Книги-победители 2014 года (АиФ, 09.01.2015).

ГОД в российском языковом сознании — это константа, точка отсчета, единица измерения оценки промежуточных результатов, сравнения с предыдущими итогами, выстраивания дальнейшего развития.

Глагол БЫТЬ становится центральным во 2 периоде, хотя и в 1 периоде он занимает 6 позицию. Глагол БЫТЬ — самый бытийный глагол, служащий для отображения свойств реального мира, а также как вспомогательный глагол-связка.

Самые частотные словосочетания 1 периода — это БЫТЬ ОТВЕТ, БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ И МОЧЬ БЫТЬ в дальней периферии лексического облака. Самые частотные словосочетания 2 периода — это МОЧЬ БЫТЬ (могут быть, могло быть), ДОЛЖЕН БЫТЬ (должны быть, должна быть), РЕБЕНОК БЫТЬ (дети были, есть дети) и дальней периферии облака БЫТЬ ШАНС (есть шанс, были шансы), БЫТЬ РОССИЯ (будет Россия, России будет). Другими словами, через 30 лет словосочетание МОЧЬ БЫТЬ выходит на первый план из дальней периферии смыслового конструкта российского языкового сознания, передавая все большую предположительность, неуверенность, отсутствие категоричности и определенности в публикуемых в массмедиа алгоритмах мышления. Частотное словосочетание из 3 слов МОЧЬ БЫТЬ ПРИЧИНА (может быть причиной) подтверждает эти данные. Здесь следует говорить о множественном присутствии точек неустойчивости, достаточно сильных смысловых флуктуациях в медиадискурсивной системе. Читателю предоставляется право и ответственность за выбор и исход выбора того или иного алгоритма мышления/действий, предлагаемого в медиадискурсе.

Смысловые компоненты СТРАНА, СССР, СОВЕТСКИЙ, усиливая друг друга, фактически передают одну и ту же смысловую конструкцию в 1 периоде, означающую советскую страну с социалистическим укладом жизни. Во 2 периоде эти три единицы заменяются на одну единицу РОССИЯ, несущую смысловую нагрузку *российское, несовет-*

ское государство, с новым, несоциалистическим укладом жизни.

Смысловой компонент ВОПРОС в 1 периоде плавно трансформируется в вопросительное слово ПОЧЕМУ, также присутствующее на периферии лексического облака 1 периода. Стоит предположить, если в советском языковом сознании позднего периода существования СССР, актуальны обращения, требующие разъяснения (ответ — вопрос, быть — ответ), то в российском языковом сознании происходит конкретизация запроса, требующего объяснения причинно-следственных связей (почему — Россия, почему — чиновник).

С помощью когнитивно-лингвостергического подхода выявлены следующие корреляции:

1. За 30 лет смысловый аттрактор СТРАНА стал менее выражен. Идеологический дискурс социалистического государства, дискурс социальной защиты граждан, где человек — высшая ценность, а также постоянное противоборство с идеологически чуждыми странами переместились в дальнюю периферию культурно-ценностной матрицы.

2. Во 2 периоде особую значимость приобретают аттракторы ДЕНЬГИ, ЭКОНОМИКА: каждый гражданин обязан самостоятельно принимать финансовые решения. Миграция лексем информирующего характера (МОЧЬ, БЫТЬ) из периферии в околоядерную область культурно-ценностной матрицы российского языкового сознания подтверждает этот паттерн.

3. Аттракторы культурно-ценностной матрицы 2 периода связаны с категориями *медицина, ЖКХ, трудоустройство, реформа* и вызывают беспокойство и озабоченность адресантов этими нерешенными вопросами. Во 2 периоде появляются вопросительные конструкции в околоядерной области (ПОЧЕМУ, КУДА).

4. Во 2 периоде медиатексты отражают самые насущные проблемы социума, личные потребности. В медиадискурсе практикуются самые востребованные алгоритмы и паттерны, позволяющие выжить и адаптироваться к окружающей среде.

5. Одним из самых легкодоступных и эффективных способов трансформации языкового сознания коммуникантов является медиадискурс, позволяющий эффективно формировать культурно-ценностную матрицу языкового сознания адресатов и менять существующие доминирующие смысловые аттракторы новыми. Хаотические процессы позволяют деконцентрировать систему смыслов культурно-ценностной матрицы, делая общество готовым к принятию новых куль-

турно-ценностных ориентиров и алгоритмов, транслируемых в медиатекстах.

6. Медиадискурсивные речевые практики позволяют трансформировать языковое сознание адресатов в разные временные промежутки и являются неотъемлемым связующим звеном в формировании современного мироустройства.

Результаты работы вносят вклад в развитие медиалингвистики, политической лингвистики, когнитивной лингвосинергетики, дискурсологии, корпусной лингвистики. Представляется перспективным проведение лингвистических исследований с анализом статистических данных, что повышает репрезентативность и верифицируемость результатов исследований, практическую применимость в современных реалиях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе выявлены и проанализированы корреляции структурных компонентов русскоязычных медиатекстов газеты «Аргументы и факты» в два разных периода (1985–1987 гг. и 2015–2017 гг.). Трансформация российского языкового сознания за 30 лет представлена через аттракторы культурно-ценностной матрицы, репрезентированной в медиадискурсивных речевых практиках. Точки входа при отборе материала исследования позволили оценить изменения в медиадискурсивном пространстве после культурно-ценностного хаоса 1990-х гг. Информационное противостояние фиксируется в языковом материале заголовков медиатекстов, представляющих свернутые смысловые конструкты, которыми, по большому счету, и мыслят реципиенты.

Массированное, разноплановое и, главное, *системное* воздействие глобальной пропаганды приводит к значительной унификации языкового сознания членов мирового сообщества и к оперированию навязанными СМИ категориями мышления и алгоритмами поведения в глобальном масштабе. Зачастую данные изменения в языковом сознании и в самоидентификации сопряжены с размыванием смысловых структур, в которых зафиксированы культурно-ценностные ориентиры и алгоритмы поведения для среднестатистического индивида, в пользу альтернативных, чаще глобальных, как наиболее эффективно транслируемых в медиадискурсе, более привлекательных для реципиентов. При конкурентов культурно-ценностных матриц (глобальной и национальной) в СМИ при подаче информации имеет место информационно-психологическая война за языковое сознание отдельных людей и социальных групп разной формы идентичности.

ИСТОЧНИКИ

1. Аргументы и факты // aif.ru: site. — URL: <https://aif.ru/gazeta/archive> (дата обращения: 01.01.2024–01.05.2024). — Текст : электронный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Барина, И. А. «Языковое сознание»: к вопросу об определении и интерпретации термина / И. А. Барина, Н. М. Несетерова, И. Г. Овчинникова. — Текст : непосредственный // Вестник Пермского государственного технического университета. Проблемы языкознания и педагогики. — 2010. — № 4. — С. 10–21.
2. Болдырев, Н. Н. Когнитивный подход в лингвистике и смежных областях знания / Н. Н. Болдырев. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2020. — № 2. — С. 5–25.
3. Болдырев, Н. Н. Концепт и значение слова / Н. Н. Болдырев. — Текст : непосредственный // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : межвуз. сб. науч. тр. — Воронеж : Изд-во ВГУ, 2001. — С. 25–36.
4. Болдырев, Н. Н. Принцип бесконфликтности языковой коммуникации / Н. Н. Болдырев. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2023. — № 3. — С. 5–15.
5. Головецкий, Н. Я. Теория хаоса и негативная пропаганда в современном информационном противоборстве / Н. Я. Головецкий, А. О. Кондрашов, С. В. Маркина. — Текст : электронный // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2017. — Т. 8. — № 2. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/06SFK217.pdf> (дата обращения: 20.03.2024).
6. Дзялошинский, И. М. Текст как ресурс воздействия на сознание и поведение людей: аналитический потенциал теории коммуникационных матриц / И. М. Дзялошинский. — Текст : непосредственный // Вопросы журналистики. — 2019. — № 6. — С. 5–44.
7. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления / Т. Г. Добросклонская. — Москва : КДУ, Добросвет, 2020. — 178 с. — Текст : непосредственный.
8. Дускаева, Л. Р. Типология речевых жанров журналистского дискурса / Л. Р. Дускаева. — Текст : непосредственный // Медиалингвистика. — 2014. — № S3. — С. 21–24.
9. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова; Рос. академия наук, Ин-т языкознания. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 560 с. — Текст : непосредственный.
10. Кушнерук, С. Л. Становление лингвистика информационно-психологической войны: методологическая неоднородность и первые результаты / С. Л. Кушнерук, А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Экология языка и коммуникативная практика. — 2019. — № 4-1. — С. 105–118. — DOI 10.17516/2311-3499-081.
11. Ларина, Т. В. Языковые механизмы манипулирования общественным мнением в английских и русских информационных текстах / Т. В. Ларина, В. И. Озюменко, Е. Б. Пономаренко. — Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. — 2011. — № 2. — С. 28–37.
12. Мамонова, Н. В. Специфика противодействия глобальным трендам (на материале российского медиадискурса) / Н. В. Мамонова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 1 (97). — С. 60–68. — DOI: 10.26170/1999-2629_2023_01_07.
13. Мамонова, Н. В. Лингвосинергетические особенности траекторий смыслового развития дискурса / Н. В. Мамонова. — Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. — 2016. — № 25. — С. 841–846. — DOI 10.20916/2071-9639-2016-25-841-846.
14. Пономарева, О. А. Актуализация политического имиджа В. В. Путина в российских и американских СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Пономарева О. А. — Волгоград, 2005. — 26 с. — Текст : непосредственный.
15. Шарп, Дж. От диктатуры к демократии: стратегия и тактика освобождения / Дж. Шарп. — Москва : Новое издательство, 2005. — 84 с. — Текст : непосредственный.

16. Korybko, A. Chaos Theory, Global Systemic Change, and Hybrid Wars / A. Korybko, H. Haddad. — Text : unmediated // Сравнительная политика. — 2016. — № 4. — С. 25–35.

17. Olizko, N. Semiotic And Synergetic Methods Of Text Analysis / N. Olizko, N. V. Mamonova, M. A. Самкова. — Text : unmediated // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS : Proceedings of the X International Conference, Chelyabinsk, 27–29 апреля 2020 года / Chelyabinsk State University. Vol. 86. — Chelyabinsk: Челябинский государственный университет, 2020. — P. 1056–1063. — DOI 10.15405/epsbs.2020.08.123.

MATERIALS

1. *Arguments and facts*. Aif.ru. Retrieved January 1, 1985 — December 1, 2017 from <https://aif.ru/>.

REFERENCES

1. Barinova, I.A. (2010). “Yazykovoe soznanie”: k voprosu ob opredelenii i interpretatsii termina [“Linguistic consciousness”: on the question of definition and interpretation of the term]. *Bulletin of the Perm State Technical University. Problems of linguistics and pedagogy*, 4, 10–21. (In Russ.)

2. Boldyrev, N.N. (2020). Kognitivnyi podkhod v lingvistike i smezhnykh oblastiakh znaniya [Cognitive approach in linguistics and related fields of knowledge]. *Questions of cognitive linguistics*, 2, 5–25. (In Russ.)

3. Boldyrev, N.N. (2001). Kontsept i znachenie slova [Concept and meaning of the word]. *Methodological problems of cognitive linguistics: Interuniversity* (pp. 25–36). Voronezh. (In Russ.)

4. Boldyrev, N.N. (2023). Printsip bezkonfliktnosti yazykovoi kommunikatsii [The principle of conflict-free language communication]. *Questions of cognitive linguistics*, 3, 5–15. (In Russ.)

5. Golovetsky, N.Ya., Kondrashov, A.O., & Markina, S.V. (2017). Teoriya khaosa i negativnaya propaganda v sovremennom informatsionnom protivoborstve [Chaos theory and negative propaganda in modern information warfare]. *Mir nauki. Sociology, philology, cultural studies*, 8. Retrieved March 20, 2024, from <https://sfk-mn.ru/PDF/06SFK217.pdf> (In Russ.)

6. Dzyaloshinsky, I.M. (2019). Tekst kak resurs vozdeistviya na soznanie i povedenie lyudei: analiticheskii potentsial teorii kommunikatsionnykh matrits [Text as a resource for influencing people's consciousness and behavior: the analytical potential of the theory of communication matrices]. *Questions of journalism*, 6, 5–44. (In Russ.)

7. Dobrosklonskaya, T.G. (2020). *Medialingvistika: teoriya, metody, napravleniya* [Media linguistics: theory, methods, directions]. Moscow, 178 p. (In Russ.)

8. Duskaeva, L.R. (2014). Medialingvistika: teoriya, metody, napravleniya [Typology of speech genres of journalistic discourse]. *Media linguistics*, 53, pp. 21–24. (In Russ.)

9. Kubryakova, E.S. (2004). *Yazyk i znaniye: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in cognition of the world]. Moscow, 560 p. (In Russ.)

10. Kushneruk, S.L., & Chudinov, A.P. (2019). Stanovlenie lingvistiki informatsionno-psikhologicheskoi voyny: metodologicheskaya neodnorodnost' i pervye rezul'taty [The formation of linguistics of information and psychological warfare: methodological heterogeneity and the first results]. *Ecology of language and communicative practice*, 4-1, 105–118. doi: 10.17516/2311-3499-081 (In Russ.)

11. Larina, T.V., Ozyumenko, V.I., & Ponomarenko, E.B. (2011). Yazykovye mekhanizmy manipulirovaniya obshchestvennym mneniem v angliiskikh i russkikh informatsionnykh tekstakh [Linguistic mechanisms of manipulation of public opinion in English and Russian information texts]. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Linguistic*, 2, 28–37. (In Russ.)

12. Mamonova, N.V. (2023). Spetsifika protivodeistviya global'nym trendam (na materiale rossiiskogo mediadiskursa) [The specifics of countering global trends (based on the material of the Russian media discourse)]. *Political linguistics*, 1(97), 60–68. doi: 10.26170/1999-2629_2023_01_07 (In Russ.)

13. Mamonova, N.V. (2016). Lingvosinergeticheskie osobennosti traektorii smyslovogo razvitiya diskursa [Linguosynergetic features of trajectories of semantic development of discourse]. *Cognitive studies of language*, 25, 841–846. doi: 10.20916/2071-9639-2016-25-841-846 (In Russ.)

14. Ponomareva, O.A. (2005). *Aktualizatsiya politicheskogo imidzha V.V. Putina v rossiiskikh i amerikanskikh SMI* [Actualization of V.V. Putin's political image in Russian and American media] [abstract of the dissertation of the Candidate of Philology.Sciences]. Volgograd, 26 p. (In Russ.)

15. Sharp, J. (2005). *Ot diktatury k demokratii: Strategiya i takтика osvobozhdeniya* [From dictatorship to democracy: Strategy and tactics of liberation]. Moscow, 84 p. (In Russ.)

16. Korybko, A., & Haddad, H. (2016). Chaos Theory, Global Systemic Change, and Hybrid Wars. *Comparative Politics*, 4, 25–35.

17. Olizko, N. (2020). Semiotic And Synergetic Methods Of Text Analysis. *European Proceedings of Social and Behavioral Sciences EpSBS* : Proceedings of the X International Conference, Chelyabinsk, April 27-29, 2020 (Chelyabinsk State University, Vol. 86, pp.1056–1063). doi: 10.15405/epsbs.2020.08.123.

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 811.111(73):373+81'27
 ББК ШП43.21-3+ШП00.621

ГРНТИ 16.21.47; 16.21.21

Код ВАК 5.9.6

Марина Анатольевна Соколова

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия, foreigndep@mail.ru, SPIN-код: 9785-1303, <https://orcid.org/0000-0002-1099-6302>

Использование корпусных инструментов в исследовании терминологии (на материале английского политического языка)

АННОТАЦИЯ. В статье предпринята попытка рассмотреть современную методологию терминологических исследований с применением методов корпусной лингвистики. В фокусе внимания статьи находятся некоторые инструменты корпусной лингвистики, способствующие качественному изучению специальной лексики: корпусы национальных языков и корпусные менеджеры. Чтобы считаться корпусом, собрание текстов (языковых фрагментов) должно отвечать ряду условий (большой объем материала, гарантирующий репрезентативность; наличие разных текстов, обеспечивающих сбалансированность; электронная форма хранения языкового материала; лингвистическая разметка текстов, позволяющая проводить лингвистический анализ). Автор статьи рассматривает современный этап развития терминоведения, проводит обзор существующих работ по корпусным исследованиям в терминологии и обосновывает использование корпусных инструментов при исследовании специальной лексики. На примере английского предтермина "hybrid warfare" («гибридная война»), относящегося к английской политической лексике, автор иллюстрирует функционал корпуса американского варианта английского языка (*Corpus of Contemporary American English, COCA*) и корпусного менеджера *AntConc* при терминологических исследованиях. В статье проводится обзор основных функций указанных инструментов и делается оценка относительно потенциала применения крупных и иллюстративных корпусов при исследовании специальной лексики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: корпусная лингвистика, корпусные инструменты, американский вариант английского языка, лексикология английского языка, лексические единицы, лексемы, корпусный менеджер, терминоведение, политическая терминология, политические термины, терминологические единицы, терминологические исследования, язык политики.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Соколова Марина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики и лексики английского языка им. В. Д. Аракина, Институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет; 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 88; email: foreigndep@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Соколова, М. А. Использование корпусных инструментов в исследовании терминологии (на материале английского политического языка) / М. А. Соколова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 229-234.

Marina A. Sokolova

Moscow Pedagogical State University (MPGU), Moscow, Russia, foreigndep@mail.ru, SPIN code: 9785-1303, <https://orcid.org/0000-0002-1099-6302>

Corpus Tools of Terminological Research (On the Material of Political English Language)

ABSTRACT. The article attempts to consider the modern methodology of terminological research using the methods of corpus linguistics. The article focuses attention on some corpus linguistics tools that contribute to a high quality study of special vocabulary: corpora of national languages and corpus managers. To be considered a corpus, a collection of texts (text fragments) must meet a number of requirements (a large volume of material that guarantees representativeness; presence of different texts that ensure balance; electronic form of storing language material; linguistic markup of texts, which allows carrying out linguistic analysis). The author of the article examines the current stage of the development of terminology, reviews the existing works on corpus research in terminology and justifies the use of corpus tools in the study of special vocabulary. Using the example of the English pre-term "hybrid warfare" ("hybrid war"), referring to the English political vocabulary, the author illustrates the functionality of the *Corpus of the American variant of the English language (Corpus of Contemporary American English, COCA)* and the *AntConc* corpus manager in terminological research. The article provides an overview of the main functions of these tools and makes an assessment regarding the potential of using large and illustrative corpora in the study of special vocabulary.

KEYWORDS: corpus linguistics, corpus tools, American English, English lexicology, lexical units, lexemes, corpus manager, terminological studies, political terminology, political terms, terminological units, terminological studies, language of politics.

AUTHOR'S INFORMATION: Sokolova Marina Anatol'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English Phonetics and Lexicology named after V. D. Arakin, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University (MPGU), Moscow, Russia.

FOR CITATION: Sokolova M. A. (2024). Corpus Tools of Terminological Research (On the Material of Political English Language). In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 229-234. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы терминоведения поставлены во многих работах [Алексеева 1998; Гринев-Гриневиц 2008; Лейчик 2007; Никулина 2018; Суперанская и др. 2012; Шелов 2018]. Среди прочих, к ним относятся составление терминологических словарей (терминография), фиксация и унификация новых терминов, исследование природы термины, стандартизация и гармонизация терминосистем и терминологий. Традиционно, для решения указанных проблем ученые-терминоведы прибегают к методам не только собственно терминологии, но и других дисциплин: лексикологии, лексикографии, теории перевода, стилистики текста и пр.

Современное состояние и быстрый рост информационных технологий вносят свой вклад в решение терминоведческих проблем, в частности, благодаря развитию новых научных отраслей. Корпусная лингвистика, появившись как часть цифровой гуманитаристики (*Digital Humanities*), сегодня выделена в отдельную дисциплину, которая сочетает как лингвистические, так и компьютерные методы обработки текстов. Она предлагает свои инструменты и для решения терминологических проблем: выявление частотности, контекстного употребления, узальных форм исследуемых единиц, их сочетаемости и пр. По своей сути, корпусная лингвистика — это эмпирический подход к исследованию языковых данных, использующий качественные и количественные методы при изучении больших объемов машиночитаемых (оцифрованных) текстов [Гросс 2016].

Сегодня корпусная лингвистика предлагает довольно большой инструментарий, который ускоряет и упрощает процесс обработки языковых данных, что во многом облегчает труд исследователей.

В настоящей статье проводится обзор некоторых корпусных инструментов (корпусов национальных языков и корпус-менеджера), описываются основные алгоритмы работы с ними, а также делаются выводы о потенциале их применения при исследовании терминологии.

Таким образом, **актуальность** настоящей работы заключается в интеграции инструментов корпусной лингвистики в методологию терминоведения.

КОРПУС

Основным понятием корпусной лингвистики является **корпус текстов** — репрезентативный массив унифицированных, размеченных и структурированных языковых

данных, представленных в машиночитаемом формате [Захаров, Богданова 2020: 11].

Собрание текстов (языковых фрагментов) становится корпусом только при соблюдении определенных условий [Захаров, Богданова 2020: 11–13; Копотев 2014: 9–11]:

- большой **объем** отобранного материала гарантирует **репрезентативность** корпуса,

- наличие в выборке разных текстов (желательно в равных пропорциях) определяет **сбалансированность** корпуса,

- электронная **форма** хранения языкового материала обеспечивает скорость и удобство работы с ним,

- лингвистическая **разметка** текстов позволяет производить их автоматический анализ.

Сегодня существует большое количество самых разнообразных корпусов, отличающихся по объему, жанру, цели, назначению или доступности. Самые крупные из них — это корпусы национальных языков, например, Национальный корпус русского языка (НКРЯ) на момент своего создания насчитывал около 500 млн словоупотреблений, Британский национальный корпус (*British National Corpus, BNC*) — около 100 млн, Корпус американского варианта английского языка (*Corpus of Contemporary American English, COCA*) — около 560 млн. Корпусы национальных языков отличаются не только пользовательской доступностью, но и стремительным ростом числа использованных в них текстов. Так, ежегодный прирост лексического материала Корпуса американского варианта английского языка составляет примерно 20 млн слов, что делает его одним из крупнейших корпусов на сегодняшний день с общим числом словоупотреблений около 1 миллиарда.

Использование крупных корпусов в терминоведении применимо, в первую очередь, для установления статистических данных (нормированная частотность ЛЕ на 1 млн словоупотреблений) и для поиска контекстного иллюстративного материала. В том, что касается именно политического дискурса, то анализ частотных сочетаний и индексных рядов наряду с исследованием систем модальности помогают установить идеологемы и описать их социолингвистические и идеологические характеристики [Юе 2023].

Однако, применение крупных корпусов для решения узких исследовательских терминологических задач представляется не совсем целесообразным. Проиллюстрируем данное утверждение конкретным примером практического исследования в Корпусе американского варианта английского языка (да-

лее СОСА) еще неустоявшейся единицы «гибридная война» (*hybrid war/warfare*), которая представляет собой **предтермин** — специальную лексическую единицу, используемую для номинации нового понятия, часто с колебанием значения и формы [Гринева-Гриневиц 2008: 45]. «Гибридная война» означает военную стратегию, в которой сочетаются как традиционные приемы ведения войны, так и политическое и дипломатическое давление, запугивание, информационное манипулирование и дезинформация, террористические акты и прочие неконвенциональные действия [Hoffman 2007].

Поиск в Корпусе СОСА, осуществленный по базовым функциям *List* и *Chart*, выявил существенный дисбаланс между большим объемом и качеством текстов и количеством установленных контекстных употреблений искомой ЛЕ: первичный поиск би-грама (двухкомпонентной единицы) «*hybrid warfare*» позволяет установить всего 3 контекста для «*hybrid war*» и 5 — для «*hybrid warfare*». Результаты запроса в корпусе представлены в виде конкорданса (рис. 1 и рис. 2).

При этом кросс-поиск единицы «*hybrid*» позволил установить свыше 10 000 токенов (употреблений) в текстах 8 жанров (куда относятся разговорные, публицистические, художественные, академические тексты, а также телевизионные и интернет материалы), опубликованных за период с 1990 по 2019 г.

Выявленная диспропорция может быть объяснена, во-первых, характеристиками самого корпуса: это ограничение по дате публикации и жанровые особенности текстов, которые не позволяют проводить исследования в синхронии. И хотя объем и качество представленного в корпусе текстового материала в значительной мере усложняют обработку информации и не вполне отвечает узким терминологическим запросам, СОСА предоставляет исследователю богатые иллюстративные возможности.

КОРПУС-МЕНЕДЖЕР

Для практических целей, в частности, для решения ряда исследовательских задач в корпусной лингвистике используются **корпус-менеджеры** (или корпусные менеджеры), позволяющие создать собственный исследовательский или иллюстративный корпус за счет загрузки в него конкретного языкового материала.

Корпусный менеджер представляет собой специализированную программу, при помощи которой производится поиск данных в корпусе и получение статистической информации в удобной для пользователя форме [Захаров, Богданова 2020: 110; Копотев 2014: 119]. Наиболее известны такие корпусные менеджеры, как *WordSmith*, *AntConc*, *Sketch Engine*, *TermoStat*.

Для того, чтобы подробно рассмотреть функции корпусного менеджера, для настоящего исследования был сформирован иллюстративный корпус на платформе корпусного менеджера AntConc путем загрузки в него 10 текстов отчетной документации Конгресса США, находящихся в открытом доступе. Общее число словоупотреблений составило 59960 токенов или 7051 слово.

Автоматическое формирование списка слов (*word list*) в менеджере позволяет вывести на экран слова от наиболее к наименее частотным, и наоборот, в зависимости от настроек. Как правило, в сотню самых частотных единиц попадают, в основном, артикли, предлоги, местоимения, вспомогательные глаголы, глаголы-связки и общеупотребительные слова (в анализируемом иллюстративном корпусе наибольшую частоту показали единицы *the, and, of, to, in, a*). Программа учитывает все случаи словоупотребления, включая и имена собственные — имена, географические названия и пр. (например, *Brzezinski, Jerusalem, Jinping, Korea, Lee*).

+CONTEXT			
1	2017	SPOK NPR_FreshAir	#kind of the digital part of what Ukrainians call a hybrid war - that they're trying to humiliate the Ukrainian government, to destabilize
2	2016	NEWS New York Times	#accord. " Unfortunately, Russia has started this so-called hybrid war not to have it resolved in talks. " Europe, she said
3	2015	MAG Atlantic	#guess. # Russia's annexation of Crimea and its hybrid war in eastern Ukraine are different. A nuclear-armed former superpower, Russia was

Рис. 1. Результаты запроса единицы «*hybrid war*» в Корпусе СОСА

+CONTEXT			
1	2018	SPOK NPR_Morning	#the message to Russia that they need to stop their hybrid warfare , their cyberattacks, not complying with the INF Treaty. What they
2	2017	NEWS Washington Times	#engagement was an act of war, an act of hybrid warfare , and I think that's why the American people should be concerned
3	2016	NEWS New York Times	#accessing voter registration rolls - is a digital form of hybrid warfare . In Ukraine, this took the form of Russian soldiers engaging in
4	2012	ACAD ForeignAffairs	#last decade: how to deal with the challenge of hybrid warfare . In the future, it will be increasingly common for the army
5	2012	ACAD ForeignAffairs	#we have made great strides in incorporating the complexity of hybrid warfare into our training for deploying forces, and we are determined to consolidate

Рис. 2. Результаты запроса единицы «*hybrid warfare*» в Корпусе СОСА

Следующим важным фактором, влияющим на качество обработки материала, является критерий выделения терминов из анализируемых текстов. Сама программа этого сделать не может, поскольку случай употребления лексической единицы в политическом документе и его стилистическая маркированность как *learned word* (книжная лексика) еще не гарантируют его статус как терминологической единицы. Кроме того, формат оцифрованных текстов иногда допускает ошибки при машинном анализе («склеивание» слов, неправильное распознавание знаков и пр.). Таким образом, отбор единиц для исследования должен производиться исследователем вручную с опорой на основные характеристики термина — номинацию специального понятия и дефинированность.

Немаловажно, что функционал корпусной лингвистики еще только развивается, поэтому проводимые попытки автоматического выделения терминов той или иной области знания при помощи различных статистических методов (см., например, [Гросс 2016], [Гросс 2017] или [Новикова 2020]) часто

могут быть ошибочны. Это в первую очередь касается терминов-словосочетаний, поскольку система может обнаруживать устойчивые словосочетания, которые не являются терминами, и не обнаруживать двух- и трехкомпонентные термины. Наилучшие результаты обнаруживаются при автоматическом выделении моноксемных терминов.

Тем не менее, корпусные менеджеры могут быть полезны при изучении контекстного употребления термина, а также его сочетаемости. Для получения подобной информации применяется функция *KWIC* (*key word in context*) — представление списка найденных примеров нужного термина (поиск осуществлялся по первому компоненту искомой ЛЕ «гибридная война» — «*hybrid*») в виде конкорданса с централизацией сочетаемости по левому (рис. 3) и по правому контексту (рис. 4).

При помощи корпусного менеджера также возможно с минимальными временными затратами установить, в каких конкретно документах из сформированного корпуса эта единица употребляется, и ее частотность в них — функция *PLOT* (рис. 5).

	File	Left Context	Hit	Right Context
1	R43838.pdf	sh, "Inside a European Center to Combat Russia's	Hybrid	Warfare," Foreign Policy, January 18, 2018.
2	R43838.pdf	Chuter, "NATO to Define Plan to Counter Russia's	Hybrid	Warfare Tactics," Defense News, December
3	R43838.pdf	Ng and Eugene Rumer, "The West Fears Russia's	Hybrid	Warfare. They're Missing the Bigger Picture
4	R43838.pdf	nes, September 13, 2017. Susan Landau, "Russia's	Hybrid	Warriors Got the White House. Now They'r
5	R43838.pdf	February 22, 2016. Maxim Trudolyubov, "Russia's	Hybrid	War," New York Times, February 24, 2016.

Рис. 3. Централизация сочетаемости ЛЕ «*hybrid*» по левому контексту конкорданса

	File	Left Context	Hit	Right Context
1	R43838.pdf	ftware; and 35 capabilities for countering so-called	hybrid	warfare and gray-zone tactics. The issue fo
2	R43838.pdf 33 Capabilities for Countering	Hybrid	Warfare and Gray-Zone Tactics
3	R43838.pdf	—Issues for Congress Capabilities for Countering	Hybrid	Warfare and Gray-Zone Tactics Russia's se
4	R43838.pdf	merica requirements) for U.S. military systems? 35	Hybrid	warfare and gray-zone tactics. Do the Unit
5	R43838.pdf	all Wars Journal, October 10, 2021. Gabriel Lloyd, "	Hybrid	Warfare and Active Measures," Small Wars

Рис. 4. Централизация сочетаемости ЛЕ «*hybrid*» по правому контексту конкорданса

Row	FileID	FilePath	FileTokens	Freq	NormFreq	Dispersion	Plot
1	8	R43838.pdf	41936	61	1454.597	0.247	
2	4	IF11428.pdf	1511	1	661.813	0.000	

Рис. 5. Частотность ЛЕ «*hybrid*» по функции *PLOT*

Как видно из представленного Рисунка 5, искомая единица «*hybrid*» обнаружена только в двух текстах — 61 раз в первом тексте, и всего один раз во втором. Данная функция также позволяет установить, в какой именно части анализируемого документа эта ЛЕ встречается.

При нажатии на фрагментарные полосы исследователь переходит к функции *File View* (данная кнопка есть и независимо в самом интерфейсе корпус-менеджера), которая позволяет увидеть контекстное употребление.

Крайне интересной представляется функция *Cluster*, при помощи которой возможно установить самые типичные сочетания, при этом корпус-менеджер позволяет вручную выставить необходимое количество коллокантов и централизовать их сочетаемость по левому (*hybrid war[fare]*, *hybrid warfare operations*, *hybrid and cyber actions*) или правому контексту (*Russia's hybrid*, *to counter the hybrid*, *new way of hybrid*).

При помощи функции *N-Gram* возможно установить количество компонентов исследуемой единицы, является она моно- или полилексемной. В нашем случае, помимо установленной ЛЕ «*hybrid war[fare]*», из предложенного корпус-менеджером списка в 14 единиц наиболее перспективным представляется би-грам «*hybrid threat*», поскольку в остальных сочетаниях ЛЕ «*hybrid*» употреблена с последующим артиклем, союзом или именем собственным.

ВЫВОДЫ

Проведенный обзор корпусных инструментов позволяет заключить, что потенциал их применения в терминологических исследованиях довольно высок, а сферы — разнообразны.

В первую очередь, использование корпусов национальных языков предоставляет исследователям доступ к неограниченному текстовому материалу, что позволяет изучить функционирование терминов непосредственно в узусе.

Корпусные менеджеры, в свою очередь, позволяют обрабатывать текстовый корпус, созданный для конкретных нужд исследователя, и, таким образом, представляют собой чрезвычайно удобный рабочий инструмент для терминологических исследований.

Интеграция инструментов корпусной лингвистики в методологию терминоведения представляется перспективной, однако, полностью исключить человека из процесса обработки текстового материала не получится, а при исследовании и особенно при отборе терминов необходимо все-таки опираться на

общепринятые критерии, принятые в терминоведении: номинация специального понятия и дефинированность, а при использовании исследовательских методов — на их комбинирование.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева, Л. М. Термин и метафора / Л. М. Алексеева. — Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 1998. — 250 с. — ISBN 5-8241-0143-4. — Текст : непосредственный.
2. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С. В. Гринев-Гриневиц. — Москва : Академия, 2008. — 304 с. — Текст : непосредственный.
3. Гросс, М. А. Использование корпусной лингвистики при исследовании терминологии договорного права / М. А. Гросс. — Текст : непосредственный // Язык науки и техники в современном мире : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 14 апр. 2016 г.) / Омский государственный технический университет. — Омск : Омский государственный технический университет, 2016. — С. 57–62.
4. Гросс, М. А. Автоматизированное выделение терминологии из текстов договоров на английском языке при помощи средств корпусной лингвистики / М. А. Гросс. — Текст : непосредственный // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. — 2017. — № 1. — С. 33–36.
5. Захаров, В. П. Корпусная лингвистика : учебник / В. П. Захаров, С. Ю. Богданова. — 3-е изд., перераб. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. — 234 с. — Текст : непосредственный.
6. Зотина, Е. В. Диахронические изменения частотности существительных на материале Национального корпуса русского языка / Е. В. Зотина, В. Д. Соловьев. — Текст : непосредственный // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2012. — Т. 154, № 5. — С. 34–44.
7. Копотев, М. В. Введение в корпусную лингвистику : учеб. пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей университетов / М. В. Копотев. — Animedia, 2014. — Текст : электронный.
8. Лейчик, В. М. Терминоведение. Предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. — Изд. 3-е. — Москва : Изд-во ЛКИ, 2007. — 256 с. — Текст : непосредственный.
9. Никулина, Е. А. К вопросу о метафорической природе некоторых английских медицинских терминов / Е. А. Никулина. — Текст : непосредственный // Термины в коммуникативном пространстве : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием «Дискурсология, терминология, экология языка в современной лингвистике» (Астрахань, 11 мая 2018 года) / отв. ред. С. И. Маджаев. — Астрахань : Астраханский государственный медицинский университет, 2018. — С. 259–264.
10. Новикова, А. А. Сравнение инструментов Sketch Engine и TermoStat для извлечения терминологии / А. А. Новикова. — Текст : непосредственный // International Journal of Open Information Technologies. — 2020. — Т. 8, № 11. — С. 73–79. — EDN GCRYJW.
11. Новикова, А. А. Методы корпусной лингвистики в терминоведении / А. А. Новикова. — Текст : непосредственный // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. — 2021. — № 2 (20). — С. 63–66. — EDN UTEMPZ.
12. Суперанская, А. В. Общая терминология: вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева ; отв. ред. Т. Л. Канделаки. — Изд. 6-е. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 248 с. — Текст : непосредственный.
13. Шелов, С. Д. Очерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практические приложения / С. Д. Шелов. — Москва : ПринтПро, 2018. — 472 с. — Текст : непосредственный.
14. Юе, С. Методы исследования политического дискурса в контексте цифровизации гуманитарных наук / С. Юе. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. —

2023. — № 1 (97). — С. 136–143. — DOI 10.26170/1999-2629_2023_01_15.

15. Anthony, L. *AntConc* (Version 4.2.4) [Computer Software] / L. Anthony. — Tokyo : Waseda University, 2023. — URL: <http://www.laurenceanthony.net/software/antconc/> (date of access: 31.10.2023). — Text : electronic.

16. Hoffman, Frank G. *Conflict in the 21 st Century: The Rise of Hybrid Wars* / Frank G. Hoffman ; Potomac Institute for Policy Studies. — Arlington, Virginia. — December, 2007. — URL: https://www.potomac institute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf (date of access: 31.10.2023).

REFERENCES

1. Alekseeva, L.M. (1998). *Termin i metafora* [Term and Metaphor]. Perm': Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet, 250 p. ISBN 5-8241-0143-4. (In Russ.)

2. Grinev-Grinevich, S.V. (2008). *Terminovedenie* [Terminology science] [University textbook]. Moscow: Akademiya, 304 p. (In Russ.)

3. Gross, M.A. (2016). Ispol'zovanie korpusnoj lingvistiki pri issledovanii terminologii dogovornogo prava [Application of corpus linguistics in research of contract law terminology]. In *Yazyk nauki i tekhniki v sovremennom mire* (papers from V Intern. scientific and pract. conf., pp. 57–62). Omsk: Omskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet. (In Russ.)

4. Gross, M.A. (2017). Avtomatizirovannoe vydelenie terminologii iz tekstov dogovorov na anglijskom yazyke pri pomoshchi sredstv korpusnoj lingvistiki [The computer aided extraction of terms from the English legal texts by means of the Corpus tools]. *Omskij nauchnyj vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*, 1, 33–36. (In Russ.)

5. Zaharov, V.P., & Bogdanova, S.Yu. (2020). *Korpusnaya lingvistika: uchebnik* [Corpus linguistics: textbook]. (3rd ed., amendment). St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. Un-ta, 234 p. (In Russ.)

6. Zotina, E.V., & Solov'ev, V.D. (2012). Diahronicheskie izmeneniya chastotnosti sushchestvitel'nyh na materiale Nacional'nogo korpusa russkogo yazyka [Diachronic Changes in the Frequency of Russian Nouns on the Basis of the Russian National Corpus]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 154(5), 34–44. (In Russ.)

7. Kopotev, M.V. (2014). *Vvedenie v korpusnyy lingvistiku* [Introduction into Corpus linguistics] [Textbook for undergraduate students majoring in linguistics]. Animedia [el.uchebnik]. (In Russ.)

8. Lejchik, V.M. (2007). *Terminovedenie. Predmet, metody, struktura* [Terminology science. Subject, methods, structure] (3rd ed.). Moscow: Izdatel'stvo LKI, 256 p. (In Russ.)

9. Nikulina, E.A. (2018). K voprosu o metaficheskoy prirode nekotoryh anglijskikh medicinskih terminov [About the metaphoric nature of some English terms of emergency medicine]. In S.I. Madzhaev (Ed.), *Terminy v kommunikativnom prostranstve: materialy nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Diskursologiya, terminologiya, ekologiya yazyka v sovremennoj lingvistike»* (pp. 259–264). Astrahan': Astrahanskij gosudarstvennyj medicinskij universitet. (In Russ.)

10. Novikova, A.A. (2020). Sravnenie instrumentov Sketch Engine i TermoStat dlya izvlecheniya terminologii [Sketch Engine and TermoStat tools for automatic term extraction]. *International Journal of Open Information Technologies*, 8(11), 73–79. EDN GCRYJW. (In Russ.)

11. Novikova, A.A. (2021). Metody korpusnoj lingvistiki v terminovedenii [Methods of Corpus linguistics in terms study]. In *Na peresechenii yazykov i kul'tur. Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znaniya*, 2(20), 63–66. EDN UTEMPZ. (In Russ.)

12. Superanskaya, A.V., Podol'skaya, N.V., & Vasil'eva, N.V. (2021). *Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii* [General terminology: questions on theory] (Ed. T.L. Kandelaki, 6th ed.). Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 248 p. (In Russ.)

13. Shelov, S.D. (2018). *Ocherk teorii terminologii: sostav, ponyatijnaya organizaciya, prakticheskie prilozheniya* [The essay on the theory of terminology: content, notion organization, practical application]. Moscow: PrintPro, 472 p. (In Russ.)

14. Yue, X. (2023). Metody issledovaniya politicheskogo diskursa v kontekste cifrovizacii gumanitarnykh nauk [Methods of political discourse investigation in the context of the humanities digitalization]. *Politicheskaya lingvistika*, 1(97), 136–143. DOI 10.26170/1999-2629_2023_01_15. (In Russ.)

15. Anthony, L. (2023). *AntConc* (Version 4.2.4) [Computer Software]. Tokyo: Waseda University. Retrieved Oct. 31, 2023, from <http://www.laurenceanthony.net/software/antconc/>

16. Hoffman, Frank G. (2007, Dec.). *Conflict in the 21 st Century: The Rise of Hybrid Wars*. Arlington, Virginia: Potomac Institute for Policy Studies. Retrieved Oct. 31, 2023, from https://www.potomac institute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).

Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 81'27+811.111'42+811.111'38+808.51
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Олег Владимирович Спиридовский

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия, olegspirid@mail.ru, SPIN-код: 6317-8529

Современный политический дискурс: общедоступность или специализированность?

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья посвящена рассмотрению проблемы трансформации языка политики в условиях нового этапа развития современного информационного общества. **Предметом** изучения данной публикации служат формы проявления деспециализации языка политики, среди которых выделяются диалогизация общения, метафоричность коммуникации и прецедентность политического дискурса. **Целью** данной работы является определение механизмов и способов сокращения коммуникативной дистанции в сфере политики на материале американского президентского дискурса. Для ее достижения нами были использованы такие **методы исследования**, как контент-анализ и контекстуальный анализ. Было установлено, что президент США Джозеф Байден обращается к таким приемам, как создание форм диалогизации общения, использование метафорических образов и обращение к прецедентным единицам в своих высказываниях. Отдельную роль в президентском дискурсе США играют новые медиа, определяющие высокую скорость обмена информацией в сфере публичного общения и его массовый характер. Все вышесказанное помогает президенту подчеркнуть необходимость совместной работы и единства власти и народа. Полученные в результате проведенного нами исследования данные могут быть полезны для дальнейшего изучения механизмов и мотивов современного политического общения в других жанрах и лингвокультурах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, язык политики, политическая коммуникация, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, американские СМИ, языковые средства, английский язык, языковая личность, лингвоперсоналогия, американские президенты, когнитивная лингвистика, языковые единицы, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, политические метафоры, политическая риторика, политические речи, президентская коммуникация, диалогизация общения, прецедентные феномены.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Спиридовский Олег Владимирович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры перевода и профессиональной коммуникации, факультет романо-германской филологии, Воронежский государственный университет; 394018, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1; email: olegspirid@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Спиридовский, О. В. Современный политический дискурс: общедоступность или специализированность? / О. В. Спиридовский. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 235-240.

Oleg V. Spiridovskiy

Voronezh State University, Voronezh, Russia, olegspirid@mail.ru, SPIN code: 6317-8529

Common and Special Linguistic Features of Contemporary Political Discourse

ABSTRACT. The article studies the problem of transformation of the political language in the context of the new stage of development of the modern information society. The **object** of the study includes various communicative forms aimed at despecialization of political language, among which one can mention dialogization of communication, metaphorical character of communication and precedential character of political discourse. The **aim** of the article is to reveal the mechanisms and means of shortening the communicative distance in the sphere of politics on the material of American presidential discourse. In order to achieve this aim, the author employs such **research methods as the content and the contextual analysis**. It has been found that American President Joseph Biden uses such tactics as creation of dialogic forms of communication, metaphorization of communication, and use of precedent lexical units in his speeches. A specific part in the American presidential discourse is played by the so called new media since they determine faster information exchange and mass character of communication in the sphere of public interaction. All this helps the president emphasize the necessity of common work and unity of the power and the people. The data obtained in the course of the study may be useful for further research of the mechanisms and motives of contemporary political communication in other genres and linguocultures

KEYWORDS: political discourse, political texts, language of politics, political communication, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, American media, language means, English language, linguistic personality, linguopersonology, American presidents, cognitive linguistics, language units, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, political metaphors, political rhetoric, political speeches, presidential communication, dialogization of communication, precedent phenomena.

AUTHOR'S INFORMATION: Spiridovskiy Oleg Vladimirovich, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Translation and Professional Communication, Faculty of Romance and Germanic Philology, Voronezh State University, Voronezh, Russia.

FOR CITATION: *Spiridovskiy O. V. (2024). Common and Special Linguistic Features of Contemporary Political Discourse. In Political Linguistics. No 4 (106), pp. 235-240. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Политический дискурс традиционно занимает одно из наиболее заметных мест в перечне статусно-ориентированных видов коммуникации, характеризующихся высокой степенью институционализации и иерархичности общения [Карасик 2002; Кашкин 2004; Спиридовский 2011]. Для такого типа общения характерна, в первую очередь, коммуникация по линии «институт — граждане», что предполагает приоритетную роль политических институтов и представляющих их политических лидеров как носителей и отправителей соответствующих профессионально ориентированных видов знания. С другой стороны, граждане (в другой ситуативной терминологии — избиратели, потребители политического контента) предстают как достаточно пассивная сторона политической коммуникации, чья обратная реакция не является достаточно четко акцентированной и не может быть полноценно озвучена в виде коммуникативно-речевых актов и практик. Последнее отражается в использовании специализированной терминологии, предназначенной для именованя объектов и предметов политической сферы, участников коммуникации в этой сфере, ключевых понятий, политических норм и практик. Можно, однако, отметить, что понятие термина у представителей разных дисциплин не совпадает и имеет неравный объем содержания, а также может рассматриваться с позиций как языковых, так и логических аспектов, что обуславливает разнообразие определений термина. В частности, В. П. Даниленко в своей работе предлагает 19 определений термина, указывая, что этот перечень может быть дополнен [Даниленко 1977: 83–86]. В целом, на наш взгляд, следует согласиться с точкой зрения В. А. Татарина, который считает, что «термин — это динамическое явление, которое рождается, формулируется, углубляется в процессе познания (когниции), перехода от концепта — мыслительной категории — к вербализованному концепту, связанному с той или иной теорией, концепцией, осмысляющей ту или иную область знания и деятельности» [Татарин 1996: 20]. Уже классической можно признать позицию В. М. Лейчика, считавшего, что все языковые определения термина делятся на две группы. Сторонники первой группы определений полагают, что термины обладают отдельным, особым статусом в лексической системе языка. Сторонники второй группы дефиниций предпочитают говорить о том,

что термины — не особые единицы, а только слова с особой функцией, которая может быть актуализирована и даже модифицирована в условиях реальной коммуникации [Лейчик 2006].

Следовательно, специфика современных реалий развития информационного общества начинает проявлять себя в прямом или косвенном участии все большего числа граждан в разнообразных коммуникативных практиках, жанрах и форматах общения и характеризуется, в первую очередь, высокой степенью диалогизации (хотя зачастую и формальной) и претензией на сокращение коммуникативной дистанции. В этой связи закономерно возникает вопрос о том, насколько реальным или иллюзорным является этот процесс и каким является соотношение открытости (общедоступности) политической сферы и специализированности ее языка.

Цель настоящей публикации заключается в определении механизмов и способов сокращения коммуникативной дистанции в сфере политики на материале американского президентского дискурса.

Материалом нашего исследования послужили ежегодные выступления президента США Джозефа Байдена о положении дел в стране, традиционно именуемые в американском президентском дискурсе “State of the Union Addresses”.

Объектом исследования в настоящей публикации выступают категории общедоступности и специализированности политического дискурса.

Предметом изучения служат формы проявления деспециализации языка политики, среди которых выделяются диалогизация общения, метафоричность коммуникации и прецедентность политического дискурса.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Необходимо отметить, что интенсивное развитие технологий, обеспечивающих функционирование как печатных, так и электронных средств массовой информации (далее СМИ), уже давно стало важнейшей составляющей частью социальной жизни современного человека. И хотя первые упоминания о печатных изданиях относятся еще к 17 веку, масштабная цифровая революция, которая привела к принципиальному изменению роли СМИ в современном обществе, произошла в конце 20 века. Точкой отсчета этой революции принято считать события в американском штате Оклахома в апреле 1995 го-

да, когда Интернет оперативно откликнулся на произошедший террористический акт и составил конкуренцию традиционным СМИ, что нашло свое отражение в появлении термина «новые медиа». По сути, именно в тот момент Интернет перестал быть просто местом для хранения информации и начал претендовать на роль инструмента освещения событий и активного диалога самых различных субъектов коммуникации — от авторитетных институтов до рядовых граждан. Последнее обстоятельство сегодня отражается в активном использовании термина «обратная связь», ставшего аналогом английского термина “feedback”. Очевидно, что даже поверхностное рассмотрение коммуникативной специфики сферы СМИ свидетельствует о широких перспективах развития существующих и появления новых медиаформатов и способов распространения контента. Эта специфика уже находит свое отражение в использовании новых терминов (преимущественно заимствований из английского языка), которые больше не являются элементами узкоспециализированного профессионального языка, а оказывают прямое влияние на жизнь обычных людей.

В этой связи особый исследовательский интерес представляет проблема влияния и проникновения новых медиа в различные традиционные социальные сферы, а также анализ тех трансформаций, которые в результате происходят в этих сферах. В частности, по нашему мнению, сегодня можно поставить под сомнение саму возможность изменений и реформирования той или иной социальной среды без активного участия в этих процессах различных СМИ. Так, И. В. Рогозина утверждает, что существенным признаком современного мироустройства служит так называемая медиатизация, то есть «процесс и результат глобального воздействия на мышление индивидов при помощи различных медиа, выражающегося в формировании картины мира посредством специфических медийных когнитивных типов, т. е. когнитивных структур познания и представления реальности, которые возникают при взаимодействии индивида с глобальным информационным пространством» [Рогозина 2003: 122]. При этом «степень зависимости потребителей продукции СМИ от предлагаемых суррогатов так называемой духовной пищи может быть чрезвычайно высокой, а большинство потребителей настолько погружаются в перипетии жизни псевдожизни псевдогероев медийного контента, что даже перестают обращать внимание на события реальной действительности» [Васильев 2006: 96]. Такая среда открывает широкие воз-

можности для манипулирования интересами и действиями аудитории, происходящего преимущественно в скрытой форме, что, по мнению А. Б. Недзельской и О. О. Борискиной, делает предпочтительным употребление термина «манипуляция», а не «убеждение», поскольку убеждение осуществляется открыто в речевых актах информирования и предполагает большую степень свободы выбора адресата [Недзельская, Борискина 2021: 75]. В связи с этим в теории коммуникации возникают и активно используются наименования новых профессий, обозначающих специалистов в области формирования определенного отношения к передаваемой информации, таких как, например, имиджмейкер и спиндоктор [Почепцов 2000: 47–119]. В последнем случае речь идет о подготовке событий, но не в плане их репетиции, а в плане подготовки ожиданий аудитории. Ей предписывается заранее, как она должна поступить в случае того или иного развития событий, и это задает различные ритуальные сценарии восприятия происходящего [Кондратьев, Абрамов 2009; Watts 1997].

Отдельного внимания в этой связи заслуживает термин «медиалингвистика», закрепившийся в русскоязычном научном обиходе благодаря работам Т. Г. Добросклонской [Добросклонская 2014] и указывающий на междисциплинарный характер данной отрасли знания. Представляется, что медиалингвистика находится в русле интегративной тенденции развития гуманитарных наук.

Насколько же существенным можно считать влияние современных СМИ на процессы, происходящие сегодня в сфере политического дискурса? Для ответа на этот вопрос, на наш взгляд, следует обратиться к истокам возникновения политической лингвистики (термин А. П. Чудинова). Данный автор отмечает, что ее становление связано с вполне определенным историческим контекстом. В частности, возникшая во время и после Первой мировой войны ситуация погрузила человечество в атмосферу огромного пропагандистского влияния, противостояния и манипулирования общественным сознанием [Будаев, Чудинов 2006: 76–77]. Нам представляется, что и на современном этапе развития общества СМИ обладают всеми необходимыми техническими возможностями для реализации и продвижения определенных стратегий и идей, которые зачастую исходят от других институционализированных участников коммуникации, что делает СМИ инструментом влияния и приводит к ангажированности озвучиваемой ими позиции. Последнее достигается при помощи

использования технологий фильтрации и дифференциации информации, приводящей к выдвиганию на первый план выгодной повестки дня и игнорированию неуместной или нежелательной, что в англоязычном научном обиходе описывается в терминах “agenda setting” и “agenda building”.

В связи с вышесказанным мы считаем возможным сформулировать следующую гипотезу нашего исследования: массовый характер президентской политической коммуникации, происходящей посредством СМИ, приводит к общедоступности языка политики и транслируемых с его помощью сообщений, а также к понижению его терминологического статуса.

Каковы же основные характеристики политической коммуникации, подтверждающие данную гипотезу? Во-первых, необходимо сказать о том, что хронотопом для современной политической коммуникации выступает текущее или сиюминутное пространство современных СМИ. Скорость передачи информации как специфика функционирования СМИ приводит к упрощению и компактности новостей, доступности их контента для массовой аудитории. Современный получатель дискурса массмедиа, как правило, не успевает или не может прикладывать существенных усилий для сложной когнитивной расшифровки или декодирования смыслов. Вследствие этого отправители сообщений не обременяют себя использованием профессиональной лексики, а, напротив, стремятся добиться большего понимания за счет сокращения коммуникативной дистанции. Последнее обстоятельство, на наш взгляд, заставляет говорить о деинституционализации сферы политического общения.

Активное использование метафорических образов также имеет своей целью сближение с аудиторией и формирование общего когнитивного багажа знаний и представлений об окружающей действительности, так как система метафорических образов формирует базу для предметно-пространственного осмысления мира, существующего вокруг познающего его индивида. С точки зрения А. П. Чудинова этот мир представлен как пространство, включающее 4 ключевые категории метафор, такие как метафоры с концептом «человек», метафоры с концептом «инструмент», метафоры с концептом «природа», метафоры социальной сферы [Чудинов 2005: 79-87].

Рассмотрим примеры метафор первой группы на материале президентской политической коммуникации. В нее включаются метафоры, представляющие собой осмысление окружающего мира посредством обра-

зов, описывающих действия и организм человека. В качестве материала исследования нами были выбраны публичные выступления президентов, поскольку именно лидерам стран необходимо сближение с максимально широкой аудиторией.

В частности, президент США Джозеф Байден активно использует метафорические образы этой группы, как оригинальные, так и стертые, для осмысления экономической политики в сфере регулирования рынка. “*Some of my Republican friends want to take the economy hostage unless I agree to their economic plans*” (7 февраля 2023 г.). В данном примере американская экономика уподобляется человеку, а именно находящейся под угрозой жертве, которую можно взять в заложники. Далее в том же обращении к нации Дж.Байден характеризует свою страну как человека, у которого есть душа, как духовная, так и физическая сила. “*Because the soul of this nation is strong, because the backbone of this nation is strong, because the people of this nation are strong, the State of the Union is strong*” (7 февраля 2023 г.). Кроме этого, президент описывает свою страну как территорию, у которой есть глубокий тыл, центр, точка опоры, подобная сердцу человека. “*We’re seeing these fields of dreams transform the heartland*” (7 февраля 2023 г.). В обращении к нации от 7 марта 2024 года президент Дж.Байден критически отзывается о словах Дональда Трампа о том, что иммигранты подрывают силу США — “*immigrants poison the blood of our country*”.

Весьма распространенной в президентском дискурсе США является также метафора природы. Так, президент Дж. Байден продолжает критиковать предложения Д.Трампа, говоря о том, что они приведут к проблемам в сфере здравоохранения. “*Some Republicans want Medicare and Social Security to sunset every five years*” (7 февраля 2023 г.). Использованный образ солнца создает понятную всем слушателям картину положительной или отрицательной динамики развития сферы здравоохранения. Далее президент обозначает мощный потенциал новых экономических проектов с помощью метафоры землетрясения. “*We’ll fund your projects. And I’ll see you at the ground-breaking. This law will help further unite all of America*” (7 февраля 2023 г.). Эта метафора помогает передать идею новаторского характера инициатив, исходящих не от федеральных властей США, а от штатов страны. В завершении своего обращения к нации 7 марта 2024 года президент Дж.Байден заявляет о том, что успех США обусловлен особой американской миссией и особым предназначением

с помощью метафоры путеводной звезды. *“Whether young or old, I've always known what endures. Our North Star. The very idea of America, that we are all created equal and deserve to be treated equally throughout our lives”*.

Артефактная (или инструментальная) метафора приводит к единому знаменателю процессы, происходящие в сфере политики, и те объекты и предметы, которые окружают нас в реальной жизни. Так, стремясь подчеркнуть важность идеи совместной работы и межконтинентального партнерства, Дж. Байден говорит о сплочении союзников и ключевой роли США в этом процессе следующее: *“And bridges are forming between partners in the Pacific and those in the Atlantic. And those who bet against America are learning just how wrong they are. It's never a good bet to bet against America”* (7 февраля 2023 г.).

Сообщая о достижениях своей администрации за последние 2 года, президент Дж. Байден использует известные артефактные метафоры в виде лексического повтора. *“Jobs are coming back, pride is coming back, because of the choices we made in the last two years. This is a blue-collar blueprint to rebuild America and make a real difference in your lives”* (7 февраля 2023 г.).

Также надежным способом обеспечения открытости и общедоступности языка политики, равно как и повышения его эмоциональной окрашенности и упразднения афициоза, служит апеллирование к общенациональной когнитивной базе, имеющей прецедентный характер. Это означает, что лидер страны пытается преодолеть коммуникативную дистанцию по линии «свой — чужой», ссылаясь на историческую и культурную общность власти и народа. Например, *“Twenty years ago, under the leadership of President Bush and countless advocates and champions, we undertook a bipartisan effort through PEPFAR to transform the global fight against HIV/AIDS. It's been a huge success. I believe we can do the same with cancer”* (7 марта 2024 г.). В данном фрагменте президент подчеркивает еще и объединение усилий обеих политических партий США.

“Not since President Lincoln and the Civil War have freedom and democracy been under assault here at home as they are today. What makes our moment rare is that freedom and democracy are under attack, both at home and overseas at the very same time” (7 марта 2024 г.). В данном отрывке мы наблюдаем традиционную для президентского дискурса США ссылку на историческую преемственность и верность идеям демократии и свободы.

Говоря о необходимости противостояния опасности, исходящей, по мнению Дж. Бай-

дена, от России, и вспоминая исторические события, повлекшие за собой распад СССР, президент США с помощью приема аллюзии обращается к опыту сотрудничества двух империй и указывает на контраст между этим историческим периодом 20 века и текущими событиями 21 века. *“It wasn't that long ago when a Republican President, Ronald Reagan, thundered, “Mr. Gorbachev, tear down this wall””* (7 марта 2024 г.). Эмоциональную актуализацию данной аллюзии придает обращение к метафорическому образу грома на основе концептосферы природы.

ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проведенного анализа, мы можем констатировать, что стремление к общедоступности языка политики исходит от верховной власти США, и оно мотивировано необходимостью заручиться поддержкой американских избирателей и вызвать их интерес к публичному политическому дискурсу. Обеспечение коммуникативной и когнитивной общности по линии «институт — гражданин» формирует основу для продвижения новых программ и инициатив в социально-политической сфере и в то же время закрепления уже устоявшихся ориентиров и представлений, характерных для американского общества. В этой связи президентский дискурс проявляет тенденции к образности речи и исторической преемственности, что выражается в использовании метафорических приемов и прецедентности выступлений.

Кроме этого, важную роль в расширении числа участников политического дискурса играют средства массовой информации, которые в силу своего существенного манипулятивного потенциала и в условиях вариативности каналов и способов политической коммуникации детерминируют массовый характер общения в сфере политики и приводят к деинституционализации данной сферы.

ИСТОЧНИКИ

1. Biden, J. Full transcript: Biden's 2023 State of the Union Address. — URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/02/07/remarks-of-president-joe-biden-state-of-the-union-address-as-prepared-for-delivery/> (date of access : 10.06.2024). — Text : electronic.
2. Biden, J. Full transcript: Biden's 2024 State of the Union Address. — URL: <https://apnews.com/article/state-of-union-transcript-biden-2024-e84f5134e5201987eb441629aef5240c/> (date of access : 10.06.2024). — Text : electronic.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Будаев, Э. В. Становление и эволюция зарубежной политической лингвистики / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2006. — Вып. 20. — С. 75–94.
2. Васильев, А. Д. Некоторые манипулятивные приемы в текстах телевизионных новостей / А. Д. Васильев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2006. — Вып. 20. — С. 95–116.

3. Даниленко, В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. — Москва : Наука, 1977. — 246 с. — Текст : непосредственный.

4. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь : учебное пособие / Т. Г. Добросклонская. — Москва : Флинта, 2014. — 264 с. — Текст : непосредственный.

5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — Текст : непосредственный.

6. Кашкин, В. Б. Дискурс : учебное пособие / В. Б. Кашкин. — Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 2004. — 76 с. — Текст : непосредственный.

7. Кондратьев, Э. В. Связи с общественностью / Э. В. Кондратьев, Р. Н. Абрамов. — Москва : Академический проект, 2009. — 256 с. — Текст : непосредственный.

8. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. — Текст : электронный / В. М. Лейчик. — Москва : Либроком, 2009. — 256 с. — URL: https://tipk.kg/wp-content/uploads/sites/432/2021/05/leychik-v.m.-terminovedenie_predmet-metody-struktura.pdf

9. Недзельская, А. Б. Манипулятивные стратегии в англоязычном медиaproстранстве / А. Б. Недзельская, О. О. Борискина. — Текст : электронный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2021. — № 2. — С. 73–83. — URL: <https://journals.vsu.ru/lic/article/view/3417/3481/>.

10. Почепцов, Г. Г. Коммуникативные технологии двадцатого века / Г. Г. Почепцов. — Москва : Рефл-Бук, 2000. — 352 с. — Текст : непосредственный.

11. Рогозина, И. В. Функции и структура медиа-картины мира / И. В. Рогозина. — Текст непосредственный // Методология современной психолингвистики. — 2003. — С. 121–137.

12. Спиридовский, О. В. Лингвокультурные характеристики президентской риторики как вида политического дискурса / О. В. Спиридовский. — Воронеж : Наука-Юнипресс, 2011. — 173 с. — Текст : непосредственный.

13. Татаринов, В. А. Исторические и теоретические основания терминоведения как отрасли отечественного языкознания : дис. ... д-ра филол. наук / Татаринов В. А. — Москва, 1996. — 403 с. — Текст : непосредственный.

14. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2005. — 257 с. — Текст : непосредственный.

15. Watts, D. *Political communication today* / D. Watts. — Manchester : Manchester University Press, 1997. — 228 p. — Text : electronic.

MATERIALS

1. Biden, J. (2023, February 7). Full transcript: Biden's 2023 State of the Union Address. Retrieved from <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/02/07/remarks-of-president-joe-biden-state-of-the-union-address-as-prepared-for-delivery/>. (In Eng.)

2. Biden, J. (2024, March 7). Full transcript: Biden's 2024 State of the Union Address. Retrieved from <https://apnews.com/>

article/state-of-union-transcript-biden-2024-e84f5134e5201987eb441629aef5240c/. (In Eng.)

REFERENCES

1. Budaev, E.V., & Chudinov, A.P. (2006). Stanovlenie i evoliuciya zarubezhnoj politicheskoj lingvistiki [The formation and evolution of foreign political linguistics]. *Politicheskaya Lingvistika*, 20, 75–94. (In Russ.)

2. Vasil'ev, A.D. (2006). Nekotorye manipulyativnye priemy v tekstah televisionnyh novostej [On the issue of manipulative tactics in the TV news texts]. *Politicheskaya Lingvistika*, 20, 95–116. (In Russ.)

3. Danilenko, V.P. (1977). *Russkaja terminologija: opyt lingvisticheskogo opisaniya* [Russian terminology: linguistic description experience]. Moscow, 246 p. (In Russ.)

4. Dobrosklonskaya, T.G. (2014). *Medialingvistika: sistemnyj podhod k izucheniju tekstov yazyka SMI: sovremennaya anglijskaya mediarech'* [Medialinguistics: the systems approach to the study of mass media texts: contemporary English mediarethoric] [Study book]. Moscow, 264 p. (In Russ.)

5. Karasik, V.I. (2002). *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle : personality, concepts, discourse]. Volgograd, 477 p. (In Russ.)

6. Kashkin, V.B. (2004). *Diskurs* [Discourse] [Study book]. Voronezh, 76 p. (In Russ.)

7. Kondrat'ev, E.V., & Abramov, R.N. (2009). *Svyazi s obshchestvennost'ju* [Public relations]. Moscow, 256 p. (In Russ.)

8. Lejchik, V.M. (2009). *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology: its subject, methodology, and structure]. Moscow, 256 p. (In Russ.)

9. Nedzel'skaya, A.B., & Boriskina, O.O. (2021). Manipulyativnye strategii v angloyazychnom mediaprostranstve [The strategies of manipulation in the English speaking media discourse]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Lingvistika i mez'kul'turnaya kommunikaciya*, 2, 73–83. (In Russ.)

10. Pocheptsov, G.G. (2000). *Kommunikativnye tehnologii dvadtsatogo veka* [Communication technologies of the twentieth century]. Moscow, 352 p. (In Russ.)

11. Rogozina, I.V. (2003). Funkzii i struktura mediakartiny mira [The functions and structure of the media worldview]. In *Metodologiya sovremennoj psiholingvistiki* (pp. 121–137). (In Russ.)

12. Spiridovskiy, O.V. (2011). *Lingvokul'turnye harakteristiki prezidentskoj ritoriki kak vida politicheskogo diskursa* [Linguistic and cultural characteristics of the presidential rhetoric as a subtype of political discourse]. Voronezh, 173 p. (In Russ.)

13. Tatarinov, V.A. (1996). *Istoricheskie i teoreticheskie osnovaniya terminovedeniya kak otrasli otechestvennogo yazykoznanija* [Historical and theoretical basis for terminology as a branch of domestic science] [Dis. of Doctor of Philology]. Moscow, 403 p. (In Russ.)

14. Chudinov, A.P. (2005). *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoj politicheskoy kommunikacii* [Metaphorical mosaic in the contemporary political communication]. Ekaterinburg, 257 p. (In Russ.)

15. Watts, D. (1997). *Political communication today*. Manchester, 228 p.

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+81'27
 ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55+ШП00.621

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.8

Наталья Михайловна Усенко

Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Россия, saleks1966@mail.ru, SPIN-код: 4128-0301, <https://orcid.org/0000-0002-5075-5693>

Синтактика лексем «патриот», «патриотизм» и социальный контекст (на материале современного медиадискурса)

АННОТАЦИЯ. *Исследование синтагматического потенциала лексем, то есть их синтактики, продолжает быть актуальным, особенно для лексических единиц, продуктивность которых значительно возросла в современной геополитической ситуации. К таким единицам относится лексема «патриот» и ее производные. Анализ употребления таких единиц позволяет выявить изменения в семантическом содержании лексем. Цель статьи — описать одну из составляющих семиотической сущности слова — синтактику.*

В центре внимания — одна из сторон семиотической сущности слова — синтактика: анализируются ставшие популярными в медиа сочетания типа «испуганные патриоты», «рассерженные патриоты», «коммерческий патриотизм», «симулированный патриотизм» и под. Выявляется роль синтактики для манифестации семантических и прагматических сдвигов в смысловом содержании лексем «патриот» и «патриотизм», исследуются социокультурные и общественно-политические условия возникновения нестандартной сочетаемости. Научная новизна статьи определяется тем, что впервые исследуются закономерности реализации синтагматических связей для лексических единиц, обусловленных современной геополитической ситуацией. Материалом исследования послужили медийные материалы (газеты «Аргументы недели», «Комсомольская правда», «Собеседник», «Завтра»), сборники статей, интервью и эссе Ю. Полякова «Быть русским в России» (Москва, 2020) и «От империи лжи к республике вранья» (Москва, 2020). Сведения о семантическом и прагматическом содержании лексем «патриот», «патриотизм» извлекались из актуальных коллокаций, что достигается применением методов когнитивного, контекстологического и лингвопрагматического анализа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский язык, лексикология русского языка, лексическая семантика, лексические единицы, лексемы, синтактика, лингвопрагматика, социолингвистика, патриотизм, патриоты, политический дискурс, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, российские СМИ, языковые средства.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Усенко Наталья Михайловна, кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей, декан факультета лингвистики и журналистики, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ); 344002, Россия, Ростов-на-Дону, Б. Садовая ул., д. 69; email: saleks1966@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Усенко, Н. М. Синтактика лексем «патриот», «патриотизм» и социальный контекст (на материале современного медиадискурса) / Н. М. Усенко. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 241-248.

Nataliya M. Usenko

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, saleks1966@mail.ru, SPIN-код: 4128-0301, <https://orcid.org/0000-0002-5075-5693>

Syntactics of the Lexemes “Patriot” and “Patriotism” and Their Social Context (Based on the Material of Modern Media Discourse)

ABSTRACT. *Investigation of the syntagmatic potential of lexemes, that is, their syntactics, is still an urgent issue, especially with reference to lexical units, the productivity of which has significantly intensified in the modern geopolitical situation. Such units include the lexeme “patriot” and its derivatives. The analysis of the usage of such units makes it possible to reveal changes in the semantics of lexemes. The aim of the article is to describe one of the constituent parts of the semiotics of the word – its syntactics.*

The study analyzes the word combinations such as “frightened patriots”, “angry patriots”, “commercial patriotism”, “simulated patriotism” and others that have become popular in mass media. The author reveals the role of syntactics for the manifestation of semantic and pragmatic shifts in the meaning of the lexemes “patriot” and “patriotism” and investigates the socio-cultural and socio-political conditions for the emergence of non-standard combinability. The scientific novelty of the work is connected with the fact that the article for the first time studies the patterns of realization of syntagmatic relations of lexical units determined by the modern geopolitical situation. The practical research materials include media publications such as newspapers “Argumenty nedeli”, “Komsomolskaya Pravda”, “Sobesednik”, “Zavtra”, collections of articles, interviews and essays by Yu. Polyakov “Being Russian in Russia”, M., 2020 and “From the Empire of Lies to the Republic of Lies”, M., 2020. The information about the semantic and pragmatic content of the lexemes “patriot” and “patriotism” was extracted from actual collocations, which is achieved by using the methods of cognitive, contextological and linguo-pragmatic analyses.

KEYWORDS: *Russian language, Russian lexicology, lexical semantics, lexical units, lexemes, syntactics, linguopragmatics, sociolinguistics, patriotism, patriots, political discourse, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, Russian media, language means.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Usenko Nataliya Mikhailovna, Candidate of Art Studies, Associate Professor of Department of Foreign Languages for Humanities, Dean of the Faculty of Linguistics and Journalism, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia.*

FOR CITATION: *Usenko N. M. (2024). Syntactics of the Lexemes “Patriot” and “Patriotism” and Their Social Context (Based on the Material of Modern Media Discourse). In Political Linguistics. No 4 (106), pp. 241–248. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Осмыслением сложной онтологической природы патриотизма заняты гуманитарии многих направлений — философы, социологи, политологи [Кашапова 2014; Коростелева 2017; Коршунова 2013; Латышевский 2017; Лебедев 2015; Лукинова 2013; Халимбекова 2012 и мн. др.]. Роль патриотизма в формировании духовно-нравственной основы внутренней жизни человека раскрыта в трудах по педагогике [Крылова 2020; Луков 2012; Лыкова 2013 и др.]. Вербальное воплощение концепта «патриотизм» также исследовано в многочисленных работах: [Еремкина 2022; Коршунова 2013; Лебедев 2015; 2016; Малышева 2010; Мансурова 2017; Наговицына 2021; Томилина 2015; Радбиль 2023 и мн. др.]. Наконец, проблематика, связанная с осмыслением понятия «патриотизм» в коммуникативистике (коммуникативном и коммуникационном пространствах), стала предметом научной дискуссии, в частности, на конференции в Нижнем Новгороде [2020 г.].

Как известно, имена существительные, непосредственно соотнесенные с предметами и явлениями, относят к «когнитивно ориентированным частям речи» (в отличие от глаголов, в большей степени ориентированных на коммуникативное употребление). Следствием этого обстоятельства стало то, что семантике и прагматике имени традиционно уделяется неизмеримо больше внимания, чем синтактике [Бунамес 2007: 5—6]. Между тем, фиксируемые в определенный период коллокации имени могут дать бесценный материал о прагматических сдвигах и аксиологических параметрах исследуемого имени, что отчетливо проявляется и на примере лексем *патриотизм*, *патриот*.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили медийные материалы (газеты «Аргументы недели», «Комсомольская правда», «Собеседник», «Завтра»), сборники статей, интервью и эссе Ю. Полякова «Быть русским в России», М., 2020 и «От империи лжи к республике вранья». М., 2020. Сведения о семантическом и прагматическом содержании лексем «патриот», «патриотизм» извлека-

лись из актуальных коллокаций, что достигается применением методов когнитивного, контекстологического и лингвопрагматического анализа.

ДИСКУССИЯ

Во многих трудах, посвященных проблеме патриотизма, подчеркивается, что в период постсоветских реформ были утрачены ценностные основы патриотического воспитания, не акцентировалось внимание на образцах нравственного поведения и достойного отношения к Родине. Выросло не одно поколение «квалифицированных потребителей». Культивировались идеи «граждан мира», *родина у которых там, где их банковский счёт. Любые разговоры о социальной справедливости они считают «отрыжкой совка».* <...> *Россия для них — вахтовый посёлок, в котором надо всего лишь «нарубить капусты», и побеле, пока доверчивые аборигены не спохватились ...* (Ю. Поляков «Почвенники и беспочвенники» // Быть русским в России. 2020, С. 14). Ср. также: *...человеку десять лет внушали, что патриотизм, как выразился сам Окуджава, — зоологическое чувство* (Ю. Поляков «Тактически нас можно победить, а стратегически — нет» // От империи лжи к республике вранья. 2020. С. 652). Ю. Поляков объясняет причины семантических изменений и аксиологических трансформаций, связанных с понятием патриотизма:

Со словом «патриот» за последние годы произошли странные вещи. В газетных шапках различные производные от этого слова появлялись, как правило, в тех случаях, когда речь заходила о каком-нибудь политическом дебоше. Если в просвещенной компании человек лепетал, что социализм, конечно, не мед, но зачем же всю нашу новейшую историю мазать дегтем, как ворота не соблюдеи себя девицы, — его, морща нос, тут же спрашивали: а не патриот ли он, часом? Наконец, меня престо добил эпизод, когда теледикторша с чувством глубочайшего, доперестроечного удовлетворения сообщила, что, по последним социологическим опросам, патриотов поддерживает всего один процент населения. В минуты семантических со-

мнений я всегда обращаюсь к словарю Даля. Открываем и находим: «Патриот — любитель Отечества, ревнитель о благе его, отчизнолюб, отечественник или отчизник...» Как будто все ясно, и **слово-то хорошее, чистое, а тем не менее превратилось в политическое, да и в бытовое ругательство** (Ю. Поляков «Россия накануне патриотического бума» // Быть русским в России, 2020, С. 275—276). Цитируемая статья была впервые опубликована Ю. Поляковым еще в 1994 году, в период оголтелой борьбы со всем советским, в том числе и с «**имперским патриотизмом**» (Ю. Поляков «Кривоногая Россия» // Быть русским в России, 2020, С. 425).

Слово «патриот», безусловно, представляет собой идеологему советского периода и традиционно использовалось при интерпретации специфического понятия «советского патриотизма». Такая семантика лексемы стала восприниматься после 1991 года историзмом и даже иронизмом. Ср.: «...**слово «патриотизм» демонизировано и воспринимается как синоним социального дебилизма**» (Ю. Поляков «Хочу написать сказку» // От империи лжи — к республике вранья, 2020. С. 634)

Однако уже в 90-х гг. Ю. Поляков писал о том, что страна накануне патриотического бума, а себя называл **замшелым патриотом** с допутинским стажем, потому что утверждал о неизбежность возвращения державного сознания задолго «до отмашки». Показательны его призывы культивировать «**моду на патриотизм**». *Мы должны добиться такого положения дел, когда быть **антипатриотом** неприлично. Девушка не поцелует...* (Ю. Поляков «Почвенники и беспочвенники» // Быть русским в России, 2020. С. 14).

Патриотизм сравнивается с «иммунной системой народа»: *А пока черные виртуальные гоблины продолжают пожирать **иммунную систему народа — естественный, уходящий корнями в века патриотизм*** (Ю. Поляков «Кривоногая Россия» // Быть русским в России, 2020. С. 425).

Благие изменения произошли, *сегодня патриотизм опять в чести, государство финансирует дорогие программы по воспитанию отчизнолюбия, на автомобилях развешиваются георгиевские ленточки, кудрявые эстрадные попрыгунчики снова запели о русском раздолье, вчерашние безбожники показательно крестятся, а те же самые теледикторы артикулируют **трудное слово «патриотизм»** с тяжким благоговением. Но почему, почему же у меня никак не исчезнет ощущение, что живу я всё-таки в фактории, занимающей одну*

седьмую часть суши? (Ю. Поляков «Невольный дневник» // Быть русским в России, 2020. С. 17).

Итак, проблема в том, что демонстрация патриотизма далеко не во всех случаях соответствует истинному состоянию духа. Ср. небезосновательные сомнения в том, что внедрение патриотических идей с помощью визуализации приведет к нужным результатам: «...нынешние попытки визуализировать патриотически насыщенные эпизоды российской истории выглядят весьма рискованным мероприятием, поскольку вписывают патриотизм в систему потребления, в которой, в свою очередь, по определению не может и не должно быть единого мнения» [Фортуна-тов 2020: 225].

Но в любом случае синтактика слов «патриотизм», «патриот» в современных медиа свидетельствует о возвращении в обиход его исконной позитивной трактовки. Адъектив *патриотичный* — самая комплиментарная характеристика политика:

*Давайте на минуту допустим: в Москве в конце 1980-х у руля оказался умный, волевой, **патриотичный лидер**. Наподобие Путина или Примакова. Мог бы он с единомышленниками изменить ситуацию? Думаю, да* (Ю. Поляков «Сослагательное наклонение» // Быть русским в России, 2020. С. 47). Ср. также:

*Позавчера в эфире «Русской службы новостей» я поделился банальной, вроде бы, мыслью: человеку, лишенному **«патриотической щепетильности»** (выражение Пушкина), в политике и на государственной службе делать нечего. Заниматься делом, от которого зависят судьбы граждан и даже исторические виды Державы, не будучи патриотом, примерно то же самое, как водить автобус с пассажирами, являясь дальтоником. А дальше я высказался метафорически: тех, кто наладился в политики или чиновники, надо бы проверять на детекторе: патриот или нет. Если нет, тогда идите себе в рукомесла, в бизнес, в свободные профессии, в искусства, в науки, лучше, точные...* (Ю. Поляков «**Детектор патриотизма**» // Быть русским в России, 2020. С. 197). Ю. Поляков далее пишет, что его слова поняли буквально и стали интересоваться деталями. Тогда писатель сформулировал ряд вопросов, которые должны помочь определить наличие патриотизма:

– О каком из трех ваших гражданств вы вспоминаете с большей теплотой?

– Какой из ваших видов на жительство кажется вам завиднее прочих?

– Какие определения вам хочется поставить к слову «Россия» (немытая, убогая,

*обильная, бессильная, святая, путинская)?
Ненужное зачеркнуть.*

Конечно, эти вопросы адресованы тем, кто желает продолжать зарабатывать теперь уже на патриотической волне. Но в любом случае, кардинальные изменения с прагматикой слова «патриотизм» произошли: при Путине «над словом «патриотизм» в телеэфире смеяться перестали» (Ю. Поляков «Серьезная литература может стать коммерчески успешной» // От империи лжи к республике вранья, М., 2020. С. 642). Ср. также:

... то, что сейчас патриотизм пытаются насаждать, это же результат того, что в 90-е годы и в начале нулевых его пытались искоренять. Если бы этого не делали... Патриотическое состояние, оно совершенно естественное, ему не надо учить, если тебя перед этим от него не отучивали (Ю. Поляков «Под симулированный патриотизм никто не встанет» // Комсомольская правда, 26 марта 2023 г.)

Словосочетание «насаждать патриотизм» отражает и отношение писателя («насаждать» — слово с безусловно отрицательной прагматикой), и объективную реальность, а именно — необходимость работать над восстановлением естественных патриотических чувств и патриотической идеологии.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Объективной предпосылкой для актуализации в медиа личного переживания темы патриотизма стала СВО. Если до эпохи противостояния Западу проблема патриотического воспитания решалась воссозданием определенной патриотической тематики, обращенной в прошлое и использующей темы и проблематику о прежних достижениях и подвигах, то после 2022 года характерна ориентированность на настоящее и будущее. Героями медиа становятся бойцы СВО. Приобрела общественную значимость концептуальная оппозиция «патриоты (участники боевых действий) — предатели» (релоканты, «уезжанты» и под.). Последних стали именовать также *испуганными патриотами*:

Легко любить Родину, когда у нее все хорошо и жизнь сытая и вольготная. Настоящий патриот проверяется в трудное для Отчизны время. Как воспитать настоящего патриота, который не сбежит при малейшей угрозе за границу? Есть ли в нашем обществе место сбежавшим? Что ждет Украину и кому достанутся ее земли? В чем заключается наша победа? Своими мыслями об этом делится ветеран

легендарной «Альфы», Герой Советского Союза, генерал-майор Геннадий Николаевич Зайцев.

Появилось новое словечко в нашем языке — «испуганные патриоты». Как к ним относиться? Понять и простить или относиться, как к трусам и предателям?

— Я лично таких людей прощать бы не стал и не буду. По одной простой причине: они сделали свой выбор осознанно. Они не хотели воевать за свою Родину. Они ее предали в трудный час. А предавший однажды, предаст снова. Когда у тебя в тылу такие люди, ты всегда можешь получить удар в спину. До победы им здесь делать нечего (интервью с Г. Н. Зайцевым «Испуганным патриотам» прощения нет» // Аргументы недели, 2023, № 47. С. 7).

«*Рассерженными патриотами*» называли сами себя сторонники Игоря Стрелкова (Гиркина), которые, с одной стороны, были сторонниками СВО, с другой — решительно протестовали против методов ведения боевых действий, резко критиковали деятельность военного руководства страны.

Актуальны адекватные сочетания со словом «патриотизм», в которых фиксируются разные проявления этого чувства, ср.:

Когда я впервые попал в США и пообщался с тамошними рядовыми налогоплательщиками, то обратил внимание на их своеобразный патриотизм — яркий, демонстративный, напористый — с неизменным звездно-полосатым флагом перед домом. Но мне показалось, это была не «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам», а, скорее, любовь к социально-политическому устройству своей страны. Это патриотизм эмигрантов, которые на новом месте зажили лучше, чем на прежнем... (Ю. Поляков «Россия накануне патриотического бума» // Быть русским в России, 2020. С. 275—276).

Очень часто адекватные сочетания со словами «патриот», «патриотизм» формируют ироническую модальность и даже знаитиосемию: *патриотизм мелочный, пошлый, навязчивый, гламурный, истеричный; мегапатриот, сверхпатриот, патриотище* [Наговицына 2021: 8]. Отмечено развитие коннотативно-оценочного потенциала лексемы «патриотизм» за счет расширения сочетаемости: сочетания с качественными прилагательными, формирующие неузуальную оценочность как позитивного (*чистый, новый, здравый патриотизм*), так и негативного характера (*неприличный патриотизм*); генитивные словосочетания по модели «сущ. + сущ. в Род. пад.», которые формируют негативно-оценочные метафоры смерти, болез-

ни — *припадок, синдром, приступ патриотизма* [Радбиль, Наговицына 2021: 148].

Чрезвычайно показательной считаем сочетаемость лексемы *патриотизм* с атрибутом *коммерческий*, который в корне меняет аксиологическую характеристику:

С намерениями законодательной власти коррелирует и изменение трендов в поп-культуре, что ярче всего проявилось в молниеносной раскрутке певца Shaman'a (он же Ярослав Дронов) с песнями «Встанем!» и «Я русский». Почти десять лет певец ничем не отличался от собратьев по цеху, так что продюсер Алексей Остудин совершенно справедливо задается вопросом: что мешало ему раньше писать такие песни? Он называет это «грамотным продюсерским ходом»: сейчас **показной патриотизм** востребован, но старые исполнители «духподъемной» музыки (Газманов или Маршал) не воспринимаются молодежью. Вывод продюсера: это **«качественный коммерческий патриотизм»** (О. Кузнецова «Наша-манил по полной» // Собеседник, 2022, № 32. С. 14). Ср. также:

Свинчивая державу, Путин не только укрепил спецслужбы и армию, обуздал сепаратизм, выгнал из большой политики олигархов, он пресёк явную русофобию, а точнее сказать, «русофыркание», изменив государственную информационную политику. Да, откровенные русофобы исчезли из эфира или спешно переквалифицировались **в патриотов на зарплате**. (Ю. Поляков «Каменный топор и телевизор» // Быть русским в России, 2020. С. 75); *Везде, где есть возможность подменить ум, талант и образованность спекуляцией на добром деле, — там появляются «профессионалы» — профессиональные борцы за свободу, профессиональные правозащитники, профессиональные патриоты. Если дело патриотического воспитания попадет в руки таких людей, то пиши пропало* (Ю. Поляков «Не навязывайте антипатриотизм» // От империи зла к республике вранья. М., 2020. С. 594).

Как видим, в этих случаях имеет место не просто негативно-оценочная экспрессия, а ирония, скрытая насмешка. Две формально позитивных единицы — атрибут *профессиональный* и слово высокого звучания *патриот* — образуют ироническую номинацию, востребованную в медиа. «Ирония... в настоящее время приобретает статус лингвокультурного маркера современной российской политической логосферы, что не только существенным образом изменяет „классическую“ ритуальную устроенность политических интеракций, но и формирует

особую систему вербальных и композиционных-языковых средств выражения иронического кода» [Каличкина 2023: 6].

Особая сочетаемость лексемы «патриотизм» может быть знаком несобственно-прямой речи, скрытой цитации:

Массовое возвращение релокантов в Россию, о котором как о тенденции пишут западные СМИ, чревато конфликтами между ними и ветеранами спецоперации, считает известный писатель, председатель Национальной ассоциации драматургов Юрий Поляков.

— *Этот процесс я предсказывал еще в марте 2022 года, в том числе в интервью «МК», — напоминает Юрий Поляков. — Тогда я говорил, что они очень быстро поймут, что там за нелюбовь к России столько не платят, сколько платили здесь — и возвращение начнется. Естественно, преследовать их, «тиранить» не нужно. Но я опасюсь, что из них постепенно начнут делаться будущих «рыцарей общечеловеческих ценностей», которые «перешагнули через казенный патриотизм» и проявили себя как «настоящие гуманисты» (Волосюк И. Писатель Юрий Поляков предупредил об опасности от вернувшихся в Россию релокантов // Московский комсомолец, 25 октября 2023 г.).*

«**Перешагнули через казенный патриотизм**» — это не из сферы понятий и оценок автора, это несобственно-прямая речь, отсылающая к мнениям и формулировкам вернувшихся релокантов.

В современных медиа используются и традиционные сочетания с аналит-прилагательными *ура-патриотизм, ура-патриоты*, которые связаны с выражением любви к отечеству не на деле, а на словах, причем в форме настойчивых, шумных, демонстративных заверений:

*Передовые части ВС РФ аккуратно идут вперёд практически на всей линии соприкосновения, выдавливая противника, пользуясь инициативой и преимуществом по всем видам вооружений. Невысокий темп, который некоторых **ура-патриотов** раздражает, объясняется массой различных факторов: относительной малочисленностью наступающей группировки, нежеланием повторять ошибки противника во время летнего наступления на заранее подготовленные к обороне позиции, бережное обращение с личным составом (Н. Сорокин «Давление на Запад. Обстановка в районе СВО» // Звезда. 2023, № 49. С. 3).*

Таким образом, очевидно, что существенный оценочный потенциал слов «патриот», «патриотизм» реализуется в синтагма-

тике, выявляющей как позитивно-оценочные, так и негативно-оценочные смыслы контекстов с указанными лексемами. Актуальность ироничных коллокаций с анализируемыми словами свидетельствует о важности проблемы разграничения истинного и показного патриотизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роль патриотизма в современной идеологии определяется тем, что в многонациональной России он имеет не этнический, а державный характер, а значит — может сплотить весь народ и стать объединяющей идеей. Поэтому так важны для языка и лингвокультуры соответствующие номинации. Характер употребления значимого для лингвокультуры слова в переломную эпоху неизбежно отражает социальные ценностные конфликты. Пережив табуирование и осмеяние в 90-е гг., лексемы «патриотизм», «патриот» вернулись в актуальную лексику и оказались чрезвычайно востребованными в новой реальности.

Одна из сторон семиотической сущности лексемы — синтактика — способна эксплицировать семантические и прагматические сдвиги. Синтактика лексем «патриотизм», «патриот» ярко высвечивает прагматику и формирует общую аксиологию высказывания.

Идеология патриотизма, как составляющий компонент ментальности, закрепляется в узуальных коллокациях. В то же время для современной коммуникации оказались нужны неузуальные атрибутивные сочетания оценочного характера, которые несут негативную экспрессию, эксплицируют отрицательную прагматику (*патриотизм на зарплате, коммерческий патриотизм, профессиональные патриоты* и под.). Это всецело определяется понятными экстралингвистическими обстоятельствами. Для общественного сознания важны отличия подлинного патриотизма от его многочисленных имитаций, и именно этой цели служат названные словосочетания.

ИСТОЧНИКИ

1. Волосюк, И. Писатель Юрий Поляков предупредил об опасности от вернувшихся в Россию релокантов / И. Волосюк. — Текст : электронный // Московский комсомолец. — 2023. — 25 окт. — URL: <https://www.mk.ru/culture/2023/10/25/pisatel-yuriy-polyakov-predupredil-ob-opasnosti-ot-vernivshih-khsya-v-rossiyu-relokantov.html> (дата обращения: 06.05.2024).
2. Зайцев, Г. Н. Интервью «Испуганным патриотам» прощения нет» / Г. Н. Зайцев. — Текст : непосредственный // Аргументы недели. — 2023. — № 47. — С. 7.
3. Кузнецова, О. Нашаманил по полной / О. Кузнецова. — Текст : непосредственный // Собеседник. — 2022. — № 32. — С. 14.
4. Поляков, Ю. Детектор патриотизма / Ю. Поляков. — Текст : непосредственный // Быть русским в России. — 2020.
5. Поляков, Ю. Кривоногая Россия / Ю. Поляков. — Текст : непосредственный // Быть русским в России. — 2020.

6. Поляков, Ю. Невольный дневник / Ю. Поляков. — Текст : непосредственный // Быть русским в России. — 2020.

7. Поляков, Ю. Не навязывайте антипатриотизм / Ю. Поляков. — Текст : непосредственный // От империи лжи к республике вранья. — 2020.

8. Поляков, Ю. Почвенники и беспочвенники / Ю. Поляков. — Текст : непосредственный // Быть русским в России. — 2020.

9. Поляков, Ю. Россия накануне патриотического бума / Ю. Поляков. — Текст : непосредственный // От империи лжи к республике вранья. — 2020.

10. Поляков, Ю. Серьезная литература может стать коммерчески успешной / Ю. Поляков. — Текст : непосредственный // От империи лжи к республике вранья. — 2020.

11. Поляков, Ю. Сослагательное наклонение / Ю. Поляков. — Текст : непосредственный // Быть русским в России. — 2020.

12. Поляков, Ю. Тактически нас можно победить, а стратегически — нет / Ю. Поляков. — Текст : непосредственный // От империи лжи к республике вранья. — 2020.

13. Поляков, Ю. Хочу написать сказку / Ю. Поляков. — Текст : непосредственный // От империи лжи — к республике вранья. — 2020.

14. Поляков, Ю. Под симулированный патриотизм никто не встанет / Ю. Поляков. — Текст : электронный // Комсомольская правда. — 2023. — 26 марта. — URL: <https://www.kp.ru/daily/27482.5/4738913/> (дата обращения: 06.05.2024).

15. Сорокин, Н. Давление на Запад. Обстановка в районе СВО / Н. Сорокин. — Текст : непосредственный // Завтра. — 2023. — № 49. — С. 3.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ашуркова, Т. Г. Деактуализация названий лиц в публицистическом стиле во второй половине XX — начале XXI века : дис. ... канд. филол. наук / Ашуркова Т. Г. — Москва, 2007. — 311 с. — Текст : непосредственный.
2. Бунамес, Н. В. Синтактика грамматической категории как семиотическое свойство (на материале именных категорий рода, числа и падежа) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Бунамес Н. В. — Краснодар, 2007. — 25 с. — Текст : непосредственный.
3. Еремкина, Е. С. Концептуальная оппозиция «ПАТРИОТ — ПРЕДАТЕЛЬ» в системе языка и сознания носителей русского и китайского языков : дис. ... канд. филол. наук / Еремкина Е. С. — Кемерово, 2022. — 217 с. — Текст : непосредственный.
4. Каличкина, Т. И. Ирония как способ экспликации лингвокультурных особенностей современной политической коммуникации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Каличкина Т. И. — Москва, 2023. — 29 с. — Текст : непосредственный.
5. Кашапова, А. И. Патриотизм как социальная ценность: актуализация в современных условиях / А. И. Кашапова. — Текст : непосредственный // Грамота. — 2014. — № 10 (48): в 3-х ч. — Ч. II. — С. 93-96.
6. Коростелева, Л. В. Концепт ПАТРИОТИЗМ в контексте националистического экстремистского дискурса / Л. В. Коростелева. — Текст : непосредственный // Научный диалог. — 2017. — № 3. — С. 45-54.
7. Коршунова, О. Н. Концепт патриотизма в постсоветской России: к постановке проблемы / О. Н. Коршунова, А. А. Шульмин. — Текст : непосредственный // Вестник Казанского технологического университета. — 2013. — Т. 16. — № 23. — С. 288-291.
8. Крылова, Е. Л. Формирование патриотического сознания студентов вузов средствами медиавоспитания : дис. ... канд. пед. наук / Крылова Е. Л. — Самара, 2020. — 283 с. — Текст : непосредственный.
9. Латышевский, С. И. Роль патриотизма в современной идеологии России / С. И. Латышевский. — Текст : непосредственный // Теории и проблемы политических исследований. — 2017. — Т. 6 — № 3. — С. 208-216.
10. Лебедев, А. А. Понятие «патриотизм» в современном прочтении: этимология и семантика / А. А. Лебедев, Л. А. Коханова. — Текст : непосредственный // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». — 2015. — Т. 12. — № 1. — С. 29-34.
11. Луков, В. А. Патриотические ценностные ориентации / В. А. Луков, М. Я. Курганская. — Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. — 2012. — № 2. — С. 316-317.

12. Лыкова, Т. Р. Анализ понятия «патриотизм»: педагогический аспект / Т. Р. Лыкова. — Текст : непосредственный // Фундаментальные исследования. — 2013. — № 11 (Ч. 4). — С. 778–782.

13. Мальшева, Е. Г. Лингвокультурная идея «патриотизм» в спортивном дискурсивном пространстве: содержательная специфика / Е. Г. Мальшева. — Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. — 2010. — № 2. — С. 194–199.

14. Мансурова, В. Д. Патриотический дискурс в сетевом пространстве СМИ / В. Д. Мансурова. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Филология. Журналистика. — 2017. — № 46. — С. 188–201.

15. Наговицына, Н. В. Смысловое наполнение концепта «патриотизм» и его языковая объективация в современной русской речи : дис. ... канд. филол. наук / Наговицына Н. В. — Нижний Новгород, 2021. — 207 с. — Текст : непосредственный.

16. Радбиль, Н. В. Коннотативно-оценочные преобразования прилагательного «патриотический» как средство языкового воплощения концепта ПАТРИОТИЗМ в русской речи / Н. В. Радбиль. — Текст : непосредственный // Научный диалог. — 2023. — Т. 12 — № 2. — С. 66–83.

17. Радбиль, Т. Б. Новые явления в лексической объективации концепта «патриотизм» в современной русской речи: лингвокультурологический аспект / Т. Б. Радбиль, Н. В. Наговицына. — Текст : непосредственный // Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении: традиции и инновации: тез. докл. междунар. науч. конф., приуроч. к 90-летию со дня рождения проф. В. Н. Телия и 100-летию Белорус. гос. ун-та. — Минск : БГУ, 2021. — С. 148–150.

18. Томилина, С. Н. Современный патриотизм: сущность и проблемы / С. Н. Томилина, С. В. Манецкая. — Текст : электронный // Научный журнал КубГАУ. — 2015. — № 110 (06). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-patriotizm-sushnost-i-problemy>.

19. Фортунатов, А. Н. Может ли эго-медиум быть патриотом? / А. Н. Фортунатов. — Текст : непосредственный // Феномен патриотизма в трансструктурном коммуникационном поле : сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф. 11–12 марта 2020 г. / под. ред. И. А. Савченко. — Н. Новгород : Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2020. — С. 223–226.

20. Халимбекова, М. Х. Феномен патриотизма: философско-культурологический дискурс : дис. ... канд. филос. наук / Халимбекова М. Х. — Астрахань, 2012. — 165 с. — Текст : непосредственный.

21. Лукинова, И. А. Место и роль российского патриотизма в современном обществе : дис. ... канд. филос. наук / Лукинова И. А. — Ставрополь, 2013. — 152 с. — Текст : непосредственный.

MATERIALS

1. Kuznetsova, O. (2022). Nashamanil po polnoi [He's been completely deceived]. *Sobesednik*, 32, 14. (In Russ.)

2. Polyakov, Yu. (2020). Detektor patriotizma [The Patriotism Detector]. In *Byt' russkim v Rossii* (In Russ.)

3. Polyakov, Yu. (2020). Krivonogaya Rossiya [Bow-legged Russia]. In *Byt' russkim v Rossii* (In Russ.)

4. Polyakov, Yu. (2020). Nevol'nyi dnevnik [The Involuntary diary]. In *Byt' russkim v Rossii* (In Russ.)

5. Polyakov, Yu. (2023, March 26). Pod simulirovannyi patriotizm niko ne vstanet [No one will stand up to simulated patriotism]. *Komsomol'skaya pravda*. Retrieved May 6, 2024, from <https://www.kp.ru/daily/27482.5/4738913/> (In Russ.)

6. Polyakov, Yu. (2020). Pochvenniki i bespochvenniki [Soil and soil-free]. In *Byt' russkim v Rossii* (In Russ.)

7. Polyakov, Yu. (2020). Soslagatel'noe naklonenie [Subjunctive mood]. In *Byt' russkim v Rossii* (In Russ.)

8. Polyakov, Yu. (2020). Ne navyazyvaite antipatriotizm [Do not impose anti-patriotism]. In *Ot imperii lzhi k respublike vran'ya* (In Russ.)

9. Polyakov, Yu. (2020). Rossiya nakanune patrioticheskogo buma [Russia on the eve of a patriotic boom]. In *Ot imperii lzhi k respublike vran'ya* (In Russ.)

10. Polyakov, Yu. (2020). Ser'eznaya literatura mozhet stat' kommercheski uspešnoi [Serious literature can become commer-

cially successful]. In *Ot imperii lzhi k respublike vran'ya* (In Russ.)

11. Polyakov, Yu. (2020). Takticheski nas možno pobedit', a strategicheski — net [Tactically, we can be defeated, but strategically, we cannot]. In *Ot imperii lzhi k respublike vran'ya* (In Russ.)

12. Polyakov, Yu. (2020). Khochu napisat' skazku [I want to write a fairy tale]. In *Ot imperii lzhi k respublike vran'ya* (In Russ.)

13. Sorokin, N. (2023). Davlenie na Zapad. Obstanovka v raione SVO [Pressure on the West. The situation in the area of SMO]. *Zavtra*, 49, 3. (In Russ.)

14. Volosyuk, I. (2023, Oct. 25). Pisatel' Yurii Polyakov predupredil ob opasnosti ot vernuvshikhsya v Rossiya relokantov [Polyakov warned of the danger from the relaxants who returned to Russia]. *Moskovskii komsomolets*: October, 25. Retrieved May 6, 2024, from <https://www.mk.ru/culture/2023/10/25/pisatel-yuriy-polyakov-predupredil-ob-opasnosti-ot-vernuvshikhsya-v-rossiyu-relokantov.html> (In Russ.)

15. Zaitsev, G.N. (2023). Interv'yu «Ispugannym patriotam» proshcheniya neT» [Interview "There is no forgiveness" for 'scared patriots']. *Argumenty nedeli*, 47, 7. (In Russ.)

REFERENCES

1. Ashurkova, T.G. (2007). *Deaktualizatsiya nazvaniy lits v publitsisticheskoy stile vo vtoroi polovine XX — nachale XXI veka* [Deactualization of names of persons in a journalistic style in the second half of the XX — early XXI century] [Dis. of cand. of Philology]. Moscow, 311 p. (In Russ.)

2. Bunames, N.V. (2007). *Sintaktika grammaticheskoi kategorii kak semioticheskoe svoystvo (na materiale imennykh kategorii roda, chisla i padezha)* [Syntactic grammatical categories as a semiotic property (based on the material of nominal categories of gender, number and case)] [Abstract of dis. of cand. of Philology]. Krasnodar, 25 p. (In Russ.)

3. Eremkina, E.S. (2022). *Kontseptual'naya oppozitsiya «PATRIOT — PREDATEL'» v sisteme yazyka i soznanii nositelei russkogo i kitaiskogo yazykov* [The conceptual opposition of the "PATRIOT — TRAITOR" in the language system and the consciousness of native speakers of Russian and Chinese] [Dis. of cand. of Philology]. Kemerovo, 217 p. (In Russ.)

4. Fortunatov, A.N. (2020). Mozhet li ehgo-medium byt' patriotom? [Can an ego medium be a patriot?]. In *The phenomenon of patriotism in the trans-structural communication field* (materials of the International Scientific Conference (N-Novgorod, March 11–12, 2020), ed. by I.A. Savchenko, pp. 223–226). N. Novgorod. (In Russ.)

5. Kalichkina, T.I. (2023). *Ironiya kak sposob ehksplikatsii lingvokul'turnykh osobennosti sovremennoi politicheskoi kommunikatсии* [Irony as a way of explication of linguistic and cultural features of modern political communication] [Abstract of dis. of cand. of Philology]. Kemerovo, 217 p. (In Russ.)

6. Kashapova, A.I. (2014). Patriotizm kak sotsial'naya tsenost': aktualizatsiya v sovremennykh usloviyakh [Patriotism as a social value: actualization in modern conditions]. *Gramota*, 10(48), part 2, 93–96. (In Russ.)

7. Khalimbekova, M.Kh. (2012). *Fenomen patriotizma: filosofsko-kul'turologicheskii diskurs* [The phenomenon of Patriotism: philosophical and cultural discourse] [Dis. of cand. of Philosophy]. Astrakhan, 165 p. (In Russ.)

8. Korosteleva, L.V. (2017). Kontsept PATRIOTIZM v kontekste natsionalisticheskogo ehkstremitistskogo diskursa [The concept of PATRIOTISM in the context of nationalist extremist discourse]. *Nauchnyi dialog*, 3, 45–54. (In Russ.)

9. Korshunova, O.N., & Shul'min, A.A. (2013). Kontsept patriotizma v postsovetsoi Rossii: k postanovke problemy [The concept of patriotism in post-Soviet Russia: to the problem statement]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, 23(16), 288–291. (In Russ.)

10. Krylova, E.L. (2020). *Formirovanie patrioticheskogo soznaniya studentov vuzov sredstvami mediavospitaniya* [Formation of patriotic consciousness of university students by means of media education] [Dis. of cand. of Pedagogy]. Samara, 283 p. (In Russ.)

11. Latyshevskii, S.I. (2017). Rol' patriotizma v sovremennoi ideologii Rossii [The role of patriotism in the modern ideology of Russia]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*, 3(6), 208–216. (In Russ.)

12. Lebedev, A.A., & Kokhanova, L.A. (2015). Ponyatie «patriotizm» v sovremennom prochenii: ehtimologiya i semantika

[The concept of “patriotism” in its modern interpretation: etymology and semantics]. *Vestnik YuURGU. Seriya “Lingvistika”*, 1, 29–34. (In Russ.)

13. Lukinova, I.A. (2013). *Mesto i rol' rossiiskogo patriotizma v sovremenom obshchestve* [The place and role of Russian patriotism in modern society] [Dis. of cand. of Philosophy]. Stavropol, 152 p. (In Russ.)

14. Lukov, V.A., & Kurganskaya, M.Ya. (2012). Patrioticheskie tsennostnye orientatsii [Patriotic value orientations]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2, 316–317. (In Russ.)

15. Lykova, T.R. (2013). Analiz ponyatiya «patriotizm»: pedagogicheskii aspekt [Analysis of the concept of “patriotism”: pedagogical aspect]. *Fundamental'nye issledovaniya*, 11(part 4), 778–782. (In Russ.)

16. Malysheva, E.G. (2010). Lingvokul'turnaya ideya «patriotizm» v sportivnom diskursivnom prostranstve: sodержatel'naya spetsifika [The linguistic and cultural idea of “patriotism” in the sports discursive space: content specifics]. *Vestnik Omskogo universiteta*, 2, 194–199. (In Russ.)

17. Mansurova, V.D. (2017). Peiorativnost' kak funktsiya ehliminirovannykh lakun [Patriotic discourse in the online media space]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Zhurnalistika*, 46, 188–201. (In Russ.)

18. Nagovitsyna, N.V. (2021). *Smyslovoe napolnenie kontsepta «patriotizm» i ego yazykovaya ob"ektivatsiya v sovremennoi russkoi rechi* [The semantic content of the concept of “patriotism”

and its linguistic objectification in modern Russian speech] [Dis. of cand. of Philology]. N-Novgorod, 207 p. (In Russ.)

19. Radbil', N.V. (2023). Konnotativno-otsenochnye preobrazovaniya prilagatel'nogo «patrioticheskiĭ» kak sredstvo yazykovogo voploshcheniya kontsepta PATRIOTIZM v russkoi rechi [Connotative-evaluative transformations of the adjective “patriotic” as a means of linguistic embodiment of the concept of PATRIOTISM in Russian speech]. *Nauchnyi dialog*, 2(12), 66–83. (In Russ.)

20. Radbil', T.B., & Nagovitsyna, N.V. (2021). Novye yavleniya v leksicheskoi ob"ektivatsii kontsepta «patriotizm» v sovremennoi russkoi rechi: lingvokul'turologicheskii aspekt [New phenomena in the lexical objectification of the concept of “patriotism” in modern Russian speech: linguistic and cultural aspect]. In *Language, culture, creativity in a transdisciplinary dimension: traditions and innovations* (Abstracts of the presentations of the International Scientific Conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of prof. V. N. Teliya and the 100th anniversary of Belarus State University, pp. 148–150). Minsk: BSU Publ. (In Russ.)

21. Tomilina, S.N., & Manetskaya, S.V. (2015). Sovremenniy patriotizm: sushchnost' i problemy [Modern patriotism: the essence and problems]. *Scientific Journal of KubGAU*, 110(06). Retrieved April 11, 2024, from <https://www.kp.ru/daily/27482.5/4738913/> (In Russ.)

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).

Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 81'27+811.112.2'38+811.112.2'373'

ББК ШП43.24-55+ШП43.24-3+ШП00.621

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.6; 5.9.8

Михаил Петрович Чуриков

Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия, maustag@mail.ru, SPIN-код:

5684-3464, <https://orcid.org/0000-0001-7775-8731>

Прагмалингвистические аспекты использования атрибутивных словосочетаний для характеристики специальной военной операции на Украине в речах немецких политиков

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья посвящена исследованию атрибутивных словосочетаний, используемых немецкими политическими деятелями для характеристики специальной военной операции на Украине, в рамках прагмалингвистического подхода. С этой целью анализируются словосочетания, в которых основной компонент представлен лексемой «Krieg» и композитами с ядерным элементом -krieg. При помощи методов контекстуального анализа и контент-анализа устанавливаются тематические группы, характеризующие эмоционально-оценочные отношения, субъектно-объектные отношения, территориально-пространственные отношения и обстоятельственные отношения с указанием на цели и последствия СВО, и для каждой группы определяется частота употребления языковых единиц в функции определения. Результаты исследования свидетельствуют о доминировании атрибутивных словосочетаний, в которых определяется субъект и объект СВО, а также выражается эмоционально-оценочное отношение немецких политиков к СВО. Россия позиционируется как жестокий агрессор и преступный захватчик, стремящийся ради удовлетворения имперских амбиций к уничтожению суверенного государства и низвержению фундаментальных ценностей демократического общества. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что атрибутивные словосочетания обладают значительным прагмалингвистическим потенциалом, и способствует дальнейшему изучению воздействующих и манипулятивных техник, направленных на формирование когнитивных установок и управление общественным мнением.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: немецкий язык, лексикология английского языка, лексемы, лексические единицы, политический дискурс, политические тексты, атрибутивное словосочетание, атрибутивная конструкция, частота употребления, прагмалингвистика, политические деятели, немецкие политики, СВО, специальная военная операция, российско-украинские отношения, образ России, политическая риторика, политические речи, речевое воздействие.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Чуриков Михаил Петрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки», гуманитарный факультет, Ростовский государственный университет путей сообщения; 344038, Россия, Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, д. 2; email: maustag@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чуриков, М. П. Прагмалингвистические аспекты использования атрибутивных словосочетаний для характеристики специальной военной операции на Украине в речах немецких политиков / М. П. Чуриков. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 249-259.

Mikhail P. Churikov

Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia, maustag@mail.ru, SPIN code: 5684-3464, <https://orcid.org/0000-0001-7775-8731>

Pragmalinguistic Aspects of Using Attributive Collocations to Characterize the Special Military Operation in Ukraine in the Speeches of German Politicians

ABSTRACT. This article studies attributive collocations used by German politicians to characterize the special military operation in Ukraine in the context of a pragmalinguistic approach. For this purpose, the author analyzes the word combinations in which the main component is represented by the lexeme “Krieg” and the composites with the core element “-krieg”. Using the methods of contextual analysis and content analysis, thematic groups which characterize emotional-evaluative relations, subject-object relations, territorial-spatial relations and adverbial relations are singled out, indicating the goals and consequences of SMO, and for each group the frequency of use of linguistic units in the attributive function is determined. The results of the study indicate the dominance of attributive collocations that define the subject and object of the SMO, and also express the emotional and evaluative attitude of German politicians towards the SMO. Russia is positioned as a brutal aggressor and criminal invader, seeking to satisfy imperial ambitions to destroy a sovereign state and overthrow the fundamental values of a democratic society. The conducted research allows the author to conclude that attributive collocations have significant pragmalinguistic potential. The research can facilitate further study of manipulative techniques aimed at formation of cognitive attitudes and management of public opinion.

KEYWORDS: German language, English lexicology, lexemes, lexical units, political discourse, political texts, attributive collocation, attributive construction, frequency of usage, pragmalinguistics, politicians, German politicians, SMO, special military operation, Russia-Ukraine relations, image of Russia, political rhetoric, political speeches, verbal impact.

AUTHOR'S INFORMATION: *Churikov Mikhail Petrovich, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities, Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia.*

FOR CITATION: *Churikov M. P. (2024). Pragmalinguistic Aspects of Using Attributive Collocations to Characterize the Special Military Operation in Ukraine in the Speeches of German Politicians. In Political Linguistics. No 4 (106), pp. 249-259. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Цель нашего исследования заключается в изучении воздействующего потенциала атрибутивных словосочетаний, используемых немецкими политиками для обозначения и характеристики действий России на Украине. Актуальность работы обусловливается активизацией интереса исследователей к рассмотрению механизмов манипулятивного воздействия и формирования общественного мнения в условиях информационно-коммуникационного противостояния стран коллективного Запада и России.

В условиях смещения политической парадигмы в направлении многополярности и укрепления роли России в формировании новой полицентрической модели мироустройства большое значение приобретает политический дискурс как универсальный инструмент психозмоционального воздействия, формирования деструктивных и протестных настроений и манипулирования общественным мнением и сознанием. Речи, интервью и публичные выступления политических деятелей обладают значительным воздействующим потенциалом: эмоционально-оценочные характеристики и номинации субъектов и объектов политического процесса не столько свидетельствуют о личном отношении политика к происходящим событиям и фактам, сколько направлены на создание определенного, зачастую негативного отношения к политическим оппонентам и их деятельности.

Специальная военная операция России, направленная на денацификацию и демилитаризацию действующего украинского режима (далее — СВО), стала очередным витком в эскалации информационно-психологической войны, направленной на формирование русофобских настроений и дискредитацию российской внешнеполитической деятельности [Кушнерук, Чудинов 2019: 106-107]. В современных исследованиях, посвященных изучению феномена информационного противостояния коллективного Запада и России [Васильев, Подсохин 2016: 11-12; Громова 2023: 72; Смакотина, Фомин 2023: 79], отмечается ключевая роль языка и языковых единиц как эффективного средства манипулятивного воздействия в политических интересах для формирования определенной точки зрения.

В качестве одного из наиболее эффективных методов манипулятивного воздейст-

вия выступает обращение к эмоциональной сфере человека, поскольку отношение к происходящим событиям, спровоцированное эмоциями, легко и прочно внедряется в подсознание реципиента, не требуя значительных энергетических затрат и аналитической работы сознания по осмыслению фактов реальной действительности [Балканов, Муравлева 2023: 3122]. Для закрепления необходимой эмоции следует найти оптимальное вербальное соответствие тем или иным проявлениям реальности, соответствующим образом их номинировать. По справедливому замечанию В. В. Катерминой [Катермина 2015: 26], «человек понимает и осознает лишь то, что может адекватно назвать, и в зависимости от того, как называет, определенным образом воспринимает мир и себя».

В работах зарубежных ученых отмечается зависимость между транслируемыми политическими лидерами коннотациями и восприятием обществом реальной действительности [Alesina, Armando, Stantcheva 2020: 324]. Политики очень часто пользуются возможностью зафиксировать в своем вербальном сообщении определенное эмоционально-оценочное отношение к действительности, так как это будет способствовать нужному восприятию реальности в обществе.

Одним из способов номинации объектов окружающего мира является атрибутивное словосочетание, которое позволяет приписать данным объектам дифференцирующие признаки и выделить их тем самым из ряда других схожих объектов [Ткаченко 2020: 81]. В процессе изучения дискредитирующих стратегий и тактик в немецком политическом дискурсе [Чуриков 2023: 2362] мы обнаружили, что немецкие политики используют для обозначения СВО практически одни и те же языковые конструкции атрибутивного типа, где в качестве основного компонента выступает имя существительное *der Krieg* (война). Атрибутивный компонент представлен широким набором языковых единиц различного уровня, включающих слова с эмоционально-экспрессивной и оценочной семантикой, придаточные предложения и распространённые определения. Частота употребления конструктивно схожих атрибутивных словосочетаний позволяет нам предположить о намеренном использовании немецкими политиками таких языковых единиц для формирования антироссийских настроений

в немецком обществе и создании негативно-го образа России. Как отмечается в работе [Djourelova 2023: 800-802], между частотой употребления лексических единиц и формированием общественного мнения можно установить причинно-следственные связи.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом нашего исследования послужили тексты публичных выступлений и речей тех немецких политических деятелей, роль которых в формировании официальной позиции германского государства по российско-украинскому конфликту, на наш взгляд, является определяющей: Олаф Шольц (федеральный канцлер) и Франк-Вальтер Штайнмайер (федеральный президент). В поле нашего внимания попали выступления и речи, опубликованные в период с февраля 2022 года по февраль 2024 года и размещенные в свободном доступе на официальных сайтах указанных политиков: www.bundeskanzler.de и www.bundespraesident.de. В общей сложности было проанализировано 219 текстов. Из этих текстов мы вычленили 468 атрибутивных словосочетаний, в которых в качестве основного компонента фигурирует лексема *der Krieg* (война). В это же число вошли все обнаруженные нами композиты с ядерным элементом *-krieg*, образованные по принципу словосложения (например, *Angriffskrieg*, *Besatzungskrieg*, *Eroberungskrieg*, *Vernichtungskrieg*) с зависимыми определениями и без них.

Как показало исследование, атрибутивные словосочетания имеют в большинстве случаев сложную конструкцию, отличающуюся от простой модели с основным и одним зависимым компонентом в пре- или постпозиции (*der brutale Angriffskrieg* или *der Krieg in der Ukraine*). Сложная конструкция подразумевает наличие более одного зависимого компонента, например, *der völkerrechtswidrige Angriffskrieg Russlands auf die Ukraine*, где мы встречаем а) согласованное определение в препозиции (*völkerrechtswidrige*); б) определение в родительном падеже в постпозиции (*Russlands*); в) предложное определение в постпозиции (*auf die Ukraine*). Другими словами, в одном атрибутивном словосочетании анализу подвергаются три конструктивных элемента, которые мы будем называть атрибутивными конструкциями. Общее количество атрибутивных конструкций, обнаруженных нами в анализируемых текстах, составляет 687 единиц.

Для выявления воздействующего потенциала выявленных атрибутивных конструкций мы определили ряд тематических групп, от-

ражающих СВО с различных сторон: эмоционально-оценочная характеристика, территориально-пространственная характеристика, субъектно-объектная характеристика, характеристика целей и последствий. Используя метод контент-анализа, компонентного анализа, а также элементы контекстуального, категориального и когнитивного анализа, мы интерпретировали полученные результаты в аспекте прагмалингвистического подхода.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЯ

В лингвистике атрибутивные словосочетания традиционно рассматриваются как конструкции, состоящие из главного или определяемого слова и одного или нескольких зависимых от него или определяющих его слов [Ткаченко 2020: 159]. В структурном отношении атрибутивные словосочетания весьма многообразны. Базовый компонент, в качестве которого выступает имя существительное, может определяться различными атрибутами: именами прилагательными, именами числительными, местоимениями, другими именами существительными, придаточными предложениями, инфинитивными конструкциями и т. д.

Наше исследование затрагивает атрибутивные словосочетания с базовым компонентом *der Krieg* (война), потому что именно эта лексема используется немецкими политиками для номинации СВО. Выбор этой лексемы для номинации действий России на Украине уже говорит о том, что немецкие политики подразумевают под СВО полномасштабный вооруженный конфликт между государствами и народами, со всеми вытекающими отсюда последствиями для гражданского населения. В то же время Министерство обороны РФ отмечает отличие СВО от войны: «поражение только военных объектов противника, а для мирных жителей создание коридоров выхода из зоны боевых действий и оказание гуманитарной помощи» [Литвиненко 2022: www].

Количество выявленных нами случаев употребления атрибутивных словосочетаний с базовым компонентом *der Krieg* (война) составило 133 примера (или около 28%). Гораздо чаще (335 примеров, или 72% случаев) немецкие политики прибегали к использованию композитов, в которых определениями, то есть в атрибутивной функции, выступают существительные *Angriff* (нападение, посягательство, агрессия), *Eroberung* (завоевание, покорение) и *Vernichtung* (уничтожение, истребление) (см. Таблицу 1). В составе композитов эти лексемы придают существительному *der Krieg* (война) дополнительные, негативные коннотации, изображая действия России как агрессив-

ные, вероломные и захватнические, направленные на покорение и истребление народа Украины, например:

(1) *Mit dem Überfall auf die Ukraine hat der russische Präsident Putin kaltblütig einen Angriffskrieg vom Zaun gebrochen — aus einem einzigen Grund: Die Freiheit der Ukrainerinnen und Ukrainer stellt sein eigenes Unterdrückungsregime infrage.* (О. Шольц, 27.02.2022) — *Напав на Украину, президент России Путин хладнокровно развязал захватническую войну — по одной единственной причине: свобода жителей Украины ставит под сомнение его собственный репрессивный режим* (здесь и далее перевод выполнен автором статьи — М. Ч.).

Дальнейший анализ отобранного речевого материала показывает, что рассмотренные выше лексемы, используемые для номинации СВО, используются в составе атрибутивных конструкций, которые по своим функционально-прагматическим особенностям можно сгруппировать на основе следующих категорий: 1) эмоционально-оценочные характеристики; 2) территориально-пространственные характеристики; 3) субъектно-объектные характеристики; 4) характеристики целей и последствий. По нашему убеждению, такая категоризация достаточно хорошо коррелирует с основными тактиками и приемами стратегии дискредитации образа России [Чуриков 2023: 2362], глобальный замысел которой состоит 1) в запугивании массовой аудитории бесчеловечной военной агрессией (тактика демонизации); 2) во внушении страха перед близостью происходящих на Украине событий для граждан Германии и Евросоюза (тактика запугивания) и 3) в обвинении России в нарушении суверенитета, попрании норм международного права, агрессии и массовой жестокости (тактика обвинения).

Атрибутивные конструкции для эмоционально-оценочной характеристики СВО

Любые политические действия, затрагивающие фундаментальные основы миропорядка, и прежде всего военные конфликты, вызывают большой эмоциональный отклик, что находит свое отражение в используемых для их описания языковых средствах.

Субъективные реакции политических деятелей и их отношение к происходящим событиям транслируются через употребление эмоционально-оценочных языковых единиц, к числу которых относятся в первую очередь слова с ярким оценочным (положительным или отрицательным) значением [Телицына 2016: 80]. В этом контексте имена прилагательные обладают неоспоримым потенциалом для выражения субъективно-оценочных значений и соответствующих коннотаций [Вольф 1985: 8]. Общеизвестно, что имя прилагательное как самостоятельная часть речи служит для обозначения признака, качества или свойства предмета и выполняет синтаксическую функцию определения. При этом на общее значение признака предмета в семантической структуре определения могут накладываться дополнительные смыслы, связанные не только с информативно-описательными задачами, но и с реализацией воздействующей функции и выражением оценки [Шрамко 2014: 182].

В ходе исследования мы выявили 173 атрибутивных конструкций (25,2 % от общего количества), в которых представлена эмоционально-оценочная реакция немецких политиков на действия России в рамках СВО. Из них 163 атрибутивные конструкции представляют собой словосочетания с согласованным определением, выраженным именем прилагательным. К этому же числу мы отнесли согласованные определения, выраженные причастиями настоящего (*Partizip I*) и прошедшего времени (*Partizip II*), которые, совмещая признаки глагола и имени прилагательного, выполняют аналогичную эмоционально-оценочную функцию. Остальные 10 конструкций являются придаточными определительными предложениями.

Самыми частотными атрибутивными конструкциями оказались словосочетания со следующими именами прилагательными и причастиями: *brutal* (жестокий, безжалостный, беспощадный); *völkerrechtswidrig* (противоречащий нормам международного права); *furchtbar* (страшный, ужасный); *grausam* (жестокий, свирепый, лютый, зверский); *verbrecherisch* (преступный, злодейский); *menschenverachtend* (бесчеловечный) (см. Таблицу 2).

Таблица 1

Частота употребления композитов с ядерным элементом *-krieg* в речах немецких политиков

Композит \ Политик	Олаф Шольц	Франк-Вальтер Штайнмайер	Всего
Angriffskrieg	128	199	327
Eroberungskrieg	3	2	5
Vernichtungskrieg	3	—	3
Всего:			335

Таблица 2

Частота употребления имен прилагательных в атрибутивных конструкциях в речах немецких политиков

Полиitik Имя прилагательное	Олаф Шольц	Франк-Вальтер Штайнмайер	Всего
brutal	18	44	62
völkerrechtswidrig	3	25	28
furchtbar	16	2	18
grausam	9	8	17
verbrecherisch	5	11	16
menschenverachtend	1	10	11

При анализе примеров употребления атрибутивных конструкций для эмоционально-оценочной характеристики СВО любопытно отметить тот факт, что федеральный президент Франк-Вальтер Штайнмайер очень часто прибегает к использованию конструкций с однородными определениями. По мнению исследователей, употребление нескольких прилагательных способствует повышению эмоциональности и экспрессивности высказывания, что оказывает сильное эмоциональное воздействие на получателя информации [Никулина 2014: 61]:

(2) *Der brutale, völkerrechtswidrige und verbrecherische Angriffskrieg Russlands gegen die Ukraine entsetzt, erschüttert und verstört uns* (Ф.-В. Штайнмайер, 25.05.2022). — *Жестокая, попирающая нормы международного права, преступная, захватническая война России против Украины ужасает, шокирует и пугает нас.*

На наш взгляд (данные Таблицы 2 могут подтвердить наше предположение), Ф.-В. Штайнмайер стремится к более экспрессивному выражению своих эмоций, «заряжая» и «заряжая» массовую аудиторию своим резко негативным отношением к СВО. В отличие от своего коллеги федеральный канцлер Олаф Шольц более сдержан в выражении своих чувств, например:

(3) *Russlands brutaler Krieg gegen die Ukraine stellt die europäische und internationale Friedensordnung fundamental in Frage* (О. Шольц, 07.11.2022). —

Безжалостная война России против Украины ставит под сомнение европейский и международный мирный порядок.

Помимо атрибутивных конструкций с именем прилагательным в функции согласованного определения, нами также были выявлены 10 конструкций с придаточными определительными предложениями. Как правило, придаточные предложения содержат в себе лексические единицы, которые являются эмоционально нейтральными, но приобретают негативные коннотации в контекстуальном употреблении, например:

(4) *... ein Krieg, der für die Bürgerinnen und Bürger der Ukraine Schmerz, Not und*

Opfer bringt, wie wir uns das kaum mehr vorstellen konnten ... > (О. Шольц, 14.03.2023) — *... война, которая приносит гражданам Украины боль, лишения и жертвы, которые мы вряд ли могли себе представить...>*

(5) *Wir alle sind erschüttert von diesem Krieg, der so viel Leid, so viel Zerstörung für die Menschen in der Ukraine bringt* (Ф.-В. Штайнмайер, 30.10.2022). — *Мы все шокированы этой войной, которая приносит так много страданий и разрушений народу Украины.*

В примерах (4) и (5) мы обнаруживаем употребление лексем *Schmerz* (боль), *Not* (нужда, бедствие, лишения), *Opfer* (жертва), *Leid* (страдание), *Zerstörung* (разрушение) для описания негативных последствий военных действий. Усиление негативного эффекта достигается за счет использования интенсифицирующих негативный признак компонентов: придаточное предложение в примере (4) с указанием на беспрецедентный уровень физических и моральных страданий (ср.: *мы даже не могли себе представить*) и словосочетание *so viel* (так много) в примере (5).

На основании вышеизложенного мы можем утверждать, что доминирующим способом выражения отношения немецких политиков к СВО является употребление атрибутивных конструкций с именем прилагательным, обладающим негативной коннотацией, в роли согласованного определения. Частота употребления подобных конструкций, а главное выбор одних и тех же лексем эмоционально-оценочного типа способствуют формированию стереотипного представления о СВО как агрессивной, жестокой, бесчеловечной и преступной войне России, несущей гражданам Украины физические и моральные страдания.

Атрибутивные конструкции для территориально-пространственной характеристики СВО

Атрибутивные словосочетания, используемые немецкими политиками для детализации территориально-пространственных характеристик СВО, представляют собой конструкции с несогласованными предлож-

ными определениями в постпозиции к базовому компоненту *der Krieg* или *der Angriffskrieg*. Данные конструкции определяют физическое месторасположение происходящего конфликта через использование топонимов, например *die Ukraine* (Украина), *Europa* (Европа) и слов со значением пространственной локализации, например *Osten* (восток) и *die Nähe* (близость, соседство). В работах, посвященных изучению лингвистических и экстралингвистических аспектов функционирования топонимов [Суперанская 1973: 270-271; Мурясов 2013: 754], отмечается, что пространственная локализация выступает одним из наиболее существенных компонентов информации, поскольку позволяет конкретизировать место происходящих событий, активировать комплекс знаний о данном месте и вызвать определенные ассоциации, связанные с историческими, национальными и другими аспектами.

В ходе исследования мы обнаружили 50 атрибутивных конструкций (7,3 % от общего количества) с территориально-пространственной характеристикой СВО. Из них 47 конструкций представляют собой несогласованные определения с предлогом *in*: *in der Ukraine* (на Украине), *in Europa* (в Европе), *im Osten Europas* (на востоке Европы), *in unserer Nähe* (по соседству, рядом с нами). 3 примера представляют собой композиты, в которых в качестве определяющего компонента выступает топоним *Ukraine: Ukraine-Krieg* (война на Украине) (см. Таблицу 3).

Как мы видим из Таблицы 3, немецкие политики в большинстве случаев определяют в качестве места происходящих событий Украину. Это способствует формированию устойчивого мнения о том, что действия России территориально не затрагивают Германию и что Германия не является стороной конфликта. Но представленные в примерах (6) и (7) случаи содержат достаточно легко читаемый посыл к аудитории: война рядом, и нужно быть готовыми к любому развитию событий:

(6) *Denn es geht um einen Krieg in unserer Nähe, in Europa — einen gefährlichen Krieg* (О. Шольц, 17.02.2023). — *Потому что речь идет о войне рядом с нами, в Европе — опасной войне.*

(7) *Jeden Abend sehen wir alle im Fernsehen und verfolgen im Internet die schrecklichen Folgen des Krieges, der jetzt in unserer Nähe, in der Ukraine, stattfindet* (О. Шольц, 05.01.2023). — *Каждый вечер мы все видим в телевизоре и следим в Интернете за страшными последствиями войны, которая сейчас идет рядом с нами, на Украине.*

В приведенных примерах (6) и (7) обращает на себя внимание стремление Олафа Шольца конкретизировать место происходящих рядом с Германией событий: *in Europa* (в Европе) и *in der Ukraine* (на Украине). Это может свидетельствовать о намерении представить Украину как часть Европы, как полноправного члена Европейского союза.

Рассмотренные в данном разделе случаи употребления атрибутивных конструкций для территориально-пространственной характеристики СВО позволяют нам сделать вывод о том, что немецкие политики географически однозначно позиционируют СВО как не затрагивающую территорию Германии операцию, но выражают при этом озабоченность близостью СВО к границам немецкого государства.

Атрибутивные конструкции для субъектно-объектной характеристики СВО

В процессе работы над выявленными примерами атрибутивных конструкций, используемых немецкими политиками для характеристики СВО, мы обратили внимание на большое количество случаев (456 зафиксированных примеров, 66,4 % от общего количества), в которых присутствует указание на субъект и объект военных действий. Другими словами, данные атрибутивные конструкции дают ответ на вопросы: кто и против кого/чего ведет войну.

Таблица 3

Частота употребления атрибутивных конструкций с территориально-пространственными характеристиками в речах немецких политиков

Конструкция \ Политик	Олаф Шольц	Франк-Вальтер Штайнмайер	Всего
<i>in der Ukraine</i>	18	18	36
<i>in Europa</i>	3	4	7
<i>im Osten Europas</i>	2	—	2
<i>in unserer Nähe</i>	2	—	2
<i>Ukraine-Krieg</i>	—	3	3

Таблица 4

Частота употребления атрибутивных конструкций со значением субъектности в речах немецких политиков

Субъект / признак субъекта \ Политик	Олаф Шольц	Франк-Вальтер Штайнмайер	Всего
Russland	91	69	160
russisch	52	31	83
Putin	33	25	58

Атрибутивные словосочетания с грамматическим значением субъектности содержат указание на предмет или лицо, совершающее действие или являющееся носителем действия. В этой связи мы имеем дело с посессивностью как отношениями между производителем действия (посессором) и объектом. Как отмечается в работе [Сушкова 2016: 157], посессивность содержит, в том числе, указание на отношение между производителем действия и самим действием, например: *Putins Krieg (война Путина) — 'Krieg, den Putin führt' (война, которую ведет Путин)*. Анализ практического материала показывает, что посессивность как отнесенность предмета к определенному лицу выражается также через притяжательные прилагательные [Давлетшина 2018: 112], например: *der russische Angriffskrieg (русская захватническая война)*, где предмет (*Angriffskrieg*) соотносится с лицом *der Russe (русский)*. Толковый словарь немецкого языка определяет слово *Russe* как жителя Российской Федерации (или государства-предшественника); лицо, имеющее гражданство Российской Федерации; лицо, которое родом из России [DWDS: www].

В структурном отношении атрибутивные словосочетания с грамматическим значением субъектности, попавшие в поле нашего исследования, представляют собой конструкции с притяжательным прилагательным *russisch* или местоимением *sein*, а также номинативные конструкции в родительном падеже (например, *Russlands Krieg*). Кроме того, были обнаружены конструкции с придаточными определительными предложениями и конструкции с распространенным определением. Общее количество выявленных атрибутивных конструкций составило 301 единицу. С семантической точки зрения мы выделили три класса атрибутивных конструкций: а) выражающие соотнесенность с признаком «русский»; б) выражающие соотнесенность с государством — Россией; в) выражающие соотнесенность с Президентом Российской Федерации — Владимиром Путиным. Частота использования немецкими политиками атрибутивных конструкций со значением субъектности представлена в таблице 4.

Самой частотной атрибутивной конструкцией со значением субъектности оказалась конструкция, в которой СВО соотносится с Россией. Россия позиционируется в качестве инициатора и производителя военных действий на Украине. Немецкие политики внушают массовой аудитории мысль о том, что именно Россия является страной, развязавшей военный конфликт и напавшей на суверенное государство:

(8) *Es ist ein furchtbarer Angriffskrieg, den Russland gegen die Ukraine begonnen hat* (О. Шольц, 24.05.2022). — *Это — ужасная захватническая война, которую Россия развязала против Украины.*

(9) *Millionen Menschen in der Ukraine leiden unter Russlands brutalem Angriffskrieg* (Ф.-В. Штайнмайер, 16.09.2022). — *Миллионы людей на Украине страдают от жестокой захватнической войны России.*

Интерес представляют также высказывания, где ответственность за развязывание конфликта возлагается на российского президента. Владимир Путин выступает зачинщиком военных действий, тираном и агрессором, источником бедствий и страданий украинского народа:

(10) *Dieser Krieg ist Putins Krieg* (О. Шольц, 27.02.2022). — *Эта война — война Путина.*

(11) *Dieser verbrecherische Krieg, für den Präsident Putin und sein Regime verantwortlich sind, dieser Krieg bringt furchtbares Leid über die Ukraine* (Ф.-В. Штайнмайер, 19.06.2022). — *Эта преступная война, за которую несут ответственность президент Путин и его режим, эта война приносит ужасные страдания Украине.*

Рассмотренные примеры (8) — (11) могут также рассматриваться как речевые приемы реализации тактики обвинения в рамках стратегии дискредитации [Чуриков 2023: 2362], воздействующая сила которых состоит в формировании убеждения в том, что виновником в происходящих на Украине событиях являются Россия и ее президент.

Атрибутивные словосочетания с грамматическим значением субъектности содержат указание на предмет или лицо, по отношению к которым осуществляется СВО. В основе объектных отношений находится свойство лексической единицы (в нашем случае

это отглагольные имена существительные *Krieg* и *Angriffskrieg*), позволяющее восполнить ее семантическую недостаточность, связанную с выражением взаимосвязи между действием и предметом, на который направлено действие [Казачук 2009: 63]. В структурном отношении атрибутивные словосочетания со значением объектности представлены конструкциями с предложным определением, выраженным именем существительным, например: *Krieg gegen die Ukraine*, *Angriffskrieg auf die Ukraine*. В толковом словаре немецкого языка отмечается, что предлоги *gegen* и *auf* имеют, в том числе, значение указания на направленное движение к определенной цели или объекту [DWDS: www]. При этом интересно отметить, что имя существительное *der Krieg* требует постановки зависимого компонента только с предлогом *gegen*, в то время как композит *der Angriffskrieg* допускает употребление зависимого компонента с обоими предлогами, что, по всей видимости, объясняется наличием устойчивого управления *der Angriff auf + Akk* (нападение на кого-л. или что-л.). Общее количество выявленных атрибутивных конструкций со значением объектности составило 155 единиц. С точки зрения семантики подавляющее большинство атрибутивных конструкций представляют собой словосочетания, в котором в качестве зависимого компонента выступает топоним *die Ukraine*, значительно реже встречаются существительные, конкретизирующие локальные отношения: *Nachbar* (сосед), *Land* (страна), *Nachbarland* (соседняя страна) (см. Таблицу 5).

Представленные в таблице 5 данные позволяют сделать предположение о том, что федеральный канцлер Германии Олаф Шольц более сдержан в выборе лексических единиц для выражения объектной характеристики СВО: он только лишь констатирует, что объектом СВО выступает Украина. Федеральный президент Франк-Вальтер Штайнмайер, напротив, в своих выступлениях пытается внушить мысль, что объектом СВО является не только Украина, но и все человечество в целом, европейское единство, права и свободы граждан Украины и Европы, демократические ценности:

(12) *Als hätte es nach Butscha und anderen Gräueltaten noch eines weiteren Beweises bedurft: Putin führt einen Krieg gegen die Menschlichkeit!* (Ф.-В. Штайнмайер, 10.01.2023) — *Как будто после Бучи и других злодеяний требуются дополнительные доказательства: Путин ведет войну против человечества!*

(13) *Der Krieg gegen die Ukraine ist ein Krieg gegen das Recht der Menschen, selbst zu bestimmen, wie sie leben wollen; es ist ein Krieg gegen ihre Freiheit und damit gegen unsere gemeinsamen Werte* (Ф.-В. Штайнмайер). — *Война против Украины — это война против права людей самостоятельно определять, как они хотят жить; это война против их свободы и, значит, против наших общих ценностей.*

Можно утверждать, что приведенные примеры (12) и (13) демонстрируют намерение немецкого политика внушить аудитории тревогу и страх перед СВО, представить СВО как кровавое преступление против человечества, попытку уничтожить фундаментальные основы демократического общества.

Атрибутивные конструкции для характеристики целей и последствий СВО

Атрибутивные конструкции, которые используются для характеристики целей и последствий СВО, базируются на обстоятельственных отношениях, то есть дают ответы на вопросы: для чего / с какой целью ведутся военные действия и к каким последствиям они ведут. Общее количество выявленных нами атрибутивных словосочетаний данного типа составило 8 единиц (1,1 % от

Таблица 5

Частота употребления атрибутивных конструкций со значением объектности в речах немецких политиков

Объект	Олаф Шольц	Франк-Вальтер Штайнмайер	Всего
die Ukraine	69	73	142
Nachbar	2	—	2
Menschlichkeit	—	2	2
Volk	—	2	2
Nachbarland	—	1	1
Menschen	—	1	1
Brüder und Schwester	—	1	1
Einheit	—	1	1
Recht	—	1	1
Freiheit	—	1	1
Werte	—	1	1

Таблица 6

Частота употребления атрибутивных конструкций с обстоятельственными отношениями цели и последствий СВО

Полиitik	Олаф Шольц	Франк-Вальтер Штайнмайер	Всего
Обстоятельственные отношения			
Цель	2	—	2
Последствия	4	2	6

Таблица 7

Частота употребления атрибутивных конструкций в речах немецких политиков для выражения различных характеристик

Полиitik	Олаф Шольц	Франк-Вальтер Штайнмайер	Всего
Характеристика			
Субъектно-объектная	247	209	456
Эмоционально-оценочная	63	110	173
Территориально-пространственная	25	25	50
Цели и последствия	6	2	8
Всего:			687

общего количества). Небольшое количество примеров связано, по всей видимости, с тем, что обстоятельственные отношения характерны, прежде всего, для словосочетаний, в которых основным компонентом являются глаголы, а зависимые слова определяют различные особенности протекания действия [Аматов 2005: 14].

В структурном отношении атрибутивные словосочетания, несущие информацию о целях и последствиях СВО, представляют собой конструкции, в которых атрибутивный компонент представлен придаточным предложением. Контекстуальный анализ позволил нам определить 2 конструкции с указанием на цель СВО и 6 конструкций с указанием на последствия СВО (см. Таблицу 6).

В качестве цели СВО федеральный канцлер Германии определяет территориальную экспансию России в угоду имперским амбициям российского президента:

(14) *Es ist ein Angriffskrieg, dessen Zweck die Erweiterung des russischen Reichs ist* (О. Шольц, 24.05.2022). — *Это — захватническая война, целью которой является расширение Российской империи.*

Последствия СВО немецкие политики видят в ухудшении экономической ситуации во всем мире, энергетическом кризисе, угрозе европейскому и глобальному миропорядку, например:

(15) *<...> diesen Krieg, der auch in Ländern weit weg von Russland für steigende Preise, Energiemangel und Hungersnot sorgt* (О. Шольц, 20.09.2022). — *<...> эту войну, которая вызывает рост цен, нехватку энергии и голод даже в тех странах, которые находятся далеко от России.*

Интересно отметить, что Олаф Шольц, указывая на последствия СВО, пытается внушить мысль (прежде всего, украинской

аудитории) о консолидации усилий европейских стран в противостоянии России и единении европейцев перед лицом российской угрозы:

(16) *<...> ein Krieg, der für die Ukraine, für die Europäische Union und ihre Mitgliedsstaaten glasklar aufzeigt: Wir stehen zusammen. Wir gehören zusammen* (О. Шольц, 14.05.2023). — *<...> война, которая кристально ясно показывает Украине, Европейскому Союзу и его государствам-членам: мы стоим вместе. Мы вместе.*

Воздействующая сила представленных в примерах (14) — (16) высказываний немецких политиков заключается в формировании негативного образа России, которая ведет имперскую политику по завоеванию новых территорий, несет угрозу демократическим ценностям и дестабилизирует экономическую обстановку во всем мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного исследования показывают, что немецкие политические деятели в своих речах и выступлениях активно используют атрибутивные словосочетания, характеризующие СВО с различных сторон и способствующие формированию устойчивого негативного представления о России в сознании массовой аудитории.

Возможность атрибутивных конструкций характеризовать предмет или явление с разных сторон имеет большой прагматический потенциал, заключающийся в эффективном воздействии на массовую аудиторию, манипулятивном управлении общественным мнением и внедрении в сознание необходимых представлений.

Частота употреблений атрибутивных словосочетаний, представленная в таблице 7, свидетельствует об определенной логиче-

ской закономерности: чтобы охарактеризовать СВО, необходимо сначала донести мысль о том, кто является сторонами конфликта и продемонстрировать свое отношение к СВО, а потом уже конкретизировать место происходящих событий, а также цели и последствия конфликта.

Немецкие политические деятели чаще всего используют в своих речах атрибутивные конструкции, отражающие субъектно-объектные характеристики и эмоционально-оценочные характеристики СВО.

Субъектом конфликта выступает Россия, которая ведет захватническую, жестокую, противоправную войну против Украины, самым беспринципным образом попирая нормы международного права и принципы демократического миропорядка. Выбор немецкими политиками лексических единиц с негативными коннотациями способствует формированию резко отрицательного образа России: Россия — жестокий и безжалостный агрессор, ведущий целенаправленные действия по уничтожению суверенного государства в целях удовлетворения своих имперских амбиций и завоевания новых территорий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аматов, А. М. Причинно-следственные связи на разных уровнях языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Аматов А. М. — Москва, 2005. — 32 с. — Текст : непосредственный.
- Балканов, И. В. Эмотивная компонента манипулятивных тактик (на материале русскоязычных текстов средств массовой информации) / И. В. Балканов, В. Р. Муравлева. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Т. 16, № 10. — С. 3121–3125. — DOI 10.30853/phil20230485.
- Васильев, А. Д. Информационная война: лингвистический аспект / А. Д. Васильев, Ф. Е. Подсохин. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 2 (56). — С. 10–16.
- Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. — Москва : Наука, 1985. — 228 с. — Текст : непосредственный.
- Громова, Н. С. Лингвополитический анализ термина «гибридная война» / Н. С. Громова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 6 (102). — С. 68–76.
- Давлетшина, С. М. Особенности категоризации притяжательных прилагательных в русском языке / С. М. Давлетшина. — Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2018. — № 10 (133). — С. 112–116.
- Казачук, И. Г. Объект, объектный, объектность: проблема интерпретации / И. Г. Казачук. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 13 (151). — С. 62–65.
- Катермина, В. В. Оценочные номинации политиков (на материале русской и английской субстандартной лексики) / В. В. Катермина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2015. — № 3 (53). — С. 26–31.
- Кушнерук, С. Л. Становление лингвистики информационно-психологической войны: методологическая неоднородность и первые результаты / С. Л. Кушнерук, А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Экология языка и коммуникативная практика. — 2019. — № 4-1. — С. 105–118. — DOI 10.17516/2311-3499-081.
- Литвиненко, В. Сущность категорий «война» и «специальная военная операция» / В. Литвиненко. — Текст : элек-

тронный // Армейский сборник. — 2022. — № 7. — URL: <https://army.ric.mil.ru/Stati/item/420019/> (дата обращения: 18.06.2024).

11. Мурьясов, Р. З. Топонимы в системе языка / Р. З. Мурьясов. — Текст : непосредственный // Вестник Башкирского университета. — 2013. — Т. 18, № 3. — С. 753–762.

12. Никулина, Е. Г. Участие эмоционально-оценочных прилагательных в формировании аффективных диалогических структур / Е. Г. Никулина. — Текст : непосредственный // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2014. — № 1. — С. 60–63.

13. Смакотина, Н. А. Лексико-семантическая характеристика политической риторики в контексте прокси-войны против России / Н. А. Смакотина, А. Г. Фомин. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 4 (100). — С. 77–92.

14. Суперанская, Н. В. Общая теория имени собственного / Н. В. Суперанская. — Москва : Наука, 1973. — 366 с. — Текст : непосредственный.

15. Сушкова, И. М. Типы посессивного отношения, выражаемые предложениями со значением принадлежности / И. М. Сушкова. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 7-3 (61). — С. 156–159.

16. Телицына, Е. Л. К вопросу о разграничении понятий эмоциональность, оценочность и экспрессивность / Е. Л. Телицына. — Текст : непосредственный // Вестник Югорского государственного университета. — 2016. — № 1 (40). — С. 79–83.

17. Ткаченко, А. В. Атрибутивное словосочетание в традиционном и когнитивном аспектах изучения (на материале английского языка) / А. В. Ткаченко. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Т. 13, № 4. — С. 80–86. — DOI 10.30853/filnauki.2020.4.17.

18. Чуриков, М. П. Стратегия дискредитации как инструмент антироссийской пропаганды в речах немецких политиков / М. П. Чуриков. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Т. 16, № 8. — С. 2361–2367. — DOI 10.30853/phil20230371.

19. Шрамко, Л. П. Семантика определения как члена предложения (на материале современного английского языка) / Л. П. Шрамко. — Текст : непосредственный // Гуманитарные и социальные науки. — 2014. — № 5. — С. 179–187.

20. Alesina, A. The Polarization of Reality / A. Alesina, M. Armando, S. Stantcheva. — Text: unmediated // AEA Papers and Proceedings. — 2020. — 110. — P. 324–328.

21. Djourelouva, M. Persuasion through Slanted Language: Evidence from the Media Coverage of Immigration / M. Djourelouva. — Text : unmediated // American Economic Review. — 2023. — 113 (3). — P. 800–835. — DOI: 10.1257/aer.20211537.

22. DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. — URL: <https://www.dwds.de/wb/Russe#d-1-1> (date of access: 26.06.2024).

REFERENCES

- Amatov, A.M. (2005). *Prichinno-sledstvennyye svyazi na raznykh urovnyakh yazyka* [Cause-and-effect relationships at different levels of language] [Abstract of Dis. of Dr. of Philology]. Moscow, 32 p. (In Russ.)
- Balkanov, I.V. (2023). Emotivnaya komponenta manipulyativnykh taktik (na materiale russkoyazychnykh tekstov sredstv massovoy informacii) [Emotive component of manipulative tactics (based on Russian-language media texts)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 16(10), 3121–3125. (In Russ.)
- Vasil'ev, A.D., & Podsohin, F.E. (2016). Informacionnaya vojna: lingvisticheskij aspekt [Information war: linguistic aspect]. *Politicheskaya lingvistika*, 2(56), 10–16. (In Russ.)
- Volf, E.M. (1985). *Funkcional'naya semantika ocenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow: Nauka, 228 p. (In Russ.)
- Gromova, N.S. (2023). Lingvopoliticheskij analiz termina «gibridnaya vojna» [Linguistic and political analysis of the term “hybrid war”]. *Politicheskaya lingvistika*, 6(102), 68–76. (In Russ.)
- Davletshina, S.M. (2018). Osobennosti kategorizacii prityazhatel'nykh prilagatel'nykh v russkom yazyke [Peculiarities of categorization of possessive adjectives in Russian]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 10(133), 112–116. (In Russ.)

7. Kazachuk, I.G. (2009). Ob"ekt, ob"ektnyj, ob"ektnost': problema interpretacii [Object, objective, objectivity: the problem of interpretation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 13(151), 62–65. (In Russ.)
8. Katermina, V.V. (2015). Ocenochnye nominacii politikov (na materiale russkoj i anglijskoj substandartnoj leksiki) [Evaluative nominations of politicians (based on Russian and English substandard vocabulary)]. *Politicheskaya lingvistika*, 3(53), 68–76. (In Russ.)
9. Kushneruk, S.L., & Chudinov, A.P. (2019). Stanovlenie lingvistiki informacionno-psihologiceskoj vojny: metodologiceskaya neodnorodnost' i pervye rezul'taty [The formation of linguistics of information-psychological warfare: methodological heterogeneity and first results]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 4-1, 105–118. (In Russ.)
10. Litvinenko, V. (2022). Sushchnost' kategorij «vojna» i «special'naya voennaya operaciya» [The essence of the categories “war” and “special military operation”]. *Armejskij sbornik*, 7. Retrieved June 18, 2024, from <https://army.ric.mil.ru/Stati/item/420019/> (In Russ.)
11. Muryasov, R.Z. (2013). Toponimy v sisteme yazyka [Toponyms in the language system]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 18(3), 753–762. (In Russ.)
12. Nikulina, E.G. (2014). Uchastie emocional'no-ocenochnyh prilagatel'nyh v formirovanii affektivnyh dialogiceskih struktur [Participation of emotional-evaluative adjectives in the formation of affective dialogic structures]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 1, 60–63. (In Russ.)
13. Smakotina, N.A., & Fomin, A.G. (2023). Leksiko-semanticeskaya harakteristika politiceskoj ritoriki v kontekste proksivojny protiv Rossii [Lexico-semantic characteristics of political rhetoric in the context of the proxy war against Russia]. *Politicheskaya lingvistika*, 4(100), 77–92. (In Russ.)
14. Superanskaya, N.V. (1973). *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of proper names]. Moscow: Nauka, 366 p. (In Russ.)
15. Sushkova, I.M. (2016). Tipy possessivnogo otnosheniya, vy-razhaemye predlozheniyami so znacheniem prinadlezhnosti [Types of possessive attitudes expressed by sentences with the meaning of belonging]. *Filologiceskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 7-3(61), 156–159. (In Russ.)
16. Telicyna, E.L. (2016). K voprosu o razgranichenii ponyatij emocional'nost', ocenochnost' i ekspressivnost' [On the issue of distinguishing the concepts of emotionality, evaluativeness and expressiveness]. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1(40), 79–83. (In Russ.)
17. Tkachenko, A.V. (2020). Atributivnoe slovosochetanie v tradicionnom i kognitivnom aspektah izucheniya (na materiale anglijskogo yazyka) [Attributive phrases in traditional and cognitive aspects of learning (based on the material of the English language)]. *Filologiceskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 13(4), 80–86. (In Russ.)
18. Churikov, M.P. (2023). Strategiya diskreditacii kak instrument antirossijskoj propagandy v rechah nemeckih politikov [The strategy of discrediting as a tool of anti-Russian propaganda in the speeches of German politicians]. *Filologiceskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 16(8), 2361–2367. (In Russ.)
19. Shramko, L.P. (2014). Semantika opredeleniya kak chlena predlozheniya (na materiale sovremennogo anglijskogo yazyka) [Semantics of attribute as part of a sentence (based on the material of modern English)]. In *Gumanitarnye i social'nye nauki* (Iss. 5, pp. 179–187). (In Russ.)
20. Alesina, A., Armando, M., & Stantcheva, S. (2020). The Polarization of Reality. In: *AEA Papers and Proceedings* (Iss. 110, pp. 324–328).
21. Djourelova, M. (2023). Persuasion through Slanted Language: Evidence from the Media Coverage of Immigration. In: *American Economic Review* (Iss. 113(3), pp. 800–835).
22. DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Retrieved June 26, 2024, from <https://www.dwds.de/wb/Russe#d-1-1>

РАЗДЕЛ 4. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 81'255.2+811.161.1'42+821.161.1-31
ББК Ш307+Ш33(2Рос=Рус)64-8,444

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Мария Леонардовна Алексеева^{1,2✉}, Виктория Эдуардовна Сало^{1,3✉}

¹ Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

² maria.alekseyeva@gmail.com ✉, SPIN-код: 1531-9809, <https://orcid.org/0000-0001-6416-0618>

³ Сургутский государственный университет, Сургут, Россия, salka20_02@mail.ru ✉, SPIN-код: 6014-4925, <https://orcid.org/0000-0002-1661-7190>

Сопоставительно-переводческий анализ зооморфных метафор (на примере переводов произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» на английский и немецкий языки)

АННОТАЦИЯ. Оценка качества перевода выдающихся произведений русской литературы является актуальной проблемой переводоведения. Материалом исследования послужил первый том оригинала произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» и его одновременные (1974) переводы: на английский язык — «The Gulag Archipelago», выполненный Томасом Уитни, и немецкий язык — «Der Archipel GULAG», выполненный Анной Петурниг. Выбор материала исследования обусловлен сложностью перевода произведений А. И. Солженицына «в силу уникальности языковой личности» писателя. В рамках данной статьи интерес представляет передача метафорического своеобразия. Целью данной статьи является выявление особенностей передачи зооморфных метафорических единиц, удельная доля которых достаточно высока в произведении. Традиционно оценочной категорией качества перевода является его адекватность. Разработанная нами методика сопоставительно-переводческого анализа метафор помогает рассмотреть технику перевода и определить степень адекватности перевода. Согласно методике сопоставление английских и немецких эквивалентов отобранных метафор производится поэтапно: выявляется тип метафоры, ее семное содержание, коннотации, прием передачи и наиболее точный эквивалент в паре языков (русский — английский и русский — немецкий) путем сопоставления формы и плана содержания. В статье представлена количественная характеристика техники перевода 116 зооморфных метафор на английский и немецкий языки, что позволило выявить специфику передачи исследуемых единиц обоими переводчиками.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: переводоведение, литературный перевод, переводная литература, переводческая деятельность, английские переводы, немецкие переводы, сопоставительный анализ, русские писатели, литературное творчество, литературные жанры, романы, зооморфные метафоры, приемы перевода, качество перевода, оценка качества перевода.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Алексеева Мария Леонардовна, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; email: maria.alekseyeva@gmail.com.

Сало Виктория Эдуардовна, аспирант кафедры романо-германской филологии, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; преподаватель кафедры лингвистики и переводоведения, Сургутский государственный университет; 628410, Россия, г. Сургут, ул. Ленина, 1; email: salka20_02@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Алексеева, М. Л. Сопоставительно-переводческий анализ зооморфных метафор (на примере переводов произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» на английский и немецкий языки) / М. Л. Алексеева, В. Э. Сало. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 260-267.

Mariya L. Alekseyeva^{1,2✉}, Viktoriya E. Salo^{1,3✉}

¹ Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

² maria.alekseyeva@gmail.com ✉, SPIN code: 1531-9809, <https://orcid.org/0000-0001-6416-0618>

³ Surgut State University, Surgut, Russia, salka20_02@mail.ru ✉, SPIN-код: 6014-4925, <https://orcid.org/0000-0002-1661-7190>

A Comparative Analysis of Zoomorphic Metaphor Translations (Based on the English and German Translations of Solzhenitsyn's “The Gulag Archipelago”)

ABSTRACT. Assessment of the translation quality of outstanding pieces of Russian literature is an urgent problem of translation studies. The practical research material is taken from the English (by T. Whitney, 1974) and German (by A. Peturnig, 1974) translations of the first volume of Solzhenitsyn's «The Gulag Archipelago». The choice of the piece of liter-

© Алексеева М. Л., Сало В. Э., 2024

ary work can be explained by certain difficulties of translation of Solzhenitsyn's works due to his «unique linguistic personality». Within the framework of the article, the description of the metaphorical specificity of the novel is of special interest. The aim of the article is to identify the specificity of zoomorphic metaphors which are relatively abundant in the piece of literature under study. The quality of translation is traditionally assessed through the category of adequacy. A system of methods of comparative analysis of metaphor translation is worked out by the authors to describe the translation techniques and to estimate the degree of translation adequacy. According to this system, the comparative analysis of English and German equivalents of the selected metaphors implies the following stages: description of the type of the metaphor, its semic structure and connotations, the translation technique, and the most adequate equivalent in the language pairs (Russian — English, Russian — German) by way of comparison of the form and the plane of content. The article presents a quantitative description of the translation techniques of 116 zoomorphic metaphors into English and German, which has made it possible to identify the specificity of translation of the units under study by both translators.

KEYWORDS: translation studies, literary translation, translation literature, translation, English translations, German translations, comparative analysis, Russian writers, literary creative activity, literary genres, novels, zoomorphic metaphors, translation techniques, translation quality, evaluation of translation quality.

AUTHOR'S INFORMATION: Alekseeva Mariya Leonardovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Romance and Germanic Philology, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Salo Viktoriya Eduardovna, Post-Graduate Student of Department of Romance and Germanic Philology, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia; Lecturer of Department of Linguistics and Translation Studies, Surgut State University, Surgut, Russia.

FOR CITATION: Alekseeva M. L., Salo V. E. (2024). A Comparative Analysis of Zoomorphic Metaphor Translations (Based on the English and German Translations of Solzhenitsyn's "The Gulag Archipelago"). In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 260-267. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В контексте переводоведения творчество А. И. Солженицына вызывает определенный интерес отечественных исследователей, который объясняется мировой популярностью его работ [Thielman 2023, Hedges 2022, Moody 2021, Kuster 2021]. Особое место в его творчестве занимает произведение «Архипелаг ГУЛАГ», изданное в трех томах и переведенное на несколько языков, в том числе английский и немецкий. Англоязычный перевод первого (1974г.) и второго (1975г.) томов был выполнен переводчиком американского происхождения Томасом Уитни. В 1978 году вышел перевод третьего тома, выполненный английским переводчиком Гарри Уиллетсом. Немецкоязычный перевод был выполнен в 1974 году Элизабет Маркштайн, осуществлявшей свою переводческую деятельность под псевдонимом Анна Петурниг. Однако современные переводы произведения отсутствуют.

В своем исследовании Харитоновна подчеркивает, что перевод произведений А. И. Солженицына чрезвычайно сложен «в силу уникальности языковой личности» писателя [Харитоновна 2007: 223], что, вероятно, предопределило «непопулярность» произведения среди переводчиков. До настоящего времени исследователи уделяли внимание трудностям перевода лагерной лексики и фразеологических единиц на английский язык [Харитоновна 2007; Хасибулина 2017]. Не меньшую трудность при передаче на иностранный язык представляют и метафорические единицы [Легенкина 2019; Веред 2020].

В произведении «Архипелаг ГУЛАГ» задействованы различные авторские образы, направленные на метафорическое моделирование событий, происходивших на территории страны в описываемый период. Помимо эстетической функции метафоре отведена важная роль в формировании прагматического воздействия: метафорическое своеобразие помогает писателю воссоздать атмосферу описываемой эпохи и передать соответствующий эмоциональный фон.

Вслед за И. М. Кобозевой под метафорой мы понимаем лексико-семантический вариант, который в процессе концептуального переосмысления приобретает статус единицы вторичной знаковой системы, применяемой с целью актуализации определенных скрытых смыслов в совершенно иной (порой неожиданной) содержательной области [Кобозева 2002]. В рамках данного исследования были изучены 637 метафор. Как показал анализ, в первом томе исследуемого произведения семантические сферы «животный мир», «природа», «человек», «общество» и «артефакты» являются самыми продуктивными в качестве источника метафоризации, генерируя соответствующие типы метафор: зооморфные метафоры; фитоморфные, метеорологические метафоры и метафоры неживой природы; физиологические, морбильные, метафоры родства; милитарные, криминальные, спортивные и театральные метафоры; технические, музыкальные метафоры, метафоры дома и артефактов производственной сферы. При этом высока доля зооморфных метафорических единиц (18,21%), что обусловило выбор характера материала для данной статьи.

НАУЧНЫЙ КОНТЕКСТ

В силу актуальности вопроса оценки качества перевода выдающихся произведений русской литературы целью данной статьи является сопоставительно-переводческий анализ зооморфных метафор, обязательной составляющей которого является рассмотрение техники перевода. Под техникой перевода мы понимаем совокупность применяемых приемов перевода в конкретном тексте [Нелюбин 2003: 225]. В процессе подбора подходящего соответствия, обеспечивающего высокую степень адекватности перевода, переводчики пользуются разнообразными приемами, устанавливающими отношения функциональной равнозначности, оригинальной метафоры и переводного соответствия. Как было обозначено ранее, при переводе метафора представляет определенную трудность, что обусловлено ее сложной структурой, компонентами которой форма, непосредственно связанная с образом, периферийно-ядерное содержание, коннотации, эмоциональная оценка. Передача метафор на иностранный язык зачастую носит вариативный характер и подразумевает смещение акцентов в зависимости от выбора приема. В результате анализа техники и адекватности перевода 543 метафорических единиц на английский и немецкий языки были выявлены основные типы и подтипы приемов. Затем все переводческие операции были систематизированы и описаны нами в типологии приемов передачи метафор [Алексеева, Сало 2023]. Материал исследования составляет 592 страницы оригинального текста и, по нашему мнению, может служить хорошей доказательной базой для ее разработки и обоснования. Представим новую типологию, выделяя основные переводческие операции и их подтипы.

Типология приёмов перевода структурных метафор:

1. Приемы, сохраняющие образ
 - 1.1. Подстановка переносного значения
 - 1.2. Создание нового тропа
 - 1.2.1. Калькирование прямого значения
 - 1.2.2. Калькирование переносного значения
 - 1.3. Замена метафоры сравнением (трансформация тропа)
2. Приемы, трансформирующие образ
 - 2.1. Уподобляющие приёмы
 - 2.1.1. Перевод вариантным соответствием (подстановка)
 - 2.1.2. Функционально-адекватная замена
 - 2.2. Замена метафоры фразеологизмом (трансформация тропа)

3. Приемы, нейтрализующие образ

3.1. Деметафоризация

3.2. Опускание

Спектр данных приёмов помогает переводчикам преодолеть трудности, определяя пути поиска переводческих решений, способствующих адекватной передаче метафорических единиц.

Перевод концептуальных структурных метафор требует тщательного подбора лексических единиц, максимально отражающих форму, смысловое содержание, коннотации и коммуникативное намерение оригинальной метафоры. Схема сопоставительно-переводческого анализа включает декодирование метафорической единицы путем ее толкования согласно авторской задумке с учетом контекста и затекстовой информации, в том числе лексикографических источников. Данный этап является подготовительным для последующего анализа техники перевода и адекватности передачи каждой метафоры на английский (Т. Уитни, 1974) и немецкий (А. Петурниг, 1974) языки. Каждая метафора вводится в минимальном контексте (одно предложение) на языке оригинала и сопровождается переводом на английский и немецкий языки (также в рамках минимального контекста). Сопоставление переводных эквивалентов проводится на основе разработанной нами методики сопоставительно-переводческого анализа метафор. Разработанная методика предназначена для сопоставления (формы и плана содержания) переводных эквивалентов оригинальных метафор. Цель методики состоит в выявлении типа метафоры, её семного содержания, коннотаций, приёма передачи и наиболее точного эквивалента в паре языков (русский — английский и русский — немецкий) [Алексеева, Сало 2024].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Представим результаты проведенного нами сопоставительно-переводческого анализа зооморфных метафорических единиц:

Пример 1. А. И. Солженицын создает положительный образ военных с помощью прилагательного *тигриный* (*свойственный тигру, такой, как у тигра* [МАС]), являющегося деривативом зоонима *тигр* (*крупное хищное млекопитающее семейства кошачьих, оранжево-желтой с черными полосами окраски* [МАС]). В русской литературной традиции образ тигра имеет позитивную эмоциональную окраску [Чудинов 2001: 136]. В данном контексте коммуникативное намерение автора направлено на актуализацию сем благородства, решительности и неустрашимости.

<...> мы обрабатывали **тигриную** офицерскую походку и металлический голос команд [Солженицын 2011: 166].

– <...> we developed a **tigerlike** stride and a metallic voice of command [Whitney 1974: 162].

– *Derweilen übten wir <...> den **tigerhaften** Offiziersgang und den metallischen Befehlston* [Peturnig 1974: 161].

Т. Уитни переводит метафору с использованием аффикса *like*, имеющего сравнительный семантический оттенок, что позволяет сохранить исходный зооморфный образ. По сути происходит трансформация тропа, в основе которой лежит замена метафоры сравнением. Денотат лексической единицы **tiger** (*a person resembling a tiger in fierceness, courage, etc.* [Webster 1994]/ человек похожий по поведенческим характеристикам на тигра своей свирепостью, неустрашимостью и т. д. [перевод наш. — В. С.]) содержит ядерную сему «личностно-поведенческая характеристика», но в английском языке образ **tiger** сопровождается ассоциацией с жестоким человеком, опасным противником, задирой и хулиганом [Бархударов 2017: 76]. Таким образом, асимметрия периферийных компонентов значения и коннотаций порождает конфликт прагматических значений. Переводной эквивалент, сохраняющий форму, обладает потенциалом изменения эмоционального восприятия референта, что не согласовывается с намерением автора и ведёт к снижению степени адекватности перевода.

В немецком языке зооморфная метафора **тигриная** передается с опорой на прием калькирования прямого значения: прилагательное *tigerhaft /тигриный/* образовано от существительного *der Tiger /мур/ (Großkatze, deren gelbliches Fell eine typische dunkle Querstreifung zeigt und die gelegentlich auch dem Menschen gefährlich wird* [Wahrig 1994] / большая кошка, чья шкура имеет желтоватый окрас с поперечными темными полосами, при случае может представлять опасность для человека [перевод наш. — В. С.]). При сохранении формы и актуализации ядерной семы личностно-поведенческой характеристики данный вариант перевода не маркируется коннотацией положительной оценки со стороны говорящего, но при этом и не вызывает ложных ассоциаций, позволяя реализовать коммуникативное задание. Коннотативная нейтральность влечет за собой снижение экспрессивности, что незначительно снижает степень адекватности перевода.

Пример 2. Адвокат, не оправдавший ожидания властей, позиционируется в образе **пьявки** (=пиявки). Лексическая единица

пиявка содержит ядерные семы «образ жизни», «безделие», «за чужой счёт» и отрицательную морально-этическую оценку (о том, кто живет за счет чужого труда, ведет паразитический образ жизни (разг.) [БАС, т. 16, 2011: 620]):

*Крыленко добился там, в Метрополе, чтобы следователям врезали по 10 лет, а **пьявке-адвокату** — 5 с полной конфискацией* [Солженицын 2011: 312].

– *"to punish without limitation," did Krylenko, there in the Metropole, continue to hang ten-year sentences on the interrogators and five on **the lawyer**, plus full confiscation of his property* [Whitney 1974: 313].

– *gelang es Krylenko, den Untersuchungsrichtern je zehn Jahre und dem **blutsaugenden Advokaten** fünf mit Konfiskation des Vermögens zu verpassen* [Peturnig 1974: 304].

Т. Уитни отказывается как от зооморфного образа, так и от его смысловой экспликации. В силу того, что коммуникативно-релевантные семы не подлежат передаче и не компенсируются минимальным контекстом, данный пример ярко демонстрирует неадекватность приема опущения метафоры.

А. Петурниг трансформирует образ пиявки, опираясь на прием смыслового развития (переход от актанта **пиявка** к осуществляемым им действиям *высасывать кровь*). Причастие **blutsaugend /высасывающий крови/** образовано от существительного **Blutsauger /кровопийца/** (*ein Insekt, das sticht und Blut saugt* [Langenscheidts 1993] / насекомое, которое кусает и высасывает кровь [перевод наш. — В. С.]), генерализирующего образ животного. Функционально-адекватная замена направлена на актуализацию ядерных сем «образ жизни», «эксплуатация» и коннотацию несправедливости (**Blutsauger** — *ein Mensch, der andere (wirtschaftlich) ausbeutet* [Langenscheidts 1993] / человек, (экономически) эксплуатирующий других [перевод наш. — В. С.]), что решает коммуникативную задачу и обеспечивает высокую степень адекватности перевода.

Пример 3. Представители органов власти объединены общей целью выполнить план, то есть они находятся в одной **упряжке** (*несколько лошадей, собак, оленей, запряженных одной упряжкой* [МАС, т. 4, 509]). Слово **упряжка** содержит ядерные семы «деятельность», «объединение усилий» и «общая цель»:

*Отчего они все такую рьяной **упряжкой** включились в эту гонку не за истиной, а за ЦИФРАМИ обработанных и осужденных?* [Солженицын 2011: 152]

– *What prompted them all to slip into **har-ness** and pursue so zealously not truth but to-*

tals of the processed and condemned? [Whitney 1974: 146]

– *Warum haben sie sich alle bloß so wild ins Zeug gelegt, nicht die Wahrheit, sondern die Ziffern der Verarbeiteten und Verurteilten zu erzielen?* [Peturnig 1974: 146]

Т. Уитни использует лексическую единицу **harness** /упряжь/ (*the combination of straps, bands, and other parts forming the working gear of a draft animal* [Webster 1994] / комбинация ремней и различных элементов и креплений, формирующих снаряжение тяглого животного [перевод наш. — В. С.]). В контексте американской лингвокультуры денотат рассматриваемой единицы имеет аналогичное метафорическое переосмысление: *in harness* — *a) engaged in one's usual routine of work, b) together as cooperating partners or equals* [Webster 1994] / в упряжке — *a) выполняющие совместную рутинную работу; б) совместно в качестве сотрудничающих партнёров или коллег* [перевод наш. — В. С.]). В данном случае мы имеем дело с подстановкой переносного значения, сохраняющей ядерные семы оригинальной метафоры. Однако обращаем внимание на то, что слово **harness** генерализирует животный образ (*any draft animal*), стирая прототипичный для русской культуры образ лошади. Генерализация образа в силу его второстепенной роли в тексте незначительно снижает степень экспрессивности, не искажая коммуникативного эффекта. Данный перевод является адекватным.

Переосмыслив подтекст зооморфной метафоры, переводчица делает выбор в пользу разговорного фразеологического оборота **sich ins Zeug legen** /разг. взяться за дело/ (*sich viel Mühe geben und alles tun, um etwas zu erreichen* [Wahrig 1994] / прилагать большие усилия и делать всё, чтоб достичь цели [перевод наш. — В. С.]), в котором денотат *das Zeug* апеллирует к референту *снаряжение, оснащение/ оборудование*. Несмотря на элиминацию оригинального образа лошади в переводящем языке прием трансформации тропа, в основу которого легла замена метафорического выражения на фразеологическое, позволяет сохранить ядерные семы и образность, что помогает эффективно реализовать коммуникативную интенцию и добиться адекватного перевода.

Пример 4. Вызывая образ ухода человека за животным, глагольная метафора **перековаться** (*перен. изменяться, становиться другим по своему поведению, взглядам, характеру; перевоспитываться (разг.)* [БАС, т. 16, 2011: 163]) актуализирует ядерные семы пересмотра взглядов, изменения

поведения и коннотацию корыстных целей. Таким образом автор делает акцент на порочности и лицемерии сотрудников:

А в Восточной — не слышно, значит перековались, ценят их на государственной службе [Солженицын 2011: 178].

– *Meanwhile, in East Germany, nothing of the sort is to be heard. Which means that there they have been shod with new shoes; they are valued in the service of the state* [Whitney 1974: 175].

– *Von der DDR aber hört man darüber wenig. Sind wohl umerzogen worden, stehen hochangesehen in staatlichen Diensten* [Solschenizyn 1974: 173].

Т. Уитни использует прием калькирования переносного значения. Выражение **to be shod** /обуть/ (*to shoe — to provide or fit with a shoe or shoes* [Webster 1994] / обуть — обеспечить обувь либо надеть на кого-нибудь обувь [перевод наш. — В. С.]) не только не содержит необходимых для реализации коммуникативного намерения ядерных сем, но и коннотативно нейтрально. Более того, слово **shoe** /туфля, ботинок/ обладает широкой семантикой (*an external covering for the human foot, usually of leather and consisting of a more or less stiff or heavy sole and a lighter upper part ending a short distance above, at, or below the ankle; an object or part resembling a shoe in form, position, or use; a horseshoe or a similar plate for the hoof of some other animal* [Webster 1994] / элемент одежды для человеческой ноги, обычно из кожи, состоит из умеренно жёсткой либо тяжёлой подошвы и более лёгкой верхней части, доходящей до уровня (чуть ниже/ выше) лодыжки; объект либо его часть, похожая по форме, расположению либо функции на ботинок/ туфлю; подкова либо схожая пластина для копыт других животных [перевод наш. — В. С.]), снижающей вероятность возникновения образа подковы. Таким образом, ядерные семы и коннотация не переданы, а широкая семантика лексической единицы не позволяет в точности воспроизвести форму и, следовательно, воссоздать авторский образ, что чревато непониманием смысла со стороны американского читателя и не позволяет назвать перевод адекватным.

В немецком языке переносное значение русского глагола **перековать** воспроизводится с помощью глагола **umerziehen** /перевоспитать/ (*(oft durch Zwang) jemanden dazu bringen, seine Meinungen oder sein Verhalten zu ändern* [Langenscheidts 1993] / зачастую принудительно) убеждать кого-то поменять своё мнение либо отношение [перевод наш. — В. С.]), передающего ядер-

ные семы влияния извне и изменения взглядов, а также периферийную сему вынужденности. Транслируемый набор сем не позволяет воспроизвести авторский акцент на лицемерии сотрудников, что снижает степень адекватности. Используя лишённый образности прием деметафоризации, А. Петурниг пытается добавить экспрессивности за счёт графических средств (курсив в тексте оригинала), однако «животный» образ полностью исчезает, что не является большой потерей в силу незначительной семантико-стилистической нагрузки оригинального авторского образа. В целом коммуникативный эффект достигнут и перевод можно охарактеризовать как адекватный.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный сопоставительно-переводческий анализ 116 зооморфных метафор позволил выявить специфику передачи исследуемых единиц с опорой на широкий спектр приемов перевода, используемых обоими переводчиками. Количественная характеристика техники перевода зооморфных метафор на английский и немецкий языки представлена в таблице 1.

Представленные в таблице данные позволяют сделать следующие выводы. Ведущим приемом при переводе зооморфных

метафор на английский язык является подстановка переносного значения. Данный прием составил 28,18%. Особенностью данного приема является его применимость к переводу исключительно узуальных метафор, поэтому этот показатель указывает на сходство (тождественность) метафорического переосмысления рассмотренных денотатов в языковой паре.

При переводе зооморфных метафор на немецкий язык доминирует прием функционально-адекватной замены (22,64%), который допускает трансформацию образа в целях сохранения релевантных содержательных компонентов и коннотаций. В целом А. Петурниг либеральнее (33,96% по сравнению с 21,81% Т. Уитни) относится к вопросу сохранения оригинального образа, о чем также говорит наличие случаев перевода метафоры фразеологизмом (3,77%). При переводе зооморфных метафор Т. Уитни таких случаев зафиксировано не было.

В заключение стоит отметить, что в работе Т. Уитни тенденция к сохранению образа является более выраженной (63,63%), чем в переводе А. Петурниг (53,77%), как за счет использования доминирующего приема подстановки переносного значения, так и за счет более частого использования сравнительных оборотов (5,45%).

Таблица 1

Количественный сопоставительный анализ приемов перевода зооморфных метафор

образ сохранен	перевод Т. Уитни	наименование приема	перевод А. Петурниг	образ сохранен
63,63%	28,18%	подстановка переносного значения	20,75%	53,77%
	15,45%	калька прямого значения	18,87%	
	14,55%	калька переносного значения	13,21%	
	5,45%	перевод сравнением	0,94%	
образ изменен				образ изменен
21,81%	6,36%	вариантное соответствие	7,55%	33,96%
	15,45%	функциональная замена	22,64%	
	0	перевод фразеологизмом	3,77%	
образ исчез				образ исчез
14,55%	12,73%	деметафоризация	11,32%	12,26%
	1,82%	опущение	0,94%	

СЛОВАРИ

1. БАС = Большой академический словарь русского языка. — Москва ; Санкт-Петербург : Наука, 2004–2021. — Т. 1–27. — URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/dictionaries/344>. — Текст : электронный.
2. МАС = Малый академический словарь. — Москва : Русский язык, 1999. — Т. 1–4. — URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>. — Текст : электронный.
3. Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. — Москва : Март, 1993. — 1248 с. — Text : unmediated.
4. Wahrig Deutsches Wörterbuch. — Gütersloh : Bertelsmann Lexikon Verlag, 1994. — 1420 s. — Text : unmediated.
5. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. — New-York ; Avenel, New Jersey : Gramercy Books, 1993. — 1448 p. — Text : unmediated.

ИСТОЧНИКИ

1. Солженицын, А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: опыт художественного исследования / А. И. Солженицын. — Москва : ПРОЗАИК, 2011. — 592 с. — Текст : непосредственный.
2. Solschenizyn, A. I. Der Archipel GULAG / A. I. Solschenizyn ; Übersetzung von Anna Peturnig. — Bern ; München : Scherz Verlag, 1974. — 621 s. — Text : unmediated.
3. Solzhenitsyn, A. I. The Gulag Archipelago 1918–1956: An experiment in literary investigation. [Vol. 1], [Parts] 1, 2 / A. I. Solzhenitsyn ; Translated by Thomas P. Whitney. — N. Y. : Haiper & Row Publishers, 1974. — 660 p. — Text : unmediated.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева, М. Л. Методика сопоставительного анализа переводов метафор (на примере переводов произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» на английский и немецкий языки) / М. Л. Алексеева, В. Э. Сало. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 2. — С. 165–171.
2. Алексеева, М. Л. Типология приёмов передачи метафор (на материале немецкоязычного перевода произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ») / М. Л. Алексеева, В. Э. Сало. — Текст : непосредственный // Научный диалог. — 2023. — № 12 (8). — С. 28–46. — URL: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-8-28-46>.
3. Бархударов, Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. — Москва : ЛЕНАНД, 2017. — 240 с. — Текст : непосредственный.
4. Веред, В. Т. К вопросу о сохранении метафорического образа в художественном переводе / В. Т. Веред. — Текст : непосредственный // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». — 2020. — Т. 17, № 1. — С. 58–64. — DOI: 10.14529/ling200111.
5. Кобозева, И. М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода / И. М. Кобозева. — Текст : электронный // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. — 2002. — PRINT: ISSN 2221-7932. ONLINE: ISSN 2075-7182. — URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/kobozeva/>.
6. Латышев, Л. К. Перевод : теория, практика и методика преподавания / Л. К. Латышев, А. Л. Семенов. — Москва : Академия, 2003. — 192 с. — Текст : непосредственный.
7. Легенкина, В. И. Способы межъязыковой передачи метафоры при переводе политических текстов / В. И. Легенкина. — Текст : непосредственный // Международный научно-исследовательский журнал. — 2019. — № 9 (87). — Ч. 2. — С. 84–87.
8. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. — 3-е изд., перераб. — Москва : Флинта : Наука, 2003. — 320 с. — Текст : непосредственный.
9. Солодуб, Ю. П. Теория и практика художественного перевода / Ю. П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт, А. Ю. Кузнецов. — Москва : Академия, 2005. — 304 с. — Текст : непосредственный.
10. Харитонова, Е. В. Перевод русской лагерной лексики на английский язык: семантико-стилистические и лингвокультурологические аспекты: (на материале американского и британского переводов «Архипелага ГУЛАГ») А. И. Солженицына : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Харитонова Е. В. — Москва, 2007. — 19 с. — Текст : непосредственный.
11. Хасибулина, Д. А. Модели фразеологических трансформаций в произведениях А. И. Солженицына и их перево-

дах на английский язык : дис. ... канд. филол. наук / Хасибулина Д. А. — Казань, 2017. — 243 с. — Текст : непосредственный.

12. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2001. — 238 с. — Текст : непосредственный.
13. Шевченко, О. Г. Стилистические трансформации как средство достижения адекватности в художественном переводе (на материале рассказа Мюрисл Спарк «Портобелло Роуд») / О. Г. Шевченко. — Текст : непосредственный // Научный диалог. — 2018. — № 10. — С. 224–241. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-10-224-241.
14. Kuster, D. Der Archipel Gulag — Stalins Inseln der Verdammnis / D. Kuster. — Stalin Digital. — 10 Dezember 2021. — URL: <https://dlf.uzh.ch/sites/stalindigital/2021/09/07/archipel-gulag/> (date of access: 19.06.2024). — Text : electronic.
15. Thielman, G. W. 50 Years Ago: Gulag Archipelago Unveiled A Haunted World / G. W. Thielman. — The Federalist. — 28 December 2023. — URL: <https://thefederalist.com/2023/12/28/50-years-ago-gulag-archipelago-unveiled-a-haunted-world/> (date of access: 19.06.2024). — Text : electronic.

DICTIONARIES

1. BAS = Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka (2004–2021). Moscow, St. Petersburg: Nauka (Vol. 1–27). Retrieved from <https://nenadict.iling.spb.ru/dictionaries/344> (In Russ.)
2. MAS = Malyj akademicheskij slovar' (1999). Moscow: Russkij yazyk (Vol. 1–4). Retrieved from <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (In Russ.)
3. Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache (1993). Moscow, 1248 p.
4. Wahrig Deutsches Wörterbuch (1994). Gütersloh: Bertelsmann Lexikon Verlag, 1420 s.
5. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language (1993). New-York, Avenel, New Jersey: Gramercy Books, 1448 p.

MATERIALS

1. Solzhenitsyn, A.I. (2011). *Arhipelag GULAG. 1918–1956: opyt hudozhestvennogo issledovaniya*. Moscow: PROZAiK, 592 p. (In Russ.)
2. Solschenizyn, A.I. (1974). *Der Archipel GULAG* (Übersetzung von Anna Peturnig). Bern; München: Scherz Verlag, 621 p.
3. Solzhenitsyn, A.I. (1974). *The Gulag Archipelago 1918–1956: An experiment in literary investigation* (Vol. 1, Parts 1, 2 ; Translated by Thomas P. Whitney). N.Y.: Haiper & Row Publishers, 660 p.

REFERENCES

1. Alekseeva, M.L., & Salo, V.E. (2024). Metodika sopostavitel'nogo analiza perevodov metafor (na primere perevodov proizvedeniya A. I. Solzhenitsyna «Arhipelag GULAG» na anglijskij i nemeckij yazyki) [Methodology of comparative analysis of translations of metaphors (based on the translations of A. I. Solzhenitsyn's "The Gulag Archipelago" into English and German)]. *Political Linguistics*, 2, 165–171. (In Russ.)
2. Alekseeva, M.L., & Salo, V.E. (2023). Tipologiya priyomov peredachi metafor (na materiale nemeckoyazychnogo perevoda proizvedeniya A.I. Solzhenitsyna «Arhipelag GULAG») [Typology of methods of conveying metaphors (based on the German translation of A. I. Solzhenitsyn's "The Gulag Archipelago")]. *Nauchnyj dialog*, 12(8), 28–46. Retrieved from <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-8-28-46>. (In Russ.)
3. Barhudarov, L.S. (2017). *Yazyk i perevod. Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda* [Language and Translation. Issues of General and Specific Theory of Translation]. Moscow: LENAND, 240 p. (In Russ.)
4. Vered, V.T. (2020). K voprosu o sohranении metaforicheskogo obraza v hudozhestvennom perevode [On the Issue of Preserving a Metaphorical Image in Literary Translation]. *Vestnik YUUrGU. Seriya «Lingvistika»*, 17(1), 58–64. DOI: 10.14529/ling200111.
5. Kobozeva, I.M. (2002). K formal'noj reprezentacii metafor v ramkah kognitivnogo podhoda [On the formal representation of metaphors within the framework of the cognitive approach]. In *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. PRINT: ISSN 2221-7932. ONLINE: ISSN 2075-7182. Retrieved

from <https://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/kobozeva/> (In Russ.)

6. Latyshev, L.K., & Semenov, A.L. (2003). *Perevod : teoriya, praktika i metodika prepodavaniya* [Translation : theory, practice and teaching methods]. Moscow: Akademiya, 192 p. (In Russ.)

7. Legenkina, V.I. (2019). Sposoby mezh"yazykovoj peredachi metafory pri perevode politicheskikh tekstov [Methods of interlingual transmission of metaphor in the translation of political texts]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, 9(87) (CHast' 2), 84–87. (In Russ.)

8. Nelyubin, L.L. (2003). *Tolkovyy perevodovedcheskij slovar'* [Explanatory translation dictionary] (3rd ed., amendment). Moscow: Flinta, Nauka, 320 p. (In Russ.)

9. Solodub, Yu. P., Al'brekht, F.B., & Kuznecov, A.Yu. (2005). *Teoriya i praktika hudozhestvennogo perevoda* [Theory and practice of literary translation]. Moscow: Akademiya, 304 p. (In Russ.)

10. Haritonova, E.V. (2007). *Perevod russkoj lagernoj leksiki na anglijskij yazyk: semantiko-stilisticheskie i lingvokul'turologicheskie aspekty: (na materiale amerikanskogo i britanskogo perevodov "Arhipelaga GULAG" A. I. Solzhenicyna)* [Translation of Russian camp vocabulary into English: semantic-stylistic and linguacultural aspects: (based on the American and British translations of A. I. Solzhenitsyn's "Gulag Archipelago")] [Abstract of Dis. of Cand. of Philology]. Moscow, 19 p. (In Russ.)

11. Hasibulina, D.A. (2017). *Modeli frazeologicheskikh transformacij v proizvedeniyah A. I. Solzhenicyna i ih perevodah na anglijskij yazyk* [Models of phraseological transformations in the works of A. I. Solzhenitsyn and their translations into English] [Dis. of Cand. of Philology]. Kazan', 243 p. (In Russ.)

12. CHudinov, A.P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoj metafory (1991–2000)* [Russia in a metaphorical mirror: cognitive study of political metaphor (1991-2000)]. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 238 p. (In Russ.)

13. Shevchenko, O.G. (2018). Stilisticheskie transformacii kak sredstvo dostizheniya adekvatnosti v hudozhestvennom perevode (na materiale rasskaza Myriuel Spark «Portobello Roud») [Stylistic transformations as a means of achieving adequacy in literary translation (based on Muriel Spark's story "Portobello Road")]. *Nauchnyj dialog*, 10, 224–241. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-10-224-241. (In Russ.)

14. Kuster, D. (2021, Dez. 10). *Der Archipel Gulag — Stalins Inseln der Verdammnis*. Stalin Digital. Retrieved June 19, 2024, from <https://dlf.uzh.ch/sites/stalindigital/2021/09/07/archipel-gulag/>

15. Thielman, G.W. (2023, Dec. 28). 50 Years Ago: Gulag Archipelago Unveiled A Haunted World. *The Federalist*. Retrieved June 19, 2024, from <https://thefederalist.com/2023/12/28/50-years-ago-gulag-archipelago-unveiled-a-haunted-world/>

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55

ГРНТИ 16.21.27, 16.21.33

Код ВАК 5.9.5

Ирина Валерьевна Канель

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия, qwarran@gmail.com, SPIN-код: 9235-7964, <https://orcid.org/0000-0002-1851-3045>

Эволюция медиаобраза денег от советской эпохи до наших дней: лингвоаксиологический ракурс

АННОТАЦИЯ. В данной научной статье рассматривается трансформация представлений о деньгах в медиадискурсе от советского периода до современности. Исследование строится на анализе изменений в языковых и оценочных категориях, отражающих культурные, экономические и идеологические сдвиги в российском социуме. В советское время деньги занимали своеобразное место в общественном сознании, их восприятие было связано с идеалами трудовой морали и коллективизма. Также зачастую деньги вызывали негативные ассоциации, выражая идеологические установки эпохи. С началом рыночных реформ в 1990-х годах (периода «перестройки») произошло значительное переосмысление роли денег и их репрезентации в медиадискурсе. Параллельно с формированием капиталистических устоев и рыночных отношений меняется и лингвистический портрет денег. Начинают преобладать положительные коннотации, подчеркивающие успех, личные достижения и потребительские возможности как новые ценности. Деньги же превратились в символ личной свободы и социальной значимости; при этом в сознании общественности сохранились определенные элементы традиционного мировоззрения. Статья акцентирует внимание на лингвоаксиологических аспектах, подчеркивая, как менялись ценностные ориентации российского общества под влиянием экономических и социальных преобразований.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, советские СМИ, российский СМИ, языковые средства, медиаобразы, деньги, советский период, российское общество, лингвоаксиология, ценностные оценки, историческая эволюция, русский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Канель Ирина Валерьевна, аспирант, преподаватель кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация», Московский государственный психолого-педагогический университет, 123290, Россия, г. Москва, Шелепихинская набережная, 2А.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Канель, И. В. Эволюция медиаобраза денег от советской эпохи до наших дней: лингвоаксиологический ракурс / И. В. Канель. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 268-273.

Irina V. Kanel'

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, qwarran@gmail.com, SPIN code: 9235-7964, <https://orcid.org/0000-0002-1851-3045>

Development of the Media Image of Money From the Soviet Times to Today: A Linguo-Axiological Perspective

ABSTRACT. This article explores the transformation of the attitude to money in media discourse from the Soviet period to the present. The study is based on analyzing the change in linguistic and evaluative categories reflecting cultural, economic and ideological shifts in the Russian society. In the Soviet times, money occupied a special place in the public consciousness, being linked to the ideals of labor morality and collectivism. Moreover, money often had negative associations that expressed the ideological outlook of the time. With the onset of market reforms in the 1990s (the 'perestroika' era), the role of money and its representation in media discourse were substantially rethought. As capitalist foundations and market relations emerge, the linguistic image of money changes. Positive connotations emphasizing success, personal achievement and consumption opportunities as new values become dominant. Money has become a symbol of personal freedom and social importance, while preserving certain elements of the traditional worldview in the public consciousness. The article focuses on linguo-axiological aspects, showing how the Russian society's values have changed as a result of economic and social transformations.

KEYWORDS: journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, Soviet media, Russian media, language means, media images, money, Soviet period, Russian society, linguoaxiology, value-based assessment, historical evolution, Russian language.

AUTHOR'S INFORMATION: Kanel' Irina Valer'evna, Post-Graduate Student, Lecturer of Department of Linguodidactics and Intercultural Communication, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Kanel' I. V. (2024). Development of the Media Image of Money From the Soviet Times to Today: A Linguo-Axiological Perspective. In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 268-273. (In Russ.).

Деньги являются неотъемлемым атрибутом любой современной цивилизации,

а также одним из важнейших культурных понятий, позволяющих категоризировать мир

© Канель И. В., 2024

сегодня, как утверждал известный лингвист и семиотик Юрий Сергеевич Степанов, относя их к ключевым константам русской лингвокультуры [Степанов 2004]. Человек, власть и деньги — триада неотделимых друг от друга ипостасей социальной реальности. В наши дни уже нельзя назвать деньги сугубо экономическим явлением — поскольку они напрямую влияют на формирование морали и образа жизни, на развитие личности, семейных систем и т. д. «Общество, в котором власть и уважение основаны на обладании деньгами, всячески способствует превращению потребности во власти в потребность в обогащении», — отмечает Ольга Сергеевна Дейнека, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, занимавшаяся изучением экономической психологии [Дейнека 1995].

Понимание того, как образ идеологемы «деньги» преломляется через медийные сообщения, позволяет лучше понять динамику ценностных ориентаций общества в разные исторические периоды. В советских и российских средствах массовой информации визуализация образа-концепта «деньги» развивалась в ответ на социально-политические изменения, отражая смену идеологий и ценностей диаметрально противоположных эпох — социалистической и капиталистической.

Цель настоящей статьи — исследовать лингвоаксиологическую идеологему «деньги» в советских средствах массовой информации и медиаресурсах современной России, представив комплексный анализ ее языковых проявлений и идеологических составляющих.

В советской прессе и других медийных источниках лингвоаксиологическая идеологема «деньги» практически всегда рассматривалась в контексте антагонистических отношений с капитализмом. Денежные отношения были преподносятся как одна из главных характеристик капиталистической экономики, пропитанной эксплуатацией граждан и человеческим эгоизмом. Идеологии, сформировавшие взгляды советского общества на деньги и в целом на экономическую сферу жизни, были глубоко укоренены в принципах социализма, которыми руководствовался Советский Союз в своей социально-экономической политике, — например, марксистско-ленинских.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс в своем «Манифесте коммунистической партии» выделяли два противоборствующих класса — **буржуазию**, живущую за счет остального общества, и **пролетариат**, обладающий революционным потенциалом. «Наша эпоха,

эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия, — пишут Маркс и Энгельс, — общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса — буржуазию и пролетариат» [Маркс, Энгельс: 29–30].

Капиталистическая экономическая модель активно критиковалась — как в период становления нового государственного строя в 1920-е годы, так и далее. Часто, с целью подчеркнуть особую роль КПСС в ходе социалистической перестройки, выдвигались довольно агрессивные идейные установки на конфликт между пролетариатом и представителями старорежимного общества (дворянами, помещиками, кулаками и т. д.):

«...Империалистическая буржуазия пытается использовать сохранившиеся еще пережитки капитализма в сознании части советских людей в своих классовых целях. Для успешного разрешения задач коммунистического строительства необходимо вести беспощадную борьбу с врагами советского народа, последовательную, повседневную борьбу с пережитками капитализма в сознании людей...» [Розенталь, Юдин 1955: 198].

Такого рода установки прослеживались во многих областях, в том числе в практике преподавания экономических дисциплин. Примером тому может служить следующее название одной из тем для исследований, предлагавшихся на экономическом факультете МГУ во время Семилетнего плана Никиты Сергеевича Хрущева (1959–1965): «Критика буржуазной политической экономики и борьба против ревизионизма экономической теории в современный период» («Criticisms of Contemporary Bourgeois Political Economy and the Struggle with Revisionism of Economic Theory in the Contemporary Period») [Brue, MacPhee 1995: 183; Blodgett, Schnitzer 1964: 4].

Лев Давидович Троцкий в своей работе «Преданная революция: что такое СССР и куда он идет» высказывается радикальнее, полагая, что при коммунизме вообще исчезнут как деньги, так и само государство. Деньги, считает Троцкий, должны исчезать еще в эпоху социализма — «в коммунистическом обществе государство и деньги исчезнут. Постепенное отмирание их должно, следовательно, начаться уже при социализме».

«Советские деньги перестали быть деньгами; они не служат больше для измерения ценности; „устойчивые цены“ назначаются государственной властью; червонец является только условным ярлыком

планового хозяйства, то есть универсальной распределительной карточкой: словом, «социализм победил окончательно и бесповоротно», — отмечает он [Троцкий 2017], объясняя «афоризм» Сталина от января 1933 года.

Единство двух видов дискурса — политического и экономического — нельзя оспаривать; возникает так называемый **смешанный** дискурс [Мурадян 2020]. Регулятивная функция политической коммуникации, связанная с «внушением адресатам необходимости „политически правильных“ действий и/или оценок» [Паршина 2012], явно выражена в печатных органах советской эпохи. Доказательства этого факта (с лингвистической точки зрения) приведены ниже.

Немаловажную роль в становлении негативного отношения к деньгам сыграли средства массовой информации — например, газетные публикации.

Задача газетно-публицистического стиля (далее — ГПС) двуедина: первая его функция — *информационно-содержательная*, вторая — *воздействующая*. Из этого следует: специфика ГПС в том, что адресат должен быть проинформирован об общественно значимых фактах, а также в том, что газетные статьи с помощью лексико-стилистических средств должны вызвать у него определенное отношение к этим фактам, связанное с идеологией, главенствующей в социуме [Верещинская 2007].

Газеты советской эпохи (сталинской, хрущевской, брежневской) служили инструментом внешнеполитической пропаганды и, соответственно, формирования биполярной картины мира у читателей: в посвященных западным странам капитализма статьях они описывались как жестокий мир, где жизнь простых граждан — это постоянная борьба за свои права (на жизнь, на свободу, на социальные гарантии) и противоречия, нередко инициированные антинародной деятельностью руководства — как политического, так и экономического [Каменская, Трофимов 2012]. Причем это отражалось и в названиях рубрик — «На фронтах классовых сражений» / ...«национально-освободительной борьбы» и т.д.

Вообще лексема «капитализм» в советских словарях [Ожегов 1953] толковалась как «*общественно буржуазный строй, основанный на эксплуатации*» — слова *капитализм*, *эксплуатация* и *буржуазия* стали основными маркерами ценностных доминант советской картины мира и практически не употреблялись отдельно друг от друга.

Также использовалась экспрессивно окрашенная лексика:

- «Капиталистическое „благоденствие“» — слово *благоденствие* в переносном смысле.

- «Пух и прах» — усечение фразеологизма *в пух и прах*, имеющего как положительное (*разодеться в пух и прах — дорого, роскошно*), так и отрицательное (*разбить / раскритиковать в пух и прах — наголо, вчистую*) значения. В данном контексте слова *пух* и *прах* имеют выраженную негативную коннотацию.

Приведем еще один ярчайший пример: «Капитализм — это нищета, бесправие и война» — название рубрики газеты «Труд» от 1 апреля 1953 года, в которой собраны статьи на данную тему:

- «Мы медленно умираем»
- Очередь безработных за кружкой хлеба
- Пушки вместо масла
- Нищенская жизнь
- Во имя гонки вооружений
- Без надежды...
- Цены неудержимо растут
- Впроголодь...
- Нахлебники-капиталисты
- Результат подготовки к войне. Едва сводят концы с концами
- Все дорожает
- На голодном пайке

Другая, противоположная ей по содержанию, рубрика этого же номера называется «Социализм — это радостная, счастливая жизнь». В этот день, 1 апреля 1953 года, в СССР произошло снижение цен почти на все товары массового потребления, и во многих газетах печатались благодарности.

«*Таких записей* [в книге отзывов фабрики-кухни № 4 Ленинградского района] *много*, — написано в заметке «От всего сердца» из той же газеты «Труд» за 2 апреля 1953 года, — *и в каждой из них выражены чувства горячей благодарности Коммунистической партии и Советскому правительству за неустанную заботу об удовлетворении растущих запросов трудящихся*».

Следует отметить, что в советской прессе также присутствовали образы положительного значения, связанные с деньгами. Это, например, включало в себя описание рабочих и колхозников, достигающих успеха в труде и получающих материальное вознаграждение: нельзя говорить о том, что тема награды за труд считалась неуместной для того, чтобы выражаться в средствах массовой информации. Ведь основным принципом социализма является лозунг «От каждого по его способности, каждому — по его труду», напрямую процитированный в Конституции СССР, утвержденной VIII съездом Советов 5 декабря 1936 года (глава 1, статья 12).

Деньги изображались как инструмент для претворения в жизнь социалистических идеалов, обеспечения справедливого распределения ресурсов — например, Татьяна Викторовна Дубровская, взяв за основу своего исследования корпус статей из детского журнала «Пионер», дает следующее определение денег в советскую эпоху: *«средство удовлетворения коллективных потребностей, ресурс для помощи семье и окружающим»* [Дубровская 2023: 30]. Так, на заработанные пионерами за выполнение каких-либо действий деньги покупались подарки либо нуждающимся, либо детям; также эта выручка шла на какое-то полезное дело для школы, лагеря и т. д. Язык, использовавшийся в медиатекстах, подчеркивал стремление к солидарности общества, общинной собственности и перераспределению богатства в пользу широких слоев населения.

Однако все-таки доминировал контекст, в котором идеологический настрой на борьбу с капитализмом формировал критическое отношение к деньгам и экономическим аспектам капиталистической системы.

Эпоха распада СССР, то есть 90-е годы XX века, вызвала значительные социально-экономические преобразования, следствием которых стали сдвиги в сознании носителей русского языка. Именно после демократизации российского социума и капитализации экономики изменения коннотативного значения стали частью фундаментальных семантических модификаций [Rajewsky 2000: 21]. В этом нет ничего удивительного, поскольку идеология отражается в семантике, являясь системой ценностных установок общества, закрепленных официальной государственной властью [Семенец 2019].

Среди граждан радикально изменилось отношение к деньгам, комфорту и достатку, что показали результаты проведенных в 1990 и 1994 гг. социологических опросов россиян — позиции «потребительский/рациональный конформизм» и «властолюбивый эгоизм» одобрялись, а суждение «жить как все», наоборот, отрицалось [Лапин 1996].

Несмотря на это, стремление к комфортной жизни и накоплению благосостояния стало складываться еще в период 1980-х годов — так, Анна Сергеевна Столетова, доцент Вологодского государственного университета, приводит пример о том, что, по мнению советских жителей, у всех должны быть такие блага, как личный автомобиль, квартира и

телефон [Столетова 2020]. В 1960-е годы, напротив, люди осуждали имеющих все это: *«...в других частях города, где можно было построить дома, у нас красуются индивидуальные гаражи...»*¹.

Эта новая философия не менее ярко проявилась и в информационном пространстве. Ресурсы массмедиа наряду с постмодернистским «новым дидактизмом» культивируют «монетаристскую ментальность» — мышление становится экономически рациональным, деифицируется идея чисел и денег (ведь монетаристы считают, что количество денег в обращении является определяющим фактором развития экономики). Постмодернистский хаосмос² в основе своей имеет коммерческий аспект культуры, «реальность денег», пишет Илья Петрович Ильин, обращаясь к работам французского философа Жана-Франсуа Лиотара [Ильин 1998]. По словам Президента Российской академии телевидения Владимира Познера, *«коммерческое телевидение есть, прежде всего, не часть культуры, не часть режима, а бизнес; нравится это или не нравится, но это так»* — и его точка зрения диаметрально противоположна советской. Медиа выполняли чисто идеологическую функцию, о чем было сказано раньше, и являлись как раз таки «частью режима» и сугубо государственным органом.

В итоге сложилось так, что в современном мире деньги стали признаком социальной значимости — ценна не потенциальная реализация человека как личности, а сам факт обладания материальными средствами [Кортунов 1997]. Современное информационное пространство, включая и средства массовой коммуникации, сформировало новые ценностные установки с акцентом на экономическую рациональность и, как мы уже сказали, значимость денег. К тому же и уровень финансовой грамотности социума в целом стал выше, утверждает Анатолий Прокопьевич Чудинов, доктор филологических наук и автор огромного количества работ в области политической лингвистики, в связи с этим в постсоветских медиа наметилась тенденция к более широкому использованию языковых средств репрезентации экономических концептов [Чудинов 2001].

Однако тенденция к удовлетворению исключительно своих потребностей приводит к весьма неблагоприятным последствиям, полагал немецкий философ и социальный психолог Эрих Фромм. *«Других, как и самого*

¹ РГАНИ, ф. 100, оп. 5, д. 1, лл. 15—15 об.

² Постмодернисты считают, что мир аморфен, его гармония нарушена, реальность пуста и бездуховна, а индивид — лишь некая фикция безликости. В мире торжествуют суррогаты и фетиши «масскульты».

себя, воспринимаешь как товар; они тоже представляют не себя, а ту свою часть, какая идет на продажу» [Фромм 2006]. Мария Сергеевна Асташина, молодая исследовательница рекламных текстов, анализируя философию Эриха Фромма в аспекте изучения рекламы (которую в каком-то роде тоже можно отнести к сфере массмедиа), делает вывод о том, что экзистенциальный кризис человечества в современную эпоху обусловлен сосредоточением на приобретении материальных благ [Асташина 2024: 12].

Эволюция образа денег в медиадискурсе от советской эпохи до наших дней представляет собой значительный пласт социально-экономической и культурной трансформации российского общества. В советскую эпоху лингвоаксиологическая идеологема «деньги» вызвала преимущественно негативные ассоциации, будучи символом капиталистической эксплуатации и эгоизма. Основной акцент в медийных сообщениях тех лет делался на идеалы коллективизма, социального равенства и пролетарской морали, что подтверждалось активным использованием лексем и фразеологизмов с ярко выраженной идеологической окраской.

С распадом СССР и переходом к рыночной экономике в 1990-х годах произошло кардинальное переосмысление роли денег в общественном сознании. Медийные образы начали отражать новые ценности, связанные с личными достижениями, материальным успехом и экономической рациональностью. В результате изучения эволюции образа денег в средствах массовой информации становится очевидным, что язык медиа не только отражает, но и формирует ценностные ориентации общества.

ИСТОЧНИКИ

1. Ожегов, С. И. (сост.). Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — Москва : Госуд. изд-во иностранных и национальных словарей, 1953. — 846 с. — Текст : непосредственный.
2. Розенталь, М. М. Краткий философский словарь / М. М. Розенталь, П. Ф. Юдин. — Москва : ГИПЛ, 1955. — 558 с. — Текст : непосредственный.
3. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — Москва : Академический проект, 2004. — 992 с. — Текст : непосредственный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Асташина, М. С. Лексико-стилистический анализ рекламных текстов через призму философии Эриха Фромма («Иметь или Быть?») (на примере постов из официального телеграмм-канала «Росмолодежь») / М. С. Асташина. — Текст : непосредственный // Язык и текст. — 2024. — Т. 11. — № 1. — С. 5–16. — DOI: 10.17759/langt.2024110101.
2. Верещинская, Ю. В. Заголовки газетных статей в аспекте медиалингвистики (на материале испанского языка) / Ю. В. Верещинская. — Текст : непосредственный // Филологические науки в МГИМО : сборник научных трудов. — 2007. — № 28 (43). — С. 17–25.
3. Дейнека, О. С. Психологический портрет молодого российского предпринимателя / О. С. Дейнека. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы психологической

теории и практики / под ред. А. А. Крылова. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1995. — С. 124–130.

4. Дубровская, Т. В. Модель советской трудовой деятельности: лексическое наполнение и репрезентации (на материале корпуса текстов детского журнала «Пионер» 1970–1980-х гг.) / Т. В. Дубровская. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 5 (101). — С. 21–32.

5. Ильин, И. П. Постмодернизм: от истоков до конца столетия / И. П. Ильин. — Москва : Интрада, 1998. — 255 с. — Текст : непосредственный.

6. Каменская, Е. В. Советская пресса «Брежневской эпохи» как инструмент формирования биполярной картины мира / Е. В. Каменская, А. В. Трофимов. — Текст : непосредственный // Journal of new economy. — 2012. — № 5 (43). — С. 115–121.

7. Кортунов, В. В. Философия денег / В. В. Кортунов. — Москва : Моск. общ. научный фонд, 1997. — 173 с. — Текст : непосредственный.

8. Лапин, Н. И. Модернизация базовых ценностей россиян / Н. И. Лапин. — Текст : непосредственный // Социологические исследования. — 1996. — № 5. — С. 3.

9. Лапин, Н. И. Проблема социокультурной реформации в России: тенденции и препятствия / Н. И. Лапин. — Текст : непосредственный // Вопросы философии. — 1996. — № 5. — С. 22.

10. Маркс, К. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс ; пер. с англ. А. Мороз. — Москва : Common place, 2013. — 70 с. — Текст : непосредственный.

11. Мурадян, А. А. Политический дискурс сквозь призму литературных цитаций / А. А. Мурадян. — Текст : непосредственный // Язык и текст. — 2020. — Т. 7. — № 4. — С. 99–106. — DOI: 10.17759/langt.2020070408.

12. Паршина, О. И. Российская политическая речь: теория и практика / О. И. Паршина. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2012. — 232 с. — Текст : непосредственный.

13. Семенец, О. П. Радикальные экономические изменения России XX века в зеркале лексики / О. П. Семенец. — Текст : непосредственный // Terra Economicus. — 2019. — № 17 (2). — С. 176–189. — DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-2-176-189.

14. Столетова, А. С. Материальное положение советских граждан в зеркале общественного мнения 1960–1980-х годов (по данным писем в центральные органы власти и СМИ) / А. С. Столетова. — Текст : непосредственный // Научный диалог. — 2020. — № 3. — С. 402–422. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-402-422.

15. Троцкий, Л. Д. Преданная революция: что такое СССР и куда он идет / Л. Д. Троцкий. — Москва : Т8, 2017. — 172 с. — Текст : непосредственный.

16. Фромм, Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Э. Фромм. — Москва : АСТ, 2006. — 574 с. — Текст : непосредственный.

17. Чудинов, А. П. Финансовая метафора в современной политической речи / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. — 2001. — № 7. — С. 15–23.

18. Blodgett, R. H. Soviet teaching and research in economics / R. H. Blodgett, M. Schnitzer. — Text : unmediated // Studies in Comparative Education. — 1964. — Vol. 2. — 28 p.

19. Brue, S. L. From Marx to markets: Reform of the university economics curriculum in Russia / S. L. Brue, C. R. MacPhee. — Text : unmediated // The Journal of Economic Education. — 1995. — № 26 (2). — P. 182–194.

20. Rajewsky, A. Changes in the Russian terminology of economic law since Perestroika / A. Rajewsky. — München : Verlag Otto Sagner, 2000. — 208 p. — Text : unmediated.

MATERIALS

1. Ozhegov, S.I. (1953). *Slovar russkogo yazyka* [Russian language dictionary]. Moscow: Gosud. izd-vo inostrannykh i natsionalnykh slovarey, 846 p. (In Russ.)

2. Rozental, M.M., & Yudin, P.F. (1955). *Kratkiy filosofskiy slovar* [Concise philosophical dictionary]. Moscow: GIPL, 558 p. (In Russ.)

3. Stepanov, Yu.S. (2004). *Konstanty: Slovar russkoy kultury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. Moscow: Akademicheskii proyekt, 992 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Astashina, M.S. (2024). Leksiko-stilisticheskiy analiz reklamnykh tekstov cherez prizmu filosofii Erikha Fromma («Imet ili Byt?») (na primere postov iz ofitsialnogo telegram-kanala «Rosmolodezh») [Lexical and stylistic analysis of advertising texts through the Erich Fromm's philosophy ("to have or to be?") (on the example of posts published in the official Telegram channel of Federal Agency for Youth Affairs ("Rosmolodezh"))]. *Yazyk i tekst*, 11(1), 5–16. DOI: 10.17759/langt.2024.110101 (In Russ.)
2. Vereshchinskaya, Yu.V. (2007). Zagolovki gazetnykh statey v aspekte medialingvistiki (na materiale ispanskogo yazyka) [Newspaper headlines in the aspect of media linguistics (on the material of the Spanish language)]. In *Filologicheskiye nauki v MGIMO* (collection of scientific works, 28, Iss. 43, pp. 17–25). (In Russ.)
3. Deyneka, O.S. (1995). Psikhologicheskiy portret molodogo rossiyskogo predprinimatel'ya [Psychological portrait of a young Russian businessman]. In A.A. Krylov (Ed.), *Aktualnyye problemy psikhologicheskoy teorii i praktiki* (pp. 124–130). Saint Petersburg. (In Russ.)
4. Dubrovskaya, T.V. (2023). Model sovetskoy trudovoy deyatelnosti: leksicheskoye napolneniye i reprezentatsii (na materiale korpusa tekstov detskogo zhurnala «Pioner» 1970-1980-kh gg.) [The model of Soviet labor: lexical resources and representations (based on the corpus of the children's magazine 'Pioneer' of the 1970s-1980s)]. *Politicheskaya lingvistika*, 5(101), 21–32. (In Russ.)
5. Ilin, I.P. (1998). *Postmodernizm: ot istokov do kontsa stolyetiya* [Postmodernism: from origins to the end of the century]. Moscow: Intrada, 255 p. (In Russ.)
6. Kamenskaya, E.V., & Trofimov, A.V. (2012). Sovetskaya pressa «Brezhnevskoy epokhi» kak instrument formirovaniya bipolyarnoy kartiny mira [The Soviet press of the 'Brezhnev era' as a tool for forming a bipolar picture of the world]. *Journal of new economy*, 5(43), 115–121. (In Russ.)
7. Kortunov, V.V. (1997). *Filosofiya deneg* [Philosophy of money]. Moscow: Mosk. obshch. nauchnyy fond, 173 p. (In Russ.)
8. Lapin, N.I. (1996). Modernizatsiya bazovykh tsennostey rossiyan [Modernization of Russians' core values]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 5, 3. (In Russ.)
9. Lapin, N.I. (1996). Problema sotsiokulturnoy reformatsii v Rossii: tendentsii i prep'yatstviya [The problem of socio-cultural reformation in Russia: trends and obstacles]. *Voprosy filosofii*, 5, 22. (In Russ.)
10. Marks, K., & Engels, F. (2013). *Manifest kommunisticheskoy partii* [The Communist party manifesto] (Translated from English A. Moroz). Moscow: Common place, 70 p. (In Russ.)
11. Muradyan, A.A. (2020). Politicheskii diskurs skvoz prizmu literaturnykh tsitatsiy [Political discourse through literary quotations]. In *Yazyk i tekst*, 7. (Iss. 4), 99–106. DOI: 10.17759/langt.2020070408 (In Russ.)
12. Parshina, O.I. (2012). *Rossiyskaya politicheskaya rech: teoriya i praktika* [Russian political speech: theory and practice]. Moscow: Knizhnyy dom «LIBROKOM», 232 p. (In Russ.)
13. Semenets, O.P. (2019). Radikalnyye ekonomicheskiye izmeneniya Rossii XX veka v zerkale leksiki [Radical economic changes in Russia of the twentieth century in the mirror of vocabulary]. *Terra Economicus*, 17(2), 176–189. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-2-176-189 (In Russ.)
14. Stoletova, A.S. (2020). Materialnoye polozheniye sovet-skikh grazhdan v zerkale obshchestvennogo mneniya 1960 — 1980-kh godov (po dannym pisem v tsentralnyye organy vlasti i SMD) [Financial situation of Soviet citizens in the mirror of public opinion of 1960 — 1980s (according to letters to the central authorities and the media)]. *Nauchnyy dialog*, 3, 402–422. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-402-422 (In Russ.)
15. Trotskiy, L.D. (2017). *Predannaya revolyutsiya: chto takoye SSSR i kuda on idet* [The revolution betrayed: what is the Soviet Union and where is it going]. Moscow: T8, 172 p. (In Russ.)
16. Fromm, E. (2006). *Begstvo ot svobody. Chelovek dlya sebya* [Escape from freedom. Man for himself]. Moscow: AST, 574 p. (In Russ.)
17. Chudinov, A.P. (2001). Finansovaya metafora v sovremennoy politicheskoy rechi [Financial metaphor in modern political speech]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Lingvistika*, 7, 15–23. (In Russ.)
18. Blodgett, R.H., Schnitzer, M. (1964). Soviet teaching and research in economics. *Studies in Comparative Education*, 2, 28 p.
19. Brue, S.L., & MacPhee, C.R. (1995). From Marx to markets: Reform of the university economics curriculum in Russia. *The Journal of Economic Education*, 26(2), 182–194.
20. Rajewsky, A. (2000). *Changes in the Russian terminology of economic law since Perestroika*. München: Verlag Otto Sagner, 208 p.

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 821.111-311.8
ББК ШЗЗ(4Вел)-442

ГРНТИ 17.09.91; 16.21.33

Код ВАК 5.9.2; 5.9.6

Борис Михайлович Проскурнин

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, bproskurnin@yandex.ru,
SPIN-код: 5554-1732, Researcher ID: M-4794-2017, <https://orcid.org/0000-0002-5077-1650>

Политическая составляющая — константа в историческом романе Британии? К вопросу о традициях и новациях

АННОТАЦИЯ. В статье в историко-литературном, теоретико-литературном и литературно-эстетическом аспектах осмысливается динамика в XIX–XXI вв. сложившейся под пером В. Скотта и его соотечественников инвариантной модели британского исторического романа, а вместе с этим — и жанра британского исторического романа как такового. Показывается, как политическая составляющая, важная для жанра на раннем этапе его существования, ориентированная на изображение судьбы частного человека в условиях исторического развития общества, основными двигателями которого являются кризисы и конфликты, получающие непосредственное воплощение в политике, эволюционировала, отражая стремление писателей ко все более органичному художественному синтезу образа истории и образа человека, к изображению бытия человека в истории и истории в человеке. Демонстрируется, что в ходе развития жанра политическое начало стало пониматься как некая внеположенная человеку сила, а его участие в политике осмысливаться чаще всего как не прямое и не всегда им рефлексированное явление, как нечто входящее в более широкое понятие культуры. Именно культурологическая составляющая становится содержательной и художественной доминантой основного потока образчиков британского исторического романа: на примере ряда современных произведений, в частности — романа Д. Моггак «Тюльпанная лихорадка», анализируется характерная для современного исторического романа реконструкция прошлого как некоего культурного достояния во имя создания как можно более целостного образа прошлого.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: английская литература, английские писатели, литературное творчество, литературные жанры, литературные сюжеты, исторический роман, модель жанра, тема политики, английская культура.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Проскурнин Борис Михайлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой литературы и культуры, Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15; email: bproskurnin@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Проскурнин, Б. М. Политическая составляющая — константа в историческом романе Британии? К вопросу о традициях и новациях / Б. М. Проскурнин. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 274–283.

Boris M. Proskurnin

Perm State National Research University, Perm, Russia, bproskurnin@yandex.ru, SPIN code: 5554-1732, Researcher ID: M-4794-2017, <https://orcid.org/0000-0002-5077-1650>

Is the Political Component a Constant Feature of the British Historical Novel? To the Issue of Traditions and Innovations

ABSTRACT. The article explores the historical, theoretical and aesthetic aspects of the 20th-21st centuries dynamics of the invariant model of the British historical novel, which emerged in the 19th century due to Sir Walter Scott and his compatriots, and at the same time investigates the genre of the British historical novel as such. It shows how the political component, important for the genre at an early stage of its existence, oriented at depicting the fate of a particular person in the context of the historical development of society, the main engines of which are crises and conflicts that are directly embodied in politics, evolved, reflecting the desire of writers to present an increasingly organic artistic synthesis of the image of history and the image of man, and to depict the existence of man in history and history in man. The article demonstrates that in the course of the development of the genre, the political principle began to be understood as a kind of existential force outside of man, and their participation in politics was most often understood as an indirect and not always reflected phenomenon, as something included in the broader concept of culture. It is the cultural component that becomes the semantic and artistic dominant of samples of the British historical novel: using the example of a number of modern works, in particular Deborah Moggach's novel "Tulip Fever", the study analyzes the reconstruction of the past, characteristic of the modern historical novel, as a kind of cultural heritage in the name of creating as complete an image of the past as possible.

KEYWORDS: British literature, British writers, literary creative activity, literary genres, literary plots, historical novel, genre model, the theme of politics, British culture.

AUTHOR'S INFORMATION: Proskurnin Boris Mikhailovich, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of World Literature and Culture, Perm State National Research University, Perm, Russia.

FOR CITATION: Proskurnin B. M. (2024). Is the Political Component a Constant Feature of the British Historical Novel? To the Issue of Traditions and Innovations. In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 274–283. (In Russ.).

Британская литература подарила миру жанр исторического романа, основателем которого называется шотландский писатель Вальтер Скотт (*Walter Scott*; 1771—1832). В науке о литературе стало традицией полагать жанровую парадигму, разработанную Скоттом, канонической, а всякий новый исторический роман, появляющийся в мировой литературной практике, «измерять» мерками, выработанными на основе содержательной и художественной структур вальтерскоттовского романа. Одна из таких обязательных «мерок» — правдивость писателя в воспроизведении закономерностей реконструируемого исторического процесса, наличие как можно более «бесшовного» соединения в эстетическом целом романа истории как процесса и характеров персонажей. При этом основными двигателями истории как процесса, по наблюдению ведущего теоретика жанра исторического романа в первой половине XX в. Г. Лукача, выступают исторические кризисы, катаклизмы, конфликты, составляющие суть воспроизводимой эпохи [Лукач 1969: 37—38]. А они чаще всего получают прямое воплощение в политике как «верхнем срезе» исторического процесса. Вот почему политическая составляющая содержательной структуры исторического романа воспринималась чуть ли не как обязательная. В этом смысле вряд ли можно согласиться с одним из ведущих британских специалистов в области теории и истории жанра Джеромом де Гроотом, когда он низводит историко-политическую основу одного из лучших романов В. Скотта «Квентин Дорвард» (*Quentin Durward*; 1823) до «фона» (*background*) [De Groot 2010: 21]. В этом произведении сюжетное развертывание образа титульного героя определяется его характером, столь ярко созданным писателем, но также и исторически важной и политически выраженной борьбой между французским королем Людовиком XI и бургундским герцогом Карлом Смелым в XV в. за влияние в землях, ныне входящих в состав Бенилюкса.

Если за эталон исторического жанра берется роман В. Скотта, то в особом внимании к политической составляющей нет ничего удивительного. Практически в любом историческом романе «шотландского чародея» (по А. С. Пушкину) она присутствует — как в ранних (до 1819 г.), так и в поздних произведениях, где она порою «затушевывается» авантюрной составляющей. Академик Б. Г. Реизов писал: «Романы Скотта начинаются вместе с политическим событием и с ним вместе заканчиваются» [Реизов 1971: URL]. Профессор А. А. Бельский, проанализировав подавляющее большинство романов Скотта,

пришел к выводу: по Скотту, сюжет исторического романа должен строиться вокруг «событий, связанных с происходящей в обществе политической (или социальной) борьбой». При этом исследователь отсылает к пятой главе первого исторического романа писателя «Уэверли» (*Waverley*; 1814), где Скотт объясняют запутанность ситуации, в которую попал заглавный герой романа, оказавшись в чуждом его политическим взглядам лагере, многовекторной политической борьбой, шедшей в Шотландии во времена якобитского восстания 1745 г. [Бельский 1969: 124]. С. А. Орлов, одним из первых в отечественной скоттиане попытавшийся дать целостное представление о романистике Скотта, так говорил о сюжетостроении его исторических романов: «Попутно с формальной интригой (любовной коллизией) развивается коллизия общественно-политическая, и она имеет решающее значение» [Орлов 1960: 355].

При этом, конечно, помнятся и восхищение А. С. Пушкина тем, что в романах Скотта история подается «не с напыщенностью французских трагедий, не с чопорностью чувствительных романов, не с возвышенностью истории, но современно, но домашним образом» [Пушкин 1978: 366], и слова В. Г. Белинского, подчеркивавшего, что в романе Скотта «история и поэзия в первый раз встретились, как начала родственные, а не враждебные» [Белинский 1845: 30].

Все же собственно историческое получало у Скотта преимущественно политическое воплощение, а реальные исторические личности изображались прежде всего как политики, по Лукачу, плотно соотнося кризис в личных (частных) судьбах с кризисом историческим, как правило, получившим политическую форму воплощения и именно таким образом вошедшим в историю: «раскол нации на воюющие партии всегда проходит по самым близким человеческим отношениям» [Лукач 1969: 42], а это уже само по себе — романная ситуация. В первых романах писателя, на основе которых и выстраивается знаменитая парадигма вальтерскоттовского исторического романа, например, в «Уэверли» и в «Легенде о Монтрозе» (*A Legend of Montrose*; 1819), политическая составляющая выражена не столь эксплицитно, как в романе «Пуритане» (*Old Mortality*; 1816), который английской литературной критикой традиционно воспринимается как «одно из лучших его произведений» [Hewitt 2008: 145] и где изображено движение сторонников республиканского строя в Шотландии в конце XVII в., которое не могло не вступить в острую схватку с апологией абсолютной

монархии Стюартов. Это определяет остро политический характер конфликта в романе, а «развитие сюжета, расстановка действующих лиц особенно четко подчинены выяснению **политических принципов** (выд. авт. — Б. П.)» [Бельский 1969: 179]. Да и в первых двух произведениях политическое «проступает» сквозь историческое: в романе «Легенда о Монтрозе» междоусобная борьба Аргайла и Монтроза, олицетворяющая исторически неизбежное движение от феодального к буржуазному мироустройству, — это по сути противостояние двух политических партий в период английской революции 1640-х гг., а приключения Уэверли — это отражение одного из центральных политических событий в жизни Шотландии в 1740-е гг. — движения сторонников возвращения на британский трон Стюартов и восстания 1745 г. как его кульминации. Более того, как отмечает А. А. Бельский, «в “Уэверли” Скотт выступает решительным противником якобитства как изжившей себя политической доктрины», и у него не было «политических симпатий к якобитам» [Бельский 1969: 155; 158].

Исторические романы В. Скотта после 1819 г. отличаются более широкой тематикой, выходом за пределы Шотландии и даже Англии, погружением в более далекие, чем до этого, времена: в средневековье, например, — от XII в. в «Айвенго» до XVI в. в «Кенилворте» (*Kenilworth*; 1821), а также большим вниманием к характерологической составляющей в художественной системе романа, чаще всего реализуемой через череду приключений героя, в связи с чем социально-исторический детерминизм не столь эксплицитен. Но именно на втором этапе творчества Скотт «дал жизнь еще одному типу исторического романа», в котором писатель воссоздавал «образ исторической эпохи, представленный в суммарно-обобщенном плане» [Бельский 1975: 79]. И здесь в первую голову называются романы «Айвенго» (*Ivanhoe*; 1820) и «Пертская красавица» (*The Fair Maid of Perth*; 1828). Думается, что этот тип исторического романа в жанрологическом аспекте может вполне рассматриваться как предтеча другого романного жанра, балансирующего на грани между историей и политикой, — собственно политического романа, истоки которого очевидны и в романтике Скотта, имея в виду романы «Певерил Пик» (*Peveril of the Peak*; 1823), «Редгонтлет» (*Redgauntlet*; 1824) и «Вудсток» (*Woodstock*; 1826), в которых закладывают основы этого значимого для истории британского романа жанра, возникшего в XIX в.

в том числе и на волне осмысления романной практики Скотта (см. о генезисе этого жанра [Проскурнин 2000]).

Словом, политическая составляющая не случайно закрепились в модели классического исторического романа. Тем более что в XIX в., когда эта модель выкристаллизовывалась, история понималась как контекст «трансформирующей деятельности разнообразных политических акторов» [Бушуев 2011: 47]. Отметим исторические взгляды шотландца Т. Карлейля, младшего современника и соотечественника Скотта, утверждавшего, как и некоторые другие философы-историки (например, Ж. де Мэстр и М. Алданов), что «история есть главным образом последовательность социальных и политических событий» и что «именно социально-политическая жизнь наполняет историю смыслом и делает ее содержательной» (см. об этом [Бушуев 2011: 52]). Главными творцами истории, теми, кто наполняет историко-политический процесс смыслом, по Т. Карлейлю, являются исторические личности — герои истории, как называл их философ. Именно роли героев в истории посвящена его направленная против ускоряющихся тенденций усредненности жизни и омассовления человека в викторианские времена книга «Герои, почитание героев и героическое в истории» (*On Heroes, Hero-Worship and the Heroic in History*; 1841). Отметим, что и В. Скотт в поздних романах, не говоря уже о его знаменитой двухтомной «Жизни Наполеона Бонапарта» (*The Life of Napoleon Buonaparte, Emperor of the French*; 1827), создал ряд ярких портретов реальных исторических лиц: Марии Стюарт, Карла II, Кромвеля и др., конечно, при их создании сделав романный, то есть характерологический, акцент. Однако лишь один исторический роман Скотта назван именем реального исторического лица — «Роб Рой» (*Rob Roy*; 1819). Главным (и часто титульным) героем у Скотта преимущественно становится лицо вымышленное, случайно оказавшееся в водовороте историко-политических событий, своей романной судьбой демонстрирующее действие основных «силовых полей» воспроизводимого исторического этапа.

Иная ситуация складывается в историческом романе младшего современника Скотта и его поклонника, французского писателя В. Гюго «Собор Парижской богородицы» (*Notre-Dame de Paris*; 1831). Есть определенная справедливость в словах исследователя жанра исторического романа В. Я. Малкиной: «У В. Скотта — конфликт между политическими лагерями, кризис государственной системы, переломная эпоха в истории стра-

ны. У Гюго — смена культурных эпох, переломная эпоха в истории человечества. Скотта интересует конкретный исторический момент, специфика определенной эпохи. Гюго — связь между прошлым и настоящим. Скотт подчеркивает дистанцию, различия между двумя эпохами, Гюго — сходство и взаимосвязь между ними» [Малкина 2002: 73]. Не зачеркивая разницу между принципами реконструкции ушедших эпох Скоттом и Гюго, выскажем два возражения. Во-первых, прошлое, т. е. история, как справедливо заметил еще до Скотта его старший современник У. Годвин, всегда «отличается от нашего времени так же сильно, как и мы, современники, отличаемся друг от друга, и было бы глупо думать иначе» (цит. по [De Groot 2010: 19]). Гюго, безусловно, понимал, что рисуемая им в романе Франция времен Людовика XI — это отнюдь не Франция Людовика XVIII (роман писался еще в период Реставрации). Поэтому Гюго не затушевывал эту разницу во всех смыслах — культурологическом (артефактном, предметно-вещном, этикетном, бытовом и пр.), социальном, экономическом и политическом. Во-вторых, на наш взгляд, всякий исторический роман, а у великих писателей тем более, — это парабола: погружаясь в сколь угодно далекое прошлое, автор все равно — сын своего времени, и болевые, проблемные точки современности нередко являются причиной ухода в прошлое, чтобы понять истоки их появления в настоящем. Поэтому В. Скотт видел и отражал не дискретный, а преемственный ход истории вперед, к прогрессу. Но видел по-другому, отлично от Гюго, делая больший акцент на социальной и политической составляющих реконструируемого исторического процесса. В то время как Гюго, согласимся с В. Я. Малкиной, акцентировал культурологический каркас повествования, что очевидно уже в названии романа и практически его основном месте действия — Соборе Нотр-Дам. Вальтерскоттовские исторические повествования инспирировали появление традиции литературно-художественных интерпретаций прошлого во многих литературах, потому и не удивительно, что родилось несколько отличающееся от романа Скотта историческое произведение Гюго, которое смело можно назвать едва ли не первым *историческим романом культуры*, где мера историчности приобретает культурологический характер. При этом у обоих писателей присутствовало теснейшее переплетение характерологического и исторического, когда историческое и личное не отделимы, когда сюжетное развертывание характера персонажа (персонажей) детерминиро-

вано меняющееся исторической ситуацией. Только у Гюго социально-политическое не на первом и даже не на втором плане, а присутствует как некая надличностная доминанта, в конкретной драме героев романа играющая непрямую, хотя и неотвратимую роль (см. об этом и о роли образа Людовика XI в связи с ролью политической составляющей в романе Гюго [Реизов 1958]).

Нельзя сказать, что В. Скотта совсем не интересовала культура воспроизводимого времени, особенно это было бы несправедливо по отношению к романам из шотландской истории, в которых Скотт буквально обрушивал на читателя, мало знакомого с историей и культурой его родины, целый поток сведений о быте, нравах, привычках, ремеслах, традициях, верованиях и пр. жителей как горной Шотландии (особенно ее, так как полагал, что именно там наиболее очевидно сохранилась истинная, говоря современным языком, «шотландскость»), так и равнинной. Правда делал он это чаще всего в своеобразных развернутых историко-культурных экспозициях или авторских отступлениях, тем самым, с одной стороны, вроде бы глубоко погружая читателя во времена, им воспроизводимые, выписывая контекст (как горизонтальный, диахронический, так и вертикальный (синхронический); термины И. В. Гюббенет [Гюббенет 2010]), но с другой — лишней раз увеличивая дистанцию между героями из прошлого и читателями. Правда, затем он эту дистанцию вновь сокращал за счет психологической и нравственной проработки образов персонажей, за счет общечеловеческого начала делая их переживания, драмы, победы и поражения весьма близкими читателям любого времени. На это работала и тенденция, уловленная А. С. Пушкиным и блестяще реализованная им в «Капитанской дочке» (1836): «одомашнивание» («приватизация») прошлого через историческую характерологию и бытийственную обстоятельность при сохранении известных на тот момент исторических знаний: характеры героев (прежде всего вымышленных) воплощали в своих сюжетных «судьбах» авторское видение и понимание истории; возникает то, что можно назвать *внутренней историчностью содержания характера* героя, его взаимодействия с обстоятельствами.

По проложенному Скоттом пути пошли многие британские исторические романисты (см. об этом [Проскурнин 2023]), прежде всего имеется в виду, так сказать, мейнстримовский британский исторический роман, поскольку уже к середине позапрошлого века, не говоря о двадцатом и нашем ве-

ках, в литературе появляется немало развлекательных исторических произведений для взрослых и детей авантюрно-приключенческого, любовно-психологического, историко-детективного, (нео)готического характеров, где событие, неважно — реальное и/или вымышленное, и его неординарность играют большую роль, чем характер, и уж тем более важную роль, чем собственно история. Серьезный британский исторический роман, начиная с Вальтера Скотта, стремится как можно более объемно (не в количественном, а в качественном отношении) воспроизвести избранную эпоху в ее социальных, политических, культурных и бытовых практиках, используя прежде всего традицию внутренней историчности характера. Обнаруживается любопытная тенденция: собственно политическая составляющая все чаще становится *одной из* определяющих целостность произведения. Взять, например, единственный исторический роман Дж.Элиот «Ромола» (*Romola*; 1863), в котором главное для Флоренции конца XV в. религиозно-политическое противостояние Савонаролы, магистрата Флоренции, клана Медичи, папы Римского Александра VI и императора Священной Римской империи Карла VIII художественно оправданно подается растворенным в нравственно-психологических терзаниях и обретениях вымышленной титульной героини. И это вовсе не мешает Элиот создать объемный, культурологический по своей сути, образ Флоренции конца Кватроченто. А крупнейшая английская писательница модернистка В. Вульф в знаменитом романе «Орландо» (*Orlando*; 1928) заставляет читателя вместе с наделенным необычайным долголетием героем, который ближе к концу романа становится героиней (сказывается феминизм писательницы и ее недоверие к маскулинности истории), окунуться не столько в социально-политическую историю Англии от XVI в. до XX в. сколько в социокультурные, а то и историко-художественные скрепы прошлого и настоящего, что превращает роман о прошлом, как говорила Вульф, в изучение возможностей и потенциалов истории (цит. по [de Groot 2010: 43]).

Одновременно скажем: политическое начало выносится на первый план, например, в периоды резкого обострения политической ситуации в мире, как это произошло в британском романе 1930-х—1940-х гг. в связи с появлением нацистских (Германия), фашистских (Италия) и милитаристских (Япония) концепций переустройства мира. Здесь ярким доказательством становятся романы Джека Линдсея об античности: «Рим выставлен на продажу» (*Rome for Sale*; 1934),

«Цезарь мертв» (*Caesar is Dead*; 1934), «Ганнибал» (*Hannibal Takes a Hand*; 1941) и др., а также роман Артура Кестлера («Гладиаторы»; *The Gladiators*; 1935).

С легкой руки В. Скотта смешение истории и частной жизни стало, по М. М. Бахтину, обязательным моментом всякого романа, а уж исторического — тем более (см. [Бахтин 1975: 395]). Историческое приобрело статус характерологического в произведениях этого жанра, и в этом отношении особенно показательны романы Р. Грейвза «Я, Клавдий» (*I, Claudius*; 1934) и «Божественный Клавдий» (*Claudius the God and his Wife Messalina*; 1935), в которых, несмотря на их повествование от «Я» героя, а то и благодаря этому, с альтернативной точки зрения, поскольку Клавдий всегда был изгоем в династии Юлиев-Клавдиев, и при этом удивительно целостно и объемно воссоздаются августианская и пост-августианская эпохи Древнего Рима. Что особенное поражает в дилогии Р. Грейвза, так это ощущение, что мы видим историю реконструируемого прошлого *изнутри*, а это — одна из вершин исторического повествования. Во многом это связано с тем, что мы видим и ощущаем, как непосредственно делается история (см. об этом [Дьяконова 1990: 10]), мы наблюдаем не только бытование человека в истории, но и бытование истории в человеке, когда историческое становится доминантной частью характерологического. Подчеркнем, что характерологическое — доминанта создания образов персонажей в английской литературе в целом, которая на протяжении многих этапов ее истории, начиная с Дж.Чосера (XIV в.) и заканчивая нашими днями, славна своей психолого-реалистической основой. Именно эта основа способствовала тому, что в английской исторической прозе рубежа XX–XXI вв. была быстро преодолена постмодернистская метафизическая саморефлексия, так ярко в нее вошедшая, благодаря постмодернистской «одержимости истории», с одной стороны, а с другой — недоверию и ироническому отношению к метанарративам, в том числе и к Истории как одному из них, а также — тенденции передавать право «быть исторически точными» множественности приватных проживаний прошлого, о чем писали и пишут как отечественные, так и английские литературоведы (см. [De Groot 2019; Voxall 2019; Киреева 2004]).

Еще в самый разгар постмодернистского вторжения в британскую литературу, появляются произведения, которые, обобщенно выражаясь, осмысляются как «фронда» постмодернистским игровым, дезиллюзиони-

рующими метаисторическим повествованиям с их нарочитым «остранением» прошлого, чтобы подчеркнуть относительность, ненадежность любого знания о нем. Главным в таких произведениях становится стремление сохранить иллюзию целостного реалистического образа исторической эпохи. К ним литературоведы относят такие разные произведения, как романы Роуз Тримейн «Реставрация» (*Restoration*; 1989), Пэт Баркер «Восстановление» (*Regeneration*; 1991), «Место большей безопасности» Хилари Мантел (*A Place of Greater Safety*; 1992), «Тюльпанная лихорадка» (2000) Деборы Моггак, «Без лица» (*Impressionist*; 2002) Хари Кунзру и др. Примечательно, что собственно политическая составляющая во всех них, кроме романа Мантел о Французской революции, не была доминантой художественной системы; на первый план выводилось более общее и даже обобщенное понятие — культура эпохи. Более того, как представляется, практически все названные здесь авторы стремились погрузить читателя в культурную атмосферу реконструируемого ими времени, т. е. не в эпоху вообще, а именно в ее культуру, имидж которой в национально-кодovém, порою даже клишированном смысле у читателя уже сформировался. Опираясь на это, расширяя и уточняя содержание этих кодов, разрушая или «оживляя» клише, в том числе и благодаря художественной реконструкции частной жизни людей прошлого, подчеркивая при этом общечеловеческую основу этой жизни, писатели стремились к созданию художественно целостного образа той эпохи, которая стала объектом их реконструкции.

Возьмем, например, не самый сильный из названных произведений, но самый показательный из них — роман Д. Моггак «Тюльпанная лихорадка». В оправдание выбора скажем: порою не выходящие за рамки типичных особенностей явления, произведения второго ряда, в отличие от образчиков первого ряда, новаторских и готовых к преодолению всяких границ, ярче и чище, «без примесей», характеристиками, в большинстве случаев не затененных другими напластованиями, могут показать анализируемое явление или направление в «чистом виде». Роману Моггак не отказать в остроте сюже-

та, но свойственная английской романной традиции мощная характерологическая составляющая у нее не столь глубока, как хотелось бы: характеры персонажей прописаны слишком «сценарно». Это роман о временах расцвета Голландии как буржуазной республики первой трети XVII в. Идея величия страны вложена в уста пожилого негодянта Корнелиса ван Сандвоорта¹, одного из восьми рассказчиков (некоторые из них наделены повествовательным «я», а повествовательную перспективу некоторых автор романа включает в несобственно авторскую речь, один из самых известных повествовательных приемов, принесших английской литературе славу): «It is 1637 and Amsterdam is thriving. The seat of the government is in the Hague, but Amsterdam is the true capital of the Republic. Trade is booming, the arts are flourishing. Fashionable men and women stroll along its streets and the canals mirror back the handsome houses in which they live [Moggach 2000: 24]².

По справедливому мнению искусствоведов, XVII век — это «золотой век голландской живописи» (см. [Виппер 1957], [Геташвили 2006]), и не случайно Моггак делает основной акцент как раз на живописи, выбирая одним из трех центральных героев художника, а отправной точкой сюжета — создание живописного портрета семейной пары Корнелиса и Софии ван Сандвоорт художником Яном ван Лоо, прототипом образа которого видится отчасти художник Якоб ван Лоо, но все же — это собирательный образ голландского художника XVII в. В поддержку этой живописной доминанты необходимо отметить, что едва ли не каждую вторую главу романа предваряет эпиграф из размышлений об искусстве художников, в том числе и голландских. Но не менее примечательно, что другая половина глав романа предварена эпиграфами, взятыми в основном из трудов голландских авторов того времени этолого-дидактического характера или из притч и псалмов Библии, оттеняющих становление голландских национальных ценностей, образа жизни и менталитета в их бюргерско-купеческой трактовке. В романе прекрасно выписаны бытовая, предметно-вещная сторона жизни голландского общества того «золотого времени», не говоря уже об образе

¹ Имя героя весьма примечательно: по одной из версий, имя Cornelis имеет древнекельтские корни и связано с кельтским словом, означающим «корень» или «источник». Для основной идеи романа это важно, поскольку Корнелис ван Сандвоорт — олицетворение самой онтологической сути голландской реальности того времени.

² «В 1636 году город переживал настоящий бум. Правда, правительство находилось в Гааге, но истинной столицей республики был Амстердам. Торговля была ключом, искусства цвели пышным цветом. По улицам расхаживали модно одетые прохожие, и вода каналов отражала их красивые и богатые дома» [Моггак 2017: 29].

Амстердама, его каналов, порта, улиц, рынков, таверн, домов, кухонь, гостиных, кабинетов, спален и пр., едва ли не прямо списанных с натюрмортов, картин городского пейзажа, бытовых и жанровых живописных произведений голландских мастеров; именно поэтому первое английское издание романа содержит 16 иллюстраций картин выдающихся представителей направления в живописи, получившее название «малые голландцы: И. Вермеера, Рембрандта, П. де Хооха, и др. (Отсутствие их в издании русского перевода существенно обедняет читательское восприятие романа.) Не случайно и главный герой-художник Ян ван Лоо, и его ученик Якоб, который в конце романа осознанно пишет только портреты, поскольку они, в отличие от самых низко оплачиваемых натюрмортов, продаются дороже любой другой живописи, а потому выглядит триумфатором, в то время как его наставник после потери возлюбленной и неудачной попытки обогатиться за счет перепродажи луковиц тюльпанов впал в депрессию и «жил там, в ледяном холоде собственных натюрмортов» [Моггак 2017: 218]¹, и упоминаемый не раз Рембрандт, который как раз в это время поселился в Амстердаме, жили девизом: «Научись находить красоту в том, что видишь, в этом твой урок» [Моггак 2017: 103], и тогда «что бы ни случилось, эта картина не соврет <...>. Она расскажет правду» [Моггак 2017: 105]².

Не будем сейчас вдаваться в анализ экфрастической составляющей романа: она может и должна стать предметом специального изучения, но подчеркнем, сколь мастерски Моггак «заставляет» нас поверить, что мы «внутри» культуры периода. А если иметь в виду название подчеркивающее, что действие происходит еще и во времена, когда бум живописи, особенно портретной и жанровой, совпал с «тюльпаноманией», когда поначалу экзотический цветок быстро стал еще одним «маркером» национальной культуры и основой еще одного клише: «Голландия — страна тюльпанов», то понимаешь, насколько неважно для создания ощущения едва ли тотального «пробытия» в той эпохе, что в сюжете произведения напрочь отсутствует даже намеки на политическую сторону жизни голландского общества того времени.

Наблюдения над романом Моггак убеждают: перед нами исторический роман, но не классического, вальтерскоттовского, типа. В нем, как и должно, присутствует обязательная временная дистанция между моментом создания романа и временем свершения действий в нем: читатель погружается в события почти четырехвековой давности; в романе писательница воссоздает картину повседневной жизни, насыщая описания артефактами и деталями быта того времени. Но главное: Моггак выстраивает повествование на конфликте (противоречии), отражающем особенности голландской эпохи первой половины XVII в. в ее онтологической сути: в Голландии (цеховой, купеческой, бюргерской, преуспевающей) все продается и все покупается, в том числе и красота — человеческая и природная. Корнелис, овдовев и потеряв своих детей в их младенчестве, практически покупает красавицу Софию, которая на сорок лет его моложе, спасая ее самую, ее мать и сестер от жизни в нищете, в надежде получить наконец наследника для своего преуспевающего торгового дела. Очень важно для «живописной доминанты» романа, что София в его глазах не просто красавица, а воплощение прекрасной картины: «...she is already a painting...» [Moggach 2000: 25]³. А Корнелиса, большого любителя и собирателя живописи, София воспринимает через образы старцев, похотливо наблюдающих за купающейся обнаженной девушкой на картине «Сусанна и старцы» то ли Рубенса, то ли Рембрандта, висящей в столовой над головой обедающего главы дома: Моггак не уточняет, чья это картина, но это и не важно, важнее эта общая атмосфера не просто увлечения живописью, а ее бытие в мире героев и их бытие среди картин: (см. [Moggach 2000: 3; Моггак 2017: 11]). Да и в Софии сначала Ян видит исключительно красивую модель. Она делится с читателями своими ощущениями после первого сеанса позирования: «His head is cocked to one side. I stare back at him coolly. Then I realize — he is not looking *at me*. He is looking at the arrangement to be painted. He wipes his brush on a rag and frowns. I am just an object — brown hair, white lace collar and blue, shot-silk dress» [Moggach 2000: 11]⁴. Даже когда Софию и Яна уже связывает любовь-страсть и когда

¹ «This is his reality, the stillness of his still lifes» [Moggach 2000: 258].

² «Find beauty in what you see, not what it can teach us» [Moggach 2000: 111]; «Whatever happens to us, this painting will not lie. It will tell the truth» [Moggach 2000: 114].

³ «Корнелис подумал, что она сама и есть живая картина — вот здесь, сейчас...» [Moggach 2017: 30].

⁴ «Он склонил голову набок. Я холодно отвечаю на его взгляд. И вдруг понимаю — он смотрит не на меня. Оценивает композицию будущей картины. Вытирая о тряпку кисти, хмурит брови. Я для него лишь объект: каштановые волосы. Белый кружевной воротник, голубое платье из переливчатого шелка» [Моггак 2017: 18]

он пишет ее обнаженной, а Моггак замечает, что как раз в это время Рембрандт пишет свою жену Саскию в образе обнаженной Данаи, тем не менее, София подчеркивает: «He gazes at me as if I am an object...» [Moggach 2000: 113]¹. Писательница остается верна основной характеристике эпохи появления того, что составит славу голландской культуре, да и стране в целом — великой живописи «малых голландцев». Вот как завершает Моггак рассказ о «тюльпаномании» того времени: «Когда люди очнулись от этого морока, цветы завяли, но картины остались» [Моггак 2017: 214]². Кроме того, автор сообщает, что сумасшествие по поводу «этой мимолетной красоты, страсти к быстро увядающим цветам, еще более недолговечной, чем жизнь их почитателей» [Ibid]³ основывалось на необычайных мутациях тюльпанов, вызванных вирусной болезнью их луковиц: метафора болезни здесь особо уместна.

И все же истинная красота в романе празднует победу, но очень странную и не радостную. Финал романа полон печальной иронии и даже горькой насмешки. Красота Софии не достается никому, не принесла она счастья и ей самой. Пытаясь добиться Софии и счастья с нею, Ян идет навстречу хитроумному плану отчаянно влюбленной женщины, который построен на многослойном обмане. Здесь Моггак явно проводит параллель между тюльпанной и любовной лихорадками. В конце романа несчастными остаются все: София, которая, инсценировав самоубийство, исчезает в монастыре, Ян, который через всю оставшуюся жизнь печально несет в себе образ прекрасной Софии, появляющийся в его картинах, как и лук, который он изображает всякий раз как символ горечи от потери любимой и как символ горького вкуса этой любви; Корнелис, который, узнав об измене Софии и обмане с беременностью и долгожданным ребенком и название корабля, на котором хотели навсегда сбежать София и Ян, бросил все, в том числе и то, чем так гордился, — процветающее, как и вся Голландия, дело, оказывается на этом корабле и, конечно, не находит там Софии и растворяется в вечности. Счастье и благополучие обретают самые приземленные, живущие обыкновенными чувствами, болями, надеждами, потерями и приобретениями служанка Мария и ее возлюбленный

Вилем. Да еще торжествует не столько художник, сколько ремесленник, бывший ученик Яна ван Лоо Якоб Хахт, кстати в конце романа рисующий семейный потрет Марии, Вилема и их дочери: своего рода параллель начальной для интриги сюжета сцене создания портрета Корнелиса и Софии: круг замыкается — и заканчивается роман. С одной стороны, торжествует искусство живописи — истинное, как показала история, богатство Голландии, но торжествует и обыкновенная, повседневная, не полненная никакими «маниями» жизнь, как торжествует она на жанровых полотнах «малых голландцев».

Итак, британский исторический роман, возникнув в начале XIX в., и по сию пору сохраняет свою значимость, а в некоторые моменты даже приобретает авангардную роль в развитии жанровой системы национальной британской литературы. Динамика жанра естественно приводит к уточнению инвариантной модели британского исторического романа нашего времени: политическая составляющая, одно время считавшаяся необходимой частью структуры жанра, заменяется более обобщающей, культурологической составляющей, еще более целенаправленной на создание целостного образа ушедшей эпохи.

Роман Д. Моггак, как и названные выше романы Р. Тримейн, Х. Мантел, П. Баркер, Х. Кунзру и др., написан одновременно в период окончания так называемого историографического и метафического этапа развития жанра исторического романа и в момент становления новой модификации жанра, которую вслед за некоторыми англоязычными критиками можно называть «fiction of image» или «novel of material imagination» [Savvas, Coffman 2019: 195]. На наш взгляд, это литературное явление, с точки зрения той динамики исторического романа, которую мы обозначили, в значительной степени отвечает наблюдению крупнейшего теоретика литературы и эстетика Поля Рикёра, в книге «Память, история, забвения» отметившего характерное для нашего времени «выдвижение на первый план культурного достоинства, сфокусированного на историческом памятнике с его зрелищной топографией и археологической ностальгией» [Рикёр 2004: 569]. Рассмотренная нами модификация жанра исторического романа,

¹ «Я постоянно ловила на себе его взгляд — сосредоточенный и увлеченный взгляд профессионала...» [Моггак 2017: 105].

² «When men woke from their dream the blooms had withered but the paintings remained» [Moggach 2000: 253].

³ «Yet it all stems from a love of beauty, a passion for flowers whose lives are even briefer than those who are in thrall to them» [Ibid].

которую можно назвать «исторический роман культуры», вполне подтверждает наблюдение ведущего специалиста в области современного британского романа П. Боксолла о том, что англоязычная историческая проза рубежа XX–XXI вв. — это проза «острого осознания истории как события, истории как материальной силы» [Boxall 2019: 41]. Это не постмодернистская игра в историю (с историей), а добротная попытка словесно-образного воспроизведения прошлого в полноте всего его «тела», в единстве всех его регистров с одновременным акцентом на общечеловеческом как том, что связывает далекие эпохи в одно целое *человеческое бытие*.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — 504 с. — Текст : непосредственный.
2. Белинский, В. Г. Романы Вальтера Скотта. Том третий. «Антикварий» / В. Г. Белинский. — Текст : непосредственный // Отечественные записки. — 1845. — Т. XLII. — № 10. Отд. VI «Библиографическая хроника». — С. 30–32.
3. Бельский, А. А. Английский роман 1800–1810-х годов : учебное пособие по спецкурсу / А. А. Бельский. — Пермь : Пермский ун-т, 1969. — 333 с. — Текст : непосредственный.
4. Бельский, А. А. Английский роман 1820-х годов : учебное пособие по спецкурсу / А. А. Бельский. — Пермь : Пермский университет, 1975. — 204 с. — Текст : непосредственный.
5. Бушуев, В. В. Проблема взаимосвязи «истории» и «политики» в социально-гуманитарном знании (теоретический анализ) / В. В. Бушуев. — Текст : непосредственный // Ценности и смыслы. — 2011. — № 5 (15). — С. 46–64.
6. Виппер, Б. Р. Становление реализма в голландской живописи XVII века / Б. Р. Виппер. — Москва : Искусство, 1957. — 335 с., с илл. — Текст : непосредственный.
7. Геташвили, Н. В. «Малые голландцы» / Н. В. Геташвили. — Москва : Олма-Пресс, 2006. — 128 с., с илл. — Текст : непосредственный.
8. Гюббенет, И. В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста / И. В. Гюббенет. — Изд. 2-е, доп. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 208 с. — Текст : непосредственный.
9. Дьяконова, Н. Я. Роберт Грейвз и его роман «Я, Клавдий» / Н. Я. Дьяконова. — Текст : непосредственный // Клавдий / Р. Я. Грейвз ; пер. с англ. Г. Островской. — Ленинград : Художественная литература, 1990. — С. 5–16.
10. Киреева, Н. В. Постмодернизм в зарубежной литературе : учебный комплекс для студентов-филологов / Н. В. Киреева. — Москва : Флинта-Наука, 2004. — 216 с. — Текст : непосредственный.
11. Малкина, В. Я. Поэтика исторического романа: Проблема инварианта и типология жанра / В. Я. Малкина. — Тверь : Тверской гос. ун-т, 2002. — 140 с. — Текст : непосредственный.
12. Моггак, Д. Тюльпанная лихорадка / Д. Моггак ; пер. с англ. В. Н. Соколова. — Москва : Изд-во АСТ, 2017. — 224 с. — Текст : непосредственный.
13. Орлов, С. А. Исторический роман Вальтера Скотта / С. А. Орлов. — Горький : Изд. Горьковского государственного университета, 1960. — 480 с. — Текст : непосредственный.
14. Проскурнин, Б. М. Английский политический роман XIX века: очерки генезиса и эволюции : моногр. / Б. М. Проскурнин. — Пермь : Изд-во Пермского университета, 2000. — 285 с. — Текст : непосредственный.
15. Проскурнин, Б. М. Современный английский исторический роман: традиция и диалог с нею / Б. М. Проскурнин. —

Текст : непосредственный // Мировая литература в контексте культуры. — 2023. — Вып. 16 (23). — С. 23–32.

16. Пушкин, А. С. Заметка о Скотте / А. С. Пушкин. — Текст : непосредственный // Полное собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин. — Ленинград : Наука, 1978. — Т. 7. — С. 366.

17. Реизов, Б. Г. Гюго / Б. Г. Реизов. — Текст : непосредственный // Французский исторический роман в эпоху романтизма / Б. Г. Реизов. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1958. — С. 417–553.

18. Реизов, Б. Г. История и вымысел в романах Вальтера Скотта / Б. Г. Реизов. — Москва : Изд. АН СССР, Отделение литературы и языка, 1971. — Т. XXX, вып. 4. — С. 306–311. — URL: RoyalLib.com/author/reisov_b.html (дата обращения: 20.04.2024). — Текст : электронный.

19. Рикёр П. Память, история, забвение / П. Рикёр ; пер. с франц. И. И. Блауберг, И. С. Вдовина, О. И. Мачульская, Г. М. Тавризян. — Москва : Изд-во гум. лит-ры, 2004. — 728 с. — Текст : непосредственный.

20. Boxall, P. Inheriting the Past: Literature and Historical Memory in the Twenty-First Century / P. Boxall. — Text : unmediated // Twenty-First-Century Fiction: A Critical Introduction. — Cambridge : Cambridge University Press, 2019. — P. 40–56.

21. De Groot, J. The Historical Novel / J. de Groot. — Abingdon : Routledge, 2010. — 200 p. — Text : unmediated.

22. De Groot, J. Transgression and Experimentation: The Historical Novel / J. De Groot. — Text : unmediated // British Fiction: 1980–2018 / edited by Peter Boxall. — Cambridge: Cambridge University Press, 2019. — P. 169–184.

23. Hewitt, K. Understanding English Literature / K. Hewitt. — Oxford : Perspective Publications, 2008. — 275 p. — Text : unmediated.

24. Lukačs, G. The Historical Novel / G. Lukačs. — London : Penguin, 1969. — 435 p. — Text : unmediated.

25. Moggach, D. Tulip Fever / D. Moggach. — London : Vintage, 2000. — 262 p.; with illustrations. — Text : unmediated.

26. Savvas, T. American Fiction after Postmodernism / T. Savvas, Cr. K. Coffman. — Text : unmediated // Textual Practice. — 2019. — Vol. 33. — № 2. — P. 195–212.

REFERENCES

1. Bakhtin, M.M. (1975). *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [The Issues of Literature and Aesthetics. Papers of Various Years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 504 p. (In Russ.)
2. Belinskiy, V.G. (1845). *Romany Valtera Skotta. Tom tretyi. "Antikvariya"* [The Novel of Walter Scott. Volume Three. "The Antiquary"]. *Otechestvennye zapiski*, XLII (Otd. VI "Bibliograficheskaya khronika"), 30–32. (In Russ.)
3. Belskiy, A.A. (1969). *Angliyskiy roman 1800–1810-kh godov*. [The English Novel of the 1800s — 1810s.] (Uchebnoe posobie po spetskursu). Perm: Permskiy universitet, 333 p. (In Russ.)
4. Belskiy, A.A. (1975). *Angliyskiy roman 1820-kh godov*. [The English Novel of the 1820s.] (Uchebnoe posobie po spetskursu). Perm: Permskiy universitet, 204 p. (In Russ.)
5. Bushuev, V.V. (2011). *Problema vzimozv'yazi "istorii" i "politiki" v sotsialno-gumanitarnom znanii (teoreticheskiy analiz)* [The Problem of Coordination of the Notions 'History' and 'Politics' in the Social Sciences and Humanities. Theoretical Analysis]. *Tsennosti i smysly*, 5(15), 46–64. (In Russ.)
6. Vipper, B.R. (1957). *Stanovlenie realizma v gollandskoy zhivopisi XVII veka* [Genesis of Realism in the Dutch Painting of the XVII Century]. Moscow: Iskusstvo, 335 p., s ill. (In Russ.)
7. Getashvili, N.V. (2006). *"Malye gollandtsy"* ["Small Dutches"]. Moscow: Olma-Press, 128 p., s ill. (In Russ.)
8. Gyubbenet, I.V. (2010). *Osnovy filologicheskoy interpretatsii literaturno-khudozhestvennogo teksta* [The Basis of Philological Analysis of the Literary Text] (2nd ed., enlarged). Moscow: Knizhnyi dom "LIBROKOM", 208 p., s ill. (In Russ.)
9. Diyakonova, N.Ya. (1990). *Robert Greivz i ego roman "Ya, Klavdiy"* [Robert Graves and His Novel "I, Claudius"]. In Ya.R. Greivz, *Klavdiy* (Transl. from Eng. G. Ostrovskaya, pp. 5–16). Leningrad: Khudozhestvennaya Literatura. (In Russ.)
10. Kireeva, N.V. (2004). *Postmodernizm v zarubezhnoy literature* [Postmodernism in Foreign Literature] (Uchebnyy kompleks dlya studentov-filologov). Moscow: Flinta-Nauka, 216 p. (In Russ.)

11. Malkina, V.Ya. (2002). *Poetika istoricheskogo romana: Problema invarianta i tipologii zhanra* [The Poetics of the Historical Novel: The Problem of Invariant and Genre Typology]. Tver: Tverskoy gos. un-t, 140 p. (In Russ.)
12. Moggak, D. (2017). *Tulpannaya likhoradka* [Tulip Fever] (Transl. by V.N. Sokolova). Moscow: Izdatelstvo AST, 224 p. (In Russ.)
13. Orlov, S.A. (1960). *Istoricheskiy roman Valtera Skotta* [The Historical Novel of Walter Scott]. Gorkiy: Izd. Gorkovskogo gosudarstvennogo universiteta, 480 p. (In Russ.)
14. Proskurnin, B.M. (2000). *Angliyskiy Politicheskiy roman XIX veka: Ocherki genezisa i evolutsii* [The English Novel of the XIX Century: Genesis and Evolution]. Perm: Izd-vo Permskogo universiteta, 285 p. (In Russ.)
15. Proskurnin, B.M. (2023). Sovremenniy angliyskiy istoricheskiy roman: traditsiya i dialog s neyu [Contemporary English Historical Novel: Tradition and the dialogue with It]. In *Mirovaya Literatura v kontekste kultury* (Iss. 16(23), pp. 3–32). (In Russ.)
16. Pushkin, A.S. (1978). Zametka o Skotte [A Note on Scott]. In A.S. Pushkin, *Polnoye sobraniye sochineniy* (Vol. 7, p. 366). Leningrad: Nauka. (In Russ.)
17. Reizov, B.G. (1958). Gyugo [Hugo]. *Frantsuzkiy istoricheskiy roman v epokhu romantizma* (pp. 417–553). Moscow: Gosadrtvennoye Izdatelstvo khudozhestvennoy literatury. (In Russ.)
18. Reizov, B.G. (1971). *Istoriya i vymysel v romanakh Valtera Skotta* [History and Imagination] (Vol. XXX, Iss. 4, pp. 306–311). Moscow: Izd. AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka. Retrieved Apr. 20, 2024, from RoyalLib.com/author/reisov_b.html (In Russ.)
19. Riquier, P. (2004). *Pamyat, istoriya, zabvenie* [Memory, History, Oblivion] (Transl. from Fr. I.I. Blauberg, I.S. Vdovina, O.I. Machulskaya, G.M. Tavrizyan). Moscow: Izd-vo gum.lit-ry, 728 p. (In Russ.)
20. Boxall, P. (2019). Inheriting the Past: Literature and Historical Memory in the Twenty-First Century. In *Twenty-First-Century Fiction: A Critical Introduction* (pp. 40–56). Cambridge: Cambridge University Press.
21. De Groot, J. (2010). *The Historical Novel*. Abingdon: Routledge, 200 p.
22. De Groot, J. (2019). Transgression and Experimentation: The Historical Novel. In Peter Boxall (Ed.), *British Fiction: 1980–2018* (pp. 169–184). Cambridge: Cambridge University Press.
23. Hewitt, K. (2008). *Understanding English Literature*. Oxford: Perspective Publications, 275 p.
24. Lukačs, G. (1969). *The Historical Novel*. London: Penguin, 435 p.
25. Moggach, D. (2000). *Tulip Fever*. London: Vintage, 262 p.; with illustrations.
26. Savvas, T., & Coffman, Cr. K. (2019). American Fiction after Postmodernism. *Textual Practice*, 33(2), 195–212.

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 811.161.1'42+355.732
ББК ШП41.12-51+У305.04

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Dilya A. Khaliullina

Udmurt State University, Izhevsk, Russia, madeleine777@mail.ru, SPIN code: 6306-6572, <https://orcid.org/0009-0002-1816-3468>

Armaments Discourse as a Separate Type of Discourse

ABSTRACT. *The article presents the conclusions of studies of armaments discourse, which allow distinguishing it as a special type of professional discourse. The military-industrial complex is a social institution, the importance of which for society is determined by its main goal — ensuring national security. The professional group of armorers has been functioning in the Udmurt Republic for more than two hundred years, since the very foundation of Izhevsk armaments factory, which makes it relevant to study the professional speech of armorers in this region. The present article is aimed at distinguishing armaments discourse as a separate type of professional discourse of armorers. The article defines the constitutive features of armaments discourse (aims, prototypical places, participants, values, genres, strategies, topics, precedent texts, discourse formulae) on the basis of the sociolinguistic approach developed by V. I. Karasik. The research has been carried out within the framework of the cognitive-discursive approach, taking into account extralinguistic factors, which determined the peculiarities of this type of discourse. The study has conducted a comparative analysis of the constitutive features of armaments discourse with those of the related types of discourse (military, scientific, and engineering). The research has revealed that armaments discourse is a hybrid form of discourse and overlaps military, engineering, and scientific types of discourse.*

KEYWORDS: *armaments discourse, institutional discourse, armorers, military-industrial complex, social institutes, constitutive features of discourse, hybrid discourse.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Khaliullina Dilya Al'fredovna, Post-Graduate Student of Department of the Russian Language, Theoretical and Applied Linguistics, Udmurt State University, Izhevsk, Russia.*

FOR CITATION: *Khaliullina D. A. (2024). Armaments Discourse as a Separate Type of Discourse. In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 284-288.*

Диля Альфредовна Халиуллина

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия, madeleine777@mail.ru, SPIN-код: 6306-6572, <https://orcid.org/0009-0002-1816-3468>

Оружейный дискурс как отдельный вид дискурса

АННОТАЦИЯ. *В настоящей статье представлены выводы исследований оружейного дискурса, позволяющие выделить его в особый вид профессионального дискурса — оружейный. Оборонно-промышленный комплекс является общественным институтом, значимость которого для социума определяется его основной задачей — обеспечением национальной безопасности государства. Со времен основания Ижевского оружейного завода в Удмуртской Республике уже более двух столетий функционирует профессиональная группа оружейников, что обуславливает актуальность изучения профессиональной речи данной субкультуры в регионе. Целью настоящей статьи является выделение дискурса оружейников в отдельный вид профессионального дискурса. На основе социолингвистического подхода В. И. Карасика нами были определены конститутивные признаки оружейного дискурса (цели, прототипные места, участники, ценности, жанры, стратегии, тематика, прецедентные тексты, дискурсивные формулы). Исследование проводилось в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, учитывались экстралингвистические факторы, обусловившие специфику данного вида дискурса. Также был проведен сравнительный анализ конститутивных признаков оружейного вида дискурса со смежными ему видами дискурса (военным, научным, инженерным). Исследование показало, что оружейный дискурс находится на пересечении военного, инженерного, научного типов дискурса, т. е. относится к гибриднему формату дискурса.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *оружейный дискурс, институциональный дискурс, оружейники, оборонно-промышленный комплекс, социальные институты, конститутивные признаки дискурса, гибридный дискурс.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Халиуллина Диля Альфредовна, аспирант кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики, Удмуртский государственный университет; 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1; email: madeleine777@mail.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Халиуллина, Д. А. Оружейный дискурс как отдельный вид дискурса / Д. А. Халиуллина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 284-288.*

In the present article communicative activities in the sphere of communication related to weapons production are identified as a separate category — gunsmiths' discourse. To distinguish a new type of institutional discourse it's necessary to identify its constitutive features, as

well as peculiarities and social significance of the studied sphere of communication.

The study of society in institutional aspect is connected with the main category of sociology — social institution. In linguistics within the framework of the cognitive-discursive paradigm the

© Khaliullina D. A., 2024

social institution is considered as a frame, whose structure includes people with their characteristics and behaviour patterns, typical facilities, mythologemes and texts [Карасик 2002: 294].

Despite the existence of the term *military-industrial complex*, scholars (A. S. Sorokin, Ye. M. Astakhov, R. V. Borisov, Ye. M. Gunkin, M. Yu. Mazur et al.) consider it preferable to use the term *defence industrial complex*, which emphasizes the defensive nature of the military policy.

Defence industry complex is a social institution, whose importance for society is determined by its main goal — ensuring national security. The studied sphere of communication is considered important for society, which determines the need to research it from a linguistic point of view.

Functioning of social institutions is not possible without language, therefore discourse plays a major role “in shaping reality, creating patterns of understanding, which people then apply in social practices” [Mayr 2008: 5]. There exist a number of approaches to understanding institutional discourse. In his institutional theory of discourse M. Foucault applies the term *discursive formation*, whose elements (objects of discourse, utterances, topics, notions) are subject to certain rules of shaping [Foucault 1969: 53]. Thus, according to Foucault, social institutions firmly control the process of discourse production by developing certain norms and rules of its production and realization. In the sociology of P. Bourdieu the limiting function is performed by *habitus*, i.e. a certain system of dispositions, producing individual and collective practices, allowing to generate thoughts, actions, perceptions within the limits determined by socio-historical conditions of creating this habitus [Bourdieu 1980: 88–92].

According to the sociolinguistic approach discourse is communication between people considered from the standpoint of the social group they belong to or with regard to speech-behavioural situation, e.g. institutional discourse [Карасик 2002: 194].

In the present article we justify distinguishing of gunsmiths’ discourse as a separate type of discourse on the basis of a model by V. I. Karasik. This model allows to distinguish a new type of discourse taking into consideration the following constitutive features: status-role characteristics of participants of communication, chronotope, aim of communication, values, strategies, topic, genres, precedent texts, discourse formulae [Карасик 2002: 195, 209].

Space and time are regarded as closely interconnected social constructs possessing specific features depending on the society they are

constructed in; there are different co-existing space-times in any social institution and, consequently, in social practices and texts [Fairclough 2003: 151]. The traditions of metal processing had been formed by the Udmurts long before Izhevsk plants were founded [Шумилов 1987: 25]. According to Ye. F. Shumilov, the ancient Udmurts mastered the technique of metal processing, artistic embellishment of assault and hunting weapons, made striking and cutting objects of high quality [Шумилов 1987: 25–27].

The prototype places of the proper gunsmiths’ discourse are manufacturing facilities, research institutes, testing grounds. Within the framework of subgenres the prototype places are different: museums of military equipment and weapons, media chronotopes, etc.

The participants of gunsmiths’ discourse are gun designers, workers of weapons factories and other specialists of defence industrial complex, members of law enforcement agencies and military departments. In the Russian language there exist different words denoting representatives of the studied professional group: *оружейник, оружейный мастер, конструктор оружия, конструктор-оружейник*, etc. Depending on the contextual conditions of functioning of lexemes the following groups of words can be identified:

1. lexemes reflecting narrow specialization of a gunsmith (*ложник, ствольщик, ружейник*, etc.);
2. lexemes determining the place of the profession in the hierarchy of positions and military ranks (*чертежник, конструктор, главный конструктор, начальник отдела, инженер-майор, инженер-капитан, инженер-полковник*, etc.).

Gunsmiths’ discourse proper is realized within the framework of the status-role relations “gunsmith-professional — gunsmith-professional”, “gunsmith-professional — gunsmith-semiprofessional”, “gunsmith-semiprofessional — gunsmith-semiprofessional”. Gunsmiths’ discourse functioning in media space is addressed to a broad audience. In this case participants of the discourse are a gunsmith-professional and a nonprofessional. The role of a nonprofessional can be performed by an addressee (an interviewer) or an addressee-viewer (a broad audience).

The topic of gunsmiths’ discourse is primarily connected with the construction of weapons and ammunition, as well as the history of guns and military equipment.

Gunsmiths’ discourse is aimed at solving problems connected with development, testing, production of weapons.

According to the Decree of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of September 12, 2016 No. 1180, gradu-

ates of the major specialization “Small arms and cannon weapons, artillery and missiles” are able to successfully perform scientific-research, engineering, production and technological, organizational, management and testing activities. In this respect strategies of gunsmiths’ discourse coincide with the ones of the engineering discourse and include project, explanatory, analytical, assessment, supervisory strategies, etc.

The study revealed the field structure of the discourse of gunsmiths. In genres of the official-business and scientific subdiscourses a gunsmith acts as a representative of a social group, which allows to categorize them as main genres of the studied discourse. The speech genres of the official-business subdiscourse include business letters, orders, memoranda, production meetings, etc., whereas the scientific subdiscourse comprises such substyles, as proper scientific substyle (theses, scientific articles, scientific reports, dissertations), industrial engineering substyle (patent specifications, technical specifications, operating manuals, technical requirements, factory test reports), scientific-educational substyle (manuals on fire-arms, handbooks, guides, lectures), popular science substyle (popular science articles). Linguistic analysis of mass media texts suggests that it’s in media genres that individual peculiarities of a gunsmith’s personality are mostly manifested. Hence, mass media genres, including a newspaper article, a radio program and a documentary, are suggested to be classified as peripheral ones [Халиуллина 2022а: 173—177].

The precedent texts of institutional gunsmiths’ discourse are tactical and technical requirements. The precedent texts of personal gunsmiths’ discourse are phraseologisms, proverbial phrases, quotations, etc. [Халиуллина 2022б: 173—177; Халиуллина 2023: 822]

Due to the processes of globalization and mediatization affecting different spheres of human life, the boundaries between social practices are blurring, which results in hybridization of institutional discourse [Мырашова 2022: 60]. A hybrid discourse format combines features and properties of discourse of different social institutions, and yet is a qualitatively new formation differing from the types of discourse it has originated from [Там же].

We consider gunsmiths’ discourse as a hybrid format discourse, since it overlaps with military, engineering and scientific types of discourse.

A. V. Ulanov defines institutional military discourse as a special type of speech organization of the worldview of military people, which represents the reflection of the structural features of the army as a social institution and is distinguished by the specific targeted military communication, socially oriented character of communication, specific chronotope [Уланов 2014: 19].

The terms *engineering discourse* and *technical discourse* are not synonymous, since engineers use scientific knowledge to create technical systems [Ульянова 2018: 18]. Engineering discourse is characterized by its polycode, predictable, metaphorical nature, engineering quasi-reality, rigid architectonics of all engineering texts, semantic unambiguity, the hermeneutic circle principle, etc. [Ульянова 2018: 19—20].

Scientific discourse is distinguished by the following main features: 1) scientific issues, the study of the surrounding world; 2) equal status of the participants; 3) creative dialogue as a method of discourse realization (both in oral and written variants) [Тернак 2017: 66].

Comparative characteristics of constitutive features of gunsmiths’ discourse with military, engineering and scientific types of discourse is presented in Table 1.

Table 1

Component	Military discourse	Engineering discourse	Scientific discourse	Gunsmiths’ discourse
Participants	Members of law enforcement agencies and military departments.	Engineers-professionals, semi-professionals and nonprofessionals with different educational qualification.	Research scientists/scholars, academic experts, scientists-teachers, scientists-popularizers.	Gun designers, workers of weapons factories, members of law enforcement agencies and military departments et al.
Prototype places	Open and closed meetings of military departments, military units, military bases, army groups, etc.	Manufacturing facilities, research laboratories, universities, institutes, etc.	Conference rooms, laboratories, scientist’s/scholar’s studies, libraries, etc.	Manufacturing facilities, research institutes, testing grounds, museums of military equipment and weapons, media chronotopes, etc.
Aims	Implementation of the assigned task (military actions, defeating the enemy army).	Solving problems requiring experience with engineering systems.	Translation of new knowledge of a new object or phenomenon in a verbal form.	Solving problems connected with development, testing, production of weapons.

Component	Military discourse	Engineering discourse	Scientific discourse	Gunsmiths' discourse
Values	Values appeal to qualities necessary for warfare: discipline, subordination, courage, honour, observance of military traditions, etc.	Values depend on the key concepts of the particular engineering field.	Values are centered in the key concepts: <i>verity, knowledge, research</i> .	Values are centered in the key concepts: <i>defence, labour, Motherland</i> .
Strategies	Strategy of presentation.	Project, explanatory, analytical, assessment, supervisory strategies, etc.	Performance, examination, implementation in practice.	Project, explanatory, analytical, assessment, supervisory strategies, etc.
Topic	Military conflict, principles and tactics of warfare, subordination.	Topic depends on the particular engineering field.	A wide range of issues (e.g. distinguishing natural science and humanities).	The construction of weapons and ammunition, the history of guns and military equipment, etc.
Genres	Orders, instructions, directives, recommendations, etc.	Instructions, technical specifications, applications, business letters, etc.	Dissertations, monographs, theses, scientific articles, abstracts, etc.	Theses, business letters, scientific articles, scientific reports, technical specifications, operating manuals, technical requirements, factory test reports, manuals on fire-arms, guides, lectures, etc.
Precedent texts	Statutory documents and documents regulating military service.	Representation, computation, instruction.	Works of the classics of science, titles of monographs and articles, quotations, etc.	Tactical and technical requirements.
Discourse formulae	Clichés, statutory formulae, conventional commands, etc.	Discourse formulae are specified in clichés.	Discourse formulae are specified in clichés.	Discourse formulae are specified in clichés.

The study has revealed a significant overlap in such criteria as participants, prototype places and genres. Thus, gunsmiths' discourse overlaps, but does not coincide with military, engineering and scientific types of discourse, which allows to attribute it to a hybrid format.

Gunsmiths' discourse is a separate type of institutional and personal discourse, comprising speech and written practices of a gunsmith. The peculiarities of this type of discourse are conditioned by the sphere of usage and the specifics of the historic development of Izhevsk as a city of gunsmiths.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — Текст : непосредственный.
2. Мурашова, Е. П. Мнемонический потенциал гибридного дискурса (на материале англоязычных политических медиатекстов) / Е. П. Мурашова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 4 (94). — С. 59–69.
3. Терпак, М. А. Компаративный подход к изучению научно-технического дискурса (на основе организации научно-технической статьи на русском и английском языках) / М. А. Терпак. — Текст : электронный // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2017. — Т. 23. — № 3. — С. 66–70. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komparativnyy-podhod-k-izucheniyu-nauchno-tehnicheskogo-diskursa-n>

a-osnove-organizatsii-nauchno-tehnicheskoy-stati-na-russkom-i (дата обращения: 22.04.2024).

4. Уланов, А. В. Русский военный дискурс XIX — начала XX века: структура, специфика, эволюция : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. В. Уланов. — Омск, 2014. — 40 с. — Текст : непосредственный.

5. Ульянова, У. А. Реализация категории связности в инженерном дискурсе (на материале текстов Missing Manual) : дис. ... канд. филол. наук / Ульянова У. А. — Томск, 2018. — 197 с. — Текст : непосредственный.

6. Халиуллина, Д. А. Жанровая организация оружейного дискурса / Д. А. Халиуллина. — Текст : электронный // Стратегии межкультурного взаимодействия в контексте мирового образовательного пространства: опыт и перспективы : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Ижевск, 28 ноября 2022 г.). — Ижевск : Удмуртский государственный университет, 2022a. — С. 173–177. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49960663> (дата обращения: 27.04.2024).

7. Халиуллина, Д. А. Коммуникативные стратегии и тактики оружейного дискурса Удмуртской Республики / Д. А. Халиуллина. — Текст : электронный // Вестник Удмуртского университета. История и филология. — 2023. — Т. 33. — № 4. — С. 819–825. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54366842> (дата обращения: 04.05.2024).

8. Халиуллина, Д. А. Фразеологические единицы как средство формирования медиаобраза оружейника Удмуртской Республики / Д. А. Халиуллина. — Текст : электронный // Медиаобраз региона в современной массовой коммуникации. — Вологда : Вологодский государственный университет, 2022b. — С. 120–124. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50419295> (дата обращения: 03.05.2024).

9. Хомутова, Т. Н. Военно-политический дискурс как особый тип дискурса / Т. Н. Хомутова, К. А. Наумова. — Текст :

электронный // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. — 2017. — Т. 14. — № 3. — С. 49–53. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-politicheskiy-diskurs-kak-osobyy-tip-diskursa> (дата обращения: 24.05.2024).

10. Шашок, Л. А. Характерные особенности военного дискурса (на материале работ отечественных лингвистов) / Л. А. Шашок. — Текст : электронный // Политическая лингвистика. — 2018. — № 6. — С. 116–119. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakternye-osobennosti-voennogo-diskursa-na-materiale-rabot-otechestvennyh-lingvistov> (дата обращения: 05.05.2024).

11. Шумилов, Е. Ф. Искусство ижевских оружейников / Е. Ф. Шумилов. — Ижевск : Удмуртия, 1987. — 172 с. — Текст : непосредственный.

12. Bourdieu, P. *Le sens pratique* / P. Bourdieu. — Paris, 1980. — 475 p. — Text : unmediated.

13. Fairclough, N. *Analysing discourse: textual analysis for social research* / N. Fairclough. — London ; New York : [s.n.], 2003. — 270 p. — Text : unmediated.

14. Foucault, M. *L'archéologie du savoir* / M. Foucault. — Paris : [s.n.], 1969. — 275 p. — Text : unmediated.

15. Mayr, A. *Language and power. An introduction to institutional discourse* / A. Mayr. — London ; New York : [s.n.], 2008. — 204 p. — Text : unmediated.

REFERENCES

1. Karasik, V.I. (2002). *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 477 p. (In Russ.)

2. Murashova, E.P. (2022). Mnemonicheskij potencial gibridnogo diskursa (na materiale angloyazychnyh politicheskikh media-tekstov) [The mnemonic potential of hybrid discourse: analysis of English-language political media texts]. *Politicheskaya lingvistika*, 4(94), 59–69 (In Russ.)

3. Terpak, M.A. (2017). Komparativnyj podhod k izucheniyu nauchno-tehnicheskogo diskursa (na osnove organizacii nauchno-tehnicheskoy stat'i na russkom i anglijskom yazykah) [Comparative approach to the study of scientific and technological discourse (on the basis Russian and English scientific-technical articles composition)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, phologiya*, 23(Iss. 3), 66–70 (In Russ.)

4. Ulanov, A.V. (2014). *Russkij voennyj diskurs XIX — nachala XX veka: struktura, specifika, evolyuciya* [Russian military discourse of the XIX — early XX centuries: structure, specifics, evolution] [Abstract of Dis. of Doct. of Philology]. Omsk, 40 p. (In Russ.)

5. Ul'yanova, U.A. (2018). *Realizaciya kategorii svyaznosti v inzhenernom diskurse (na materiale tekstov Missing Manual)*

[Coherence realization in engineering discourse (on the material of Missing Manual texts)] [Dis. of Cand. of Philology]. Tomsk, 197 p. (In Russ.)

6. Haliullina, D. A. (2022a). Zhanrovaya organizaciya oruzhejnogo diskursa [Genre organization of gunsmiths' discourse]. In *Strategii mezhkul'turnogo vzaimodejstviya v kontekste mirovogo obrazovatel'nogo prostranstva: opyt i perspektivy* (Materials of IXth Intern. scient. and pract. conf., pp. 173–177). Retrieved April 27, 2024, from <https://elibrary.ru/item.asp?id=49960663> (In Russ.)

7. Haliullina, D. A. (2023). Kommunikativnye strategii i taktiki oruzhejnogo diskursa Udmurtskoj Respubliki [Communicative strategies and tactics of gunsmiths' discourse of the Udmurt Republic]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istorija i filologija*, 33(4), 819–825. (In Russ.)

8. Haliullina, D. A. (2022b). Frazeologicheskie edinicy kak sredstvo formirovaniya mediaobraza oruzhejnika Udmurtskoj Respubliki [Phraseological units as a means of shaping the media image of the gunsmith of the Udmurt Republic]. In *Mediaobraz regiona v sovremennoj massovoj kommunikacii* (pp. 120–124). Retrieved May 3, 2024, from <https://elibrary.ru/item.asp?id=50419295> (In Russ.)

9. Homutova, T.N., & Naumova, K.A. (2017). Voennyj diskurs kak osobyy tip diskursa [Military-political discourse as a special type of discourse]. *Vestnik YuUrgU. Seriya: Lingvistika*, 14(3), 49–53. Retrieved May 24, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-politicheskiy-diskurs-kak-osobyy-tip-diskursa> (In Russ.)

10. Shashok, L.A. (2018). Harakternye osobennosti voennogo diskursa (na materiale rabot otechestvennyh lingvistov) [Characteristic features of military discourse (on the material of works of Russian linguists)]. *Politicheskaya lingvistika*, 6, 116–119. Retrieved May 5, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/harakternye-osobennosti-voennogo-diskursa-na-materiale-rabot-otechestvennyh-lingvistov> (In Russ.)

11. Shumilov, E.F. *Iskusstvo izhevskih oruzhejnikov* [Art of Izhevsk gunsmiths]. Izhevsk: Udmurtiya, 172 p. (In Russ.)

12. Bourdieu, P. (1980). *Le sens pratique*. Paris: Les Éditions de Minuit, 475 p. (In Fr.)

13. Fairclough, N. (2003). *Analysing discourse: textual analysis for social research*. London, New York: Routledge, 270 p. (In Eng.)

14. Foucault, M. (1969). *L'archéologie du savoir*. Paris: Éditions Gallimard, 275 p. (In Fr.)

15. Mayr, A. (2008). *Language and power. An introduction to institutional discourse*. London, New York: Continuum International Publishing Group, 204 p. (In Eng.)

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'271.2
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Ван Цюнь^{1,2}, Михаил Александрович Рудаков^{1,3}

¹ Яньбяньский университет, Яньцзи, Китай

² Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия, ybuchang@126.com[✉],
<https://orcid.org/0000-0002-7223-0126>

³ mihail.rudakov.93@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0009-0000-6697-4201>

Поздравление с Днем Победы в официальной сфере (с позиции носителя китайской лингвокультуры)

АННОТАЦИЯ. Данная работа посвящена анализу речевого жанра «Поздравление с Днем Победы» в русско-язычной официальной сфере общения в сравнении с поздравительными текстами на китайском языке. Материалом исследования послужили тексты поздравлений, представленные на официальных сайтах от разных типов адресантов в политической сфере (от Президента РФ, лидеров и депутатов политических партий), официально-деловой сфере (от директоров компаний и ректоров высшего учебного заведения) и дипломатической сфере (от послов РФ и Президента РФ). Поздравления были обнародованы как в письменной (тексты с официальных сайтов), так и в устной формах (скрипты выступлений с парадов в Москве и Пекине). Лингвистический анализ текстов поздравлений проводится в рамках теории речевых жанров и речевых актов. Межъязыковой и межкультурный анализ проводится на уровне сравнения этикетных формул в поздравлении с Днём Победы на русском языке и Днём образования КНР и Днём победы над Японией в китайском языке. Подобные значимые праздники воспринимаются в гуманитарных науках как культурный феномен или концепт, связанные с ними официальные обращения за длительный период становятся ритуализированными. В когнитивном аспекте представлен фрейм речевого жанра «Поздравление».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: День Победы, поздравления, поздравительные тексты, речевые жанры, речевая деятельность, русский язык, лингвокультурология, китайская лингвокультура, речевые акты, Интернет, интернет-пространство, интернет-коммуникация, интернет-технологии, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-ресурсы, официальные сайты, фреймы, слоты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Ван Цюнь, доцент, Институт иностранных языков Яньбяньского университета; аспирант, кафедра русской словесности и межкультурной коммуникации, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина; 977 Gongyuan Road, Yanji, 133002 Jilin, China; email: ybuchang@126.com.

Рудаков Михаил Александрович, старший преподаватель, Институт иностранных языков Яньбяньского университета; 977 Gongyuan Road, Yanji, 133002 Jilin, China; email: mihail.rudakov.93@mail.ru.

БЛАГОДАРНОСТИ. Статья подготовлена при финансовой поддержке Национального комитета фонда обучения за рубежом КНР.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ван, Цюнь. Поздравление с Днем Победы в официальной сфере (с позиции носителя китайской лингвокультуры) / Ван Цюнь, М. А. Рудаков. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 289-296.

Wang Qun^{1,2}, Mikhail A. Rudakov^{1,3}

^{1,2} Yanbian University, Yanji, China

² Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia, ybuchang@126.com[✉], <https://orcid.org/0000-0002-7223-0126>

³ mihail.rudakov.93@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0009-0000-6697-4201>

Official Congratulations on Victory Day (From the Position of a Member of Chinese Linguoculture)

ABSTRACT. This work analyzes the speech genre “Congratulation on Victory Day” in the Russian-speaking official sphere of communication in comparison with congratulatory texts in Chinese. The research material includes texts of congratulations presented on official websites from different types of speakers in the political sphere (from the President of the Russian Federation, leaders and deputies of political parties), in the official business sphere (from directors of companies and rectors of higher education institutions) and in the diplomatic sphere (from ambassadors of the Russian Federation and the President of the Russian Federation). The congratulations were made public both in writing (texts from official websites) and orally (transcripts of speeches from parades in Moscow and Beijing). The linguistic analysis of congratulation texts is carried out within the framework of the theory of speech genres and speech acts. The interlanguage and intercultural analysis is carried out on the level of comparing the etiquette formulas in congratulations on Victory Day in Russian and the National Day and Victory Day over Japan in Chinese. Such significant holidays are treated in the humanities as cultural phe-

© Ван Цюнь, Рудаков М. А., 2024

nomena or concepts, and the official appeals related to them become ritualized over a long period of time. In the cognitive aspect, the study presents the frame of the speech genre “Congratulation”.

KEYWORDS: *Victory Day, congratulations, congratulation texts, speech genres, speech, Russian language, linguoculturology, Chinese linguoculture, speech acts, Internet, Internet space, Internet communication, Internet technologies, Internet discourse, Internet texts, Internet resources, official sites, frames, slots.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Wang Qun, Associate Professor, Institute of Foreign Languages, Yanbian University, Yanji, China; Post-Graduate Student of Department of the Russian Language and Intercultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia.*

Rudakov Mikhail A., Senior Lecturer, Institute of Foreign Languages, Yanbian University, Yanji, China.

ACKNOWLEDGMENTS. The article has been written with financial support of the National Committee of the Foundation for Education abroad of the PRC.

FOR CITATION: *Wang Qun, Rudakov M. A. (2024). Official Congratulations on Victory Day (From the Position of a Member of Chinese Linguoculture). In Political Linguistics. No 4 (106), pp. 289-296. (In Russ.).*

В настоящей работе мы рассматриваем официальные тексты как примеры РЖ поздравления. Под речевым жанром (здесь и далее — РЖ) понимаем «определенные, относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [Бахтин 1986: 255]. РЖ распадается на множество высказываний, и мы рассматриваем тексты поздравлений также с позиции вхождения в них тех или иных речевых актов (здесь и далее — РА). Под РА вслед за Н. И. Формановской мы понимаем «высказывание, порождаемое и произносимое человеком с определенной целью и вынуждаемое определенным мотивом для совершения практического или ментального, как правило, адресованного действия» [Формановская 2007: 256]. Таким образом, РА представляет собой высказывание с интенциональным значением. В классификации Н. И. Формановской РА «поздравление» относится к выражениям речевого этикета (контактивам).

Учитывая позицию носителей китайской лингвокультуры, мы полагаем, что День Победы является самым важным праздником для всех россиян. По мнению китайских русистов, «День Победы — это „рецепт“ скрытого политического просвещения обществу. Мероприятия, посвященные Дню Победы, насыщены содержанием политического просвещения» [颜国琴, 苏崇阳 2023: 27]. Исследователи заостряют свое внимание на том, «что после распада СССР социальные ценности разнообразны и хаотичны, и они наполнены множеством опасных идей, многие из которых отрицают заслуги Великой Отечественной войны» [Там же: 20]. На наш взгляд, по значимости праздник День Победы можно сравнить с Днем образования КНР, отмечаемым в память о событиях 1 октября 1949 года. День Победы и День образования КНР схожи по таким параметрам, как значимость (самый значимый праздник в официальной среде общения) и ритуализо-

ванность праздника (образование КНР было провозглашено Мао Цзэдуном на площади КНР; аналогично в СССР и РФ проводятся парады Победы). Вместе с тем в китайской культуре табуированной остается тема смерти, боли, страданий, поэтому в Китае нет торжественных мероприятий, связанных с японско-китайской войной 1939–1945 гг.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ПРАЗДНИКЕ «ДЕНЬ ПОБЕДЫ» И ФРЕЙМЕ РЖ «ПОЗДРАВЛЕНИЕ» С ДАННЫМ ПРАЗДНИКОМ

Праздник День Победы воспринимается как культурный феномен, концепт, «в зависимости от современного состояния политики, экономики и культуры страны» [Горина 2019: 32]. В преддверии праздника обязательными являются поздравления на государственном, дипломатическом и официально-деловом уровнях. За многие годы тексты поздравлений с Днем Победы стали ритуализированы. В этой связи выработался определенный фрейм, т. е. «структура данных для представления стереотипной ситуации» [Минский 1979: 7], касательно поздравлений с данным праздником. Фрейм РЖ «Поздравление» с Днем Победы состоит из следующих слотов-компонентов: обращение, поздравление, описание праздника и подвига советского народа, выражение отношения адресанта к военным событиям Великой Отечественной войны (далее — ВОВ), к празднику Победы, благодарность, пожелание, похвала ветеранам, призыв, обещание и подпись.

Обращение обязательно в поздравлении с Днем Победы ввиду специфики адресата и адресовано ветеранам ВОВ. Обращение может быть двойным, что указывает на два типа адресата: массового обобщенного и конкретизируемого. Примечательно, что «поздравляют тогда, когда желают уделить внимание адресату, проявить свою заботу о нём» [Солоян 2009: 107].

Необходимо отметить, что специфическим слотом, существующим только в поздравлениях с Днём Победы, является выражение благодарности и похвалы ветеранам. Это ядерный слот, который присутствует во всех поздравлениях от всех адресантов. Призыв помнить события ВОВ непосредственно связан со слотом «благодарность ветеранам» и также является обязательным во всех поздравлениях с Днём Победы. Слоты «благодарность ветеранам» и «призыв помнить события ВОВ» в структуре фрейма «Поздравление» с Днём Победы зачастую следуют друг за другом. Например: *Нынешняя молодёжь должна знать о героическом прошлом своих дедов и прадедов. Учиться мужеству, стойкости, патриотизму молодые новошахтинцы должны, в первую очередь, у вас. Вам, дорогие ветераны, — наши пожелания здоровья, благополучия и тепла* [Сорокин 2013]. Далее следует слот «пожелание здоровья и долголетия», также адресованный ветеранам ВОВ. Слот «пожелание долголетия» также уникален для поздравлений с Днём Победы в связи с его прагматическо-лингвистической особенностью: возрастом адресата, так как ветераны ВОВ — это лица пожилого возраста. Например: *От имени всех ленингорцев желаю вам крепкого здоровья, активного долголетия, счастья и мирного неба над головой!* [Хусаинов 2014].

Также ядерными слотами являются обращение, поздравление, описание праздника, благодарность, пожелание и подпись. Кроме этого, в конце поздравительного текста/речи может использоваться повторно обращение и благодарность. Например: *Дорогие друзья! Мы приветствуем сегодня всех наших зарубежных гостей и выражаем особую признательность представителям стран, которые сражались с нацизмом и японским милитаризмом* [Путин 2015].

1. ФРЕЙМ РЖ «ПОЗДРАВЛЕНИЕ» В ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

В государственно-политической сфере фрейм не претерпевает значительных изменений в связи со сменой среды общения. Такое поздравление чаще всего представляет собой обращение от единичного вышестоящего адресанта к нижестоящему массовому адресату. В данной сфере во фрейме чаще всего включается нарративная часть, где описывается характеристика праздника и войны, оценка адресанта событий ВОВ, а также похвала или одобрение, относящиеся к личностным качествам ветеранов — участников военных действий.

В день празднования Дня Победы всех жителей России поздравляет глава государства Владимир Путин. Нами были проанализированы поздравительные тексты президента. Необходимо указать, что фрейм РЖ «Поздравление с Днём Победы от президента РФ» реализуется в 3 коммуникативных событиях: 1) Поздравительная речь Президента РФ на параде в честь Дня Победы на Красной площади и на военно-морском параде в Севастополе; 2) Торжественный прием по случаю Дня Победы в Кремле; 3) Выступление на праздничном концерте, посвященном 69-й годовщине Победы в ВОВ и 70-летию освобождения Севастополя от немецко-фашистских захватчиков (9 мая 2014 г.).

Поздравление Президента РФ на параде Победы ритуализировано. В число ядерных слотов в данном варианте фрейма РЖ «Поздравление» включается слот «Объявление минуты молчания». В конце речи применяется этикетная формула «С праздником вас! С Днём Великой Победы! Ура!». На наш взгляд, при этом восклицание «Ура» выступает не как выражение восторга, радости, а как этикетная форма, связанная с каноничностью ситуации, с устойчивыми моделями поведения. После того, как В. В. Путин выступил с речью, солдаты отвечают «Ура! Ура! Ура!» в форме боевого клича (три раза). Такой ритуал встречается и в параде КНР в честь Дня образования КНР.

Поздравление от президента РФ состоит из следующих слотов: обращения, приветствия, поздравления, описания праздника, повествования о подвиге советского народа, описания отношения адресанта к военным событиям ВОВ, к празднику Победы, похвалы, одобрения, объявления, благодарности и призыва. Обращение от Президента многочленно, так как адресант конкретизируется. Обязательно обращение к участникам войны (*Дорогие ветераны!*), указание на адресата публичной коммуникации — участников парада на Красной площади (*Дорогие гости!*), а также конкретизация адресата по воинскому званию, что обусловлено спецификой праздника (*Товарищи солдаты и матросы, сержанты и старшины, мичманы и прапорщики! Товарищи офицеры, генералы и адмиралы!*) [Путин 2022]. Наконец, присутствует и обращение к массовому адресату, которое подчеркивает статус адресанта поздравления (*Дорогие друзья! Уважаемые граждане России!*). Подпись во фрейме отсутствует, так как поздравление от Президента с Днём Победы, как и с Новым годом, осуществляется в устной форме (мы анализируем тексты, записанные в результате стенографирования устных выступлений).

Проанализировав поздравления от лидеров политических партий, мы обнаружили, что фрейм данного варианта РЖ «Поздравление» также является стандартным. Он состоит из таких слотов, как обращение, поздравление, описание праздника, похвала, благодарность, пожелание, призыв и подпись. Обращение от глав административно-территориальных единиц конкретизирует адресата: 1) это жители субъекта, находящегося в ведении адресанта; 2) это ветераны ВОВ. Например: *Дорогие наши ветераны и труженики тыла! Уважаемые жители Романовского района!* [Щербаков 2024].

Анализ примеров поздравления от депутатов государственной, областной и городской думы показал, что в поздравительном тексте зачастую встречается нарративная часть, в которой адресант рассказывает, что произошло в республике или области, какие действия предприняли депутаты. Например: *Честь имею представлять Тверскую область. У нас на Ржеве наконец-то возник монумент воину-освободителю. Там по разным цифрам около 2 млн погибших, на этой небольшой относительно территории. Как можно замалчивать это?* [Васильев 2022]. В нарративе встречается полиинтенциональный слот (поздравление и описание истории субъекта): *Я поздравляю сегодня с Днем Великой Победы не только граждан России и бывшего Советского Союза, но и всех, кто знает цену этой победе и понимает, насколько она была важна для всего мира: всех, кто не хочет повторения страшной трагедии, которая постигла Европу и мир в XX веке* [Миронов 2022]. В нарратив также включается слот описания политических событий в России, контаминирующийся с похвалой народу России: *Сегодня мы имеем полное право говорить о себе как о великой нации и принимать исторические решения, такие как воссоединение России и Крыма. Так решил наш народ, воспитанный на героизме предков и доблестной истории* [Чижов 2014]. Таким образом, адресант с помощью поздравлений вводит имплицитную оценку политики России.

2. ФРЕЙМ РЖ «ПОЗДРАВЛЕНИЕ» В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

В дипломатической сфере также широко представлен РЖ «Поздравление» с Днем Победы. Фрейм сильно не отличается от фрейма в политической сфере, состоит из следующих слотов: обращения, поздравления, нарративной части (описания праздника, оценки отношений между государствами, роли граждан обоих государств в ВОВ), пожелания, похвалы, благодарности, обеща-

ния, доверения, призыва и подписи. Он реализуется в поздравлениях от президента РФ, адресованных главам других государств (конкретный адресат) и в поздравлениях от послов РФ в других государствах (массовый адресат).

В завершении поздравления главам других государств от президента РФ зачастую контаминируются слоты «просьба» и «пожелание»: *Прошу передать всем ветеранам Великой Отечественной войны, проживающим в Вашей стране, искренние пожелания доброго здоровья, счастья, благополучия и долголетия* [Путин 2018]. Кроме того, среди собранных нами примеров встречаются поздравления от президента РФ, адресованные гражданам других государств. Например, на официальном сайте президента России *kremlin.ru* существует поздравление от президента РФ гражданам Грузии. В заключительной части данного поздравления зачастую контаминируются слоты «благодарность» и «пожелание»: *В этот священный День Победы хочу выразить глубокую признательность ветеранам Великой Отечественной войны, передать им тёплые пожелания здоровья и долголетия, а всему народу Грузии — мира и процветания* [Путин 2022].

3. ФРЕЙМ РЖ «ПОЗДРАВЛЕНИЕ» В ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ СФЕРЕ

В данной сфере ядерные слоты в текстах поздравления с Днем Победы — обращение, поздравление, пожелание, описание праздника и подпись. Среди собранных нами материалов только в одном примере отсутствует РА обращения, еще в одном — подписи (17 %).

В поздравлениях от генеральных директоров компаний, в отличие от государственно-политической и дипломатической сфер, благодарность (прямая или косвенная) и похвала присутствуют факультативно, а пожелание чаще всего минимализируется. То есть в данном случае нет пространного пожелания, адресант использует лишь эллиптическую формулу пожелания, не делая особого акцента на нем и формализуя таким образом поздравление. Кроме того, в данной сфере пользуются такими формулами, как *Уважаемые коллеги, партнеры!, Дорогие клиенты и партнеры!* (50 %) и др. Это показывает, что адресанты обращают большое внимание на своих партнеров и клиентов. В поздравлениях от ректоров высшего учебного заведения чаще всего используют универсальное обращение *Дорогие друзья! Уважаемые ветераны!* С нашей точки зрения, такие обращения служат интимизации

общения, сближая адресата и адресанта.

В нарративе поздравлений в данной сфере описание событий ВОВ сочетается с похвалой ветеранам и призывом чтить историческую память: *Уже 67 лет мы чествуем тех, кто на полях сражений с оружием в руках, с лопатами или у станка в тылу ударным трудом ковал общую Великую Победу* [Долгов 2013]. Такая гибридизация характерна именно для поздравлений с Днем Победы. В поздравлениях от ректоров высшего учебного заведения чаще всего употребляются книжные лексемы высокого стиля, в частности в РА «благодарность». Например: *В нас никогда не иссякнут благодарность и преклонение перед подвигом ветеранов-фронтовиков, врачей, тружеников тыла, а также всех тех, кто поднимал разоренную страну из руин и пепла* [Институт 2023]. Введение маркированных лексем объясняется имплицитной интенцией РЖ Поздравления заложить в массовом адресате представление о высоком уровне речевой и духовной культуры в учебном заведении. Интересно заметить, что во фрейме в данной сфере иногда отсутствует слот «подпись». На наш взгляд, это связано с тем, что поздравления помещены на официальном сайте того или иного института или учреждения, и тем самым не требуется явного подчеркивания коллективного адресанта.

4. НЕВЕРБАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ВО ФРЕЙМЕ РЖ «ПОЗДРАВЛЕНИЕ»

В поздравлениях часто употребляются невербальные компоненты. Поздравления от Президента с Днем Победы на официальном сайте президента РФ сопровождаются фотографией Президента, сделанной на Параде Победы на Красной площади во время произнесения адресантом поздравительной речи. Фотография делается на фоне Спасской башни Кремля или собора Василия Блаженного. Данный невербальный компонент подчеркивает вышестоящий статус адресанта и государственную значимость праздника.

Уникальный невербальный компонент, присущий поздравлению с Днем Победы, — фотография адресанта поздравления с ветеранами ВОВ. Снимок делается около памятников, воздвигнутых в честь Великой Отечественной войны. Этот невербальный компонент интимизирует общение, подчеркивает духовную значимость праздника для всех россиян и призывает граждан РФ (массового адресата поздравления) сохранять

память о событиях Великой Отечественной войны. Данный невербальный компонент встречается в поздравлениях в политической сфере от депутатов Думы.

Поздравления от послов РФ также сопровождаются фотографиями послов и ветеранов ВОВ, проживающих за рубежом. Снимки сделаны в ходе торжественного приема в посольстве РФ, приуроченного ко Дню Победы. Этот невербальный компонент призван засвидетельствовать особое уважение к адресату поздравления — ветеранам ВОВ. Этот невербальный компонент уникален для поздравлений в дипломатической сфере с Днем Победы.

Фотографии адресата сопровождаются изображением Георгиевской ленты (см. рис. 1) — символа победы в Великой Отечественной войне. Этот символ встречается в 60 % креолизованных текстов, что говорит об особой культурной значимости символа для русскоязычных коммуникантов. Адресанты поздравлений также надевают Георгиевскую ленту в честь праздника. Этот элемент присутствует во всех сферах общения в половине креолизованных поздравлений (17 из 33 фотографий).

Поздравление с Днем Победы также может включать в себя поздравительную картинку, благодаря чему поздравление приобретает формат открытки. Частотными невербальными компонентами поздравительной картинки являются изображение Вечно-го огня, орденов и медалей Великой Отечественной войны (в частности, ордена Великой Отечественной войны — данный орден встречается в поздравлениях в официально-деловой и политической сферах). Изображение георгинов (см. рис. 2) как символа Великой Отечественной войны в рамках варианта РЖ «Поздравление с Днём Победы» теряет свою актуальность. Цветок, считающийся символом Победы, встретился нам лишь в 1 примере (от депутата партии «Справедливая Россия» Сергея Курденко). Также в 1 примере найден «новый символ» победы в ВОВ — это голубь мира на фоне Георгиевской ленты и вербального компонента (клич/лозунг «Победа!»).

В 10 примерах поздравлений в официально-деловой и политической сфере обнаружены даты. Это даты Великой Отечественной войны (1941–1945), а также даты годовщин Победы (1945–2015). Указание дат — отличительная черта поздравлений с Днем Победы. С помощью их внедрения вводится косвенный призыв помнить события ВОВ.

Рис. 1

Данные явления говорят о том, что невербальная структура поздравления с Днем Победы претерпевает в настоящий момент существенные изменения.

Отметим также своеобразную черту невербального компонента РЖ «Поздравление» с Днем Победы. В данном РЖ (в отличие от поздравлений с другими праздниками) практически отсутствуют фотографии адресантов, сделанные в официальной рабочей обстановке. Это свидетельствует о том, что праздник День Победы имеет особое духовное значение для россиян.

Следует подчеркнуть, что поздравление лидерам иностранных государств от президента РФ не характеризуется наличием невербального компонента, что подчеркивает его формализованность. В данном случае поздравление можно считать проявлением дипломатического этикета, поскольку эмоциональная составляющая снижена.

5. РЖ «ПОЗДРАВЛЕНИЕ» В СВЕТЕ КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Тексты поздравлений с Днем Победы, с одной стороны, являются ритуализованными, что схоже с китайскими текстами поздравлений с Днем Победы над Японией и Днем образования КНР.

В китайской культуре существует День Победы над Японией. По случаю первого военного государственного праздника выходными объявлены 3, 4 и 5 сентября только в 2015 году. В Китае 3 сентября также проходит парад на площади Тяньаньмэнь. Фреймы РЖ «Поздравление» с Днем Победы в русской и китайской лингвокультурах не обнаруживают значительных различий. В своей лингвокультуре данное поздравление также является ритуальным РЖ. В РЖ «Поздравление» присутствует РА лозунга, однако в китайском поздравлении лозунг отличается от лозунга в русском. В китайской культуре лозунг произносится в процессе парада в честь

Рис. 2

Дня образования КНР, когда председатель говорит: 同志们好! ; 同志们, 辛苦了! (приблизительно *Здравствуйте, товарищи! Товарищи, слава трудовым временам*¹), на что солдаты отвечают: 首长好! ; 为人民服务! (приблизительно *Здравствуйте, начальник! Служим народу*). Конструкцию *Товарищи, слава трудовым временам!* можно квалифицировать как лозунг с имплицитным выражением РА благодарности и похвалы. Публичный адресат данного РЖ является массовым, прогнозируемым.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

РЖ «Поздравление» состоит из следующих ядерных слотов: обращения, приветствия, поздравления, благодарности. Примечательно, что слот благодарности является ядерным в связи с особым отношением носителей русской культуры к главному адресатом таких поздравлений — ветеранам ВОВ. Периферийными являются слоты описания праздника, повествования о подвиге советского народа, описания отношения адресанта к военным событиям ВОВ, к празднику Победы, похвалы, одобрения, объявления, призыва. В креолизованных текстах встречаются РА клича/лозунга, поздравления, благодарности.

Кроме того, тексты поздравлений и в китайской, и в русской лингвокультурах реализуются как в письменной форме, так и в устной. Тексты китайских и русских поздравлений объединяет наличие таких РА, как поздравление, похвала и призыв. Вместе с тем отличительной чертой русского официально-общения является тенденция к интимизации поздравления.

ИСТОЧНИКИ

1. Васильев, В. А. Представители фракций ГД поздравили россиян с Днем Победы. — 2022. — 9 мая. — URL: <http://duma.gov.ru/news/54249/> (дата обращения: 13.06.2024). — Текст : электронный.

¹ Буквальный перевод на русский язык: *Вы устали.*

2. Долгов, И. Ю. С Днем Победы! — 2013. — 9 мая. — URL: <https://onkolog.med.cap.ru/press/2013/5/9/787936?ysclid=lxccqjlk8nd515678557> (дата обращения: 12.06.2024). — Текст : электронный.

3. Миронов, С. М. Представители фракций ГД поздравили россиян с Днем Победы. — 2022. — 9 мая. — URL: <http://duma.gov.ru/news/54249/> (дата обращения: 13.06.2024).

4. Путин, В. В. Выступление Президента России на параде, посвящённом 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. — 2015. — 9 мая. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49438> (дата обращения: 13.08.2016). — Текст : электронный.

5. Путин, В. В. На имя Президента Туркменистана поступили поздравительные телеграммы от глав России, Беларуси и Азербайджана. — 2018. — 9 мая. — URL: <https://turkmenportal.com/blog/14501/na-imya-prezidenta-turkmenistana-postupili-pozdravitelnye-telegrammy-ot-glav-gosudarstv-rossii-belarusi-i-azerbaidzhana> (дата обращения: 12.06.2024).

6. Путин, В. В. Обращение Президента России Владимира Путина к гражданам Грузии. — 2012. — 8 мая. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/15255> (дата обращения: 12.06.2024). — Текст : электронный.

7. Путин, В. В. Парад Победы на Красной площади. — 2022. — 9 мая. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68366> (дата обращения: 12.06.2024). — Текст : электронный.

8. Сорокин, И. Н. Поздравление Мэра города с Днем Победы в Великой Отечественной войне. — 2013. — 8 мая. — URL: https://novoshakhtinsk.org/events/events_main/detail.php?ELEMENT_ID=24931 (дата обращения: 12.06.2024). — Текст : электронный.

9. Санкт-Петербургский медико-социальный институт. Поздравление с Днем Победы. — 2023. — 9 мая. — URL: <https://medinstitut.org/pozdravlenie-s-dnem-pobedy/?ysclid=lxce30jd746168427803> (дата обращения: 14.06.2024). — Текст : электронный.

10. Хусаинов, Р. Г. С Днем Победы! — 2014. — 9 мая. — URL: <https://msu.tatarstan.ru/index.htm/news/299242.htm> (дата обращения: 12.06.2024). — Текст : электронный.

11. Чижов, С. В. Чижов: Забота о ветеранах — наша первоочередная задача, они должны жить достойно! — 2014. — 5 мая. — URL: <https://voronezh.er.ru/activity/news/chizhov-zabota-o-veteranah-nasha-pervostepennaya-zadacha-oni-dolzny-zhit-dostojno> (дата обращения: 12.06.2024). — Текст : электронный.

12. Щербakov, А. И. Администрация Романовского муниципального района. — 2024. — 9 мая. — URL: https://vk.com/wall-200415955_5827?ysclid=lxce2wr647i36684472 (дата обращения: 12.06.2024). — Текст : электронный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арнольд, А. И. Введение в культурологию / А. И. Арнольд. — Москва : Народная академия культуры и общечеловеческих ценностей, 1993. — Текст : непосредственный.

2. Бао, Хун. Фразеология в контексте культуры / Бао Хун. — Текст : непосредственный // Национально-культурная специфика фразеологизмов в русском и китайском языках. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — С. 305–310.

3. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин ; сост. С. Г. Бочаров ; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина ; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. — 2-е изд. — Москва : Искусство, 1986. — 445 с. — Текст : непосредственный.

4. Горина, Е. В. К постановке проблемы: трансформация концепта «День Победы» в российском и зарубежном кинематографе / Е. В. Горина, Д. А. Козлова. — Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. — Екатеринбург, 2019. — Т. 25, № 1 (183). — С. 18–30.

5. Жалагина, Т. А. Роль вербальных и невербальных компонентов в формировании фокуса внимания / Т. А. Жалагина. — Текст : непосредственный // Личностные аспекты языкового общения. — Калинин, 1989. — С. 87–91.

6. Минский, М. Фреймы для представления знаний : пер. с англ. / М. Минский. — Москва : Энергия, 1979. — 152 с. — Текст : непосредственный.

7. Соляян, К. А. Культурная и структурно-семантическая специфика китайского поздравления / К. А. Соляян. — Текст : непосредственный // Вестник Иркутского государственного

лингвистического университета. — 2009. — № 4 (8). — С. 105–112.

8. Тарасенко, Т. В. Этикетные жанры в русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тарасенко Т. В. — Красноярск, 1999. — Текст : непосредственный.

9. Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия. — Текст : непосредственный // Фразеология в контексте культуры. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — С. 13–24.

10. Формановская, Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. — Москва : ИКАР, 2007. — 480 с. — Текст : непосредственный.

11. 颜国琴, 苏崇阳. 试析俄罗斯胜利日的价值功能 [J]. 中外文化, 2023, (01): 15–30.

12. Caron, J. Les régularisations du discours: Psycholinguistique et pragmatique du langage / J. Caron. — Paris : PUF, 1983. — 255 p. — Text : unmediated.

13. Dijk, T. A. v. Studies in the pragmatics of discourse / T. A. v. Dijk. — The Hague : Mouton, 1981. — Text : unmediated.

14. Koffka, K. Principles of Gestalt psychology / K. Koffka. — New York : Harcourt, Brace and World, 1963. — Text : unmediated.

15. Turner, M. Conceptual integration and formal expression / M. Turner, G. Fauconnier. — Text : unmediated // Metaphor and symbolic activity. — 1995. — Vol. 10, No. 3. — P. 183–203.

MATERIALS

1. Vasiliev, V.A. (2022, May 9). *Representatives of the State Duma factions congratulated Russians on Victory Day*. Retrieved June 13, 2024, from <http://duma.gov.ru/news/54249/> (In Russ.)

2. Dolgov, I.Yu. (2013, May 9). *Happy Victory Day!* Retrieved June 12, 2024, from <https://onkolog.med.cap.ru/press/2013/5/9/787936?ysclid=lxccqjlk8nd515678557> (In Russ.)

3. Mironov, S.M. (2022, May 9). *Representatives of the State Duma factions congratulated Russians on Victory Day*. Retrieved June 13, 2024, from <http://duma.gov.ru/news/54249/> (In Russ.)

4. Putin, V.V. (2015, May 9). *Speech by the President of Russia at the parade dedicated to the 70th anniversary of Victory in the Great Patriotic War*. Retrieved Aug. 13, 2016, from <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49438> (In Russ.)

5. Putin, V.V. (2018). *Congratulatory telegrams from the heads of Russia, Belarus and Azerbaijan were received by the President of Turkmenistan*. Retrieved June 12, 2024, from <https://turkmenportal.com/blog/14501/na-imya-prezidenta-turkmenistana-postupili-pozdravitelnye-telegrammy-ot-glav-gosudarstv-rossii-belarusi-i-azerbaidzhana> (In Russ.)

6. Putin, V.V. (2012). *Address of the President of Russia Vladimir Putin to the citizens of Georgia*. Retrieved June 12, 2024, from <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/15255> (In Russ.)

7. Putin, V.V. (2022, May 9). *Victory Parade on Red Square*. Retrieved June 12, 2024, from <http://kremlin.ru/events/president/news/68366> (In Russ.)

8. Sorokin, I.N. (2013, May 8). *Congratulations of the Mayor of the city on Victory Day in the Great Patriotic War*. Retrieved June 12, 2024, from https://novoshakhtinsk.org/events/events_main/detail.php?ELEMENT_ID=24931 (In Russ.)

9. St. Petersburg Medical and Social Institute (2023, May 9). *Congratulations on Victory Day*. Retrieved June 14, 2024, from <https://medinstitut.org/pozdravlenie-s-dnem-pobedy/?ysclid=lxce30jd746168427803> (In Russ.)

10. Khusainov, R.G. (2014, May 9). *Happy Victory Day!* Retrieved June 12, 2024, from <https://msu.tatarstan.ru/index.htm/news/299242.htm> (In Russ.)

11. Chizhov, S.V. (2014, May 5). *Chizhov: Caring for veterans is our primary task, they must live with dignity!* Retrieved June 12, 2024, from <https://voronezh.er.ru/activity/news/chizhov-zabota-o-veteranah-nasha-pervostepennaya-zadacha-oni-dolzny-zhit-dostojno> (In Russ.)

12. Shcherbakov, A.I. (2024, May 9). *Administration of the Romanovsky Municipal District*. Retrieved June 12, 2024, from https://vk.com/wall-200415955_5827?ysclid=lxce2wr647i36684472 (In Russ.)

REFERENCES

1. Arnol'dov, A.I. (1993). *Vvedenie v kul'turologiyu* [Introduction to Cultural Studies]. Moscow: Narodnaya akademiya kul'tury i obshchchelovecheskikh tsennostey. (In Russ.)

2. Bao, Khun (1999). Frazеologiya v kontekste kul'tury [Phraseology in the Context of Culture]. In *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika frazeologizmov v russkom i kitayskom yazykakh* (pp. 305–310). Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. (In Russ.)
3. Bakhtin, M.M. (1986). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity] (Comp. S.G. Bocharov, text prepared by G. S. Bernshteyn and L. V. Deryugina, notes by S.S. Averintsev and S.G. Bocharov, 2nd ed.). Moscow: Iskusstvo, 445 p. (In Russ.)
4. Gorina, E.V., & Kozlova, D.A. (2019). K postanovke problemy: transformatsiya kontsepta «Den' Pobedy» v rossiyskom i zarubezhnom kinematografe [On the formulation of the problem: transformation of the concept of "Victory Day" in Russian and foreign cinema]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*, 25(1(183)), 18–30. (In Russ.)
5. Zhalagina, T.A. (1989). Rol' verbal'nykh i neverbal'nykh komponentov v formirovaniі fokusa vnimaniya [The role of verbal and non-verbal components in the formation of the focus of attention]. In *Lichnostnye aspekty yazykovogo obshcheniya* (pp. 87–91). Kalinin. (In Russ.)
6. Minskiy, M. (1979). *Freymy dlya predstavleniya znaniy* [Frames for representing knowledge] [Transl. from Engl.]. Moscow: Energiya, 152 p. (In Russ.)
7. Soloyan, K.A. (2009). Kul'turnaya i struktarno-semanticheskaya spetsifika kitayskogo pozdravleniya [Cultural and structural-semantic specificity of Chinese congratulations]. *Vestnik Irkutskogo gosudarsivnogo lingvisticheskogo universiteta*, 4(8), 105–112. (In Russ.)
8. Tarasenko, T.V. (1999). *Etiketnye zhanry v russkoy rechi: blagodarnost', izvinenie, pozdravlenie, soboleznovanie* [Etiquette genres in Russian speech: gratitude, apology, congratulations, condolences] [Abstract of Dis. of Cand. of Philology]. Krasnoyarsk. (In Russ.)
9. Teliya, V.N. (1999). Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kul'tury [Primary tasks and methodological problems of studying the phraseological composition of language in the context of culture]. In *Frazeologiya v kontekste kul'tury* (pp. 13–24). Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. (In Russ.)
10. Formanovskaya, N.I. (2007). *Rechevoe vzaimodeystvie: kommunikatsiya i pragmatika* [Speech interaction: communication and pragmatics]. Moscow: IKAR, 480 p. (In Russ.)
11. Yan Guoqin, & Su Chongyang (2023). Shi xi eluosi shengli ri de jiazhi gongneng. *Zhongwai wenhua*, 1, 15–30.
12. Caron, J. (1983). *Les régularions du discours: Psycholinguistique et pragmatique du langage*. P.: PUF, 255 p.
13. Dijk, T.A.v. (1981). *Studies in the pragmatics of discourse*. The Hague: Mouton.
14. Koffka, K. (1963). *Principles of gestalt psychology*. New York: Harcourt, Brace and World.
15. Turner, M., & Fauconnier, G. (1995). Conceptual integration and formal expression. *Metaphor and symbolic activity*, 10(3), 183–203.

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 81'42+81'27
 ББК Ш105.51+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Гуань Шаоян

Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай, guanshaoyang@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0763-9726>

Влияние прецедентных феноменов и метафор на процесс формирования образа страны в политических карикатурах

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена теме влияния метафор и прецедентных феноменов на процесс формирования образа страны в политических карикатурах. В процессе исследования рассматриваются вопросы, связанные с определением места и роли политических карикатур в дискурсе массовой коммуникации; выявлением специфических черт политических карикатур, лингвистическим обоснованием метафоричности, которая выражается в экспрессивном воздействии на зрителя и моделировании окружающей действительности; ориентированности политических карикатур на прецедентные феномены, которые также являются элементами, рассматриваемыми когнитивной лингвистикой. Наряду с этим выносятся на обсуждение точка зрения Е. А. Артемовой, которая заключается в отнесении политической карикатуры к креолизированным текстам. Предметом исследования выступают политические карикатуры, раскрывающие образ страны в контексте метафор и прецедентных феноменов, которые затрагивают историческую и культурную составляющую страны. Выдвинутые теоретические положения иллюстрируются в данной работе на материале современной политической карикатуры. Целью работы является исследование лингвокультурной специфики через призму текстового и графического материала, что позволяет рассмотреть проблематику с дискурсивной и языковой точек зрения. В качестве основы исследования были использованы труды лингвистов по теории метафор и прецедентности. В результате работы был выявлен и наглядно продемонстрирован функционал метафор и прецедентных феноменов в фокусе формирования образа страны в политических карикатурах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политическая карикатура, прецедентные феномены, образ страны, креолизованные тексты, языковая картина мира, когнитивная лингвистика, языковые средства, языковые единицы, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, политические метафоры.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Гуань Шаоян, лектор, Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай; 116044, Китай, провинция Ляонин, г. Далянь, Ляйшуньское шоссе, 6; email: guanshaoyang@mail.ru.

БЛАГОДАРНОСТИ. Работа выполнена при финансовой поддержке Фундаментального научного проекта по теме «Исследование когнитивной критики в российских мультимодальных политических дискурсах» при поддержке Департамента образования провинции Ляонин, номер объекта: LJKQR20222490.

本文系辽宁省教育厅基本科研项目“俄罗斯多模态政治话语的认知批评研究”（项目编号：LJKQR20222490）的阶段性成果。

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гуань, Шаоян. Влияние прецедентных феноменов и метафор на процесс формирования образа страны в политических карикатурах / Гуань Шаоян. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 297-303.

Guan Shaoyang

Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China, guanshaoyang@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0763-9726>

The Influence of Precedent Phenomena and Metaphors on the Process of Formation of the Image of the Country in Political Cartoons

ABSTRACT. This article deals with the issue of the influence of metaphors and precedent phenomena on the process of formation of the image of the country in political cartoons. The research examines issues related to determining the place and role of political cartoons in mass media discourse, identifying specific features of political cartoons, linguistic substantiation of metaphoricity, which is manifested by expressive influence on the viewer and on modeling the surrounding reality, and focusing of political cartoons on precedent phenomena, which are also elements studied by cognitive linguistics. Along with this, the author puts up for discussion the point of view of Artemova E.A. which consists in attributing political cartoons to creolized texts. The object of the study includes political cartoons depicting the image of the country in the context of metaphors and precedent phenomena that are associated with the historical and cultural aspect of the country. The theoretical positions put forward in the article are illustrated by the material of modern political cartoons. The aim of the study is to explore the linguo-cultural specificity through the prism of textual and graphic material, which allows considering the problem from the discursive and linguistic point of view. The research is based on the works of linguists in the theory of metaphor and precedent phenomena. As a result, the work has revealed and clearly demonstrated the functions of metaphors and precedent phenomena as tools for the formation of the image of the country in political cartoons.

KEYWORDS: *political discourse, political cartoons, precedent phenomena, image of the country, creolized texts, linguistic worldview, cognitive linguistics, language means, language units, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, political metaphors.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Guan Shaoyang, Lecturer, Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China.*

ACKNOWLEDGMENTS. The study has been financially supported by the Basic Research Project of the Education Department of Liaoning Province “A study of cognitive criticism in Russian multimodal political discourses” (Project No. LJKQR20222490).

FOR CITATION: *Guan Shaoyang. (2024). The Influence of Precedent Phenomena and Metaphors on the Process of Formation of the Image of the Country in Political Cartoons. In Political Linguistics. No 4 (106), pp. 297-303. (In Russ.).*

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ КАРИКАТУР

Политическая карикатура представляет собой особый вид политического текста, который является объектом дискурса массовой коммуникации. Возросший интерес среди ученых России и зарубежных лингвистов к проблематике формирования образа объекта в политической карикатуре объясняется недостаточной теоретической разработанностью институциональной проблематики. Рассматривая политическую карикатуру через призму смехового жанра, стоит сказать, что сфера политической коммуникации пересекается как с дискурсом массмедиа, так и с художественным дискурсом.

Многие исследователи сравнивают политическую карикатуру с вербальным текстом, который также о чем-то рассказывает читателю, оценивает, а в некоторых случаях демонстрирует решение проблем. Политическая карикатура является средством невербального общения, поскольку для передачи смысла и идеи автор использует уникальное сочетание языка и изобразительных, художественных средств, а также прибегает к словесным репликам для подчеркивания идейного замысла.

Рассматривая формат политических карикатур, следует сказать, что внешне они похожи на плакат, который является наглядной иллюстрацией какого-либо тезиса. Данная иллюстрация является дополнением к лозунгу. Специфическая особенность политической карикатуры заключается в том, что она в отличие от плаката или политического текста имеет сатирический контекст. Прибегая к лингвистической терминологии, у плаката и карикатуры абсолютно разные модальности. Карикатура предлагает зрителю свой взгляд на окружающие события, однако представляет его в завуалированной, имплицитной форме. Что касается сатирической составляющей политической карикатуры, то прежде всего для ее анализа производится оценка каждого прямого высказывания, оценка нормы в аспекте критики как таковой. Исходя из этого, карикатура представляет собой авторскую критическую оценку чужого прямого высказывания.

Е. А. Артемова относит политическую карикатуру к креолизованным текстам, иными словами — к текстам, которые структурно состоят из двух разнородных частей: вербальной и невербальной. Как упоминалось выше, политическая карикатура включает в себя вербальную составляющую — лозунг, который она выдвигает. Общий формат карикатуры характеризуется невербальностью. Исследователь подчеркивает специфический характер реализации общих текстовых категорий в креолизованном тексте политической карикатуры. Политическая карикатура определяется политической направленностью, что характеризует ее как часть политического дискурса, сатирической направленностью авторской интенции, содержательно-концептуальной информацией. Креолизованный (разнородный) характер политической карикатуры отражается через формальный способ интеграции текста в социальный контекст, возможность дифференциации однокадровой политической карикатуры, отсылки к прецедентным феноменам политического и общекультурного характера как в вербальной составляющей, так и в невербальной части политической карикатуры [Артемова 2002: 100–106].

2. МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКИХ КАРИКАТУРАХ

Следует обратить внимание на когнитивную составляющую политической карикатуры. Автор карикатуры предоставляет зрителю возможность увидеть, проанализировать, принять образ, в результате реконструировать свой идейный замысел. Данная задача требует от зрителя творческого мышления, аналитического абстрагирования. Таким образом, когнитивный элемент подчеркивает невербальность политической карикатуры, поскольку аналогичную задачу ставит любое произведение в изобразительном искусстве, музыке, иных видах творчества. Все эти варианты воздействия объединяет некоторое постижение замысла творца зрителем в результате усвоения и понимания идеи произведения.

Когнитивное содержание политической карикатуры реализуется не только через

языковую проекцию, но и через невербальные, визуально-пространственные образы, что говорит о двухъярусности карикатуры. Языковые и визуальные системы пересекаются на техническом, репрезентативном, иконическом, иконографическом уровне.

Следует обозначить ряд важных, на наш взгляд, специфических особенностей политической карикатуры.

1. Одна идея — один образ. Карикатура вне зависимости от предметности фокусируется на одном образе. Одноидейность заключается в том, что автор старается создать образ, в котором каждый составляющий элемент формирует убедительное единое образное представление идеи. Карикатура не должна включать в себя лишние, незадействованные черты, поскольку каждая случайная черта мешает расшифровке и пониманию карикатуры. Символика, посредством которой автор воплощает идею в образе, не должна иметь слишком сложную структуру или носить сугубо субъективный характер.

2. Ориентированность на общественные массы. Политическая карикатура отражает происходящие в окружающем мире события, имеющие место быть на мировой политической арене. Наряду с фактической составляющей, политическая карикатура фиксирует мнение масс о том или ином событии. Исходя из этого, политическая карикатура полностью исключает такую черту, как субъективность.

3. Институциональность. Политическая карикатура является элементом политического дискурса, следовательно, закрепляется в обществе институционально. Политическая карикатура обладает разной степенью свободы в зависимости от политической системы страны. В одних странах политическая карикатура подвергается цензуре и запрету на распространение через каналы массовой коммуникации. Примером является Северная Корея, где наличие второстепенных политических материалов, высмеивающих устройство государства, является запрещенным. В США политическая карикатура, по мнению исследователей, подвергается если не прямому давлению со стороны властей, то практически принудительному внешнему социальному заказу.

4. Интернациональный характер. Соответствующее понимание политической карикатуры за счет межкультурного аспекта достигается в случае, если сюжет карикатуры базируется на элементах, входящих в универсальную когнитивную базу. Интернациональность обуславливается сферой функционирования карикатуры — политикой. Именно поэтому интернациональный харак-

тер изобразительного компонента в процессе интерпретации инокультурной политической карикатуры обуславливается прежде всего отсылками к политическим прецедентным феноменам, а также усложненной системой кодирования данного текста. Таким образом, интернациональность как специфическая особенность подразумевает ориентированность на межкультурное пространство, которое не ограничивается сферой политики, а выходит за рамки ее функционирования.

Важной, на наш взгляд, особенностью политической карикатуры является метафоричность. Метафоричность как свойство характеризуется как в лингвистике, так и в политической науке.

В лингвистическом аспекте метафора является чрезвычайно продуктивным типом семантических изменений, который ведет к формированию производных, вторичных значений. Данное средство выразительности представляет собой перенос наименования явления или предмета на другое явление или предмет на основании их сходства, при этом уподобление одного предмета другому может осуществляться вследствие схожести самых различных признаков: цвета, внешнего вида, формы, положения в пространстве, оценки, впечатления, вызываемого ощущения и т. д. В том случае, если название явления или предмета переносится на другое явление или предмет вследствие их функциональной схожести, выделяют функциональный перенос как разновидность метафоры [Цзинь Шэнси, Юй Линлин 2023: 22].

Метафора является семантически двойственной вследствие ассоциации двух различных категорий объектов. Двойственность, составляющая наиболее существенный признак «живой» метафоры, не позволяет рассматривать ее независимо от определяемого объекта.

В лингвистической науке огромную роль играет метафоризация, под которой понимается «использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения» [Панина 2012: 22]. Метафоризация определяется традициями социума и языка. Двойственная природа метафоры проявляется вследствие ассоциации двух различных категорий объектов. Данное свойство метафоры наблюдается в сочетании основных свойств объекта в его наименовании и «его семантического „ореола“, когда сам термин будто подстраивается под его должное восприятие рядовым носителем языка» [Яковлева 2018: 136].

В политическом дискурсе метафора тоже присутствует. Мусолфф предложил кри-

тический анализ метафор и указал на критические атрибуты метафор [Musolf 2017: 643]. Анализ метафоры в политическом дискурсе направлен на выявление взаимосвязи между метафорами и социальным контекстом, а также общественной идеологией и отношениями власти, стоящими за метафорами. Критический метафорический анализ подобен зеркалу, высвечивающему социальную реальность, скрытую за политическим дискурсом, и раскрывающему взаимосвязь между языком, мышлением и обществом, стоящими за политическим дискурсом [Сунь И, Сунь Цзятэн 2023: 3].

Единство цели формирует и гомогенность используемых языковых средств. Исходя из этого, метафору можно назвать экстралингвистическим средством, поскольку ее функционал выходит за рамки лингвистики.

Метафора выполняет моделирующую функцию, которая выражается не только через принадлежность к естественному языку, но и через возможность служить значимым средством формирования картины мира.

Как отмечалось ранее, любая метафора по своей структуре двойственна, поскольку в ее структуре можно определить две составляющие части, традиционно называемые прямым значением метафоры и метафорическим (переносным) значением.

Выделенная двухуровневость реализуется через независимые функции эмоционального воздействия и моделирования действительности.

Что касается политических карикатур, то метафора участвует в формировании представлений, картины мира у зрителей. Особое место занимает визуальная метафора как элемент креолизованного текста, который в настоящее время имеет огромную популярность в обществе. Благодаря визуальной метафоре, авторы выражают мнение общества, изображая социально-политическую ситуацию в мире.

Метафора является инструментом привлечения внимания общества к решению злободневных проблем. В политической карикатуре как жанре политического дискурса визуальная метафора исполняет эвристическую функцию, являясь средством отображения непрерывно меняющейся политической обстановки в мире.

Следует обратить внимание на тот факт, что метафоричность в аспекте политической карикатуры отражается как на визуальном уровне (изображение), так и на лингвистическом (лозунг). В комплексе этих символических рядов метафора формирует целостное, единое свойство политической карикатуры — метафоричность.

Как упоминалось ранее, политическая карикатура характеризуется интернациональностью. Интернациональность обуславливается сферой функционирования карикатуры, ее тематикой — политикой. Именно поэтому интернациональный характер изобразительного компонента в процессе интерпретации инокультурной политической карикатуры обуславливается прежде всего отсылками к политическим прецедентным феноменам, а также усложненной системой кодирования данного текста.

3. ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН В ПОЛИТИЧЕСКИХ КАРИКАТУРАХ

Прецедентный феномен относится к языковым и культурным элементам текста, укоренившимся в национально-культурном сознании человека. Термин «прецедент» отражает отношение к прошлым событиям или явлениям и их значимость для индивидуальности конкретного языка [Чистякова 2023: 2].

Прецедентность становится предметом рассмотрения в различных сферах науки. Так, с точки зрения лингвистики прецедентность реализуется через прецедентные единицы. Прецедентные единицы — языковые единицы, производные от языковых знаков, имевших ранее место в языке, и служащие примером, основанием для употребления в новой ситуации [Голубева 2008: 57]. При выборе объектом исследования прецедентных единиц многие ученые приходят к выводу, что прецедентные единицы представляют собой примеры производных, вследствие чего принимают участие в производной, вторичной номинации. Прецедентность может выступать в виде имен собственных. Например: Куликовская битва, Сталинград, Кутузов, Суворов. Сложные единицы, имеющие имена собственные, также можно считать прецедентными: «как швед под Полтавой».

При изучении феномена прецедента важно выделить его сущность и основные виды. Классификация лингвистов Д. Б. Гудкова [Гудкова 2003: 17] и В. В. Красных [Красных 2002: 17] общепризнанна. В соответствии с их методом классификации мы можем разделить прецедентный феномен на следующие 4 типа:

- 1) прецедентные тексты (ПТ);
- 2) прецедентные высказывания (ПВ);
- 3) прецедентные имена (ПИ);
- 4) прецедентные ситуации (ПС).

В аспекте политического дискурса прецедентность рассматривается через призму прецедентных феноменов, поскольку основная мысль и идея той иной политической карикатуры обуславливается произошедшим событием, фактом, случаем. Интенции соз-

дания политической карикатуры основываются на происходящих на мировой арене событиях.

В последние годы изучение прецедентности в дискурсе также стало одним из направлений работы российских лингвистов. Исследование прецедентности в дискурсе у российских ученых в основном сосредоточено на следующих аспектах: различии и связи между интертекстуальностью и прецедентом [Кузьмина 2011], классификации прецедентности [Баширова 2011; Рябуха 2018], функциональной прагматике прецедентности [Попова 2007; Рыбачук 2019] и других. В Китае практически не проводится исследований феномена прецедента.

Таким образом, прецедентность привела к богатым результатам в исследовании дискурса, и соответствующие исследования также могут быть проведены в политическом дискурсе. Использование прецедентных элементов в политическом дискурсе часто служит определенному намерению политического субъекта, поэтому одной из наиболее многообещающих исследовательских перспектив для исследований прецедентности является функциональная прагматика. Функционально-прагматические исследования, исследования языка и культуры на материале прецедентности являются многообещающими тенденциями развития науки.

4. МЕТАФОРЫ И ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА СТРАНЫ

Исследователь Ги предположил, что использование языка субъектами коммуникации в целях получения определенной идентичности или роли заключается в «конструировании идентичности» [Ги 2011: 45]. При изучении мультимодального дискурса, такого как политические карикатуры, функция конструирования идентичности также является применимым аналитическим конструктом. Точка зрения Фейрклафа схожа с этим положением. Фейрклаф считает, что дискурс помогает формировать сопричастность к предмету высказывания, четко устанавливать образ идентичности, и предлагает функцию «идентичности». Он считает, что функция идентичности включает в себя способ конструирования социальной идентичности в дискурсе [Фейрклаф 2003: 104]. Конструирование идентичности и проецирование ее в национальную сферу на самом деле является процессом конструирования образа страны, и использование прецедентности играет здесь важную роль. Использование преце-

дентности реализует воплощение идеологии создателя дискурса, придает ему силу, выражает потенциал смысла и реализует конструирование образа страны.

В данной исследовательской работе мы рассмотрим политические карикатуры, ссылающиеся на прецедентные феномены и метафоры, а именно события как метафорического характера, так и прецедентного. Исходя из этого, мы изучаем, как переплетение метафор и прецедентных феноменов формирует образ стран. В качестве примера нами была выбрана политическая карикатура из СМИ.

Исследовательский материал приведен на рисунке 1. Если мы только посмотрим на реплики, один участник говорит: «Он что, хочет нас рассорить?» — а другой замечает: «Какая смешная птица!» Буквальное значение достаточно понятно. Люди могут сформировать в своем мозгу набор реплик диалога, описывающих изображение птицы, между коммуникативными сторонами (здесь — медведем и драконом). Однако, когда изображение добавляется к разговору, восприятие сцены меняется.

Прежде всего, это не диалог между двумя людьми, а диалог между медведем и драконом. Здесь используются культурные прецеденты: медведь представляет Россию, а дракон — Китай. По тональности сцены, где двое беседующих сидят на трубопроводе и пьют чай, а затем обмениваются чашками, зритель может видеть, что они живущие в гармонии друзья. На трубопроводе написаны слова «Сила Сибири», указывающие на то, что проект газопровода «Сила Сибири» является объективной гарантией взаимосвязи между собеседниками. Здесь используются прецедентные ситуации.

Белоголовый орлан носит на голове шляпу с американским флагом. Видно, что белоголовый орлан — это не простая птица, а аллегорическое представление Соединенных Штатов. Используются также культурный прецедент. Белоголовый орлан стучит в гонг, издавая грохот с намерением разрушить гармоничную обстановку, в которой разговаривают медведь и дракон. На гонге написано «Санкции». Соединенные Штаты осознают, что их собственная мощь в энергетической сфере была значительно ослаблена строительством китайско-российского газопровода «Сила Сибири», поэтому они попытались использовать санкции как средство дестабилизации ситуации и разрушить китайско-российские отношения сотрудничества в энергетической сфере.

Рис. 1

На этом этапе восприятия проявляется семантика изображения, противоречащая буквальному значению. Ее элементы: гармония и две стороны, пьющие чай, инструмент разрушения и санкции, результаты разрушения и разрыв отношений между двумя странами и т. д. Конфликт между словами и изображением сформировал мультимодальное метафорическое значение. На фоне размеров дракона и медведя орлан выглядит очевидно маленьким, настолько, словно играет роль клоуна. Его массы далеко не достаточно, чтобы повлиять на общую ситуацию. В политических карикатурах часто встречаются диалоги между людьми и могут возникать противоречия между текстовым содержанием диалога и фактическим значением, передаваемым изображением, которое, в свою очередь, формирует мультимодальную метафору.

Как итог, на основе переплетения прецедентных феноменов и метафор был сформирован образ дружественных и могучих Китая и России. В то же время это сформировало образ слабого разрушителя — Соединенных Штатов.

5. ВЫВОД

В целом, благодаря использованию прецедентных феноменов и метафор, политические карикатуры играют важную роль в формировании образа страны. Это не только обеспечивает более богатые средства выражения для политических карикатур, но и дает аудитории более глубокую перспективу мышления. Однако мы также должны признать вводящий в заблуждение и односторонний характер подачи информации, который может сопровождать этот процесс. Поэтому, признавая эффективность и мастерство политических карикатур, мы должны продолжать мыслить рационально и не позволять сбивать себя с толку поверхностными изображениями, а уделять больше внимания глубокому пониманию и критическому мышлению. Благодаря углубленному исследова-

нию политических карикатур мы можем лучше понять сложность процесса формирования образ страны и способствовать межкультурному взаимопониманию и диалогу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Артёмова, Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Артёмова Е. А. — Кузбасс, 2002. — 190 с. — Текст : непосредственный.
2. Баширова, Н. З. Типология интертекстов в прессе / Н. З. Баширова. — Текст : непосредственный // Ученые записки Казанского университета. — 2011. — Т. 153. — № 6. — С. 191–203.
3. Голубева, Н. А. Прецедент и прецедентность в лингвистике / Н. А. Голубева. — Текст : непосредственный // Лингвистика. — 2008. — № 3-2. — С. 56–61.
4. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. — Москва : Гнозис, 2003. — 288 с. — Текст : непосредственный.
5. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2002. — 284 с. — Текст : непосредственный.
6. Кузьмина, Н. А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса / Н. А. Кузьмина. — Текст : электронный // Медиаскоп. — 2011. — № 1. — URL: <http://www.mediascope.ru/node/755>.
7. Панина, Т. Г. Вторичная косвенная номинация как языковой, когнитивный и культурный процессы / Т. Г. Панина. — Текст : непосредственный // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. — 2012. — № 2. — С. 21–27.
8. Попова, Е. А. Интертекстуальность как средство воздействия в политическом дискурсе (на материале англоязычных текстов о политической карьере А. Шварценеггера) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Попова Е. А. — Самара, 2007. — 20 с. — Текст : непосредственный.
9. Рыбачук, К. Ю. Интертекстуальность современного публичного выступления на английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Рыбачук К. Ю. — Санкт-Петербург, 2019. — 18 с. — Текст : непосредственный.
10. Рябуха, О. В. Проблема типологии интертекстуальных включений и их роль в структуре интертекста (на материале журнальных и газетных статей) / О. В. Рябуха, А. В. Трошина. — Текст : непосредственный // Научный диалог. — 2018. — № 4. — С. 134–146.
11. Чистякова, А. А. Прецедентный феномен как ведущее средство интертекстуальности в англоязычных рэп-текстах / А. А. Чистякова. — Текст : непосредственный // Russian Linguistic Bulletin. — 2023. — № 4. — С. 1–7.
12. Яковлева, Е. А. Особенности именования образцов оружия и военной техники в актуальном информационном дискурсе / Е. А. Яковлева, Э. Н. Ирнараров. — Текст : непосредственный // Российский гуманитарный журнал. — 2018. — № 2. — С. 132–138.
13. Musolff, A. Truth, lies and figurative scenarios: Metaphors at the heart of Brexit / A. Musolff. — Text : unmediated // Journal of Language and Politics. — 2017. — No. 16. — P. 641–657.

14. 詹姆斯 保罗 吉著, 杨炳均译. 2011. 话语分析导论: 理论与方法[M]. 重庆: 重庆大学出版社. = Джеймс Пол Джи. Введение в дискурс-анализ: теория и метод / Джеймс Пол Джи, перевод Ян Бинцзюня. — Чунцин: Издательство Чунцинского университета, 2011. — 216 с. — Текст: непосредственный. — (На кит. яз.).

15. 诺曼 费尔克拉夫著, 殷晓蓉译. 2003. 话语与社会变迁[M]. 北京: 华夏出版社. = Норман Фейрклаф. Дискурс и социальные изменения / Норман Фейрклаф, перевод Инь Сяорун. — Пекин: Издательство «Хуася», 2003. — 232 с. — Текст: непосредственный. — Текст: непосредственный. — (На кит. яз.).

16. 金胜昔 于霖林. 2023. 美国两党气候变化演讲语篇的隐喻生态批评对比分析[J]. 外语教学, (6):21-28. = Цзинь Шэнси. Сравнительный анализ метафорической экологической критики дискурса об изменении климата в выступлениях двух партий в Соединенных Штатах / Цзинь Шэнси, Ю Линлин. — Текст: непосредственный // Преподавание иностранных языков. — 2023. — № 6. — С. 21–28. — (На кит. яз.).

17. 孙 毅 熊佳腾. 2022. 英国脱欧话语的批评隐喻分析[J]. 解放军外国语学院学报, (2):1-9. = Сунь И. Критический метафорический анализ дискурса о выходе Великобритании из Европейского союза / Сунь И, Сюан Цзятэн. — Текст: непосредственный // Журнал Института иностранных языков Народно-освободительной армии Китая. — 2022. — № 2. — С. 1–9. — (На кит. яз.).

REFERENCES

1. Artemova, E.A. (2002). *Caricature as a genre of political discourse* [Abstract of dis. ... Candidate of Philological Sciences]. Kuzbass, 190 p. (In Russ.)
2. Bashirova, N.Z. (2011). Typology of intertexts in the press. *Scientific notes of Kazan University*, 153(6), 191–203. (In Russ.)
3. Golubeva, N.A. (2008). Precedent and precedent in linguistics. *Linguistics*, 3-2, 56–61. (In Russ.)
4. Gudkov, D.B. (2003). *Theory and practice of intercultural communication*. Moscow: Gnosis, 288 p. (In Russ.)
5. Krasnykh, V.V. (2002). *Ethnopsycholinguistics and linguoculturology* [Course of lectures]. Moscow: Gnosis, 284 p. (In Russ.)
6. Kuzmina, N.A. (2011). Intertextuality and precedent as basic cognitive categories of media discourse. *Mediascope*, 1. Retrieved from <http://www.mediascope.ru/node/755> (In Russ.)

7. Panina, T.G. (2012). Secondary indirect nomination as linguistic, cognitive and cultural processes. *Scientific and pedagogical Journal of Eastern Siberia Magister Dixit*, 2, 21–27. (In Russ.)

8. Popova, E.A. (2007). *Intertextuality as a means of influence in political discourse (based on the material of English-language texts about the political career of A. Schwarzenegger)* [author's abstract. dis. ... candidate of Philological Sciences]. Samara, 20 p. (In Russ.)

9. Rybachuk, K.Yu. (2019). *The intertextuality of modern public speaking in English* [Abstract. ... candidate of Philological Sciences]. St. Petersburg, 18 p. (In Russ.)

10. Ryabukha, O.V., & Troshina, A.V. (2018). The problem of typology of intertextual inclusions and their role in the structure of intertext (based on the material of magazine and newspaper articles). *Scientific dialogue*, 4, 134–146. (In Russ.)

11. Chistyakova, A.A. (2023). Precedent phenomenon as a leading means of intertextuality in English rap texts. *Russian Linguistic Bulletin*, 4, 1–7. (In Russ.)

12. Yakovleva, E.A., & Irnazarov, E.N. (2018). Features of naming samples of weapons and military equipment in the current information discourse. *Liberal arts in Russia*, 2, 132–138. (In Russ.)

13. Musolff, A. (2017). Truth, lies and figurative scenarios: Metaphors at the heart of Brexit. *Journal of Language and Politics*, 16, 641–657.

14. James Paul Ji (2011). *Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method* (Translated by Yang Bingjun). Chongqing: Chongqing University Press. (In Chinese)

15. Fairclough, Norman (2003). *Discourse and Social changes* (translated by Yin Xiaorong). Beijing: Huaxia Publishing House. (In Chinese)

16. Jin, Shengxi, & Yu, Linlin (2023). Comparative analysis of metaphorical ecological criticism of the discourse of climate change speeches of the two parties in the United States. *Foreign language teaching*, 6, 21–28. (In Chinese)

17. Sun, Yi, & Xiong, Jiateng (2022). Critical Metaphorical Analysis of Brexit Discourse. *Journal of the People's Liberation Army Institute of Foreign Languages*, 2, 1–9. (In Chinese)

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 811.581'42+811.161.1'25
ББК ШП71.1-51+ШП18

ГРНТИ 16.31.41

Код ВАК 5.9.8

Ли Цзявэй

Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай, 1761867544@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-4280-6622>

Исследование диахронических изменений русских переводов цифровых аббревиатур в «Докладах о работе Правительства Китая»

АННОТАЦИЯ. Важной частью системы дискурса с китайской спецификой являются краткие устойчивые выражения с числительными, применительно к китайскому языку именуемые цифровыми аббревиатурами. Они частотны в текстах Докладов о работе правительства. В данном исследовании на основе диахронического анализа рассматриваются и обобщаются особенности изменений русских переводов цифровых аббревиатур в «Докладах» с 2014 по 2024 год, анализируется роль отмеченных изменений в прояснении принципов перевода цифровых аббревиатур, а также делается попытка выявить глубинные мотивы, определяющие изменения русских переводов цифровых аббревиатур. Были сделаны выводы, что цифровые аббревиатуры в «Докладах» имеют яркую китайскую специфику, а также аккумулируют существенные характеристики конкретного периода, и могут быть разделены на четыре типа: стандартный, совместный, подчиненный и главный, а также пересекающийся с ними метафорический тип. Диахронические изменения их русских переводов показывают тенденцию к упрощению лексики, конвенционализации выражений и повышению лексической адекватности. Обращение к соответствующему социальному и культурному контексту подтверждает, что в число факторов, повлиявших на изменение языковых характеристик, входят доминирующая в разные периоды идеология, усиление совокупной мощи государства и значимости голоса Китая в международном контексте, а также различия в мышлении и культуре России и Китая. Кроме того, результаты анализа показывают, что при переводе цифровых аббревиатур следует придерживаться принципа верности с точки зрения содержания, понятности с точки зрения формы и единства с точки зрения выражения. Результаты данного исследования помогают конкретизировать рекомендации по переводу и распространению китайского дискурса в России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровые аббревиатуры, политический дискурс, политические тексты, политические доклады, политические деятели, китайские политики, государственные органы власти, китайский язык, переводоведение, политический перевод, переводческая деятельность, русские переводы, русский язык, диахронические изменения, национально-культурная специфика, фразеология китайского языка, переводческая эквивалентность.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ли Цзявэй, аспирант, Даляньский университет иностранных языков; 116044, Китай, провинция Ляонин, г. Далянь, Люйшуньское шоссе, 6; email: 1761867544@qq.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ли, Цзявэй. Исследование диахронических изменений русских переводов цифровых аббревиатур в «Докладах о работе Правительства Китая» / Ли Цзявэй. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 304-315.

Li Jiawei

Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China, 1761867544@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-4280-6622>

A Study of Diachronic Change in Russian Translations of Numerical Abbreviations in Reports on the Chinese Government Activity

ABSTRACT. Short stable expressions with numerals are called in Chinese numerical abbreviations and make up an important part of the discourse system with Chinese specificity. They are frequently used in texts of Reports on the Chinese government activity. This paper considers and generalizes the characteristics of the change of the Russian translations of numerical abbreviations in the Reports from 2014 to 2024, analyzes the role of the discovered change in explaining the principles of translation of numerical abbreviations, and tries to reveal the deeper motives determining the change in the Russian translations of numerical abbreviations. The study comes to the conclusion that the numerical abbreviations in the Reports display salient Chinese specificity; they also accumulate significant characteristics of a concrete period, and can be classified into four categories: standard, common, subordinate and principal type, as well as the metaphorical type that intersects with them. The diachronic change of their Russian translations over time demonstrates a tendency towards lexical simplification, conventionalization of expressions and improvement of lexical adequacy. Turning to the relevant social and cultural contexts shows that the factors affecting the linguistic change include the mainstream ideology of different periods, the increase of China's comprehensive national power and the growing authority in international relations, as well as the differences between the Russian and Chinese thinking and culture. Moreover, the results of the analysis show that while translating numerical abbreviations translators should hold to the principle of correctness from the point of view of content, comprehensibility of form, and uniformity of presentation. The results of the study may help to work out recommendations for the translation and dissemination of Chinese discourse in Russia.

KEYWORDS: numerical abbreviations, political discourse, political texts, political reports, politicians, Chinese politicians, state organs of power, Chinese language, translation studies, political translation, translation, Russian translations, Russian language, diachronic change, national-cultural specificity, Chinese phraseology, translation equivalence.

© Ли Цзявэй, 2024

AUTHOR'S INFORMATION: Li Jiawei, Post-Graduate Student, Dalian University of Foreign Languages, Liaoning, Dalian, China.

FOR CITATION: Li Jiawei. (2024). A Study of Diachronic Change in Russian Translations of Numerical Abbreviations in Reports on the Chinese Government Activity. In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 304-315. (In Russ.).

Материалы для исследования взяты с официального сайта «Теория Китая» (разделы на русском и китайском языках).

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы, когда совокупная мощь Китая продолжает расти, на повестку дня встает вопрос о необходимости наращивания потенциала в распространении принципов китайской цивилизации, всестороннего повышения эффективности в сфере международной коммуникации и формирования на международной арене права голоса, соразмерного совокупной мощи и международному статусу Китая. С этой целью председатель КНР Си Цзиньпин призвал форсировать работу по построению китайской системы дискурса, подчеркнув, что «нам нужно научиться формулировать знаковые концепции, выдвигать новые концепции, новые категории, новые формулировки так, чтобы международное сообщество могло их понять и принять, стимулировать их обсуждение в международных научных кругах» [Си Цзиньпин 2017: 500]. Цифровые аббревиатуры — это типичные знаковые концепции, которые являются важной частью китайской дискурсивной системы с особой спецификой. Они обычно происходят из документов о национальной политике Китая, и новые понятия, категории и выражения, созданные с помощью этих цифровых аббревиатур, обобщают объемные идеи, теории или стратегии, делая их краткими и удобными для продвижения и распространения. Поэтому изучение цифровых аббревиатур имеет большое значение.

Являясь важным политическим документом в Китае, ежегодный «Доклад о работе правительства» (далее — Доклад) содержит большое количество цифровых аббревиатур, таких как «两个确立», «两个维护» и т. д. Большинство этих цифровых аббревиатур имеют политическое значение, некоторые из них являются инновационными, а иногда одна и та же цифровая аббревиатура появляется в Докладах несколько лет подряд — именно эти единицы наиболее сложны для перевода, поэтому перевод цифровых аббревиатур в Докладах постоянно корректируется и изменяется. Сосредоточение внимания на изменениях в переводе цифровых аббревиатур в Докладах на протяжении многих лет позволяет не только представить общие правила их перевода, но и проанализировать социальные изменения, лежащие в

основе изменений языка. Поэтому, взяв русские переводы цифровых аббревиатур в Докладах с 2014 по 2024 год в качестве корпуса исследования, в данной работе мы рассматриваем и обобщаем особенности изменений русских переводов цифровых аббревиатур в Докладах с 2014 по 2024 год, анализируя роль особенностей их изменений в аспекте принципов перевода цифровых аббревиатур, а также пытаемся выявить глубинные мотивы, определяющие изменения русских переводов цифровых аббревиатур.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА И СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

1.1. Определение и классификация цифровых аббревиатур

Цифровые аббревиатуры (Numeral abbreviations) изучались многими учеными, некоторые из них называют их «цифровыми лозунгами» [Янь Вэньбинь 2015: 8; Цай Лицзянь 2015: 81]; некоторые — «словами с китайской спецификой» [Сюй Минцян 2014: 12] или «политическими терминами» [Пань Дэн Чэнь Яньфан 2016: 32]; однако большинство ученых называют этот тип лексики «цифровыми аббревиатурами» [Ван Ронгпей 1990: 1; Кан Чжэвэнь 2017: 38], и в данном исследовании также принято такое обозначение.

Ван Ронгпей [Ван Ронгпей 1990: 1–3] проводит четкое различие в сфере определения и классификации цифровых аббревиатур, утверждая, что «выражения, в которых для выражения одних и тех же структурных или семантических компонентов используются цифры, называются цифровыми аббревиатурами». Согласно этому определению, как он указывает, «глубинная структура цифровой аббревиатуры должна включать как цифровые морфемы (N), так и общие морфемы или общие формы (S), которые суммируются», поэтому аббревиатуры, содержащие порядковые числительные, даты, а также идиомы с мнимыми числительными — количественными выражениями (например, «一千二净» — описывает чистоту и аккуратность) не относятся к категории цифровых аббревиатур. Цифровые аббревиатуры можно разделить на следующие пять типов:

1) стандартный (C1=N+S): тип, использующий количественное числительное для

обозначения количества параллельных объектов. В зависимости от наличия или отсутствия морфемы, общей для исходного слова, их можно разделить на стандартный тип с одинаковыми морфемами ($C1-1=N+Ss$) и стандартный тип без одинаковых морфем ($C1-2=N+Sd$);

2) совместный тип ($C2=N1+ S1+ N2+ S2+ \dots$): тип, образованный соединением двух или более (обычно не более трех) цифровых аббревиатур стандартного типа. В зависимости от количества стандартных цифровых аббревиатур их можно разделить на двойной совместный тип ($C2-1=N1+ S1+ N2+ S2$) и тройной совместный тип ($C2-2=N1+ S1+ N2+ S2+ N3+ S3$);

3) подчиненный и главный тип ($C3=(M+)N+ S(+M)$): тип, состоящий из определяющего слова и центральной фразы с определяющими и поясняемыми отношениями между структурными компонентами. В зависимости от того, выступает ли цифровая аббревиатура стандартного типа в качестве определяющего слова или поясняемого слова, их можно разделить на тип определяющего слова ($C3-1=N+S+M$) и тип поясняемого слова ($C3-2=M+N+S$);

4) метафорический тип ($C4=N+Sm$): тип с метафорами, которые появляются в трех вышеперечисленных формах;

5) тип, в котором количество слов и предложений выражается цифрой ($C5=N+ SL+ M$).

Из приведенной выше классификации видно, что Ван Ронгпей четко определяет каждый тип и в то же время объясняет взаимосвязь между классификациями, поэтому его классификация является строго научной. В результате действия принципа лингвистической экономии (экономии речевых усилий) цифровые аббревиатуры обладают такими характеристиками, как простота, легкость распространения и т. д. На основе этих особенностей цифровые аббревиатуры очень часто используются в важных политических документах Китая и играют незаменимую роль в распространении политического дискурса в Китае [Чжан Лифань 2006: 71]. Ван Цзянь, Цзян Лунфань [2022: 115] рассматривают цифровые аббревиатуры, встречающиеся в политических текстах, как особые лексические единицы, общей чертой которых является использование цифры с добавлением слова или фразы для выражения политического содержания (N-параллельные объекты, которые соответствуют числу). Объектом исследования в данной работе являются цифровые аббревиатуры в области политики.

Данное исследование основано на определении и классификации цифровых аббре-

виатур, предложенных Ван Ронгпеем, и адаптирует классификацию цифровых аббревиатур с выделением следующих шести типов в соответствии со спецификой корпуса исследования:

- 1) стандартный тип с одинаковыми морфемами;
- 2) двойной совместный тип;
- 3) тройной совместный тип;
- 4) тип определяющего слова;
- 5) тип поясняемого слова;
- 6) метафорический тип.

1.2. Состояние исследований в области перевода политических цифровых аббревиатур

Цифровые аббревиатуры в политических текстах являются не только значимой частью лексики с китайской спецификой, но и связаны с первоочередными государственными направлениями политики, поэтому перевод цифровых аббревиатур в политических текстах стал важной задачей в работе по распространению дискурса на китайском языке в мире [Кан Чжэвэнь 2017: 38], в связи с чем данное исследование имеет теоретическое и практическое значение. В настоящее время исследования китайских ученых, посвященные переводу цифровых аббревиатур в политических текстах, в основном сосредоточены на трудностях процесса перевода на английский язык и использовании переводческих стратегий [Сюй Минцян 2014; Цай Лицзянь 2015; Янь Вэньбинь 2015 и др.]. Си Сяньчжу и Цзэн Цзяньпин [Си Сяньчжу, Цзэн Цзяньпин 2021: 21] отметили, что английский перевод цифровой аббревиатуры — «五位一体» неэффективен; Доу Вэйлинь и Чжу Пин, постоянно исследуя стратегию перевода цифровых аббревиатур на английский язык, выдвинули идею изменения стратегии перевода с «быть понятным иностранными читателями» [Доу Вэйлинь Чжу Пин 2009: 61] на «взять адресанта в качестве основного фокуса» [Доу Вэйлинь 2016: 106]. Как видно, в данном направлении исследований имеются следующие недостатки: языки исследований относительно однородны, есть много исследований по английскому переводу цифровых аббревиатур в политических текстах, но очень мало исследований по русскому переводу, хотя российско-китайские дружественные межгосударственные отношения демонстрируют очевидные тенденции быстрого развития, и конструирование системы дискурса Китая о России является насущной необходимостью; содержание и уровень исследований относительно простые, в фокусе внимания только методы перевода цифровых аббревиатур, исследователи пренебрегают анализом эво-

люции их переводов во времени, не хватает глубокого обсуждения связи между языком и обществом.

В связи с этим данное исследование пытается решить обозначенную «дилемму», используя диахронический анализ, исследуя особенности изменений русских переводов цифровых аббревиатур в Докладах с 2014 по 2024 год, анализируется роль особенностей их изменений в прояснении принципов перевода цифровых аббревиатур и обобщая результаты анализа более глубоких мотивов, обусловивших изменения языка.

3. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

3.1. Материал исследования и обработка данных

Ежегодный «Доклад о работе правительства» Китая — это официальный документ, написанный членами специальной редакционной группы под эгидой премьера Госсовета, заслушанный и обсужденный Всекитайским собранием народных представителей, и это важный канал информирования для Китая, призванный распространить голос Китая на международной сцене и представить объемный и объективный национальный образ Китая, поэтому «Доклады о работе правительства» (2014–2024) были выбраны в качестве корпуса, который должен быть наиболее репрезентативным и достоверным для изучения изменений цифровых аббревиатур во времени. В данном исследовании китайские и русские тексты «Докладов о работе правительства» с 2014 по 2024 год были получены через сайт «Теория Китая». Подробности статистической характеристики корпусов представлены в таблице 1.

3.2. Методы и процедуры исследования

В данном исследовании используются методы диахронического анализа, и исследование делится на три этапа: во-первых, в данной работе отобраны цифровые аббревиатуры (на китайском языке и их эквиваленты из русских переводов) в каждом годовом Докладе из самостоятельно созданного корпуса, затем они классифицируются и маркируются, чтобы сформировать общий корпус цифровых аббревиатур и описать их типы и особенности; во-вторых, на основе общего корпуса подсчитываются цифровые аббревиатуры того же типа по годам для формирования подбазы цифровых аббре-

виатур того же типа в Докладах с 2014 по 2024 год (всего 6), затем из 6 подбаз в качестве корпуса исследования выбираются высокочастотные цифровые аббревиатуры и их русские переводы каждого типа (количество употреблений ≥ 3) и анализируются особенности изменений русских переводов цифровых аббревиатур в Докладах за годы, а на основе результатов этого анализа обобщаются принципы перевода цифровых аббревиатур; наконец, прослеживается связь языка с соответствующими социокультурными контекстами и исследуются глубинные мотивы, определяющие изменения русских переводов цифровых аббревиатур в Докладах.

3.3. Цели исследования

Данное исследование направлено на решение следующих вопросов:

1. Сколько типов цифровых аббревиатур встречается в Докладах? Какие цифровые аббревиатуры появляются в Докладах в течение нескольких лет подряд? Каковы особенности цифровых аббревиатур в Докладах?

2. Каковы особенности изменений русского перевода цифровых аббревиатур в Докладах с течением времени? И что результаты анализа особенностей изменений говорят нам о принципах перевода цифровых аббревиатур?

3. Какие глубинные мотивы лежат в основе изменений русских переводов цифровых аббревиатур?

4. РЕЗУЛЬТАТЫ И АНАЛИЗ

4.1. Виды и особенности цифровых аббревиатур в Докладах

На основе классификации Ван Ронгпя [1990] были подсчитаны и классифицированы все цифровые аббревиатуры, встречающиеся в «Докладах» с 2014 по 2024 год, и в общей сложности было отобрано 184 цифровых аббревиатур, которые можно разделить на четыре основные типа, а именно: стандартный, совместный, подчиненный и главный, и метафорический тип. Как видно из Таблицы 2, частота цифровых аббревиатур в «Докладах» с 2014 по 2024 год демонстрирует колебания в целом, среди всех типов цифровые аббревиатуры стандартного типа с одинаковыми морфемами встречаются в Докладах наиболее часто, достигая количества 83 раз.

Таблица 1. Сравнительный китайско-русский корпус Докладов (2014–2024)

languages	token	type	number	time span
Chinese	85085	9470	11	11
Russian	140345	16211	11	11

Таблица 2. Таблица типов цифровых аббревиатур в «Докладах»

Год/тип	стандартный с одинаковыми морфемами	совместный		подчинённый и главный		метафора	все
		двойной	тройной	определяющее слово	поясняемое слово		
2014	2	2	0	4	1	1	10
2015	6	1	0	6	1	1	15
2016	8	5	0	3	1	1	18
2017	9	6	2	4	1	1	23
2018	10	6	1	5	1	2	25
2019	8	6	1	1	0	2	18
2020	8	2	0	0	1	2	13
2021	7	3	1	0	1	1	13
2022	8	2	0	0	3	1	14
2023	8	6	0	2	0	1	17
2024	9	4	0	3	1	1	18
все	83	43	5	28	11	14	184

Цифровые аббревиатуры — это не только языковая форма в Докладе, но и важный инструмент для отражения пульса политического развития Китая и выражения идей. Наиболее характерной особенностью является их яркая китайская специфика. С точки зрения состава, цифровые аббревиатуры образуются путем сочетания цифр и аббревиатурных морфем, что соответствует образу мышления и привычке ханьцев подчеркивать значение и пренебрегать формой [Кан Чжэвэнь 2017: 38]; с точки зрения содержания, цифровые аббревиатуры затрагивают различные аспекты, такие как внутренние и внешние дела Китая, жизнь народа и т. д. Кроме того, цифровые аббревиатуры существенно связаны с характеристиками конкретного периода развития страны. Китайские мысли, теории, принципы или политические программы каждого периода обобщены в воспринимаемых и легко запоминающихся цифровых аббревиатурах, которые продвигаются и распространяются через различные документы. Например, в 2015 году китайское правительство официально опубликовало

документы, связанные с инициативой «Один пояс и Один путь», а с 2016 года это цифровая аббревиатура появлялась в Докладах.

4.2. Анализ и размышление о диахронических изменениях русских переводов цифровых аббревиатур в Докладах

По данным таблицы 3 видно, что существует 24 цифровых аббревиатуры, которые часто встречаются в Докладах с 2014 по 2024 год (128 раз), что составляет почти 70 % всех цифровых аббревиатур, поэтому выбор этих 24 цифровых аббревиатур для исследования диахронических изменений русских переводов обладает репрезентативностью и достоверностью. Среди часто встречающихся в Докладах цифровых аббревиатур наибольшую долю составляет стандартный тип с одинаковыми морфемами, а некоторые цифровые аббревиатуры, такие как «одна страна — две системы» и «один пояс — один путь», никогда не «отсутствовали» в Докладах с момента их появления.

Таблица 3. Таблица цифровых аббревиатур, часто встречающихся в «Докладах»

	Конкретные типы	Количество (24)	(частота встречаемости ≥ 3)
стандартный	с одинаковыми морфемами	12	八项规定 (5); 四个全面 (5); 两个一百年 (3); 五位一体 (4); 四个意识 (8); 两个毫不动摇 (5); 四个自信 (7); 两个维护 (6); 六稳 (4); 六保 (4); 两个确立 (3); 两项补贴 (3)
совместный	двойной	4	一国两制 (11); 一带一路 (9); 双随机、一公开 (5); 两学一做 (3)
	тройной	1	三去一降一补 (4)
подчинённый и главный	определяющее слово	3	三个代表重要思想 (5); 三农问题 (5); 三公经费 (6)
	поясняемое слово	2	约法三章 (5); 长三角 (4)
метафора		2	四风 (10); 三大攻坚战 (4)

4.2.1. Особенности изменений русских переводов цифровых аббревиатур

Русские переводы этих 24 цифровых аббревиатур в Докладах с 2014 по 2024 год демонстрируют тенденцию к упрощению лексики, конвенционализации выражений и адекватности лексических единиц.

4.2.1.1. Упрощение лексем

Упрощение (simplification) — это подгипотеза в исследовании переводческих соответствий, предложенная Моной Бейкер [Baker 1996: 176], которая считает, что существует тенденция к упрощению переводного языка с точки зрения лексических, синтаксических или стилистических аспектов по сравнению с исходным языком. Впоследствии Лавиоза [Laviosa 1998: 5] добавила, что лексическая плотность (lexical density), средняя длина предложения (mean sentence length) и высокочастотные слова (high frequency words) могут быть использованы в качестве показателя тенденции к упрощению переводного текста. С опорой на предыдущие исследования в данной работе рассматривается вопрос о том, характеризуются ли изменения русских переводов цифровых аббревиатур в Докладах упрощением с точки зрения количества и богатства лексики, и приводятся примеры (см. табл. 4 ниже). В 2013 году Си Цзиньпин, говоря о стиле выстраивания Коммунистической партии Китая (КПК), выдвинул необходимость решения проблемы «四风», т. е. формализма, бюрократизма, гедонизма и роскошества. Впоследствии «四风» впервые появились в Докладе 2014 года и продолжают встречаться

до сих пор. До 2017 года «四风» переводились как «четырёх поветрий — формализма, бюрократизма, гедонизма и роскошества»: с исключением метафорического образа «风» (ветра), уточнением, что «четыре ветра» — это четыре поведения, и добавкой, какие именно четыре типа поведения. В переводах после 2018 года слову «поветрия» предшествует прилагательное «вредный», указывая на то, что характер поведения плохой, а после 2020 года русский перевод «四风» предстает в виде «четырёх вредных поветрий», без уточнения, о каких четырех видах поведения идет речь. То же самое относится к «三公经费» и «约法三章». Русские переводы этих цифровых аббревиатур появились в 2014 году в виде «больших длинных предложений»: сначала переводится целое словосочетание, а затем даются дополнительные пояснения к стоящим за цифрами понятиям, тогда как в последующих Докладах пояснительная часть была опущена и выражение представлено только в виде «служебные расходы по трём статьям» и «три правила Госсовета». Как видно из приведенных примеров, русские переводы цифровых аббревиатур в Докладах с 2014 по 2024 год проделали путь от длинных до коротких и от сложных до простых, и переводчики неоднократно использовали в переводе одни и те же фразы для закрепления формы словосочетания, что привело к низкой степени лексической вариативности, высокой частоте повторов, а это является проявлением тенденции к «упрощению» лексики.

Таблица 4. Примеры «упрощения» изменений русских переводов цифровых аббревиатур в Докладах с 2014 по 2024 год

Китайский	Год возникновения	Русский перевод
四风	2014-2017	« четырёх поветрий» — формализма, бюрократизма, гедонизма и роскошества
	2018	четыре вредных поветрия — формализм, бюрократизм, гедонизм и роскошество
	2019	« четырёх вредных поветрий» — формализма, бюрократизма, гедонизма и погони за роскошью
	2020, 2022-2024	« четыре вредных поветрия»
三公经费	2014	все бюджетные расходы на служебные приемы, служебные автомашины и служебные заграничные командировки
	2015	«служебные расходы по всем трём статьям»
	2017-2019, 2023	служебные расходы «по трём статьям»
约法三章	2014, 2016	« трёх правил» / включающих запрет на строительство новых правительственных служебных зданий и прочих сооружений, сокращение штатов бюджетников, снижение расходов на служебные зарубежные командировки, на приобретение и эксплуатацию служебных автомашин, а также и на служебные приемы
	2015	« три правила» Госсовета
	2017, 2018	« три правила» Госсовета

Таблица 5. Примеры «конвенционализации» изменений русских переводов цифровых аббревиатур в Докладах с 2014 по 2024 год

Китайский	Год возникновения	Русский перевод
八项规定	2014-2015, 2019-2021	« восемь установок» ЦК КПК
六稳	2020-2023	«работы по стабилизации шести сфер» — трудоустройства, финансовой системы, внешней торговли, внутренних и внешних инвестиций и рыночных ожиданий
两学一做	2017-2019	учебно-воспитательные мероприятия, посвященные изучению Устава КПК, партийных норм и важнейших выступлений генерального секретаря Си Цзиньпина с целью воспитания себя достойными коммунистами
三农	2014-2017, 2024	(...) сельского хозяйства, села и крестьянства
长三角	2020-2022, 2024	региона «Большого залива» Гуандун — Сянган — Аомэнь
三大攻坚战	2018-2021	« три сложнейшие задачи»

4.2.1.2. Конвенционализация выражения

Язык является связующим звеном между социальными и когнитивными явлениями [Halverson & Kotze 2021]. С когнитивной точки зрения, увеличение частоты употребления языка способствует его закреплению в мозгу и тем самым стимулирует его более широкое распространение. Укоренившиеся выражения постепенно образуют рутинное словоупотребление, а после признания обществом и властью — общие нормы [Пан Шуанцзы, Ван Кэфэй 2023: 86]. Наблюдение за корпусом показывает, что изменения русских переводов цифровых аббревиатур в Докладах с 2014 по 2024 год характеризуются конвенционализацией (conventionalized) выражений. Китай является типичной сельскохозяйственной страной, сельское хозяйство, село и крестьянство всегда были важными вопросами для китайской партии и правительства, и поэтому цифровая аббревиатура «三农» часто появляется в китайском политическом дискурсе. Во всех китайских политических документах (включая Доклады) эта цифровая аббревиатура последовательно переводится как «сельское хозяйство, село и крестьянство». Такая формулировка стала нормой в Китае и даже в мире и превратилась в унифицированное выражение в форме цифровой аббревиатуры. Много цифровых аббревиатур, таких как «六稳», «两学一做», «三大攻坚战», также часто встречается в унифицированном виде в Докладах с 2014 по 2024 год. Изменения русских переводов цифровых аббревиатур в Докладах происходили в соответствии со следующей процедурой: конвенция (convention) — укоренение (entrenchment) — приводимое в действие (driven) [Halverson & Kotze 2021: 72]. При переводе этих основных понятий Китай настаивает на унифицированном переводе и увеличении их частоты использования, чтобы повысить степень их укорененности в восприятии объектов коммуникации, за счет чего постепенно образуются

конвенциональные выражения на международной арене.

4.2.1.3. Адекватность лексем

Русские переводы цифровых аббревиатур в Докладах в ходе диахронических изменений претерпели лексические изменения, которые в целом можно разделить на изменения лексем в характере (коннотациях) и в значении. Во-первых, изменился характер лексики: самая частотная цифровая аббревиатура — «一带一路». Совместное строительство «Одного пояса и Одного пути» — важная инициатива, выдвинутая Китаем в XXI веке, и данная цифровая аббревиатура впервые появилась в Докладе 2016 года и была переведена как «экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века („одного пояса и одного пути“») / «стратегии „один пояс и один путь“», однако в мире перевод был встречен негативно и скептически. Причиной тому является слово «стратегия». Для Китая термин «стратегия» используется потому, что «один пояс и один путь» — это принятая национальная стратегия Китая, которая относится к внутренней политике; в то время как иностранные СМИ определяют из-за этого выражения «один пояс и один путь» как китайский «план Маршалла», и зарубежные СМИ рассуждают, что каждая страна имеет независимость, национальный суверенитет, в свете чего выглядит подозрительным, что Китай реализует «стратегию». Таким образом, употребленная лексика напрямую привела к тому, что международное сообщество стало неправильно понимать истинное значение «одного пояса и одного пути». Соответственно, китайское информационное агентство «Синьхуа» в конце 2016 года указало, что вместо термина «Стратегия одного пояса и одного пути» следует употреблять выражение «Инициатива одного пояса и одного пути». «Инициатива» дает понять, что «один пояс и один путь» — это не то, что может быть реализовано только Китаем, а то, что

Китай, как инициатор, призывает все страны, расположенные вдоль маршрута, принять участие в строительстве «одного пояса и одного пути». Поэтому и русский перевод «一带一路» изменился со «стратегия одного пояса и одного пути» на «инициатива одного пояса и одного пути». Во-вторых, меняются значения слов: возьмем пример с «两个维护» — эта цифровая аббревиатура впервые появилась в 2019 году, и она была переведена как «статус генерального секретаря Си Цзиньпина как руководящего ядра ЦК КПК и всей партии, неукоснительно сохранять авторитет ЦК КПК и его единое централизованное руководство». «维护» представлено словом «сохранять», что означает просто «хранить что-либо», в то время как «两个维护» подчеркивают необходимость «защищать». Поэтому после 2020 года слово «сохранять» будет изменено на «защищать», что подчеркивает значение «защищать кого-то/что-то от нарушения или потери». Тем самым оптимально выражается глубокий политический смысл «两个维护» и в то же время перевод более соответствует привычному словоупотреблению русского языка. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что русские переводы цифровых аббревиатур в «Докладах» демонстрируют тенденцию к более адекватному использованию лексики с течением времени.

4.2.2. Рекомендации для перевода цифровых аббревиатур

Результаты приведенного выше анализа являются поучительными для перевода цифровых аббревиатур на русский язык. Согласно приведенному анализу, цифровые аббревиатуры в Докладах — это политические термины в сжатой форме, более богатые по содержанию, чем обычные политические термины, и аббревиатуры не просто содержат сопоставления, а имеют строгие логические коннотации. Если не объяснить эти цифровые аббревиатуры в переводе, то возрастут трудности чтения для русскоязычной аудитории, не разбирающейся в соответствующей политической культуре. Во-вторых, политический и легкий в распространении характер цифровых аббревиатур также требует, чтобы они были представлены как можно более единообразно. Таким образом, хотя в Докладах существует множество различных русских переводов цифровых аббревиатур и в настоящее время нет единых стандартов или норм, все они следуют принципам верности с точки зрения содержания, понятности с точки зрения формы и единства с точки зрения выражения.

Прежде всего при переводе цифровых аббревиатур необходимо серьезно заняться их коннотациями и соответствующим образом дополнять текст. Цифровые аббревиатуры политически влиятельны и богаты по содержанию, и при переводе на русский язык необходимо не только передавать поверхностное, буквальное значение терминов, но и выражать их глубокую политическую коннотацию. В то же время, чтобы сохранить семантическую связность и представить полное значение терминологии, когда цифровые аббревиатуры появляются впервые, их можно перевести методом прямого перевода и интерпретации, чтобы восполнить недостающую политическую и культурную информацию и в полной мере отобразить их идею и содержание. Соблюдение этого принципа перевода не только избавляет распространение цифровых аббревиатур за рубежом от двусмысленности, но и устраняет препятствия для чтения у русскоязычной аудитории. Во-вторых, переводческая стратегия «иностранизации» (foreignization) должна использоваться в процессе перевода надлежащим образом. Требование, чтобы русские переводы цифровых аббревиатур полностью передавали коннотацию термина, заставляет использовать в процессе перевода такую переводческую стратегию, как «иностранизация», но в силу различий в словоупотреблении двух языков «иностранизация» в процессе перевода на русский язык должна также корректироваться принципом соответствия нормам русского языка, иначе придется столкнуться с дилеммой использования «китайского русского».

Наконец, при переводе следует обращать внимание на единство выражения цифровых аббревиатур. Идеологические, культурные и языковые факторы затрудняют понимание, и иногда возникает недопонимание русскоязычной аудиторией цифровых аббревиатур в политической области с богатой коннотацией. В связи с этим первым шагом должно стать осуществление унифицированного выражения русских переводов цифровых аббревиатур в Китае и полное использование позитивной конструктивной функции языковой коммуникации, следует постоянно интерпретировать унифицированный перевод цифровых аббревиатур, чтобы аудитория постепенно поняла и приняла единый китайский перевод с точки зрения выражения, даже если еще не может согласиться с содержащимися в нем политическими идеями с точки зрения познания. Это не изменение выражения для ассимиляции, не игнорирование привычек целевого языка для соответствия, а скорее процесс распростра-

нения основных политических концепций с китайской спецификой в мире с одновременным уважением особенностей целевого языка, насколько это возможно с точки зрения языковых привычек, и настойчивом повторном объяснении терминов в основных концепциях, чтобы аудитория могла постепенно понять и принять выражение китайского политического дискурса через постепенный и накопительный долгосрочный процесс постоянного усиления в ее когнитивном восприятии [Доу Вэйлинь 2016: 107]. Для этого соответствующий китайский отдел может сформулировать более стандартизированный список слов цифровых аббревиатур и единообразно оформить их перевод на русский язык. В то же время мы не можем удовлетвориться существующими нормативными выражениями, хотя на микроуровне можно использовать метод «сочетания перевода и интерпретации», чтобы посредством «интерпретации» эффективно распространять сведения о коннотации каждой цифровой аббревиатуры и уменьшать возможное недопонимание.

4.3. Мотивы изменения русских переводов цифровых аббревиатур

Рассмотрение и изучение переводческой деятельности в историческом и культурном контексте языка перевода помогает понять суть перевода и найти корни возникновения переводческой деятельности [Хэ Хуацян Чжоу Гуйцзюнь 2022: 60]. Изменение русских переводов аббревиатур в Докладах с 2014 по 2024 год была постепенным процессом, за которым стоит совместная роль и влияние идеологических, социальных, культурных и других факторов.

4.3.1. Идеология

Согласно Лефевру [Lefevere 1962], перевод можно рассматривать как переписывание оригинального текста, а любое переписывание отражает определенную социальную идеологию. Изменения русских переводов цифровых аббревиатур в Докладах отражают смену доминирующей идеологии в разные периоды времени. В начале XXI века международное общественное мнение всё еще находилось в ситуации доминирования концепции «Запад силен, а Восток слаб», и в это время влияние на русский перевод цифровых аббревиатур в Докладах оказывала идеология, ориентированная на Запад, а эта идеология побудила китайских переводчиков принять переводческую стратегию одомашнивания (*domestication*), направленную на то, чтобы «русские переводы цифровых аббревиатур были понятны русским читателям». Китайский дискурс в этот период на-

ходился в состоянии молчания, и русскоязычная аудитория могла неправильно истолковать переводы подобных политических терминов. По мере роста совокупной мощи государства Китая и выдвижения политики «хорошо распространять голос Китая», Китай начал уделять больше внимания переводу и распространению своего политического дискурса в зарубежных странах, и неравноправная ситуация «Запад силен, а Восток слаб» улучшилась с появлением признаков кризиса основной идеологии, ориентированной на западную культуру, и постепенным акцентом на восточные идеи и культуру. В этот период интерпретация цифровых аббревиатур переводчиками перешла в стадию адекватности и точности, они уже не просто стремились сделать перевод понятным для иностранной аудитории, а стали придавать большое значение верности перевода на основе удобочитаемости, что ознаменовало начало инициативы Китая по подключению к международной системе дискурса и попытке повлиять на международную систему дискурса своими выражениями. По мере продолжения развития в благоприятном ключе российско-китайских отношений и роста политического взаимного доверия, российско-китайские политические и культурные обмены вступили в новый этап развития. Русские переводы цифровых аббревиатур в Докладах были сделаны под влиянием основной идеологии, такой как «мир и развитие», и продемонстрировали тенденцию развития равенства и конвенционализации.

4.3.2. Усиление совокупной мощи государства и права голоса

Изменения русских переводов цифровых аббревиатур в Докладах с 2014 по 2024 год отражают изменения как переводческой стратегии, так и отношений иностранных аудиторий к переводу. Вначале, поскольку большинство цифровых аббревиатур в Докладах были новыми выражениями и понятиями с китайской политической и культурной коннотацией, переводчики часто придерживались стратегии перевода «одомашнивания», используя переводы, более соответствующие нормам русского языка, чтобы добиться понимания и признания аудитории. Однако в силу ряда причин, таких как культурные различия между Россией и Китаем и недостаточное право голоса Китая на международной арене, такие русские переводы не достигли желаемого эффекта, и большинство русскоязычной аудитории не понимало значения этих цифровых аббревиатур. По мере роста совокупной мощи государства и международного статуса Китая, Китай начал подчеркивать необходимость укрепле-

ния системы внешнего дискурса и формирования на международной арене права голоса, соразмерного совокупной мощи и международному статусу Китая, и мировое признание китайской культуры тоже возросло. На этом этапе меняется и переводческое сознание и стратегия переводчика: от полного одомашнивания постепенно переходят к одомашниванию как основной стратегии и иностранзации как дополнению, т. е. когда трудно найти соответствующие аутентичные выражения в русском языке, для перевода цифровых аббревиатур используются некоторые выражения с китайской спецификой. Русскоязычная аудитория, осознав, что в Китае то или иное выражение стало обычным, постепенно перешла от непонимания к пониманию и принятию этого уникального выражения, даже если реципиенты всё еще не были полностью согласны с лежащей в его основе политической коннотацией. Причина этих явлений заключается в том, что постепенное укрепление совокупной мощи государства Китая привело к постепенному росту его права голоса в мире, а также «желание» мира прислушаться к Китаю также растет, и в этом случае «китайское выражение» имеет возможность быть воспринятым русскоязычной аудиторией и даже распространиться в России.

4.3.3. Когнитивные и культурные различия

Когда переводческая деятельность затрагивает культурные и политические факторы, спор сторонников буквального перевода и свободного перевода, всегда существовавший в переводческом мире, перерастает в спор между одомашниванием и иностранзацией [Дю Вэйлинь 2016: 107]. В начале XXI века при переводе китайского политического дискурса придерживались принципа, согласно которому перевод должен быть строго верен оригинальному тексту, но культура и образ мышления русского и китайского народов отличаются, русскоязычной аудитории трудно понять, а тем более согласиться и принять политические цифровые аббревиатуры с китайской культурной коннотацией, исходя из собственного когнитивного мышления и культурного фона. В связи с этим многие ученые четко указывают на то, что перевод политического дискурса должен соответствовать китайским условиям и в то же время быть соотносимым с иностранными дискурсивными системами и выражениями [Хуан Юйи 2014], и в перевод китайских основных политических терминов были внесены некоторые изменения. Однако по мере того, как китайский политический дискурс продолжает распространяться в мире, воз-

никают новые проблемы. Чжоу Мингвей, директор Бюро иностранных языков Китая, отметил, что различные переводы некоторых основных политических терминов Китая привели к непониманию иностранной аудиторией концепций и моделей развития Китая. По этой причине Китай предпринял ряд действий по вопросу единообразного выражения в переводе дискурсов, таких как создание многоязычной платформы для выпуска новостей «Ключевые слова Китая», составление многоязычных параллельных текстов с некоторыми основными политическими терминами и тематические публикации, посвященные им, в «China Online», а также установление приоритетных прав на определение и интерпретацию ключевых слов Китая в международном общественном мнении [Дю Вэйлинь 2016: 107]. Исходя из вышесказанного, русские переводы цифровых аббревиатур в Докладах также пережили тенденцию изменений от множественности к постепенной конвенционализации.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном исследовании на основе диахронического анализа рассматриваются изменения русских переводов цифровых аббревиатур в Докладах с 2014 по 2024 год. Выяснилось, что цифровые аббревиатуры в Докладах имеют яркую китайскую специфику, а также несут на себе существенные характеристики политико-исторического периода и могут быть разделены на четыре типа: стандартный, совместный, подчиненный и главный, и метафорический тип, а диахронические изменения их русских переводов показывают тенденцию к упрощению лексем, конвенционализации выражений и повышению адекватности лексем. Анализ особенностей изменений русских переводов цифровых аббревиатур является полезным для перевода цифровых аббревиатур на русский язык: в процессе перевода необходимо следовать принципам верности с точки зрения содержания, понятности с точки зрения формы и единства с точки зрения выражения. Кроме того, изменения языка в конечном итоге являются результатом сочетания социокультурных и других факторов. Доминирующая идеология в разные периоды, усиление совокупной мощи государства и права голоса Китая, а также различия в мышлении и культуре России и Китая привели к изменениям в русских переводах цифровых аббревиатур в Докладах с 2014 по 2024 год. В целом отношение русскоязычной аудитории к русским переводам цифровых аббревиатур в Докладах прошло процесс развития от полного непонимания,

неправильной интерпретации, до принятия, а эти изменения фактически отразили непрерывную трансформацию статуса китайского дискурса на международной арене и роли, которую он играет в мире.

В настоящее время отношения между Россией и Китаем находятся на самом высоком уровне за всю историю, и систематический анализ изменений русских переводов цифровых аббревиатур в Докладах не только способствует переводу и распространению китайского дискурса в России, но и может способствовать дружеским обменам и контактам между народами России и Китая. Однако из-за ограниченного объема статьи корпус данного исследования состоит только из «Докладов о работе правительства» за последние десять лет, и в будущем корпус исследования может быть расширен для продолжения исследований в этой области.

ИСТОЧНИКИ

1. Теория Китая — Теория Китая на русском языке (theorychina.org.cn). — URL: <https://ru.theorychina.org.cn/>.
2. Си, Цзиньпин. Си Цзиньпин: о государственном управлении (том 2) / Си Цзиньпин. — Пекин: Издательство иностранных языков, 2017. — Текст: непосредственный = 习近平. 习近平谈治国理政(第二卷)[M]. 外文出版社, 2017.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Доу, Вэйлинь. Эмпирическое исследование эффективности перевода официальных лозунгов / Доу Вэйлинь, Чжу Пин. — Текст: непосредственный // Китайский перевод. — 2009. — No. 05. — С. 61-65+95-96. = 窦卫霖, 祝平. 对官方口号翻译有效性的实证研究[J]. 中国翻译, 2009, No. (05): 61-65+95-96.
2. Доу, Вэйлинь. Исследование иностранного перевода и коммуникативной стратегии политического дискурса — на примере английского перевода «китайских ключевых слов» / Доу Вэйлинь. — Текст: непосредственный // Китайский перевод. — 2016. — No. 03. — С. 106–112. = 窦卫霖. 政治话语对外翻译传播策略研究——以“中国关键词”英译为例[J]. 中国翻译, 2016, No. (03): 106-112.
3. Цай, Лицзянь. Анализ английского перевода государственных официальных документов / Цай Лицзянь. — Текст: непосредственный // Китайский перевод. — 2015. — No. 06. — С. 81-87. = 蔡义坚. 政府公文英译浅析[J]. 中国翻译, 2015, No. (06): 81-87.
4. Хэ, Хуацянь. Исследование эволюции английского перевода «Дао дэ цзина» и его мотивации — статистика и анализ на основе английского перевода основного понятия «Дао» / Хэ Хуацянь, Чжоу Гуйцзюнь. — Текст: непосредственный // Язык и перевод. — 2022. — No. 04. — С. 56–61 = 何华倩, 周桂君. 《道德经》英译的历时演变及其动因研究——基于核心概念“道”英译的统计与分析[J]. 语言与翻译, 2022, No. (04): 56-61.
5. Хуан, Юйи. Придание значения внешнему переводу партийной и государственной литературы для укрепления построения системы внешнего дискурса / Хуан Юйи, Хуан Чанци, Дин Цзе. — Текст: непосредственный // Китайский перевод. — 2014. — No. 03. — С. 5-7. = 黄友义, 黄长奇, 丁洁. 重视党政文献对外翻译, 加强对外话语体系建设[J]. 中国翻译, 2014, No. (03): 5-7.
6. Кан, Чжэвэнь. Анализ русского перевода китайских цифровых сокращений — на примере цифровых сокращений в центральной литературе / Кан Чжэвэнь. — Текст: непосредственный // Изучение русского языка. — 2017. — No. 04. — С. 38–43. = 康喆文. 汉语数字缩略语俄译探析——以中央文献中的数字缩略语为例[J]. 俄语学习, 2017, No. (04): 38-43.

7. Пань, Дэн. Перспективы теории функционального перевода при переводе современной китайской политической терминологии для иностранной пропаганды — на примере «четырёх всеобъемлющих» / Пань Дэн, Чэнь Яньфань. — Текст: непосредственный // Журнал Хубэйского института науки и техники. — 2016. — No. 11. — С. 32–37 = 潘登, 陈艳芳. 功能翻译理论视角下的中国时政术语外宣翻译——以“四个全面”为例[J]. 湖北科技学院学报, 2016, No. (11): 32-37.

8. Пан, Шуанцзы. Исследование эволюции стилистических особенностей литературных переводных и оригинальных текстов на основе эфемерного корпуса / Пан Шуанцзы, Ван Кэфэй. — Текст: непосредственный // Иностранные языки (журнал Шанхайского университета международных исследований). — 2023. — No. 06. — С. 78-88. = 庞双子, 王克非. 基于历时语料库的文学翻译文本和原创文本语体特征演变研究[J]. 外国语(上海外国语大学学报), 2023, No. (06): 78-88.

9. Си, Сяньчжу. Перевод иностранного политического дискурса: принципы, стратегии и эффективность — на примере английского перевода книги Си Цзиньпина о государственном управлении / Си Сяньчжу, Цзэн Цзяньпин. — Текст: непосредственный // Шанхайский перевод. — 2021. — No. 02. — С. 18-24. = 司显柱, 曾剑平. 对外政治话语翻译: 原则、策略、成效——以《习近平谈治国理政》的英译为例[J]. 上海翻译, 2021, No. (02): 18-24.

10. Ван, Ронгпей. Сравнительное исследование китайских и английских числовых сокращений / Ван Ронгпей. — Текст: непосредственный // Иностранные языки (журнал Шанхайского института иностранных языков). — 1990. — No. 03. — С. 3-9. = 汪榕培. 数字式略语的汉英对比研究[J]. 外国语(上海外国语学院学报), 1990, No. (03): 3-9.

11. Ван, Цзинь. Исследование стратегии иностранного перевода числовых сокращений в правительственных официальных документах с точки зрения модальной теории — на примере книги Си Цзиньпина о государственном управлении / Ван Цзинь, Цзяо Лунфань. — Текст: непосредственный // Изучение иностранных языков стран Северо-Восточной Азии. — 2022. — No. 02. — С. 115–127 = 王俭, 姜龙范. 模因论视域下政府公文数字略语的对外翻译策略研究——以《习近平谈治国理政》为中心[J]. 东北亚外语研究, 2022, No. (02): 115-127.

12. Сюй, Минцянь. Муки перевода иностранной пропаганды / Сюй Минцянь. — Текст: непосредственный // Китайский перевод. — 2014. — No. 03. — С. 11–12. = 徐明强. 外宣翻译的苦恼[J]. 中国翻译, 2014, No. (03): 11-12.

13. Янь, Вэньбинь. «Интересный» политический дискурс в иностранной коммуникации / Янь Вэньбинь. — Текст: непосредственный // Китайский перевод. — 2015. — No. 05. — С. 8–10. = 严文斌. “趣”说政治话语对外传播[J]. 中国翻译, 2015, No. (05): 8-10.

14. Чжан, Лифань. Оцифровка слогов: не будьте слишком большими / Чжан Лифань. — Текст: непосредственный // Yanhuang Chunqiu. — 2006. — No. 09. — С. 71. = 章立凡. 口号数字化 数码别太大[J]. 炎黄春秋, 2006, No. (09): 71

15. Baker, M. Corpus-based Translation Studies: the challenges that lie ahead / M. Baker. — Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1996. — Text: unmediated.

16. Laviosa, S. Core Patterns of Lexical Use in A Comparable Corpus of English Narrative Prose / S. Laviosa. — Meta, 1998. — Text: unmediated.

17. Lefevere, A. Translation/History/Culture: A Source Book / A. Lefevere. — London, New York: Routledge, 1992. — Text: unmediated.

18. Halverson, S. Sociocognitive Constructs in Translation and Interpreting Studies (TIS): Do We Really Need Concepts Like Norms and Risk When We Have a Comprehensive Usage-Based Theory of Language? / S. Halverson, H. Kotze. — Milton: Taylor and Francis, 2021. — Text: unmediated.

MATERIALS

1. *Theory China Russian* (theorychina.org.cn). Retrieved from <https://ru.theorychina.org.cn/>.

2. Xi Jinping (2017). *Xi Jinping on Governance* (Volume II). Beijing: Foreign Languages Press. (In Chinese)

REFERENCES

1. Dou Weilin, Zhu Ping (2009). An Empirical Study on the Effectiveness of Translation of Official Slogans. *China Translation*, 05, 61-65+95-96. (In Chinese)
2. Dou Weilin (2016). Research on the Communication Strategy of Foreign Translation of Political Discourse — Taking the English Translation of “Chinese Keywords” as an Example. *China Translation*, 03, 106-112. (In Chinese)
3. Cai Lijian (2015). An Analysis of English Translation of Government Documents. *China Translation*, 06, 81-87. (In Chinese)
4. He Huaqian, Zhou Guijun (2022). A Study on the Evolution of the English Translation of the Tao Te Ching and Its Motivation — Statistics and Analysis Based on the English Translation of the Core Concept “Tao”. *Language and Translation*, 04, 56-61. (In Chinese)
5. Huang Youyi, Huang Changqi, Ding Jie (2014). Emphasizing the External Translation of Party and Government Literature to Strengthen the Construction of External Discourse System. *Language and Translation*, 03, 5–7. (In Chinese)
6. Kang Zhewen (2017). An Analysis of the Russian Translation of Chinese Numerical Abbreviations — Taking the Numerical Abbreviations in Central Government Documents as an Example. *Russian Language Learning*, 04, 38–43. (In Chinese)
7. Pan Deng, Chen Yanfang (2016). Functional Translation Theory Perspectives on the Translation of Chinese Current Political Terminology for Foreign Propaganda — Taking “Four Comprehensives” as an Example. *Journal of Hubei Institute of Science and Technology*, 11, 32–37. (In Chinese)
8. Pang Shuangzi, Wang Kefei (2023). A Study on the Evolution of Stylistic Features of Literary Translated Texts and Original Texts Based on Ephemeral Corpus. *Foreign Languages (Journal of Shanghai International Studies University)*, 06, 78-88. (In Chinese)
9. Si Xianzhu, Zen Jianping (2021). Translation of Foreign Political Discourse: Principles, Strategies, and Effectiveness — Taking the English Translation of Xi Jinping on Governance as an Example. *Shanghai Translation*, 02, 18–24. (In Chinese)
10. Wang Rongpei (1990). A Comparative Study of Chinese and English Numerical Abbreviations. *Foreign Languages (Journal of Shanghai Foreign Language Institute)*, 03, 3–9. (In Chinese)
11. Wang Jian, Jiang Longfan (2022). A Study on Foreign Translation Strategies of Numerical Abbreviations in Government Documents under the Perspective of Modal Theory: focusing on Xi Jinping on the Governance of the Country. *Northeast Asian Foreign Language Studies*, 02, 115–127. (In Chinese)
12. Xu Mingqiang (2014). The Agony of Foreign Propaganda Translation. *China Translation*, 03, 11–12. (In Chinese)
13. Yan Wenbin (2015). “Interesting” Political Discourse on Foreign Communication. *China Translation*, 05, 8–10. (In Chinese)
14. Zhang Lifan (2006). Digitalization of Slogans: Don't be too big. *Yanhuang Chunqiu*, 09, 71. (In Chinese)
15. Baker, M. (1996). *Corpus-based translation studies: the challenges that lie ahead*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
16. Laviosa, S. (1998). *Core Patterns of Lexical Use in A Comparable Corpus of English Narrative Prose*. Meta.
17. Lefevere, A. (1992). *Translation/History/Culture: A Source Book*. London, New York: Routledge.
18. Halverson, S. (2021). *Sociocognitive Constructs in Translation and Interpreting Studies (TIS): Do We Really Need Concepts Like Norms and Risk When We Have a Comprehensive Usage-Based Theory of Language?* Milton: Taylor and Francis.

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 811.581'42+811.161.1'25+81'27
ББК Ш171.1-51+Ш118+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Ли Ян

Коммерческий институт Наньго при Гуандунском университете иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, Китай, liyang9110@vip.qq.com, <https://orcid.org/0009-0001-4793-8069>

Использование политической метафоры в третьем томе труда «Си Цзиньпин о государственном управлении»

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья продолжает исследование, инициированное автором в предшествующей публикации «Метафорические выражения в книге „Си Цзиньпин о государственном управлении“ (том III)». Цель статьи состоит в реализации объемного исследования политических концептуальных метафор, используемых генеральным секретарем КНР Си Цзиньпином. Материалом для лингвистического анализа выступает текст тома III книги «Си Цзиньпин о государственном управлении» в переводе на русский язык. В рамках исследования автор обращается к методам идентификации и классификации. В результате в тексте идентифицированы шесть исходных доменов и метафорические выражения в соответствии с источниками классифицированы по шести типам концептуальных метафор: метафоры животных, метафоры машин, метафоры горы, метафоры семьи, метафоры погоды, метафоры цветов. Подходы к переводу метафор обобщаются исходя из принципа теории релевантности. В заключение лингвистического анализа выявленные типы концептуальных метафор и подходы к переводу метафор сведены в сравнительную таблицу, позволяющую проследить закономерности перевода. Представленные в статье результаты исследования могут послужить основой для дальнейших изысканий в области политического перевода метафор и направить переводчиков к более адекватному толкованию метафор в речи Си Цзиньпина.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, когнитивная лингвистика, языковые средства, языковые единицы, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, политические метафоры, концептуальные метафоры, метафорические выражения, теория релевантности, лингвистический анализ, средство языковой выразительности, политические тексты, китайские политики, политические деятели, китайский язык, переводоведение, политический перевод, переводческая деятельность, русские переводы, Си Цзиньпин.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ли Ян, кандидат филологических наук, старший преподаватель, зав. кафедрой, институт европейских языков и культур, Коммерческий институт Наньго при Гуандунском университете иностранных языков и международной торговли; 510545, Китай, пров. Гуандун, пр-т Лянтяньчжунлу, 181; email: liyang9110@vip.qq.com.

БЛАГОДАРНОСТИ. Статья выполнена при поддержке гранта Центра многоязычных переводов и распространения китайской культуры, ключевой исследовательской базы гуманитарных и социальных наук в университетах Гуандуна (ID: 2021WZJD008).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ли, Ян. Использование политической метафоры в третьем томе труда «Си Цзиньпин о государственном управлении» / Ли Ян. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 316-323.

Li Yang

South China Business College of Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, Guangdong, China, liyang9110@vip.qq.com, <https://orcid.org/0009-0001-4793-8069>

The Use of Political Metaphor in the Third Volume of Xi Jinping's “The Governance of China”

ABSTRACT. This article continues the research initiated by the authors in the previous publication “Metaphorical Expressions in the Book “The Governance of China” (Vol. III) by Xi Jinping”. The aim of the article is to conduct a comprehensive study of the political conceptual metaphors used by Chinese Secretary General Xi Jinping. The linguistic analysis is conducted on the material of the Russian translation of the text of volume III of the book “Xi Jinping: The Governance of China”. As part of the study, the author turns to the methods of identification and classification. As a result, six source domains are identified in the text and the metaphorical expressions, based on the sources, are classified into six types of conceptual metaphors: animal metaphors, machine metaphors, mountain metaphors, family metaphors, weather metaphors, and color metaphors. The approaches of the translation of metaphors are generalized based on the principle of relevance theory. In conclusion of the linguistic analysis, the author summarizes the identified types of conceptual metaphors and approaches to their translation in a comparative table that allows tracing the specific features of translation. The research results presented in the article can serve as a basis for further research in the field of political translation of metaphors and guide translators to a more adequate interpretation of metaphors in Xi Jinping's speech.

KEYWORDS: political discourse, cognitive linguistics, language means, language units, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, political metaphors, conceptual metaphors, metaphorical expressions, relevance theory, linguistic analysis, expressive language means, political texts, Chinese politicians, politicians, Chinese language, translation studies, political translation, translation, Russian translations, Xi Jinping.

© Ли Ян, 2024

AUTHOR'S INFORMATION: Li Yang, PhD, Senior Lecturer, Director of Russian Language Department, Institute of European Languages and Cultures, South China Business College of Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China.

ACKNOWLEDGMENTS. This article was supported by the grant of “The Center for Multilingual Translation Studies and Dissemination of Chinese Culture”, Key Research Base of Humanities and Social Sciences in Guangdong Universities (ID: 2021WZJD008).

FOR CITATION: Li Yang. (2024). The Use of Political Metaphor in the Third Volume of Xi Jinping's “The Governance of China”. In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 316-323. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Лидер Китайской Народной Республики в своих политических высказываниях и, в частности, в труде «Си Цзиньпин о государственном управлении» филигранно использует такое средство языковой выразительности, как метафора. Лингвистический анализ русского перевода труда позволяет усмотреть в функционировании употребляемых Си Цзиньпином метафорических выражений часть коммуникативной стратегии генерального секретаря КНР [Брижатый, Бахтина 2021: 23].

Как было отмечено в первой части исследования, в изучении русского перевода метафор в китайском политическом дискурсе специалисты придерживаются, как правило, одностороннего подхода [Ли, Юй 2024: 219]. В свою очередь, исследование русского перевода метафорических выражений через призму теории релевантности представлено ограниченно, что обуславливает актуальность и востребованность настоящей статьи.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В метафорических выражениях, представленных в труде «Си Цзиньпин о государственном управлении», исходными доменами выступают понятные и узнаваемые образы (животные, цветы, человек, механизм), а общие конструкты (политическое устройство, основы политики, система) являются целевыми доменами. В рамках когнитивной лингвистики среди подходов метафорического перевода предложены следующие: замена, перефраз, сравнение, опущение, сохранение [Ли, Ли 2022: 123].

Обратившись к методам идентификации и классификации, мы установили в тексте русского перевода труда шесть исходных доменов, в соответствии с которыми выделили шесть типов метафор: метафоры животных, метафоры машин, метафоры горы, метафоры семьи, метафоры погоды и метафоры цветов. Рассмотрим по два примера метафорических выражений в каждой из групп.

Метафоры животных

Люди имеют определенное представление об образах и характеристиках распро-

страненных животных и обладают одинаковым когнитивным опытом в повседневной жизни, поэтому у них сложился определенный консенсус относительно образных характеристик тех или иных животных. Однако в силу различных факторов, таких как географическая среда, способ передвижения и средства выживания, существуют разные представления об образах определенных животных.

(1) 整改落实要防止虎头蛇尾、久拖不决，防止搞纸上整改、虚假整改，防止以简单问责基层干部代替整改责任落实，防止以整改为名，层层填表报数，增加基层负担

В ходе упорядочения и исправления проблем следует предотвращать спад и затягивание процесса; не допускать упорядочивания и исправления только на бумаге, фиктивного упорядочения; необходимо предотвращать простую подотчетность низовых кадров, подменяющую реализацию ответственности за исправление; избегать под предлогом упорядочения требований заполнения таблиц и докладывания цифр на всех уровнях, увеличивая нагрузку на низовые организации.

Пример предложения (1) «Голова тигра, хвост змеи» 虎头蛇尾 означает, что голова большая, как у тигра, а хвост тонкий, как у змеи. Позже это выражение было расширено до значения «начать за здравие, а кончить за упокой». В первом раунде эксплицитных рассуждений переводчик точно уловил намерение оригинального текста в соответствии с контекстом исходного языка. Во втором раунде эксплицитно-рассудочного процесса с учетом когнитивной среды читателей перевода метафорическая образность была отброшена, метафорическое намерение уточнено, и перевод принял вид «предотвращать спад и затягивание процесса» (防止衰退, 延迟过程). Согласно теории релевантности, дискурсивная коммуникация — это подсознательный поиск связей. Оптимальная релевантность может быть достигнута без особых усилий за счет отказа от метафорической образности и детализации метафорического намерения, что исключает процесс распознавания метафоры читателем переводного текста.

(2) 政法机关要敢于刀刃向内、刮骨疗毒，坚决清除害群之马

Политико-правовые органы должны осмелиться направлять острие внутрь, «скрести по кости, чтобы убрать заражение», и решительно очиститься от плевел.

Пример предложения (2) «лошадь, которая весь табун портит» 害群之马 впервые встречается в «Чжуан-цзы — Разные истории — Сюй Угуй» [Чжуан-цзы 1995: 216] (庄子·杂篇·徐无鬼) и представляет собой метафору, обозначающую тех, кто вредит коллективу. Согласно аллюзии, слово «лошадь» имеет значение «вред». В языке оригинала «лошадь» раньше была незаменимым средством передвижения в жизни читателей целевого языка, и помимо использования в производстве и быту, она также использовалась на некоторых праздниках, поэтому считалась ценным животным. Учитывая вышеупомянутый когнитивный контекст языка перевода, переводчик, чтобы достичь наилучшего соответствия намерению исходного языка, обращается к образу плевел, которые влияют на рост урожая, и заменяет метафорический образ исходного языка словом «плевел», чтобы заменить неполноценную лошадь, но метафорическое значение остается прежним, что соответствует намерению автора оригинала. Заменив оригинальную метафору метафорой, знакомой читателям на языке перевода, переводчик добился наилучшей корреляции, правильно передал замысел автора оригинала и позволил читателям на языке перевода достичь того же контекстуального эффекта, что и читатели оригинала.

Метафоры машин

Машина — это целое, собранное из множества частей, и отсутствие или повреждение любой из этих частей не позволит машине функционировать должным образом. Работа страны подобна машине, которая требует координации между различными ведомствами, чтобы работать слаженно, как машина, и чтобы общество развивалось гармонично и упорядоченно. Как мы все знаем, в Китае существует полная система индустриальной экономики, которая оказывает влияние на когнитивный опыт людей и заставляет метафору машины часто появляться в китайском дискурсе.

(1) 我们认为，我国经济发展处于增长速度换挡期，结构调整阵痛期、前期刺激政策消化期“三期叠加”的阶段

Мы считаем, что экономическое развитие нашей страны находится в периоде, когда «три этапа накладываются одни на другой» — это этап переключения скоростей

роста, чувствительный этап структурного регулирования и этап «усвоения и переваривания» прежних стимулирующих мер.

В примере предложения (1) «переключение скоростей роста» 换挡 мы видим, что «автомобиль меняет скорость, когда сталкивается с ситуацией» — этот образ лучше всего связан с этапом, когда «экономическое развитие страны сталкивается с новой нормой и вносит коррективы». «Переключение скоростей роста» — это термин, связанный с транспортными средствами, а поскольку транспортные средства достаточно широко распространены среди читателей на втором языке, читатели на целевом языке имеют обобщенный опыт взаимодействия с автомобильной терминологией. Основываясь на повседневном опыте «переключения скоростей роста» и энциклопедическом описании этого понятия, читатели перевода могут установить тот же когнитивный контекст, что и читатели исходного языка, найти наилучшие связи, а затем связать их с контекстом, что позволит им легко понять коммуникативное намерение исходного языка. Коммуникативное намерение исходного текста можно легко понять, связав его с контекстом. По этой причине в переводе метафора сохраняется как «переключения скоростей роста» (换挡).

(2) 我国对世界经济增长的贡献率年均超过30%，超过美国、欧洲、日本贡献率总和，成为世界经济增长的主要动力源和稳定器，我国规模巨大的市场展现出空前的扩张力和吸引力

Среднегодовой вклад нашей страны в рост мировой экономики составил более 30 %, превысив вклад США, Европы и Японии вместе взятых. Китай уже стал основным источником движущей силы и стабилизатором роста мировой экономики. Грандиозный рынок нашей страны демонстрирует беспрецедентную силу, гибкость и привлекательность.

В предложении примера (2) в первом раунде эксплицитных рассуждений переводчик находит «стабилизатор» 稳定器, функция которого заключается в защите здания от сильных ветров и землетрясений. В работе это сопоставляется с экономической конструкцией целевой области, и в контексте «мирового экономического развития» коммуникативное намерение заключается в «важности экономики Китая в развитии мировой экономики», необходимости указать на то, что экономика Китая является второй по величине в мире и представляет собой важную часть мирового экономического здания. В мире, охваченном многочисленными трудностями и рисками, китайская экономика

уже долгое время находится на подъеме и играет стабилизирующую роль в воздействии на мировую экономику. Во втором раунде процесса эксплицитного обоснования оказалось, что у читателей на языке оригинала и на языке перевода одинаковая база опыта для слова «стабилизатор». Поэтому переводчик решил сохранить метафору.

Метафоры горы

Благодаря ярко выраженным образным характеристикам гор, люди в первую очередь представляют большие горы с опорой на визуальное восприятие и описывают тяжесть вещей через объем гор.

(1) 我们党深刻认识到, 实现中华民族伟大复兴, 必须推翻压在中国人民头上的帝国主义、封建主义、官僚资本主义三座大山, 实现民族独立、人民解放、国家统一、社会稳定

Наша партия глубоко осознала, что для осуществления великого возрождения китайской нации необходимо избавить китайский народ от непомерной ноши «трех больших гор» — империализма, феодализма и бюрократического капитализма, осуществить национальную независимость, народное освобождение, объединение страны и социальную стабильность.

В предложении примера (1) переводчик, начиная эксплицитные рассуждения, обнаруживает, что в оригинальном варианте уже упомянуты «три большие горы» (三座大山), под которыми подразумеваются «империализм, феодализм и бюрократический капитализм». В контексте «давят на головы народа» можно понять, что эти три горы тяжелы и не позволяют народу стать хозяином своей земли. В ходе первого раунда эксплицитных рассуждений переводчик выяснил, что оригинальный текст содержит множество коммуникативных подсказок. Поэтому во втором раунде эксплицитных рассуждений переводчик решил сохранить метафору «三座大山» в виде «три больших горы» и сохранил оригинальные коммуникативные подсказки в переводе. Читатель переводного текста может установить тот же когнитивный контекст, что и автор, в соответствии с коммуникативными подсказками, данными в контексте, чтобы понять намерение оригинального текста. При частом общении с горами и увеличении когнитивного опыта наше восприятие гор становится богаче, и мы будем использовать горы для описания характера человека или объяснения истины.

(2) 他山之石, 可以攻玉

Для полировки собственной яшмы можно и нужно использовать камень с другой горы — чужой опыт можно и нужно заимствовать для ведения своих дел.

В первом этапе эксплицитно-рефлексивного перевода примера (2) переводчик вводит когнитивный контекст исходного языка, выявляя, что в исходном языке «ю» (玉) служит синонимом прекрасного, а выражение «камень с другой горы, который можно использовать для полировки яшмы» (他山之石, 可以攻玉) указывает на то, что на других горах много камней, которые можно использовать для обработки яшмы, символизируя, что чужие достоинства могут помочь исправить собственные недостатки. В данном контексте «взгляд на мир» отражает стремление Коммунистической партии Китая взглянуть на мир и активно учиться у других стран. На втором этапе эксплицитно-рефлексивного перевода в процессе перевода переводчик учитывает, что для читателей на целевом языке «ю» — незнакомая область понятия. Беря во внимание опыт читателя на целевом языке, переводчик не механически передает метафору исходного текста «камень с другой горы, который можно использовать для полировки яшмы», а прямо передает коммуникативный замысел автора — выражение того, что опыт других можно и нужно заимствовать.

Метафоры семьи

Страна — это семья, только с наличием страны возможен дом, и без единства и процветания страны нет счастья и покоя в маленьких домах. Метафора семьи охватывает более широкую сферу, когда каждый гражданин является членом расширенной семьи. Весь мир — это большая семья, и все члены страны — это члены семьи. Мы часто говорим «мы — одна семья», трактуя коллектив как семью. Поэтому естественно, что люди используют логику семейных отношений для мышления и понимания «государства», используя внутрисемейную логику для объяснения и обсуждения государственных вопросов. В общем, использование семейной метафоры может сократить психологическое расстояние между людьми или странами, вызвать резонанс и увеличить чувство принадлежности к общности.

(1) 中华民族是一个大家庭, 一家人都要过上好日子

Китайская нация — это большая семья, и все члены этой семьи должны жить хорошо.

«Семья» 家庭 изначально означает социальную базовую единицу, состоящую из близких родственников, а затем расширяется до коллектива с общим сознанием и взаимной поддержкой. В примере (1) переводчик учитывает, что у целевых и исходных читателей существуют одинаковые основ-

ные и метафорические значения для термина «семья». В соответствии с теорией релевантности, языковое общение — это бессознательный процесс поиска связей, руководствующийся принципом экономии в когнитивном аспекте. Поэтому переводчик решает сохранить метафору, переведя «家庭» как «Семья», чтобы читателю на целевом языке не нужно было прикладывать лишние усилия для понимания коммуникативного намерения оригинала.

(2) 在休戚与共的地球村, 共享创新成果, 是国际社会的一致呼声和现实选择

Жить интересами друг друга и совместно наслаждаться достижениями инноваций в одной глобальной деревне — это общий призыв и настоящий выбор международного сообщества.

В предложении (2) «地球村» означает стремительное развитие современных технологий, которое разрушает традиционные географические расстояния, делает международное общение все более частым и удобным. Для всех нас каждый человек всего лишь частью деревни, и общение становится таким же удобным, как в небольшой деревне. Переводчик учитывает, что оба языка используют термин «деревня» с аналогичным когнитивным опытом, а также учитывает коммуникативные подсказки в последующем тексте, такие как «интересами друг друга и совместно наслаждаться достижениями инноваций». Согласно теории релевантности, целевой читатель может полностью осознать коммуникативные намерения оригинала, используя контекст, что позволяет снизить объем обработки информации и обеспечить оптимальную связь. Таким образом, переводчик решает сохранить метафору и перевести ее как «глобальная деревня».

Метафоры погоды

Вся социальная деятельность человека протекает в условиях погоды. Изменения погоды напрямую влияют на наше настроение, она словно часть нашего тела и является для нас самым близким явлением жизни. С накоплением повседневно-жизненного опыта человек наделил погоду многочисленными метафорическими значениями.

(1) 加强党的政治建设就是要发挥政治指南针作用, 引导全党坚定理想信念、坚定“四个自信”, 廓清思想迷雾, 澄清模糊认识, 排除各种干扰...

Укрепление политического строительства партии означает, что необходимо выявлять его роль как политического компаса, направлять всю партию к укреплению идеалов и убеждений, укреплению «четырех уверенностей», тем самым прорвать пелену

идейного тумана, покончить с недопониманиями, устранить различные помехи...

В примере предложения (1) на первом этапе эксплицитного-рефлексивного перевода переводчик, опираясь на свои знания, выделяет, что «туман» 迷雾 — это обычное явление в погоде, в туманную погоду людям трудно видеть окружающие объекты. Переводчик внедряет «туман» в контекст оригинала, указывая на необходимость придерживаться марксизма в китайском контексте, считая идеологию руководящим началом в действиях и предотвращая заблуждение народа. На втором этапе эксплицитно-рефлексивного перевода переводчик вводит «туман» в когнитивный контекст целевого языка и обнаруживает, что оба языка разделяют похожий опыт в отношении «тумана», то есть потери направления. Поэтому переводчик решает сохранить метафору, переведя «迷雾» как «туман».

(2) 要发挥桥梁纽带作用, 在界别群众中多做雪中送炭、扶贫济困的工作, 多做春风化雨、解疑释惑的工作, 多做理顺情绪、化解矛盾的工作

Следует брать на себя роль моста и связующего звена в отношении соответствующих кругов граждан, принимать меры по оказанию необходимой помощи и поддержке нуждающихся, активно заниматься просветительской и воспитательной работой, разъясняя и развеивая сомнения, прилагать усилия для смягчения общественных настроений и устранения противоречий.

На первом этапе реально-рефлексивного перевода в примере (2) переводчик обнаруживает, что в когнитивном опыте исходного языка «雪中送炭» во время снегопада послать уголь означает «оказать помощь в самую трудную минуту, протянуть руку в час нужды»; «春风化雨» указывает на дождь и ветер, благоприятные для роста трав и деревьев. «春风» означает весенний ветер, который является приятным и нежным. «化雨» — это мягкий дождь, благотворный для роста всех живых существ. На втором этапе реально-рефлексивного перевода переводчик, учитывая среду жизни целевого языка, где весной мало осадков и сильный ветер, что не соответствует опыту исходного языка, решает сохранить метафору и интерпретировать «雪中送炭» как «оказание необходимой помощи и поддержки нуждающимся», а «春风化雨» как «заниматься просветительской и воспитательной работой».

Метафоры цвета

Цвета — это первые сигналы, которые стимулируют нас, и мы часто используем

цвета для описания того, что наблюдаем, формируя первоначальный опыт восприятия цвета. Со временем цвета начинают связываться с определенными вещами и становятся для нас средством обратной связи для выражения наших эмоций. Например, «черный» ассоциируется с торжественностью или злом, а «зеленый» — с жизненной силой или молодостью.

(1) 去产能、去杠杆要对各类所有制企业执行同样标准，不能戴着有色眼镜落实政策，不能不问青红皂白对民营企业断贷抽贷

В работе устранения избыточных производственных мощностей и сокращения чрезмерной долговой нагрузки необходимо обеспечить предприятия всех форм собственности одинаковыми критериями, нельзя с предвзятым взглядом относиться к частным предприятиям в ходе осуществления политических установок, нельзя произвольно прекратить или сократить кредитование негосударственных предприятий, не разобравшись в конкретной ситуации.

В предложении (1) выражение «青红皂白» означает различные оттенки цветов. В исходном языке это «не разбираться в существе вопроса; без разбора, огулом». Однако, так как это специфичное выражение исходного языка, для читателя на целевом языке сложно установить связь между различными цветами и причинами событий. Согласно Д. Вилсону и Д. Сперберу, способ коммуникации даже важнее, чем содержание [Wilson, Sperber 2004: 477]. Поэтому переводчик может адаптировать ожидаемые представления оригинального автора, учитывая общую когнитивную среду читателей целевого языка, чтобы обеспечить равное понимание рассуждения для читателей целевого языка в интерпретации намерений оригинального автора. В свете этого переводчик

трактует эту метафору как «непроизвольно и не разбираясь».

(2) 要深化反腐败国际合作，坚持追逃防逃两手抓，继续发布外逃人员红色通缉令，加强反腐败综合执法国际协作，强化对腐败犯罪分子的震慑

Следует углублять международное антикоррупционное сотрудничество, усиливать работу в двух направлениях — преследовать беглых преступников и пресекать попытки преступников сбежать за границу, продолжать использовать красные циркуляры Интерпола для розыска беглых преступников, укреплять международное взаимодействие правоохранительных органов в сфере противодействия коррупции, тем самым усиливать устрашающий эффект для коррупционеров.

Красный цвет высоко ценится в языке-источнике, где он богат метафорическими значениями, обозначающими радость, праздник, успех, опасность и предупреждение. В контексте предложения (2) слово «красный» 红色 означает «опасность». Переводчик переносит слово «красный» в когнитивный контекст читателей на языке перевода и обнаруживает, что оба носителя имеют одинаковый когнитивный опыт «красный означает опасность». Поэтому переводчик сохранил его и передал как «красный». Красный цвет не только отражает вышеуказанное метафорическое значение, но и является священным в Китае.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты произведенной классификации метафор представлены в сравнительной таблице 1.

Таблица результатов позволяет проследить следующую закономерность в метафорическом переводе: преимущественным методом перевода концептуальных политических метафор является метод сохранения.

Таблица 1. Сопоставление концептуальных метафор с подходами перевода

Тип концептуальной метафоры	Подход метафорического перевода					
	Сохранение	Замена	Метафора	Перифраз	Опущение	Итого
	Частоты					
Метафоры животных	33	9	3	6	1	52
Метафоры машин	18	1	2	1	0	22
Метафоры горы	12	2	2	0	0	16
Метафоры семьи	25	8	3	4	0	40
Метафоры погоды	14	2	5	3	0	24
Метафоры цвета	27	2	0	9	0	38
Итого	269	28	3	53	1	307

Метод сохранения является предпочтительным подходом перевода для большинства типов метафор, за исключением метафор погоды и метафор цвета. Из-за несходства условий жизни в разных странах читатели перевода и читатели на языке оригинала имеют разный опыт восприятия погоды и цвета, поэтому метод разъяснения является предпочтительным подходом для перевода этих двух типов концептуальных метафор. Метафоры семьи и метафоры машин чаще всего переводятся методом сохранения. Читатели на исходном языке и читатели перевода имеют схожий опыт восприятия гипонимов «семьи», таких как *дети*, *братья*, *деревня*. Кроме того, в обоих языках семейные термины используются для описания отношений между странами и между государством и народом, поэтому метафоры семьи переводятся только методом сохранения. Машина является продуктом эпохи модернизации, и читатели на исходном языке и читатели перевода пользуются этим достижением модернизации наравне, поэтому их опыт восприятия гипонимов «машины» также схож. Исходя из этого, для перевода метафор машин предпочтителен метод сохранения.

ИСТОЧНИКИ

1. Си Цзиньпин о государственном управлении. Ч. 3 / Си Цзиньпин. — Пекин : Изд-во литературы на иностранных языках, 2021. — Текст : непосредственный.
2. Чжуан-цзы. Ле-цзы / пер. с кит., вступ. ст., примеч. и указ. В. В. Малявина. — Москва : Мысль, 1995. — 439 с. — Текст : непосредственный.
3. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. В 2 т. Т. 2 / А. И. Фёдоров. — Москва : Астрель : АСТ, 2008. — 395 с. — Текст : непосредственный.
- 4.习近平 习近平谈治国理政 第三卷, 北京, 外文出版社, 2020. = Си Цзиньпин о государственном управлении (Третья часть) / Си Цзиньпин. — Пекин : Изд-во литературы на иностранных языках, 2020. — (На кит.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Брижатый, О. Е. Лингвистические особенности политического дискурса китайских политиков пятого поколения на примере речи Си Цзиньпина / О. Е. Брижатый, Е. В. Бахтина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2021. — № 5 (89). — С. 21–28.
2. Кирпикова, В. В. Особенности передачи метафор и фразеологии при переводе художественного текста с китайского языка на русский / В. В. Кирпикова. — Текст : непосредственный // Теоретическая и практическая лингвистика / Амурск. гос. ун-т. — 2023. — Т. 9. — № 3. — С. 43–52.
3. Ли, М. Способы перевода политической метафоры в политическом дискурсе на русском языке / Ли М., Ли Ю. — Текст : непосредственный // Известия ВГПУ. Филологические науки. — 2022. — С. 122–127.
4. Ли, Я. Метафорические выражения в книге «Си Цзиньпин о государственном управлении» (том III) / Ли Ян, Юй Фэннин. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 2 (104). — С. 218–227.
5. Ли, Я. Сравнительный анализ метафор экономической сферы в русском и китайском языках / Я. Ли. — Текст : непосредственный // Современные тенденции развития науки и технологий. — 2017. — № 2–5. — С. 74–78.
6. Ло, М. Прагматика русско-китайского перевода в свете теории релевантности / Ло М. — Текст : непосредственный //

Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. — 2020. — № 8 (837). — С. 46–58.

7. Луькунь, В. Перевод метафор в политических текстах с китайского языка на русский / В. Луькунь, Е. В. Язовских. — Текст : непосредственный // Язык в сфере профессиональной коммуникации : сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов (Екатеринбург, 20 апр. 2023 г.). — Екатеринбург : Ажур, 2023. — С. 127–132.
8. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия / В. Е. Чернявская. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 133 с. — Текст : непосредственный.
9. Gutt, E. A. Translation and Relevance: Cognition and Context / E. A. Gutt. — Oxford : Blackwell, 1991. — 267 p. — Text : unmediated.
10. Kovecses, Z. Creating metaphor in context = Кёвечеш З. Создание метафоры в контексте // International Journal of language and culture. — 2014. — № 1 (1). — P. 21–41.
11. Lakoff, G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Press, 1980. — 242 p. — Text : unmediated.
12. Wilson, D. Meaning and Relevance / D. Wilson, D. Sperber. — Cambridge : Cambridge University Press, 2012. — 395 p. — Text : unmediated.
13. Wilson, D., Sperber, D. Relevance Theory // Blackwell's Handbook of Pragmatics (Blackwell Handbooks in Linguistics) / eds. L. Horn, G. Ward. — Oxford : Blackwell Publishing, 2004. — P. 607–632.
14. 陈晓倩, 郭书法. 《习近平谈治国理政》(第三卷) 政治话语隐喻翻译研究. 宁波工程学院学报. 2022. = Чэнь, С. Исследование перевода политических метафор в третьей части «Си Цзиньпин о государственном управлении» / Чэнь Сяоянь, Го Шуфа. — Текст : непосредственный // Вестник Нинбоского политехнического института. — 2022. — № 1. — С. 77–83. — (На кит.).
15. 周志远. 习近平政治话语的认知隐喻研究. 浙江师范大学学报(社会科学版). 2020. = Чжоу, Ч. Исследование когнитивных метафор в политическом дискурсе Си Цзиньпина / Чжоу Чжиюань. — Текст : непосредственный // Вестник Чжэцзянского педагогического университета. Общественные науки. — 2020. — № 3. — С. 60–65. — (На кит.).

MATERIALS

1. Si, Czin'pin (2021). *Si Czin'pin o gosudarstvennom upravlenii* (III) [Xi Jinping on public administration. Part 3]. Pekin: Izd-vo literatury na inostrannyh jazykah. (In Russ.)
2. Chuang tzu (n.d.). *Le-czy*. Moscow: Mysl. (In Russ.)
3. Fyodorov, A.I. (n.d.) *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka v 2-h tomah* (Vol. 2). Moscow: Astrel', AST. (In Russ.)
- 4.习近平 习近平谈治国理政 第三卷, 北京, 外文出版社, 2020. = Xi, Jinping (2020). *Xi Jinping on Public Administration* (Third Part). Beijing: Publishing House of Literature in Foreign Languages. (In Chinese)

REFERENCES

1. Brizhaty, O.E., & Bakhtina E.V. (2021). Lingvisticheskie osobennosti politicheskogo diskursa kitajskih politikov pyatogo pokoleniya na primere rechi Si Czin'pina [Linguistic features of the political discourse of Chinese politicians of the fifth generation on the example of Xi Jinping's speech]. *Politicheskaya lingvistika*, 21–28. (In Russ.)
2. Kirpikova, V.V. (2023). Osobennosti peredachi metafor i frazeologii pri perevode khudozhestvennogo teksta s kitajskogo yazyka na russkiy [Features of the transmission of metaphors and phraseology in the translation of a literary text from Chinese into Russian]. *Teoreticheskaya i prakticheskaya lingvistika*, 9(3), 43–52. (In Russ.)
3. Li, M., & Li, Y. (2022). Sposoby perevoda politicheskoy metafor v politicheskom diskurse na russkom yazyke [Ways of translating political metaphors in political discourse in Russian]. *Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki*, 122–127. (In Russ.)
4. Li, Ya. (2024). Metaforicheskie vyrazheniya v knige «Si Czin'pin o gosudarstvennom upravlenii» (tom III) [Metaphorical expressions in the book «Xi Jinping on Public Administration» (volume III)]. *Politicheskaya lingvistika*, 218–227. (In Russ.)

5. Li, Ya (2017). Sravnitel'nyy analiz metafor ekonomicheskoy sfery v russkom i kitayskom yazykakh. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii*, 2–5, 74–78. (In Russ.)
6. Lo, M. (2020). Pragmatika rusско-kitajskogo perevoda v svete teorii relevantnosti [Pragmatics of Russian-Chinese translation in the light of relevance theory]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*, 46–58. (In Russ.)
7. Lunkun, Wang, & Yazovskikh, E.V. (2023). Perevod metafor v politicheskikh tekstah s kitajskogo yazyka na russkij [Translation of metaphors in political texts from Chinese into Russian]. *Yazyk v sfere professional'noj kommunikacii*, 127–132. (In Russ.)
8. Chernyavskaya, V.E. (2006). *Diskurs vlasti i vlast' diskursa. Problemy rechevogo vozdeystviya* [Discourse of power and the power of discourse. Problems of speech influence]. Moscow: Flinta, Nauka, 133 p. (In Russ.)
9. Gutt, E.A. (1991). *Translation and Relevance: Cognition and Context*. Oxford: Blackwell.
10. Kyovechesh, Z. (2014). Sozdanie metafory v kontekste [Creating metaphor in context]. *International Journal of language and culture*, 1(1), 21–41. (In Russ.)
11. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press, 242 p.
12. Wilson, D., & Sperber, D. (n.d.). *Meaning and Relevance*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Wilson, D., & Sperber, D. (2004). *Relevance Theory*. Oxford: Blackwell Publishing.
14. 陈晓倩, 郭书法. 《习近平谈治国理政》(第三卷)政治话语隐喻翻译研究. 宁波工程学院学报. 2022. = Chen, Xiaoqian, & Guo, Shufa (2022). A study of the translation of political metaphors in the third part of «Xi Jinping on Public Administration». *Bulletin of the Ningbo Polytechnic Institut*, 1, 77–83. (In Chinese)
15. 周志远. 习近平政治话语的认知隐喻研究. 浙江师范大学学报(社会科学版). 2020. = Zhou, Zhiyuan (2020). The study of cognitive metaphors in the political discourse of Xi Jinping. *Bulletin of the Zhejiang Pedagogical University. Social Sciences*, 3, 60–65. (In Chinese)

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).

Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 81'27+811.161.1'42+811.581'42
ББК ШП41.12-51+ШП71.1-51+ШП00.621

ГРНТИ 16.21.55; 16.21.61

Код ВАК 5.9.8

Ма Лимин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, mlmdiana@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0005-3380-4106>

Сопоставительный анализ отглагольных существительных в русских и китайских дипломатических документах

АННОТАЦИЯ. В международных отношениях и дипломатической практике документы играют важную роль: они являются ключевым носителем информации для передачи национальной политики, выработки дипломатических позиций и осуществления международного общения. Текст документов уникален по своему языковому выражению, их составление осуществляется с соблюдением определенных языковых норм и особенностей данного стиля. Одним из ключевых признаков является использование отглагольных существительных, придающих текстам определенный именной характер. Данная статья посвящена сопоставительному анализу употребления отглагольных существительных в русских и китайских дипломатических документах. Предметом исследования являются структурные и семантические особенности этих единиц, характерных для дипломатических документов. Цель исследования — анализ функционально-стилистических особенностей отглагольных существительных и выявление различий в их использовании в двух языках. Для исключения влияния определенного метода перевода и содержания на исследование в качестве материала был подобран 21 двуязычный дипломатический документ различных жанров. Документы датированы 1992—2023 гг. и взяты из базы дипломатических договоров сайта МИД КНР. Для достижения поставленных целей использовались методы сопоставительного, статистического и компонентного анализа. Результаты исследования показывают, что как в русских, так и в китайских дипломатических документах широко используются отглагольные существительные, однако, учитывая особенности языков, их представление в текстах существенно различается. Подобные исследования особенно важны для лексикографии, культуры речи, стилистики и преподавания языка как иностранного.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дипломатия, дипломатический дискурс, дипломатические документы, политический дискурс, политические тексты, отглагольные существительные, русский язык, китайский язык, сопоставительное языкознание, дипломатический стиль, языковые средства.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ма Лимин, аспирант, кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 119234, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; email: mlmdiana@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ма, Лимин. Сопоставительный анализ отглагольных существительных в русских и китайских дипломатических документах / Ма Лимин. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 324-331.

Ma Liming

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, mlmdiana@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-3380-4106>

A Comparative Analysis of Verbal Nouns in Russian and Chinese Diplomatic Documents

ABSTRACT. Documents play an important role in international relations and diplomatic practice: they are a key medium for communicating national policies, developing diplomatic positions and conducting international communication. The text of documents is unique in its linguistic expression; their composition follows certain linguistic norms and styles. One of the key features is the use of verbal nouns that give texts a certain nominative character. This article is devoted to a comparative analysis of the use of verbal nouns in Russian and Chinese diplomatic documents. The object of the study includes the structural and semantic features of these units characteristic of diplomatic documents. The aim of the study is to analyze the functional and stylistic features of verbal nouns and to identify the differences of their use in the two languages. To exclude the influence of translation and content on the study, 21 bilingual diplomatic documents of various genres were selected as material. The documents date from 1992 to 2023 and were taken from the diplomatic treaty database of the website of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. The methods of comparative, statistical and component analyses were used to achieve the set objectives. The results of the study show that both Russian and Chinese diplomatic documents make extensive use of verbal nouns, but given the peculiarities of the languages, their representation in the texts differs significantly. Such studies are especially important for lexicography, speech culture, stylistics and teaching language as a foreign one.

KEYWORDS: diplomacy, diplomatic discourse, diplomatic documents, political discourse, political texts, verbal nouns, Russian language, Chinese language, comparative linguistics, diplomatic style, language means.

AUTHOR'S INFORMATION: Ma Liming, Post-Graduate Student of Department of General and Comparative and Historical Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Ma Liming. (2024). A Comparative Analysis of Verbal Nouns in Russian and Chinese Diplomatic Documents. In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 324-331. (In Russ.).

Дипломатия представляет собой официальную деятельность, которая включает в себя контакты между главами государств, правительствами и специальными органами внешних сношений с целью осуществления внешнеполитических целей и задач государства, а также защиты его прав и интересов за границей [Громько 1984: 330]. В дипломатической деятельности документы являются инструментом защиты интересов государства и составляют неотъемлемую часть практики.

Действительно, дипломатические документы должны писаться в определенном стиле с активным употреблением имен существительных, преимущественно отглагольных [Воронцова 2008: 56]. В данной работе мы провели анализ китайских и русских двуязычных дипломатических документов с 1994 по 2023 год. Используя программу разбора текстов Weiciyun¹, получили следующую статистику: общее количество русских слов — 35 898, из которых существительные составляют 39,7 % (14 263). Для китайско-язычных документов общее количество слов составило 19 524, из них существительных — 8474, что составляет 43,4 %.

Отглагольные существительные (далее — ОС) образуются в русском языке с помощью двух основных частей речи: имени существительного и глагола. В их значениях наблюдается сосуществование именного и глагольного признаков. С одной стороны, ОС приданы категориальные значения имен существительных [Хохлачева 1969: 42]. С другой стороны, в словах остается глагольная семантика из-за применения суффиксального способа словообразования [Казаков 1994: 17].

По сравнению с глаголами, ОС имеет свои особенности. По мнению ученого Г. О. Винокура, они способны обозначать не конкретное действие, а общее представление о нем. В то же время отсутствуют такие исходные грамматические категории глагола, как вид, лицо, время и др., что придает документам однозначность содержания и одновременно обобщенность смысла, обеспечивая официальность называемого отглагольным существительным понятия [Винокур 1928: 82–87].

Семантические различия между глаголами и ОС получили глубокое объяснение также с когнитивной точки зрения от Рональда В. Лангакера. Он отметил, что психологические схемы, выражающиеся глаго-

лами, указывают на подшаблоны значений (subpatterns), на детали определенных действий; в то время как субстантивированные формы подчеркивают целостное пространство, составленное из этих шаблонов значений (subpatterns), акцентируя внимание на макроцелостности. Эти различия делают глаголы более выразительными при описании определенных событий и действий, тогда как их субстантивированные формы больше склонны к выражению абстрактных значений и общих категорий [Ronald W. Langacker 1987: 90–92].

Можно сказать, что ОС претерпевают семантическое преобразование от конкретного к абстрактному. Это преобразование приводит к тому, что подшаблоны значений (subpattern) глагола больше не описываются детально, а интегрируются в целостную пространственную область, что и устраняет конкретность и индивидуальность действия, придавая выражению универсальные пространственно-временные характеристики [Ван Юнна, 2016: 166]. Поэтому субстантивированные формы глаголов часто отличаются официальным оттенком и подходят для описания долгосрочных тенденций, абстрактных понятий или состояний, а не мгновенных, конкретных событий.

В русских дипломатических документах использование ОС в основном проявляется в следующих конструкциях:

1. Глаг. → глаг. + ОС

Отличительной чертой дипломатических документов является частотность употребления сочетаний глагола с ослабленным семантическим значением и существительного. В этой структуре глагол играет только структурную роль, а семантическая нагрузка сосредоточена на ОС, например:

- **...провести всесторонний анализ сотрудничества в культурной индустрии** [источник 8];

- **...вести активный поиск новых перспективных областей торгово-экономического сотрудничества, разрабатывать и реализовывать долгосрочные программы научно-технического сотрудничества...** [источник 2];

- **...осуществлять регистрацию рождения и смерти граждан представляемого государства...** [источник 8].

Л. М. Скредина считает, что сочетание данного типа действует в тексте как синоним

¹ 微词云 • 简单强大的文字云艺术生成器 (weiciyun.com). URL: <https://www.weiciyun.com/> (дата обращения: 05.05.2024).

глагола, от которого образовано имя существительное, однако они различаются оттенками: «Перифрастическое выражение действия или состояния даёт более зримое и развёрнутое о нём представление» [Скрелина 1973: 228]. С точки зрения степени проявления или выраженности действия, по мнению М. Ю. Евтеевой, в значении сочетания глагола и существительного подчеркивается наличие потенциального внутреннего предела действия, а в семантике глагола степень проявления потенциального внутреннего предела, в сравнении с сочетанием, более низкая [Евтеева 2017].

Таким образом, у каждого из сочетаний глагола и существительного есть своя форма синонимичного выражения, а именно: «провести анализ» — «проанализировать», «вести поиск — искать», «осуществлять регистрацию — регистрировать», но, по сравнению с глаголами, словосочетания с ОС передают смысл более емко.

2. Глаг. + сущ. → ОС + сущ.

В данной ситуации исходное глагольно-именное словосочетание превращается в конструкцию «местоимение + ОС» или «ОС + сущ.», что является наиболее распространенным и типичным использованием ОС в дипломатических документах, например:

- *Возможность применения военных мер для решения проблем Корейского полуострова должна быть исключена* [источник 18];

- *Стороны будут развивать долгосрочное сотрудничество в области освоения и использования лесных ресурсов...* [источник 5];

- *...подчеркивают срочную необходимость оказания содействия Сирии в ее восстановлении (включая разминирование)...* [источник 19].

Как показали вышеприведенные примеры, при написании дипломатических документов, с одной стороны, возникает необходимость подробно изложить возможность и необходимость действия, конкретную область, рассмотренную в документе, что часто требует замены главного слова существительным со значением действия; с другой стороны, дипломатические документы, как документы официальные, строятся на принципах точности и краткости и часто используют простые предложения, содержащие глагольное управление и предложные конструкции, и именно при построении такого типа структуры необходимо применение большого количества ОС, что как раз и делает высказывание более кратким и точным.

3. Сущ. + глаг. → ОС + сущ.

- *...будут поддерживать участие китайских предприятий в освоении россий-*

ских регионов Сибири и Дальнего Востока... [источник 15];

- *В случае возникновения лесных пожаров в пределах участков лесного фонда...* [источник 3];

- *Стороны согласны с тем, что по вступлении в силу соглашения практические действия будут поэтапно завершены к 2000 году...* [источник 1].

С учетом отсутствия категории лица для ОС в данном случае глагол, от которого образуется ОС, является непереходным, причем существительное употребляется в родительном падеже.

4. Сущ. + ОС (определение)

Стоит отметить, что в дипломатических документах существует также группа ОС, которые применяются в роли несогласованного определения к ключевому слову, хотя в русском языке иногда глагол может служить в качестве определения к некоторым словам (*необходимость создавать новые механизмы, возможность увеличивать удельный вес*), но в развитии официально-делового стиля, в том числе и дипломатического, в русском языке наблюдается заметное распространение и стандартизация применения зависимых ОС в родительном падеже [Виноградова 1987: 150], например: *путь разрешения ядерной проблемы, возможность размещения канцелярий, двусторонний План развития, цель создания мира*. Также можно составить именное словосочетание со схемой ОС + несогласованное определение, используя предлоги, например: *усилия по выполнению Договора, работа по изучению и согласованию проекта, путь для устойчивого урегулирования, договоренность о взаимном сокращении*.

В целом, в дипломатических документах используется большое количество ОС, которые в совокупности с другими словами образуют разнообразные конструкции, выступающие в роли подлежащих, дополнений, определений или вместе с предлогами образуют предложные конструкции и выполняют в предложениях функцию обстоятельства, например:

Стороны подтверждают важность скорейшего возобновления полного и эффективного выполнения Соглашения по иранской ядерной программе и резолюции 2231 Совета Безопасности ООН, в связи с чем призывают все заинтересованные стороны принять политические решения, которые оказали бы содействие положительному исходу переговоров о возобновлении выполнения Совместного всеобъемлющего плана действий [источник 21].

Опираясь на проведенный анализ, отмечу, что ОС употребляются только в форме

единственного числа. Это объясняется тем, что ОС в форме множественного числа делают акцент на их процессуальный характер, указывая на различные проявления действия или его повторяемость [Гак 1989: 110], а единицы в форме единственного числа обозначают действие как таковое [Коряковцева 1999].

Из-за различий в типах языков переход глаголов в разряд имен существительных в дипломатических документах на китайском языке представляет собой уникальное явление. В отличие от индоевропейских языков, где классификация частей речи основана на семантических и морфологических признаках и различии в формах слов, классификация в китайском языке опирается в основном на определение грамматической функции слова, но, поскольку большинство знаменательных слов в китайском языке многофункциональны и могут выступать в качестве различных частей речи, часто необходимо учитывать наиболее преобладающие или частые случаи употребления [Хуан Борун 2007: 7]. Существительные часто используются в предложениях в качестве субъектов, объектов и иногда определений [Лю Юэхуа 2019: 47]. Таким образом, в китайском языке трансформация глагола в существительное, выражающее то же значение, обычно происходит без изменения формы самого слова, а только путем изменения роли в предложении для этого слова. Поскольку простая замена подлежащего, дополнения и определения глаголом, как способ образования ОС в китайском языке, для дипломатических документов не типична, в нашем исследовании рассматриваются другие способы.

Как и в русском языке, в дипломатических документах на китайском языке также наблюдается тенденция к применению ОС. В ходе анализа мы выявили, что в современных китайских дипломатических документах структуры, образованные путем объединения ОС и слов других частей речи, в основном охватывают следующие типы.

1. Глагольная фраза → Фраза с ОС + 的 + сущ. (абстракция)

Данный тип представляет собой грамматическую конструкцию, где глагольная фраза соединяется с абстрактным существительным через служебное слово 的. В этом типе сущ. (абстракция) выражает отвлеченное понятие о событии или состоянии, тогда как фраза с ОС — конкретное действие. Данное сочетание можно интерпретировать как «сущ. (абстракция) — это один из видов фразы с ОС», например:

为对开发和利用森林资源领域的活动实行统一监督, 与合作项目有关的合同需经本协定第二

条所列双方授权机关和(或)中华人民共和国地方政府和俄罗斯联邦主体行政当局(政府)有关机构批准。[источник 5]

(В целях осуществления единого контроля за деятельностью в области освоения и использования лесных ресурсов договоры, связанные с проектами сотрудничества, подлежат одобрению уполномоченными органами Сторон, указанными в статье 2 настоящего Соглашения, и/или соответствующими органами администраций (правительств) субъектов Российской Федерации и местных правительств Китайской Народной Республики.)

中俄坚决谴责篡改二战历史、美化纳粹和军国主义分子及其帮凶、抹黑解放者的图谋。

[источник 12]

(Россия и Китай решительно осуждают попытки фальсифицировать историю Второй мировой войны, героизировать нацистов, милитаристов и их пособников, очернить освободителей.)

В этих примерах глагольная фраза → фраза с ОС + 的 + сущ. (абстракция) проявляются в предложениях как «开发和利用森林资源 (освоения и использования лесных ресурсов) →开发和利用森林资源 (освоения и использования лесных ресурсов) + 的 + 活动 (деятельность)» и «篡改二战历史、美化纳粹和军国主义分子及其帮凶、抹黑解放者 (фальсификация истории Второй мировой войны, героизация нацистов, милитаристов и их пособников, очернение освободителей) →篡改二战历史、美化纳粹和军国主义分子及其帮凶、抹黑解放者 (фальсификация истории Второй мировой войны, героизация нацистов, милитаристов и их пособников, очернение освободителей) + 的 + 图谋 (замысел)». В каждом случае сущ. (абстракция) как «活动 — деятельность», «图谋 — замысел» обобщают конкретные действия или состояния, описываемые фразами с ОС (开发和利用森林资源, 篡改二战历史 и т. д.).

2. Гл. + сущ. → сущ. (исходное дополнение) + (的) + ОС + сущ. (абстракция)

Данный тип структуры состоит из глагола, модифицирующего событийное сущ. (абстракция), которое понимается как абстрактное существительное, обозначающее событие или положение дел. Сущ. (исходное дополнение) может выступать в качестве определения в образованной конструкции, например:

双方将指示各自的谈判代表加快未来政府间协定的制定工作, 争取在一九九四年底前予以完成。[источник 1]

(Стороны дадут своим представителям на переговорах указание ускорить ра-

боту над будущим межправительственным соглашением, с тем чтобы добиться ее завершения до конца 1994 года.)

...提升各国出于和平目的外空研究和利用活动的可预见性和可持续性 [источник 21]

(...а также повышения предсказуемости и устойчивости деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства в мирных целях.)

В этих примерах «未来政府间协定的制定工作» (работу над будущим межправительственным соглашением) и «外空研究和利用活动» (исследование и использование космического пространства) представляют собой конструкции типа «сущ. (исходное дополнение) + (的) + ОС + сущ. (абстракция)».

Гл.	Сущ.	Сущ.	(的)	ОС	Сущ. (абстракция)
制定 (составлять)	未来政府间协定 (будущее межправительственное соглашение)	未来政府间协定 (будущее межправительственное соглашение)	的	制定 (составление)	工作 (работа)
研究和利用 (исследовать и использовать)	外空 (космическое пространство)	外空 (космическое пространство)		研究和利用 (исследование и использование)	活动 (деятельность)

3. Сущ. + Гл. → Сущ. (исходное подлежащее) + 的 + ОС

Когда предикативная структура построена как «сущ. (подлежащее) + ОС», конструкция, образующаяся в ходе номинализации, имеет вид «сущ. (исходное подлежащее) + 的 + ОС». В тех случаях, когда образуется данная структура, глагол может быть только непереходным, и только некоторые из глаголов могут образовать ОС таким способом [Ван Лицзюань 2009: 79].

条约的成功并非注定, 其前景也充满未知... [источник 20]

(Успех ДНЯО не был предопределён и в будущем также не гарантирован.)

本协定的终止不引起为执行本协定、并在其有效期内所签合同的终止。 [источник 5]

(Прекращение действия настоящего Соглашения не повлечет за собой прекращения действия договоров, заключенных во исполнение и в период действия настоящего Соглашения.)

Данный тип также часто встречается в названиях статей, положений документов. Например, «特权和豁免的开始及终止» (Начало и конец консульских привилегий и иммунитетов), «《维也纳领事关系公约》规定的适用» (Применение положений Венской конвенции о консульских сношениях).

Сущ.	Гл.	Сущ. (предыдущее подлежащее)	的	ОС
条约 (Договор)	成功 (удаться)	条约 (Договор)		成功 (удача)
协定/合同 (Соглашение)	终止 (прекратить)	协定/合同 (Соглашение)		终止 (прекращение)
特权和豁免 (консульские привилегии и иммунитеты)	开始及终止 (Начаться и кончиться)	特权和豁免 (консульские привилегии и иммунитеты)	的	开始及终止 (начало и конец)
《维也纳领事关系公约》规定 (положения Венской конвенции о консульских сношениях)	适用 (быть применимым)	《维也纳领事关系公约》规定 (положения Венской конвенции о консульских сношениях)		适用 (применение)

4. Гл. + Сущ. → Сущ. + (的) + ОС

В данной конструкции глагол номинализируется и выступает непосредственно в качестве ключевого слова структуры с ОС, при этом исходное дополнение служит определением ОС.

Примерами могут служить следующие фразы:

提高中俄相关组织机构在危险病毒性疾病和传染病研究监控、人类健康环境因素影响风险评估方面的学术协作水平。[источник 19]

(Повышать уровень взаимодействия организаций и учреждений России и Китая в работе по мониторингу и изучению опасных вирусных заболеваний и природно-очаговых инфекций, оценке рисков воздействия факторов окружающей среды на здоровье человека.)

在预防和打击本协定包括行为的框架内进行情报交流。[источник 12]

(...обмен информацией в рамках сотрудничества по предупреждению и борьбе с деяниями, охватываемыми настоящим Соглашением.)

Гл.	Сущ.	Сущ.	(的)	ОС
研究监控 (контролировать и исследовать)	疾病和传染病 (заболевания и природно- очаговые инфек- ции)	疾病和传染病 (заболевания и природно- очаговые инфек- ции)		研究监控 (контроль и изучение)
评估 (оценить)	风险 (риски)	风险 (риски)		评估 (оценка)
交流 обменяться	情报 (информация)	情报 (информация)		交流 (обмен)

Эта структура особенно часто встречается при построении предложений в сфере сотрудничества и конкретных вопросов. Она может быть преобразована в именную фразу при условии сохранения смысла исходной глагольной фразы, что повышает профессиональную стандартизованность текста, а значит, играет важную роль в официальных бумагах, являясь наиболее распространенным способом образования ОС в дипломатических документах.

Большинство глаголов в китайском языке являются односложными и двусложными, и для выражения одного и того же значения они часто имеют как односложные, так и двусложные формы, например: «建—建设 (строить)», «学—研究(исследовать)», «用—利用/使用 (использовать)». В результате сравнения выяснилось, что китайские глаголы, которые могут быть преобразованы в отглагольные существительные, характеризуются именно как двухсложные, и Фэн Шэнли отмечает, что это необходимое условие и формальный маркер для преобразования современного китайского глагола в существительное [Фэн Шэнли 2009].

ВЫВОД

Анализируя и сопоставляя употребление отглагольных существительных (ОС), мы обнаружили, что как в китайских, так и в рос-

сийских дипломатических документах они используются достаточно широко. Эта группа слов помогает выразить более абстрактные и обобщенные значения, а также эффективно сокращает употребление сложных предложений, делая текст более лаконичным и простым. С точки зрения грамматической функции ОС часто являются подлежащими и дополнениями и используются в качестве определений к существительным с абстрактными значениями, таким как «область», «проблема», «возможность» и «необходимость», что придает предложениям стандартизованный официально-деловой вид.

Однако с точки зрения конкретного состава ОС в русском и китайском языках демонстрируют уникальные особенности. Русский язык, будучи морфологически богатым, при образовании ОС опирается в основном на морфемы, и с их помощью получают новые слова. В китайском языке из-за отсутствия морфологических изменений образование ОС в основном зависит от лексем или порядка слов, причем только двусложные глаголы могут образовать ОС. Например, в китайском языке глаголы часто преобразуются в ОС путем добавления служебного слова «的» или абстрактных существительных (например, «活动» — деятельность, «工作» — работа). Это также может быть достигнуто изменением порядка слов, при

этом конструкции «глагол + существительное (дополнение)» часто рассматриваются как глагольные фразы, а конструкции «существительное (исходное дополнение) + глагол» — как именные фразы.

ИСТОЧНИКИ

1. Дипломатический словарь: в 3 томах / гл. ред. А. А. Громыко и др. — 4-е, перераб. и доп. изд. — Москва : Наука, 1984–1986. Т. 1: А — И. — 424 с.
2. Меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики по вопросам взаимного сокращения вооруженных сил и укрепления доверия в военной области в районе границы (1992 г.).
3. Совместная китайско-российская декларация (1994 г.).
4. Протокол-описание точки западного стыка государственных границ трех государств между Правительством Российской Федерации, Правительством Монголии и Правительством Китайской Народной Республики (1996 г.).
5. Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка (1997 г.).
6. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в совместном освоении лесных ресурсов (2000 г.).
7. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (2001 г.).
8. Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества (2001 г.).
9. Консульский договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (2003 г.).
10. Протокол о внесении изменений в Соглашение между государствами — членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре, подписанное 7 июня 2002 года в городе Санкт-Петербурге (Российская Федерация) (2003 г.).
11. Дополнительное соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на ее восточной части (2004 г.).
12. Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики по основным международным вопросам (2008 г.).
13. Совместное заявление Президента Российской Федерации Д. А. Медведева и Председателя Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао в связи с 65-летием окончания Второй мировой войны (2010 г.).
14. Соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2010 г.).
15. Протокол о внесении изменений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о совместном строительстве, эксплуатации, содержании и обслуживании железнодорожного мостового перехода через р. Амур (Хэйлуцзян) на участке российско-китайской государственной границы в районе населенного пункта Нижнеленинское Еврейской автономной области (Российская Федерация) и г. Тунцзян провинции Хэйлуцзян (Китайская Народная Республика) от 28 октября 2008 г. (2012 г.).
16. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия (2014 г.).
17. Совместное заявление в ознаменование 70-й годовщины Победы во Второй мировой войне и образования Организации Объединенных Наций (2015 г.).
18. Декларация Китайской Народной Республики и Российской Федерации о повышении роли международного права (2016 г.).
19. Совместное заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации и Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики по проблемам Корейского полуострова (2017 г.).

20. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху (2019 г.).

21. Совместное заявление Министров иностранных дел Великобритании, Китая, России, США и Франции в связи с 50-й годовщиной вступления в силу Договора о нераспространении ядерного оружия (2020 г.).

22. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху (2023 г.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Виноградова, В. Н. Стилистика русского языка: Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста / В. Н. Виноградова, Т. Винокур, Л. И. Еремина. — Москва : [б. и.], 1987. — 238 с. — Текст : непосредственный.
2. Винокур, Г. О. Глагол или имя? Опыт стилистической интерпретации / Г. О. Винокур. — Текст : непосредственный // Русская речь. Новая серия / под ред. Л. В. Щербы. — Ленинград : Academia, 1928. — [Вып.] III. — С. 75–93.
3. Гак, В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В. Г. Гак. — Москва : [б. и.], 1989. — 288 с. — Текст : непосредственный.
4. Евтеева, М. Ю. О семантическом противопоставлении глагол vs делать + отглагольное существительное / Мария Юрьевна Евтеева. — Текст : электронный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — №10-1 (76). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-semanticheskom-protivo-postavlenii-glago-l-vs-delat-otglagolnoe-suschestvitelnoe> (дата обращения: 07.05.2024).
5. Казаков, В. П. Синтаксис имен действия / В. П. Казаков. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1994. — 147 с. — Текст : непосредственный.
6. Кожетева, А. С. Дипломатический дискурс как особый вид институционального дискурса / А. С. Кожетева. — Текст : непосредственный // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер.: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. — 2012. — № 17. — С. 54–63.
7. Коряковцева, Е. И. Имена действия в истории русского языка / Е. И. Коряковцева. — Stupsk, 1999. — 218 с. — Текст : непосредственный.
8. Скрелина, Л. М. Очерк исторического синтаксиса французского языка (развитие структуры предложения в связи с изменением валентных свойств фундаментальных глаголов) : учеб. пособие по курсу грамматики и истории французского языка / Л. М. Скрелина. — Минск : Минский ГПИИЯ, 1973. — 362 с. — Текст : непосредственный.
9. Хохлачева, В. Н. К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени / В. Н. Хохлачева. — Москва : [б. и.], 1969. — 151 с. — Текст : непосредственный.
10. Langacker, Ronald W. Foundations of cognitive grammar: descriptive application / R. W. Langacker. — Stand University Press, 1987. — 540 p. — Text : unmediated.
11. 冯胜利. 论汉语韵律的形态功能与句法演变的历史分期/历史语言学研究, 2009(2): 10—31. = Фэн Шэнли. О морфологической функции китайской рифмы и исторической фазе синтаксической эволюции // Исследования по исторической лингвистике. — 2009. — № 2. — С. 10–22.
12. 刘月华, 潘文娱, 故鞅. 实用现代汉语语法 (第三版). 商务印书馆. 2019. 995页. = Лю Юэхуа, Пан Вэньюй, Гу Вэй. Практическая грамматика современного китайского языка. — 3-е изд. — Коммерческое издательство, 2019. — 995 с. — Текст : непосредственный.
13. 王丽娟. 从名词、动词看现代汉语普通话双音节的形态功能, 博士学位论文, 北京语言大学, 2009年. 109页 = Ван Лицзюань. Морфологические функции двухсложных слов в современном китайском мандарине от существительных и глаголов : кандидатская диссертация. — Пекинский университет языка и культуры, 2009. — 109 с.
14. 王永娜. 汉语书面正式语体语法的泛时空化特征研究. 北京: 中国社会科学出版社. 2016. 258页 = Ван Юнна. Исследование особенностей универсального пространства-времени

в китайской письменной формально-стилистической грамматике. — Пекин : Издательство общественных наук Китая, 2016. — 258 с.

15. 现代汉语.下册/黄伯荣, 廖序东主编. — 4版. 北京: 高等教育出版社. 2007. 261 页. = Современный китайский язык. Т. 2 / под ред. Хуан Борун и Ляо Сюдун. — 4-е изд. — Пекин : Издательство высшего образования. — 2007. — 261 с.

MATERIALS

1. Gromyko, A.A. (Ed.) (1984). *Diplomatic Dictionary* (In 3 volumes, Vol 1. A—D). 4th, revised and expanded edition. Moscow: Nauka, 1984–1986. (In Russ.)

2. *Memorandum of Understanding between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China on Mutual Reduction of Armed Forces and Strengthening Confidence in the Military Field in the Border Area* (1992).

3. *The Joint Sino-Russia Statement* (1994).

4. *Protocol-Description of the Western Junction Point of the State Borders of Three Countries between the Government of the Russian Federation, the Government of Mongolia, and the Government of the People's Republic of China* (1996).

5. *Russian-Chinese Joint Declaration on a Multipolar World and the Formation of a New International Order* (1997).

6. *Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China on Cooperation in the Joint Development of Forest Resources* (2000).

7. *Treaty of Good-Neighborliness, Friendship, and Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China* (2001).

8. *Declaration on the Establishment of the Shanghai Cooperation Organization* (2001).

9. *Consular Agreement between the Russian Federation and the People's Republic of China* (2003).

10. *Protocol on Amendments to the Agreement between the Member States of the Shanghai Cooperation Organization on the Regional Anti-Terrorist Structure*, signed on June 7, 2002, in St. Petersburg (Russian Federation) (2003).

11. *Additional Agreement between the Russian Federation and the People's Republic of China on the Russian-Chinese State Border in its Eastern Part* (2004).

12. *Joint Declaration of the Russian Federation and the People's Republic of China on Major International Issues* (2008).

13. *Joint Statement by the President of the Russian Federation D. A. Medvedev and the Chairman of the People's Republic of China Hu Jintao on the Occasion of the 65th Anniversary of the End of World War II* (2010).

14. *Agreement between the Russian Federation and the People's Republic of China on Cooperation in Combating Terrorism, Separatism, and Extremism* (2010)

15. *Protocol on Amendments to the Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China on the Joint Construction, Operation, Maintenance, and Service of the Railway Bridge Crossing over the Amur River (Heilongjiang) in the Section of the Russian-Chinese State Border in the Area of the Village of Nizhneleninskoye in the Jewish Autonomous Region (Russian Federation) and the City of Tongjiang in Heilongjiang Province (People's Republic of China) dated October 28, 2008* (2012).

16. *Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on a New Stage of Comprehensive Partnership and Strategic Cooperation* (2014).

17. *Joint Statement to Commemorate the 70th Anniversary of Victory in World War II and the Founding of the United Nations* (2015).

18. *Declaration of the People's Republic of China and the Russian Federation on Increasing the Role of International Law* (2016).

19. *Joint Statement by the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation and the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China on the Issues of the Korean Peninsula* (2017).

20. *Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on the Development of Comprehensive Partnership and Strategic Cooperation Entering a New Era* (2019).

21. *Joint Statement by the Foreign Ministers of the United Kingdom, China, Russia, the USA, and France on the Occasion of the 50th Anniversary of the Entry into Force of the Nuclear Non-Proliferation Treaty* (2020).

22. *Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on Deepening Comprehensive Partnership and Strategic Cooperation Entering a New Era* (2023).

REFERENCES

1. Vinogradova, V.N., Vinokur, T., & Eryomina, L.I. (1987). Stylistics of the Russian Language: Genre-Communicative Aspect of Text Stylistics. Moscow, 238 p. (In Russ.)

2. Vinokur, G.O. (1928). Verb or Noun? An Attempt at Stylistic Interpretation. In L. V. Shcherba (Ed.), *Russian Speech*. New Series (Iss. III, pp. 75–93). Leningrad: Academia. (In Russ.)

3. Gak, V.G. (1989). *Comparative Typology of French and Russian Languages*. Moscow, 288 p. (In Russ.)

4. Evtseva, Maria Yuryevna (2017). On Semantic Opposition: Verb vs to do + Deverbal Noun. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 10-1(76). Retrieved May 7, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/o-semanticheskom-protivopostavlennii-glagol-vs-delat-otglagolnoe-suschestvitelnoe> (In Russ.)

5. Kazakov, V.P. (1994). *Syntax of Action Nouns*. St. Petersburg, 147 p. (In Russ.)

6. Kozheteva, A.S. (2012). Diplomatic discourse as a special type of institutional discourse. *Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Modern linguistic and methodological-didactic research*, 17, 54–63. (In Russ.)

7. Koryakovtseva, E.I. (1999). *Action Nouns in the History of the Russian Language*. Stupsk, 218 p. (In Russ.)

8. Skreliina, L.M. (1973). *Essay on the Historical Syntax of the French Language (Development of Sentence Structure in Connection with Changes in the Valence Properties of Fundamental Verbs)* [A Textbook on the Course of Grammar and History of the French Language]. Minsk: Minsk State Pedagogical Institute of Foreign Languages, 362 p. (In Russ.)

9. Khokhlacheva, V.N. (1969). *On the History of Deverbal Noun Formation in the Modern Russian Literary Language*. Moscow, 151 p. (In Russ.)

10. Langacker, Ronald W. (1987). *Foundations of Cognitive Grammar: Descriptive Application*. Stanford University Press, 540 p. (In Russ.)

11. 冯胜利. 论汉语韵律的形态功能与句法演变的历史分期 // 历史语言学研究, 2009(2): 10–31. (Feng Shengli (2009). On the Morphological Function of Chinese Rhyme and the Historical Phase of Syntactic Evolution. *Historical Linguistics Research*, 2, 10–22) (In Chinese)

12. 刘月华, 潘文娉, 故鞅. 实用现代汉语语法 (第三版). 商务印书馆. 2019. — 995 p. (Liu Yuehua, Pan Wenxu, Gu Wei (2019). *Practical Grammar of Modern Chinese* (3rd edition). Commercial Press, 995 p.) (In Chinese)

13. 王丽娟. 从名词、动词看现代汉语普通话双音节的形态功能, 博士学位论文, 北京语言大学, 2009年. — 109 p. (Wang Lijuan. *Morphological Functions of Disyllabic Words in Modern Mandarin Chinese from Nouns and Verbs* [PhD thesis]. Beijing Language and Culture University, 109 p.) (In Chinese)

14. 王永娜. 汉语书面正式语体语法的泛时空化特征研究. 北京: 中国社会科学出版社. 2016. — 258 p. (Wang Yongna (2016). *Study of the General Spatiotemporal Features in the Written Formal Stylistic Grammar of Chinese*. Beijing: China Social Sciences Press, 258 p.) (In Chinese)

15. 现代汉语.下册/黄伯荣, 廖序东主编. — 4版. 北京: 高等教育出版社. 2007. 261 页. (Huang Borong & Liao Xudong (Eds.). *Modern Chinese Language* (Vol. 2, 4th ed.). Beijing: Higher Education Press, 261 p.) (In Chinese)

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 81'42+81'27+626.8
ББК Ш105.51+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.8

Пан Хайтун^{1,2}, Чэнь Хуэй^{1,3}✉

^{1,2} Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Китай

² 1240172198@qq.com

³ 1007686179@qq.com ✉

Обзор исследований водных конфликтов и сотрудничества в бассейне Амударья китайскими учеными

АННОТАЦИЯ. Цель исследования — представить обзор исследований водных конфликтов и сотрудничества в бассейне Амударья китайскими учеными. В данном обзоре рассматриваются приоритетные направления исследований китайских ученых в этой области, включая изменение климата и антропогенную деятельность и их влияние на водные ресурсы в бассейне Амударья, водные конфликты и сотрудничество между странами верхнего и нижнего течения в этом бассейне и комплексное управление водными ресурсами. Представленный обзор позволяет прийти к следующим выводам: во-первых, изменение климата приведет к уменьшению стока и ухудшению качества воды. Во-вторых, неравномерное распределение воды и различие интересов политических акторов привлекли к водным конфликтам между странами верхнего и нижнего течения в бассейне Амударья после распада СССР. В-третьих, с приходом к власти Ш. Мирзиёева Узбекистан укрепил сотрудничество с соседними странами Центральной Азии в области водных ресурсов, что смягчило водные конфликты в этом бассейне. В-четвертых, страны бассейна, внерегиональные державы и международные организации вовлечены в процесс управления водными ресурсами, но с неудовлетворительными результатами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, международные отношения, Амударья, изменение климата, водные конфликты, трансграничные водные ресурсы, международное сотрудничество, комплексное управление водными ресурсами.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Пан Хайтун, магистр, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли; 510545, Китай, пров. Гуандун; email: 1240172198@qq.com.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ-КОРРЕСПОНДЕНТЕ: Чэнь Хуэй, доктор филологических наук, профессор, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли; Китай, 2 Baiyun N Ave, Baiyun, Guangzhou, Guangdong; email: 1007686179@qq.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Пан, Хайтун. Обзор исследований водных конфликтов и сотрудничества в бассейне Амударья китайскими учеными / Пан Хайтун, Чэнь Хуэй. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 332-338.

Pang Haitong^{1,2}, Chen Hui^{1,3}✉

^{1,2} Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China

² 1240172198@qq.com

³ 1007686179@qq.com ✉

A Review of the Studies Devoted to Water Conflicts and Co-operation in the Amu Darya Basin by Chinese Scholars

ABSTRACT. The aim of the paper is to review the studies of water conflicts and co-operation in the Amu Darya basin by Chinese scholars. This review considers priority areas of research by Chinese scholars in this area, including climate change and anthropogenic activities and their impact on water resources in the Amu Darya basin, water conflicts and co-operation between upstream and downstream countries in the basin, and the process of integrated water management. This review leads to the following conclusions: firstly, climate change will lead to reduced runoff and deterioration of water quality in the Amu Darya basin. Secondly, the unequal water distribution and different interests led to water conflicts between upstream and downstream countries in this basin after the collapse of the USSR. Thirdly, since Mirziyoyev came to power, Uzbekistan has strengthened water cooperation with the neighboring Central Asia (CA) countries, which has mitigated water conflicts in the basin. Fourthly, the basin countries, extra-regional powers and international organizations are involved in integrated water management, but with unsatisfactory results.

KEYWORDS: political discourse, international relations, Amu Darya, climate change, water conflicts, transboundary water resources, international cooperation, integrated water management.

AUTHOR'S INFORMATION: Pang Haitong, Master's Degree Student, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China.

CORRESPONDENT AUTHOR'S INFORMATION: Chen Hui, Doctor of Philology, Professor, Research Center for Translation Studies and Faculty of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China.

FOR CITATION: Pang Haitong, Chen Hui. (2024). A Review of the Studies Devoted to Water Conflicts and Cooperation in the Amu Darya Basin by Chinese Scholars. In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 332-338. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данной научной статьи заключается в том, что 1) водные конфликты в странах бассейна Амударьи имеют давнюю историю и до сих пор не получили должного разрешения; 2) из-за изменения климата емкость бассейна Амударьи будет сокращаться, качество воды будет ухудшаться, что может вызвать конкуренцию за водные ресурсы Амударьи между странами бассейна; 3) строительство канала в Афганистане, который будет забирать большое количество воды из реки Амударья, будет влиять на количество воды, поступающей в страны, расположенные ниже по течению бассейна реки Амударьи (то есть Узбекистан и Туркменистан), что поставит под угрозу сельскохозяйственное производство и продовольственную безопасность этих двух стран и потенциально повысит риск дестабилизации ситуации в Центральной Азии. С учетом этих факторов исследование водных конфликтов и сотрудничества в бассейне Амударьи имеет огромное значение.

Данная статья посвящена состоянию исследований водных конфликтов и сотрудничества в бассейне Амударьи китайскими учеными. Китайские ученые сосредоточились на трех основных направлениях. Они выявили негативное влияние изменения климата и деятельности человека на сток реки Амударьи, а также на Аральское море, рассмотрели конфликты и сотрудничество в области водных ресурсов между странами верхнего и нижнего течения в бассейне Амударьи и изучили процесс управления водными ресурсами в бассейне Амударьи. Особое внимание они уделили участию ШОС в этом процессе.

Практическая значимость состоит в том, данный обзор литературы демонстрирует нахождение этой области в центре внимания китайских ученых, а также выявляет слабые стороны их исследований, а именно игнорирование водных конфликтов между странами нижнего течения и угрозы Афганистана для этого бассейна, что дает возможность другим ученым обогатить своими исследованиями данную область.

1. ИССЛЕДОВАНИЕ ГИДРОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК РЕКИ АМУДАРЬИ

1.1. Влияние изменения климата на сток реки Амударьи

Водные ресурсы бассейна Амударьи в основном зависят от таяния горного снега и льда и пополнения подземных вод, на долю

которых приходится 50 % и 30 % соответственно, поэтому изменение климата в большей степени влияет на объем воды в бассейне Амударьи. Чтобы показать влияние изменения климата на гидрологическое состояние реки Амударьи, Дэн Минцзян и Лонг Айхуа в статье «Анализ изменения гидрологических характеристик в бассейне Аральского моря и пути выхода из его экологического кризиса» отобрали данные 20 метеорологических станций из 182 станций в пяти странах ЦА и провели их анализ, который показал, что температура в ЦА имеет тенденцию к увеличению из года в год и ЦА вступила в период устойчивого и быстрого потепления с 1980-х годов. Кроме того, чтобы исключить влияние антропогенной деятельности, ученые провели анализ основных гидрологических станций Амударьи на территории Республики Таджикистан и показали, что за период с 1936 по 1985 год, за исключением гидрологической станции Дарья (ближайшей к Аральскому морю), где наблюдалась резкая тенденция снижения притока стока, объем стока остальных основных рек в верхнем течении бассейна Амударьи не уменьшался или даже имел небольшую тенденцию к увеличению. Можно сделать вывод, что с 1980-х гг. климат в Центральной Азии изменился с «теплого и сухого» на «теплый и влажный», а сток в бассейне Амударьи несколько увеличился. Однако резкое уменьшение стока на гидрологической станции Даржаван, расположенной ближе всего к входу в Аральское море, является еще одним доказательством негативного влияния деятельности человека на гидрологические характеристики реки Амударьи. В то же время два ученых проанализировали ситуацию с качеством воды в реке Амударья и показали, что большое количество токсичных остатков пестицидов сбрасывается в воду и приводит к загрязнению к ухудшению качества воды, подаваемой в города и поселки в нижнем течении реки Амударьи [Дэн Минцзян 2011: 1363–1375]. Ученый Фатти Гао в своей статье «Анализ изменения стока и оптимальное распределение водных ресурсов в бассейне Амударьи» проанализировал влияние изменения климата на будущий сток в бассейне реки Амударьи, разработав гидрологическую модель HBV в соответствии с несколькими климатическими сценариями, и пришел к выводу, что сток в бассейне реки Амударьи, согласно прогнозам, будет иметь тенденцию к снижению в период 2021–2100 гг. [Фатти Гао 2022].

1.2. Влияние деятельности человека на Аральское море

Проанализировав данные метеорологических станций, станций осадков и станций стока в бассейне Аральского моря за период 1936–2000 гг., ученые Дэн Минцзян и Лонг Айхуа в своей статье «Анализ изменений гидрологических характеристик в бассейне Аральского моря и пути выхода из его экологического кризиса» выявили изменение климата в бассейне Аральского моря и гидрологических характеристик рек, сделали вывод, что экологический кризис Аральского моря происходит из-за непродуманной хозяйственной деятельности человека и оказывает значительное негативное влияние на окружающую среду и жизнедеятельность проживающих в Приаралье миллионов людей. Два ученых назвали две основные меры по спасению Аральского моря: изыскивать источники и усиливать меры по комплексному управлению в этом регионе. Ученые отмечают, что одним из основных правил является «расширение источников, снижение затрат и уменьшение загрязнения окружающей среды», и что укрепление сотрудничества между странами Центральной Азии является ключевым моментом [Дэн Минцзян 2011: 1363–1375]. Ян Шу и другие ученые в совместной статье «Аральский кризис и современная ситуация» подтвердили преобладающую научную точку зрения о том, что кризис Аральского моря является последствием антропогенной деятельности. В их работе освещены история, современное состояние и перспектива кризиса Аральского моря и обсуждаются усилия по спасению Аральского моря, прилагаемые Казахстаном, Узбекистаном и международными организациями. По их мнению, главной причиной неэффективности мер для спасения Аральского моря является отсутствие политического доверия между государствами Центральной Азии [Ян Шу 2024: 181–191].

2. ИССЛЕДОВАНИЕ ВОДНЫХ КОНФЛИКТОВ И СОТРУДНИЧЕСТВА В БАСЕЙНЕ АМУДАРЬИ

С момента распада Советского Союза пять стран Центральной Азии находятся в постоянных разногласиях из-за водных ресурсов рек Амударья и Сырдарья, а влияние изменения климата усиливает недостаток водных ресурсов, что увеличивает риск возникновения водных конфликтов между странами Центральной Азии. Водные конфликты между странами Центральной Азии коренятся в неравномерном распределении водных ресурсов и несовпадении интересов в сфере водопользования, особенно между странами

верхнего течения и странами нижнего течения. В советский период для производства хлопка и развития сельского хозяйства в странах нижнего течения (Узбекистан и Туркменистан) правительство искусственно распределило водные ресурсы Амударьи, так что Таджикистану, изначально богатому водными ресурсами, была выделена небольшая квота воды, а большая часть воды была предоставлена странам нижнего течения, таким как Узбекистан и Туркменистан. В качестве компенсации Узбекистан и Туркменистан поставляли Таджикистану энергетические ресурсы, в результате чего сложилась в бассейне Амударьи система обмена воды на энергию. Китайские ученые обратили особое внимание на водные конфликты между странами верхнего и нижнего течения, то есть конфликты между Узбекистаном и Таджикистаном.

2.1. Исследование водных конфликтов

Ученые Цзяо Ицян и Лю Ифань в статье «Водные проблемы в Центральной Азии: причины, воздействие и перспективы» отмечали, что суть проблемы водных ресурсов в Центральной Азии заключается в дисбалансе водных квот и крахе механизма водно-энергетического обмена, а также делали прогноз, что изменение климата, рост населения, восстановление Афганистана и вмешательство внешних сил осложнят ситуацию с водными ресурсами в Центральной Азии [Цзяо Ицян 2013: 77–83]. Но в их статье не указывается коренная причина сбоя механизма водно-энергетического обмена. Сун Чжицин в своей статье «Водный спор между Узбекистаном и Таджикистаном» подробно описал спор о водных ресурсах между Узбекистаном и Таджикистаном, показывая, что коренная причина спора о водных ресурсах между двумя странами кроется в несовпадении интересов в водоиспользовании и в том, что каждая страна учитывает только свои национальные интересы, и указывая, что камнем преткновения в конфликте между Узбекистаном и Таджикистаном по поводу водных ресурсов является Рогунская ГЭС. По его мнению, Узбекистан обеспокоен тем, что завершение строительства Рогунской ГЭС приведет к сокращению количества воды в стране и поставит под угрозу ее продовольственную безопасность, а также тем, что Таджикистан будет использовать Рогунскую ГЭС в качестве разменной монеты, угрожая статусу Узбекистана как крупнейшей державы в Центральной Азии. Кроме того, ученый отметил, что спор о водных ресурсах между двумя странами влияет на политическую, экономическую, военную сферы и сферу безопасности двух стран и угрожает

региональной стабильности [Сун Чжицин 2017: 38–42]. Дан Ян и Пань Чжипин в своей статье «Анализ причин конфликтов за водные ресурсы в Центральной Азии и пути их разрешения — на примере Рогунской и Камбаракинской ГЭС I» анализировали такие текущие кризисы водных ресурсов в Центральной Азии, как тяжелый экологический кризис в Аральском море, влияние изменения климата и социального развития на водные ресурсы Центральной Азии. Данные ученые обратили особое внимание на спор о строительстве Рогунской и Камбаракинской ГЭС, которые считаются главными противоречиями по водному вопросу между Узбекистаном и странами верхнего течения (Таджикистан и Кыргызстан) [Дан Ян 2021: 34–42].

2.2. Исследование сотрудничества в области воды

В 2016 году с приходом Шавката Мирзиёева на пост президента Узбекистана он провел ряд реформ во внутренней и внешней политике, сделав регион Центральной Азии главным приоритетом внешней политики страны, активно продвигая процесс демаркации границ с соседними странами и ослабляя враждебность отношений с ними в области водных ресурсов и энергетики. Принцип равного учета интересов всех государств с целью достижения взаимовыгодного сотрудничества стал важным принципом в подходе Узбекистана к решению чувствительных вопросов, связанных с водными ресурсами в Центральной Азии, о чем свидетельствует его стремление решить вопрос о принадлежности водохранилищ на границе с Кыргызстаном и Таджикистаном, а также разрешение Кыргызстану и Таджикистану строить крупные гидроэлектростанции и участвовать в совместных инвестициях по строительству таких электростанций.

Ван Фучжун и Цзинь Линь в статье «От конфликта к сотрудничеству: улучшение взаимоотношений между Таджикистаном и Узбекистаном и его последствия» отметили, что после прихода Мирзиёева к власти Узбекистан и Таджикистан начали обмены на высоком уровне для повышения взаимного политического доверия и установили стратегическое партнерство для укрепления отношений между двумя странами. Узбекистан возобновил поставки природного газа в Таджикистан, чтобы решить проблему нехватки энергии в Таджикистане. Данные ученые считали, что улучшение двусторонних отношений между Узбекистаном и Таджикистаном способствует поддержанию безопасности и стабильности в Центральной Азии и реализации устойчивого развития в Центральной Азии [Ван Фучжун 2019: 83–87].

3. ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЯ ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ

Аральский кризис возник и усугубился в советский период в результате бесконтрольной добычи водных ресурсов рек Амударья и Сырдарья для развития орошаемого земледелия в странах Центральной Азии. После распада Советского Союза распределение водных ресурсов в бассейне Амударья вызвало спор между Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменистаном и начались конфликты вокруг водных ресурсов Амударья, что привело к ухудшению отношений между странами бассейна. Для более эффективного управления трансграничными водными ресурсами в Центральной Азии были созданы Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия Центральной Азии (МКВК), в состав которой вошли БВО «Амударья» и БВО «Сырдарья», а также Международный фонд спасения Арала (МФСА). Ведущие страны мира и международные организации также вовлечены в процесс управления водными ресурсами в бассейне, предоставляя средства, технологии и опыт. Китайские ученые в основном уделяли внимание практике интегрированного управления бассейном реки Амударья странами Центральной Азии, участию мирных держав и международных организаций в процессе управления водными ресурсами и их результатам.

3.1. Усилия стран Центральной Азии по интегрированному управлению водными ресурсами (ИУВР) в бассейне реки Амударья

Ученые У Хунвэй, Сулейман Сламу и Телайти Мумин в своих статьях рассмотрели такие практики стран Центральной Азии по комплексному управлению трансграничными реками, как подписание соответствующих соглашений по водопользованию, создание Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии Центральной Азии (МКВК), БВО «Амударья» и БВО «Сырдарья» и Международного фонда спасения Арала (МФСА) и т. д. [У Хунвэй 2019; Сулейман Сламу 2014: 81–90]. Дэн Минцзян и др. в статье «Использование водных ресурсов трансграничных рек и сотрудничество между странами ЦА и существующие проблемы» указали на неэффективности этих организаций и соглашений на практике [Дэн Минцзян 2010: 1337–1346]. На этой основе Хуэйцзюнь и Ицюань Ли в их статье «Исследование механизмов управления водными ресурсами реки Амударья в Центральной Азии» подробно обсудили механизм управления водными ресурсами реки Амударья в Централь-

ной Азии, указав на такие существующие проблемы, как экологические проблемы и низкий уровень технологий. Данные ученые выдвинули четыре предложения по улучшению механизма: корректировка промышленной структуры, улучшение технологии, усиление регулирования и развитие сотрудничества между странами бассейна [Хуэйцзюнь 2020: 304–314].

3.2. Участие мировых держав в управлении водными ресурсами в бассейне реки Амударья

В своей монографии «Исследование водных ресурсов и трансграничных рек в Центральной Азии» У Хунвэй описывал сотрудничество стран Центральной Азии с такими крупными странами, как Китай, США, Великобритания и т. д. Китай поддерживает строительство гидроэлектростанций, термоэлектростанций и электросетей в странах Центральной Азии; США предоставляют средства, оборудование, технологии и опыт для улучшения использования воды и содействия сотрудничеству в управлении водными ресурсами с странами Центральной Азии; Великобритания финансирует проекты о управлении водными ресурсами стран Центральной Азии и т. д. [У Хунвэй 2019]. В свою очередь Чжао Юмин в своей статье «Водные проблемы в Центральной Азии: восприятие, участие и оценка США» отметил, что участие США в области водных ресурсах представляет собой часть общей стратегии США в Центральной Азии. По его мнению, США путем экспорта ценностей и продвижения так называемого демократического преобразования стран ЦА усиливали свое влияние в этом регионе. США в некоторой степени способствует управлению трансграничными водными ресурсами и водной энергией в Центральной Азии путем предоставления средств, технологий и оборудования, но странам ЦА еще не удалось создать настоящий эффективный координационный механизм для управления трансграничными водными ресурсами [Чжао Юмин 2017: 79–89]. Гэн Цзе, в свою очередь, в своей статье «Исследование по управлению трансграничными реками в Центральной Азии в рамках инициативы „Пояс и путь“» рассказал о необходимости участия Китая в управлении трансграничными реками в Центральной Азии в рамках китайской дипломатии соседства и инициативы «Одного пояса и одного пути». По его мнению, Китай может участвовать в процессе управления трансграничными реками в ЦА путем сотрудничества в области водосберегающего сельского хозяйства и новых источников энергии. Кроме того, Китай может усилить строительст-

во «мягкой силы» с целью достижения консенсуса по управлению водой со странами Центральной Азии [Гэн Цзе 2020: 68–75].

3.3. Участие международных организаций в управлении трансграничными водными ресурсами в ЦА

В своей монографии У Хунвэй описывал сотрудничество стран Центральной Азии с такими международными организациями и финансовыми институтами, как Азиатский банк развития, Европейский союз и Организация Объединенных Наций. Эти международные организации оказали финансовую и техническую помощь странам Центральной Азии. С помощью координации международных организаций был разработан ряд программ действий и планов по водным ресурсам среди стран Центральной Азии. Кроме того, ученый представил некоторые предложения для ШОС по решению проблем водных ресурсов в Центральной Азии. Ученый дал общее описание сотрудничества стран Центральной Азии с международными организациями, но это описание носит общий характер, примеры недостаточно обширны, а данные устарели [У Хунвэй 2019]. Ли Чжифэй в своей статье «Анализ участия ЕС в управлении водными ресурсами в Центральной Азии» показал, что участие ЕС в управлении водными ресурсами в ЦА отвечает интересам и общей стратегии ЕС в этом регионе. Он выдвинул некоторые средства и способы ЕС в этом области. Кроме того, Ли Чжифэй рассказал о том, что управление водными ресурсами ЕС в Центральной Азии является вдохновляющим примером для Китая, например, сосредоточение внимания на инициативе по разработке правил водопользования и управления, укрепление технических исследований, а также продвижение и применение передовых технологий управления [Ли Чжифэй 2019: 103–124]. Ученые Чэнь Цзяцзюнь и Ли Лифань в своей статье «Трансграничные водные проблемы в ЦА и методы управления трансграничными водными ресурсами» пришли к выводу, что основной моделью вмешательства международных организаций и крупных держав является интегрированное управление водными ресурсами (ИУВР), которое обходит стороной наиболее чувствительные вопросы о распределении воды в Центральной Азии и сосредоточивается на укреплении демократизации управления водными ресурсами и их эффективном использовании. Международные многосторонние институты способствовали созданию правовой базы «сверху — вниз» и многоразовых платформ управления на основе широкого участия «снизу — вверх»

в странах Центральной Азии. Хотя международные многосторонние институты участвуют в управлении трансграничными водными ресурсами в Центральной Азии уже почти 20 лет, достигнутых результатов еще немного. В этом контексте данные ученые отметили три преимущества участия Шанхайской организации сотрудничества в управлении водными ресурсами трансграничных рек в ЦА: политическое лидерство, «шанхайский дух» и многоуровневый путь участия. Кроме того, два ученых дали ШОС такие предложения по решению проблем трансграничных рек в ЦА, как посредничество в конфликтах, содействие переговорам, выступление в качестве финансового посредника, создание механизма экологических компенсаций и содействие легализации управления трансграничными водными ресурсами [Чэнь Цзяцзюнь 2018: 70–88].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Китайские ученые уделили внимание гидрологическим характеристикам и изменениям реки Амударья и Аральского моря, выявили негативные последствия изменения климата и деятельности человека для реки Амударья и Аральского моря. Данные ученые обратили особое внимание на водные конфликты и сотрудничество между государствами верхнего течения и нижнего течения. Кроме того, эти ученые анализировали процесс управления водными ресурсами в бассейне Амударья с трех сторон (внутрирегиональные страны, мировые державы и международные организации), акцентируя внимание на участии Китая и ШОС в процессе управления водными ресурсами в бассейне ЦА и давая рекомендации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ван, Фучжун. От конфликта к сотрудничеству: улучшение взаимоотношений между Таджикистаном и Узбекистаном и его последствия / Ван Фучжун. — Текст : непосредственный // Журнал Илийского педагогического университета. — 2019. — № 4. — С. 83–87.
2. Гао, Фатти. Анализ изменения стока и оптимальное распределение водных ресурсов в бассейне Амударья / Гао Фатти ; Северо-Китайский ун-т электроэнергетики. — Пекин : [б. и.], 2011. — DOI: 10.27140/d.cnki.gbbu.2021.000026. — Текст : непосредственный.
3. Гэн, Цзе. Исследование по управлению трансграничными реками в Центральной Азии в рамках инициативы «Пояс и путь» / Гэн Цзе. — Текст : непосредственный // Академическое исследование. — 2020. — № 12. — С. 68–75.
4. Дан, Ян. Анализ причин конфликтов за водные ресурсы в Центральной Азии и пути их разрешения — на примере Рогунской и Камбаракинской ГЭС I / Дан Ян. — Текст : непосредственный // Журнал Синьцзянского университета. — 2021. — № 3. — С. 34–42.
5. Дэн, Минцзян. Анализ изменения гидрологических характеристик в бассейне Аральского моря и пути выхода из его экологического кризиса / Дэн Минцзян, Лонг Айхуа. — Текст : непосредственный // Ледники и вечная мерзлота. — 2011. — № 6. — С. 1363–1375.

6. Дэн, Минцзян. Использование водных ресурсов трансграничных рек и сотрудничество между странами ЦА и существующие проблемы / Дэн Минцзян. — Текст : непосредственный // Достижения в области наук о Земле. — 2010. — № 12. — С. 1337–1346.

7. Ли, Чжифэй. Анализ участия ЕС в управлении водными ресурсами в Центральной Азии / Ли Чжифэй. — Текст : непосредственный // Международные политические исследования. — 2017. — № 4. — С. 103–124.

8. Ян, Шу. Аральский кризис и современная ситуация / Ян Шу. — Текст : непосредственный // География засушливых зон. — 2024. — № 2. С. 181–191.

9. Сулейман, Сламу. Состояние водных конфликтов и сотрудничества в Центральной Азии / Сулейман Сламу. — Текст : непосредственный // Евразийская экономика. — 2014. — № 3. — С. 81–90.

10. Сун, Чжицинь. Водный спор между Узбекистаном и Таджикистаном / Сун Чжицинь. — Текст : непосредственный // Сибирские исследования. — 2017. — № 2. — С. 38–42.

11. У, Хунвэй. Исследование водных ресурсов и трансграничных рек в Центральной Азии / У Хунвэй. — Пекин : Китайское издательство социальных наук, 2019. — 135 с. — Текст : непосредственный.

12. Хуэйцзюнь. Исследование механизмов управления водными ресурсами реки Амударья в Центральной Азии / Хуэйцзюнь. — Текст : непосредственный // Фуданский обзор международных отношений. — 2020. — № 1. — С. 304–314.

13. Цзяо, Ицян. Водные проблемы в Центральной Азии: причины, воздействие и перспективы / Цзяо Ицян. — Текст : непосредственный // Общественные науки Синьцзяна. — 2013. — № 1. — С. 77–83.

14. Чэнь, Цзяцзюнь. Трансграничные водные проблемы в ЦА и методы управления трансграничными водными ресурсами / Чэнь Цзяцзюнь. — Текст : непосредственный // Международные перспективы. — 2018. — № 3. — С. 70–88.

15. Чжао, Юмин. Водные проблемы в Центральной Азии: восприятие, участие и оценка США / Чжао Юмин. — Текст : непосредственный // Российские исследования Восточной Европы и Центральной Азии. — 2017. — № 3. — С. 79–89.

REFERENCES

1. Van Fuchzhun (2019). Ot konfliktk k sotrudnichestvu: uluchshenie vzaimootnoshenij mezhdru Tadjikistanom i Uzbekistanom i ego posledstviya [From conflict to cooperation: the improvement of Uzbekistan-Tajikistan relations and its implications]. ZHurnal Ilijskogo pedagogicheskogo universiteta. (In Chinese)
2. Gao Fatti (2011). Analiz izmeneniya stoka i optimal'noe raspredelenie vodnyh resursov v bassejne Amudar'i [Analysis of runoff changes and optimal allocation of water resources in the Amu Darya River Basin]. Pekin: Severo-Kitajskij uni-t elektroenergetiki., 197 p. DOI:10.27140/d.cnki.gbbu.2021.000026. (In Chinese)
3. Gen Cze (2020). Issledovanie po upravleniyu transgranichnymi rekami v Central'noj Azii v ramkah iniciativy "Poyas i put'" [Study on transboundary river governance in Central Asia within the framework of the "Belt and Road" programme]. Akademicheskoe issledovanie, 12, 68–75. (In Chinese)
4. Dan Yan (2021). Analiz prichin konfliktov za vodnye resursy v Central'noj Azii i puti ih razresheniya - Na primere Rogunskoj i Kambarakinskoj GES I [Analysis of the Causes of Water Resources Conflicts in Central Asia and the Path to Resolve Them - Taking Rogun and Kambarakin I Hydropower Station as an Example]. ZHurnal Sin'czyanskogo universiteta, 3, 34–42. (In Chinese)
5. Den Minczyan (2011). Analiz izmenenij gidrologicheskikh karakteristik v bassejne Aral'skogo morya i puti vyhoda iz ego ekologicheskogo krizisa [Analysis of the evolution of hydrological and water resources in the Aral Sea basin and the way out of the Aral Sea ecological crisis]. Ledniki i vechnaya merzlota, 6, 1363–1375. (In Chinese)
6. Den Minczyan (2010). Ispol'zovanie vodnyh resursov transgranichnyh rek i sotrudnichestvo mezhdru stranami CA i sushchestvuyushchie problemy [Analysis of the development and use of transboundary water resources and cooperation among the five Central Asian countries and their problems]. Dostizheniya v oblasti nauk o Zemle, 12, 1337–1346. (In Chinese)

7. Li CHzhifej (2017). Analiz uchastiya ES v upravlenii vodnymi resursami v Central'noj Azii / Li CHzhifej [Analysing the EU's Involvement in Water Governance in Central Asia]. *Mezhdunarodnye politicheskie issledovaniya*, 4, 103–124. (In Chinese)
8. YAn SHu (2024). Aral'skij krizis i sovremennaya situaciya [Changes in the Aral Sea — crisis and current situation]. *Geografiya zasushlivyh zon*, 2, 181–191. (In Chinese)
9. Sulejman Slamu (2014). Sostoyanie vodnyh konfliktov i sotrudnichestva v Central'noj Azii [Condition of water conflicts and cooperation in Central Asia]. *Evrazijskaya ekonomika*, 3, 81–90. (In Chinese)
10. Sun CHzhicin (2017). Vodnyj spor mezhdU Uzbekistanom i TadzhiKistanom [Water dispute between Uzbekistan and Tajikistan]. *Sibirskie issledovaniya*, 2, 38–42. (In Chinese)
11. Hunvej (2019). Issledovanie vodnyh resursov i transgranichnyh rek v Central'noj Azii [Study on water resources and transboundary rivers in Central Asia]. Pekin: Kitajskoe izdatel'stvo social'nyh nauk, 135p. (In Chinese)
12. Huejczyun (2020). Issledovanie mekhanizmov upravleniya vodnymi resursami reki Amudar'i v Central'noj Azii [Exploration of Water Management Mechanisms for the Amu Darya River in Central Asia]. *Fudan'skij obzor mezhdunarodnyh otoshenij*, 1, 304–314. (In Chinese)
13. Czyao Icyan (2013). Vodnye problemy v Central'noj Azii: prichiny, vozdejstvie i perspektivy [Water Resources in Central Asia: Issues, Impacts and Prospects]. *Obshchestvennye nauki Sin'czyana*, 1, 77–83. (In Chinese)
14. CHen' Czyaczyun' (2018). Transgranichnye vodnye problemy v CA i metody upravleniya transgranichnymi vodnymi resursami [Governance approaches to transboundary water resources in Central Asia]. *Mezhdunarodnye perspektivy*, 3, 70–88. (In Chinese)
15. CHzhao YUmin (2017). Vodnye problemy v Central'noj Azii: vospriyatie, uchastie i ocenka SSHA [Water Issues in Central Asia: U.S. Perceptions, Involvement, and Evaluation]. *Rossijskie issledovaniya Vostochnoj Evropy i Central'noj Azii*, 3, 79–89. (In Chinese)

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 811.581'42+811.581'38+81'25
 ББК Ш171.1-51+Ш171.1-55+Ш118

ГРНТИ 16.31.41

Код ВАК 5.9.8

Сунь Фуцин^{1,2}, Янь Дунмэй^{2,3}

¹ Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китай, 1406884556@qq.com, <https://orcid.org/0000-0003-2072-2804>

² Северо-Восточный университет лесного хозяйства, Харбин, Китай

³ yandongmei2002@163.com, <https://orcid.org/0009-0004-9798-7274>

Исследование методов и стратегий перевода образов крылатых слов в политическом дискурсе с точки зрения концепции воплощенного познания

АННОТАЦИЯ. В последние годы исследование речей Си Цзиньпина стало очень популярным в сфере языкознания и медиалингвистики, потому что эти речи богаты метафорами и крылатыми словами. Метафора является проявлением способа мышления и культуры. Крылатые слова являются воплощением культуры народа, в связи с чем в качестве исследовательского объекта были выбраны крылатые слова в речи Си Цзиньпина. В книгу «Си Цзиньпин о государственном управлении» включены почти все публичные речи Си Цзиньпина. Предложенное известным китайским ученым Ван Инь «переводоведение воплощенного познания» служит теоретической основой работы. Согласно концепции указанной теории, перевод сущностно основан на воплощенном опыте, в общем процесс перевода представляет собой процесс реализации воплощенного познания. Данная теория подчеркивает две стороны мышления — воплощенность и операцию познания, причем особенно важна первая — воплощенность, связанная с опытом человека. Крылатым словам всегда характерна специфика воплощенных элементов и метафоричность, поэтому в крылатых словах часто представлены образы. Эти образы обладают метафоричностью. Главная задача перевода крылатых слов сводится к трансформации образов. Для передачи этих образов надо найти эквиваленты в языке перевода. Прежде чем определиться с методологией перевода, необходимо установить степень соответствия образов при переводе политических метафор, которая главным образом проявляется в двух видах ситуаций: с соответствующим образом и без соответствующего образа. Отсутствие соответствующего образа предполагает два вида ситуаций — эквивалентный образ и безэквивалентный образ, которые в общем случае распределяются по трем типам, а именно: 1) тип эквивалентного воплощенного познания; 2) тип частично эквивалентного воплощенного познания; 3) тип безэквивалентного воплощенного познания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, когнитивная лингвистика, языковые средства, языковые единицы, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, политические метафоры, китайский язык, политические деятели, китайские политики, языковая личность, лингвоперсоналогия, лингвистические исследования, политическая риторика, политические речи, переводоведение, переводческая деятельность, политический перевод, крылатые слова, воплощенное познание, перевод крылатых слов, трансформация образов, тип эквивалентного воплощения, стратегии перевода, методы перевода, интерактивное воплощение.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ-КОРРЕСПОНДЕНТЕ: Сунь Фуцин, пост-доктор института китайского языка и культуры, Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китай; доктор, преподаватель института иностранных языков, Северо-Восточный университет лесного хозяйства, Харбин, Китай; 26 Hexing Road, Xiangfang District, Harbin 150010, China; email: 1406884556@qq.com.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Янь Дунмэй, магистр института иностранных языков, Северо-Восточный университет лесного хозяйства, Харбин, Китай; 26 Hexing Road, Xiangfang District, Harbin 150040, China; email: yandongmei2002@163.com.

БЛАГОДАРНОСТИ. Данная работа выполнена при поддержке проекта Национальных философских социальных наук «Исследование перевода культурных классических метафор в политических дискурсах на основе параллельных корпусов (22BYU198)», при финансовой поддержке Шэньсийского фонда общественных наук, проект №2021K004 «Сопоставительное и переводческое исследование реализации события в русском и китайском языках с точки зрения лингвистической типологии» и при поддержке Фонда гуманитарных и социальных исследований при Министерстве образования КНР в рамках научного проекта № 20YJC740054 «Когнитивное исследование русского перевода метафор в политическом дискурсе Си Цзиньпина в новую эпоху».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сунь, Фуцин. Исследование методов и стратегий перевода образов крылатых слов в политическом дискурсе с точки зрения концепции воплощенного познания / Сунь Фуцин, Янь Дунмэй. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 339-348.

Sun Fuqing^{1,2✉}, Yan Dongmei^{2,3}

¹ Heilongjiang University, Harbin, China, 1406884556@qq.com✉, <https://orcid.org/0000-0003-2072-2804>

² Northeast Forestry University, Harbin, China

³ yandongmei2002@163.com, <https://orcid.org/0009-0004-9798-7274>

An Embodied Cognitive Study of Methods and Strategies of Russian Translations of Catch Phrases in Political Discourse

ABSTRACT. *In recent years, studying Xi Jinping's speeches has become very popular in the field of language and media linguistics, because these speeches are rich in metaphors and catch phrases. Metaphor is a manifestation of ways of thinking and culture; catch phrases are embodiments of the culture of the people. That is why the authors of the article have chosen catch phrases in Xi Jinping's speeches as research object. The book "Xi Jinping: The Governance of China" encompasses practically all public speeches by Xi Jinping. The theory of "translation studies of embodied cognition", proposed by the famous Chinese scholar Wang Yin, forms the theoretical basis of this research. According to the conception of this theory, translation is substantially based on embodied experience. In general, the translation process is a process of embodied cognition. This theory emphasizes two sides of thinking – embodiment and cognitive operation, and the first side is especially important – it is an embodiment associated with human experience. Catch phrases are always characterized by the presence of embodied elements and metaphoricity. Therefore, catch phrases often represent images. These images are metaphorical. The main task of translating catch phrases finally boils down to transformation of images. To translate these images, it is necessary to find equivalents in the target language. Before choosing the method of translation, it is necessary to determine the degree of correspondence of image in the translation of political metaphors, which is mainly manifested in two types of situations: with a corresponding image and without a corresponding image. The absence of a corresponding image presupposes two kinds of situations, equivalent image and non-equivalent image, which are generally distributed among three types, namely: (1) type of equivalent embodied cognition; (2) type of partially equivalent embodied cognition; (3) type of non-equivalent embodied cognition.*

KEYWORDS: *political discourse, cognitive linguistics, language means, language units, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, political metaphors, Chinese language, politicians, Chinese politicians, linguistic personality, linguopersonology, linguistic studies, political rhetoric, political speeches, translation studies, translation, political translation, catch phrases, embodied cognition, translation of catch phrases, transformation of images, type of equivalent embodiment, translation strategies, translation methods, interactive embodiment.*

CORRESPONDENT AUTHOR'S INFORMATION: *Sun Fuqing, Doctor of Philology, Heilongjiang University, Teacher of Northeastern University of Forestry, Harbin, the People's Republic of China.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Yan Dongmei, Master's Degree Student of the Institute of Foreign Languages, Northeastern University of Forestry, Harbin, the People's Republic of China.*

ACKNOWLEDGMENTS. *The research has been carried out with financial support of the National philosophical and social sciences project "Research of translation of cultural classical metaphors in political discourses based on parallel corpora (22BY198)", with financial support of the Shanxi social sciences foundation, project №2021K004 "Comparative and Translation study of realization of event in Russian and Chinese languages from the position of linguistic typology" and with support of the Foundation of Humanitarian and Social Studies of the Ministry of Education of the PRC within the scientific project № 20YJC740054 "Cognitive research of the Russian translation of metaphors in the political discourse of Xi Jinping in a new epoch".*

FOR CITATION: *Sun Fuqing, Yan Dongmei (2024). An Embodied Cognitive Study of Methods and Strategies of Russian Translations of Catch Phrases in Political Discourse. In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 339-348. (In Russ.).*

1. ВВЕДЕНИЕ

Перевод политического дискурса занимает центральное место в сфере адресованного зарубежным странам перевода пропаганды и относится к центральной ядерной части в переводе текстов внешней пропаганды в узком смысле [Юань Чжуоси 2022: 25]. Большинство ученых подчеркивают, что при исследовании перевода текстов внешней пропаганды необходимо уделять особое внимание коммуникативности. В центре внимания должен быть читатель языка перевода (см. об этом, например: [Хуан Юй 2004; Юань Сяонин 2010; Чжао Цичжэн 2010]). Чжао Цичжэн (2010) считает, что направленное вовне распространение идей Китая должно сочетать цели внешней пропаганды страны с потребностями и интересами

читателей языка перевода, распространять китайскую информацию и рассказывать историю Китая так, чтобы она вызывала позитивное отношение у читателей языка перевода [Чжао Цичжэн 2010]. Господин Хуан Юй считает, что важность и новые особенности зарубежной пропагандистской работы появились вместе с изменениями в международном статусе Китая, и перевод и распространение внешних пропагандистских текстов должен соответствовать общей ситуации партии и страны. Крылатые слова из классики китайской культуры демонстрируют коллективный опыт и самосознание китайской нации. Ученый А. П. Чудинов рассматривает крылатые слова в политическом дискурсе как разновидность прецедентного высказывания, которая может быть интерпре-

тирована в терминах интертекстуальности, где крылатые слова используются с целью подчеркнуть структурные особенности текста и усилить его комплексное стилистическое воздействие [Чудинов 2005: 119]. По мнению Л. И. Степановой, перевод крылатых слов должен точно передавать не только смысл оригинального текста, но и присущие ему функциональные, коммуникативные свойства и культурную информацию [Степанова 2009]. Отечественные исследования перевода крылатых слов также подчеркивают его культурное измерение, в основном путем включения таких аспектов рассмотрения, как интертекстуальность [Чэнь Далян 2019], культурный перевод [Чу Яр Юнь 2000] и интеграция перспектив [Фу Цзянань 2022]. Половина исследований данной тематики приходится на обсуждение способов перевода крылатых слов, таких как дословный перевод с примечаниями [Пэн Аймин 2013], дополненный перевод [Ван Ли, Дэн Гуйхуа 2014] и перевод с комментариями [Лю Сюэцин 2002]. В последние годы исследования дискурса крылатых слов в политических дискурсах постепенно уделяется все больше внимания, например, ряд специалистов [Чэнь Далян, Чэнь Ваньюй 2019; Чжу Чжао-вэй 2020; Фу Цзянань 2022] исследовали труд «Си Цзиньпин о государственном управлении», но анализ перевода крылатых слов с точки зрения переводоведения воплощенного познания по-прежнему редок. В связи с этим в данной статье рассматривается процесс функционирования воплощенного познания на примере русского перевода крылатых слов политического дискурса с точки зрения воплощенного толкования, которое является основным теоретическим аспектом в переводоведческой теории воплощенного познания.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ ВОПЛОЩЕННОГО ПОЗНАНИЯ

«Переводоведение воплощенного познания» было официально предложено китайским профессором Ван Инь, известным ученым в Китае, в 2021 г. как метод адаптации к китайскому языку теории когнитивного перевода. Основываясь на принципе воплощенного познания, Ван Инь и его команда в 2005 г. выдвинули концепцию когнитивного перевода, в 2012 г. возвели ее в ранг дисциплины под названием «когнитивное переводоведение», а в 2014 г. локализовали заимствованную из-за рубежа когнитивную лингвистику в виде лингвистики воплощенного познания, рассматривая «действительность — познание — язык» в качестве ее основного

принципа и полагая, что и мышление, и язык берут начало в человеческом воплощении и познании реального мира [Ван Инь 2014: 61].

В 2021 г. Ван Инь модифицировал термин «когнитивное переводоведение» в термин «переводоведение воплощенного познания» и дал целесообразное объяснение: «Перевод — это особая, многоинтерактивная воплощенная когнитивная деятельность. Переводчик, основываясь на глубоком понимании различных видов значений, выраженных в исходном языке, о реальном мире и когнитивном мире, использует множество воплощенных когнитивных способов, чтобы отобразить их в языке перевода, а затем и формулирует их с помощью механизма творческого подражания» [Ван Инь 2021: 115]. Переводоведение воплощенного познания считает, что перевод — это не только простое преобразование языка, воплощенная когнитивная операция — это ядро внутренней встроенности, поэтому переводческая деятельность более существенна и важна именно на воплощенном когнитивном уровне психологической операции [Ван Инь 2021: 118]. По видимости перевод — это преобразование слов, но по сути это столкновение двух способов мышления, результат слияния двух воплощенных толкований. Познание — это мост между социальной реальностью и языком, и интерактивное взаимодействие человека с социальной реальностью является основой для формирования человеческого познания, а когнитивная обработка — это важный ментальный процесс, позволяющий человеку познавать новое. Поэтому перевод, по сути, является результатом «вторичного воплощения» и «вторичной обработки» реалий, описанных на исходном языке. В переводоведении воплощенного познания «интерактивное воплощение» и «когнитивная обработка» называются воплощенным познанием, где воплощение является объективным фактором, а познание — субъективным, что подходит для объяснения феномена перевода и построения теории перевода.

Переводоведение воплощенного познания основано на когнитивной лингвистике, в нем подчеркивается, что перевод — это воплощенное толкование, отличие от когнитивной лингвистики видится в том, что акцентируется воплощенность, язык рассматривается как воплощенное познание, а перевод также имеет воплощенность.

2.1. Перевод — уникальное воплощенное познание

Воплощенность перевода включает в себя двуязычное воплощение и познание, причем воплощение соотносится с наличием опыта,

а познание — с когнитивной обработкой. Воплощенное познание перевода относится к интерактивной деятельности по отношению к социальной реальности с большей объективностью, что является необходимым условием для понимания людьми друг друга и межъязыкового перевода, а также основой для объяснения сходства языков разных наций.

Понятие «воплощение» в воплощенном познании является универсальным и объективным и может быть использовано для объяснения коммуникативности и переводимости языка. Все люди живут в одной «глобальной деревне», в одинаковой или сходной природной среде, имеют одинаковое строение тела и одинаковые мышечные функции, и у всех людей очень похожая повседневная жизнь, такая как еда, сон, учеба, работа и т. д., а также одинаковые или аналогичные эмоции, такие как родственные чувства, любовь, дружба, радость, гнев, грусть и веселье и т. д., что определяет, что мышление и когнитивные стили разных наций должны иметь ряд общих черт, что, в свою очередь, указывает на то, что воплощенное познание — это основа и ключ к взаимопониманию и межкультурной коммуникации. Если нет аналогии с воплощением, люди не могут общаться друг с другом, не могут осуществлять межкультурную коммуникацию, не могут прийти к определенному единству мнений, в таком случае и перевод превращается в эфемерную сущность. Под концепцией «познания» воплощенного переводоведения можно понимать когнитивную обработку, процесс когнитивной интерпретации, который в большей степени подчеркивает его субъективность, поэтому некоторые ученые называют его «субъективной когнитивной интерпретацией».

Традиционный взгляд на перевод ориентируется на автора и сосредотачивается на оригинале, а переводчик преобразует смысл, выраженный языковыми знаками оригинала в язык перевода. Переводоведение воплощенного познания, напротив, считает, что перевод не ставит в центр автора и оригинальный текст, не фокусируется на переводчике и переводном тексте, а рассматривает перевод как деятельность воплощенного познания, то есть преодолевает традиционные «читателецентризм», «переводоцентризм» и «текстоцентризм» и поднимает его до уровня воплощенного познания, чтобы раскрыть воплощающий и познающий механизм двуязычной конверсии, подчеркнуть воплощающую и познающую сущность пе-

ревода, а также учесть источник реальности различных воплощений. «Воплощение» является отправной точкой перевода, и в процессе перевода переводчик должен полностью понимать «реальность» двух народов как эталон, уважать законы и факты реального мира на основе выбора подходящих слов и фраз для перевода оригинального текста.

Перевод — это уникальное воплощенное познание, не единственное воплощение исходного языка и не только воплощение целевого языка, а слияние двух видов воплощения, это воплощение переводчиком оригинала во вторичной обработке.

2.2. Механизмы воплощенного познания в процессе перевода

На первый взгляд, процесс перевода завершает преобразование лингвистических поверхностных структур между двумя разными языками, но если сосредоточиться на его сути, то это преобразование воплощенного познания на ментальном уровне. Если посмотреть на воплощенную особенность оригинального языка с точки зрения воплощенного познания, то такое воплощенное познание упрощено и одномерно, а переводящий язык (то есть язык перевода) является результатом более сложного процесса воплощенного познания, который формируется на основе воплощенного познания исходного языка и путем воплощенной когнитивной обработки переводчика. Язык перевода представляет собой смесь личных познаний переводчика и автора оригинала, поэтому он включает в себя и воплощенные особенности национального языка переводчика, и множество факторов, как субъективных, так и объективных, влияющих на синтез. Можно увидеть, что процесс перевода с какого-либо языка включает в себя процесс вторичного воплощенного познания.

Если проанализировать этот процесс в соответствии с приведенной ниже схемой (см. рис. 1), то основными элементами в процессе перевода являются: переводчик, перевод, автор, оригинал; воплощение оригинала является результатом воплощенной авторской обработки реальности оригинала, формирования специфического эмпирического восприятия перед лицом вещных реалий, через усиление воплощенного восприятия, а на финальном этапе, после когнитивной обработки, формирования конструкции реальности языка оригинала, т. е. языковая структура оригинала проявляет воплощенные особенности автора.

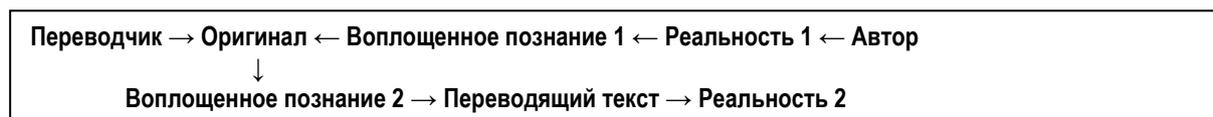

Рис. 1. Схематичное изображение процесса перевода

Если посмотреть на механизм воплощенного познания в процессе перевода, то, прежде всего, когда переводчик сталкивается с оригиналом, ему необходимо испытать «реальность первую» с точки зрения автора, описанную в оригинале, а затем сформировать смешанное воплощенное познание второй посредством воплощенной когнитивной обработки переводчика, и переводчик всегда пытается встать на место автора оригинального текста, чтобы вести с ним диалог, но в любом случае это не может быть воспроизведением оригинального смысла автора. В когнитивном поле зрения переводчика «реальность первая» уже не может быть авторской «реальностью первой», под действием субъективных особенностей переводчика и одновременно национальной идентичности переводчика воплощенное познание второе основано на исходном языке переводчика, через его личное понимание и когнитивную обработку происходит формирование воплощенного познания второго, что имеет характер вторичного воплощенного познания. Переводчик, опираясь на воплощенное познание второе и учитывая грамматико-семантические особенности переводящего языка, в итоге выражает его в виде языковой структуры целевого языка, которая используется для конструирования реальности второй и формирования ее специфического познания. Переводимый текст несет в себе воплощенные когнитивные характерные особенности языка перевода и в то же время обязательно является максимальным восстановлением реальности, сконструированной на языке оригинала.

Переводоведение воплощенного познания выступает за смещение фокуса исследований с «поверхностных» формальных операций на «внутреннюю» психологическую деятельность, то есть на процесс воплощенного познания. Согласно этой теории, перевод — это процесс психологической операции «когнитивной обработки» и процесс «межъязыковой и межкультурной когнитивной обработки», который отличается от одноязычного когнитивного процесса и является процессом трансформации воплощенного познания между двумя языками, а целевой язык — это результат синтеза двух видов воплощенного познания.

Согласно пониманию процесса перевода Хуан Чжунлянь и Ли Яшу, макропроцесс перевода можно разбить на три этапа: **пони-**

мание значения текста исходного языка, преобразование с исходного языка на язык перевода и выражение языком перевода [Хуан Чжунлянь, Ли Яшу 2004: 47].

Процесс «понимания» — это первый шаг перевода, который представляет собой процесс деконструкции и реконструкции мира исходного языка, созданного автором оригинала, как переводчиком, так и читателем, а также процесс глубокого анализа авторского замысла. Переводчик должен не только читать и понимать поверхностный смысл текста, но и уметь дойти до истинного подтекста — того, что хотел выразить автор, и передать подлинный голос автора оригинала, чтобы действительно выполнить требование понимания оригинала и заложить основу для последующей переводческой деятельности. «Понимание» требует от переводчика глубокого воплощения реального мира и когнитивного мира, созданного автором оригинального текста, их декодирования и реконструкции, поэтому итог обладает определенным интерактивным воплощением.

«Преобразование» с исходного языка в язык перевода — второй и важнейший этап перевода. Переводческое преобразование — это не только простое преобразование на уровне языка, но и преобразование когнитивной картины мира двух языков. При переводе метафор обычно происходит преобразование символических образов, которые являются ключевым звеном в переводе метафор. Известный китайский ученый Ван Инь считает, что «Образ — это впечатление от объективных предметов, которое остается в сознании человека после интерактивного воплощения и когнитивной обработки реальности, также известное как ментальные образы» [Ван Инь 2021: 131]. С этой точки зрения, образ — это ни в коем случае не объективный продукт, а результат слияния субъекта и объекта. Образ — это основной способ понимания автора и оригинала, а также необходимый способ получения субъективного познания, интегрирующий субъективность и объективность, и важный способ осуществления воплощенного познания. Может ли образ оригинала найти свой эквивалент в целевом языке — ключевое звено перевода метафоры, которое является проявлением культурных различий и сходств, а также результатом различий и сходств в воплощенном познании двух народов. Конструируя образность текста, переводчик дол-

жен в большей степени имитировать дискурсивные выражения оригинального автора и оригинального текста, глубоко и многократно понимать и чувствовать их, а также творчески подражать им.

Процесс «выражения» с исходного языка на целевом языке является последним этапом перевода, и переводческая деятельность переводчика считается завершенной, когда результат глубокого понимания и имитации отображения конструируется и передается на другом языке. Выражение требует от переводчика понимания реальности как целевого, так и исходного языков, полного учета когнитивного образа мышления и восприятия читателей целевого языка, а также умения выразить мысли автора и стиль произведения в форме гладкого и беглого перевода, уделяя внимание как форме, так и содержанию, чтобы максимально передать информацию оригинала.

Подводя итог, можно сказать, что переводоведение воплощенного познания предлагает поэтапное рассмотрение деятельности: она начинается с понимания воплощенного познания первого оригинала, в то же время проходит важный этап двуязычной воплощенной трансформации, то есть акцента на интерактивном воплощении и когнитивной обработке, и заканчивается выражением по воплощенному познанию второму с синтетическими свойствами. Переводоведение воплощенного познания подчеркивает, что перевод — это воплощенное познание, исследователь фокусируется на интерпретации когнитивных механизмов, сосредоточен на внутренней воплощенной сущности перевода и раскрывает взаимодействие ключевых элементов, участвующих в процессе перевода, а именно «переводчик — перевод» и «автор — оригинал», что отличается от традиционных парадигм исследования, ориентированных на текст, автора и читателя.

2.3. Методология перевода воплощенного познания метафорических образов

Политическая метафора является особым и важным объектом исследований метафоры. Воплощенный перевод политической метафоры основан на теории переводоведения воплощенного познания, анализе дискурса и теории концептуальной метафоры. В данной статье политическая метафора рассматривается с привлечением метода анализа дискурса, направленного на анализ стратегии воплощенного перевода политической метафоры в книге «Си Цзиньпин о государственном управлении». Данное исследование посвящено трансформации образов в политических метафорах. Образ — это наиболее значимый объект, отражаю-

щий различия и сходства воплощенного познания, и он является заметной отправной точкой, позволяющей увидеть различия в воплощенном познании, особенно если это символический образ, отражающий уникальность воплощенного познания автора или переводчика. Вопрос о том, может ли политический метафорический образ найти аналог или эквивалент в целевом языке, имеет решающее значение, и это тесно связано с воплощенным познанием читателей оригинала и перевода, потому, прежде чем переводить политические метафоры, необходимо прояснить методологию этого процесса.

Методология — основа научного исследования, и исследование метафоры не является исключением, а прояснение методологии важно для последующих исследований. Методологическая система не может быть построена за один раз, и данное исследование направлено на то, чтобы в общих чертах обрисовать макрометодологию исследования политической метафоры. Воплощенный перевод политических метафор основывается на методологии полного перевода, и лишь в некоторых случаях используется методология вариативного перевода.

Прежде чем уточнить методологию перевода, необходимо определить соответствие образа при переводе политических метафор, которое в основном состоит из двух видов ситуаций — с соответствующим образом и без соответствующего образа, а отсутствие соответствующего образа предполагает два вида ситуаций — эквивалентный образ и безэквивалентный образ, которые в общем случае включают три типа, а именно: (1) тип эквивалентного воплощения; (2) тип частично эквивалентного воплощения; (3) тип безэквивалентного воплощения.

Способы перевода с соответствующими образами имеют тенденцию к дословному переводу, который является общим сближением воплощения познания, если оно одинаковое, в это время также существует полное соответствие и неполное соответствие. В более идеальной ситуации существуют полностью соответствующие образы в целевом языке, когда обычно используется стратегия дословного перевода, способ перевода-соответствия. Однако в большинстве случаев переводные единицы не полностью соответствуют (или частично соответствуют), если отличаются, но разница небольшая, необходимо сделать микрорегулировку, чтобы адаптироваться к условиям целевого языка, в это время может быть использована стратегия адаптации либо увеличение или уменьшение образов, чтобы преодолеть разрыв и изменения между исходным и це-

левым языком. Если степень этой разницы большая, то это предполагает макропреобразование, изменение сферы, в это время при переводе образ часто предстает в новом облике, в большей степени используется стратегия трансформации, способ перевода — вольный перевод плюс дословный перевод. Наконец, если существует наибольшее расхождение в способе воплощенного познания, когда в целевом языке нет соответствующего образа, т. е. он полностью отсутствует, используется стратегия удаления, часто включающая вольный перевод, т. е. процесс демиджирования метафоры исходного языка с помощью вольного перевода, призванного компенсировать потерю семантических коннотаций, вызванную отсутствием образа.

Методология перевода метафорических образов не является абсолютно универсальной. Методология — это систематический проект, процесс постоянного пересмотра, направленный на поиск или приближение к истине.

3. АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ ВОПЛОЩЕННОГО ПОЗНАНИЯ В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ

В соответствии с особенностями корпуса в книге «Си Цзиньпин о государственном управлении», с опорой на основную идею переводоведения воплощенного познания и предложенную нами методологию перевода образов, данное исследование обобщает следующие стратегии воплощенного познания в русском переводе политических метафорических образов.

3.1. Тип эквивалентного воплощенного познания

1. 绿水青山就是金山银山。(习近平, 2016: 209) / *Прозрачные воды и покрытые буйной растительностью горы — это для нас бесценное богатство* (Си Цзиньпин 2016: 300).

В этом примере красивая экологическая среда рассматривается как неограниченное богатство и ценность богатства проецируется на важность экологии, чтобы подчеркнуть прагматическое значение защиты экологии. В китайском языке для выражения богатства обычно используются конкретные образы, такие как сосуд с драгоценностями, денежное дерево, золото, серебро и драгоценности, в то время как в русском языке принято использовать отвлеченные существительные, такие как «богатство», и в то же время в китайском языке принято использовать редупликации для выражения акцента (бесценное богатство — чтобы подчеркнуть его ценность), тем не менее в русском языке такого языкового выражения нет. Таким об-

разом, в переводе переводчик отказывается от метафорического образа и трансформирует его в «богатство».

2. 不全面从严治党，党就做不到“打铁还需自身硬”，也就难以发挥好领导核心作用。(习近平, 2015: 24) / *Если не всесторонне соблюдать строгую партийную дисциплину, то наша партия не сможет быть сильной, ведь «чтобы ковать железо, нужно самому быть сильным», в противном случае партии будет трудно полноценно осуществлять свою роль руководящего ядра* (Си Цзиньпин 2015: 30).

Фраза «чтобы ковать железо, нужно самому быть сильным» исходит из народной поговорки, где за ней следует «чтобы вышить цветок, требуются как ловкие руки, так и высококачественные ткани». Обратившись к толкованию различных словарей китайских поговорок, Чу Синцзюнь (2019, с. 37) подытожил и обобщил два типа толкований фразы «чтобы ковать железо, нужно самому быть сильным»: 1) Не делай другим того, чего себе не желаешь. Попросите других сначала сделать это с собой; 2) если вы хотите что-то сделать, вам нужно сначала подготовить необходимые условия, чтобы дело прошло гладко. «Соблюдать строгую партийную дисциплину» и «осуществлять свою роль руководящего ядра» — это условные отношения, поэтому толкование (3) больше соответствует идее, подразумевавшейся автором оригинала при цитировании крылатых слов. «Ковать железо» и «кузнец» — это общепринятые одинаковые для разных культур жизненные понятия, которые не нужно заменять при понимании и реконструкции, и эта особенность позволяет сохранить образ. Но с тех пор, как в 2012 г. председатель Си Цзиньпин процитировал фразу «чтобы ковать железо, нужно самому быть сильным», она стала тесно ассоциироваться с «соблюдением строгой партийной дисциплины». Для китайцев легко понять ее смысл в силу национального культурного фона и ее употребительности, в то время как для иностранных читателей, не имеющих такого культурного и социального фона, переводчикам необходимо реконструировать их познание и понимание, логико-ассоциативная цепочка от фактов «ковать железо» → «само железо должно быть твердым» к положению «соблюдать строгую партийную дисциплину» → «нужно самому быть сильным» служит примером понятия языковой картины мира, которое хочет выразить автор. При построении смысла оригинального текста значение «нужно самому быть сильным» опускается из-за этнокультурного характера крылатых слов, а на лингвистическом уровне

оригинал представляет собой условное предложение с условием «не соблюдать строгую партийную дисциплину» и результатом «неспособность сделать что-то: чтобы ковать железо, нужно самому быть сильным», и результат фактически является выводом из крылатых слов «важно быть сильным самим по себе», что является типичным метонимическим способом употребления. Логическая смежность между «чтобы ковать железо, нужно самому быть сильным» и «нужно самому быть сильным» такова, что автор заимствует вывод крылатых слов, чтобы помочь в построении оригинального текста, но метафорическое сходство эмпирически отсутствует для русских читателей, и переводчику приходится реконструировать познание и понимание, переводчику необходимо добавить «наша партия не сможет быть сильной», объединить исходную область (чтобы ковать железо, нужно самому быть сильным) и целевую область (быть сильным) для сохранения воздействия метонимии крылатых слов. Все эти конструкции возникают в переводе, компенсируя культурный и социальный опыт, чтобы достичь задуманного коммуникативного эффекта.

3.2. Тип частично эквивалентного воплощенного познания

3.我经常讲鱼和熊掌不可兼得，当官发财两条道，当官就不要发财，发财就不要当官。(习近平, 2015: 148) / Я часто привожу слова древнего мудреца Мэн-цзы о том, что **нельзя объять необъятное**, так и в данном случае: **быть чиновником и зарабатывать деньги — это два разных пути. Либо вы выбираете чиновничью карьеру и тогда не думаете о том, чтобы разбогатеть; либо вы выбираете путь обогащения, но тогда отказываетесь от чиновничьего кресла** (Си Цзиньпин 2015: 206).

В третьем примере цитата «нельзя объять необъятное» взята из книги Мэн-цзы «Я не прочь отведать рыбы», и относится к ситуации, когда мы должны выбирать, если не можем иметь сразу две вещи. В данном примере «рыба» и «медвежья стопа» метафорически означают «быть чиновником» и «зарабатывать деньги», формируя отношения отображения «рыба и медвежья стопа» → «быть чиновником и зарабатывать деньги» для того, чтобы подчеркнуть, что можно выбрать только одно: быть чиновником или зарабатывать деньги, и обе эти стези несовместимы друг с другом по прагматическому значению. «Нельзя объять необъятное» — специфичная для китайской культуры фраза, и этот образ не наделяется аналогичными культурными коннотациями в культуре целе-

вого языка. Если сохранить этот образ и перевести его дословным переводом, он не вызовет аналогичных когнитивных переживаний у читателей целевого языка, а напротив, вызовет сомнение. Поэтому переводчик отказывается от метафорического образа в переводе и трансформирует его в «нельзя объять необъятное (у человека не будет всего)», переводит метафору непосредственно, использует метафорическое выражение, к которому привыкли читатели целевого языка, что в большей степени способно стимулировать возникновение у читателей такого же или сходного когнитивного понимания, помогает полностью понять политические идеи, заложенные в политических метафорах, и реализовать эквивалентность в передаче политической информации.

4. 扶贫干部要真正沉下去，扑下身子到村里干，同群众一起干，不能蜻蜓点水，不能三天打鱼两天晒网，不能神龙见首不见尾。(习近平, 2017: 92) / **Кадровые работники, занятые в деле оказания помощи нуждающимся, должны по-настоящему углубляться, с головой окунаясь в работу на селе, трудиться вместе с крестьянами. Тут недопустимо скользить по поверхности, или, как говорится, «три дня ловить рыбу, два дня сушить сети», нельзя, чтобы «было видно то драконью голову, то хвост»** (Си Цзиньпин 2017: 128).

Крылатые слова «скользить по поверхности» взяты из стихотворения Ду Фу «Цюй-цзян», вторая часть которого гласит: «Бабочки, украшенные цветами, хорошо видны, а водяные стрекозы летают повсюду». В оригинале крылатые слова описывают сцену со стрекозами и бабочками на поверхности воды. Однако создание языковой формы — это процесс построения смысла, и в результате многократного использования лингвистическим обществом китайского языка «скользить по поверхности» получило значение «заботящиеся только о поверхности» за счет метафорического сходства. Если восстановить авторское познание и понимание, оригинальный текст предостерегает кадры по борьбе с бедностью не заикливаться на поверхности посредством крылатых слов, выражающих такую же точку зрения, то есть осуществляет воздействие смыслом крылатых слов посредством метафорического сходства, и нам необходимо воспроизвести эту часть познания и понимания, так что в реконструкции познания и понимания переводчик перешел от акта выделения события к выделению метафорического сходства события, то есть образного действия «скользить по поверхности». Поскольку «скользить по поверхности» не имеет эмпирической дифференциации, крылатые слова в переводе становятся об-

щим воплощенным познанием, которое ближе к познанию и пониманию читателей исходного языка и легче для понимания для читателей целевого языка.

3.3. Тип безэквивалентного воплощенного познания

5. 在这样的环境下工作，如果没有对党忠诚作政治上的“定海神针”，就很可能在各种考验面前败下阵来。(习近平，2015: 142) / *И если в такой обстановке работать без «волшебной иглы управления морем» (которая была у героя романа «Путешествие на Запад» Сунь Укуна — прим. пер.), в качестве которой в политической работе как раз и может быть преданность партии, то все испытания закончатся поражением* (Си Цзиньпин 2015: 196).

«Волшебная игла управления морем» — это сокровище в «Путешествии на Запад», одним из четырех великих классических произведений Китая. Первоначально это было символическое сокровище Восточно-Китайского моря, в основном служащее для стабилизации Восточно-Китайского моря. Впоследствии Сунь Укун одолжил это сокровище, которое стало его личным оружием. С помощью этого сокровища наставник и ученик Сунь Укуна успешно завершили свое путешествие на Запад. В этом примере верность партии метафорически названа «волшебная игла управления морем», чтобы подчеркнуть важность верности для члена коммунистической партии, который без партии в сердце не сможет выдержать любые испытания. Образ «волшебная игла управления морем» уходит корнями в традиционную китайскую культуру и имеет очевидные национальные особенности. При переводе таких крылатых слов, содержащих большое количество культурной информации и более сильный национальный колорит, переводчики должны осознанно использовать стратегию сохранения метафорических образов и применять способ дословного перевода с комментарием, который не только обогащает соответствующий культурный фон, но и сохраняет культурные особенности исходного языка, а также способствует распространению крылатых слов своей культуры за рубежом.

6. 在任何工作中，我们既要讲两点论，又要讲重点论，没有主次，不加区别，眉毛胡子一把抓，是做不好工作的。(习近平，2015: 23) / *В любой работе мы должны видеть две стороны и в то же время не забывать о главном. Если не различать, где главное, где второстепенное, а хвататься за все сразу, то работа не пойдет* (Си Цзиньпин 2015: 29).

Фразеологизм в данном примере взят из классического произведения китайской культуры «Весенний ветер над древним горо-

дом»: «Вы, ребята, действительно схватились за бороды и брови, и у каждого был молоток в глазах». В переносном смысле это означает решение проблем без разбора, независимо от степени их важности и срочности. Здесь степень важности и срочности работы метафорически обозначается как «борода и брови», образуя метафорический образ «борода и брови» → «главное и второстепенное в работе». Этот метафорический образ не может вызывать таких ассоциаций в русской культуре и, естественно, не связан с таким же когнитивным опытом. Однако в целевом языке существует соответствующее структурное выражение с той же прагматической функцией, т. е. «хвататься/схватиться за все сразу», которое более соответствует выражению целевого языка и характеризуется большей приемлемостью.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выдвижение китайским ученым Ван Инь теории переводоведения воплощенного познания является дальнейшим этапом усовершенствования и адаптации к китайскому языку теории когнитивного переводоведения. Переводоведение воплощенного познания выделяет «воплощение», подчеркивает человеческий фактор и идею антропоцентризма, что совпадает с политической концепцией «народ превыше всего», отстаиваемой Китаем в настоящее время, и таким образом становится отечественной теорией, применимой к изучению перевода китайского политического дискурса и обладающей определенной применимостью и объяснительной силой для изучения метафорического перевода книги «Си Цзиньпин о государственном управлении». Перевод политической метафоры — это, по сути, акт воплощенного познания, но, в отличие от монолингвального воплощения, перевод характеризуется вторичным воплощением, совместным присутствием воплощения переводчика и воплощения автора, и подверженностью интерсубъективности и интертекстуальности. Перевод метафоры — это процесс регенерации метафоры на основе вторичного воплощения, и на выбор стратегии перевода метафорических образов неизбежно влияет способ воплощения. На перевод на русский язык политических метафор влияют такие факторы, как язык, культура и воплощенное познание. Перевод — это межкультурная коммуникация, которая представляет собой не просто преобразование устной речи и письменного языка, но и преобразование между различными культурами, а также преобразование между когнитивными стандартами. Из-за различий в географическом по-

ложении, социальной среде и жизненном опыте когнитивное переживание людей будет отличаться, а значит, будут существовать различия в языке, культуре и мышлении между разными этническими группами. Перевод политических метафор связан с передачей политических мыслей и позиций и формированием национального имиджа. Поэтому при переводе политических метафор необходимо в полной мере учитывать сходства и различия между языками, культурами и мышлением двух народов, а также гибко использовать стратегии перевода для достижения полной, точной и эффективной межкультурной коммуникации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абламская, Е. В. Крылатые слова как социокультурный феномен / Е. В. Абламская. — Текст : непосредственный // Вопросы. Ответы. Гипотезы: наука XXI век : сб. науч. докл. — Варшава : Diamond trading tour, 2014. — Ч. 5. — С. 7–10.
- Ван, Инь. Лингвистика воплощенного познания в перспективе постмодернистской философии / Ван Инь. — Текст : непосредственный // Иностраный язык и литература. — 2014. — № 6. — С. 61–67. = 王寅. 后现代哲学视野下的体认语言学. 外国语文, 2014(6): 61–67.
- Ван, Инь. Переводведение воплощенного познания (первая и вторая части) / Ван Инь. — Пекин : Издательство Пекинского университета, 2021. = 王寅. 体认翻译学 (上、下). 北京: 北京大学出版社, 2021.
- Пэн, Аймин. О воспроизведении культуры в крылатых словах — рецензия на английский перевод крылатых слов в «Соне в красном тереме» / Пэн Аймин. — Текст : непосредственный // Журнал изучения «Сон в красном тереме». — 2013. — № 3. — С. 272–284. = 彭爱民. 论典故文化的再现——《红楼梦》典故英译评析. 红楼梦学刊, 2013(3): 272–284.
- Степанова, Л. И. К проблеме перевода крылатых выражений / Л. И. Степанова. — Текст : непосредственный // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2009. — С. 83–87.
- Фу, Цзянань. Интерсубъективность и «слияние горизонтов» в переводе крылатых слов в политической литературе / Фу Цзянань. — Текст : непосредственный // Журнал иностранных языков. — 2022. — № 3. — С. 74–78. = 付佳楠. 政治文献中典故翻译的主体间性与“视域融合”. 外语学刊, 2022(3): 74–78.
- Хуан, Чжунлянь. Три принципа перевода научных текстов / Хуан Чжунлянь, Ли Яшу. — Текст : непосредственный // Иностранные языки и литература. — 2004. — № 3. — С. 42–47. = 黄忠廉, 李亚舒. 科学翻译的三大原则. 外国语言文学, 2004(3): 42–47.
- Чжу, Чжаовэй. Способы перевода на английский язык крылатых слов в книге «Си Цзиньпин о государственном управлении» и откровение для перевода внешней пропаганды / Чжу Чжаовэй. — Текст : непосредственный // Иностранный язык и литература. — 2022. — № 3. — С. 88–93. = 祝朝伟. 《习近平谈治国理政》中典故的英译方法及对外宣翻译的启示. 外国语文, 2022(3): 88–93.
- Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2003. — Текст : непосредственный.
- Чунахова, Л. В. Фразеологизмы, крылатые слова, пословицы и поговорки как отражение фоновых знаний и способы их перевода / Л. В. Чунахова. — Текст : непосредственный // Гуманитарные и социальные науки / Южный федер. ун-т. — 2019. — № 3. — С. 126–134.
- Чу, Ярюн. К вопросу о компенсации в переводе крылатых слов. Обсуждение с преподавателем Юе Цзиньшэном / Чу Ярюн. — Текст : непосредственный // Журнал китайских переводчиков. — 2000. — № 4. — С. 65–68. = 褚亚云. 也谈典故翻译中的欠额补偿——兼与乐金声先生商榷. 中国翻译, 2000(4): 65–68.
- Чэнь, Далян. Интертекстуальная точка зрения на перевод ссылки на крылатые слова Си Цзиньпином / Чэнь Далян, Чэнь Ваньюй. — Текст : непосредственный // Вестник Тяньцзиньского университета иностранных языков. — 2019. — № 2. — С. 2–11+158. = 陈大亮, 陈婉玉. 习近平用典翻译的互文性视角. 天津外国语大学学报, 2019(2): 2–11+158.
- Чэнь, Далян. Цель и смысл перевода в английском переводе книги «Си Цзиньпин о государственном управлении» / Чэнь Далян, Чэнь Ваньюй. — Текст : непосредственный // Этнический перевод. — 2023. — № 3. — С. 15–26. = 陈大亮, 陈婉玉. 《习近平谈治国理政》英译本的译意和译味. 民族翻译, 2023(3): 15–26.
- Юань, Сяонин. Черты английского перевода иностранной пропаганды в зависимости от целевого языка — на примере перевода «Собирать народные обычаи в Нанкине» / Юань Сяонин. — Текст : непосредственный // Журнал китайских переводчиков. — 2010. — № 2. — С. 61–64. = 袁晓宁. 以目的语为依归的外宣英译特质——以《南京采风》翻译为例. 中国翻译, 2010(2): 61–64.
- Юань, Чжуоси. Исследование совместности западных механизмов убеждения с переводом внешней пропаганды / Юань Чжуоси. — Пекин : Издательство Китайского народного университета, 2022. — Текст : непосредственный. = 袁卓喜. 西方劝说机制与外宣翻译的相融性研究. 北京: 中国人民大学出版社, 2022.

REFERENCES

- Ablamskaya, E.V. (2014). Krylatye slova kak sotsiokul'turnyy fenomen [Catchphrases as a Sociocultural Phenomenon]. *Voprosy. Otvety. Gipotezy: nauka XXI vek* [Collection of scientific reports, part 5, pp. 7–10]. Varshava: Diamond trading tour. (In Russ.)
- Wang Yin (2014). Embodied-Cognitive Linguistics in the Perspective of Postmodern Philosophy. *Foreign Languages*, 61–67. (In Chinese)
- Wang Yin. (2021). *Embodied-Cognitive Translation*. Beijing: Peking University Press, 594 p. (In Chinese.)
- Peng Aimin (2013). On the Reproduction of Allusion Culture — A Commentary on the English Translation of Allusions in Dream of Red Mansions. *Journal of Dream of the Red Chamber*, 272–284. (In Chinese)
- Stepanova, L.I. (2009). To the problem of translation of the expressions of the allusion. *Problems of history, philology, culture*, 83–87. (In Russ.)
- Fu, Jianan (2022). Intersubjectivity and “Fusion of Horizons” in the Translation of Allusions in Political Literature. *Foreign Language Research*, 74–78. (In Chinese.)
- Huang, Zhonglian, & Li, Yashu (2004). Three principles of scientific translation. *Foreign Languages and Literature*, 42–47. (In Chinese.)
- Zhu, Chaowei (2022). English Translation Methods of Allusions in Xi Jinping The Governance of China and the Implications for Foreign Publicity Translation. *Foreign Languages*, 88–93. (In Chinese.)
- Chudinov, A.P. (2003). *Political linguistics*. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 248 p. (In Russ.)
- Chunakhova, L.V. (2019). Frazeologizmy, krylatye slova, posloviцы i pogovorki kak otrazhenie fonovykh znaniy i sposoby ikh perevoda [Phraseologisms, catchphrases, proverbs and sayings as a reflection of background knowledge and methods of their translation]. *Gumanitarnyye i sotsial'nye nauki*, 3, 126–134. (In Russ.)
- Chu, Yayun (2000). Also speaking of compensation in the translation of allusion — Discussion with Mr. Le Jinsheng. *Chinese translation journals*, 65–68. (In Chinese.)
- Chen, Daliang, & Chen, Wanyu (2019). An Intertextual Perspective on the Translation of Xi Jinping's Use of Allusions. *Journal of Tianjin Foreign Studies University*, 2—11+158. (In Chinese.)
- Chen, Daliang, & Chen, Wanyu (2023). Translation meaning and translation features of the English translation of Xi Jinping The Governance of China. *Ethnic Translation*, 15–26. (In Chinese.)
- Yuan, Xiaoning (2010). The Traits of English Translation of External Propaganda Dependent on the Purpose Language — Taking the Translation of “Collecting folk songs in Nanjing” as an Example. *Chinese translation journals*, 61–64. (In Chinese.)
- Yuan, Zhuoxi (2022). *The study on the compatibility of Western Persuasion Mechanism and foreign propaganda translation*. Beijing: People's University of China Press, 219 p. (In Chinese.)

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).

Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 81'272

ББК Ш121

ГРНТИ 16.21.07; 16.21.27

Код ВАК 5.9.8

Чжан Хунин¹, Ш. Т. Мухамеджанова², У Цзюань³✉

^{1,3} Шихэцзыский университет, г. Шихэцзы, Китай

¹ 1070761985@qq.com

² Карагандинский исследовательский университет имени академика Е. А. Букетова, г. Караганда, Казахстан, charbatprof@gmail.com

³ 13579752479@163.com✉, <https://orcid.org/0000-0002-9931-3028>

Процесс латинизации государственного языка Казахстана в аспекте языкового ландшафта

АННОТАЦИЯ. *Перевод на латиницу письменности государственного языка Казахстана является одним из важнейших элементов планирования его языковой онтологии на новый век, и осуществление латинизации привлекает большое внимание ученых в стране и за рубежом. Данное исследование посвящено изучению видимости и согласованности латинизации казахского языкового ландшафта в стране с использованием в качестве теоретической основы геоэмиотики и концепции выбора языка (письменности), а также с учетом языковой политики и планирования. Результаты показали, что в стране пока нет законодательства о латинизации визуальной информации на государственном языке. С точки зрения видимости, в городском публичном пространстве сосуществуют казахский язык на латинице и кириллице, причем доля на латинице значительно меньше, также была обнаружена языковая практика латинизации русского языка. А с точки зрения согласованности, существует несколько вариантов латиницы, что привело к путанице в их использовании. Это говорит о том, что страна пытается идентифицировать себя через латинизацию государственного языка (даже русского), перестроить социолингвистическую среду и укрепить национальную идентичность, но стандартизированный и нормативный латинский алфавит еще не сформирован. Это может быть связано с такими факторами, как финансовые и человеческие инвестиции, отношение к данной проблеме, онтологические характеристики казахского языка, социокультурное, гражданское образование, политическая ориентация и т. д.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: латинизация казахского алфавита, латиница, языковой ландшафт, языковая политика, языковое планирование, государственный язык, согласованность, орфографические нормы, геоэмиотика, национальная идентичность.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Чжан Хунин, кандидат наук, старший преподаватель, Институт иностранных языков Шихэцзыского университета; г. Шихэцзы, Китай; 221 Beisi Road, Shihezi 832000, China; email: 1070761985@qq.com.

Мухамеджанова Шарбат Талгатбековна, старший преподаватель кафедры европейских и восточных языков, Карагандинский исследовательский университет имени академика Е. А. Букетова; Казахстан, г. Караганда; email: charbatprof@gmail.com.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ-КОРРЕСПОНДЕНТЕ: У Цзюань, кандидат наук, доцент, Институт иностранных языков Шихэцзыского университета; г. Шихэцзы, Китай; 221 Beisi Road, Shihezi 832000, China; email: 13579752479@163.com.

БЛАГОДАРНОСТИ. Работа выполнена при финансовой поддержке научного проекта Центра изучения Центральной Азии при Национальном комитете по языкам на тему «Исследование взаимодействия полиязычного ландшафта и языковой политики в Казахстане» (номер проекта: ZYJY2022012).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чжан, Хунин. Процесс латинизации государственного языка Казахстана в аспекте языкового ландшафта / Чжан Хунин, Ш. Т. Мухамеджанова, У Цзюань. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 349-355.

Zhang Hongying¹, Sharbat Mukhamedzhanova², Wu Juan³✉

^{1,3} Shihezi University, Shihezi, China

¹ 1070761985@qq.com

² Karaganda Buketov Research University, Karaganda, Kazakhstan, charbatprof@gmail.com

³ 13579752479@163.com✉, <https://orcid.org/0000-0002-9931-3028>

The Process of Latinization of the Official Language of Kazakhstan in the Aspects of Language Landscape

ABSTRACT. *Latinization of the official language of Kazakhstan is one of the most important elements in planning its linguistic ontology for the new century and its implementation has attracted much attention from scholars at home and abroad. This study investigates the visibility and consistency of the latinization of Kazakh landscape in the country using*

© Чжан Хунин, Мухамеджанова Ш. Т., У Цзюань, 2024

“geosemiotics + language (writing) choice” as a theoretical framework, and considering language policy and planning. The results showed that the country does not yet have legislation on the Latinization of visual information in the official language. In terms of visibility, Kazakh in Latin and Kazakh in Cyrillic coexist in urban public space, and the proportion of signs in Latin is much smaller; latinization of Russian signs can also be observed. And in terms of consistency, there are several variants of the Latin alphabet, which has led to confusion in their use. This suggests that the country is trying to identify itself through Latinization of the official language (even Russian), to restructure the sociolinguistic environment and to strengthen the national identity, but a standardized and normative Latin alphabet has not yet been formed. This may be due to such factors as financial and human investments, attitudes towards the problem, ontological characteristics of the Kazakh language, sociocultural and civic education, political orientation, etc.

KEYWORDS: latinization of Kazakh alphabet, Latin alphabet, language landscape, language policy, language planning, official language, consistency, orthographic norms, geosemiotics, national identity.

AUTHOR'S INFORMATION: Zhang Hongying, Ph.D., Senior Lecturer, Institute of Foreign Languages, Shihezi University; Shihezi, China.

Mukhamedjanova Sharbat Talgatbekovna, Senior Lecturer, Department of European and Oriental Languages, Karaganda Buketov Research University, Karaganda, Kazakhstan.

CORRESPONDENT AUTHOR'S INFORMATION: Wu Juan, Ph.D., Assistant Professor, Institute of Foreign Languages, Shihezi University; Shihezi, China.

ACKNOWLEDGMENTS. This work is supported by the research project of the Centre for Central Asian Studies of the National Language Committee “Investigation of the interaction between the multilingual landscape and language policy in Kazakhstan” (project number: ZYJY2022012).

FOR CITATION: Zhang Hongying, Mukhamedzhanova Sh., Wu Juan (2024). The Process of Latinization of the Official Language of Kazakhstan in the Aspects of Language Landscape. In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 349-355. (In Russ.).

1. ВВЕДЕНИЕ

После обретения независимости Казахстан занялся преобразованием страны, которое включает в себя адаптацию языковой политики и планирования. С начала нового века языковое планирование в стране расширилось от повышения статуса и функций государственного языка до латинизации алфавита, преследующей две цели: явную модернизацию государственного языка и неявную дальнейшую «дерусификацию». Значение, роль, сфера использования, цель и шаги по переходу казахского языка на латиницу изложены в ряде документов. Данная тема раскрыта отечественными и зарубежными учеными, и подавляющее большинство из них (Ландау, Келлнер-Хайнке, 2012; Хелигули Ниязи, Тянь Чэнпенг, 2017; У Хунвэй, 2018; Кожягулова, 2018 и др.) считают, что тенденция латинизации казахского языка необратима, но в силу многих причин прогресс идет медленно и существует множество проблем. Ученые прогнозируют, что казахский язык еще долгое время будет в письменной форме существовать как на кириллице, так и на латинице [У Хунвэй 2018]. Были обсуждены причины, ход, текущий прогресс и возможные результаты латинизации казахского языка в контексте официальных документов и сделан вывод, что данное направление языкового планирования, направленное на повышение национальной идентичности и модернизации страны, является крайне необходимым. Однако проследить за прогрессом латинизации на основе

анализа документов не представляется возможным. В то же время языковой ландшафт (далее — ЯЛ) стал новым подходом и отправной точкой для изучения этого вопроса благодаря своей «осязаемости» и простоте наблюдения. Китайские ученые обнаружили, что «вывески в общественных местах — самая распространенная область использования латинизированного казахского языка, уступающая только учебникам для начальной и средней школы» и что «письмо на нем путаное» [Цзи Чжунхуа 2015; Цзян Циули 2021]. Однако раскрытие этой темы ограничено краткими упоминаниями, она не была изучена глубоко и систематически. В данном исследовании в качестве корпуса используются фотографии вывесок, сделанные в последние годы в крупных городах Казахстана, и с помощью теории ЯЛ исследуется прогресс латинизации государственного языка в городских общественных пространствах Казахстана, чтобы предоставить визуальные и материальные свидетельства для изучения этого вопроса.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Языковой ландшафт — это «язык дорожных плакатов, рекламных щитов, табличек-названий улиц и площадей, вывесок на магазинах и общественных учреждениях», который служит для исследования «видимости и заметности языков на общественных и коммерческих знаках на какой-либо территории» [Landry, Bourhis 1997: 25]. Эти два положения указывают на основные функции ЯЛ: информативную и символическую. Изу-

чение письменности в общественном пространстве позволяет узнать местную языковую ситуацию, доминирующие коды, функции языков, их жизнеспособность и т. д. ЯЛ как барометр языковой политики и языкового планирования может «отражать de facto языковую политику» [Shohamy 2006]. Эмпирическое исследование и статистические данные о ЯЛ какого-то региона могут служить наглядным и вещественным доказательством реализации языковой политики и языкового планирования в этом регионе. Данная методология исследования также применима к изучению процесса латинизации государственного языка Казахстана. Однако существующие исследовательские подходы уже не могут в полной мере объяснить языковые практики Казахстана. Поскольку в исследованиях ЯЛ традиционно доминирует изучение структурных особенностей языковой онтологии и феномена языкового или текстового контакта [Шань Говэнь 2014: 85], изучение двух форм письма на одном языке еще не встречалось.

Мы считаем, что эту тематику можно исследовать, комбинируя и адаптируя методы существующих теорий ЯЛ. Среди них более подходящими являются географическая семиотика Р. Сколлона и С. Сколлона [Scollon R., Scollon S. 2003] и модель выбора языка Спольски [Spolsky 2009]. Согласно первому, «географическая семиотика» — это «система анализа системы языковых знаков в реальных контекстах», включая такие аналитические измерения, как ориентация кода, надпись и размещение. Ориентация кода — это доминирующий код в двуязычных или многоязычных вывесках, который в основном представлен невербальными символами, такими как шрифт, размер и цвет. Последний предлагает три условия для чтения и написания языка вывесок, т. е. вывески должны быть написаны на языке, который знаком автору и аудитории, идентифицируемой пишущим. С нашей точки зрения, доминирующий код и язык, маркирующий личность пишущего, выполняют символическую функцию ЯЛ (через заметность кодов), а язык, который может быть прочитан им и аудиторией, — информационную (через видимость кодов). Итак, сочетание этих двух теорий может быть использовано для изучения текущего состояния латинизации казахского языка в публичном пространстве Казахстана. То есть изучение заметности казахского языка на латинице в ЯЛ дает представление о его статусе; а видимость — об аутентичном отношении к языку и уровне использования языка среди населения. Видимость здесь — это не видимость двух ко-

дов, а двух форм письма одного языка, включая долю казахского языка на кириллице и на латинице, согласованность его латинских вариантов.

Нами был изучен ЯЛ Астаны (Нур-Султан) в 2022 году и было обнаружено, что все вывески в основном соответствуют языковой политике, и казахский язык более заметен, чем русский и английский, на одноязычных, двуязычных и многоязычных вывесках и является доминирующим кодом (визуально приоритетным), как и в двух исследуемых городах на этот раз, что свидетельствует о прочном символическом положении казахского языка в стране [У Цзюань, Ш. Т. Мухамеджанова 2022]. Поэтому в данной работе рассматривается только видимость и согласованность казахского языка на латинице.

3. ЭМПИРИЧЕСКИЙ БАЗИС

В данной работе используется классический метод исследования ЯЛ, т. е. фотографии вывесок, сделанные в полевых условиях, маркируются и подсчитываются по определенным критериям. И полученные статистические результаты проанализированы в контексте документов, связанных с языковой политикой и планированием в Казахстане. Единица измерения для статистического анализа определяется по методу, предложенному П. Бакхаусом, то есть на основе его фрейма [Bachhaus 2007: 66].

Материал был собран авторами в период с марта 2021 по апрель 2024 года в городах Астана, Алматы и Караганда, в общей сложности составляет 2000 знаков в жанрах дорожных указателей, табличек с названием улиц, вывесок на муниципальных, медицинских, культурных, спортивных учреждениях, эргонимов, объявлений, ценников, плакатов, рекламы и так далее. Основными документами, касающимися перехода государственного языка Казахстана на латиницу, являются следующие: «О языках в Республике Казахстан» (от 15 июля 1997 г.), Указ президента «О переводе алфавита казахского языка с кириллицы на латинскую графику» (2017), Государственная программа по реализации языковой политики в Республике Казахстан на 2020–2025 годы (далее Программа), «Казахстан — 2050» и др.

Данные показали, что видимость казахского языка достигает более 90 % (некоторые знаки одноязычны на английском или русском языках), он встречается на одноязычных (казахских), двуязычных (казахско-русских, казахско-английских), трехязычных (казахско-русско-английских) и других многоязычных знаках, являясь доминирующим

кодом. Это соответствует законодательному требованию страны, согласно которому визуальная информация в общественном пространстве должна быть написана на государственном языке. При этом было обнаружено, что казахский язык фиксируется двумя разными системами письменности: кириллическим и латинским алфавитами, количество и соотношение которых представлены в таблице 1.

Кроме этого, в общественном пространстве Казахстана существует очевидный языковой факт: написание казахского языка на латинском алфавите непоследовательно, один и тот же вариант слова пишется на латинице по-разному, что мы объясним в следующем разделе.

4. ОБСУЖДЕНИЕ

В этом разделе мы рассмотрим прогресс латинизации государственного языка Казахстана с точки зрения как видимости, так и

согласованности его представления на латинской графике.

4.1. Видимость казахского языка на латинской графике в ЯЛ

Данные таблицы 1 показывают, что в общественных местах городов Казахстана сосуществуют две формы написания казахского языка: на основе кириллического и латинского алфавитов. Как показано на рис. 1 и 2, оба знака являются неофициальными, установленными частными лицами, но слово аптека на казахском языке написано двумя разными шрифтами (ДӘРІХАНА, DĀRIHANA). Так же обстоит дело и с официальными вывесками: вывеска Карагандинского городского центра ветеранов на рис. 3 и вывеска полицейского участка на рис. 4 написаны на кириллице и латинице соответственно. Подобные примеры чаще встречаются в нашем корпусе.

Таблица 1. Количество и соотношение казахоязычных знаков на кириллице и латинице

город	казахоязычные знаки на кириллице		казахоязычные знаки на латинице	
	колич.	процент (%)	колич.	процент (%)
Астана	304	15,2%	104	5,2%
Алматы	824	41,2%	252	12,6%
Караганда	428	21,4%	88	4,4%
	1556	77,8%	444	22,2%

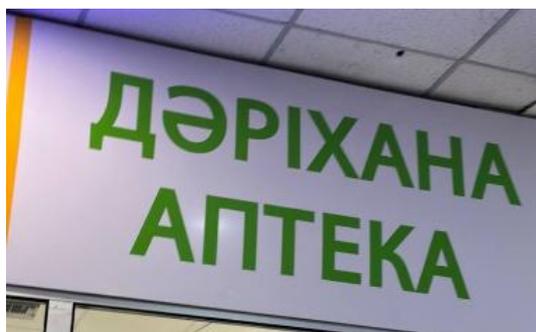

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

При этом доля латинского варианта (22,2 %) значительно меньше, чем кириллического (77,8 %). Это говорит о том, что доля участников письменной коммуникации в ономастическом пространстве, использующих алфавит на основе латинской графики, не достигла целевых индикаторов, установленного «Программой» (в 2024 году — 30 %, в 2025 году — 50 %). Хотя в настоящее время доля казахского языка на латинице в общественном пространстве не достигла целевых индикаторов, возможно также, что цель 2050 года не будет достигнута. Однако это свидетельствует об укреплении национальной идентичности населения и правительства, а также об их духовном возрождении, так как закон о языке пока не предусматривает, что визуальная информация в общественных местах должна быть написана на латинской графике. Это объясняется третьим условием в модели выбора языка (письменности), т. е. «написать таблички на своем родном языке или на языке, с которым вы хотите, чтобы вас идентифицировали». Такие вывески в основном выполняют символическую функцию, это связано с тем, что язык на знаках предстает перед людьми как визуальная информация, которая должна повлиять на их понимание различного статуса каждого языка (письменности), что, в свою очередь, влияет на их языковое поведение и, в конечном итоге, переформирует новую социолингвистическую среду. Как отметил Цзян Циули, «латинизация казахской письменности — это не столько необходимость модернизации общественного развития и интеграции в процесс мирового развития, сколько необходимость укрепления чувства национальной идентичности и государственной самобытности, а также необходимость продвижения к национальной независимости и устранения российского влияния» [Цзян Циули 2021: 42]. Некоторые латинизированные русские знаки в корпусе тоже служат наглядным доказательством «дерусифика-

ции». Как показано на рис. 5, владелец магазина латинизировал не только казахский (*gulder*), но и русский язык (мир цветов — *mip cvetov*, *mip* — это полупатинизированное слово). Аналогичные примеры встречаются повсеместно, и они создают трудности при чтении для аудитории, но отражают определенную социально-психологическую тенденцию.

4.2. Согласованность казахского языка на латинице в ЯЛ

Помимо вышеперечисленного, также было обнаружено, что в публичном пространстве Казахстана государственный язык на латинице страдает от проблемы несогласованности, то есть существует несколько латинских вариантов одного и того же слова. Возьмем в качестве примера наиболее распространенное слово *дүкен* (магазин) — в нашем корпусе есть три латинских варианта, но, конечно, больше знаков написано на кириллице (рис. 6). Гласная *ү* имеет различные латинские эквиваленты на рисунках 7, 8 и 9: *u*, *ü*, *y*. Кроме того, наблюдатели отметили, что буква *я* и пишется и как *ya*, и как *ia*; *ш* пишется и как турецкий *ş*, и как английский *sh*. Подобные явления критикуются многими.

Данная ситуация объясняется первым условием написания знака в модели выбора языка: знаки должны быть написаны на языке, которым владеет пишущий/автор. Но с точки зрения языковой практики в городах Казахстана, автор плохо знает казахский язык в варианте алфавита на основе латинской графики, что приводит к запутанной орфографической ситуации, когда сосуществует несколько версий написания. Если говорить о первопричине, то она заключается в том, что в стране до сих пор не разработан подходящий латинский алфавит, который был бы легкодоступен для населения. Это наглядно демонстрирует причины застоя и критики реформы латинизации в Казахстане.

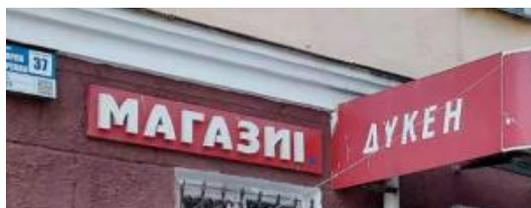

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

Несогласованность также проявляется в виде двух систем написания названия здания и рекламного слогана одного и того же объекта. Как показано на рис. 10, название объекта написано латиницей на казахском и русском языках, а приветственное сообщение *добро пожаловать!* — кириллицей на казахском и русском. Это свидетельствует как о собственном уровне владения языком, так и о прогнозе автора относительно уровня владения языком аудитории: предполагается, что большинство потенциальных покупателей не смогут в полной мере прочитать латиницу на казахском языке. Это и есть второе условие выбора языка в знаках — написать вывеску на языке, который аудитория сможет прочитать и понять. Очевиден низкий уровень владения латинизированным казахским языком, как пишущими, так и аудиторией.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Статистический анализ письменного выбора в ЯЛ Казахстана в сочетании с языковой политикой и планированием позволяет сделать следующие выводы о процессе латинизации визуальной информации. Во-первых, латинизация государственного языка Казахстана является одним из ключевых элементов планирования языковой онтологии на новый век, однако в стране до сих пор нет законодательства о переходе казахского языка на латиницу. Во-вторых, с точки зрения видимости, в городском публичном пространстве сосуществуют казахский язык на латинице и кириллице, причем доля на латинице значительно меньше, также была обнаружена лингвистическая практика латинизации русского языка. В-третьих, с точки зрения согласованности, существует несколько вариантов латиницы, что привело к путанице в их использовании. Это говорит о том, что правительство и народ страны пытаются идентифицировать себя через латинизацию государственного языка (и даже русского), чтобы изменить социолингвистическую среду и укрепить чувство националь-

ной идентичности; однако стандартизированный и регламентированный латинский алфавит еще не разработан и не используется правильно пишущими и читателями ЯЛ. На наш взгляд, такое положение может быть связано с недостаточным вложением государственных средств и трудовых ресурсов, отношением и дискуссиями о латинизации письменности в Казахстане, онтологическими особенностями казахского языка, социокультурной, языковой политикой, гражданским образованием, политической ориентацией и другими факторами. Казахский язык не сможет полностью перейти на латиницу в течение длительного времени, и ему еще предстоит пройти долгий путь, в то время как в общественном пространстве по-прежнему будет присутствовать смесь государственного языка на латинице и кириллице. Данное исследование можно углубить с помощью анкетирования и интервью с местными жителями.

ИСТОЧНИКИ

1. Aiaq или ayaq? Латиница на вывесках в Алматы выглядит странно. — URL: <https://informburo.kz/fotoreportazh/aiaq-ili-ayaq-latinica-na-vyveskax-v-almaty-vyglyadit-stranno> (дата обращения: 12.01.2024).
2. Об утверждении Государственной программы по реализации языковой политики в Республике Казахстан на 2020–2025 годы. — URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900001045> (дата обращения: 20.01.2024).
3. О переводе алфавита казахского языка с кириллицы на латинскую графику : (Указ Президента Республики Казахстан от 26 октября 2017 года № 569). — URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1700000569> (дата обращения: 11.02.2024).
4. О языках в Республике Казахстан : (от 15 июля 1997 г.). — URL: kodeksy-kz.com (дата обращения: 11.08.2022).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. У, Хунвэй. Реформа латинизации казахской письменности: от исследований к практике / У Хунвэй. — Текст : непосредственный // Исследование языковой стратегии. — 2018. — № 4. — С. 31–41. = 吴宏伟. 哈萨克斯坦文字拉丁化改革: 从探讨到实践. 语言战略研究. 2018(4): 31-41.
2. У, Цзюань. Функционирование русского языка в Казахстане через призму языкового ландшафта (на примере Нур-Султана) / У Цзюань, Ш. Т. Мухамеджанова. — Текст : непосредственный // Вестник Московского педагогического университета. Сер. 9, Филология. — 2022. — № 5. — С. 46–58.
3. Ци, Чжунхуа. Изучение и осмысление языковой ситуации в странах Центральной Азии / Ци Чжунхуа. — Текст : непосредственный // Вестник Юньнаньского педагогического университета. Философия, гуманитарные и социальные науки. — 2015. — № 5. — С. 14–20. = 池中华, 丝绸之路经济带

中亚五国语言状况考察与思考. 云南师范大学学报 (哲学社会科学版). 2015 (5): 14–20.

4. Цзян, Циули. Эссе о реформе латинизации казахской письменности / Цзян Циули. — Текст : непосредственный // Вестник Синьцзянского университета. Философия, гуманитарные и социальные науки. — 2021. — № 5. — С. 37–42. = 江秋丽. 哈萨克斯坦文字拉丁化改革述论. 新疆大学学报 (哲学·人文社会科学版), 2021 (5): 37–42.

5. Шан, Говэнь. Лингвистические ландшафты: аналитические методы и теоретическая конструкция / Шан Гуовэнь, Чжао Шоухуэй. — Текст : непосредственный // Иностранные языки. — 2014. — № 6. — С. 81–89. = 尚国文, 赵守辉. 语言景观的分析维度与理论构建. 外国语. 2014(6): 81–89.

6. Allard, R. Ethnolinguistic vitality beliefs and language maintenance and loss / R. Allard, R. Landry. — Text : unmediated // Maintenance and loss of minority language / W. Fase, K. Jaespaert, S. Kroon (Eds.). — Amsterdam : Benjamins, 1992. — P. 171–195.

7. Backhaus, P. Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo / P. Backhaus. — Clevedon : Multilingual Matters, 2007. — Text: unmediated.

8. Bourhis, R. Y. Language policies in multilingual settings / R. Y. Bourhis. — Text : unmediated // Conflict and language planning in Québec / R. Y. Bourhis (Ed.). — Clevedon, England : Multilingual Matters, 1984. — P. 1–28.

9. Cobarrubias, J. (1983). Progress in language planning: International perspectives / Eds.: J. Cobarrubias, J. Fishman. — Berlin : de Gruyter, 1983. — Text : unmediated.

10. Cooper, R. Language planning and social change / R. Cooper. — Cambridge, UK : Cambridge Univ. Pr., 1989. — Text : unmediated.

11. Landry, R. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study / R. Landry, R. Bourhis. — Text: unmediated // Journal of Language and Social Psychology. — 1997. — № 1. — P. 23–49.

12. Sachdev, I. Language and social identification / I. Sachdev, R. Y. Bourhis. — Text : unmediated // Social identity theory: Constructive and critical advances / D. Abrams, M. Hogg (Eds.). — New York : Harvester-Wheatsheat, 1990. — P. 211–229.

13. Scollon, R. Discourses in Place: Language in the Material World / R. Scollon. — London : Routledge, 2003. — 258 p. — Text : unmediated.

14. Shohamy, E. language Policy: Hidden Agendas and New Approaches / E. Shohamy. — London : Routledge, 2006. — Text : unmediated.

15. Spolsky, B. Prolegomena to a sociolinguistic theory of public signage / B. Spolsky. — Text: unmediated // Linguistic Landscape: Expanding the Scenery / E. Shohamy, D. Gorter. — London : Routledge, 2009. — P. 25–39.

MATERIALS

1. Aiaq ili ayaq? Latinica na vjveskax v Almatj vjglqdit stranno [Aiaq or ayaq? The Latin alphabet on signs in Almaty looks strange]. Retrieved from <https://informburo.kz/foto-reportazh/aiaq-ili-ayaq-latinica-na-vyveskax-v-almaty-vyglyadit-stranno>

2. Ob utverzhenii Gosudarstvennoy programmy po realizacii qzjkovoy politiki v Respublike Kazaxstan na 2020-2025 godj [On approval of the State Program on implementation of language

policy in the Republic of Kazakhstan for 2020-2025]. Retrieved from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900001045>

3. O perevode alfavita kazaxskogo qzjka s kirillicj na latinskiu grafiku (Ukaz Prezidenta Respubliki Kazaxstan ot 26 oktqbrq 2017 goda № 569) [On the translation of the alphabet of the Kazakh language from Cyrillic to Latin script (Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated October 26, 2017 No. 569)]. Retrieved from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1700000569>

4. O qzjkax v Respublike Kazaxstan (ot 15 iulq 1997 g.) [On Languages in the Republic of Kazakhstan (July 15, 1997)]. Retrieved from kodeksy-kz.com

REFERENCES

1. Wu Hongwei (2019). Reform of the Latinization of the Kazakh script: from exploration to practice. Language Strategy Research, 4, 31–41. (In Chinese)

2. Wu Juan, & Mukhamedjanova Sh.T. (2022). Funkcionirovanie russkogo qzjka v Kazaxstane cherez prizmu qzjkovogo landshafta (na primere Nur-Sultana) [Functioning of the Russian language in Kazakhstan through the prism of language landscape (on the example of Nur-Sultan)]. Vestn. Mosk. un-sta. Ser. 9. Philology, 5, 46–58. (In Russ.)

3. Chi Zhonghua (2015). Examination and Reflection on the Language Situation in Asian Countries. Journal of Yunnan Normal University. (Philosophy and Social Science Edition), 5, 14–20. (In Chinese)

4. Jiang Qiuli (2021). An Essay on the Reform of Latinization of the Kazakh Scrip. Journal of Xinjiang University (Philosophy-Humanities and Social Sciences Edition), 5, 37–42. (In Chinese)

5. Shang Guowen, & Zhao Shouhui (2014). The Analytic Dimension and Theoretical Construction of Linguistic Landscape. Foreign Languages, 6, 81–89. (In Chinese)

6. Allard, R., & Landry, R. (1992). Ethnolinguistic vitality beliefs and language maintenance and loss. In W. Fase, K. Jaespaert, & S. Kroon (Eds.), Maintenance and loss of minority language (pp. 171–195). Amsterdam: Benjamins.

7. Backhaus, P. (2007). Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo. Clevedon: Multilingual Matters.

8. Bourhis, R. Y. (1984). Language policies in multilingual settings. In R. Y. Bourhis (Ed.), Conflict and language planning in Québec (pp. 1–28). Clevedon, England: Multilingual Matters.

9. Cobarrubias, J., & Fishman, J. (Eds.) (1983). Progress in language planning: International perspectives. Berlin: de Gruyter.

10. Cooper, R. (1989). Language planning and social change. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Pr.

11. Landry, R., Bourhis, R. (1997). Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study. Journal of Language and Social Psychology, 1, 23–49.

12. Sachdev, I., & Bourhis, R. Y. (1990). Language and social identification. In D. Abrams & M. Hogg (Eds.), Social identity theory: Constructive and critical advances (pp. 211–229). New York: Harvester-Wheatsheat.

13. Scollon, R. (2003). Discourses in Place: Language in the Material World. London : Routledge.

14. Shohamy, E. (2006). Language Policy: Hidden Agendas and New Approaches. London: Routledge.

15. Spolsky, B. (2009). Prolegomena to a sociolinguistic theory of public signage. London: Routledge.

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 811.161.1'42+808.51
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 5.9.8

Ян Ии

Университет МГУ-ППИ, Шэньчжэнь, Китай, vey1993821@126.com, <https://orcid.org/0000-0003-1750-1656>

Ритуальный дискурс в политической коммуникации: механизм порождения, содержание и ценность (на материале праздничных поздравлений В. В. Путина)

АННОТАЦИЯ. В статье с точки зрения теории дискурс-анализа анализируется ритуальный дискурс как важное коммуникативное средство в политике. Крупные политические деятели стараются использовать этот инструмент, не являясь исключением и В. В. Путин: заняв пост президента Российской Федерации, он регулярно выступает с обращениями к российскому народу по случаю важных профессиональных, политических и культурных праздников. Ритуал позволяет поддерживать общественные нормы и ценности, использует символы, механизмы подражания и восприятия, обращаясь тем самым к подсознательным элементам психики. В то же время развитие демократии изменило суть ритуального дискурса в устах первого лица государства: его праздничные поздравления теперь содержат не только такие стандартные выражения, как приветствие, пожелания, но и политическую информацию, например, о текущих социальных условиях, планах на будущее и другом, то есть несут информативный характер. Праздничные поздравления президента стали неотъемлемой частью российской политической жизни. В работе рассматриваются механизм порождения (структура и форма) и актуальность (важность в конкретных условиях, имплицитные и эксплицитные смыслы) поздравлений В. В. Путина с 1999 по 2023 г. Данное исследование значимо для понимания собственно жанра ритуального дискурса, а изучение поздравлений президента также является результативным инструментом понимания современного российского общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, ритуальный дискурс, политическая риторика, российские президенты, речевая деятельность, речевые жанры, праздничные поздравления, президентские поздравления, политические программы, языковая личность, лингвоперсонология.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ян Ии, преподаватель филологического факультета, Университет МГУ-ППИ (Московский государственный университет — Пекинский политехнический институт) в Шэньчжэне; 518172, Китай, провинция Гуандун, город Шэньчжэнь, район Лунган, улица Гоцидасюэюань, дом 1; email: vey1993821@126.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ян, Ии. Ритуальный дискурс в политической коммуникации: механизм порождения, содержание и ценность (на материале праздничных поздравлений В. В. Путина) / Ян Ии. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 356-362.

Yang Yiyi

Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China, vey1993821@126.com, <https://orcid.org/0000-0003-1750-1656>

Ritual Discourse in Political Communication: Generation Mechanism, Content and Value (On the Material of Greetings by V.V. Putin)

ABSTRACT. The article analyzes ritual discourse as an important communicative tool in politics from the point of view of the theory of discourse analysis. Major political figures often use this tool, and Vladimir Putin is no exception: having assumed the post of President of the Russian Federation, he regularly addresses the Russian people on the occasions of important professional, political and cultural holidays. Ritual allows maintaining social norms and values, uses symbols, mechanisms of imitation and perception, thereby addressing the subconscious elements of the psyche. At the same time, the development of democracy has changed the essence of ritual discourse in the mouth of the first person of the state: his holiday greetings now contain not only such standard expressions as greetings and wishes, but also political information, for example, about the current social conditions, plans for the future, and so on; thus, they are informative in nature. The President's holiday greetings have become an integral part of Russian political life. The paper examines the mechanism of generation (structure and form) and urgency (importance in specific situations, implicit and explicit meanings) of V. V. Putin's congratulations from 1999 to 2023. This study is significant for understanding the genre of ritual discourse proper, and the study of the President's congratulations is also an effective tool for understanding modern Russian society.

KEYWORDS: political discourse, ritual discourse, political rhetoric, Russian presidents, speech, speech genres, holiday greetings, presidential greetings, political programs, linguistic personality, linguopersonology.

AUTHOR'S INFORMATION: Yang Yiyi, Philological Faculty Teacher of Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China.

FOR CITATION: Yang Yiyi. (2024). Ritual Discourse in Political Communication: Generation Mechanism, Content and Value (On the Material of Greetings by V.V. Putin). In *Political Linguistics*. No 4 (106), pp. 356-362. (In Russ.).

1. ВВЕДЕНИЕ

Ритуал является неотъемлемой частью нашей жизни: приветствие при встрече, празднование дня рождения с любимыми людьми, обмен кольцами на свадьбе. Языковые способы выражения в ритуале уже много лет изучаются социологами, психологами и лингвистами, а сам ритуальный дискурс в последние годы широко обсуждается в лингвистической сфере (Е. Г. Бейнинсон, 2014; Л. Р. Сардалова, 2016; К. В. Овчарова, 2016; Н. Ю. Фанян, 2018; Е. А. Дженкова, 2022). Ритуальный дискурс как лингвистическая категория представляет собой стереотипное, символически нагруженное вербальное общение, ориентированное на закрепление идентичности индивидуума как члена социума либо создание новой идентичности индивидуума [Овчарова 2016: 249]. Праздничное поздравление лидера государства — это типичный, но и в то же время особенный жанр ритуального дискурса. Как отмечает А. П. Чудинов, «современная политическая коммуникация часто бывает не менее ритуальной, чем в советские времена, но сейчас изменились ритуальные правила и соответствующие им роли» [Чудинов 2012: 53]. С непрерывным развитием демократической политики праздничные поздравления лидера государства теперь содержат не только такие стандартные выражения, как приветствие, пожелания, но и политическую информацию, например, о текущих социальных условиях, планах на будущее и т. д. Другими словами, поздравления с праздником от лидера государства носят одновременно ритуальный и информативный характер.

С тех пор как В. В. Путин стал президентом Российской Федерации, он выступает с праздничными речами перед общественностью или определенными группами людей по важным праздникам. Всем известно, что цель выступления политиков — это убеждение аудитории и достижение политических целей. В зависимости от типа праздника мы предлагаем разделять праздничные поздравления президента на две группы: поздравления по случаю праздников с большим или малым политическим значением. К первой группе относятся обращения по случаю общественно-политических праздников. Ко второй группе — обращения по случаю профессиональных и культурных праздников. В данной статье рассматриваются структурные компоненты и средства выражения оценок, содержащихся в официальных поздравлениях В. В. Путина по случаю важных праздников, обсуждается значение ритуального дискурса в политической жизни.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

В социологических исследованиях ритуал и религия рассматриваются в тесной взаимосвязи. По мнению французского социолога Эмиля Дюркгейма, «религия является системой верований, а ритуальные практики — формой проявления этих верований» [Кузьменков 2018: 153]. Люди с общими ценностями придерживаются определенных правил поведения в определенные дни, чтобы постоянно подтверждать, что они являются частью данного коллектива, таким образом укрепляя коллективную идентичность. Ритуальный дискурс занимает особое место в ритуале, объясняя причины ритуальных действий и поднимая их на более осмысленный уровень.

Теория дискурса относится к числу активно развивающихся направлений лингвистики [Овчарова 2016: 213], а ритуальный дискурс также становится объектом изучения во многих лингвистических исследованиях. Немало лингвистов изучают ритуальный дискурс с точки зрения прагмалингвистики (Е. И. Шейгал, 2004; В. С. Карасик, 2004; Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков 2007; К. В. Овчарова, 2016). В данном научном направлении принято выделять два основных типа ритуального дискурса: жесткий (например, молитвы и обрядовые действия) и мягкий (например, научные тексты) ритуалы [Овчарова 2016: 214]. В настоящее время ритуальная традиция во многом сохраняется в различных праздниках, в связи с этим праздничные поздравления рассматриваются как жанр ритуального дискурса (Л. А. Ласица, 2017; Е. К. Абрамова, О. А. Агаркова, 2019).

Праздники в современном мире отражают социокультурную, общественно-политическую ситуацию, закрепляют ценностные приоритеты общества [Эмер, Акентьева 2019: 315]. Большинство из них связаны с известными историческими событиями и закреплены в виде законов. Правительство или соответствующие организации устраивают торжества, чтобы отличить эти дни от монотонных, однообразных будней. Праздничные речи важных людей придают праздникам больше колорита, а поздравления самых важных членов политической элиты страны становятся всё более ожидаемыми. Можно сказать, что праздник — это связь между прошлым и будущим, одновременно являющаяся коммуникационным мостом между обычными людьми и властями.

В данной связи в фокусе внимания находятся официальные поздравления представителей власти в Российской Федерации, в частности В. В. Путина. С 31 декабря 1999 г. (за исключением периода с мая 2008 по май

2012 г.) В. В. Путин обращается с праздничными поздравлениями ко всему российскому народу или некоторым социальным группам через различные средства массовой информации по праздникам. Эта традиция постепенно стала одной из характерных черт политической карьеры президента. Здесь ядерным жанром ритуального дискурса является «поздравление», которое нацелено на моделирование идеальной гармоничной картины мира, создание эмоционально приподнятого настроения у адресата [Эмер, Акентьева 2019: 316]. Однако поздравление президента относится не только к ритуальному дискурсу, но и к политическому дискурсу, демонстрируя смешением неинституциональных и институциональных жанровых черт, в чем проявляются отличия от формы и содержания традиционного поздравления. Следует отметить, что для удобства понимания мы называем все праздничные обращения президента «поздравление».

3. СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ПОЗДРАВЛЕНИЙ ПРЕЗИДЕНТА

Человеческая деятельность включает в себя три основных аспекта: материально-производственный, социально-политический и духовный. Они соответствуют экономическому (материальному), политическому (институциональному) и культурному (духовному) полю человеческого общества. В связи с этим мы классифицируем праздничные поздравления в соответствии с их социальными атрибутами следующим образом (таблица 1).

Адресат. Обращение В. В. Путина к адресату в поздравлениях зависит от того, к какому типу людей относится данная аудитория. Адресатом в новогодних обращениях являются граждане страны как единое целое: *Уважаемые граждане России! Дорогие друзья!* (2015 г.) Адресатом в поздравлениях по случаю Дня народного единства являются не только граждане страны, но и те, кто внесли вклад в укрепление единства российской нации: *Уважаемые коллеги, друзья! Дамы и господа!* (2017 г.) *Хочу поблагодарить и присутствующих здесь соотечественников, а также наших друзей — граждан других государств.* (2019 г.) В поздравлениях, посвященных Женскому дню, Дню учителя и профессиональным праздникам, адресатом является целевая аудитория: все российские женщины, учителя и профессиональные группы.

Часто используются такие лексические единицы, как *каждый, все, народ: каждый из вас* (новогоднее обращение 2000 г.); *всех, кто отдав свои жизни* (поздравление с Днем Победы 2004 г.); *когда народ России положил конец трагедии Смутного времени* (поздравление с Днем народного единства 2020 г.). Данные языковые средства выражения эффективно концентрируют внимание аудитории, позволяя каждому человеку почувствовать себя частью большой страны [Ласица 2017: 23]. Использование приведенного выше обращения в качестве начала поздравительной речи может сразу привлечь внимание слушающих и позволить им с интересом ждать продолжения речи.

Таблица 1

Вид праздников	Количество поздравлений президента (с 1999 г.)	Количество слов в текстах
Профессиональные праздники	День железнодорожника	17
	День работника сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности	17
	День работников нефтяной и газовой промышленности	12
Политические праздники	День защитника Отечества	19
	День Победы	20
	День народного единства	14
Культурные праздники	Новый год	20
	Международный женский день	19
	Рождество Христово	19
Итого	157	133,094

Адресант. Речи Путина отражают его лидерский статус и политическую власть. Публичное выступление в качестве президента РФ необходимо не только для достижения политических целей, но и формирования имиджа лидера страны. Так что в поздравлениях президента нередко используется местоимение *я*: как *Верховный Главнокомандующий я всегда уверен в вас...* (поздравление с Днем защитника Отечества 2019 г.); *сегодня я низко кланяюсь всем ветеранам...* (поздравление с Днем Победы 2005 г.).

Однако праздничная речь Путина по-прежнему остается типичным жанром ритуального дискурса, который характеризуется высокой степенью популярности по сравнению с другими жанрами политического дискурса. Речь президента должна быть общим голосом всего общества. В большинстве случаев В. В. Путин использует элементы *мы*, *все мы*, чтобы уменьшить психологическую дистанцию с народом:

Встречая его ровно год назад, мы с вами, как и люди во всём мире, конечно же, думали, мечтали о добрых переменах.

(Новогоднее обращение 2020 г.)

Мы ценим и любим вас всегда, а не только по праздникам.

(Поздравление российских женщин с 8 Марта 2019 г.)

Благодарность и поздравление. Это самые основные жанровые компоненты поздравления президента, которые также служат жанровой связью между политическим и ритуальным дискурсами. Благодарность показывает уважение, доброжелательность и внимательное отношение самого важного руководителя страны к обычным людям и их чувствам.

Низкий поклон вам за подвижнический труд, оптимизм, энтузиазм и искреннюю любовь к детям.

(Поздравление с Днем учителя 2007 г.)

Мы благодарны всем тем, кто днём и ночью, в будние дни и в праздники всегда на посту.

(Новогоднее обращение 2015 г.)

Первичная цель поздравления — создание приподнятого настроения адресата. Стоит отметить, что некоторые праздники связаны с памятными историческими событиями, которые легко вызывают плохие и горькие воспоминания. Например, День Победы — не только празднование великой победы в войне, но и почитание тех, кто отдал свою жизнь. Поэтому в своем поздравлении по случаю Дня Победы В. В. Путин по-прежнему упоминает войну и армию: *Слава народу-победителю! С праздником вас! С Днём Победы! Ура! (2017 г.) С днём славы*

нашего народа, сокрушившего нацизм! (2013 г.)

Пожелание. В своих теплых пожеланиях В. В. Путин часто использует более красноречивую риторику и лексику, чтобы сделать речь более эмоционально выразительной.

В этот день наступившей весны хочу пожелать вам любви, взаимопонимания с теми, кто вам дорог, и чтобы то душевное тепло, которым вы так щедро делитесь, возвращалось к вам сторицей, так же согревало ваши сердца.

(Поздравление российских женщин с 8 Марта 2023 г.)

По случаю праздников президент часто выражает свои лучшие пожелания относительно светлого будущего Родины, чтобы призвать народ к объединению и совместному преодолению трудностей. Из-за изменений в международной обстановке данные пожелания звучат чаще в новогодних обращениях последних двух лет. Это также подтверждает то, что политический дискурс меняется вместе с изменением политической ситуации.

Пусть эти сердечные слова и благородные чувства придадут всем нам как можно больше душевных сил, уверенности, что вместе мы преодолеем все трудности и сохраним нашу страну великой и независимой.

(Новогоднее обращение 2022 г.)

В наступающем году хочу пожелать всем российским семьям самого доброго. Ведь из истории каждой семьи складывается история нашей огромной, прекрасной и любимой Родины.

(Новогоднее обращение 2023 г.)

Аргументы. Для повышения внимания и воздействия на аудиторию поздравление президента основывается на аргументах, содержащих общие нравственные и философские положения, которые считаются общепринятыми в современном российском обществе [Ильичева 2015: 378]. Это также является наиболее существенным отличием президентского поздравления от традиционного. Праздник транслирует и закрепляет значимые для общества ценности, помогая легитимизировать государственный строй [Эмер, Акентьева 2019: 136]. Возьмем в качестве примера русские профессиональные праздники.

Раньше в России уважали людей творческих, способных ради дела забыть о своем собственном благе и жизни. Труд и человека труда всегда высоко ценили. С усилением влияния западной идеологии идеи материального превосходства в обществе становятся всё более популярными. Чтобы призвать общество вернуться к драгоценной трудовой традиции, В. В. Путин выступает с

речью по важным профессиональным праздникам, в которой может говориться о важности праздника и самого труда.

Традиция ежегодно отмечать этот профессиональный праздник родилась уже полвека назад в знак глубокого уважения и признательности к нелёгкому, самоотверженному, можно сказать, труду всех, кто работает в вашей отрасли, как символ особой роли нефтегазового комплекса в экономике всей России.

(Поздравление с Днем работников нефтяной и газовой промышленности 2015 г.)

Повторю, такие достижения были бы невозможны без высокого профессионализма, энергии и самоотдачи работников отрасли, без вашей готовности к развитию, к освоению передовых технологий и подходов в ведении сельского хозяйства.

(Поздравление с Днем работника сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности 2020 г.)

По словам Щербина, «...праздник отбирает необходимые современные ценности и, проецируя их на прошлое, воспроизводит на этой основе необходимую цепь исторических событий, легитимируя тем самым режим» [Щербин 2014: 54]. Цель поздравления президента состоит не только в том, чтобы поздравить, но и, что более важно, в продвижении традиционных ценностей и получении широкого признания, и тем самым в укреплении политических позиций. Такие аргументы, как подчеркивание важности праздника и значение традиции отмечаемого, уже стали неотъемлемой частью поздравлений президента.

Планы на будущее. Как один из самых влиятельных людей в политической жизни страны, президент транслирует государственную идеологию и в своих поздравительных обращениях к народу, в том числе при упоминании планов на будущее, показывает свое добросовестное отношение к государственному делу. О планах на будущее президент часто сообщает в новогодних обращениях и поздравлениях с профессиональными праздниками.

Мне бы хотелось, и мы сделаем всё возможное, чтобы результаты, которых мы достигли в экономике, привели к серьезным положительным изменениям в жизни каждого конкретного человека.

(Новогоднее обращение 2006 г.)

У российского АПК огромный потенциал развития, и государство умножит свои усилия по созданию условий для дальнейшего подъёма сельского хозяйства, для надёжного обеспечения продовольственной безопасности страны.

(Поздравление с Днем работника сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности 2013 г.)

4. АКТУАЛЬНОСТЬ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Ритуал является главным механизмом поддержания общественных норм и ценностей, он связан с символами, подражанием и восприятием, обращается, таким образом, к подсознательным элементам человеческой психики [Кузьменков 2018: 155]. Независимо от того, на каком историческом этапе и мировом фоне находится наше общество, оно всегда нуждается в силах и положительных эмоциях, чтобы двигаться вперед. Именно поэтому политические элиты ценят праздники и выступают с поздравительными речами, осознавая их важную роль в создании позитивной атмосферы и укреплении гражданского общества в Российской Федерации.

Одна из самых непосредственных функций президентских поздравлений заключается в сокращении психологической дистанции с аудиторией и создании имиджа лидера государства. В дополнение к Новому году, самому популярному празднику, люди могут услышать голос президента по случаю многих других важных праздников. В. В. Путину уже удалось создать уникальную систему президентского дискурса. В классификации выступлений на официальном сайте «Президент России» уже есть раздел «поздравление». Президент выступает с поздравлениями, ориентированными не только на массового, но и на группового адресата, позволяя людям с различными профессиями и специальностями получать заботу и внимание от президента. В своей праздничной речи президент демонстрирует имидж демократичного и трудолюбивого лидера государства.

Одной из руководящих концепций современного российского правительства является возвращение к традициям, что также хорошо отражено в праздничной речи президента. В связи с этим президент всегда вспоминает значение празднования, а также традиции русского народа, такие как *любовь и забота друг о друге, уважение к людям старшего поколения, победные традиции Российской армии, высокие идеалы патриотизма, высокий профессионализм, энергия и самоотдача работников*, что помогает реконструировать традиционную картину празднования и актуализировать ценности, характерные для социума. Как отметил В. В. Путин в поздравлении с Днем народного единства 2021 г., «этот праздник посвящён тем главным, основным ценностям, ко-

торые близки и понятны каждому из нас». В своих речах В. В. Путин дает высокую оценку традиционным ценностям, чтобы подтвердить значимость их существования и призвать людей обращать особое внимание на эти давние и по-прежнему актуальные нормы морали, ценности, которые соответствуют интересам и стремлениям России и ее народа.

Как у одного из наиболее приемлемых для народа жанра политического дискурса, основная коммуникативная цель президентского поздравления — убеждение и политическая пропаганда, которая ориентирована на все слои общества [Овчарова 2016: 239]. Политики всегда стремятся выразить политическую позицию, мнение и идеи по всем подходящим поводам, а использование простых и понятных языковых выражений в праздничных поздравлениях, несомненно, является хорошим способом получить широкое общественное признание и поддержку. В то же время празднование важных дней и разделение общих ценностей вместе с народом также является подтверждением правительством легитимности. Это также одна из важных причин, по которой мы считаем президентское поздравление жанром с атрибутом ритуальности. Ритуалы, подчеркивая общие ценности, могут эффективно смягчать социальные конфликты и поддерживать стабильное развитие общества. Большинство ритуалов в современном обществе проводятся государством или наиболее влиятельной организацией. Таким образом, ритуальная характеристика политического дискурса и политическая функция ритуального дискурса обладают особой актуальностью.

5. ВЫВОДЫ

Жанр президентского поздравления имеет довольно долгую историю существования и уже стал одной из характерных черт российского политического дискурса. С одной стороны, в отличие от других жанров политического дискурса (таких как устав партии, отчеты о работе правительства и т. д.), в президентских поздравлениях используются простые и доступные для понимания выражения. Успешное публичное выступление требует от оратора высокого уровня речевой культуры. Поздравления по случаю популярных праздников помогают задавать позитивный и гармоничный праздничный настрой, а также формируют идеальный образ лидера. С другой стороны, поздравления президента содержат соответствующую политическую информацию, что отличается от традиционных праздни-

чных поздравлений. Данный жанр речи уже стал одним из важных инструментов, позволяющих простым людям получить представление о текущей политике и политической ситуации. Можно сказать, что поздравление В. В. Путина представляет собой органичное соединение институционального и ритуального дискурса. Изучение поздравлений президента является не только важной задачей в области лингвистики, но и хорошим способом понять современное российское общество.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баранов, А. Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом? / А. Н. Баранов. — Текст : непосредственный // Человек. — 1997. — № 6. — С. 108–117.
2. Борботько, В. Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике / В. Г. Борботько. — 4-е изд. — Москва : Либроком, 2011. — 288 с. — Текст : непосредственный.
3. Варавкина, В. Ю. Новогоднее обращение главы государства: жанровая специфика и лингвокогнитивное моделирование образа адресата : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. Ю. Варавкина. — Омск, 2011. — 23 с. — Текст : непосредственный.
4. Гаврилова, М. В. Некоторые тенденции развития российской президентской риторики / М. В. Гаврилова. — Текст : непосредственный // Политические коммуникации в изменяющейся России : сборник науч. ст. РАПН / под ред. Л. Н. Тимофеевой. — Москва : [б. и.], 2013. — С. 33.
5. Гудков, Д. Б. Ритуалы и прецеденты в политическом дискурсе / Д. Б. Гудков. — Текст : непосредственный // Политический дискурс в России : материалы раб. совещания. — Москва : Диалог-МГУ, 1998. — С. 30–36.
6. Ильичева, В. В. Жанрообразующие признаки торжественной президентской риторики в системе российского политического дискурса / В. В. Ильичева. — Текст : непосредственный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2015. — № 2. — С. 376–379.
7. Китайгородская, М. В. Современная политическая коммуникация / М. В. Китайгородская, В. В. Розанова. — Текст : непосредственный // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. — Москва : Наука, 2002. — С. 151–239.
8. Кузьменков, В. А. Ритуалы как факторы возникновения ценностей / В. А. Кузьменков. — Текст : непосредственный // Социально-политические науки. — 2018. — № 1. — С. 152–157.
9. Ласица, Л. А. Новогоднее обращение главы государства: семантические особенности ритуального жанра политического дискурса / Л. А. Ласица. — Текст : непосредственный // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2017. — № 1 (201). — С. 19–24.
10. Овчарова, К. В. Ритуальность в дискурсе: многообразие проявлений / К. В. Овчарова. — Текст : непосредственный // Особенности исследования и конструирования актуальных типов дискурса и их категорий : моногр. / под ред. И. П. Хутыз. — Краснодар : Кубанский государственный университет, 2016. — С. 213–251.
11. Ослопова, В. Ю. Новогоднее обращение главы государства к народу как жанр политического дискурса / В. Ю. Ослопова. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 329. — С. 19–22.
12. Хазагеров, Г. Г. Политическая риторика / Г. Г. Хазагеров. — Москва : Никколо-Медиа, 2002. — Текст : непосредственный.
13. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2012. — № 2 (40). — С. 53–59.

14. Щербинин, А. И. Политический праздник: концепт и коммуникация / А. И. Щербинин. — Текст : непосредственный // Политическая концептология : журнал междисциплинарных исследований. — 2014. — № 3. — С. 45–59.

15. Эмер, Ю. А. Трансформация жанра «поздравление» в президентском дискурсе восточнославянских стран / Ю. А. Эмер, К. А. Акентьева. — Текст : непосредственный // Русин. — 2019. — № 56. — С. 312–327.

REFERENCES

1. Baranov, A.N. (1997). Politicheskiy diskurs: proshchaniye s ritualom? [Political discourse: farewell to ritual?]. *Chelovek*, 6, 108–117. (In Russ.)

2. Borbot'ko, V.G. (2011). *Printsipy formirovaniya diskursa: ot psikholingvistiki k lingvosinergetike* [Principles of discourse formation: from psycholinguistics to linguasinergetics]. (4th ed.). Moscow: Librokom, 288 p. (In Russ.)

3. Varavkina, V.Yu. (2011). *Novogodnee obrashchenie glavy gosudarstva: zhanrovaya spetsifika i lingvokognitivnoye modelirovaniye obraza adresata* [New Year's address of the head of state: genre specificity and linguacognitive modeling of the addressee's image] [Abstract of Dis. of Cand. of Philology]. Omsk, 23 p. (In Russ.)

4. Gavrilova, M.V. (2013). Nekotorye tendentsii razvitiya rossiyskoy prezidentskoy ritoriki [Some trends in the development of Russian presidential rhetoric]. In L.N. Timofeeva (Ed.), *Politicheskie kommunikatsii v izmenyayushcheysya Rossii* (Collection of scientific papers of RAPS, p. 33). Moscow. (In Russ.)

5. Gudkov, D.B. (1998). Ritualy i pretsedenty v politicheskom diskurse [Rituals and precedents in political discourse]. *Politicheskiy diskurs v Rossii* [Materials of the working meeting] (pp. 30–36). Moscow: Dialog-MGU. (In Russ.)

6. Il'icheva, V.V. (2015). Zhanroobrazuyushchie priznaki torzhestvennoy prezidentskoy ritoriki v sisteme rossiyskogo politicheskogo diskursa [Genre-forming features of ceremonial presidential rhetoric in the system of Russian political discourse]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2, 376–379. (In Russ.)

7. Kitaygorodskaya, M.V., & Rozanova, V.V. (2002). Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya [Modern political

communication]. In *Sovremennyy russkiy yazyk: sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya* (pp. 151–239). Moscow: Nauka. (In Russ.)

8. Kuz'menkov, V.A. (2018). Ritualy kak faktory vozniknoveniya tselestoy [Rituals as factors in the emergence of values]. *Sotsial'no-politicheskie nauki*, 1, 152–157. (In Russ.)

9. Lasitsa, L.A. (2017). Novogodnee obrashchenie glavy gosudarstva: semanticheskie osobennosti ritual'nogo zhanra politicheskogo diskursa [New Year's address of the head of state: semantic features of the ritual genre of political discourse]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1(201), 19–24. (In Russ.)

10. Ovcharova, K.V. (2016). Ritual'nost' v diskurse: mnogoobrazie proyavleniy [Rituality in Discourse: Diversity of Manifestations]. In I.P. Khutyz (Ed.), *Osobennosti issledovaniya i konstruirovaniya aktual'nykh tipov diskursa i ikh kategoriy* [Monograph] (pp. 213–251). Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet. (In Russ.)

11. Oslopova, V.Yu. (2009). Novogodnee obrashchenie glavy gosudarstva k narodu kak zhanr politicheskogo diskursa [New Year's Address of the Head of State to the People as a Genre of Political Discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 329, 19–22. (In Russ.)

12. Khazagerov, G.G. (2002). *Politicheskaya ritorika* [Political Rhetoric]. Moscow: Nikkolo-Media. (In Russ.)

13. Chudinov, A.P. (2012). Diskursivnye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii [Discursive characteristics of political communication]. *Politicheskaya lingvistika*, 2(40), 53–59. (In Russ.)

14. Shcherbinin, A.I. (2014). Politicheskiy prazdnik: kontsept i kommunikatsiya [Political holiday: concept and communication]. *Politicheskaya kontseptologiya : zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy*, 3, 45–59. (In Russ.)

15. Emer, Yu.A., & Akent'eva, K.A. (2019). Transformatsiya zhanra «pozdravlenie» v prezidentskom diskurse vostochnoslavianskikh stran [Transformation of the genre “congratulations” in the presidential discourse of the East Slavic countries]. *Rusin*, 56, 312–327. (In Russ.)

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106).
Political Linguistics. 2024. No 4 (106).

УДК 81'42+81'38+81'27

ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.07, 16.21.29

Код ВАК 5.9.8

Ирина Владимировна Евсеева^{1✉}, Галина Анатольевна Копнина^{2✉}

^{1,2} Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

¹ ivevsееva@yandex.ru ✉, SPIN-код: 4056-4629, <https://orcid.org/0000-0003-0495-033X>

² gkopnina@mail.ru ✉, SPIN-код: 1968-0006, <https://orcid.org/0000-0001-9883-3892>

Роль средств массовой коммуникации в информационно-психологической войне

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена описанию роли средств массовой коммуникации в современной информационно-психологической войне, ведущейся против России, и представляет собой рецензию на монографию Л. А. Гаврилова и Р. И. Зарипова «Язык массовой коммуникации и информационная война». В этой книге рассматриваются генезис средств массовой коммуникации, их функциональные и языковые особенности в условиях глобальной (повсеместной) информационно-психологической войны. Авторы монографического исследования называют его обзорным, однако следует иметь в виду, что в нем представлены результаты анализа иллюстративного материала на нескольких языках и предлагается методика дешифровки манипулятивных коммуникативных установок, «вшитых» в тексты массмедиа.*

В статье актуализированы аргументы авторов книги в пользу тезиса о манипулятивной природе массмедиа, а также их предложения и рекомендации по защите российского общества от негативного информационно-психологического влияния. Делается вывод, что рецензируемое исследование, последовательно раскрывая механизмы воздействия средств массовой коммуникации на индивидуальное и общественное сознание, не только способствует развитию лингвистики информационно-психологической войны, но и решает задачу формирования у читателей критического восприятия массмедийных сообщений, понимания важности противодействия различным угрозам информационной безопасности общества и государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, политический дискурс, средства массовой коммуникации, функции массовой коммуникации, информационно-психологическая война, манипуляция сознанием, манипулятивное воздействие, массовое сознание, лингвистика информационно-психологической войны, образ России, рецензия.

ТИП ПУБЛИКАЦИИ: рецензия.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Евсеева Ирина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет; 660041, Россия, Красноярск, пр-т Свободный, 82а; email: ivevsееva@yandex.ru.*

Копнина Галина Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет; 660041, Россия, Красноярск, пр-т Свободный, 82а; email: gkopnina@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Евсеева, И. В. Роль средств массовой коммуникации в информационно-психологической войне / И. В. Евсеева, Г. А. Копнина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 363-368.*

Irina V. Evsееva^{1✉}, Galina A. Kопnina^{2✉}

^{1,2} Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

¹ ivevsееva@yandex.ru ✉, SPIN-код: 4056-4629, <https://orcid.org/0000-0003-0495-033X>

² gkopnina@mail.ru ✉, SPIN-код: 1968-0006, <https://orcid.org/0000-0001-9883-3892>

The Role of Mass Media in Information and Psychological Warfare

ABSTRACT. *The article describes the role of mass media in the modern information and psychological warfare waged against Russia and is in fact a review of the monograph “Mass Media Language and Information Warfare” by L. A. Gavrilov and R. I. Zaripov. This book examines the genesis of mass media and their functional and linguistic features in the situation of a global (ubiquitous) information and psychological warfare. The authors of the monograph call their study a review, but it should be borne in mind that it presents the results of analyzing illustrative material in several languages and suggests methods of deciphering manipulative communicative purposes “inbuilt” into mass media texts.*

The article accumulates the arguments of the authors of the book in favor of the thesis about the manipulative nature of mass media, as well as their proposals and recommendations aimed to protect the Russian society from the negative information and psychological influence. It is concluded that the reviewed study, consistently revealing the mechanisms of impact of mass media on individual and public consciousness, not only contributes to the development of linguistics of information

and psychological warfare, but also solves the problem of forming in readers a critical attitude to mass media messages, and emphasizes the importance of countering various threats to the information security of society and the state.

KEYWORDS: *journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, political discourse, mass media functions, information and psychological warfare, manipulation of consciousness, manipulative effect, mass consciousness, linguistics of information and psychological warfare, image of Russia, reviews.*

TYPE OF PUBLICATION: *review.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Evseeva Irina Vladimirovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of Russian Language and Speech Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.*

Kopnina Galina Anatol'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Language and Speech Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

FOR CITATION: *Evseeva I. V., Kopnina G. A. (2024). The Role of Mass Media in Information and Psychological Warfare. In Political Linguistics. No 4 (106), pp. 363-368. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ МОНОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Издание книг, посвященных раскрытию технологий ведения информационных войн, — важная задача противостояния реальным и потенциальным угрозам российскому обществу и государству. Одной из таких книг является монография Л. А. Гаврилова и Р. И. Зарипова «Язык массовой коммуникации и информационная война», опубликованная в Москве в 2023 году. Ее выход из печати не остался не замеченным. Доктор философских наук Д. В. Винник в авторском блоге ежедневного интерактивного издания «Завтра.ру» пишет, что книга «помимо собственно анализа языка информационной войны содержит интересный исторический взгляд, апеллирующий к истории Великой Французской и Русской революций, к пропаганде времён Наполеона», а также «знания о природе информационно-пропагандистской монополии Запада». По его словам, «ее написали правильные люди достойной профессии» (военные лингвисты), «обобщив свой значительный академический и боевой опыт» [Винник 2023]. Будучи филологами, имеющими публикации о языке информационно-психологической войны, мы также не могли обойти вниманием это издание.

По названию исследование Л. А. Гаврилова и Р. И. Зарипова вписывается в «коммуникативно-прагматическую траекторию» [Кушнерук 2019] лингвистики информационно-психологической войны [Лингвистика... 2017], но по содержанию оно гораздо шире проблематики этого научного направления, поскольку описывает истоки и эволюцию средств массовой коммуникации, дает экскурс в историю различных информационных войн, на что обращает внимание в своей рецензии Д. В. Винник. Вероятно, поэтому в

аннотации книги авторы охарактеризовали ее как «обзорное исследование массовой коммуникации» [Гаврилов 2023: 2]. Однако, с нашей точки зрения, рецензируемое монографическое исследование, как будет показано ниже, содержит значимые научные выводы и наблюдения о «роли языка в трансляции массовой информации и репрезентации окружающей действительности в медиaprостранстве» [Там же: 5].

Обратим внимание, что, помимо комплексного изучения языка массовой коммуникации от ее истоков до современного состояния в условиях глобальной информационной войны, авторы книги ставят перед собой не менее важную задачу, которая заключается в «разъяснительной, информационной и военно-политической работе с читателем» [Там же: 11]. Решение этой задачи приобретает особую значимость на фоне нарастающего информационно-психологического противостояния между Россией и Западом.

Тем самым монография решает обозначенную Президентом в «Доктрине по информационной безопасности»¹ приоритетную государственную задачу, направленную на нейтрализацию воздействия тех средств массовой информации, прежде всего — зарубежных, которые стремятся создать агрессивную оппозицию российской государственности, используя информационные атаки на ее историю, народ, русский язык и поддерживаемые ценности.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ: «МЫ — ЭТО ТО, ЧТО МЫ ЧИТАЕМ, СЛУШАЕМ, СМОТРИМ»

В монографии четко прослеживаются два теоретических блока: массовая коммуникация: ее история и специфика, в том числе функционально-стилевая (главы 1—2), и манипулятивные возможности массмедиа,

¹ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Президент России [Официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 8.07.2024).

их роль в информационно-психологической войне (главы 3—4), — связь между которыми последовательно выстраивается на протяжении всего текста. Не пересказывая содержание глав, сосредоточимся на вопросах, принципиально важных для понимания той роли, которую играют массмедиа и их язык в информационно-психологических войнах.

Установки теоретиков ораторской речи (подбор убедительных аргументов; использование приемов, способствующих сопереживанию оратору; воздействие на оценки, мнение и поведение слушателей), сформулированные Цицероном и положенные в основу публичной коммуникации, прежде всего в сфере политики, не потеряли актуальность и сегодня. Они свойственны современной коммуникации, ориентированной на массового потребителя информации, однако, если «для первых газет было характерно доминирование информационной функции» [Гаврилов 2023: 29], то современные массмедиа, трансформирующие и дозирующие информацию, используют новые технологии, позволяющие «превратить публику в объект манипулирования» [Там же: 28]. Сохраняя важнейшие функции (информационную, социализирующую и др.), массовая коммуникация в первую очередь решает задачу «воздействия на взгляды и поведение людей» [Там же: 34], то есть выполняет функцию управления обществом, или «коллективно-регулятивную функцию», но управления, как правило, манипулятивного. Именно поэтому глава 3 называется «Массовая коммуникация, которая приручает и манипулирует».

По мнению авторов монографии, «четвертая власть» проводит свою политику в четырех ипостасях: информирование, убеждение, манипулирование (внушение) и обман (дезинформирование), причем соотношение первого к последним в настоящее время падает» [Там же: 37]. Вызывает интерес, что позволило авторам сделать такой вывод о современных СМИ. Аккумулируем основные аргументы, приведенные на разных страницах книги.

- СМИ потенциально манипулятивны, поскольку в сфере массовой коммуникации «субъект речи менее привязан к строгим рамкам беспристрастности, рассматривает происходящие события и процессы по отношению к самому себе или кому-либо другому и стремится интерпретировать <...> факты», а ведь «каждый случай можно преподнести с различных точек зрения» [Там же: 33]; нередко политические и медийные фигуры стремятся «выдать массовой аудитории свои субъективные суждения за объектив-

ные» [Там же: 43]. И это неудивительно, особенно если учесть, что, как известно, из одного и того же факта можно сделать противоположные выводы. Специалисты в области риторики утверждают, что «факты всегда предлагаются аудитории уже обработанными в чьей-то оценке» [Анисимова, Гимпельсон 2002: 73]. Реципиент зачастую не учитывает и того, что «субъект речи часто не столько пытается выразить свои собственные чувства, сколько, „возбудить“ их в аудитории», спровоцировать у нее определенную реакцию [Гаврилов, Зарипов 2023: 45], и это наблюдение важно для нас в свете изучения триггерных высказываний (см. о них [Копнина 2024]) в массмедийной речи.

- «Все современные СМИ, позиционирующие себя как развитые и самодостаточные, нацелены на полную самокупаемость» [Гаврилов, Зарипов 2023: 55], что вынуждает их постоянно искать новые способы привлечения аудитории, в том числе в сети Интернет, приближаясь к «образу социальной сети» [Там же: 56], «приручать» адресата к себе путем создания авторского профиля, возможности оставлять комментарии к публикации и т. д., что увеличивает манипулятивные возможности ресурса.

- Наблюдается статистически подтвержденное засорение информационного пространства массовой коммуникации дезинформацией и контентом, который, развлекая или удивляя, отвлекает людей от действительно актуальных проблем [Там же: 57], уводит человека из общественной жизни [Там же: 84]. Потоки неструктурированной информации, целенаправленно создаваемый информационный шум лишают реципиента способности и желания критически анализировать сообщения, и он постепенно начинает их принимать на веру. «Не поддающееся объективному прогнозированию и контролю внезапное появление, хаотичное распространение и непрерывное дублирование непроверенных, нередко ложных сообщений делают практически невозможной их оперативную проверку» [Там же: 61]. Особенно если учесть, что «доходящая до адресата информация носит избирательный, неполный характер» [Там же: 93].

- В сети Интернет существует огромное количество преступных сообществ, ботов, псевдонимов и т. д., что позволяет актерам без последствий для себя использовать этот канал для ведения информационных операций [Там же: 60]. Различные информационные подпространства держат «основную массу аудитории в гиперреальности, альтернативном мире», «в устойчивой и запрограммированной мозаике симулякров» [Там же: 92].

• Наблюдается проникновение в политический массмедийный дискурс рекламных технологий, создающих иллюзию свободы выбора [Там же: 100, 105].

• «Практически все СМИ, особенно массовые и тиражные, находятся в зависимости от определенных коммерческих кругов, политических элит и властных структур, имеющих свои интересы» [Там же: 107], и могут выступать в качестве инструмента «мягкой силы», формируя информационное поле и, как следствие, ценностно-мировоззренческое восприятие мира [Там же: 45].

• Развитие интернет-технологий, с одной стороны, позволяет человеку искать альтернативные источники информации, с другой — выводит его из сферы влияния традиционных СМИ, где его мировосприятие и поведение оказываются под контролем тех сил, которые призывают к антигосударственным действиям, организуют цветные революции [Там же: 122].

Авторы монографии стараются убедить читателя в манипулятивной природе СМИ: приводят яркие цитаты (например, из книги Э. Бернейса «Пропаганда»: «Сознательное и умелое манипулирование упорядоченными привычками и вкусами масс является важной составляющей демократического общества»), показательные примеры (в частности о замалчивании фактов геноцида русскоязычного населения на Донбассе с 2014 г. зарубежными СМИ и преподнесение ими специальной военной операции как оккупации Украины), делают умозаключения (например, о том, что массовой коммуникации «принадлежит решающее значение в распространении позиций и оценок, в которых истинное положение вещей часто соседствует с искаженной картиной мира и даже откровенным вымыслом, выдающимся за истину» [Гаврилов 2023: 91]).

Рассуждая о манипулятивной природе СМИ, они признают, что «в наше время остается значительное количество информационных источников, позиционирующих себя как объективные, независимые и авторитетные. Их типичными примерами являются оперативно-новостные СМИ...», тексты которых стилистически нейтральны, однако и они «нередко содержат скрытые элементы дезинформации и манипуляции смыслами» [Там же: 111]. Тем не менее надо отдать должное СМИ, которые нейтрализуют действие информационных вбросов, фейков и разъясняют действительное положение вещей в современной информационной обстановке [Там же: 108]. У отечественной аудитории растет доверие к военно-патриотическим телеграм-каналам и военным корреспондентам [Там же: 112—113].

Как вызвать доверие у иностранной аудитории в ситуации информационного противостояния — еще одна важная проблема, которая ставится в книге. Авторы пишут, что «только правдой мы сможем победить откровенную ложь западных СМИ» [Там же: 113], поэтому сообщения с манипулятивными посылами «должны оперативно комментироваться субъектами власти, а при необходимости — опровергаться и пресекаться в целях нивелирования деструктивного воздействия и предотвращения возможных практических последствий» [Там же: 185]. Чтобы избавиться от «роли догоняющих», наша страна должна продвигать в мировом медиaprостранстве собственные информационные источники, «развивать англоязычный сегмент российских социальных сетей» [Там же: 191]. Добавим, что развивать важно и русскоязычный сегмент, учитывая, что «текущие политические события подогревают интерес к нашей стране, к её культуре и языку», «несмотря на демонизацию России и „отмену“ русской культуры, количество изучающих русский язык, интересующихся русской культурой, <...> осталось на довольно высоком уровне», как отмечают лингвисты [Хрулёва 2022]. «В языке <...> залог существования нации как таковой», — пишет Л. А. Шестак [Шестак 2011: 103]; «...отстоять русский язык — значит отстоять Россию» [Там же: 108].

В условиях информационно-психологической войны для рядового потребителя информации, по мнению авторов книги, главное — выбрать верный национально-ориентированный, высокоинтеллектуальный и духовно-нравственный источник информации, поскольку «информация формирует человека» [Гаврилов, Зарипов 2023: 189], а также уметь распознавать массовые сообщения, используемые как «оружие информационно-психологической войны» по двум основным критериям: эксплицитно или имплицитно формируемые негативный образ мишени информационного воздействия и/или установка, которая «подрывает ее жизненно важные характеристики» — «фундаментальные морально-нравственные, ценностно-социальные и информационно-идеологические основы» [Там же: 159]. Причем следует иметь в виду, что оружием информационно-психологической войны могут выступать сообщения невоенного и неполитического характера [Там же: 163].

Многоаспектно характеризуя массмедийную коммуникацию, авторы монографии уделяют внимание и специфике ее языка: пишут о спектре массово-коммуникативных стилей (языке газеты, языке радио, языке

телевидения и кино, языке Интернета, языке рекламы), каждый из которых, наряду с традиционно выделяемыми параметрами, отличается определенными особенностями. Особое внимание они обращают на приемы «разговорной» риторики, когда «эффективность воздействия достигается за счет не только логичности или аргументированности сообщения, но и экспрессивно-эмоциональных элементов разговорной речи» [Там же: 66—67]. Эта особенность современного языка СМИ связана с их воздействующей ролью, так как разговорный язык является «лучшим способом внушить мысль» [Балли 1961: 329]. Особо останавливаются на характеристике интернет-дискурса, который неоднократно попадал в исследовательское поле лингвистов в разных аспектах [Ахренова 2018; Горошко 2009; Иванов 2003; Кронгауз 2008 и мн. др.].

Заслуживают внимания представленные в книге наблюдения над «языком войны»: обозначены используемые в массмедиа эвфемизмы, дисфемизмы, оксюмороны, эпитеты, метафоры и другие языковые следы информационно-психологических войн. Авторы указывают на ведущую роль языковой метафоры и других эмоционально-экспрессивных элементов в создании стереотипов и предубеждений в массовом сознании [Гаврилов 2023: 134]. Приведенные ими слова Н. А. Бердяева «Мы заколдованы словами и в значительной степени живем в их царстве» [Там же: 132—133] очень точно отражают современную действительность.

В монографии предложена методика распознавания (дешифровки) «манипулятивных посылов», или концептуальных установок манипулятора, «вшитых» в массмедийное сообщение. Такие установки строятся по классической для метафоры (см., например, работы А. П. Чудинова [Чудинов 2003: 69]) схеме «X — это Y», где X — мишень воздействия, Y — вербализованные смыслы относительно этой мишени, но эта схема (модель) авторами экстраполируется и на неметафорические послылы. Концептуальные установки (это понятие надо бы соотносить с термином «социальные установки», или «аттитюды» [Татарко 2018: 83]), будучи зашифрованными и в нейтральном, неметафорическом тексте, имеют «отрицательный коннотативный вектор в отношении мишени информационного воздействия» и направлены на ее «репутационный ущерб» [Гаврилов, Зарипов 2023: 164]. Приводится интересное наблюдение о негативизации образа мишени в ее же военных интересах. Методика дешифровки манипулятивных посылов, демонстрируемая в книге на целом ряде

показательных примеров [Там же: 140—142], имеет образовательно-просветительное значение.

Авторы приводят разнообразный иллюстративный материал, демонстрирующий ведение информационно-психологической войны против России западными массмедийными источниками, подчеркивая, что война против нашей страны находится в стадии предельной интенсификации. Поэтому нельзя не согласиться с тем, что без адекватного и комплексного противодействия в информационно-психологической войне «может наступить крах общества и государства» [Там же: 123].

ВЫВОДЫ

Рецензируемое научное исследование вполне может быть отнесено к категории патриотических. В книге выражается обеспокоенность тем, что народы России, будучи подверженными влиянию недобросовестных СМИ, западной пропаганды (продвижение американского образа жизни и культа потребления, трансляция западного видения культурно-исторических, военно-политических, социально-экономических реалий, подрыв традиционных российских ценностей и проч.), теряют свое социально-культурное наследие. Выход из этой ситуации авторы видят, среди прочего, в собственном идеологическом наполнении материалов государственных национально-ориентированных СМИ, так как если такового не будет — «будет чужеродное, деструктивное, хаотическое» [Там же: 188], и язык в этом играет далеко не последнюю роль.

Исследование Л. А. Гаврилова и Р. И. Зарипова вносит вклад в развитие лингвистики информационно-психологической войны, медиалингвистики, политической дискурсологии и медиакоммуникации. Оно, несомненно, будет востребовано широким кругом читателей, неравнодушных к судьбе своего народа и России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анисимова, Т. В. Современная деловая риторика : учеб. пособие / Т. В. Анисимова, Е. Г. Гимпельсон. — Москва : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 2002. — 432 с. — Текст : непосредственный.
2. Ахренова, Н. А. Доминанты современной интернет-лингвистики : 10.02.19 : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ахренова Н. А. — Мытищи, 2018. — 53 с. — Текст : непосредственный.
3. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. — Текст : непосредственный. — Москва : Издательство иностранной литературы, 1961. — 394 с.
4. Гаврилов, Л. А. Язык массовой коммуникации и информационная война / Л. А. Гаврилов, Р. И. Зарипов. — Москва : Ленанд, 2023. — 216 с. — Текст : непосредственный.
5. Горошко, Е. И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии / Е. И. Горошко. —

Текст : непосредственный // Жанры речи. — 2009. — Вып. 6. Жанр и язык. — С. 11–27.

6. Иванов, Л. Ю. Язык в электронных средствах коммуникации / Л. Ю. Иванов. — Текст : непосредственный // Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. — Москва : Флинта : Наука, 2003. — С. 791–793.

7. Копнина, Г. А. Триггерные высказывания как объект лингвистических исследований: проблема определения и критерии идентификации / Г. А. Копнина, А. Н. Поу (Забродина), Г. А. Цатурян. — Текст : непосредственный // Журнал Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки. — 2024. — 17 (5). — С. 916–925. — EDN: QJRUGR

8. Кронгауз, М. А. Русский язык на грани нервного срыва / М. А. Кронгауз. — Москва : Знак, 2008. — 231 с. — Текст : непосредственный.

9. Кушнерук, С. Л. Траектории исследования информационно-психологической войны в российской лингвистике / С. Л. Кушнерук. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 12–22. — DOI 10.26170/pl19-06-01.

10. Лингвистика информационно-психологической войны : моногр. Книга I / А. А. Бернацкая, И. В. Евсеева, А. В. Кологорова [и др.] ; под ред. проф. А. П. Сковородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. — 340 с. — Текст : непосредственный.

11. Морозова, О. В. Образ России сквозь призму информационно-психологической войны в медиатекстах // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. : в 2 кн. — Саратов, 2018. С. 124–132.

12. Татарко, К. И. Понятие социальной установки в системе научного знания социальной психологии / К. И. Татарко. — Текст : непосредственный // Журнал Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. — 2018. — № 2. — С. 83–88.

13. Хрулёва, Е. Русский язык за рубежом: каково реальное положение дел? / Е. Хрулёва. — 02.12.2022. — URL: <https://russkiymir.ru/publications/308029/> (дата обращения: 20.06.2024). — Текст : электронный.

14. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2003. — 248 с. — Текст : непосредственный.

15. Шестак, Л. А. Русский язык в мире и мир в русском языке: язык как будущее / Л. А. Шестак. — Текст : непосредственный // Известия Волгоградского педагогического университета. — 2011. — № 8 (62). — С. 102–109.

REFERENCES

1. Anisimova, T.V., & Gimpel'son, E.G. (2002). *Sovremennaya delovaya ritorika* [Modern business rhetoric]. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute, Voronezh: MODEK. 432 p. (In Russ.)

2. Ahrenova, N.A. (2018). *Dominanty sovremennoj internet-lingvistiki* [Dominants of modern Internet linguistics] [Abstract of Dis. of Cand. of Philology]. Mytishchi, 53 p. (In Russ.)

3. Balli, Sh. (1961). *Francuzskaya stilistika* [French stylistics]. Moscow: Publishing house of foreign literature, 394 p. (In Russ.)

4. Gavrilov, L.A., & Zaripov, R.I. (2023). *Yazyk massovoj kommunikacii i informacionnaya vojna* [The Language of Mass Communication and Information War]. Moscow: Lenand, 2023. — 216 p. (In Russ.)

5. Goroshko, E.I. (2009) *Internet-zhanr i funkcionirovanie yazyka v Internete: popytka refleksii* [Internet genre and language functioning on the Internet: a reflection attempt]. In *Zhanry rechi* (Iss. 6. Genre and language, pp. 11–27). (In Russ.)

6. Ivanov, L.Yu. (2003). *Yazyk v elektronnyh sredstvah kommunikacii* [Language in electronic mass media]. In *Kul'tura russkoj rechi* [Culture of Russian speech] (pp. 791–793). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)

7. Koptina, G.A., Rou (Zabrodina), A.N., & Caturyan, G.A. (2024). Triggernye vyskazyvaniya kak ob'ekt lingvisticheskikh issledovanij: problema opredeleniya i kriterii identifikacii [Trigger statements as an object of linguistic research: the problem of definition and its identification criteria]. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 17(5), 916–925. (In Russ.)

8. Krongauz, M.A. (2008). *Russkij yazyk na grani nervnogo sryva* [Language on the verge of a nervous breakdown]. Moscow: Znak, 231 p. (In Russ.)

9. Kushneruk, S.L. (2019). *Traektorii issledovaniya informacionno-psihologicheskoy vojny v rossijskoj lingvistike* [Trajectories of Information and Psychological War Research in Russian Linguistics]. *Political Linguistics*, 6(78), 12–22. DOI 10.26170/pl19-06-01. (In Russ.)

10. *Lingvistika informacionno psihologicheskoy vojny* [Linguistics of the information-psychological war] (Book I, 2017). Krasnoyarsk: Sib. Fed. Univ., 340 p. (In Russ.)

11. Morozova, O.V. (2018). *Obraz Rossii skvoz' prizmu informacionno-psihologicheskoy vojny v mediatekstakh* [The Image of Russia through the Prism of Information-psychological Warfare in Media Texts]. In *Problems of Verbal Communication: Interuniversity collection of scientific works* (In 2 books, pp. 124–132). Saratov. (In Russ.)

12. Tatarko, K.I. (2018). *Ponyatie social'noj ustanovki v sisteme nauchnogo znaniya social'noj psihologii* [Concept of attitudes in the system of scientific knowledge of social psychology]. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.*, 2, 83–88. (in Russ.)

13. Hrulyova, E. (2022). *Russkij yazyk za rubezhom: kakovo real'noe polozhenie del?* [Russian language abroad: what is the real situation?] Retrieved from <https://russkiymir.ru/publications/308029/> (in Russ.)

14. Chudinov, A.P. (2003). *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoj politicheskoy kommunikacii* [Metaphorical mosaic in modern political communication]. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 248 p. (In Russ.)

15. Shestak, L.A. (2011). *Russkij yazyk v mire i mir v russkom yazyke: yazyk kak budushchee* [The Russian language in the world and the world in the Russian language: language as the future]. *Izvestiya Volgogradskogo pedagogicheskogo universiteta*, 8(62), 102–109 p. (In Russ.)

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются как современные исследования зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Основная специальность: 5.9. — Филология

Научные направления:

5.9.5. «Русский язык. Языки народов России» (филологические науки)

5.9.6. «Языки народов зарубежных стран» (филологические науки)

5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика» (филологические науки)

5.9.9. «Медиакоммуникации и журналистика» (филологические науки)

Издательство: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 285

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-76161** от 8.07.2019

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в в Объединенный каталог «Пресса России». **Индекс 81955.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидат наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**. http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.

• Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ Р 7.0.100.-2018 (см. образец).

• Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):
 - Фамилия, имя, отчество автора полностью.
 - Ученая степень, звание, должность.
 - Полное и точное место работы автора.
 - Подразделение организации.
 - Открытые идентификаторы автора и исследователя — ORCID ID (для получения необходима регистрация на сайте <https://orcid.org>), SPIN-код (при наличии, оформляется на сайте elibrary.ru).
 - Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).
2. Название статьи.
3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).
4. Ключевые слова (5—10 слов).
5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.100—2018. Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно, Т. В. К логике социальных наук / Т. В. Адорно. — Текст : непосредственный // Вопросы философии. — 1992. — № 10. — С. 76—86.

Crawford, P. J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P. J. Crawford, T. P. Barrett. — DOI 10.1300/ J120v27n58 08. — Text : unmediated // The Reference Librarian. — 1997. — Vol. 3. — № 58. — P. 75—85.

Корнилов, В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве/отсосе / В. И. Корнилов. — Текст : непосредственный // Теплофизика и аэромеханика. — 2006. — Т. 13. — № 3. — С. 369—385.

Кузнецов, А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы / А. Ю. Кузнецов. — Текст : непосредственный // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — Москва : Научный мир, 2003. — С. 340—342.

МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Тарасова, В. И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов / В. И. Тарасова. — 2-е изд. — Москва : Проспект, 2006. — 412 с. — Текст : непосредственный.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С. Ф. Мартыновича ; Саратов. гос. ун-т. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1999. — 199 с. — Текст : непосредственный.

Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : ИНФРА-М, 2006. — 494 с. — Текст : непосредственный.

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов, В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке : специальность 05.25.05 «Информационные системы и процессы» : автореф. дис. ... канд. техн. наук / Глухов Виктор Алексеевич ; Институт научной информации по общественным наукам Рос. акад. наук. — Новосибирск, 2000. — 18 с. — Место защиты : Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН. — Текст : непосредственный.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин, В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : дис. ... канд. полит. наук / Фенухин Владимир Иванович ; Московский гос. открытый пед. ун-т им. М. А. Шолохова. — Москва, 2002. — 162 с. — Текст : непосредственный.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья : аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — Москва : ИМЭМО, 2007. — 39 с. — Текст : непосредственный.

ПАТЕНТЫ

Патент № 2122745 Российская Федерация, МПК G02B23/12, G02B26/06. Оптико-электронный аппарат : заявл. 02.07.1996 : опубл. 27.11.1998 / Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. ; заявитель ВНЦ «ГОИ им. С. И. Вавилова». — 1 з. п. ф-лы : ил. — Текст : непосредственный.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы : сб. ст. Первой межрегион. конф / [редкол.: д-р ист. наук А. Е. Леонтьев (отв. ред.) и др.]. — Ярославль : Ярославский музей-заповедник : Музей-заповедник «Рост. Кремль», 2003. — 350 с. — Текст : непосредственный.

Марьинских, Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) / Д. М. Марьинских. — Текст : непосредственный // Экология ландшафта и планирование землепользования : тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. — С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. библиотека, Центр правовой информации. — [Санкт-Петербург], 2005— . — URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/> (дата обращения: 18.01.2007). — Текст : электронный.

Логонова, Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей / Л. Г. Логонова. — Текст : электронный // Образование: исследовано в мире : междунар. науч. пед. интернет-журн. — 2003. — 21 нояб. — URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?номер=366> (дата обращения: 17.04.2007).

Российская национальная библиотека : официальный сайт. — Санкт-Петербург, 1998— . — Обновляется в течение суток. — URL: <http://www.nrl.ru/> (дата обращения: 20.02.2007). — Текст : электронный.

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Лэтчфорд, Е. У. С Белой армией в Сибири / Е. У. Лэтчфорд ; пер.: В. Крупник. — Текст : электронный // Восточный фронт армии адмирала А. В. Колчака : сайт. — URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Цена свободная

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2024. ВЫПУСК 4 (106)**

Адрес редакции:
620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, каб. 285.
Адрес учредителя:
620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет
Адрес издателя:
620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Для детей старше 16 лет.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019.
Подписано в печать 28.08.2024. Формат 60x84/8.
Дата выхода в свет: 30.08.2024.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Уч.-изд. л. — 41,2. Усл. печ. л. — 43,2. Тираж 500 экз. Заказ 5512.
Оригинал-макет отпечатан в издательском отделе
Уральского государственного педагогического университета
620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: uspu@uspu.ru